

Санкт-Петербургская психиатрическая БОЛЬНИЦА св. Николая Чудотворца

ТОМ

III

В.Х. КАНДИНСКИЙ

КОМИТЕТ ПО ЗДРАВООХРАНЕНИЮ ПРАВИТЕЛЬСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ БОЛЬНИЦА СВ. НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА
КАФЕДРА ПСИХИАТРИИ СЗГМУ ИМ. И.И. МЕЧНИКОВА

Санкт-Петербургская психиатрическая БОЛЬНИЦА св. Николая Чудотворца

К 140-летию

ТОМ

III

В.Х. КАНДИНСКИЙ

Санкт-Петербург
2012

ББК 51.1(2)
С18

Главный редактор *С. Я. Свистун*
Редакционный совет: *Е. В. Снедков, В. А. Точилов,*
В. А. Некрасов, И. С. Кофман

С18 **Санкт-Петербургская психиатрическая больница св. Николая Чудотворца. К 140-летию. Том III. В. Х. Кандинский.** — СПб.: «Издательско-полиграфическая компания «КОСТА», 2012. — 616 с., ил.

ISBN 978-5-91258-247-9

Данное издание представляет собой трехтомник, подготовленный к 140-летию Санкт-Петербургской психиатрической больницы св. Николая Чудотворца. Третий том составили наиболее значимые труды Виктора Хрисанфовича Кандинского, представляющие широкий спектр интересов автора, его огромную эрудицию, вклад в фундаментальные вопросы психиатрии, психопатологии, судебной психиатрии, психологии, философии.

Книга адресована всем интересующимся психиатрией, ее историей, историей медицины и Санкт-Петербурга.

На форзацах:

Людвиг Годлевский. «Вид больницы св. Николая Чудотворца и окрестностей (по птичьему полету)», 1875 год.

Фрагмент карты «План Санкт-Петербурга с ближайшими окрестностями. 1913» (приложение к адресной и справочной книге «Весь Санкт-Петербург», издание т-ва А. С. Суворина «Новое время»).

Санкт-Петербургская психиатрическая больница св. Николая Чудотворца
К 140-летию

Том III
В. Х. Кандинский

Корректор *Л. Н. Образцова*
Дизайн издания *М. Б. Малуева*

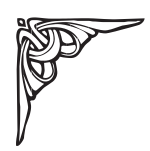
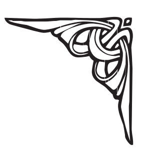
Оригинал-макет изготовлен ООО «ИПК «КОСТА»
СПб., Новочеркасский пр., д. 58, офис 413,
тел.: (812) 445-10-02

Подписано в печать 06.11.2012. Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Minion Pro.
Объем 56 п. л. Тираж 300 экз. Зак. №

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «ИПК «БИОНТ»
199026, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 86

ISBN 978-5-91258-247-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

Виктор Хрисанфович Кандинский принадлежит к плеяде великих талантов, которые в течение своего короткого, трагичного, но необычайно продуктивного творческого пути успевают оставить потомкам подлинные шедевры, опережающие время и определяющие вектор дальнейшего развития той или иной области человеческого познания. Научное наследие В. Х. Кандинского — это неувядаемая классика, неотъемлемая часть фундамента современной психиатрии.

Кандинский был рядовым практикующим врачом. Он не принадлежал к академическим кругам и не имел ученых званий. Но он обладал поистине энциклопедическими знаниями, широтой научных интересов, тонкой наблюдательностью, оригинальным мышлением, честностью и принципиальностью. Еще в 1874 г., задолго до «крепелиновской революции», юный врач Кандинский горячо поддержал в то время только лишь зародившиеся клинико-нозологические воззрения Кальбаума, а к 1882 г. создал собственную нозографическую классификацию душевных болезней, которая впоследствии была принята за основу на I съезде отечественных психиатров. Одна из выделенных Кандинским нозологических единиц — идеофрения — во многом предвосхитила будущее учение Блейлера о «группе шизофрений». Вместе с Балинским и Корсаковым Кандинский стоял у истоков учения о психопатиях. В жарких дебатах с некоторыми авторитетными психиатрами Кандинский сумел обосновать и отстоять необходимость обязательного, ныне общепринятого дополнения медицинского (психиатрического) критерия невменяемости критерием юридическим (психологическим). Исключительно ценны оставленные Кандинским филигранные описания психопатологической симптоматики, сопровождаемые глубоким ее анализом и патофизиологическим объяснением. Прежде всего речь идет о принесшем ему мировую известность учении о псевдогаллюцинациях. Кандинский отграничил их не только от истинных галлюцинаций, но и от тех симптомов отчуждения, которые не относятся к патологии чувственных представлений и ныне, благодаря Клерамбо, именуются психическими автоматизмами. Поразительно, что представленные Кандинским схемы взаимодействия пораженных и функционально сохранных мозговых центров, объясняющие возникновение и отличия истинных и псевдогаллюцинаций, псевдогаллюцинаторных псевдовоспоминаний, сновидных галлюцинаций, сновидений, насильственного говорения, находят полное подтверждение в современных исследованиях с применением методов функциональной нейровизуализации.

Жизненный подвиг Кандинского состоял и в том, что, страдая от приступов периодического психоза, он в периоды интермиссий точно описывал и беспристрастно анализировал не только богатый клинический опыт, но и собственные болезненные переживания.

Кандинскому не суждено было увидеть публикации двух своих фундаментальных трудов — «О псевдогаллюцинациях» и «К вопросу о невменяемости». Изданы они были уже после его смерти в 1890 г., да и то не психиатрическим сообществом, а по инициативе и за счет средств его жены. Переиздания монографии «О псевдогаллюцинациях» произошли только в 1952 г. и в последнее десятилетие. Сегодня это единственное произведение Кандинского, которое доступно широкому кругу читателей. Изданием данной хрестоматии, в которую, помимо клинических и судебно-психиатрических трудов

Кандинского, вошли его интереснейшие работы по психологии и философии, а также наиболее ценные работы о самом Кандинском, мы хотим искупить вину психиатров в незаслуженном забвении его уникального творчества и одновременно вернуть психиатрам то, что всегда должно было быть их настольной книгой.

Тексты Кандинского далеки от жанра беллетристики. Они требуют бережного и вдумчивого прочтения. Получение в этом случае читателем истинного интеллектуального удовольствия и огромной для себя пользы гарантировано.

Некоторые пояснения по поводу публикации его классического произведения «О псевдогаллюцинациях». Как известно, на русском языке монография впервые была издана уже после смерти автора его супругой Елизаветой Карловной Фреймут-Кандинской в 1890 г. Очень близким к русскому изданию было немецкое издание книги: «Kritische und klinische Betrachtungen in Gebiete der Sinnestauschungen» 1895 г., но в русском издании не было «Предварительных замечаний», открывающих немецкое издание монографии. Мы сочли целесообразным включить этот отрывок в настоящее издание[1]. Переиздание «Псевдогаллюцинаций» в 1952 г. по инициативе и под редакцией А. В. Снежневского, по сути, вернуло книгу широкому кругу отечественных психиатров. Редактор написал предисловие, биографический очерк, примечания. Однако А. В. Снежневским были «…опущены утратившие какое-либо значение ссылки, схемы, изображающие происхождение галлюцинаций и псевдогаллюцинаций, и изложение гипотезы об объективирующем „Х“»[2]. Редакционный совет настоящего издания счел целесообразным и необходимым предложить читателю авторский вариант классического труда Кандинского — «без ретуши и подчисток». Мы полагаем интересным и полезным включить в издание как статьи А. В. Снежневского из упомянутого издания, так и работы Л. Л. Рохлина, опубликованные в ряде номеров «Журнала невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова»[3]. Из «Примечаний» А. В. Снежневского сохранены и включены в настоящее издание те, которые не относятся к редакторской правке текста. Напомним читателю, что практически исчерпывающей биографией В. Х. Кандинского является прекрасная монография профессора Леона Лазаревича Рохлина, опубликованная впервые в 1975-м[4] и переизданная в 2004 г.[5] Редакция выражает благодарность профессорам П. В. Морозову и В. Лернеру за разрешение включить в сборник их прекрасные статьи о синдроме Кандинского—Клерамбо.

Профессор Е. В. Снедков

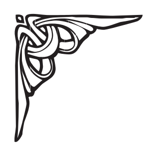
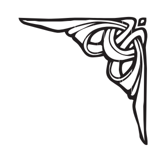
[1] *Кандинский В. Х.* Вступительная глава к книге «Критические и клинические соображения из области обманов чувств» с вступительным текстом Л. Л. Рохлина // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1971. Том LXXI, вып. 11. С. 1713–1718.

[2] *Кандинский В. Х.* О псевдогаллюцинациях / Составил предисловие, подготовил текст, биографический очерк и примечания А.В. Снежневский. М.: Медгиз, 1952. С. 20.

[3] *Рохлин Л. Л.* Философские и психологические воззрения В.Х. Кандинского // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1969. Том LXIX, вып. 5. С. 755–761; *Его же*. Психопатологические воззрения В.Х. Кандинского // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1971. Том LXXI, вып. 7. С. 1084–11089; *Его же*. В. Х. Кандинский как психолог // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1972. Том LXXII, вып. 4. С. 584–594; *Его же*. Клинические воззрения В.Х. Кандинского // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1977. Том LXXIV, вып. 4. С. 608–616.

[4] *Рохлин Л. Л.* Жизнь и творчество выдающегося русского психиатра В. Х. Кандинского. М.: Медицина, 1975. 296 с.

[5] *Рохлин Л. Л.* Жизнь и творчество выдающегося русского психиатра В. Х. Кандинского. М., 2004. 288 с.

ОБЩЕПОНЯТНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ
Виктора Кандинского

Печатается по изданию:
Кандинский В. Х. Общепонятные психологические этюды. I. Очерк прежних и современных воззрений на психическую жизнь человека и животных. II. Нервно-психический контагий и душевные эпидемии. — М.: Изд. А. Ланга, 1881. — 235 с.

ОБЩЕПОНЯТНЫЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

Виктора Кандинскаго.

I.

ОЧЕРКЪ ПРЕЖНИХЪ И СОВРЕМЕННЫХЪ ВОЗЗРѢНІЙ НА ПСИХИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА И ЖИВОТНЫХЪ.

II.

НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКІЙ КОНТАГІЙ И ДУШЕВНЫЯ ЭПИДЕМІИ.

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА А. ЛАНГЪ.
1881.

СОДЕРЖАНИЕ

Нервно-психический контагий и душевные эпидемии

I. Факт душевных эпидемий и коллективного безумия. — Рефлективные и автоматические движения и действия. Естественный сомнамбулизм; примеры этого болезненного состояния. — Автоматизм мысли и «мыследвигательные» действия. Значение чувства. Роль рассудка. — Патологические состояния сознания. Экзальтация; экстаз; галлюцинации и иллюзии. Проявление в болезненном состоянии способностей, не замечавшихся в нормальном состоянии.

II. Имитация и нервная контагиозность. Значение подражательности. Заразительность движений и действий. Заразительность аффектов и душевных движений. — Инстинкт стадности. Коллективный энтузиазм. Паника. — Заразительность идеи. Заразительность болезненных душевных проявлений. Заразительность преступлений. Заразительность судорог. — Коллективные галлюцинации.

III. Исторические душевные эпидемии. — Крестовые походы детей. — Эпидемия самобичевания. — Эпидемическая хореомания. Тарентизм. — Демонолатрия и демономания. Зоантропия. Вампиризм. — Эпидемическая теомания. Анабаптисты. Севеннские пророки. Конвульсионеры. — Эпидемии XIX века. — Спиритическая эпидемия; ее возникновение и распространение. — Спиритические сеансы и медиумы. — Сходство между явлениями гипнотизации и медиумическими явлениями. — Научные опыты гипнотизирования. — Общее объяснение спиритических и медиумических явлений.

Общее заключение

Очерк прежних и современных воззрений на психическую жизнь человека и животных

«Impossibile est in uno homine esse plures animas per essentiaim differentes, sed una tantum est anima intellectiva, quae vegetativae et sensitivae et intelletivae officiis fungitur».

Фома Аквинат

Цель настоящей статьи — дать, в возможно общедоступной форме, краткий исторический обзор воззрений, как старых, так и новых, на психическую жизнь человека и животных. При историческом порядке мы будем видеть взаимную связь психологических теорий различных мыслителей, и для нас ясно обрисуется постепенный прогресс мысли в понятиях о душе и о ее деятельности; рассмотрение современных воззрений даст нам

возможность представить очерк научной психологии настоящего времени и сообщить важнейшие открытия последних лет в *физиологии мозга*, составляющей теперь основание *научной психологии*. Но физиологическая и вообще научная психология есть продукт нашего времени, прежняя же психология имеет характер априорный или метафизический; тем не менее она не может быть выкинута из истории психологии уже потому, что метафизическое направление есть непременный фазис в истории человеческой мысли. При очерке *метафизической психологии*, естественно, придется коснуться философии, так как априорная психология есть часть философии. Но отвлеченному мышлению философов всегда предшествовали *религиозные понятия* и *верования*, как продукт естественной деятельности нашего мышления, и нам кажется не лишним сказать несколько слов о верованиях по отношению к душе. К числу верований мы относим также понятия о душе анимистов и спиритистов, насколько эти понятия не основаны на логическом мышлении, а выставляются как продукт нравственного убеждения или откровения.

I

Даже первобытные народы, напр. дикари, не лишены представлений о душе, как о чем-то, что движет и управляет телом. Образованию представления о душе всего более способствовал обыденный факт смерти. Вот человек, который вчера еще мог жить, т. е. есть, пить, двигаться, говорить; сегодня же он лежит холодным и неподвижным трупом. Перемена слишком заметна. В чем же она заключается? Ясно, что исчезло что-то, что было вчера и позавчера, т. е. исчезла жизнь. Может быть, она исчезла навеки и безвозвратно… Но сделать такое предположение дикарю труднее, чем допустить, что, хотя жизнь, по-видимому, исчезла, но только потому, что она продолжается невидимо, за гробом. Вот естественное предположение о загробной жизни, от которого уже не далеко до представления о бессмертии души. Загробная жизнь уже потому должна быть более совершенной, чем жизнь земная, что первая невидима и неуловима для смертных. Наконец, будущая жизнь может быть вознаграждением за трудности настоящей жизни. Смерть, во всяком случае, есть зло, которого в будущей жизни не должно уже быть. Так возникает вера в бесконечное загробное существование.

В происхождении представления о душе, по мнению *Спенсера* (Осн. социологии, т. I), играют большую роль сновидения. Первобытный человек верит в действительность сновидений и полагает, что он имеет двойника, уходящего от него порой, действующего на стороне и опять возвращающегося. Отсюда — отделение видимого и невидимого человека. Только когда предполагаемый двойник, мыслимый первоначально совершенно сходным

со своим оригиналом, претерпевает различные видоизменения и постепенно лишается большей части своих физических свойств, несогласимых с фактами, только тогда устанавливается понемногу представление о нашем духовном *я* таким, каким мы представляем его себе теперь. Понятие о душе и ее бессмертии всегда идет параллельно понятию о божестве. Переселившись в лучший мир, душа приближается к божеству. Если понятие о божестве слишком первобытно и грубо, то так же грубо и просто понятие о загробной жизни. После смерти человек, или душа его, живет так же, как до смерти; он ест, пьет, охотится, веселится, только не хворает и не умирает. Жители островов *Фиджи* не только верят в загробную жизнь, но и убеждены, что человек, умирая, немедленно просыпается в лучшей жизни. Из нетерпения переселиться в этот лучший мир они почти никогда не доживают до старости, потому что при приближении ее они добровольно позволяют себя хоронить живыми. Боги их такие же дикари и людоеды, как они сами. *Маори* или *новозеландцы*, тоже людоеды, верят в бессмертие души, однако миссионеры никак не могли убедить их в истине догмата о воскресении тела. *Таитяне* кладут рядом с умершим его оружие, а также запас пищи и питья. Они полагают, что в будущей жизни есть две степени блаженства, высшая — для начальников, и низшая — для черни. Они не верят, чтобы их поступки на земле могли иметь какое-либо влияние на состояние их душ после смерти. Религия *эскимосов* самый грубый фетишизм, тем не менее их обычаи при погребении указывают на веру в загробную жизнь. Североамериканские *индейцы* верят в Великого Духа и в бессмертие души, хотя и не имеют религиозного культа. *Патагонцы* при погребении убивают лошадей для того, чтобы покойник мог пользоваться ими в «Алхуе-Мапу», или «стране мертвецов». Некоторые Южноамериканские *индейцы*, по словам миссионеров, не имеют никакой религии и ни малейшего представления о загробной жизни. То же говорят относительно многих других малоразвитых дикарей. Однако почти все дикари верят в колдовство.

Если первая ступень религии есть более или менее грубый *фетишизм*, то второй будет *пантеизм*, или религия природы. Здесь Бог есть внутренняя жизнь природы, важнейшие явления которой считаются проявлениями Божества. Сюда относятся древние религии персов, египтян, индийцев, китайцев.

Религия *персов* исходит из борьбы божественной мысли, или добра (Ормузда) с материей, или злом (Ариманом). Продуктом этой борьбы является мир вместе с человеком. Дух человека — божественная мысль, или *феруэр*[1], нисходящий во время рождения с неба, тело — материя. Если

[1] Все высшие и низшие духи, кроме Высшего Божества, имеют своего рода материю и называются *феруэрами*. См. *Новицкого*, Развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований. Киев, 1860.

человек во время своей земной жизни содействовал торжеству добра над злом, то после смерти дух его принимается в жилище бессмертных; духи злых низвергаются в ад и, по очищении их более или менее продолжительными муками от Аримановского элемента, становятся также блаженными. У персов человек состоит из трех элементов — тела, души, духа, из которых первые два смертны.

Религия древних египтян имеет основой идею Божества, завладевающего, как внутренняя форма, материей и проявляющегося в органической жизни природы. Это частая форма пантеизма. По верованию египтян, в начале земля и воздух были населены блаженными духами божественного происхождения, соединенными, впрочем, с тонкой и невидимой материей. Но в наказание за то, что они хотели проникнуть в чертоги высших восьми божеств, они были заключены в земные тела; от них произошли люди. Таким образом, человек есть объединение материи и духа; смертный по телу, он бессмертен по духу. Человеческие души, следовательно, существуют до воплощения своего в теле (это допускали, как уводим позже, Пифагор и Платон). Проходя, перед соединением с телом, по небесным пространствам, этот дух, происходящий от божественной субстанции, предварительно соединяется с душой. Если дух не довольно очистился на земле, то по смерти тела он переводится в тело другого человека, в животное или растение. Очистившийся дух, по смерти тела, возносится на небо, там, в сфере планет, освобождается от души и затем вступает в блаженное жилище богов.

Если пантеизм египтян имеет оттенок реализма, то *индийский* пантеизм отличается идеалистическим характером. По религии *брамаизма*, Великий Брама, проявляющийся в божественной троице (Брама, Вишну и Сива, или, в женских началах, Сарасвати, Сри и Бавани), сотворил мир духов различных чинов, с разной степенью совершенства. Возмутившиеся духи были низринуты в кромешную тьму (Андакара). После, по благости Вечного, им было назначено для покаяния и исправления тело человека. Павшие духи, пройдя 7 адских кругов наказания, очищаются в продолжение более или менее долгого времени в телах людей или животных, переселяясь из одного в другое, после чего, соответственно степени своего совершенства, занимают место в одной из 7 небесных сфер. Души человеческие, несмотря на то, что суть падшие духи, сохраняют образ Божества. Человеческая душа по природе двояка. Разумное ее начало, или Дживатма есть божественная сущность, сознающая душа, или чувственная (Пранатма), теснее связана с материей. Тело человека составлено из пяти стихий. Душа заключена в мозге, как в сосуде. По отделении души от тела последнее распадается на свои стихии, а душа, после суда над ней, продолжает свое скитание по телам животных или по небесным сферам, пока, очистившись совершенно, не сольется с божественной субстанцией. Только один дух есть

вечная реальность, материя же не более как временное вместилище для духа.

По учению *Будды*, жившего в VI веке до Р.Х., вся вселенная состоит из трех миров — мира желаний, мира форм и мира бесформенности. К миру желаний принадлежат животные, люди, духи добрые и злые; мир форм есть мир покоя и внутреннего созерцания; бесформенный мир есть мир высших существ, ищущих абсолютного совершенства. Человек состоит из пяти элементов: тела, ощущения, чувства, душевных способностей и разума. Душа проявляется в своей деятельности, изменения которой суть изменения самого существа души. По смерти видимого человека невидимое существо его (тонкоматериальное) путем последовательных перерождений или достигает высшего блаженства, или доходит до мучений ада. Но самый высший удел — это достигнуть *нирваны* или *ниродьı* (т.е. выйти из ряда живых существ, перейти в абсолютное небытие), чем рано или поздно кончают все будды, т.е. все высшие существа.

Взглянем на индийскую философию, развившуюся на почве религиозных верований, именно на систему *Патанджали*, отличающуюся синтетическим воззрением на душу. Реальное проявление Бога есть Мировой Дух; происходящие от него души также божественны. Но соединяясь с тонкою материальною оболочкою, состоящей из 18 начал, они обособляются от Мирового Духа и, вступая в более грубые тела, совершенно отрешаются от Божества, все более погружаются в природу, заражаются мрачным элементом последней (тьмою) и погрязают в грехе. Освобождение души начинается *духовным познанием* или *созерцанием* сущности вещей и Бога, вторая ступень есть *полное отрешение от волнений и страстей*, третья — *добродетель*. На дальнейшей степени совершенства душа достигает *чудодейственной силы* (вибути) и тогда может господствовать над природой. Самая высшая ступень совершенства есть сосредоточенное *созерцание высшего бытия* (самади) с полным отрешением от внешнего мира. В заключение, в состоянии экстаза душа *достигает единения с Богом*.

По учению другого индийского философа *Готамы*, душу можно освободить от уз материи только посредством истинного знания о душе. Источники познания суть: наблюдение, наведение, сравнение и предание вместе с откровением. Большинство истин не познаются непосредственно, но требуют доказательств, прямых (умозаключений) или непрямых. Доказательства дают достоверность, а знание — свободу духа.

Душа есть реальность, духовная и бесконечная, имеющая родство с Верховным Разумом, но подверженная заблуждениям, потому что она соединена с телом. Душа соединяет в себе способности разума и воли. Ей присуще особое внутреннее чувство (manas), позволяющее ей познавать внешние предметы и внутреннюю жизнь. Внешних чувств пять. Душа совершенно отлична от материального тела, живущего вследствие своей жиз-

ненной силы (tchechta). Освобождение совершается после долгих странствий по различным телам, путем познавания истины и отрешения от своей воли.

По древним религиозным верованиям *китайцев*, основание всего — *Тао*, или разумный порядок вещей, объединяющий в себе все противоположности, напр., бытие и небытие, положение и отрицание (очевидно, это то же, что абсолют Гегеля). Все существующее на небе и на земле бессознательно и достигает самосознания лишь в человеке, представляющем единство духа и материи. Человек состоит из тела и разумного духа (ling), связанных между собой низшей душой (huen). При преобладании духа человек после смерти становится блаженным, при господстве низшей души он за гробом становится духом природы. Воззрения китайских философов *Лаоци* и *Конфуция* в сущности, по отношению к душе, мало отличаются от древних верований.

Религиозные понятия *классического мира* всем известны, и о них нам нет надобности говорить. Учение философов классической древности будет изложено ниже. Религия древних греков есть религия *личности*. Боги их совершенно антропоморфны и отличаются только бессмертием. Душа за гробом также продолжает личное существование и, смотря по заслугам, становится полубогом, или вечно скитается в царстве теней, или, наконец, мучится в Аиде.

Христианское учение о бессмертии души изложено в Св. Евангелии и в посланиях Апостольских, по преимуществу у Апостола Павла, а также развито Отцами Церкви. Во избежание недоразумений заметим следующее: бессмертие души есть христианский *догмат*, в который остается только верить. Психология, как наука, не может ни подтвердить его, ни опровергнуть. Вера и знание суть совершенно различные области, что справедливо различает Православный Катехизис: вера есть произведение сердца или религиозного чувства, не только реального, но даже могучего деятеля в исторической жизни; знание есть продукт ума; первая имеет предметом непостижимое, знание — постижимое. Тут не может быть никакой точки соприкосновения. Психология, как наука, занимается в душе, естественно, только тем, что в ней постижимо, т. е. законами психических явлений, их взаимной связью и их органическими причинами. Таков именно характер новейшей научной и физиологической психологии, которая меньше, чем какая-либо другая психология, может становиться вразрез с верой.

К верованиям можно отнести также понятия о душе *анимистов* и *спиритуалистов*.

Теория о бесплотной и бессмертной душе, продолжающей *личное* существование за гробом, у первых основывается частью на нравственном убеждении о будущей жизни, частью на некоторых малопроверенных фактах из области таинственных способностей души, неразъясняемых, как они говорят, научной психологией, частью на quasi-психологических соображе-

ниях. Воззрения спиритуалистов основываются главным образом на непосредственных откровениях из «мира духов».

Как образчики анимизма мы можем взять профессора Бернского университета *Перти*, доктора медицины и философии, человека, хорошо знакомого с физиологией и психологией (он принадлежит к гербартовской школе), но главным образом специалиста по части «таинственных явлений человеческой природы» или, как он выражается, «магических явлений» (главные его сочинения: Blicke in das verborgene Leben des Menchengeistes, Die mystischen Erscheinungen der menschlichen Natur, 2 Bände, 1872, Die Natur im Lichte philosophischer Anschauung и пр.), и *Корнелиуса*, также гербартианца, в частностях хорошего психолога, написавшего, напр., кроме Die Wechselwirkung zwischen Leib und Seele, капитальное сочинение Die Theorie des Sehens und räumlichen Vorstellung (1861) и Grundzüge einer Molecular-Physik (1866). В книге «Мистические явления человеческой природы» собрана масса фактов, частью несомненных, частью возможных, частью вовсе невероятных и мало проверенных — относительно разных таинственных явлений животного магнетизма; ясновидения, психического воздействия одного человека на другого на далеком расстоянии, экстаза и т. п. Старательное изучение этих явлений привело Перти к таким выводам: 1) существуют особые силы и обусловливаемые ими явления (одни из них чувственны, другие сверхчувственны), которые не могут быть объяснены на основании известных до сих пор естественных и психологических законов, но требуют признания законов высшего порядка; эти силы и явления могут быть названы *магическими*; 2) различные явления, приписываемые в прежнее время богам, духам, дьяволу и т. д., несомненно обусловливаются *людьми*, одаренными особой (магической) силой, проявляющеюся только в некоторых личностях и при определенных условиях; 3) магическая сила, в высоком смысле, есть нечто, независящее от условий пространства и времени, нечто всеобщее и всемогущее, одним словом, нечто, представляющее характер Божественности, из чего следует, что человеческий дух близок, по существу, к Духу Божественному.

По мнению Перти и Корнелиуса, душа есть жизненный принцип, разлитый по всему телу, но сосредоточивающийся преимущественно в головном мозге; но из этого не следует, что она составляет функцию последнего; душа связана с мозгом потому, что он специально приспособлен для того, чтобы действовать на внешние предметы и получать от них впечатления. Душа есть субстанция нематериальная, простая, неделимая, имеющая способности чувствования, мышления и воли; она получает возможность действовать как на собственное тело, так и на внешний мир только в связи с центральной нервной системой и с органами чувств. Таким образом, психические явления не могут быть сравниваемы с движениями пространственными и не объясняются деятельностью и группировкой мозговых

частичек. Для души необходимо особое вместилище (Träger) из тонкой материи, атомы которой отличны от грубых атомов тела; только в таком вместилище или субстрате могут развиваться и различным образом связываться между собой представления, как внутренние состояния этих тонких атомов, которые, образуя одно целое, обусловливают единство сознания. По Корнелиусу, душу можно считать единственным в своем роде, особо тонким атомом, вступающим во взаимодействие с атомами тела (Wechselwirkung zwischen Leib und Seele). Сама по себе душа, как и всякая неделимая реальная единица, не имеет никакой активности, и, как potentia, лишена действительных ощущений, представлений и воли. Эти явления, как деятельности души, освобождаются при действии на душу чувственных раздражений. Душа животных также нематериальна, но не «духовна» и не лична. Животные лишены разума, также как самосознания и свободной воли; вся их душевная деятельность ограничивается ощущением и знакомством с отдельными предметами. (Разумеется, Перти не прав, утверждая, что душа животных безлична и лишена самосознания; всякий беспристрастный наблюдатель знает, что животные, напр. птицы, которых очень удобно иметь на глазах сразу в значительном количестве, имеют каждая свою индивидуальность, свой личный характер, свои наклонности и способности.) «Душа, как жизненный принцип тела, получает свое происхождение от родителей, чем и обусловливается ее эмпирическая индивидуальность. Но через слияние ее с созданным Богом духом она становится разумной душой, получает печать бессмертия и вечности и, таким образом, приобретает характер личного, индивидуально определившегося существа, с непрерывностью своих состояний, т. е. с сознанием и воспоминанием». «Различие индивидуального характера обусловливается различием родителей, народов, рас; общее между всеми людьми есть разумный дух, одинаковый у всех» (*Perty*, Die myst. Erschein. d. menschl. Natur). Когда тело становится неспособным воспринимать влияние души, тогда связь между телом и душой прекращается. Тело, лишенное своего жизненного принципа, распадается на составные части, душа перестает получать впечатления от внешнего мира, теряет общее чувство и сознает себя отделенной от тела и внешнего мира. Но внутренняя деятельность ее не прекращается; напротив, жизнь представлений продолжается в ней с большею живостью, чем при соединении с телом, и старые, давно погасшие представления возникают с необычайной яркостью. Представления нуждаются в теле и его органах для своего происхождения, но, раз возникши, они остаются вечной собственностью души, даже и после отделения ее от тела. Лучшие люди чувствуют только сожаление о своей земной жизни и снова переживают с реальной ясностью пережитое и перечувствованное во время телесной жизни. Другие должны выносить душевную боль и жгучее раскаяние из-за ошибок и проступков, совершенных при жизни, так как нравственное чувство после

смерти, не нарушаясь чувственными интересами, становится более строгим и неумолимым, чем прежде. Но после более или менее продолжительного времени наступает в душе состояние равновесия, раньше у тех, которые при жизни имели счастье достичь нравственного примирения и душевной гармонии, позже — у людей страстных и мятущихся духом (*Perty*, указ. сочин. *Cornelius*, Die Wechselwirkung zwischen Leib und Seele. 1871). Перти даже полагает, что по вступлении души в мир духов она начинает получать сообщения от других духовных существ; этим дается возможность дальнейшего усовершенствования души, цель которого есть приближение к Богу. Продолжение развития за гробом обусловливается взаимным общением духовных существ. Разумеется, при сохранении душой ее индивидуальности, она сохраняет и свои особенности, зависящие от различия пола и характера. Предоставляем самим читателям разобрать — что у Корнелиуса и Перти, в их общих воззрениях на душу, принадлежит к научной теории, что относится к верованиям. Другие авторы подобного же направления не думают, что душа человека создается в момент рождения, как полагают Перти и вообще *креатинисты*, а считают ее предсуществовавшей от века (*престабилисты*). Такое же представление существует во многих древних религиозных учениях, также у Пифагора и Платона.

Очевидно, что от анимистического учения о душе недалеко до верований спиритуалистов (спиритов). Известно, что в настоящее время спиритуализм, т. е. вера не только в существование духов или душ прежде живших людей, но и в возможность общения с ними здесь, на земле, разделяется многими миллионами людей, особенно в Англии и Америке. Спиритуалисты составляют теперь большое религиозное общество или секту, создавшую собственную религию, имеющую свои таинства, свое откровение и своеобразную обширную литературу. О существовании души за гробом спиритуалисты заключают из несомненного для них факта возможности общения с духами на земле; подробности же загробной жизни взяты из откровения или из непосредственных сообщений духов. Как пример достаточно привести откровение, полученное от духа своего отца Робертом *Гэром*, профессором химии Пенсильванского университета, известным ученым, сделавшим много важных оригинальных работ по химии, и в то же время глубоко убежденным спиритуалистом. Как известно, спиритисты получают сообщения от духов посредством постукиваний, производимых духами, посредством движений стола (причем или число движений стола указывает буквы, или же стол приводит в движение указатель, движущийся по циферблату с азбукой), или, наконец, посредством медиумов. Откровение Гэра получено на азбучном циферблате, прочитано потом невидимому автору сообщения, и таким образом редактировано им. Сущность этого сообщения состоит в следующем: «Мир духов» лежит на расстоянии от 60 до 120 английских миль от поверхности земли. Все это

пространство, со включением части пространства, прилегающей к земной поверхности и принадлежащей смертным, разделяется на 7 концентрических областей или сфер. Человеческая сфера есть первая сфера или *рудиментарная*, остальные — *духовные* сферы. Шесть духовных сфер состоят из особой тонкой материи с жизнетворной атмосферой, и в них существуют величественные горы, живописные долины, леса, реки и моря, — все то же, что существует на земле, только в более прекрасном и совершенном виде. Чем выше сфера, тем богаче и совершеннее ее тонкоматериальная природа. Сферы эти вращаются около солнца вместе с землей, но освещаются не нашим солнцем, а концентрическим с ним «духовным солнцем». Существование сфер и ход явлений в них обусловливаются строгими законами, неодинаковыми для каждого круга. Жизнь духов или душ прежде живших людей также регулируется определенными внутренними законами, исходящими от Бога и передающимися в каждую сферу ангелами. Но вообще образ правления там аристократический; Бог оставляет каждую сферу управляться по своему, и живущие там духи подчиняются авторитету духов, отличающихся моральными и интеллектуальными достоинствами и составляющих правительство этих небесных олигархических республик. Степень нравственного и умственного совершенства духов различна, смотря по сфере. Души ученых людей и людей добродетельных сразу занимают высокое место и прямо попадают, напр., в пятую сферу. Души людей, менее развитых и менее нравственных, должны начинать со второй. Дух Вашингтона находится в самой высшей сфере. По мере нравственного и физического преуспевания духи переводятся из низших сфер в высшие. Низшие духи и на небе, подобно «меньшим братьям» на земле, занимаются более механическими и грубыми работами, непосильными высокоразвитым высшим духам. Низшие духи, напр., употребляются для передвижения материальных предметов при спиритических сеансах и вообще служат посредниками между высшими духами и смертными. Бывают легкомысленные и малоинтеллигентные духи, которые нуждаются даже иной раз в исправительных наказаниях. Каждая сфера делится в социальном отношении на шесть провинций или обществ, и каждая имеет учителей из высших сфер. Бессмертные духи, так же как и мы, занимаются всякими науками и искусствами, только источники их знания гораздо доступнее и обильнее, чем наши. В отношении науки и на небе имеет место бесконечный прогресс. Вообще, — все условия и порядки жизни на небе, сообщаемые Гэром в главных чертах, до такой степени похожи на наши, конечно, в исправленном и улучшенном виде, что скучно все это пересказывать. Желающие знать подробности могут обратиться к сочинению Гэра: «Experimentelle Untersuchungen über Geistermanifestationen». Прибавим, что по сообщениям, полученным Гэром от духов многих из его прежних друзей, процесс смерти нисколько не страшен,

по крайней мере для лучших людей. Кажется, что просто просыпаешься, и иной раз не сразу даже поймешь, что находишься уже за пределами земной юдоли. Заметим также, что на том свете, как оказывается, и «женятся и посягают». Супругам, переселившимся в духовные сферы, предоставляется на выбор или продолжать сожительство друг с другом, или вступить в новый брак с другими душами.

Говоря о спиритуалистах из ученых, нельзя не упомянуть об *Альфреде Уоллесе*, знаменитом сопернике Дарвина по открытию теории естественного подбора. Уоллес замечателен по своей попытке примирения спиритуализма с естественными науками. В небольшом произведении, озаглавленном «Научное воззрение на сверхъестественное» (The scientific aspect of the supernatural, London, 1866), он, соглашаясь с Тиндалем относительно невозможности чудес, как явлений, выходящих из сферы закона сохранения силы, тем не менее говорит, что чудо может быть только видимым, т. е. зависеть от какого-нибудь закона природы, до сих пор еще не открытого. Он полагает, «что без малейших противоречий нашим знаниям о природе и ее законах мы можем допустить, что существуют разумные существа, способные действовать на материю, хотя сами они непосредственно не доступны нашим чувствам. Эти существа должны состоять *из самой тонкой, эфироподобной материи*. Ведь наука допускает же, что существует особая тончайшая и невесомая материя — эфир, движениями которой объясняются всевозможные явления природы, свет, теплота, электричество, магнетизм «и, вероятно, также жизненная сила и тяготение». Если таковые эфирные и разумные существа действительно существуют (что, по мнению Уоллеса, несомненно доказывается явлениями спиритизма и другими таинственными явлениями, засвидетельствованными людьми учеными и заслуживающими абсолютного доверия), то нет никакого основания не допустить, чтобы они не могли пользоваться теми эфирными силами, которые составляют источник всех известных нам явлений — электричества, магнетизма и пр. Если движение эфира доступно нашим чувствам только в форме света, электричества и др., то из этого еще не следует, чтобы эфирные существа не имели других, высших способов восприятия, так же непохожих на наши, как зрение непохоже на слух. Ведь мы не можем отвергать, что кроме тех движений эфира, которые доступны нашим чувствам, могут быть бесконечные виды колебаний, нам вовсе недоступных; почему же не могут существовать организации, способные воспринимать эти движения? Действительно, верующие в бессмертие души не должны видеть ничего удивительного в существовании сверхчувственных эфирных существ, имеющих способы познания, отличные от наших, и потому в отношении разума стоящих выше нас. Нет даже необходимости, чтобы «духи» (мы говорим прямо «духи», потому что Уоллес верит в «духов» в том же смысле, как и все спиритисты) непременно стояли выше смертных в умственном

отношении. На земле каждый день умирает множество людей, стоящих очень невысоко в умственном и нравственном отношении, и души их, прежде чем успеют усовершенствоваться в загробном мире, должны быть много ниже по уму и развитию наших высокоразвитых ученых и философов. Эфирные духи, хотя бы они и пользовались силами, нам недоступными, не должны считаться сверхъестественными. Общие законы природы, напр. неуничтожимость материи, закон сохранения силы,— и для них имеют то же значение, как и для нас. *Сверхчувственный мир не есть мир сверхъестественный*; это — продолжение нашего мира, только в виде менее грубом и более совершенном, и закон непрерывного развития так же действителен в том мире, как и в этом.

При всей видимой логичности воззрений Уоллеса можно ему возразить следующее. Не доказано, чтобы те явления (предполагая, что они строго проверены и очищены от всяких умышленных и неумышленных преувеличений), по которым спиритисты считают несомненным существование духов, не могли быть объяснены другим образом, напр. психологически, при помощи известных нам законов психической деятельности, или законов, еще подлежащих открытию. Не доказано и также, чтобы душа могла существовать независимо от тела (мы говорим о научном доказательстве и не думаем касаться веры, как факта совсем другого порядка), не доказано, что душа связана с особой тонкой материей, отличной от тела, а не с грубыми атомами нервной ткани. Далее, нельзя трактовать об эфире, как о несомненной реальности. Эфир есть не что иное, как научная гипотеза, необходимая в настоящее время для понимания и объединения фактов, но — все-таки гипотеза. Материя, лишенная веса,— собственно, такая же немыслимость, как «нематериальная материя». Гипотеза об эфире обязана своим происхождением тому, что в науке понадобилось математическое представление о материи как о математических точках приложения силы. Эфир так же мало реален, как мало реальна математическая точка.

Если что замечательно в воззрениях анимистов и спиритистов, то это их противоположность с философами метафизиками. Метафизики одухотворяют материю, спиритуалисты материализируют душу.

II

Покончивши собственно с верованиями, мы перейдем к рассмотрению понятий о душе у философов, начиная с самых древних.

Первый из греческих философов, у которого можно найти более определенное воззрение на психическую жизнь,— *Диоген Апполонский*, из школы физиков, живший около 460 г. до Р. Х. По его мнению, душа есть не что иное как воздух (πνεύμα), так как этот философ, следуя Анаксимену, считал воздух началом всего сущего. Если душа есть воздух, то воздух есть душа

вселенной, потому что он живущ и разумен. Человек, по мнению Диогена, разумнее животных только потому, что он дышит более чистым воздухом, чем животные, голова которых находится ближе к земле. Конечно, это самое грубое и примитивное из всех психологических воззрений.

Такой же последователь Анаксимена, как Диоген, — элеат *Ксенофан*, находил существенное различие между душой человека и Божеством в том, что душа есть воздух, Бог же слышит и видит все вещи без посредства дыхания.

Что касается вообще до школы элеатов, то последние были чистыми *рационалистами*, потому что по их учению сущность вещей сводилась к чистому разуму. Если же человеку свойственно ошибаться, то это зависит, по мнению Ксенофана, от того, что разум затемняется чувствами. *Гераклит*, также признававший всемирный разум, объяснял ограниченность человеческого ума тем, что в людях слишком мало Божественного эфира.

По *Пифагору*, душа есть монада, или единица, движущаяся сама собой. Будучи единицей, душа совершенна, но, находясь в движении, она, естественно, должна становиться несовершенной и снова стремиться к совершенству. Душа человека состоит из трех элементов: *разума* (νούς), составляющего отличительное свойство человека, *понимания* (φρήν) и *страсти* (Θομός), общих человеку и животным. Хотя такое различение, по-видимому, не вяжется с учением о переселении душ, тем не менее, Пифагор верил в это переселение. Монада, называемая душой, по Пифагору, может существовать в двух видах, или состоящей из двух элементов (понимания и страсти), как у животных, или из трех, как у человека. Падая ниже себя, человеческая душа нисходит до уровня животной души, — отсюда возможность переселения души человека в животных и даже в растения. Последние лишены не только разума, но и способности понимания. Таким образом, уже Пифагор не отказывал животным в понимании и чувстве, тогда как многие из философов XVIII века, как мы увидим ниже, смотрели на них как на машины.

Из позднейших философов большая часть отделяли от души *дух* как высшую психическую деятельность, и придавали ей бесконечное и всеобъемлющее значение. Дух есть источник нашего познания, частица мирового или Божественного разума. В противоположность этому некоторые, как напр. *Аристипп*, отвергая, по ограниченности человеческого понимания, возможность познания сущности вещей, довольствовались *сенсуализмом*. Таким образом, сенсуализм и, как мы сейчас увидим, материализм, в сущности, не менее древни, чем идеализм. Так как чувства наши обманчивы, говорил Аристипп, то мы не только не можем верно постигать чувственные предметы, мы даже можем сомневаться в их реальности; реальность же наших ощущений не подлежит ни малейшему сомнению. Единственный критерий истины заключается в ощущении: положение чисто сенсуалистическое.

Демокрит, живший около 460 г. до Р.Х., особенно замечателен как творец первого механического мировоззрения. Положения его частью навсегда останутся в науке. Вот его главные тезисы:

1. Из ничего ничего не происходит. Ничто из существующего не уничтожимо. Все изменения сводятся на сложение и разъединение частичек материи.
2. Нет ничего случайного, но все совершается по необходимости и по определенной причине.
3. Существуют только *атомы* и *пространство*, все остальное — не что иное как мнимость.
4. Атомы (последние элементы материи) бесчисленны и бесконечно разнообразны по форме. Мир обязан своим происхождением тому обстоятельству, что атомы находятся в вечном движении, причем большие, двигаясь в бесконечном пространстве быстрее меньших, наталкиваются на последние. Вследствие происходящего при этом усложнении движения образуются бесчисленные миры, которые если могут возникать, то могут и исчезать.
5. Различие всех вещей сводится на различие атомов по числу, величине, форме и расположению. Другого различия между атомами нет, так что они не имеют никаких внутренних состояний, но могут действовать друг на друга только механически, — давлением или ударом.
6. Душа, подобно огню, состоит из тонких, гладких и круглых атомов. Атомы души — самые подвижные и потому при движении они проникают все тело, обусловливая явления жизни. Предметы отделяют свои *образы* (ἐιδωλα), которые через поры органов чувств воспринимаются душой.

Таким образом, у Демокрита, как и у Диогена Апполонского, душа материальна, но только материя ее совершенно особая. В этом отношении оказывается большое сходство между воззрениями Демокрита и верованиями новейших спиритуалистов, особенно из «ученой братии». Демокрит признает разницу между телом и душой, считая последнюю существеннейшим началом в человеке — началом, для которого тело служит как бы вместилищем. Только душа у Демокрита вовсе не божественна, но чисто материальна и механична. Несмотря на грубую материалистичность психологии Демокрита, в ней можно найти много общего с психологией Лейбница и некоторых материалистов, полагающих, что *образы* предметов отражаются в уме.

Прямыми последователями Демокрита были эпикурейцы. Так, *Эпикур* полагал, что атомы, из которых состоит вселенная, постоянно отделяют от себя частицы (απορροαι), которые, приходя в соприкосновение с органами чувств, обусловливают *ощущения* (αἴσθησις). Из частных ощущений, как общее, образуются *представления* (πρόληψις), а из последних происходят *общие идеи* (δόξαι).

Что касается до *Сократа*, то он, как известно, был по преимуществу моралист. По его учению, душа есть руководящее и управляющее нами начало, духовное и невидимое, причастное Божественной природе и потому бессмертное.

К материалистическому представлению о душе присоединялись *софисты*, представителем которых может служить *Протагор*. «Все ощущаемое нами существует», говорил Протагор, «не ощущаемое ни одним человеком не существует вовсе». Абсолютной истины нет, и все истинное истина только относительно. Мысль тождественна с ощущением, а причина ощущения лежит в материи. Знание наше ограниченно, но тем не менее человек есть критерий всего сущего («человек есть мера всех вещей»).

Учение о врожденных идеях имеется в зародыше еще у *элеата* Парменида. Знание, получаемое из чувственного опыта, недостоверно, истинное же знание составляют прирожденные идеи. Развитие учения об этих идеях принадлежит Платону (†430 до Р. Х.).

По поэтическому представлению *Платона*, душа бессмертна и когда-то находилась в мире богов, где имела возможность познавать вечную истину. Но попавши на землю и став заключенной в бренную оболочку тела, она потеряла способность познавать мир иначе как в его постоянно изменяющемся внешнем течении; другими словами, она познает только частности. Понятие же об общем, познание неизменной идеи, лежащей в основе всего сущего, может являться в душе только в виде отрывочного воспоминания из прежней, неземной жизни. Абсолютной истиной владеют только небожители, смертные же обладают лишь большей или меньшей долей божественного разума, большей или меньшей возможностью познавать *нумены* или идеи. Таким образом, соответственно двум мирам — небесному и земному — существуют как бы два рода души в человеке, одна разумная, познающая идеи или общее (нумены), другая чувственная, имеющая дело с явлениями (феноменами) и пробуждающая воспоминания в первой душе.

Аристотель (†384 до Р. Х.), этот высший авторитет схоластиков, у которого мыслимое и реальное нераздельно, определяет душу так (de anima II. 1): «душа есть первое осуществление живущего, сообразно возможности, тела, обладающего органами». Определение это, конечно, неточно и довольно туманно. Кроме того, Аристотель смотрел на человека как на высшее творение, заключавшее в себе природы всех низших существ. Так, функция растения есть *питание* и *произрастание*, поэтому душа растений есть anima vegetativa; животные, кроме того, что питаются и растут, способны к ощущению и стремлению, поэтому, кроме растительной души, они имеют душу высшую — animam sensitivam; наконец, человек, венец творения, обладающий высшим разумом, кроме названных двух родов души, имеет душу разумную и бессмертную — animam rationalem, составляющую часть вечной, безусловной, недвижимой субстанции или Бога.

Психология *стоиков* напоминает аристотелевскую. По их учению, материал знания дается чувствами и обрабатывается разумом. Из частностей чувственного опыта возникают идеи. Из стоиков *Зенон* полагал, что чувство дает нам понятие не об одной только внешности вещей, но и о самой их сущности. Критерий истины заключается в так называемом им *каталептическом фантазме* (τήν χαταλεπτιχην φαντασιαν), т. е. в представлении, возникающем из чувственного восприятия. Фантазмы бывают вероятные и невероятные, также такие, истинность которых невозможно проверить. В числе вероятных фантазмов есть истинные, ложные и неопределенные. Истинные фантазмы могут быть каталептическими, но могут происходить и независимо от реальных предметов, как напр. галлюцинации при умственном расстройстве.

Противоположность каталептическому учению стоиков составляет *Аркезилай* (из философов новой Академии, причисляемых вообще к скептикам) со своим акаталептизмом. По его понятию, все представления акаталептичны, т. е. несходны с ощущаемыми предметами. Ощущения или изменения души не совладают с внешними объектами. Наши представления не суть даже копии предметов или έιδωλα, как думал Демокрит, это — просто изменения состояния души, вызываемые объектами. Всякое знание относительно и даже обманчиво, потому что мир сам по себе вовсе не похож на мир в нашем представлении.

Влияние *христианства* на философию Александрийской школы выразилось в богословском направлении последней. Это влияние отразилось, конечно, и на психологии. Древняя философия в конце концов пришла к скептицизму. Философы первых веков христианской эры в помощь разуму, признанному ограниченным, призвали веру, — и философия была подчинена теологии.

Замечательнейшие из христианских неоплатоников Плотин, Ориген и Лонгин.

По учению *Плотина*, причина нашей разумной деятельности есть управляющая нами бессмертная душа — часть духа, разумно управляющего миром. Этот превечный, мировой дух (ψυχη) есть Бог, совмещающий в себе три ипостаси, из которых первая представляет высшее единство, вторая — бытие, нераздельное с разумом, третья есть животворящий дух, причина всякой деятельности и силы. Знание, имеющее предметом конечное, не может постигать бесконечного, которое становится доступным душе только при непосредственном созерцании Вечной Истины в состоянии восторга (экстаза), когда душа, освобождаясь от телесных уз, теряет индивидуальное сознание и погружается в Вечном Разуме. Точно так же после смерти тела душа, теряя свое личное бытие, сливается с Вечным Разумом в бытии абсолютном. В предсмертной агонии Плотин сказал: «Я борюсь, чтобы освободить заключенное во мне Божество».

Древняя философия заканчивается *Проклом*, последним из философов Александрийской школы. Воззрения Прокла оригинальны тем, что у него законы и отношения идей выражают законы и отношения реального мира, так что знать природу ума — значит знать уже весь мир. В этом отношении он предупредил Гегеля.

В Средние века философия тесно связывается с теологией и переходит в руки *схоластиков*[2], слепо признававших авторитет Аристотеля, хотя знавших последнего большей частью по неполным и даже сомнительным источникам и преимущественно занимавшихся логикой и диалектикой. Арабскую школу тоже можно оставить в стороне, потому что и она основалась главным образом на Аристотеле.

С возрождением наук, после падения Константинополя, в философию снова проникли свежие струи греческого влияния. С возрождения авторитет Аристотеля начинает постепенно понижаться, и совершенно падает во время реформации, после *Галилея Коперника* (1543). Первые борцы реформации, сторонники свободы совести и свободного научного мышления, как напр. *Меланхтон*, в психологии высказывались в материалистическом духе.

Доминиканец Джордано Бруно, мужественно погибший за свои идеи на костре в Риме в 1600 г., был решительный противник Аристотеля, нападать на которого в то время значило все равно, что восставать на религию. Джордано Бруно был также сторонник новой тогда Коперниковой системы мира. Как философ он был пантеист; он признавал единого, бесконечного, проникавшего все сущее духа и считал душу частью этой бесконечной субстанции. Чем выше живое существо, тем совершеннее его разум, так что в этом отношении живые существа идут по степеням совершенства. В то же время Джордано Бруно близок к материалистам, потому что, по его мнению, материя не сотворена, но существовала от века; Бог только вдохнул в превечный мир жизнь и деятельность. Материя не нуждается в воздействии извне, но всю бесконечность форм своих рождает из собственных недр путем разделения и развития. Материя не лишена форм, но скорее заключает все формы в самой себе. Однако душа мира, вместо того, чтобы необходимо возникать из материи, становится творческим принципом и, таким образом, первоначальный материализм становится у Бруно уже чистым пантеизмом.

III

Бэкон и Декарт представляют два противоположные метода в философии. Первый есть творец *опытного*, или *индуктивного* метода, второй,

[2] *Схоластика* получила название от школ для спекулятивной философии, открытых Карлом Великим при монастырях.

называемый отцом новой философии, есть творец метода *дедуктивного*. Полное изложение учений этих мыслителей выходит из рамок этой статьи, и потому мы скажем только об их психологических воззрениях.

Бэкон относительно своих понятий о душе в сущности материалист. Хотя он и признавал в человеке animam rationalem, но только по чисто религиозным основаниям, и эту душу он не считал постижимой. По его мнению, в сферу науки может входить только anima sensitiva, состоящая из тонкой материи. Вообще Бэкон не признавал нематериальных субстанций.

Несмотря на всю противоположность *Декарта* с материалистами, в своем взгляде на животных он превзошел даже материалистов. По его мнению, как растения, так и животные суть чистые машины, и существенной разницы между миром органическим и неорганическим нет. Заметим, что вообще во время Декарта много занимались психологией животных, и некоторые, как напр. *Монтен* и *Иероним Рорариус* утверждали, что животные часто отличаются большей разумностью, чем люди; Рорариус написал даже серьезный трактат под заглавием «Quod animalia bruta saepe ratione utantur melius homine». Правда, декартовские животные — машины думающие, но это неудивительно, если у него и «жизненный дух» человека собственно есть материя, подлежащая физико-математическим законам. Но «разумный дух» в человеке, по Декарту, есть нечто совершенно отличное от тела, потому что тело имеет протяжение и есть субстанция, основной же атрибут духа — мысль. Протяжение и мысль различны, следовательно, тело и дух также различны.

Спиноза, так же как и Декарт, исходил из того, что все истинное в мысли истинно и в реальности. По мнению его, душа есть часть едино-реальной, бесконечной и бестелесной субстанции Бога. Не останавливаясь далее на Спинозе, мы переходим собственно к философам-психологам (XVII век).

Воззрения *Гоббса* прямо противоречат учению Декарта о врожденных идеях и старой доктрине о духовности ума. Гоббс в психологии решительно становится на почву опыта. Сущность его психологии состоит в следующем. Каждая мысль есть образ или представление какого-нибудь качества предмета, которое находится вне нас и называется *объектом*. Общее начало всех представлений лежит в чувствах. Nihil est in intellectu quod non prius fuerit in sensu — изречение, приписываемое еще Аристотелю. Воздействием внешних предметов обусловливается исходящее из сердца органическое движение, которое затем, через посредство мозга, совершается обратно из органов чувств; это — собственно стремление к объекту (conatus), и этим стремлением объясняется проекция представлений наружу. Из ощущений рождаются представления, из комбинации и воздействия которых возникают представления более сложные. Все познаваемые нами качества объекта суть не что иное как движение материи, которое и в наших органах

чувств вызывает соответствующее движение, потому что движение ничего другого кроме движения родить не может. Движение в органах чувств передается мозгу и затем отражается на сердце, отчего и происходит ощущение. Человеческие способности разделяются на физические и умственные. Между первыми можно различать силу *питания*, *воспроизведения* и *мышечного движения;* между умственными способностями различаются способности *познавания*, *воображения* или *представления* и *движения*. Все воображаемое нами — конечно, о бесконечном же мы не можем иметь никакого представления. Гоббс первый высказал ту истину, что наши ощущения прямо не соответствуют внешним предметам, но что это — только изменения нашего ощущающего существа.

Если Гоббс принимал только один источник идей, то *Локк* утверждает, что существуют *два* таковых источника, *ощущение* и *рефлексия*. Большая часть наших идей происходит из чувственного опыта, но есть еще источник знания *идеального*, «из которого опыт почерпает идеи для разума» (Essay on the Human Understanding), это — рефлексия или «внутреннее чувство», посредством которого мы, напр., достоверно знаем о существовании Бога. Внешние предметы, действуя на чувства, дают материал знания; посредством внутреннего опыта ум познает свои собственные отправления. «Разум, раз снабженный из этих источников простыми идеями, обладает способностью повторять, сравнивать и комбинировать идеи с разнообразием почти бесконечным и таким образом может производить сложные идеи». Но никакая проницательность, никакой обширный ум, никакая быстрота или разнообразность мысли не в состоянии произвести в уме хотя бы одну простую идею, не вошедшую в него вышеуказанными путями. Разумеется, и Локк не принимал соответствия между предметами и нашими идеями, но считал знание исключительно субъективным. «Знание наше ограничивается идеями и есть не что иное как понимание связи и согласия или противоречия и несогласия между нашими идеями». Поэтому оно относительно. Истина, оставаясь для нас истиной, может быть полной с абсолютной точки зрения.

Из философов XVIII века *Джорджа Берклея*, епископа Клойнского, можно по справедливости считать главой идеализма. Для Берклея объекты знания суть идеи, которые, разумеется, не могут существовать без познающего их разума. Отсюда — отрицание материи *как отвлеченной идеи*. Материя, как неизвестный субстрат, существование которого Локк считал необходимым выводом из нашего знания, по мнению Берклея, не существует. В этом отношении Берклей ближе к реализму, чем кажется, потому что он отвергал материю как «вещественную сущность», неизвестную и недоступную чувствам, а не материю видимую и осязаемую. Вопрос о происхождении знания Берклей решает подобно Локку, но для него все небесное и земное не имеет существования отдельно от познающего их разума. Человеческое знание есть, следовательно, мера всех вещей, а ум или дух

есть единая реальность, бесконечная и бессмертная. Существенная заслуга Берклея состоит в том, что он показал всю бесплодность онтологических спекуляций (умозрений) и проложил путь *скептицизму*, к представителям которого в XVIII веке мы и переходим.

Берклей пришел к заключению, что материя есть фикция (мнимость). *Юм* пошел еще далее и решил, что дух или душа точно так же есть фикция; таинственный субстрат, предлагаемый для объяснения явлений жизни, т. е. душа, отрицается им. О материи он говорит только как о совокупности впечатлений и идей. Мы знаем только впечатления и идеи, субстанция же, от которой они исходят, точно так же, как субстанция, воспринимающая их, недоступны нам.

К Локку прямо примыкает *Этьен Кондильяк*. Но в своем знаменитом труде «Traité des sensations» он, оставляя Локка, является чистым *сенсуалистом*. По его мнению, все наши душевные способности имеют корень единственно в ощущении. Есть только одна элементарная способность — способность чувствовать. *Ощущение* постепенно превращается во *внимание*, двойственное внимание есть сравнение, отсюда уже близко до *рассуждения*. Таким образом, у сенсуалистов психология чрезвычайно упрощается: «penser — c'est sentir». Значение внешних чувств Кондильяк поясняет наглядно на своем известном примере человека-статуи. Представим себе, говорит он, человека, одаренного способностью чувствовать, но защищенного от внешнего мира, от всех внешних впечатлений, мраморным покровом. Естественно, в таком человеке психическая жизнь будет равна нулю и чувство будет только in potentia. Представим себе теперь, что органы чувств его постепенно, один за другим, открываются для внешнего мира и его впечатлений. При функции только одного чувства мир представляется этому субъекту совершенно другим, чем при владении двумя или всеми чувствами…

Англия — классическая страна смешения материалистических воззрений с религиозными верованиями. В самом деле, вспомним, напр., о гениальном Фарадее, которому мы обязаны строгим проведением механического принципа по всей физике и химии, — что ему не помешало оставаться ревностным сектантом. В Англии же и в родственной ей Америке ученые легко становятся спиритуалистами; примеры — Крукс, Гэр, частью Уоллес. В 1749 г. английский врач — *Давид Гартлей* выпустил в свет сочинение под заглавием Observation on Man, his Trame, his Duty and his Expectations (наблюдения над человеком, с его строением, обязанностями и его ожиданиями), в котором физиологическая сторона тесно связана с теологической. Несмотря на то, что Гартлей верил в чудеса, защищал Библию и подробно трактовал о загробной жизни, англиканское духовенство причислило его к еретикам, на том только основании, что он сомневался в вечности загробных мук.

По мнению Гартлея, человек состоит из двух начал — тела и души. Однако он признавал также, что материя и движение ничего не могут произвести кроме материи и движения, и что мысль и ощущение сводятся на элементарные движения в мозге. У Гартлея, подобно тому, как у Корнелиуса, Перти и др. новейших анимистов, тело есть как бы инструмент души, мозг есть инструмент для ощущения и мысли. Сначала Гартлей полагал, что душа играет на своем инструменте совершенно произвольно, но впоследствии, хотя не без труда, признал, что необходимость психических явлений есть неизбежное следствие необходимости и законосообразности мозговых отправлений. Белое вещество мозга и нервов, говорит он, есть непосредственный субстрат ощущения и движения (что физиологически неверно, потому что психические функции принадлежат не белому, а серому мозговому веществу, или, говоря точнее, для психических отправлений необходима как одна, так и другая субстанция мозга). Внешние предметы возбуждают, сначала в нервах, потом в головном мозге, колебания бесконечно малых элементов, вроде колебаний маятника или дрожания звучащих тел. Всякое изменение в душе необходимо предполагает соответствующее изменение или движение в мозге. Посредником между телом и душой у Гартлея служит особая тонкая материя, вроде гипотетического эфира. Гартлей полагал между прочим, что Всемогущий Бог мог сотворить материю мыслящей. Свободу совести Гартлей признавал в полном объеме.

Что касается до *Вольтера*, то о психологических воззрениях его можно сказать немного. «Я тело», говорит он в одном из своих писем, «а между тем я мыслю, — вот все, что я знаю». Он признавал, что вся психическая жизнь человека истекает из деятельности чувств, но определительно не решал — материя ли принимает материал, доставляемый чувствами, или что другое. По-видимому, он полагал, что Всемогущий Бог мог и материю сделать мыслящей. Относительно вопроса о бессмертии души мнения его также колебались; с одной стороны, по теоретическим основаниям он готов был решить его отрицательно, с другой стороны, практические соображения вели к положительному решению.

Английский врач *Эразм Дарвин* также замечателен как психолог, стремившийся к физиологическому объяснению психических явлений. Его теория близка к гартлеевской. В своей Zoonomia or Laws of organic Life (1795) он называет sensorium не только мозговые части мозга, нервов, мышц и органов чувств, но также разумеет под этим именем и жизненный принцип или животворный дух, разлитый по всему телу и доступный нам только в своих проявлениях. Идея есть сжимание, движение или изменение в наружном виде элементов органов чувств. Как синоним слова «идея» им употреблялось выражение *сенсуальное* или *чувственное движение*.

Что касается *Томаса Рида*, то оригинальность его состоит только в том, что у него одновременно с ощущением происходит и познавание. Чувства

имеют двойное назначение, говорит он (Essays on intellectual powers, 1785, v. II, ch. XVII), они дают нам различные ощущения и в то же время родят в нас понятие о внешних предметах и веру в их существование. Это понятие и эта вера суть то, что мы называем познаванием.

Жюльен-Оффре-де-ла-Метри, или просто *Ламетри*, врач и ученик знаменитого Бэргава, может считаться главой французских материалистов XVIII века. Воззрения его, доставившие ему известность и много врагов, изложены в Histoire naturelle de l'âme (1745) и в Homme machine (1748). В «естественной истории души» он начинает с того, что показывает, как ни один философ от Аристотеля до Мальбранша нисколько не разъяснил нам, что такое душа. Сущность души человека и животных всегда останется нам неизвестной, равно как сущность материи и тела. Душа без тела так же мало мыслима, как материя без формы. Душа и тело нераздельны, и образуются в одно и то же время. Желающий знать что-либо о душе должен изучать тело, жизненный принцип которого и есть душа, т.е. она есть то, что заставляет сердце биться, нервы — ощущать и мозг мыслить. Единственные орудия знания, посредством которых мы можем достигать до истины, суть чувства.

Начав с эмпиризма, Ламетри потом вполне становится материалистом. Он отрицает всякое primum movens immobile, всякий находящийся вне материи двигательный принцип. Только вследствие своей формы материя становится определенной субстанцией, форма же присуща ей от века. Форма и материя так же нераздельны, как материя и движение. Абстрактная материя пассивна и ей свойственна только сила инерции, конкретная или действительная материя всегда имеет форму и движение. Если где видимого движения нет, то там есть движение потенциальное; потому что материя в возможности (en puissance) заключает в себе все формы движения. Материи присуща также способность *ощущать*. Мы знаем непосредственно только свои ощущения. Что другие люди также ощущают, мы заключаем из выражения их ощущений в звуках и жестах более, чем из их членораздельной речи. Язык душевных движений свойственен животным в такой же мере, как и человеку, и конечно, этот язык более убедителен, чем все софизмы Декарта. Различие внешнего образа человека и животных значит не много, потому что сравнительная анатомия свидетельствует о полной аналогии во внутренних органах между человеком и животными. Если способность материи ощущать сама по себе непонятна, то ровно настолько, насколько в сущности непостижима вообще связь между силой и материей. Может быть, материя способна к ощущению только в форме организма, но и в этом случае ощущение, все равно как движение, должно быть присущим, по крайней мере, потенциально, всей материи. Все ощущения получаются через органы чувств, связанные с местом ощущения — головным мозгом, посредством нервов, в которых движется особая жид-

кость, esprit animal. Всякое впечатление, действующее на нервы, производит изменение в этой жидкости, передающееся душе. Место ощущения не на периферии, как нам кажется, потому что душа проектирует качества ощущения в определенные места наружу, а в мозге; ощущает ли также сама субстанция органов, мы наверное не знаем, потому что это может быть известно только ей, а не всему организму. Точно также мы не знаем наверное, занимает ли душа только один пункт или целую область в мозге, хотя последнее вероятнее. Сохранение представлений в душе сводится к органическим состояниям. Далее, Ламетри приходит к заключению, что и сама ощущающая субстанция, т. е. собственно душа, также материальна, после чего объясняются механически память, воображение, страсти. Только религия может нас заставить верить в разумный дух, о котором истинная философия ничего не знает. Ламетри даже предупреждает до известной степени Чарльза Дарвина и эволюционистов, потому что он считает весь разум человека продуктом развития и воспитания. Орангутанга он изображает уже чересчур антропоморфно.

Итак, Ламетри приходит к следующим выводам: «При отсутствии чувств не может быть идей»; «Их нет и при отсутствии чувственных впечатлений»; «Недостаточностью воспитания обусловливается бедность идеями». Заключительный вывод всей Histoire naturelle de l'âme — душа существенно зависит от органов тела, вместе с которыми она слагается, растет и ослабляется. «Ergo participem leti quoque convenit esse». Из этого изложения содержания «Естественной истории души» видно, имеют ли право метафизики называть автора этого сочинения «невежественным и легкомысленным Ламетри». Если что можно поставить в упрек этому мыслителю, то только некоторую фривольность языка, особенно в другом сочинении его «L'homme-machine», которое написано в том же духе, но рассчитано на большую публику. Единственно верными путями в психологии Ламетри считает опыт и наблюдение. Разработка этой науки должна принадлежать одним врачам, потому что только они одни имеют возможность наблюдать душу во всем ее величии и в глубочайшем ее упадке. Человеческую машину можно понять только путем наблюдения и изучения нервной системы. Все психические явления имеют физиологическую почву. Под влиянием болезни душа то затемняется, то как бы удваивается, то совершенно слабеет; слабоумный субъект, выздоравливая, становится разумным. Величайший гений может впасть в идиотство, и тогда все наиценнейшие знания, приобретенные с таким трудом, разлетаются прахом. «Может ли что-нибудь изменить в малодушие мужество таких людей как Кай Юлий, Сенека, Петроний? — Конечно; для этого достаточно застоя крови в селезенке, в печени или в воротной вене». Если материальные изменения в мозге оказываются не при всех душевных расстройствах, то только потому, что болезнь зависит от состояния плотности частей или других, неуловимых для нас изме-

нений: «Сущий пустяк, ничтожная лихорадка или вообще что-нибудь такое, чего не в состоянии открыть скальпель искуснейшего анатома, могли бы сделать из Эразма и Фонтенеля двух глупцов».

Единственное отличие человека от животных и могущественнейший рычаг умственного развития есть язык. Ламетри мечтал о возможности научить говорить обезьяну или по крайней мере развить ее по способу, употребляемому, напр., для обучения глухонемых. Без языка человек — животное, с меньшим инстинктом, чем другие. Но раз даны различные знаки или символы, мозг должен их сравнивать и определять их взаимные отношения с той же необходимостью, как глаз должен видеть. Вся душевная деятельность сводится к деятельности ощущения и воображения. Надо заметить, что Ламетри не отрицал Высшего Существа, но полагал, что из этой теоретической истины нельзя сделать никакого практического применения. Касаться нравственной и политической части учения Ламетри здесь не место; прибавим, что упрек в безнравственности этого учения так же справедлив, как тот же упрек, напр., миллевскому утилитаризму.

К Ламетри близок барон *Гольбах*, отличающийся только большей серьезностью и систематичностью мысли, вместе со сдержанностью языка. Его известное сочинение Système de la nature есть опыт полного механического мировоззрения, и в то же время оно имело громадное политическое значение, но собственно психология в нем занимает немного места. Гольбах — строгий атомист; он полагает, что сущность материи нам недоступна, и что мы можем знать только некоторые из качеств материи. Человек есть физическое существо, а моральное его существование — только другая сторона существования физического.

Гассенди и вообще материалисты приписывают способность ощущения собственно не атомам, но соединению атомов или организации. Атомы, сами по себе не способные ощущать, при известном расположении дают организацию, способную к ощущению. Отсюда уже близко до гипотезы, что ощущение есть свойство мельчайших частиц материи. Автор этой гипотезы — *Робине*. Робине отличается вообще смешением понятий, близких к шеллинговской натурфилософии, с материалистическими. Но его книга della Nature (1761) замечательна строгим проведением по всей психологии, от чувственных впечатлений до высших функций мозга, слов и действий, принципа сохранения силы, о чем до него не было еще и помину. По мнению Робине, каждая частица материи имеет жизнь и душу; даже элементы неорганической природы суть живущие единицы, носящие в себе принцип ощущения, но без сознания. Человеку известны только его ощущения, собственная же его субстанция недоступна для понимания. Но действие духа на материю, говорит Робине, есть не что иное, как обратное действие полученного материального впечатления, причем субъективно свободные движения человеческой машины имеют причину только в механической

деятельности машины. Учение о свободе воли отличается определенностью: быть свободным значит иметь возможность действовать сообразно хотению, а не хотеть произвольно. Я действую свободно или произвольно, если иду, куда хочу. Само же хотение, конечно, обусловливается естественной необходимостью, которая для субъекта исчезает; таким образом, мы свободны не абсолютно, но только в нашем сознании.

Гольбах, Ламетри и Робине имели большое влияние на *Дидеро*. Принимая ощущающие атомы Робине, Дидеро особенно занят вопросом, как из ощущений происходит единство сознания, и решает тем, что ощущающие элементы должны быть в непосредственном соприкосновении и составлять, таким образом, непрерывный ряд.

IV

Материализм XVIII века вызвал в Германии реакцию, произведшую системы *Лейбница* и *Вольфа*. Система Лейбница полна противоречий, но в ней заслуживает внимания учение о монадах и о предустановленной гармонии. *Монады*, так же как атомы, суть элементы материи, или, вернее сказать, они суть вообще principia rerum. Для материалистов, принимающих атомы лишенными ощущения, всегда составляло затруднение объяснить происхождение сознания и ощущения. Лейбницовские же монады суть атомы с особыми внутренними явлениями жизни; они производят ощущения из самих себя и внешний мир тут не играет решительно никакой роли, он даже не имеет реального бытия, а есть лишь представление упомянутых монад. Каждая монада есть замкнутый в самом себе мир, из которого ничего не исходит и в который ничего не вступает. Отдельные монады различны; одни более, другие менее богаты представлениями; кроме того, представления монад могут быть отчетливыми или смутными. Противоречия между представлениями монад нет только благодаря от века предустановленной гармонии между монадами, остающейся при всех различиях и изменениях в состоянии их. Всякая единичная монада смутно или отчетливо заключает в себе весь мир, и весь мир есть сумма всех монад. Представления монад неорганических тел нейтрализуют друг друга, вследствие чего эти тела находятся в бессознательном бытии, напоминающем сон без всяких грез. Органические монады уже имеют деятельные представления, так что состояния низших животных подобны сну со смутными грезами. Высшие животные имеют более ясные представления, кроме того, ощущение и память. Человек же, имея разум, отличается способностью мыслить. Таким образом, характеристические атрибуты души у Лейбница — нематериальность и простота.

Идеи и представления у Лейбница прирожденны, но совсем в другом смысле, чем у картезианцев; у него прирожденны все идеи, потому что все

они истекают из существа духа, который никаким внешним воздействиям не подвержен. Следовательно, тут нет, как у Декарта, различия между прирожденными и неприрожденными идеями.

Замечательнейший из последователей Лейбница *Христиан Вольф* создал новую схоластику, довольно близкую к первой. Вся система его главным образом держится на старом положения, что душа есть простая и бестелесная субстанция. В psychologia rationalis Вольф занимается исследованием существа души и сводит все различные душевные способности к силе представления. Своей psychologia empirica он сам признает необходимость другой психологии, с методом естественных наук; здесь он занимается преимущественно классификацией душевных способностей. Он разделяет их на два отдела: способность познавания и способность желания; в каждом отделе различаются два класса — высшие и низшие способности. Низшие познавательные способности суть чувство, воображение, память, высшие — внимание, рассуждение, разум. Низшие способности желания, — физические чувства, стремления и аффекты; высшие — хотение и нехотение, свободная воля.

Мы видели, что у Лейбница различие между человеком и животными заключается, собственно, только в степени умственных способностей. Вообще в психологии этого времени уже замечается стремление к доктрине, обнимающей и человека, и животных. Рационалисты более и более приходили к мысли, что высшие животные — существа очень близкие к человеку. В Англии и Франции психологи, считая душу человека и животных идентичными по существу, хотя различными по степени, объясняли ту и другую механически. В Германии, по инициативе Лейбница и ради похвальной последовательности, стали считать и душу животных не только нематериальной, но и бессмертной. Напр., профессор *Мейер* в своей психологии животных (1749) не только признавал, что животные имеют душу, но также что души эти, проходя различные степени совершенства, возвышаются наконец до степени духов, т. е. становятся равными человеческим душам.

Теперь мы переходим к знаменитому *Канту*, с которого многие философы считают новую эру в истории философии. Действительно, влияние Канта на философию вообще, а также на психологию, чрезвычайно велико. Помимо того, что и теперь еще много прямых последователей его, которых можно отнести к двум направлениям: *кантистов* и *критицистов*, это влияние видно почти во всяком труде по физиологической психологии.

Кант начинает с анализа суждений и разделяет их на аналитические и синтетические. *Аналитическим* суждение называется тогда, когда оно ничего не прибавляет к нашему понятию о предмете, а только анализирует это понятие, напр. «треугольник есть трехсторонняя фигура». В *синтетическом* суждении предмету приписывается что-либо, что не разумеется

само собой, не заключается в самом понятии об этом предмете, напр., «прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками». Синтетические суждения бывают двоякого рода; напр., суждение «железо ковко», выведенное из опыта, есть *синтетическое суждение a posteriori*; суждение же «прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками» хотя и подтверждается опытом, но имеет верность независимо от него и отличается таким характером общности, который не может быть продуктом опыта; это *синтетическое суждение a priori*. Априорное суждение имеет основу в природе нашей умственной организации и потому представляет для нас значение безусловной истины; таковы, напр., все математические истины. Итак, хотя значительная часть нашего знания дается опытом, но далеко не вся. Есть знание, независимое от опыта, «трансцендентное», вытекающее из законов нашего ума и отличающееся характером общности и необходимости; только это знание имеет абсолютную достоверность. Вообще наше знание не есть объективная истина, потому что мы не знаем, соответствует ли оно вещам самим в себе, но нам совершенно достаточно субъективной достоверности знания.

Что касается до психологии Канта, то в своей Kritik der reinen Vernunft он исследует априористические принципы знания, не занимаясь ощущениями. Кант принимает две основные психические способности: пассивную — *восприимчивость ума*, или способность воспринимать впечатления от внешних предметов, затем активную и самопроизвольную способность *рассудка*, познающего вещи посредством представлений, даваемых первой.

При всей многочисленности и многообразности объектов, наше *я*, т. е. субъект, остается одним и тем же. Поэтому, при всей сложности и различности представлений, в них есть неизменный элемент (обусловленный неизменностью субъекта) — так называемая Кантом *форма* представления. Восприимчивость нашего ума (чувствительность) имеет две основные формы: *пространство*, форма чувствительности внешней, и *время*, форма внутренней чувствительности. Эти формы могут быть представлены независимо от всякого содержания; последнее же без них немыслимо; они априористичны, т. е. не зависят от опыта, а обусловливаются природой нашего ума. Формальные элементы мысли, время и пространство, не имеют никакой реальности. Функция *рассудка* (Verstand) — суждение и образование из представлений простых понятий. Рассудок имеет свои формы, которые суть законы его деятельности, или *категории*: качество, количество, отношение, модальность. С помощью этих категорий, к одной из которых должно относиться всякое суждение, мы превращаем в знание материал, доставляемый нам чувствительностью. Третья и высшая способность есть *разум* (Vernunft) — способность умозаключения. Разум выводит из простых понятий рассудка понятия сложные и, наконец, восходит до безусловного начала или Бога. Функция разума есть не только выведение из частного

общее, но и из общего частное, т. е. вообще рассуждение. Разум имеет три общие формы, или, как называет их Кант, *идеи*: идея вселенной, как обобщение всех понятий из внешнего мира, идея личности, или нашего *я*, как обобщение всех изменений нашего внутреннего существа и идея Бога, соединяющая в себе первые две. Нужно прибавить, что деятельность разума заключается в обработке материала, доставляемого рассудком; вне этой сферы разум бессилен. Дойдя до трех наиобщих идей, разум должен остановиться, потому что исследование сущности вещей, существа мира и Бога невозможно для человека.

Мы можем знать вещи только в субъекте, следовательно, знание имеет характер относительности. Но в основании мира явлений или феноменов лежат сами вещи, Dinge an sich, или нумены, которые, как нумены, недоступны для нас. Несмотря на это, знание имеет полную достоверность в субъективной сфере, тем более что мы имеем идеи, независимые от опыта. Сознание абсолютно достоверно.

Доказать разумом, логически, существование Высшего Существа невозможно. Но есть достоверность другого рода, именно *нравственная*, основанная на вере, так как мы имеем неодолимое убеждение в существовании Бога. Принцип достоверности сознания составляет основу «практического разума». Мотивы действий человека или свободная воля суть предмет Kritik der practischen Vernunft; принцип свободы воли по существу неопределим, но нравственные законы обусловливаются самой природой нашего сознания и имеют характер всеобщности и необходимости, или силу *категорического императива*. Идеи добра и справедливости суть идеи априорные. Точно также априорна идея причинности, она есть закон нашей нравственной природы. Необходимость и строгая универсальность суть свойства знания чистого, а не эмпирического.

В понятии о душевных способностях Кант недалеко ушел от старой психологии. Классификация способностей у него довольно сбивчива. Он различает три главные Seelenvermögen: познавание, чувствование, желание. Способность познавания заключает в себе рассудок, способность суждения и разум. Кроме того, он отличает чувствительность как низшую познавательную способность от высшей — рассудка (Kritik der Urtheilskraft).

Кант считал свою философию оплотом, с одной стороны, против скептицизма, с другой, — против метафизики. Но *Иоганн Готлиб Фихте*, почитавший себя последователем Канта, — чистый метафизик, потому что он строит всю систему знания a priori. Мы имеем, говорит он (Bestimmung des Menschen), орган, посредством которого мы *познаем реальность*, и этот орган есть не разум, а *вера*, — вера, обозревающая знание, указывающая нам добро и возводящая знание в убеждение. Всякое истинное совершенствование исходит из воли, а не из разума. В основание своего идеализма Фихте кладет сознание. *Я* (Ego) есть деятельность, не-*я* (Non-Ego) есть продукт ее. Сознание и бытие,

субъект и объект тождественны. Истинное назначение человека не мышление, а деятельность, или реализация мышления. Знание наше относительно, потому что мы познаем только явления. Вещи сами в себе недоступны для разума. В учении Фихте вообще преобладает нравственная сторона. Основная идея человечества есть идея долга. Наш мир есть только воплощение нашего долга (unsere Welt ist das versinnlichte Material unserer Pflicht). С нашим бытием необходимо связана и наша свободная нравственная деятельность. Бога мы знаем как нравственный порядок (moralische Ordnung) мира. Бог непостижим и в него мы можем только верить. Социальные взгляды Фихте отличались вообще прогрессивностью, и в этом отношении он противоположность Гегелю, мирившемуся с политическим гнетом.

По мнению *Шеллинга*, философия начинается там, где кончается обыкновенное знание. Высшие истины не доказываются, а постигаются, для чего существует особая высшая способность — *интеллектуальное постижение* (intellectuelle Anschauung). У Фихте *я* конечно, у Шеллинга оно бесконечно. Абсолют проявляется в форме нашего духа (*я*) и в форме внешнего мира (не-*я*). *Я* и не-*я* равно реальны и тождественны в абсолюте. Природа есть видимый дух, дух — невидимая природа. Абсолютный идеал и абсолютная реальность одно и то же. Жизнь состоит в постоянном колебании и восстановлении равновесия. Все функции жизни суть индивидуализации одной мировой души (Weltseele, anima mundi). Абсолют есть Бог, источник всякого бытия, достигающий самосознания в человеке. Вообще философия Шеллинга очень близка к спинозизму.

Что касается до *Гегеля*, то даже почитатели его соглашаются, что в нем нет ничего нового, кроме метода, потому что Гегеля считают изобретателем «абсолютного» метода. Основное положение Гегеля, что все истинное в идее истинно и объективно, принадлежит Декарту. Гегель измыслил лишь принцип противоположностей, по которому противоположности, напр., бытие и небытие, отождествляются в высшем единстве, так что бытие и небытие — одно и тоже (Sein und Nichtsein ist dasselbe). Собственно, дело здесь идет таким образом: какое-нибудь положительное понятие непременно, по Гегелю, переходит, в силу контраста, в понятие отрицательное, отрицание же переходит в отрицание отрицания или в так называемое *высшее положение*, которое будет понятием средним, сглаживающим противоположности. В общем — это целый ряд «эволюций» и их «универсальный закон», по которому, разумеется, можно примирить что угодно. Если учение Шеллинга может быть названо объективным идеализмом, то гегелевское учение есть идеализм абсолютный; он сам свой метод называет абсолютным. Действительно, у него реальны лишь отношения и идеи. Мир есть мир идей; он в одно и то же время и субъект и объект, отождествляющийся в своих противоположностях. Все действительное разумно. Субъективно идея проявляется как *душа*, возвращаясь сама в себя, она становится *сознанием*,

а делаясь своим объектом, превращается в *разум*. Объективно идея проявляется как воля. У Гегеля было множество последователей, но никто из них не подарил мир психологией, потому что характеристическая черта их творений, говоря словами Экснера, — сплошная игра пустыми понятиями, порой переходящая в чепуху.

Чтобы покончить со всеми метафизиками, скажем о двух новейших натурфилософах — Шопенгауэре и Гартмане.

По учению *Артура Шопенгауэра*, единственное явление, в котором вещь сама в себе доступна нам, это воля. Воля, следовательно, должна составлять точку исхода всех наших объяснений природы. К истинному познанию можно придти не объективным путем, но путем самосознания, открывающим нам сознание во всех других вещах. В основании воли, общей сущности всего мира, природы органической и неорганической, лежит принцип самосохранения; natura vult esse conservatrix sui. В животном мире, кроме общего и высшего начала всего сущего — воли, является *представление*. Таким образом, все живые существа характеризуются с одной стороны волей, с другой представлением (см. Welt als Wille und Vorstellung). Внутреннее условие всякого бытия и движения есть *воля*, внешнее проявление последней есть *причина*. Причины бывают тройного рода. Первый род причин действует в неорганическом мире. Второй род составляют *раздражения*, причины, преобладающие в вегетативной сфере; третий род суть *мотивы*, господствующие в сфере животной. Таким образом, воля и причинность тождественны на всех ступенях бытия.

В области механики воле соответствуют центробежная и центростремительная сила, притяжение и отталкивание атомов. Растения имеют чувствительность и в этом смысле представляют зародыш представления или бессознательные представления (но не абсолютно бессознательные). Познавание присуще всей природе, начиная с низшей и неясной формы представления в неорганических телах, до высших форм его в мозге человека. Первичное во всяком случае воля, представление же вторично… Степени представления обусловливаются степенями воли, но сущность представления и воли везде одинакова. Степень умственного развития животных всегда обусловливается количеством их потребностей и побуждений, т. е. степенью их воли (Ueber den Willen in der Natur). Вторичное проявление воли — способность познания или интеллекта — есть функция мозга. Интеллект есть объективирование воли, потому что он собственно представляет «хотение познания». Интеллект является как бы средой для мотивов; мотивы же суть проявляющиеся в воле причины, и в этом смысле мотивы по существу идентичны с материальными причинами. Интеллект животных прост и доставляет только познание настоящего — познание чувственное. Интеллект человеческий возвышается до абстрактного познания, не связанного с чувственностью или с настоящим, и становится разу-

мом (Vernunft). Разум, делаясь повелителем животной натуры, производит то, что может быть названо практическим разумом. Высшая форма воли, единореальной сущности, есть *хотение жизни* (Wille zum Leben, Lebenswillen, см. Welt als Wille und Vorstellung). Все сущее имеет стремление к бытию, и, насколько возможно, к бытию органическому, т. е. к жизни. Таким образом, как интеллект в человеке двояк — чувственный и абстрагирующий, так двояка и человеческая воля, — частью животная, частью разумная. Последняя в человеке чрезвычайно перевешивает первую, оттого *метафизическую потребность* Шопенгауэр считает характеристическим отличием человека, которого он называет animal metaphysicum. Вся суть мира заключается в тождестве субъекта хотения с субъектом познания, вследствие чего слово «*я*» обозначает и заключает оба субъекта. Координация этих двух субъектов необъяснима и составляет то, что Шопенгауэр называет «чудом χατ'εζοχην». Разъединение этих двух разнородных элементов происходит при смерти. Интеллект как функция мозга уничтожается со смертью тела, воля же как метафизическая реальность, как Prius жизни, вечна, и потому она не умирает. Идея животности заключает в себе идею интеллекта. Индивидуумы родятся и умирают, идеи же вечны. В этом отношении и интеллект вечен, но только не индивидуальный интеллект, а интеллект вообще. Воля неподвержена условиям времени и никогда не изменяется. Интеллект может развиваться, но может и угасать. Органическая сила, крепость мышц, чувства, память, ум, гений — все это может ослабевать или притупляться к старости, воля же всегда одинакова. Интеллект утомляется, воля никогда. Интеллект есть функция мозга, воля же первична, и тело есть собственно ее функция. Хотение жизни в общем никогда не исчерпывается, но частные формы его или функции могут истощаться. Хотение жизни не может одновременно проявляться во всех своих трех формах — воспроизводительности, раздражительности и чувствительности, оттого-то различные функции и сменяют друг друга. Частные формы неисчерпаемого начала хотения жизни могут исчерпываться, — отсюда утомление, потребность сна, наконец, смерть.

Все чувства, как то физические чувства, аффекты и страсти, желания и стремления, по Шопенгауэру, сводятся к хотению. Чувствование имеет предметом удовлетворение или подавление хотения. Идеи у Шопенгауэра суть не только субъективные представления, но скорее первые и непосредственные, всеобщие и адекватные проявления вещей в самих себе. Представление, предполагающее распадение на субъект и объект, есть первое формальное выражение вещей в самих себе. Поэтому пространство, время, множество и причинность суть не простые формы представления, но *реальности*, хотя и не абсолютные, потому что эта реальность обусловливается лишь проявлениями в идеях вещи в самой себе. Идеи суть реальные явления воли, и их много, следовательно, реальна множественность;

идеи тождественны с силами природы, дающими отдельным причинам силу действия, следовательно, реальна причинность; идеи представляют частью сосуществующие, частью последовательные природные ступени (Naturstufen), идущие друг подле друга в пространстве и друг за другом во времени, следовательно, реальны пространство и время.

Итак, сущность всего есть воля. Материя есть не что иное как воля определенного характера и направления. По сущности весь мир есть воля; для нас он — представление. Но что такое представление? Весьма сложный физиологический процесс в мозге животного, имеющий результатом сознание образа. Изменения, испытываемые телом животного, ощущаясь, сводятся к действию определенных причин и таким образом дают понятие об объекте. Без деятельности ума, не только чувственной, но и мозговой, мы не могли бы придти к понятию об объективном мире, о мире как представлении, но оставались бы на степени свойственного растениям смутного сознания органических изменений нашего тела. Таким образом, объект родится из деятельности субъекта. Объект реален настолько, насколько он представляет вещь в самой себе. По априорным своим элементам вещи принадлежат представлению и суть явления, по эмпирическим или апостериорным элементам они суть проявления единой реальности — воли. Способность ума воспринимать ощущение как действие и относить это действие к внешней причине — есть способность прирожденная, следовательно, независящая от опыта, но применение этой функции развивается от опыта и упражнения. Хотя ум имеет различные степени и находит применение в различных сферах, сущность его везде одинакова.

Шопенгауэра можно назвать *идеалистическим материалистом*. По его мнению, все действительное материально. По априорным элементам материя есть представление или, вернее говоря, отвлечение. В действительности материя является только в виде тела, т. е. неразлучно со своими качествами и формой. Сущность материи заключается в действии, и здесь в ней проявляется абсолют, т. е. воля.

Воля заключает в себе стремление, в основании же всякого стремления лежит неудовлетворенность или недостаток чего-либо, т. е. страдание. Если частные акты воли заключают в себе частные случаи страдания или боли, то всеобъемлющая воля, сущность всего сущего, объединяет в себе всяческое страдание. Удовлетворение никогда не может быть полным и всегда становится началом нового стремления. Природа в целом целесообразна и устроена гармонически, но ровно настолько, насколько это нужно для существования мира и живых существ. Природа заботится только о видах, а не об индивидуумах, и вовсе не имеет в виду личного счастья последних. В мире животных и человека повсюду царствует постоянная война, взаимное истребление и нескончаемое страдание. Вот сущность шопенгауэровского пессимизма.

Эдуард фон Гартман принадлежит, как надо надеяться, к последним могиканам метафизики, и прямо примыкает к Шопенгауэру, которому он обязан наиболее оригинальными и важнейшими сторонами своей Philosophie des Unbewussten (1868). Гартман ставит своей целью «достижение спекулятивных результатов путем индуктивного естественнонаучного метода» и, действительно, он берет громадную массу фактов из естественных наук, но только обрабатывает эти факты по-своему, частью преувеличивая, частью искажая их, присоединяя к ним факты сомнительные или взятые неизвестно из какого источника, иногда даже совсем невозможные, и выводя из всего этого заключения, часто поистине изумительные. Нам нет надобности подвергать систему Гартмана подробной критике. На русском языке она существует если не в полном переводе, то в подробном изложении А. Козлова. От всякого беспристрастного читателя не скроется слабость ее в философском отношении. Естественнонаучные же основания «Философии Бессознательного» прекрасно разобраны зоологом *Оскаром Шмидтом* (Oscar Schmidt, Die naturwissenschaftlichen Grundlagen der Philosophie des Unbewussten, 1877). Мы изложим только ту часть «Философии Бессознательного», которая ближе касается психической деятельности.

Согласно с физиологами Гартман считает сознательную душевную жизнь деятельностью мозга, но старается доказать, что существует независимая от мозга *бессознательная деятельность*, как высший духовный принцип или метафизическая сущность, так называемое им «Бессознательное» (das Unbewusste), атрибуты которого суть бессознательная воля и бессознательное представление и в котором заключаются и которым объясняются причина и цель, вообще вся жизнь мира.

Гартман начинает с учения о целесообразности в природе и полагает, что эта целесообразность выражается в том, что мировой процесс имеет конечную цель, к которой он идет естественным путем под руководством Бессознательного. К своей телеологии Гартман пробует применить математическую теорию вероятностей и решает, что «из материальных явлений можно заключить о содействии духовных причин, хотя бы они не обнаруживались для непосредственного познания».

По мнению Гартмана, волю имеют не только высшие животные, но и низшие организмы, как, напр., полипы. Сознательная воля высших животных и человека есть функция головного мозга. Но существуют низшие нервные центры, продолговатый и спинной мозг, имеющие самостоятельную волю, которая, однако, не сознается головным мозгом и в этом смысле есть воля бессознательная. Точно так же отдельные пары брюшных узлов насекомых имеют, по Гартману, каждая свою самостоятельную волю, несознаваемую животным. Свою теорию бессознательной воли низших центров Гартман выводит, главным образом, из явлений рефлекса у обезглавленных животных. Бессознательная воля необходимо соединена с бессознательным пред-

ставлением. Но даже сознательное и произвольное движение, по Гартману, не может совершиться без бессознательного представления. Сознательное желание произвести известное движение возбуждает бессознательную волю вместе с бессознательным представлением того места в головном мозге, на которое должна подействовать воля, чтобы произвести данное движение. Понятно, что инстинкты представляют особенно широкое поле для проявлений Бессознательного. Инстинкт, по Гартману, есть «целесообразная сознательная деятельность без сознания цели». Гартман считает невозможным смотреть на инстинкт, как на следствие телесной организации или душевного механизма, или как на унаследованные привычки, хотя вообще значение наследственности в известном смысле он не отвергает, но утверждает, что инстинкт, доходящий иногда до настоящего *ясновидения*, может быть только следствием бессознательной духовной деятельности или проявлением Бессознательного. В инстинкте заключается бессознательное познание, всегда безошибочное. Точно также и относительно рефлективных явлений Гартман утверждает, что они не могут быть объяснены действием «мертвого механизма», но суть выражения пребывающей в центральных органах разумной силы (Intelligenz). Так как рефлективные движения имеют явственно индивидуальный характер, то они должны быть рассматриваемы как инстинктивные действия низших нервных центров, т. е. они суть бессознательные представления, которыми обусловливается бессознательная воля, проявляющаяся в рефлективных движениях.

Далее, Бессознательное проявляется в целительной силе природы и в силе органического образования и развития. Обе эти силы суть видоизменения инстинкта и имеют целью осуществление типической идеи рода. Органическое образование строго целесообразно. Цель животного царства есть «повышение сознания». Для достижения этой цели органическая природа должна была распасться на два царства — животных и растений. Растения имеют целью доставлять животным органическую пищу, потому что громадный расход силы на душевную деятельность не позволяет животным брать себе пищу из неорганического мира.

Растения, по мнению Гартмана, суть также одушевленные существа. Бессознательная душевная деятельность у растений, как и у животных, выражается в органическом образовании, в целительной или восстановляющей силе и в «рефлективных движениях», «в инстинкте», «в эстетическом стремлении» (Schönheitstrieb). Растения даже не лишены сознания, потому что простейшие организмы или зоофиты, с которых начинается разделение царств животного и растительного, несомненно, имеют сознание. Сознание растений обусловливается материальным движением в протоплазме их клеток; так как растения не имеют нервной системы с ее проводящими путями, то единства сознания в растениях Гартман не допускает.

В бессознательной душевной деятельности воля и представление связаны нераздельно. Сознание же возникает вследствие эманципирования представления от воли. Живая клетка есть не только индивидуум, но даже индивидуум сознающий. Органический индивидуум высшего порядка состоит из единства индивидуумов низшего порядка. Сознание возникает только через взаимодействие органического индивидуума и Бессознательного. Жизненный принцип, действующий как в целом организме, так и в его частях, есть не что иное как везде одинаковое Бессознательное или «бессознательная мировая душа». Развитие органического мира есть проявление той же всеединой реальности. Гартман принимает первичное зарождение (generatio spontanea) при начале органической жизни, но допускает его только под непосредственным участием Бессознательного. Высшие организмы произошли из низших волей того же бессознательно-творческого духовного начала. Если теперь не происходит первичного зарождения даже низших организмов, хотя всемогущему Бессознательному ничего не стоит непосредственно произвести не только простейший организм, но и высшее животное или растение, то только потому, что Бессознательное расчетливо и не хочет тратить много силы там, где цель достигается с меньшей затратой путем более отдаленным и долгим, путем органического развития (lex parcimoniae naturae).

Бессознательное всеобще; оно проявляется в жизни телесной и духовной, в инстинкте, уме, чувстве, стремлении, характере, поэзии, творчестве, языке, наконец, в истории. Цель мирового процесса есть развитие органической природы. Сознание есть продукт деятельности нервных центров, в особенности же большого головного мозга высших животных и человека. Мозг есть необходимое условие сознания; бестелесное сознание немыслимо. Только бессознательное не зависит от мозга или вообще от материи, потому что бессознательная душевная деятельность есть часть бессознательной мировой души. Отдельные органические особи суть определенные акты воли Бессознательного. Гартман даже признает значение дарвиновского принципа естественного подбора, но считает его только средством, которым пользуется бессознательное для достижения своих целей. Материальное движение, т. е. колебание частиц мозга, есть необходимое условие сознания. Сознание происходит из Бессознательного, потому что оно есть не что иное как изумление воли (sic) перед нежелаемым ее представлением, а потому сознание всегда связано с недовольством. Сознание есть эманципация представления от воли, причем воля противится такой эманципации. Надо заметить, что учение о происхождении сознания самое темное место во всей «философии Бессознательного». Воля сама по себе никогда не может быть сознательной, потому что она никогда не может быть в противоречии с собой. При появлении сознания происходит распадение на субъект и объект, потому что объекты сознания суть чувства удовольствия и неудовольствия. Сознание и самосознание — вещи очень различные. Сознание становится самосозна-

нием только тогда, когда объектом его делается представление субъекта. Самосознание имеет степени, сознание нет, следовательно, нет ни высшего ни низшего сознания. Человеческое сознание и сознание низших животных в сущности совершенно одинаковы и различаются только по содержанию. Единство сознания обусловливается тем, что нервная система представляет одно целое.

Материя в последнем анализе сводится к представлению системы сил. Атомная сила разрешается на волю и представление. Итак, атомы суть проявления единой субстанции Бессознательного. Вещество есть пустое слово, не нужное для науки. Сила мыслима и без материи.

Весь мир есть сумма деятельностей или актов воли Бессознательного. Душа происходит из общего духа и возрастает постепенно, параллельно с развитием органической способности к жизни. Бессознательное премудро и действия его — самые целесообразные из всех возможных. Следовательно, наш мир есть наилучший из всех возможных миров. Повышение сознания, ближайшая цель мирового процесса, собственно есть средство, настоящая же цель есть счастье. Высшее достижимое состояние счастья есть покой, равняющийся небытию. Счастье для человека возможно только при условии иллюзии. Но иллюзии рано или поздно исчезают, и мы убеждаемся, что все есть суета. Возможное повышение мирового процесса повлечет к повышению пессимистического сознания в человечестве и разрушит последнюю иллюзию о достижимости счастья в будущем мирового процесса, и человечество, увидя невозможность положительного счастья, сознательно будет стремиться к нирване.

Вот сжатое изложение «Философии Бессознательного», о которой можно сказать, что она писана дилетантом и для дилетантов. По выражению Оскара Шмидта, это — опиат для слабых голов, — вот вся тайна ее успеха.

V

Основание психологического метода положено Локком. Еще более сделали шаг вперед в этом направлении Гартлей и Э. Дарвин. Но *научный* или *физиологический* метод в настоящем смысле этого слова мы находим только у врача Кабаниса.

Кабанис, написавший известный трактат Rapport du physique et du moral de l'hommae, хотя и был учеником Кондильяка, тем не менее ясно сознал невозможность ограничивать психические явления ощущениями, игнорируя природные инстинкты. Великая заслуга Кабаниса состоит в том, что у него у первого психология является отраслью науки о жизни вообще, связывает проявления разума и воли с общими жизненными явлениями и показывает, что тело и душа соотносительны. С этих пор душа, как одна

из сторон жизни, должна быть изучаема не спекулятивно, но посредством метода естественных наук, метода опыта и индукции. Путем наблюдения человеческого организма и сравнением его с организмами животных Кабанис пришел к следующим выводам: «Способность чувствования и произвольного движения составляет существенное свойство животной природы. Чувствование состоит в свойстве нервной системы отзываться на впечатления, действующие на различные ее части, в особенности на окончания нервов. Эти впечатления могут быть внешними и внутренними. Ясно различаемые внешние впечатления называются *ощущениями*. Внутренние впечатления большей частью смутны и неясны; животное только смутно чувствует их, но не различает ясно их связи с причинами. Ощущения составляют результат действия внешних предметов на органы чувств; от ощущений происходят *идеи*. Внутренние впечатления истекают или из нормального хода отправлений или из болезненного состояния органов; ими обусловливаются побуждения, называемые инстинктами. Ощущение и движение тесно связаны друг с другом. Каждое движение обусловливается впечатлением, и нервы, как органы ощущения, возбуждают и направляют органы движения. При ощущении нервный орган действует сам на себя; при движении он действует на мышцы, заставляя их сокращаться. Наконец, жизненные отправления могут совершаться под влиянием некоторых нервных разветвлений, уединенных от общей массы нервной системы; так, напр., инстинктивные способности могут замечаться даже тогда, когда головной мозг почти совершенно разрушен, или когда он, по-видимому, вовсе не деятелен. Но для образования мыслей необходимо, чтобы существовал головной мозг, и притом в здоровом состоянии. *Головной мозг есть специальный орган мысли*».

Кабанису современна другая доктрина, ставившая своим основанием физиологию и быстро приобретшая огромную известность, это — *френология*. Как бы ни смеялись теперь над френологией, но для своего времени произведение *Галля* (Anatomie et physiologie du Système nerveux, 1810) было произведением в высшей степени замечательным. (Это же сочинение явилось в переработанном виде в 6 том. in 8° в 1823 г. под названием Fonctions du cerveau.) Из своих анатомических исследований Галль вывел заключение, что форма черепа соответствует форме мозга, и что различные способности локализированы на поверхности мозга. Сначала Галль принимал 24 таких «мозговых органа», впоследствии только 20, и притом иначе разместил их. Заслуга Галля вообще состоит в том, что он дал сильный толчок исследованию головного мозга и установил как незыблемый закон, что психические явления непосредственно связаны с нервной системой вообще и с головным мозгом в особенности; он также установил правильную связь между органом и функцией. Галлевская френология есть в одно и то же время психология и практическое искусство узнавать характеры людей. Френология

утверждает, что различные мозговые органы развиты неодинаково у разных субъектов, и что этим различиям соответствуют различия индивидуального характера; она считает возможным определять характеры людей не только по наружному виду мозга, но даже по возвышениям и углублениям черепа.

Относительно значения френологии можно повторить то, что сказал о ней Иоганн Мюллер: «Что касается принципа, то против возможности его ничего нельзя сказать a priori, но галлевская органология не имеет никакого опытного основания, и история головных повреждений скорее говорит против существования особых областей в мозгу для различных умственных деятельностей». Прибавим, что неровности на наружной поверхности черепа вовсе не соответствуют возвышениям и углублениям на поверхности мозга; даже на внутренней поверхности черепных костей отпечатывается только общая форма мозга, а не извилины его.

Попытка *Гербарта* создать математическую психологию была чистым самообольщением и не привела решительно ни к чему. Тем не менее, влияние Гербарта еще до сих пор чувствуется в немецкой психологии. Психология Гербарта (Psychologie als Wissenschaft, 1825 и Lehrbuch der Psychologie, 1815) в сущности метафизическая, потому что понятие о бытии у него основано не на опыте, а на спекуляции. Бытие по Гербарту абсолютно просто, едино и может иметь лишь атрибут качественности. Душа есть простая, неразделимая субстанция, неизвестная по существу, но знакомая нам только по своей деятельности, цель которой есть *самосохранение* (Selbsterhaltung). Результат этого стремления к самосохранению суть представления, происходящие из отношений субъекта к другим существам. Несмотря на такое метафизическое понятие о бытии и о душе, Гербарт дает роль в своей психологии наблюдению и является ожесточенным противником учения о душевных способностях, которое у Вольфа и Канта поглотило всю психологию. Гербарт стремился сделать психологию точной наукой, но не находя возможности применить к ней эксперимент, вздумал основать ее на вычислении. Все состояния сознания, по Гербарту, суть представления, которые, насколько они противодействуют друг другу, могут быть рассматриваемы как противоположные силы. Отсюда, — психология разделяется на *статику*, рассматривающую условия равновесия представлений, и *динамику*, изучающую законы их движения. Существеннейшую роль в душевной жизни играет антагонизм представлений, который может быть различен по степени. Вследствие этого антагонизма часть взаимно противодействующих впечатлений теряется (Hemmung). Подавление представления может дойти до того, что вытеснит представление из сознания, не уничтожая, однако, его совершенно, так что представление остается в виде скрытой потенции. Тот случай, когда представления совершенно подавляют друг друга, будет, по Гербарту, случаем равновесия. При преобладании одного

представления над другим получится активное представление, или движение представлений. Вычисление, с помощью дифференциалов, условий этого равновесия и движения и составляет предмет статической и динамической психологии. Представление, подавляемое другим представлением, может быть вытеснено из сознания. Переходный пункт между сознательным и бессознательным представлением называется *порогом сознания* (Schwelle des Bewusstseins). Величина этого порога (математическая) есть та величина, которую имеет представление при появлении в сознании; если интенсивность каждого из двух представлений A и B равна 1, то C на пороге сознания выразится $\sqrt{½}$ или 0,707. Простейший случай тот, когда два представления находятся между собой в полном антагонизме и имеют одинаковую интенсивность, напр. оба равны 1; вследствие взаимного противодействия каждое из них потеряет тогда ½ своей первоначальной интенсивности. При неравной силе и неполном антагонизме решение чрезвычайно сложно. Что касается до динамики представлений, то она имеет задачи: вычислить уменьшение суммы подавления при движении представлений, определить скорость движения и время продолжительности каждого движения, выразить математически условия возникновения представлений.

Общие идеи, по Гербарту, возникают из взаимной реакции аналогических представлений. Напр., идея пространства получается из последовательности ощущений в том случае, если эта последовательность может быть пройдена от начала к концу и от конца к началу. Чувства суть не что иное, как отношения между представлениями. Желания (сюда Гербарт включает стремление, страсти, волю) происходят при преобладании одного представления, направляющего в ту же сторону и другие. Сознание есть сумма наличных представлений. Вся психология Гербарта переполнена произвольными гипотезами: как, напр., единство бытия и простота души, стремление души к самосохранению, особенно же учение, что представления оставляют остатки, через которые могут сливаться в одно целое, — и много других. Точки исхода у Гербарта совершенно произвольны и в то же время слишком просты для того, чтобы привести к общим законам взаимных отношений представлений и дать механику интенсивных психических явлений.

VI

Теперь, оставляя пока немецкую психологию, которая мало-помалу, отрешаясь от метафизики, становится на твердую почву наблюдения и опыта и постепенно переходит в *физиологическую* психологию, мы займемся английской школой. «Скипетр психологии», говорит Джон Стюарт Милль, «решительно принадлежит Англии».

Действительно, со времени Локка англичане с большой любовью занимались эмпирической психологией, освобожденной от всякой метафизики,

и сделали в этом направлении для психологии больше, чем какая-нибудь другая нация. Отцом *английского эмпиризма* можно считать Гартлея, о котором была речь раньше. Оставив в стороне *Гамильтона*, больше метафизика и логика, чем психолога, и *Дюгальда Стюарта*, мы начнем с Джемса Милля, отца Джона Стюарта Милля.

Джемс Милль есть настоящий творец *ассоцианистической* психологии. Вся психическая деятельность у него сводится к ощущениям, представлениям и ассоциации их. Он распределяет ощущения по следующим классам: обоняние, слух, зрение, вкус, осязание, ощущение расстройства в различных частях тела, ощущения мышечные и внутренностные. По прекращении своем ощущение и представление оставляют после себя *след* или *копию*; это Джемс Милль называет *идеей*. Соответственно с этим, параллельно способности чувствования он ставит способность *идеации* (Ideation). Все представления, как простые, так и сложные, происходят из простых ощущений и идей вследствие *ассоциации* их. Ассоциация ощущений происходит или в синхроническом (одновременном) порядке, и тогда дает представление пространства, или в порядке последовательности, и тогда дает начало понятию о времени. Что касается до идей, то они рождаются и существуют в том же порядке, как те ощущения, от которых они остались как копии. Сложные идеи ассоциируются точно так же, как простые. *Сознание* есть не что иное как ряд или последовательность ощущений. Последовательность или ряд идей составит *воображение*, где характер идей может быть весьма различен; так, у медика, метафизика, купца, юриста, солдата, дипломата — идеи совершенно различны. *Память* или *воспоминание* имеет основой способность идей вызывать одна другую. Вспоминая что-нибудь, мы пробегаем ряд идей в надежде, что одна из них вызовет в сознании то, что нам нужно. Сложное воспоминание также зависит от ассоциации идей и состоит из трех элементов: идеи настоящего момента, идеи вспоминаемого момента и ряда промежуточных идей; понятно, что от настоящего момента, возобновив ряд промежуточных идей, мы доходим и до припоминаемого момента. Обобщающими функциями ума Джемс Милль называет *классифицирование* и *отвлечение* или *абстракцию*. Классифицирование есть умственный процесс, посредством которого мы соединяем объекты наших ощущений в известные группы, называемые классами, для удобства обозначения этих предметов именами. Абстракция же отделяет в сложной идее некоторую часть, чтобы получить предмет, рассматриваемый в самом себе. Для каждого получаемого от отдельного предмета ощущения наше воображение предполагает *причину*; общая причина этих причин есть *субстрат*; субстрат со своими качествами составляет *объект*. Более простые мысли у Джемса Милля называются *суждениями*. Между абстрактными понятиями Джемс Милль отличает идеи отношения или *относительные термины* (напр., сходство и несходство, предыдущий

и последующий) и *термины отрицания*. Происхождение понятий времени и пространства объясняется нашим автором очень просто. В реальном предмете пространство всегда дается вместе с телом; стоит только отвлечься от самого тела, чтобы получить место его в пространстве или само пространство. Идея же времени есть идея последовательности; чтобы получить отвлеченное представление времени, нужно обобщить представление времени, — представление настоящего, прошедшего и будущего. Идея движения есть отвлечение из представления движущегося тела. Идеи пространства и движения получаются из осязательных и мышечных ощущений.

Наши ощущения бывают приятными, неприятными и индифферентными. Причины удовольствия и неудовольствия могут быть ближайшими и отдаленными. Идея (т. е. мысленное представление) удовольствия есть *желание*, идея неудовольствия — *отвращение*. Ожидание приятного в будущем, но не наверное, называется *надеждой*; ожидание, что приятное имеет быть наверное, есть *радость*. Ожидание неприятного при тех же условиях составит *опасение* и *огорчение*. Приятное ощущение или идея этого ощущения, в соединении с идеей причины его, дает начало *склонности* или *любви*. Неприятное ощущение или идея его, в таком же случае, составит *антипатию* или *ненависть*.

Отдаленные причины удовольствия или неудовольствия дают начало чувствам и желаниям: эгоистическим (власть, богатство, почести), социальным (любовь, дружба, товарищество), эстетическим (вкус, чувство изящного).

Побуждение к действию называется *мотивом*. Мотивами бывают удовольствие, неудовольствие и их причины, близкие и отдаленные. Нравственные чувства и добродетель имеют в основе доставляемое ими удовольствие и пользу, а также одобрение других людей. Джемс Милль придает громадное значение воспитанию, которое может устанавливать полезные ассоциации идей. *Воля* есть способность развивающаяся, и на развитие ее должно обращать особенное внимание при воспитании. Вопроса о свободе воли Джемс Милль не касается.

Джон Стюарт Милль один из известнейших современных философов. Его обыкновенно считают между позитивистами, и это справедливо в том смысле, если иметь в виду положительное направление современной философии, но собственно к школе позитивизма, глава которой есть *Огюст Конт*, Милль ни в каком случае не принадлежит. Большая часть одного из главных его сочинений, «Системы Логики», написана до его знакомства с философией Конта.

Джон Стюарт Милль не изложил своих психологических воззрений систематически и потому нам придется собирать их по разным его сочинениям.

«Предмет психологии, — говорит Милль (Система Логики, пер. Резенера, 1867, II, гл. VI) — составляют однообразия последовательности, законы, самобытные или произвольные, по которым наши душевные состояния следуют одно за другим, по которым одно причиняется другим, или, по крайней мере, вынуждено за ним следовать. Из этих законов одни общие, другие более частные». «Пусть психология далека от точности, доступной ныне астрономии, все-таки нет причины, почему бы не признать ее наукой наравне с тайдологией (наукой о приливах и отливах) или астрономией, когда вычисления последней одолевали только главные явления, а не пертурбации». Относительно метода психологии Милль говорит (Логика, II, гл. IV) следующее: «Последовательность душевных явлений не может быть выведена из физиологических законов нашей нервной организации. Нам пришлось бы ждать еще долго и, может быть, не дождаться никогда действительного знания в том объеме, в котором мы можем приобрести его путем прямого изучения последовательности душевных явлений. Таким образом, существует наука о душе, отличная от физиологии нервной системы. Конечно, никогда не должно упускать из вида отношений науки о душе к физиологии или пренебрегать этими отношениями. Отнюдь не следует забывать, что законы души могут быть производными законами, вытекающими из законов животной жизни, и что истинность их, вероятно, в конце концов опирается на физических условиях. Влияние физиологических состояний или изменений на изменение или нарушение последовательности душевных явлений есть один из более важных отделов психологической науки. Но, с другой стороны, отвергать (как Огюст Конт) пособие психологического анализа и строить теорию души на одних данных, какие представляет физиология, кажется мне важной ошибкой в принципе и еще большей на практике».

Само собой разумеется, что Джон Стюарт Милль свою эмпирическую психологию или психологию a posteriori противополагает психологии метафизической или априорной. Последняя утверждает, что во всяком психическом акте, даже в самом простом, есть элемент, не входящий извне, но обусловливаемый самим духом в силу его собственных свойств. В этом душевном элементе нуждается, напр., ощущение, чтобы сделаться восприятием. Понятия пространства, времени, числа, силы и др. суть продукты не опыта, а собственных законов духа, только пробуждаемых ощущениями. Точно также опыт неприложим (по мнению метафизиков) к явлениям нравственного порядка. Напротив, психология эмпирическая, не отвергая в наших идеях элемента, налагаемого субъектом, и вполне признавая, что наши представления не суть точные копии внешних предметов, но продукты нашей психической организации, полагает, что все душевные процессы могут быть исследованы и объяснены. Она полагает, что можно открыть законы, по которым из простых идей и представлений происходят сложные

идеи и общие понятия, как то: понятия времени, пространства, причинности и др.

Основные положения психологии a posteriori суть: 1) самые общие и абстрактные умственные явления суть продукты явлений простых и элементарных; 2) психологический закон, посредством которого происходят эти идеи, есть закон ассоциации.

В науке о душе, как и во всякой другой естественной науке, можно следовать двумя путями, или путем *индуктивным*, возвышаясь от частных фактов к общим законам и от последних — к еще более общим, или путем аналитическим, отправляясь от сложных явлений и разлагая их на явления простые.

Кроме общей психологии, исследующей законы душевных явлений, Джон Стюарт Милль отличает *практическую психологию* или *этологию*. Этология есть наука о характере; это — прикладная психология, в настоящее время находящаяся еще в эмбриональном состоянии; этология занимается не общими, но производными и частными законами психической деятельности, преимущественно законами образования характера. Она может быть названа точной наукой о человеческой природе, потому что истины ее суть не приблизительные обобщения, подобно зависящим от них эмпирическим законам, а действительные законы. Психология есть наука опыта и наблюдения; этология — наука вполне дедуктивная. Если первая указывает простые законы душевной жизни вообще, то вторая обнаруживает их действие в сложных сочетаниях обстоятельств (Логика, кн. VI, гл. V). Между психологией и этологией такое же различие, как между физикой и механикой. Метод изучения этологии может быть двоякий. Можно взять частное явление, вывести его теоретические следствия и сравнить вывод с непосредственными данными опыта; или можно изучать различные типы человеческой природы, анализировать их, наблюдать условия и обстоятельства, при которых господствуют известные типы, и затем объяснять характеристические черты типов особенностью условий. Само собой разумеется, что дедуктивные выводы этологии нуждаются в проверке a posteriori.

Теперь взглянем собственно на психологию Милля. Душой мы называем то, что чувствует в нас. Проявления души суть ощущения, идеи, душевные движения, воля. *Сознание* есть интуитивное познание, составляющее фон наших душевных состояний, которые только и могут появляться в сознании и благодаря сознанию; иметь ощущение значит иметь сознание об этом ощущении. Милль хотя и признает, по примеру Гамильтона, бессознательные акты, но не причисляет их к области душевной деятельности, а считает их результатами изменений собственно в нервах. Понятие о *личности* — т. е. самосознание, отличение себя от окружающего, — не присуще нам с самого начала, но составляет продукт известного числа ощущений. Различение субъекта и объекта, духа и материи приводится к отличию

ощущения, принимаемого субъективно, от ощущения, рассматриваемого объективно. Наше восприятие материи или объекта в сущности сводится к представлению трех основных качеств — сопротивления, протяжения и формы. Сопротивление дается нам нашими мышечными ощущениями, с которыми так тесно ассоциируются осязательные ощущения, что одних последних часто довольно, чтобы возбудить представление сопротивления, относимое к какой-нибудь внешней причине (объекту). Идея протяжения зависит от восприятия последовательности. Ощущение мышечного движения дает происхождение представлению незанятого пространства, ощущение задержанного мышечного движения обусловливает представление занятого пространства или протяжения. То обстоятельство, что у нас в происхождении понятия о пространстве играет большую роль зрение, затемняет указанное происхождение понятия пространственности. Но наблюдения над слепорожденными не позволяют сомневаться, что это понятие в сущности приводится к идее времени и что представление протяжения или расстояния есть собственно представление еще более или менее долго продолжающегося мышечного движения.

Главнейший закон психической жизни есть *закон ассоциации*. «Этот закон», говорит Милль, «имеет для психологии то же значение, как закон тяготения для астрономии, или элементарные свойства для физиологии». Частные законы ассоциации суть: 1) идеи ассоциируются по сходству; 2) идеи ассоциируются, если они возникают одновременно или непосредственно одна за другой; 3) большее напряжение одного или обоих впечатлений равняется, в отношении ассоциируемости, более частому повторению их сочетания (Логика, кн. VI, гл. IV). Сложные идеи могут быть сравниваемы иногда со сложными механическими явлениями, иногда с химическими соединениями. В первом случае результат действия многих причин есть просто сумма действий каждой причины в отдельности, так что в общем итоге мы всегда можем отыскать каждую из отдельных причин. Во втором случае, т. е. в результате химического соединения, мы получаем тело, вовсе не похожее на тела, из которых оно составилось. Поэтому можно сказать, что иногда сложные идеи слагаются из простых, иногда ими производятся.

Синхронические ассоциации характеризуют людей впечатлительных и дают живое представление о предмете, с чрезвычайной конкретностью и обилием подробностей. Преобладание этих ассоциаций составляет то, что называется живым воображением — способностью, которой отличаются вообще художники. У других людей преобладают последовательные ассоциации, особенно характеризующие людей, много мыслящих, ученых и философов.

Нам остается теперь сказать о миллевской теории причинности, о его понятии о свободе воли, о материи и духе. Значения Милля, как логика и моралиста, мы касаться не будем.

«Явления природы», говорит наш автор (Логика, кн. III, гл. V), стоят одно к другому в двояком отношении, в отношении одновременности и в отношении последовательности. Каждое явление связывается единообразно с некоторыми явлениями, существующими с ним одновременно, и с другими, которые ему предшествовали, или последуют за ним. «Известные явления всегда следуют и, как мы полагаем, всегда будут следовать за известными другими явлениями. Неизменный предшествующей член этого отношения называется причиной, неизменный последующий член — следствием. Говоря философски, причина есть сумма всех условий положительных и отрицательных, взятых вместе, совокупность случайностей всякого рода, наступление которых неизменно сопровождается следствием». Но неизменная последовательность еще не однозначаща с отношением причины к следствию; нужно, чтобы последовательность была не только неизменна, но и безусловна. После ночи неизменно следует день, но ночь вовсе не есть причина дня. Итак, причина есть антецедент или целый ряд антецедентов, с которыми явление связано неизменно и безусловно необходимо. Безусловная необходимость такой связи узнается путем опыта. В последовательности дня и ночи опыт показывает отсутствие безусловности; ночь и день имеют общую причину, обусловливающую их правильную сменяемость.

Метафизики говорят, что причина всех явлений есть дух или воля. Милль не занимается причинами трансцендентальными, но, переводя вопрос на почву человеческой воли, находит, что воля не есть causa efficiens, но причина физическая. Воля обусловливает телесное движение в том же смысле, в каком холод производит лед и искра производит взрыв пороха. Хотение, состояние нашего *я* есть предшествующее, сообразное хотению движение — последующее. Теория, выставляющая волю как causa efficiens, опровергается тем, что между сознаваемым актом воли и двигательным актом, также сознаваемым нами, есть ряд промежуточных актов, совершенно несознаваемых.

Между общими идеями одни, по общему признанию, суть обобщения опыта, другие же отличаются характером необходимости, ставящим их, по мнению рационалистов, выше опыта. По Миллю, и общие идеи последнего рода суть также обобщения опыта. Положение, как напр.: «две параллельные линии всегда находятся на одинаковом расстоянии друг от друга», не есть положение априорное, потому что эта истина — не что иное, как продукт «мысленно продолженного опыта». Что касается характера необходимости, т. е. немыслимости здесь отрицания, то этот критерий для Милля не имеет большого значения. Многие вещи, бывшие когда-то немыслимостями, стали теперь фактами (напр., существование антиподов, явления тяготения, аэронавтика).

Процесс мышления на низшей своей ступени есть не что иное, как случайное ассоциирование идей. Форма примитивного мышления есть заклю-

чение от частного к частному. Правильное суждение есть заключение от известного к неизвестному, от частного к общему, причем место случайных ассоциаций, характеризующих детей и высших животных, занимается ассоциациями постоянными и безусловными, т. е. отношениями причинности.

Относительно вопроса о *свободе воли* Милль держится такого мнения. Существуют необходимые физические последовательности, напр., смерть при отсутствии воздуха или пищи, и существуют причинные отношения, не представляющие такой необходимости, напр., смерть от отравления, которая может быть предотвращена употреблением противоядия или желудочного насоса. Человеческие действия принадлежат к последней категории. Причинность отношений здесь существует в полной силе, но необходимости тут нет, так что мы можем делать решение в том или другом смысле. Тут происходит борьба, но не между волей и чем-то посторонним, но между двумя мотивами, из которых сильнейший всегда побеждает. Ответственность, однако, остается в полной мере. Мы имеем нравственную обязанность стараться об облагорожении нашего нравственного характера, потому что наше поведение, а частью и наш характер зависят от нас самих.

Психологическая теория верования в реальность внешнего мира предполагает некоторые постулаты, которые все берутся из опыта: 1) испытав действительные ощущения, мы способны составить понятие вообще об ощущениях возможных; 2) наши идеи ассоциируются по известным законам: a) о сходных явлениях мы всегда мыслим вместе; b) мы всегда мыслим вместе о явлениях смежных по пространству и времени; c) ассоциации, обусловленные смежностью, становятся особенно устойчивыми; 3) когда образовались устойчивые ассоциации, явления, соответственные ассоциированным идеям, кажутся нераздельно и неизменно связанными между собой.

Таким образом, порядок наших ощущений и идей, устанавливая естественные и необходимые ассоциации, неизбежно приводит к вере в существование внешнего мира, и вера эта кажется нам интуитивной. Во всяком случае, идея внешнего мира есть идея ощущений, действительных или возможных. Возможные ощущения, группы этих возможностей и порядок между группами, а также полное согласие в этом отношении всех людей, — в результате дают идею *материи* (Examination of Sir William Hamilton philosophy, ch. XI). Если спросят, почему мы полагаем, что предметы существуют вне нас, мы ответим, что это зависит от постоянства и неизменности групп возможных ощущений, неизменяющихся при изменениях нашего сознания. Разумеется, понятие о материи относительно. Мы знаем внешний мир только по изменениям, производимым им в нашем сознании. Наше понятие о духе (указ. соч., гл. XII) есть собственно понятие о чем-то постоянном в противоположность меняющимся состояниям сознания. Идея

о духе есть не что иное, как представление ряда действительных ощущений и бесконечного ряда ощущений возможных, способных реализоваться в надлежащих условиях. Такое определение понятия о духе, само по себе, нисколько не противоречит ни понятию о Высшем Духе, ни понятию о бессмертии души.

Герберт Спенсер может быть назван оригинальнейшим из современных мыслителей. Ему мы обязаны полной теорией эволюционизма. Из всех его капитальных трудов нас здесь интересуют преимущественно его Principles of Psychology. Содержание этого сочинения нелегко может быть рассказано на нескольких страницах, потому что в подлиннике эти два тома составляют более тысячи страниц.

По Спенсеру, психология занимается не соотношениями внутренних явлений — это предмет физиологии; и не соотношениями явлений внешних — это предмет физики, а соотношением первого соотношения со вторым. То, что мы называем душой, по всей вероятности, в последнем анализе есть нервный процесс, из которого путем интеграции (слияние в одно целое) происходят все различные состояния нашего сознания (Princ. of psych. T. II, ch. I). Все состояния сознания могут быть разделены на душевные движения, исходящие из нервных центров, и ощущения, берущие начало из периферии. Периферические ощущения разделяются на наружные и внутренние. Отношения между состояниями сознания сводятся к трем рубрикам; сосуществование, последовательность и различие. Principles of psychology имеет задачей посредством двойного пути, синтеза и анализа, показать единство душевных явлений и непрерывность их развития. Первый результат, к которому мы приходим при изучении психических явлений — тот, что между ними и явлениями физиологическими нет резкой границы; жизнь тела и жизнь души суть только различные виды жизни вообще. Задача научной психологии состоит в изучении различных форм ощущения и мысли и в том, чтобы проследить нить непрерывного развития с ничтожнейшей инфузории до цивилизованного человека. Основная идея психологии Спенсера — *принцип прогресса* или *развития*. «Хотя мы обыкновенно различаем жизнь душевную от жизни телесной, но стоит только немного подняться выше обыкновенной точки зрения, чтобы убедиться, что жизнь тела и жизнь души суть только виды одной общей жизни, и что всякая граница между ними совершенно произвольна»… «Но если принять в соображение, что от простого рефлективного акта ребенка, акта сосания, до самого сложного мыслительного процесса взрослого человека прогресс идет с каждым днем, хотя медленно и постепенно, если убедиться, что между автоматическими актами самых низших из живых существ и самыми высшими функциями человеческого сознания лежит ряд психических явлений, свойственных различным классам животного царства, то понятно, что трудно и даже невозможно сказать на известном месте этого ряда: здесь начинается мышление». Вот —

ученый, который применяет в своих изысканиях различные умственные операции и методы мышления, вполне отдавая в них отчет себе, вот — человек обыкновенного уровня образования, рассуждающий здраво и умно, но без отчета, как это происходит; далее, вот — крестьянин, у которого самые высшие обобщения не выходят из области местных фактов; вот — дикарь, почти неразмышляющий, понятия которого о числах едва превышают понятия этого рода у собаки; далее, высший представитель приматов, действия которого настолько же обдуманны, как у маленького школьника; потом — самые высшие в умственном отношении четвероногие, от которых постепенно можно перейти к животным, руководящимся только инстинктом и не меняющим своих действий сообразно обстоятельствам; от сложных инстинктивных действий перейдем к простым, где стимул и движение очень просты; далее — рефлексы, где мышечное сокращение непосредственно вызывается раздражением чувствующего нерва; еще ниже — и вот животные, лишенные как мышечной, так и нервной системы, у которых одна и та же ткань имеет чувствительность и сократительность и, кроме того, отправляет функции питания, выделения, дыхания и размножения. Просмотревши этот длинный ряд различных ступеней развития и убедившись, что между соседними ступенями резких границ не существует, мы поймем тогда, что не может быть резкой границы между умственными явлениями и явлениями жизни органической вообще.

Другое основание доктрины Спенсера — необходимое соответствие между живым существом и его средой. Жизнь есть *соответствие* или непрерывное приспособление внутренних отношений к внешним. Когда к физической жизни присоединяется жизнь психическая, приспособление становится только более сложным. Степень жизни различна, так же как различна и степень соответствия. Между простейшими животными, состоящими только из одной ткани и отражающими только самые простые механические изменения соседних молекул, до Шекспира и Ньютона, носивших в уме всю конкретную или абстрактную реальность мира, — довольно места для всевозможных степеней соответствия, но параллелизм между животным и его средой всегда существует.

Самая низшая степень соответствия — *соответствие прямое* и *однородное*. Примеры: дрожжевые клетки, грибок protococcus nivalis, одноклеточное животное грегарина. Здесь организм крайне прост, в нем мало изменений и то такие, которые непосредственно зависят от изменений в среде, почти однородной; отдаленного соответствия между внутренними и внешними отношениями здесь еще нет. Спенсер не знал тогда, что существуют еще более простые существа, не дошедшие еще до степени клетки, это — недавно открытые монеры, которые находятся в глубине морей в виде простых комков однородного слизистого вещества и которые питаются, просто втягивая в себя питательные частицы или инфузорий и растворяя

их (см. *Haeckel*, Natürl. Schöpfungsgeschichte). Степенью выше соответствие *прямое*, но *инородное*, как у зоофита, употребляющего свои щупальца. Здесь существованию в среде осязаемых частичек и другим ее качествам соответствует в организме отношение последовательности между известными осязательными впечатлениями и сокращениями. Далее, *соответствие распространяется в пространстве*, т. е. внутренние отношения приспособляются к более и более отдаленным внешним отношениям. Возьмем, напр., орган зрения. У низших животных вся их ткань имеет способность отвечать на резкие световые раздражения; зачаточный глаз у планер является в виде небольшого количества пигментных зерен, помещенных под кожей; у членистых моллюсков, у водяных позвоночных, у высших млекопитающих и у человека мы видим все большее и большее усовершенствование органа зрения, все большую и большую способность охватывать отдаленные внешние отношения. Моллюск движется только при непосредственном прикосновении к нему, цивилизованный человек приспособляется к самым отдаленным внешним отношениям. Европейский банкир соображается в своих действиях с ходом дел в Америке, а искусственно усиленный глаз астронома достигает до далеких туманных пятен. *Соответствие возрастает также во времени*. Низшим животным доступны только простейшие и кратчайшие механические следствия. Чем выше животное, тем более оно приспособляется к более долгим периодам и, наконец, начинает предвидеть будущее, как собака, прячущая кость на голодной день. У бродячих диких племен самый долгий промежуток времени, имеемый в виду, — самое большее год. Мы же садим деревья, плоды которых увидят только наши потомки, и строим дома, которые будут стоять столетия. Было время, когда человек знал только последовательность дня и ночи; современный же астроном определяет громадное время, после которого земная ось возвратится к своему прежнему положению в пространстве, и еще более громадный период планетных пертурбаций. Прогресс виден также в *специализации* соответствия. Напр., развитие органа зрения выражается в возрастании способности различать оттенки цветов и теней. Прогресс в специализации представляется также в переходе от обыкновенного знания к науке, к точному количественному предвидению.

Кроме того, соответствие возрастает в *общности* и *сложности*. Впечатление, получаемое от объектов, становится все более и более инородным. Например, глаз воспринимает не только цвет, величину и форму, но и расстояние в пространстве, движение и его быстроту. Пример возрастания в общности и сложности представляется в минералоге, исследующем в отдельности каждое из свойств минерала, чтобы из них составить общее понятие о минерале и дать ему назначение.

Вот различные пути прогресса в приспособлении внутренних отношений к внешним. Координация соответствий представляет всевозможные степени,

от преследующего и бегущего животного до современного ученого, обнимающего самые точные количественные отношения и самые сложные данные. Из координации соответствий происходит их интеграция, т. е. слияние простых соответствий в одно нераздельное целое. Нужно, напр., не только знать чужой язык теоретически, но и привыкнуть слышать его, чтобы понимать беглый разговор на нем.

Ум не представляет резко раздельных степеней и не состоит из независящих друг от друга способностей. Принятые психологические классификации совершенно произвольны. Каковы бы ни были различия разных форм ума, они не могут быть ничем другим, как особенными формами приспособления внутренних условий к внешним или частными случаями этого процесса приспособления. Вот результат общего синтеза или первой части «Оснований психологии», за которой мы переходим ко второй части — аналитической.

Два вида жизненных явлений, явления психологические и явления физиологические, отличаются друг от друга тем, что вторые представляют вместе изменения и последовательные и одновременные, первые же — только последовательные. Существенный характер психических явлений — их сознательность, а так как одно состояние сознания исключает другое, то понятно, что эти состояния могут явиться только в виде простого ряда. Разумеется, в этом различении нет ничего абсолютного. При начале развития различные проявления душевной деятельности скорее одновременны, чем последовательны, т. е. имеют характер более физический, чем психологический. В высших лучистых животных каждая из одинаковых частей тела имеет свой самостоятельный нервный узел, следовательно, здесь психические изменения локализируются *одновременно* в различных частях организма. Если разрезать тело суставчатого на несколько частей, то каждая проявляет чувствительность и движение самостоятельно. Прогресс психической жизни выражается постепенным перевесом последовательности душевных явлений над их одновременностью. Для возможности соответствия между животным и его средой необходимо, чтобы по мере получения организмом более многочисленных впечатлений эти впечатления координировались, централизовались, наконец, составили единство. Поэтому последовательная форма есть специальный характер ума. Задача психологии состоит в определении закона последовательности для непрерывного ряда душевных явлений. Ум есть соответствие мыслящего существа со внешними сосуществованиями и последовательностями, отражаемыми его мыслями. Основной закон ума может быть формулирован так: «сила стремления каждого последующего психического изменения следовать за своим предшествующим пропорциональна постоянству связи между представляемыми ими внешними предметами». Но это не значит, что такой закон осуществляется в каждом разумном существе. Это закон ума in abstracto, в дей-

ствительности же он выполняется только с большей или меньшей полнотой. Таким образом, вся умственная деятельность в сущности сводится к ассоциации идей — основной способности ума. Спенсер полагает, что существуют неразделимые ассоциации идей, передающиеся по наследству и имеющие неотразимую силу потому, что они суть следствия систематизировавшегося опыта не одного индивидуума, но всех наших человеческих предков, в некоторых случаях даже — всех животных организмов, находящихся, по теории эволюционизма, в числе наших далеких родичей.

Строго говоря, есть только один закон ассоциации, что душевные акты *координируются* друг с другом *во времени*. Процесс ассоциации состояний сознания совершается автоматически, так что каждое состояние сознания сразу входит на свое место, в свой класс, порядок, род, вид и разновидность между предшествовавшими, подобными ему состояниями.

Между субъективными явлениями и объективными изменениями, происходящими в нервной ткани, существует полный параллелизм. Изменения в нервных клетках объективно соотносительны с известными нам субъективно состояниями сознания, и движения в волокнах, соединяющих мозговые клетки, суть объективные соотносительные отношения между состояниями сознания. Ассоциирование одного состояния сознания с другим соответствует локализации нервного изменения в известной части клеточной мозговой массы; ассоциация между отношениями этих состояний соответствует локализации молекулярного движения в каком-нибудь пучке нервных волокон.

Самый элементарный психический акт есть акт *простого рефлекса*. Он составляет основу инстинкта, памяти, наконец, ума, чувства, воли. В простом рефлексе отдельное впечатление имеет результатом отдельное мышечное движение. В сложных рефлективных актах, составляющих то, что называют инстинктом, одно впечатление имеет результатом целый ряд движений. В самой сложной форме инстинкта мы видим координации, в одно и то же время выполняющие сложные движения и регулирующие их. Переход простого рефлекса в сложный или в инстинкт совершается через накопление опыта и через наследственную передачу. Возрастая в сложности, инстинкт постепенно переходит в разум, потому что, по мере усложнения, рефлективная координация становится менее правильной и постепенно теряет характер автоматичности.

С инстинктом тесно связывается память, которая может быть названа рождающимся инстинктом, как инстинкт может быть рассматриваем как организованная память. Воспоминание есть не что иное, как внутреннее воспроизведение полученного раньше впечатления. Внутренние возбуждения, вызывая друг друга, образуют правильную или неправильную последовательность идей, называемую памятью. Происходя из инстинкта, память, обратно, может переходить в него; так, пианист играет автоматически то,

что раз заучил. Понятно, что между инстинктом и умом не может быть резкой границы. Разница состоит только в том, что в инстинкте соответствие внутренних отношений с внутренними сравнительно просто и обще, тогда как ум представляет соответствие между отношениями сложными, частными, абстрактными и редкими. От формы суждения от частного к частному, свойственной детям и высшим млекопитающим, до индуктивного или дедуктивного мышления мы видим непрерывный прогресс, обусловливаемый накоплением опыта.

Чувство, как известно, тесно связано с собственно умственными процессами. Всякое душевное движение имеет в себе элементы познания, и всякий акт познания связывается с чувством. Развитие чувства также обусловливается развитием соответствия, и прогресс в чувстве выражается в интеграции, в возрастании сложности. Самый простой вид чувства есть *желание*; далее следуют простые чувственные импульсы, соответствующие мало сложным впечатлениям, потом — простые чувства, соединяющиеся в группы, из ассоциации которых происходят сложные чувства. Чувство тем сильнее, чем больше заключается в нем ощущений, действительных или в зародыше. Этим-то и обусловливается неодолимая сила *любви*.

Воля происходит из того же самого процесса, как ум и чувство. «Когда от организирования накопленного опыта автоматические действия становятся настолько разнообразны, сложны и вместе с тем редки, что не могут более быть производимы без замедления и с машинообразной точностью, когда после сложного впечатления соответствующие ему движения, зарождаясь, не могут быть выполнены в силу противодействия других зародышных двигательных актов, зависящих от впечатления, неразрывно соединенного с первым, тогда происходит то состояние сознания, которое, когда оно, наконец, разрешается в действии, называется *актом воли*». Источники развития воли суть аффективные явления, и корень ее составляют желания. Абсолютная свобода воли немыслима. Акт воли есть продукт суммы действительных состояний сознания, которые сами по себе происходят в зависимости от опыта, настоящего или прежнего. Кроме наличных впечатлений и чувств, воля обусловливается характером человека и наследственностью.

Третью часть первого тома Principles of Psychology составляет физический синтез. Здесь изображается генез нервных систем от самых простых до самых сложных, и непрерывный процесс нервной деятельности представляется как сложный результат физических причин. Процесс возбуждения нерва сводится на молекулярное движение. Каждое возбуждение оставляет нерв в таком состоянии, что то же самое молекулярное движение в другой раз совершается легче, с меньшим сопротивлением. Это — существеннейший закон нервной деятельности, лежащий в основании универсаль-

ного закона ума. Физический синтез более, чем какая-либо другая часть психологии Спенсера, полон оригинальных взглядов и остроумных объяснений, но, к сожалению, он совершенно не может быть изложен на одной-двух страницах.

В конце первого тома своей психологии Спенсер говорит: «Мы нашли, что как в простейших, так и в сложных случаях физический принцип и душевные явления идут параллельно. Рассматривая усложнения строения, от генерации к генерации присоединяющиеся одно к другому, мы составили себе общее понятие о способе происхождения сложных нервных систем из простых. В то же время мы яснее поняли природу различных состояний сознания — восприятий, идей, душевных движений и пр. Простирая рассуждение до более отдаленных следствий, мы нашли, что формы душевного развития, как нормальные, так и ненормальные, начиная с изменений сознания, сопровождающих телесные изменения, и до экстазических состояний, вызываемых известными веществами, становятся объяснимыми».

Факт передачи нервных функций потомству неоспорим. Нет сомнения, что от поколения к поколению передаются по наследству изменения строения, как те, которые называются нами произвольными, так и те, которые зависят от развития функций упражнением. В первые периоды развития нервной организации самыми главными причинами, произведшими благоприятное изменение нервного строения, было переживание организмов с этими изменениями. Но в позднейшее время развития более важной причиной является непосредственное произведение (вследствие изменений, зависящих от упражнения функций) известных изменений и передача их потомству. Спенсер считает наследственные видоизменения, производимые самими функциями, более деятельными факторами развития, чем естественный подбор и переживание более способных индивидуумов, что, по его мнению, играет только второстепенную роль.

Итак, вся душевная деятельность может быть сведена к молекулярному движению в мозге. Тем не менее, Спенсер далек от материализма. В самом деле, что такое движение? Сущность души так же мало постижима, как сущность движения. «Мы можем мыслить о материи только в терминах духа; мы можем мыслить о духе только в терминах материи». Мы имеем уравнение с двумя неизвестными и, понятно, мы или определяем x через y, или y через x (Princ. of psych., I, ch. X.) Единственное заключение, которое мы можем еще сделать, что одна и та же реальность проявляется нам в двух видах — субъективно и объективно. Природа этой реальности нам недоступна, но порядок явлений ее в мире интеллектуальном, очевидно, тот же, что и порядок проявлений ее в мире материальном. Вот те выводы, к которым приводит нас объективная психология.

Субъективная или *аналитическая* психология указывает на тот же закон развития, как и психологический синтез. Основной принцип аналитической

психологии Спенсера — тот, что между всеми умственными явлениями существует *единство состава*. Природа простейшего, едва сознательного умственного акта одинакова с природой сложного мыслительного процесса в мозге ученого; в том и другом случае в основе деятельности лежит схватывание *сходства* и *различия*. Результат аналитики ума тот, что умственная жизнь обусловливается двумя основными процессами: процессом *объединения* или *интеграции* и процессом *дифференцирования* или *дезинтеграции*.

Начнем с самого сложного умственного процесса, с *рассуждения количественно сложного*, т.е. с мышления точного и состоящего из многочисленных отношений. Точность этого рассуждения зависит от того, что здесь идет дело об отношениях однородных и идентичных. Рассуждение количественно сложное сводится к рассуждению количественно простому, где уму приходится оперировать с равенствами. Оперирование с неравенствами, которых может быть бесконечное множество (тогда как равенство единично), составляет *количественно простое несовершенное* рассуждение.

Когда мы переходим от сравнения величин к сравнению интенсивностей, мы имеем дело уже не с количествами, и здесь такой точности уже не может быть. Это будет рассуждение *качественное*, имеющее задачей определение сосуществований или несосуществований вещей, атрибутов и отношений, одинаковых по природе с известными другими вещами, атрибутами и отношениями. Тут дело идет уже не о равенстве или о неравенстве отношений, а о их подобии или несходстве. К качественному рассуждению относятся индукция, силлогизм и аналогия. К качественно-несовершенному суждению принадлежит способ мышления, обычный у детей и высших животных, который назван Джоном Миллем заключением от частного к частному.

Изучение мышления сводится к классификации отношений. Классификация же есть группировка отношений подобных и разделение отношений несходных. Все мышление, следовательно, состоит в ассимилизации и в дезассимилизации. От рассуждения или от акта мышления вообще недалеко до классифицирования, от последнего близко до восприятия; восприятие частного предмета есть помещение его в категории предметов, ему подобных.

Обращаясь к восприятию *пространства*, мы видим, что вопрос, собственно, проводится к тому, каким образом из восприятия отношения между положениями, представляющими сопротивление, получается восприятие отношения между положениями без сопротивления. Чтобы воспринимать между двумя точками не конкретное протяжение, но пространство, необходимо, чтобы в нас готовы были родиться идеи различных ощущений, мышечных, осязательных и зрительных — ощущений, даваемых между этими двумя точками опытом. О части пространства, близкой к нам, мы составляем себе точное понятие благодаря обилию опытов об относи-

тельном положении различных точек этой части пространства. Но это представление становится все менее и менее точным и полным по мере удаления этой части от нас. Если идея пространства нераздельна с идеей сосуществования, то идея времени нераздельна с понятием о следствии. Время in abstracto есть отношение положения в состояниях нашего сознания. Всякий период времени кажется нам более или менее длинным, смотря по числу наших впечатлений и идей. Опиофаг Кинсей уверял, что в одну ночь он проживал 70–100 и более лет.

Путем анализа мы доходим, наконец, до последнего элемента, который есть не что иное, как впечатление сопротивления — первичный и универсальный элемент сознания. Понятно, что этому субъективному элементу с объективной стороны соответствует молекулярное движение в нервных клетках. Рассматривая различные формы восприятия, мы, наконец, убедимся, что в общем восприятие есть не что иное, как классификация отношений между состояниями сознания, настоящими или испытанными прежде (Princ. of Psych., II, ch. VIII–XX).

Подробно разбирая различные отношения соинтенсивности, сопротяжения, сосуществования, тожества по природе (ch. XX–XXV), Спенсер показывает, что в последнем анализе все отношения приводятся к сходству или различию. Различие соответствует изменению, сходство — отсутствию изменения. И вот мы пришли к концу нашего анализа. Простейшее из воспринимаемых отношений есть отношение последовательности; последовательность, изменение, несходство составляют, так сказать, фон сознания.

Неподвижное сознание — бессмыслица. Но для сознания не довольно одной последовательности изменений, нужно еще, чтобы последовательность эта была правильной, так чтобы изменения классифицировались по сходству или по несходству. Простейший акт сознания есть восприятие разности. И так, с самого элементарного акта сознания до самого сложного мыслительного процесса, начиная с восприятия грубого различия до восприятия полного тожества — умственный процесс остается одним и тем же. Всякое душевное явление есть интегрирование и дифференцирование состояний сознания. Интеграция и дифференцирование, эти два процесса, лежащие в основании душевной жизни, имеют то же значение и для жизни телесной.

Если Джон Стюарт Милль скорее склоняется к идеализму, то Спенсера следует считать *реалистом*, каковым он и сам заявляет себя. Что реализм всегда ближе к истине, доказывается, по Спенсеру, как отрицательным путем, так и положительным. С отрицательной стороны в пользу реализма можно привести: 1) его первенство, потому что первоначальные понятия, напр., у ребенка, у крестьянина, вполне реалистичны; 2) его простоту, потому что им предполагается только один акт — акт безразличия; 3) его ясность, потому что реалистические понятия всегда ясны, определенны, идеалистические же всегда страдают туманностью и неопределенностью.

Положительные доказательства в пользу реализма заключаются в показании, что противоположность объекта и субъекта есть продукт правильных актов мысли, актов, точно таких же как и те, которыми даются истины, считаемые самыми несомненными. Как результат этой противоположности получаются два почти параллельных ряда состояний сознания — внешний мир и собственно субъективное сознание. Эти два ряда сами по себе относительно связаны, но не связаны друг с другом. Полное дифференцирование субъекта и объекта приводит к утверждению реальности объективного бытия. Существенная и неразрывная связь между состояниями сознания, соответствующая внешнему миру, неизбежно приводит к представлению о бытии вне нашего ощущения, отличном от последнего. Этого рода реализм мы можем назвать *философским*; сам Спенсер называет его *преображенным реализмом* (réalisme transfiguré).

Две работы, The senses and the intellect и The emotions and the will поставили профессора Эбердинского университета *Бэна* наряду с первыми психологами Англии. У Бэна особенно оригинальна та часть, в которой трактуется о душевных движениях, особенно же его учение об инстинктах. В первом из названных сочинений Бэн начинает со строения нервной системы и подробно описывает большой мозг, мозжечок, продолговатый и спинной мозг, спинно- и голово-мозговые нервы. Далее, он делает вывод, что нервно-психическая деятельность есть проявление нервной силы, действующей в различных частях нервной системы наподобие гальванического тока. Нервная сила развивается в зависимости от процесса питания и, следовательно, принадлежит к числу известных нам сил, имеющих общее происхождение и превращающихся одна в другую, именно, сил механического движения, теплоты, электричества, магнетизма и химического сродства. Нервная сила, происходя от издержки известного количества питательного материала, может быть обращена в другую форму животной или жизненной силы. Субстрат души не есть только мозг; психическая деятельность связана со всеми теми частями, в которых проходят нервные токи, с мозгом, нервами, мышцами, органами чувств, внутренними органами. Самые общие явления, до сих пор мало обращавшие на себя внимание психологов, суть, по мнению Бэна, явления *самостоятельной сократительности*, известной нам по мышечному чувству. Самостоятельная сократительность выражается в тоничности мышц, в постоянном сокращении сфинктеров (кольцевидных мышц), в непомерной подвижности детства. С мышечным движением всегда связывается мышечное ощущение, дающее нам меру движения и выражающееся также в чувстве удовлетворения или в ощущении утомления и боли от действия мышцами. Мышечное ощущение имеет характер или аффективный, или интеллектуальный; тот и другой обратно пропорциональны между собой. Известно, что движение, смотря по быстроте или медленности, навевает те или другие чувства. Познавательное

значение мышечных ощущений весьма важно. Изменение мышечного чувства дает нам идею *разности*, составляющую основу нашего познания. Из мышечного движения получается понятие о сопротивлении, о продолжительности и быстроте сокращений. Из этих основных понятий получаются другие. Так, из степени усилия мы выводим вообще механические свойства материи, из продолженности мышечного движения — идеи инертности, веса и пространства, из быстроты наших движений — понятие о скорости движения посторонних тел.

Осязание, подобно мышечному чувству, имеет громадное интеллектуальное значение. Из осязательных ощущений рождаются понятия величины, формы, направления, расстояния и положения. Мышечное чувство и движения, в соединении с осязанием, дают понятия о протяжении, именно, о протяжении по двум и трем измерениям. У человека, владеющего всеми чувствами, пространство слагается преимущественно в терминах зрения. Вообще, сложные зрительные ощущения происходят из комбинации зрительных эффектов с двигательными ощущениями глазных мышц. Оттого-то, несмотря на то, что мы имеем отдельное изображение предмета в каждом глазе, мы видим предмет не вдвойне, но просто. Отсюда же зависит видимое протяжение предметов в глубину, обусловливаемое разницей изображений в том и в другом глазе.

Самая оригинальная часть у Бэна та, где говорится об инстинкте. Под именем *инстинкта* Бэн разумеет в человеке все то, что не зависит от опыта и воспитания. Инстинктивные движения суть результат прирожденного строения нервной системы и составляют основание для развития чувства, ума и воли. Эти двигательные акты образуют, по Бэну, 5 групп: 1) рефлективные движения, 2) рефлективный механизм языка, 3) рефлекторные приспособления, необходимые для гармонии и координации некоторых действий, 4) физические выражения чувств, 5) инстинктивное начало воли. В инстинктивных актах заключается основа чувства и страсти. Первичное чувство удовольствия соответствует повышению всех или некоторых жизненных отправлений, напротив, чувство неудовольствия соответствует понижению их. Зародыш воли лежит в той самостоятельной сократительности, причина которой заключается в нервных центрах и которая, без всякого внешнего раздражения, выражается в активности мышц. В силу такого внутреннего стремления к активности, происходящего от избытка нервных сил или от сосредоточивания их в известных центрах, двигается, напр., ребенок еще в утробе матери. Внешний стимул играет впоследствии только ту роль, что он направляет волю в известном смысле.

Все психические акты сводятся к ассоциации идей, чувств, ощущений и желаний. «Сознание обозначает душевную жизнь с ее различными проявлениями, насколько она отличается от чисто жизненных функций и от состояний сна, отупения, нечувствительности и пр.». Это слово означает

также психическую деятельность, направленную на саму себя, а не на внешний мир. Основные и первичные умственные акты суть: сознание разности или сходства и способность воспроизведения ощущений и идей (relativeness), обусловливающая память и воспоминание. Существеннейший закон ума есть закон относительности. Мы можем знать что-либо лишь по отношению к другой вещи. Знание безотносительное или абсолютное несовместно с нашей умственной организацией.

Теория ассоциации разработана у Бэна более, чем у других авторов. Ассоциации бывают простые, сложные и конструктивные. В *простых* ассоциациях действия, ощущения, чувства, являющиеся вместе или в непосредственной последовательности, связываются между собой таким образом, что появление одних из них вызывает в сознании и другие (закон смежности). При этом ассоциирующиеся состояния могут быть однородны (напр., звук и звук) или разнородны (цвет и сопротивление). Другой закон простых ассоциаций есть закон сходства, причем наличные ощущения, чувства и мысли стремятся вызвать из прежних те, которые сходны с ними. Этого рода ассоциации играют большую роль в науке. Из умственных операций сюда относятся классификация, отвлечение, определение, индукция, дедукция, силлогизм, аналогия. В сложных ассоциациях — ощущения и мысли, чувства и действия вызываются из прошлого тем скорее, чем с большим числом настоящих впечатлений они ассоциировались. Все упомянутые ассоциации вызывают в сознание идеи и образы, уже существующие, хотя скрытыми, в мозгу. То, что называют способностью *воображения* или *творчества*, есть образование путем ассоциаций идей и образов, отличных от получаемых непосредственно из опыта.

Другое произведение Бэна The Emotions and the Will сравнительно с первым более слабо; в нем больше описаний, чем анализа. «Когда впечатление сопровождается чувством или сознанием, то нервные токи, свободно распространяясь по мозгу, обусловливают общее возбуждение органов движения и внутренностей». Это обстоятельство и есть причина единства сознания. Несколько нервных возбуждений могут существовать одновременно, но войти в сознание они могут только последовательно, поодиночке. Вследствие закона распространения возбуждения душевные движения всегда отражаются на состоянии сердца и внутренностей, на сокращении мышц лица, вообще на мимике.

Оставляя в стороне бэновскую классификацию ощущений, упомянем о симпатии, которую автор рассматривает вместе с подражательностью. Симпатия и подражательность обе происходят из стремления субъекта привести себя в унисон с другими. Оба эти душевные состояния имеют особые способы выражения и лежат в основании явлений душевной заразительности. (Об этом предмете подробно говорится в этюде «*Нервно-психический контагий* и *душевные эпидемии*».)

К идеальным душевным движениям, т. е. зависящим от идей, а не от реальностей, Бэн относит эстетическое и нравственное чувство. Сущность прекрасного — гармония. Музыка, поэзия, красноречие не могут обойтись без ритма или размера, без изменения голоса по объему и звуку. Живопись есть гармония очертаний и красок, архитектура и скульптура — гармония форм, танцы — гармония движений. Объект, которому придается эпитет возвышенности, большей частью возбуждает в нас идеи могущества, энергии и громадности, причем, по симпатии, наше собственное сознание повышается чувством душевной мощи. Прототип возвышенного есть мощь человеческого духа, природа же, по аналогии, приравнивается к человеку и одаряется душевными атрибутами.

Нравственность, долг, право, по мнению Бэна, тесно связаны с идеей наказания. Известное поведение только тогда может считаться обязательным, когда действие в противоположном направлении так или иначе наказывается. В одних случаях карает закон или общество, в других наша собственная совесть. Индивидуальная совесть не есть нечто первичное и независимое; это — не что иное, как внутреннее подражание условленному вне нас законом, правительством и общественным мнением. Универсальной совести нет, точно так же как нет универсального разума. Истины математики и механики не подлежат сомнению только потому, что в этих областях одинаковы восприятия всех людей. Так и нравственные истины имеют одинаковое значение для всех. Истина и благо суть реализирующиеся абстракции душевной деятельности, в этом отношении одинаковой у всех людей. Индивидуальное поведение обусловливается главным образом одобрением или неодобрением окружающих.

Развитие способности *хотения* сводится у Бэна к следующим пунктам: 1) инстинктивное начало воли, 2) произвольные действия, 3) мотивы и решения воли, 4) свобода воли.

Инстинктивный зародыш воли заключается в упомянутой выше самостоятельной активности и в ее связи с чувствами и выражениями их в действии. Условия произвольной активности суть: жизненная энергия нервных центров и накопление нервных сил под влиянием возбудителей физических (пища и питье) и психических (удовольствие и неудовольствие). Действия, связанные с ощущениями и чувствами, сначала совершаются под влиянием самостоятельной активности, потом уже производятся сознательно и разумно. «Воля, — говорит Бэн, — есть механизм, состоящий из подробностей и требующий приобретения таких же частностей, как изучение чужого языка». Приписываемое воле единство, в том виде, в каком оно является в человеке, вполне сложившемся нравственно, есть результат большой массы ассоциаций, история которых забыта или затеряна.

Все мотивы сводятся к удовольствию или неудовольствию. Произвольный акт, происходящий под влиянием многих мотивов, из которых некоторые

взаимно противоположны, предполагает процесс рассуждения или выбора способа действий; это — период колебания, заканчивающийся *решением*, которое всегда стоит некоторого усилия.

Свобода воли, по выражению Бэна,— первостепенный парадокс. Все просто и понятно в человеке, но замешается вопрос о свободе воли — и в результате выходит хаос. «Свобода выбора способа действий имеет смысл лишь как исключение постороннего вмешательства. В нас же самих, строго говоря, свободы выбора нет. Человека побуждают к действию различные мотивы, часто противоречивые; более сильный из них превозмогает. В акте воли, называемом свободным, нет и следа какой бы то ни было интуиции. Мы имеем здесь просто сравнение прежних хотений, т. е. известных состояний чувствующего существа; сравнение же вовсе не есть непогрешимая операция».

Говоря словами Спенсера (Essays, t. I), Бэн, собственно, дает не систему психологической философии, но лишь хорошую естественную историю души, необходимую для тех, которые впоследствии придадут психологии вполне научную организацию.

Говоря о современных английских психологах, нельзя умолчать об оригинальном во многих отношениях *Джордже Льюисе* (Lewes), почти все сочинения которого переведены на русский язык (Физиология обыденной жизни, История философии, Жизнь Гёте, Вопросы жизни и духа). Скажем, прежде всего, о предложенной Льюисом теории *психологического спектра*. Оптический спектр состоит из трех основных цветов — красного, зеленого и фиолетового, которые представляют три рода колебаний, возбуждающих палочки и колбочки сетчатки. Отдельное цветовое ощущение зависит от пропорции, в которой эти три рода колебаний затрагивают сетчатую оболочку глаза. Подобно этому, «психологический спектр» состоит из трех основных родов возбуждения — ощущения, мысли и движения. В каждом ощущении, восприятии, образе, идее, чувстве, желании и хотении заключаются все эти роды нервно-психического возбуждения. Душевные процессы, следовательно, всегда тройственны, и характер их в частном случае будет зависеть от преобладания какого-нибудь из этих трех элементов.

Льюис один из первых высказал ту истину, что нервная система по свойствам и строению всегда одинакова. Основная нервно-психическая деятельность есть процесс группировки нервных единиц. Нервная единица есть колебание (tremor). Элементарные нервные единицы группируются в единицы высшего порядка, в нервные процессы, представляющие слияние отдельных колебаний. Эти процессы снова группируются между собой и дают, таким образом, все сложные психические явления. То, что с физиологической точки зрения есть нервный процесс, с точки зрения психологической есть процесс чувствования. Чувствительность не ограничивается только головным мозгом, она есть основное свойство узловой нервной

ткани, характеристическая особенность нервных клеток, входящих в состав нервных центров. Чувствительность присуща всем нервным центрам, и каждый центр в отдельности есть sensorium, а сумма всех нервных центров есть общее чувствилище, sensorium commune.

По общепринятому воззрению, спинномозговые акты не соединены с ощущением, а суть акты чисто рефлективные. Льюис же утверждает, что движение, называемое рефлективным, может произойти только тогда, когда чувственное впечатление вызовет в нервном центре (все равно — головном или спинном) ощущение. Если *чувствительность* есть характеристическое свойство узловой ткани, то *ощущение* есть деятельное состояние этой ткани. Сумма всех чувствований составляет то, что называют *общим сознанием* или *чувством бытия*. Тем не менее ощущение и сознание не всегда совпадают, потому что бывают ощущения бессознательные. Ощущение может не сознаваться потому, что оно или слишком слабо, или неспособно возбудить ассоциацию идей, или же потому, что оно затемняется более сильными ощущениями. Но не следует смешивать этих ощущений с впечатлениями. При несознаваемых ощущениях, так же как и при ощущениях сознательных, происходит возбуждение нервного центра, но только оно не достигает до того порога, за которым начинается сознание.

Сознание, говоря вообще, есть слияние нескольких рядов ощущений. Из этого ясно, что сознание может быть различно по степени, так что низшие животные, имеющие более простую нервную систему, характеризуются сознанием сравнительно простым, состоящим из немногочисленных ингредиентов; высшие же животные имеют сознание сложное, составленное из многих элементов. Различные формы сознания приводятся в следующие три рубрики: системное, чувственное и мыслительное сознание. *Системное* сознание слагается из ощущений, родящихся из органических отправлений; его не лишены самые низшие животные организмы. *Чувственное сознание* обнимает ощущения, происходящие от органов чувств. *Мыслительное сознание* заключает явления мысли и душевные движения высших организмов, в особенности человека.

Приписывая чувствительность всем нервным центрам, Льюис не отнимает у головного мозга первенствующей роли в психической деятельности. Головной мозг, имеющий специальную функцию мышления, может быть сравнен с главнокомандующим, долженствующим контролировать, направлять и побуждать к деятельности своих подчиненных. Тем не менее, низшие центры, генералы, полковники, штаб- и обер-офицеры, имеют каждый известную долю самостоятельности, соответственно своему рангу. Обезглавленное животное, говорит Льюис, бежит, защищается, вообще производит действия, явственно произвольные; следовательно, спинной мозг имеет, в известном смысле, чувствительность и волю, хотя, конечно, не в такой мере, как головной мозг. Итак, рефлективные акты суть прежде всего

акты чувствительные. Они составляют основание всей душевной деятельности. Из них происходят инстинкты, чувства и действия.

Очень оригинальна последняя глава Problems of life and mind, трактующая о тожественности движения и сознания. Обыкновенно полагают, говорит Льюис, что между движением и сознанием переход немыслим, потому что то и другое — явления совершенно различного порядка. Правда, на самом деле здесь и нет никакого *перехода*. Ощущение и движение — *одно и то же*; это — *один* процесс, который будет ощущением, если взять его непосредственно, в субъекте, и — движением, если смотреть на него объективно, т.е. как на нечто внешнее. Физиологи, напр. Вундт, обыкновенно полагают, что внешнее раздражение вызывает в нерве нервный процесс, а этот последний обусловливает ощущение. Льюис же говорит, что нет никакой возможности доказать, что нервный процесс предшествует ощущению. Ощущение не может быть ничем другим, как движением, иначе движение было бы связано с чем-то невообразимым, сверхъестественным. Если ощущение и движение представляются нам несовместимыми друг с другом, то только потому, что эти понятия составляются диаметрально противоположными путями, причем, конечно, очень естественно, что одна и та же вещь должна явиться в двух совершенно различных видах, несводимых друг на друга. Льюис считает не ощущение видом движения, а наоборот, движение видом чувствования и полагает, что таким образом могут быть устранены все философские затруднения. «Движение, подобно цвету, звуку, теплоте, есть символ совершенно особого класса ощущений». «Материи присуща непреходящая деятельность, и явления суть обнаружения этой деятельности. Но материя есть и чувствуемое, следовательно, все ее обнаружения суть перемены в чувствовании, и хотя последние являются в сознании в крайне отличных друг от друга формах — луч света не похож на звук, боль не похожа на тепло, — тем не менее, мы принуждены переводить и их на данные материи и движения, если они рассматриваются объективно» (Вопросы жизни и духа, изд. ред. «Знания», 1876, стр. 448). Потому-то все ощущения истолковываются в зависимости от молекулярных движений. «Движение, противополагаемое чувствованию, представляет, строго говоря, лишь форму чувствования, противоположную всем другим ее формам, форму, составляющую объективную или физическую сторону явления преимущественно перед всеми остальными формами. Никакое ощущение в отдельности, за исключением видимых перемен положения, не чувствуется как движение, а между тем все они при объективном истолковании выражаются в данных движения. Таким образом, все факты сознания переводятся на данные зрения и все физические условия обозначаются терминами движения. Когда мы рассматриваем физические условия психических явлений, то мы всегда имеем дело с нервным механизмом и выражаем наблюдаемые факты механическими терминами; исследование строения имеет

целью открыть перемены, доступные зрению или умозаключению даже в таких рядах перемен, где многие из членов совсем не похожи на зрительные ощущения» (стр. 454). Не следует думать, что у Льюиса слово «чувствование» употребляется как синоним «сознания». Одно внешнее раздражение вызывает сознательное ощущение, другое — никакого или только ощущение бессознательное; во всех этих случаях приходят в действие разные элементы, но всегда к явлению приложим общий термин «чувствование» или «нервный процесс». Следовательно, сознание есть частный случай чувствования. «Анализ расчленяет впечатление на элементарные ощущения, а последние разлагаются на элементарные единицы (нервные колебания). Каждая из этих единиц чувственна в том же смысле, как каждая буква в слове имеет значение звука; но нервная единица не есть ощущение, потому что последнее есть процесс группирования единиц. Факт, что возбуждение должно достичь известной силы, прежде чем возникнет ощущение, и далее — факт постепенного нарастания последнего с постепенным усилием раздражения до известного предела, за которым чувствование сразу исчезает, доказывает, что в ткани могут происходить молекулярные движения, не группирующиеся в процессы, как перед возникновением ощущения, так и после исчезновения его. Тем не менее, все эти движения в ткани суть нервные колебания, ряд чувственных единиц, или группирующихся в процесс полного сознания и полусознания, или не группирующихся таким образом и остающихся в бессознательном состоянии. Все они должны быть отнесены в общую категорию чувствительности… Возможность группирования нервных колебаний в нервные процессы чувствительности лежит между известными пределами; за ними, с обоих концов, ощущения не бывает, а есть только чувственные единицы. То же самое можно сказать и о сознании, как об общем потоке соединенных в ряд чувствований, возникающих в разных частях организма. Рядом с полным сознанием существует полусознательное состояние, которое относится к первому, как вечерний или утренний полумрак к ясному сиянию дня, или как ощущение от боковых частей сетчатки к ощущениям от желтого пятна, места ясного видения» (стр. 473). Льюис называет свои психофилософские воззрения *рациональным реализмом*: в этом отношении он резко отличается от Гельмгольца и Вундта, принадлежащих к категории *идеалистического реализма* (Idealrealismus).

VII

Возвратимся опять в Германию, где после Гербарта психология постепенно отрешается от метафизики и становится на почву наблюдения и эксперимента.

Мы видели, что психология Гербарта опиралась на метафизику. *Бенеке* же, напротив, выводит метафизику из психологии. Главная заслуга Бенеке со-

стоит в сведении душевных состояний на элементы; при этом он такой же ожесточенный противник теории душевных способностей, как и Гербарт.

Вся психическая деятельность, по Бенеке, объясняется четырьмя основными процессами: 1) душа имеет способность реагировать на внешние раздражения; 2) она способна также приобретать новые основные способности (Urvermögen); 3) душевные состояния, вследствие своей подвижности, стремятся к равновесию. От сознательного ощущения остается в душе изменение в виде бессознательного состояния, называемого Бенеке *следом* (Spur), из которого со временем может снова возникнуть сознательное ощущение. Так как эти следы имеют духовную природу, то места их указать нельзя; 4) подобные или аналогические формы душевной деятельности, соединяясь по мере их сходства, образуют более или менее тесные соединения. Таким образом происходят наиболее сложные формы психической деятельности. Разум (Vernunft) есть в совокупности все то, что производится душой в наиболее высоких и безупречных формах; разум не дается с самого начала, но есть продукт развития. Отсюда видно, какое значение придает Бенеке воспитанию, и понятно то влияние, какое имела психология Бенеке на педагогию. Несмотря на то, что Бенеке настоятельно говорит о необходимости разрабатывать психологию как естественную науку, он утверждает нематериальность души и выставляет также другие метафизические гипотезы. Бенеке имел в виду цели преимущественно практические; он до сих пор еще находит читателей (особенно в среде педагогов), что доказывает недавно вышедшее новое издание его Lehrbuch der Psychologie под редакцией его ученика Дресслера.

Врач-философ *Лотце* по общим своим воззрениям тоже метафизик. Давая широкое поле опыту, он в то же время никогда не отделял физиологических исследований от метафизических гипотез. В своей Medicinische Psychologie (1852) Лотце представляет попытку физиологической психологии, не свободной, однако же, от метафизики. Самые оригинальные места у Лотце — это *теория местных знаков* и учение о *восприятии пространства*. Считая интуицию пространства вообще прирожденной и независящей от опыта, Лотце старается объяснить собственно эмпирическое происхождение понятия о пространстве. Мы знаем, что периферическое впечатление, через посредство нервов, становится состоянием сознания — состоянием, которое само по себе лишено характера экстенсивности; спрашивается, каким образом из элементов этого впечатления строится представление пространства?

Возьмем в пример какое-нибудь простое осязательное или зрительное ощущение, производимое внешним раздражением. Это ощущение не будет просто изменением вашего внутреннего состояния; оно относится нами к известному месту нашего тела или к известной точке внешнего объекта, т. е. оно *локализируется* в пространстве. Если затрагиваются несколько точек нашей кожи или сетчатой оболочки нашего глаза, то в сознании эти

точки не сливаются, но ощущение каждой точки, оставаясь самостоятельным, координируется с другими и дает представление непрерывности, называемое *пространством*. Для того, чтобы ощущения различных точек кожи или сетчатки не сливались, необходимо, чтобы они чем-нибудь отличались друг от друга. Это специальное отличие, присущее каждому впечатлению, есть то, что Лотце называет *местным знаком*. Местные знаки, дающие возможность образования ясной идеи пространства, суть мышечные чувства и двигательные ощущения. С помощью местных знаков «душа *бессознательно* строит пространство из механики своих внутренних состояний». Так, образование поля зрения было бы невозможно без местных знаков; но одного местного различия между точками сетчатки еще недостаточно. Разница ощущений на разных точках сетчатки главным образом обусловливается отношением этих точек к двигательным аппаратам глаза. Каждое впечатление в каждой отдельной точке сетчатой оболочки связано с известным движением (или стремлением к движению), производящим известное психическое состояние, которое и есть собственно местный знак. Что касается до кожи, то ее впечатления координируются нами в известном пространственном порядке в силу различия строения кожи на различных пунктах и в зависимости от движений и мышечных ощущений. Гипотеза местных знаков принята почти всеми немецкими авторами по физиологической психологии, частью в том виде, в каком ее предложил Лотце, частью в измененном виде. *Вундт*, представивший недавно весьма основательную критику этой теории (Revue philosophique 1878, IX), называет ее теорией простых местных знаков, в противоположность своей теории сложных местных знаков. По Вундту, зрительные и осязательные ощущения сами по себе лишены характера экстенсивности и приобретают последний только в зависимости от движений.

Относительно вопроса о происхождении понятия о пространстве, по примеру Гельмгольца, можно разделить физиологов на два лагеря — *нативистов* и *эмпириков*. Первые полагают, что порядок ощущений обусловливается организацией, следовательно, что он врожден. Сюда принадлежат знаменитый физиолог *Иоганн Мюллер*, затем *Чермак*, *Фолькман*, *Мейсснер*, также *Нагель*, *Панум*, *Геринг*. *Штумпф* в последнее время сделал попытку связать это воззрение с эмпирическим (Ueber den psycholog. Ursprung der Raumvorstellung, 1873). *Эмпирическая* или *генетическая* теория считает понятие о пространстве продуктом психологического развития. К эмпирикам принадлежат *Гербарт*, *Лотце* и в особенности *Гельмгольц* и *Вундт*. По Вундту, для объяснения локализации в пространстве достаточно местных знаков и движений с сопровождающими их мышечными ощущениями. Из двух этих элементов через процесс так называемого психологического синтеза происходит представление пространства. Каждый из тех элементов, из душевного синтеза которых родится представление

пространства, не похож на пространство, подобно тому как кислород и водород не похожи на воду — результат их химического соединения. Вот свод оснований генетической теории по Гельмгольцу (Physiologische Optik): 1) нативистическая теория вводит ненужную гипотезу; 2) нативисты должны допустить, что первоначальное представление пространства под влиянием опыта исправляется или заменяется новым; 3) явления зрительного восприятия совершенно необъяснимы с точки зрения нативистов, если не признать широкого влияния опыта. Поэтому понятие о пространстве проще целиком выводить из опыта, не прибегая к врожденным понятиям, в большинстве случаев оказывающимся ложными.

Фехнер замечателен как творец психофизики. «Под названием *психофизики*, — говорит он (Elemente der Psychophysik), — я разумею точную теорию отношений между душевной и телесной деятельностью или, говоря вообще, между миром психическим и миром физическим». В психофизике собственно речь идет об отношениях между раздражением и ощущением. Еще до Фехнера *Вебер* нашел, что ощущения возрастают на равные величины, когда раздражения возрастают на величины, относительно равные. Разумеется, мы не можем измерять ощущение самым ощущением, но мы можем измерять его раздражением; следствие может быть измеряемо причиной. Наблюдение показывает, что одно и то же раздражение, смотря по обстоятельствам, вызывает ощущение более или менее сильное. Если к весу одного фунта прибавить 10 золотников, то разница в весе очень заметна, но если те же 10 золотников прибавить к одному пуду, то прибавление веса будет нечувствительно. Путем многочисленных опытов, о методах которых распространяться здесь не место, найдено: 1) для чувства давления прибавка или убавка в весе должна составлять не менее 1/3 первоначального веса, для того, чтобы разница в ощущении была заметна; 2) для чувства мышечного напряжения (при поднятии тяжести) достаточно прибавить 0,06 первоначального веса, чтобы получить заметную разницу в весе; та же цифра имеет значение и для ощущения температуры; 3) для ощущения света раздражение должно быть увеличено или уменьшено на 0,01, чтобы получить едва чувствуемую разницу; 4) для звукового раздражения прибавка должна равняться 1/3. Затем, из опытов найдена величина *едва заметного ощущения* в области каждого чувства или minimum раздражения, нужного для произведения ощущения. Наконец, Фехнер нашел *общий* и *основной психофизический закон*, что ощущение возрастает как логарифм раздражения. Это значит, что для того, чтобы ощущение возрастало постоянно на равные величины (в арифметической прогрессии), нужно, чтобы раздражение возрастало на величины пропорциональные (в геометрической прогрессии).

Фехнеровская психофизика не обошлась, конечно, без критики, оспаривавшей ее или в целом, или в частностях. Между этими критиками первое

место принадлежит *Герингу*. Мы не можем представить этот спор по его специальности, скажем только, что Фехнер в последнее время ответил своим оппонентам книгой «In Sachen der Psychophysik», в которой он является если не победителем, то во всяком случае не побежденным. Вопрос о психофизике вообще далеко не решен.

Современная научная психология представляется в двух видах, именно в эмпирическом и в экспериментальном. Об эмпирической психологии мы уже достаточно сказали, обозрев Милля, Спенсера и Бэна. Представителем экспериментальной или физиологической психологии в Германии в настоящее время считается *Вундт*.

Вундт не довольствуется внутренним наблюдением; он присоединяет эксперимент и старается, где можно, приложить измерения. Вообще он сводит все психические явления к их элементам, а эти последние — к их физическим основам. Кроме известной у нас в переводе «Души человека и животных» Вундт написал Grundzüge der physiologischen Psychologie (это сочинение переведено мной на русский язык, с необходимыми добавлениями относительно самых новейших исследований, и теперь печатается), где представляет первое полное систематическое изложение физиологической психологии. Сначала автор подробно описывает строение мозга и вообще нервной системы, затем переходит к физиологическим отправлениям нервов и мозга и приводит все новейшие исследования и эксперименты по этому предмету. Далее разбираются простейшие психические явления — ощущения. Причина ощущения заключается во внешнем раздражении, вызывающем движение в концевых нервных аппаратах и в нерве. В чувствах механических, как осязание и слух, молекулярное движение нервного вещества, вероятно, аналогично с внешним движением раздражения. В химических чувствах (зрение, вкус, обоняние) нервное раздражение вызывает отличный от себя «нервный процесс», колебания которого в известных пределах соответствуют колебаниям раздражения. Гипотеза специфической энергии нервов отвергается Вундтом. Всего естественнее предположить, что возбужденное раздражением молекулярное движение, не изменяясь по натуре, распространяется до мозга и там, в центральных клетках, освобождает особый процесс, являющийся в сознании в виде ощущения.

Все психические акты одинаковы по существу, потому что все сводятся к *умозаключению*. Мысль, если разуметь под этим всякий акт сознания, может быть рассматриваема по своей форме и по своей натуре. В первом отношении мысль подчинена условиям времени. Продолжительность мысли измерима; в сознании не могут быть две мысли одновременно. Отсюда единство сознания. По натуре мысль есть не что иное, как процесс умозаключения. Ощущения, идеи, суждения, чувства — все это основывается на умозаключении из более или менее сложных элементов или посылок. Простейшее умозаключение есть элементарное ощущение, родящееся

из посылок, лежащих всецело в бессознательной сфере. Эти элементы ощущения суть не что иное, как элементарные *нервные процессы*, т.е. молекулярное движение. Каждое движение предполагает большое количество предшествующих душевных актов, где качества объекта узнаются из опыта. Каждый такой элементарный опыт есть в свою очередь суждение, утвердительное или отрицательное. Тот процесс, посредством которого из данных суждений образуется новое суждение, и есть умозаключение — основной процесс душевной деятельности. Признаки же объекта или качества его, т.е. посылки элементарного суждения, даются восприятиями наших чувств. Эти качества — напр., красное или голубое — уже не суждения, но во всяком случае умозаключения, посылки для которых, т.е. материальные нервные процессы, лежат вне сознания. Путем соединения качеств объекта в одно целое образуются понятия. Таким образом, все душевные акты, с включением ума, одинаковы по природе и сводятся к логической операции умозаключения, как все физические явления сводятся к движению.

Ощущения суть элементы, из которых возникают представления. Мы видели, как посредством процесса психического синтеза является отвлеченное представление пространства, считавшееся прежде прирожденным. Порядок ощущений в пространстве, следовательно, и понятие о пространстве происходит из совместного влияния периферических ощущений и центральной иннервации. Из простых восприятий рождаются сложные формы душевной деятельности, понятия сложные и общие, и формы интуиции (пространство и время). Большая часть наших умственных актов принадлежит к классу сложных понятий и не соответствует реальным предметам. Общие понятия, напр. человек, дерево, или эмпиричны, или абстрактны; в последнем случае они символизируются словом и приобретают большую точность и определенность. Представление времени родится из последовательности представлений, при том условии, что представление, исчезая из сознания, оставляет след, по которому снова может возродиться. Пространство есть форма представления непрерывности и множества. Вопрос о реальности пространства и времени независимо от нашего представления, понятно же, есть вопрос психологический.

В основании душевных движений или чувств также лежат ощущения. Все ощущения имеют в одно и то же время элемент познавательный, или объективный, и элемент субъективный, или чувственный. По преобладанию того или другого элемента ощущение будет относиться или к области познавательных актов, или к области чувств. Всякое чувство поэтому заключает в себе в то же время инстинктивное познание. Чувства и аффекты в сущности суть такие же умозаключения, как и чисто умственные акты. Между чувствами можно различать субъективные, относящиеся к разновидностям удовольствия или страдания и имеющие в основе физические

состояния, и объективные чувства — эстетические, моральные и интеллектуальные. В сфере интеллектуальной ход развития ведет от чувственных восприятий к идеям или к отвлеченным понятиям. Точно также в сфере чувства прогресс ведет от чисто физических чувств к чувствам идеальным. Чувство прекрасного есть чувство гармонии между впечатлениями, и оно всего сильнее, когда эта гармония дается вместе с разнообразием элементов. Нравственное чувство есть внутренняя гармония, чувство мира с совестью; совесть же, как индивидуальная, так и общественная, называет нравственным всякий акт, полезный самому индивидууму и другим или обществу, всякий акт, способствующий жизни сообразно природе и нормальному развитию способностей как самого действующего лица, так и других лиц. Что касается до религиозного чувства, то оно возникает из двух источников, интуиции природы и представления нашей собственной судьбы. Под влиянием рефлексии религиозное чувство приводит к идее *мирового порядка*, и религия стремится указать причины и цель вселенной, назначение человека и место его в мире.

Акты воли не суть исключения из общего закона причинности. Даже сознание не говорит нам, что наши действия лежат вне сферы причинности; оно просто утверждает, что мы свободны действовать по произволу, то есть по хотению. Статистика показывает, что действия человека в общем определяются некоторыми внешними условиями; но кроме них есть фактор внутренний, это — индивидуальный характер; то, что называют мотивами, суть посредствующие причины действия, характер же — причина непосредственная. Мотивы могут быть сознательными, тогда как причинность, заключающаяся в характере, совершенно не сознаваема. Сам же характер обусловливается частью воспитанием, частью психической наследственностью. Таким образом, в общих выводах Вундт сходится с английской школой эмпиристов.

Существенный характер сознания, известный из опыта, — его единство. Оно обусловливается единством и непрерывностью нервной системы. Нельзя указать определенный орган сознания, потому что всякая часть нервной системы имеет влияние на наши представления и чувства. Однако наблюдение патологических случаев на человеке и эксперименты на высших животных показывают, что серое вещество головного мозга имеет наиболее тесное отношение к сознанию. Здесь лежат не только различные чувствительные и двигательные области мозговой коры, но здесь же представлены и нижние центры, напр., узлы на основании большого мозга, узлы мозговых ножек и пр. Корковое вещество мозга соединяет в себе, посредственно и непосредственно, все телесные состояния, могущие пробудить сознательные представления. Поэтому можно сказать, что серое корковое вещество большого мозга есть орган сознания, не упуская из вида, что функция этого органа предполагает существование второстепенных центральных

частей — четверного возвышения и зрительных бугров, в которых преимущественно совершается синтез ощущений. Сознание с психологической точки зрения есть не что иное, как акт умозаключения, который находит свое завершение в личном сознании, как в последнем заключении, заключающем все другие. Сознание приводит к различению нашего *я* от внешнего мира. Самосознание есть продукт развития и родится из психических процессов ощущения и восприятия и из физиологических актов иннервации. В основании сознания лежат молекулярные движения в нервах и в нервных клетках и механизм рефлекса. Сознание кажется нам чем-то особым только потому, что мы знаем его только субъективно. То, что субъективно есть сознательный акт, объективно сводится на молекулярное движение в нервных волокнах и в узловых клетках. Всякий психический акт, если брать его независимо от сознания, может быть объяснен механически. Сознательные акты, как таковые, суть акты логические, но с физической точки и они сводятся к механизму. В общем результате получим единство логики и механизма, единство физических и психических явлений, сознательного и бессознательного.

Было бы крайне ошибочным называть современное направление научной психологии материалистическим. Нет сомнения, что материалисты стоят вообще на почве положительной науки, если не иметь в виду их философских воззрений. Материалистическая философия должна или оставаться дуализмом, сводя все сущее к двум взаимно противоположным понятиям материи и силы, или сделаться чистой метафизикой, заставляя силу родиться из материи. *Бюхнер* в лучшей главе своей Kraft und Stoff говорит: «Мысль, дух, душа нематериальны, это не вещество, но комплекс разнородных сил, представляющий единство, результат совместного действия многих веществ, одаренных силами и качествами». Силу нельзя уловить чувствами, о ней можно лишь заключить из ее проявлений. Другой весьма известный материалист *Молешотт* в Kreislauf des Lebens говорит об источниках познания так: «Познание насекомого, т. е. познание воздействия внешнего мира для насекомого, совсем другое, чем для человека. Над познанием отношений (внешнего мира) к органам восприятия не может возвыситься ни человек, ни бог. Таким образом, мы знаем все для нас самих: мы знаем, как солнце светит для нас, как цветок благоухает для человека, как колебания воздуха затрагивают человеческое ухо». «Вещь для нас» и «вещь сама по себе» одно и тоже. Вещь существует только по своему отношению к другим предметам, напр., по отношению к наблюдателю, и знание о предмете вообще совпадает со знанием отношений предметов между собой, так что наше знание есть не относительное, но абсолютное (gegenständiges Wissen).

Материализм прав только тогда, когда он борется с ходячим дуализмом, но он не умеет сладить с результатами критики познания. Этими резуль-

татами завладевает идеализм, но он или переходит в дуализм, или вступает в противоречие с философией действительности. Какой же характер имеет теперь научная психология? Она реалистична, в противоположность метафизичности идеализма и материализма. Мы должны признать, что основание всего нашего знания суть факты сознания. Внешний опыт есть только особая область внутреннего опыта, говорит Вундт (Grundzüge der physiologischen Psychologie), и хотя мы необходимо должны предположить *объективное бытие*, мы убеждаемся, что форма, в которой это бытие становится доступным нашему познанию, существенно обусловливается фактами сознания. Ощущение есть субъективная форма, в которой мы реагируем на внешние впечатления; пространство и время зависят от субъективных законов синтеза представлений; понятия причинности и субстанции, без которых мы не можем обойтись при объяснении себе мира, имеют психологическое начало. Но эти понятия никогда не могли бы возникнуть в нас, если бы не побуждал нас к тому объективный мир. Признанием реальности внешнего мира характеризуется *реализм*. Когда он, согласно результатам критики познания, признает первенство внутреннего опыта, он становится *идеалистическим реализмом* (Idealrealismus).

VIII

Итак, мы представили существеннейшие черты прежней и современной психологии в главнейших ее представителях. Нам остается теперь несколько дополнить относительно тех общих вопросов, которых мы мало касались в предыдущем изложении.

Научная психология приводит нас к следующим общим положениям: 1) Душа каждого одушевленного живого существа, будучи продуктом непрерывного развития, имеет свою индивидуальную историю развития. В самом деле, яйцо, т. е. исходная точка развития индивидуального существа, у всех животных, родящихся из яйца, одинакова, и в ней нет и следа психической жизни. От этой простой клетки до животного в полном его развитии, достигающего в высших млекопитающих и в человеке чрезвычайно сложной и высокой психической организации, лежит непрерывный ряд различных степеней развития. 2) Психическая деятельность, как показывают факты физиологические и психопатологические, связана с известными телесными органами и без них не может быть представлена. Отнятие мозжечка лишает животное координации движений; разрушение четверных возвышений не только ослепляет человека, но лишает его зрительных представлений из прошлого. Разрушение одного из полосатых тел производит полный паралич противоположной половины тела. Повреждение задней части 3-й лобной извилины левой стороны обусловливает потерю способности речи на словах и на письме, оставляя собственно умственные

способности нетронутыми. Значительное повреждение коркового вещества передней части лобных долей мозга делает человека идиотом.

Если мы не хотим становиться вразрез с положительной наукой, то мы не можем смотреть на психическую жизнь иначе как на часть общей жизни и, следовательно, должны признать психическую деятельность свойственной в большей или меньшей степени всем живущим существам животного царства. В низших животных организмах психические функции еще мало дифференцировались от общих жизненных отправлений; напр., у монер, у одноклеточных организмов мы не видим еще нервной системы, но видно, что одна и та же ткань отправляет функции питания, выделения, воспроизведения, чувствительности и сократительности или движения. Что касается до растительных организмов, то мы не находим достаточных оснований согласиться с теми естествоиспытателями (Фехнер, Гэккель, Luys, Виньоли) и философами (Шопенгауэр, Гартман) которые приписывают «душу» растениям. Конечно, между растительным и животным царствами нельзя провести резкой границы; их соединяет мир протистов или простейших животных; конечно, и растения, точно так же, как и животные, состоят из клеток, имеющих индивидуальную жизнь; но приписывать растениям чувствительность и даже сознание, по нашему мнению, слишком мало оснований. Правда, растения тянутся к свету, многие как будто чувствуют его присутствие или отсутствие, некоторые, как, напр., мимозы, по-видимому, способны реагировать на раздражения; но эти факты могут быть объяснены и без гипотезы растительной души. Конечно, natura non facit saltum и можно найти посредствующие звенья не только между растениями и животными, но и вообще между миром органическим и миром неорганическим. Но из этого еще не следует, чтобы мы должны были откинуть всякие рубрики и стереть все границы, которые, хотя большей частью и произвольны, однако необходимы нам при различении предметов. От этого не пострадает общий *монистический* характер нашего мировоззрения; нет никакой крайности путем натяжек сводить все к одному знаменателю, потому что, при всем единстве в целом, природа все-таки многообразна. Мир неорганический подчинен законам физическим и химическим; того, что мы привыкли называть *жизнью*, мы в нем не находим, если не имеем в виду метафор. Мир органический имеет характеристическим атрибутом жизнь и кроме физических и химических законов подлежит законам *биологическим*, не имеющим действия в мире неорганическом. Сущность жизни нам, конечно, неизвестна, но мы должны признать, что существуют различные степени ее. Сложное органическое соединение, будет ли оно добыто из мира органического или сложено из составных частей в лаборатории, какое-нибудь белковое вещество, если мы не видим в нем жизненности, есть тело анорганное. Но такое же в сущности белковое вещество, если оно представляет жизненность, как не так давно откры-

тый Bathybius (Томсон, Карпентер и Бессельс), относится нами к живым существам. Этот Bathybius есть наипростейшее живое существо. Он лежит на дне морей в виде совершенно бесформенной (аморфной) массы белкового вещества и не представляет еще никаких следов индивидуализации. Тоже недавно открытые (Гэккелем, Гекслеем, Ценховским) *монеры* представляют уже сравнительно высшую ступень жизни. Монеры также встречаются в глубине морей в виде маленьких кусочков однородной слизи; это — тот же Bathybius, только индивидуализовавшийся. Они не дошли еще до той ступени морфологического развития, которую представляет животная клетка. Тем не менее, они живут, питаются, втягивая внутрь себя питательные вещества, инфузорий и т. п., растворяют их или переваривают, растут, плодятся через деление, наконец, вследствие сократительности, изменяют свою форму и передвигаются. Спрашивается, имеет ли жизнь этих существ ту сторону, которую можно бы назвать психической, хотя бы в самом простейшем виде. При раздражении ее однородного тела монера сокращается; по-видимому, она также способна чувствовать световые раздражения. Итак, мы должны признать за монерой способность чувствования и движения, хотя у нее нет и следа нервной системы. Гэккель (Psychologie cellulaire, trad. de l'allemand. 1880) признает за монерами даже волю, и, в известном смысле, можно согласиться с этим автором, если иметь в виду то инстинктивное начало воли, о котором говорит Бэн. Само собой разумеется, тут весьма мало сходства с той сознательной или осмысленной волей, которую мы видим у человека и у высших млекопитающих. Итак, мы видим простейшие психические отправления у самых простых существ, какие только можно представить себе, именно у монер.

Ступенью выше монер те живые существа, которые представляются в виде одной клетки, как напр. амёбы, где мы уже видим дифференцированные части — протоплазму и ядро с ядрышком. Амёбы водятся повсюду в воде, как в пресной, так и в морской; их тело не имеет постоянной формы, потому что они со всех сторон то выпускают, то вбирают в себя отростки, служащие им органами *произвольного* перемещения и в то же время щупальцами, т. е. органами чувствования. Подобных одноклеточных организмов очень много, и некоторые из них живут паразитически в организмах высших животных. Нет сомнения, что эти существа имеют не только жизненные, но и психические отправления; они, очевидно, чувствуют, потому что реагируют на раздражения, и кроме того, они перемещаются по произволу. Но, может быть, представится вопрос: имеют ли эти простейшие организмы вместе с чувствованием и сознание? Определенно ответить на этот вопрос трудно; можно только сказать, что одни авторы чересчур расширяют область сознания, причисляя и растения к сознающим существам (Фехнер, Гартман), другие слишком ограничивают ее, отказывая в сознании низшим животным. Факт сознания известен нам только по соб-

ственному *внутреннему* опыту. Что сознание присуще другим людям и высшим млекопитающим — мы заключаем, главным образом, по аналогии. Сознание вообще тесно связано с чувствованием, потому что, говоря философским языком, бессознательное ощущение собственно не есть ощущение, а только физическая причина ощущения. Когда говорят об ощущениях, как о психологических актах, всегда имеют в виду сознательные ощущения. Не желая впадать в дуализм, мы не можем иначе думать, как так: то, что мы с субъективной точки зрения называем сознанием, объективно есть не что иное, как молекулярный процесс в нервных клетках (см. выше о Льюисе). Следовательно, чувствование и сознание с этой точки зрения одно и то же. Несомненно также, что существуют различные степени сознания. Наша узловая нервная ткань, нормально дающая сознание ясное и отчетливое, под влиянием некоторых веществ может дать только смутное и неопределенное сознание. Различные степени ясности и смутности сознания знакомы нам по состояниям, переходным от мертвого или бесчувственного сна до полного бодрствования. Нервные клетки низших животных, несомненно, также имеют функцией чувствование и сознание; только нормальное сознание низших организмов, конечно, неизмеримо ниже по ясности и сложности, чем наше сознание, и аналогично разве со сном, со смутными, несложными и неопределенными грезами. Мы не имеем права отказать в некоторой степени такого сознания даже тем животным, которые лишены нервной системы, если только признаем за этими животными способность чувствования. Способность чувствовать внешние раздражения и *отличать* их от изменений, происходящих внутри существа животного, — разве это не будет значить то же, что сознание? Мы высказали выше, что на известной ступени органического развития от общих жизненных отправлений дифференцировалась функция чувствования. Мы можем представить, что вместе с функцией чувствования дается и зародыш сознания, но можем также думать, что функция сознания дифференцируется от более общей функции чувствования впоследствии. В самом деле, мы знаем, что у человека и высших млекопитающих функция чувствования принадлежит серой узловой ткани нервных центров, но знаем также, что у человека сознание связано только с высшими мозговыми центрами, помещающимися в сером корковом веществе полушарий большого мозга, тогда как функция низших чувствительных центров — четырехолмия и зрительных бугров, а также центров спинного мозга — бессознательна. А между тем чувствительные нервные клетки во всех названных центрах, по-видимому, одинаковы. Но надо иметь в виду, что высшие и низшие животные — дело разное. В низших животных одна и та же недифференцированная ткань способна к отправлениям и чисто органическим, и психическим. В высших животных дифференцирование достигает высокой степени. Здесь не только обособились различные ткани, соответ-

ственно различным отправлениям, но и сама нервная ткань дифференцировалась на нервные волокна и нервные клетки, функция нервных клеток дифференцировалась на функцию чувствования (малые клетки) и функцию движения (большие узловые клетки), на функции сознательные и бессознательные. Конечно, с какого бы места непрерывного ряда постепенно усложняющихся животных организмов мы ни начинали говорить о сознании — в сущности все равно. Едва ли кто-нибудь из естествоиспытателей решится отрицать сознание у животных, имеющих нервную систему и органы чувств.

В существах, стоящих выше, чем амёба и грегарина, мы видим дифференцировавшимися несколько родов клеток, разделяющих между собой жизненную работу. Простые многоклеточные организмы, не имея еще сложной нервной системы, состоят из двух слоев клеток, наружного — слоя нервно-психических функций, и внутреннего — слоя растительной жизни. Всякое высшее животное, в том числе и человек, должно пройти через эти стадии развития; в начале развития, будучи яйцом, оно является одноклеточным организмом, из которого происходит организм многоклеточный (gastrula), состоящий из двух слоев клеток или двух зародышевых листков — наружного, из которого развиваются нервно-мышечная система и органы чувств, и внутреннего, из которого происходят органы растительной жизни. Клетки наружного слоя пресноводного полипа, называемого гидрой, имеют способность чувствительности и сократительности. Эти так называемые *нервно-мышечные* клетки составляют начало нервной системы в животном царстве.

Понять механизм нервно-психической деятельности всего легче на простейшем примере, какой представляет нам Turbellaria, один из экземпляров низших червей. Рассматривая под микроскопом плоское, листообразное тело этого червя, мы заметим внутри его единственный нервный узел, мозг в самой простой форме — в виде небольшой шарообразной массы, от которой лучеобразно расходятся к периферии нервные нити. Одни из них — чувствительные нервы — оканчиваются в наружном слое или в коже животного, другие — двигательные нервы — в мышечном слое, лежащем под первым. Нервный узел состоит из массы нервных клеток, соединяющихся многочисленными отростками частью друг с другом, частью с волокнами чувствительных и двигательных нервов. У многих простых червей единственным органом чувства служит кожа. У других, как у турбелларий, существуют зачаточные органы зрения и слуха, соединяющиеся чувствительными нервами с центральным нервным узлом или с мозгом. Механизм такого нервного аппарата крайне прост, так как здесь мы имеем элементарный случай рефлекторного или, вернее сказать, нервно-психического устройства; мы говорим «нервно-психического», потому что нервные клетки центрального узла здесь несомненно имеют функцией чувствительность

и, известной долей, сознание. Чувствительные клетки в коже турбелларии, подобно сторожевым постам, бдят на внешней границе и, как только на них подействует внешнее раздражение, немедленно телеграфируют об этом обстоятельстве по чувствительным нервам своему центральному начальству, т. е. мозгу. Правительство рассматриваемого нами клеточного государства, получивши с границы депешу, являющуюся здесь в виде ощущения, устраивает государственный совет из большего или меньшего числа своих непременных членов — узловых клеток, и результатом этого совещания является акт воли, который телеграфируется по двигательным нервам к исполнительной власти, мышечным клеткам, в форме приказа произвести то или другое движение.

В животных, стоящих более высоко, чем турбеллария, нервные узлы, от которых расходятся чувствительные и двигательные нервы, располагаются в виде ряда или цепи, иногда, как у насекомых, в виде двух параллельных рядов. Центральная нервная система позвоночных животных и человека представляет ряд слившихся между собой нервных узлов или, точнее — нервных центров, причем центры, лежащие ниже, более или менее подчинены центрам, лежащим выше (или более впереди). Ход развития нервной системы, в общем, у всех позвоночных одинаков. Сначала появляется зачаточный спинной мозг в виде шнурка, от которого расходятся нервы. Самое низшее из позвоночных животных, Amphioxus, всю жизнь обходится одним только спинным мозгом, не имея головного. У всех других позвоночных передний конец спинного мозга, по мере развития, утолщается и распадается на 5 первичных пузырьков, сообщающихся между собой, из которых впоследствии развиваются различные части головного мозга, именно — передний мозг (полушария большого мозга), межуточный (зрительные бугры), средний мозг (четырехолмие или lobi optici), задний (мозжечок) и придаточный (продолговатый мозг). У низших позвоночных мозговые полости, сравнительно с массой мозга, больше, чем у высших животных; вообще мозг низших позвоночных напоминает эмбриональный мозг высших животных. У рыб и земноводных передний мозг не достигает большой величины; у амфибий сравнительно сильно развит средний мозг; у птиц преимущественно развиваются большой мозг и мозжечок и прикрывают остальные части сверху; у млекопитающих все более и более преобладает развитие мозговых полушарий, которые у приматов почти совершенно закрывают остальные части мозга; наконец, полушария человека отличаются от мозга высших обезьян только большим богатством мозговыми извилинами, т. е. большим развитием серого коркового вещества полушарий, представляющего орган высших психических отправлений — сознательного чувствования, произвольного действия и мышления.

Итак, нервная система человека состоит из следующих главных частей: 1) спинного мозга, представляющего ряд расположенных друг над другом

нервных центров, соединенных между собой с помощью отростков клеток и нервных волокон и принимающих в свои клетки волокна чувствительных и двигательных нервов, 2) продолговатого мозга с Варолиевым мостом и выходящими из них нервами, 3) мозжечка, 4) межуточного и среднего мозга, представляющихся в виде нервных узлов на основании большого мозга — зрительных бугров, полосатых тел и четверных возвышений, 5) полушарий большого мозга с их периферическим серым веществом. Совершенно самостоятельную систему составляет симпатический нерв, не играющий непосредственной роли в душевной жизни.

Как ни сложен нервный аппарат человека анатомически, механизм его, в сущности, очень прост. Функциональный мозговой элемент состоит из нервного центра с его чувствительными и двигательными клетками и с нервными волокнами, центростремительными и центробежными. Раздражение чувствительного нерва вызывает молекулярное движение возбуждения в нерве, которое, доходя до нервного центра, обусловливает специфическое возбуждение чувствительных клеток его, передающееся по соединительным волокнам двигательным клеткам и отсюда вызывающее, путем двигательного нерва, мышечное сокращение и движение. Все спинномозговые акты, как бы ни были они сложны, сводятся к такому простому *рефлексу*, который вовсе не связан с сознанием, потому что у человека и высших животных дифференцирование привело к отделению тех нервных клеток, которые имеют способность сознания. Известно, что только деятельность этих высших клеток, лежащих в коре полушарий большого мозга, соединена с сознанием; точно такие же клетки в мозговых узлах (напр. в зрительных буграх), несмотря на то, что они чувствительны, лишены сознания. Мы знаем, то, что субъективно есть факт сознания, объективно есть не что иное, как молекулярное движение в нервной клетке; чувствование, хотя бы бессознательное, есть также молекулярный процесс. Сущность сознания нам, конечно, неизвестна; но есть основание думать, что молекулярное движение, лежащее в основании бессознательного акта чувствования (напр. возбуждения клеток зрительного бугра), и молекулярное движение, обусловливающее сознательное ощущение (возбуждение чувствующих центров мозговой коры), различаются главным образом только по степени (конечно, тут могут иметь значение особенности клеток мозговой коры, хотя эти особенности микроскопом неуловимы), но не по сущности и даже не по форме, потому что от разницы в форме этого движения, вероятно, зависят специфические различия чувствительных актов, напр. различие светового и осязательного центрального возбуждения. Что такой, по-видимому, совершенно особый фактор, как сознание, обусловливается только степенью молекулярного движения, кажется странным только с первого взгляда; аналогий этому можно указать много. Будем, напр., медленно и постепенно нагревать кусочек свинца. Теплота есть тоже род молекуляр-

ного движения. По мере нагревания свинца молекулярное движение в нем усиливается, но сначала мы, кроме увеличения теплоты, ничего особенного не заметим. Наконец, наступает такой момент, когда твердое прежде тело вдруг становится жидким, т. е. расплавляется. Таким образом, усиление молекулярного движения причинило совершенно особое явление — изменение формы тела.

Спинномозговые рефлексы лучше всего изучаются на обезглавленных животных, потому что головные центры оказывают изменяющее, обыкновенно подавляющее влияние на рефлексы спинного мозга. Эти явления приходилось видеть и на обезглавленных людях. Так, когда Робэн, возбудивши гальваническим током спинной мозг гильотинированного преступника, раздражал скальпелем правую сторону груди его, то труп поднимал правую руку и прикладывал ее к груди, как бы защищаясь от раздражения. Подобного рода движения требуют сокращения большого числа различных мышц (сгибателей, разгибателей, приводящих и отводящих, поворачивающих внутрь, поворачивающих кнаружи), и мышцы должны быть приведены в действие в определенном порядке, каждая в свое время и в известной степени; и все это способен делать обезглавленный труп. Движения такого рода, как бы сложны они ни были, суть движения автоматические; они совершаются в силу того, что, под влиянием опыта и упражнения, отдельные движения ассоциируются друг с другом в определенном порядке, так что довольно одного чувственного впечатления, чтобы вызвать весь ряд движений с механической правильностью. Новорожденный ребенок умеет сосать, хотя для этого нужно правильно действовать более чем 30 парами мышц. Когда раз акушер *Бойе* принужден был при родах разломать череп ребенка и опорожнить его от мозга, то после этой операции ребенок мог еще не только кричать, но и сосать палец, вложенный ему в рот… Известно, что мы должны учиться ходить, танцевать, играть на музыкальных инструментах. Учение при всех усилиях воли идет тяжело и медленно, но когда оно кончено, когда установились нужные ассоциации и сложились двигательные механизмы, последние действуют от одного легкого усилия воли с машинообразной правильностью. Хороший музыкант мог бы играть во сне или в припадке сомнамбулизма, и подобные примеры бывали. Развитие таких двигательных механизмов возможно благодаря той основной способности нервной ткани, что возбуждение, прошедшее известными путями (а мы знаем, что пути эти в нервных центрах многообразно ветвятся), при повторении легче идет теми же самыми путями. Это в сущности та же самая способность, которая в сфере чувствования называется памятью — основная способность нервной ткани, без которой была бы невозможна никакая психическая жизнь. Получившийся из чувственных впечатлений образ, исчезая из сознания, оставляет после себя как бы след (конечно, состоящий в известном физико-химическом изменении молекулярного

существа клетки), по которому он может снова возникнуть. Раз совершившийся рефлекс оставляет след, по которому он легче совершается впредь той же дорогой. И эта способность совершенствуется под влиянием упражнения, и память развивается, как и всякая другая способность.

Кроме приобретенных сложных автоматических актов, играющих столь важную роль в обыденной жизни (об этом см. в этюде «Нервно-психический контагий и душевные эпидемии), бывают акты прирожденные, унаследованные от родителей; ими объясняются многие явления инстинктивного действования животных.

Чувствительно-двигательные механизмы мозга связаны между собой и одни из них подчинены другим. Совокупность их можно сравнить с бюрократическою иерархией, так что нервные центры спинного и головного мозга представляют как бы взаимно подчиненные административные власти. По поводу каждого события местная власть, назовем ее хоть исправником, получает донесения и отдает предписания; получивши донесение (возбуждение чувствительных клеток спинномозгового центра), исправник часто сам делает соответственное распоряжение (переход возбуждения на двигательные клетки того же центра), но иногда он сообщает по телеграфным нитям, соединяющим нервные центры в вертикальном направлении, губернатору, резидирующему в продолговатом мозге, под властью которого, кроме 31 пары спинных нервов, состоят еще 10 последних пар головных нервов, и ждет приказа от его превосходительства. Губернские присутственные места, по крайней мере, часть их, действуют непрерывно и неусыпно. Возбуждаясь постоянным притоком крови, центральные клетки этого отдела работают без перерыва, днем и ночью, подобно рабочим большой фабрики, и постоянно поддерживают функции дыхания и сердцебиения. Другие центры этого отдела имеют функцией сложные рефлексы; беспорядочная деятельность этого правления может обусловить судороги во всех мышцах тела. Части на основании большого мозга — мозговые ножки, зрительные бугры и полосатые тела — образуют следующую инстанцию или министерства (зрительное, обонятельное, осязательное, министерство внутренностное или вегетативной жизни). Чувствительные департаменты министерств помещаются в зрительных буграх, двигательные — в полосатых телах. Заведуя, частью, деятельностью низших центров и имея, кроме того, специальную сферу действия, т. е. нервы зрительные и обонятельные, министерства могут функционировать, не обращаясь к высшей инстанции — сенату, но деятельность их бессознательна. Зрительное впечатление, вызвав возбуждение в соответствующем центре зрительного бугра, может, не переходя в полушария, т. е. в кассационный департамент правительствующего сената, прямо идти по нервным волокнам в исполнительный департамент — полосатые тела, и разрешаться в бессознательном движении. К сфере деятельности этой инстанции принадлежит

множество автоматических чувствительно-двигательных актов, частью совершающихся в болезненных состояниях (сомнамбулизм), частью имеющих место в обыденной жизни, напр. акт писания. Последняя инстанция — правительствующий сенат, или корковое вещество больших полушарий мозга, орган мысли, сознательного чувствования и воли. Нервные центры этой инстанции соединяются с центрами у основания мозга посредством системы лучеобразных или проекционных волокон, называемой лучистым венцом. Многочисленные клетки этой инстанции (в человеческом мозге Бэн и Мейнерт насчитывают их до миллиарда) связываются между собой посредством отростков, а также системой волокон, называемых координационными волокнами (Мейнерт).

До 1870 года полагали, что клетки мозговой коры суть места исключительно умственной деятельности, и потому считали, что корковое вещество полушарий невозбудимо внешними раздражителями. С этим, по-видимому, вполне согласовался тот факт, что проекционные (Мейнерт) волокна лучистого венца (пути сообщения между сенатом и министерствами), точно также как и сама мозговая кора, могут быть на значительном протяжении разрушены без видимых расстройств. Но экспериментальные исследования *Фритча* и *Гитцига*, впоследствии *Феррьера*, и патологические наблюдения *Шарко* и других показали, что в мозговой коре существуют различные, анатомически и физиологически отделенные области. Определенная часть мозговой коры имеет функцией произвольное движение и совершенно отделена от остальной, чувствительно-интеллектуальной области. Возникающие в последней ощущение, представление или мысль, переходя в двигательную область коры, состоящую из больших клеток, лежащих глубже, чем чувствительные клетки, становятся импульсом воли и обусловливают произвольные мышечные движения. Различные части этой двигательной области мозговой коры связаны с различными группами мышц и только их и могут возбуждать к действию. Если раздражать у собаки или у обезьяны известное место этой области, то произойдет всегда определенное движение на противоположной стороне тела. В настоящее время положение этих *психомоторных центров*, путем экспериментов на животных и анатомо-патологических исследований на человеке, определено довольно точно. Раздражение известных центров, напр. электрическим током, вызывает движение соответственных групп мышц, напр. верхних или нижних конечностей, языка, лица и пр. Уничтожение этих центров обусловливает паралич на соответственном протяжении. Разрушение всей двигательной области коры вполне лишает животное и человека всех произвольных движений, и притом сама идеация движений также уничтожается. Чем выше животное, тем более обособлены в мозговой коре его психомоторные центры; с другой стороны, чем выше животное, тем более его психомоторные центры требуют развития. Собака родится с еще не определившимися центрами, они

развиваются и обособляются позже; у человека эти механизмы при рождении еще менее действительны и требуют развития еще в большей степени. Не описывая положения психомоторных центров в отдельности, во избежание подробностей, утомительных для неспециалистов, мы скажем вообще, что двигательная область коры занимает парацентральную дольку, восходящие лобные и теменные извилины и, может быть, основания лобных извилин (*Шарко* и *Питр*, О локализациях в коре полушарий, пер. Спримона. 1878). В задней части третьей лобной извилины левой стороны лежит центр артикулированной речи. Уничтожение этого центра, не затрагивая собственно интеллектуальной сферы, лишает человека способности членораздельной речи на словах и на письме (афазия и аграфия). Вся остальная часть коры полушарий прямого отношения к движениям не имеет и должна быть считаема чувствительно-интеллектуальной областью. Относительно локализаций в этой области мы пока еще знаем немного. Найдено, что центр зрения лежит в lobulus supramarginalis и в дугообразной извилине, в извилине височно-основной — центр слуха, в subiculum cornu Ammonis — центр обоняния, неподалеку от которого помещается центр вкуса (*Ferrier*, Fonctions du cerveau, trad. de l'anglais, 1878).

Есть основание думать, что собственно чувствительная сфера и сфера интеллектуальная тоже отделены в мозговой коре, хотя они остаются всетаки тесно связанными посредством волокон. Наблюдения над душевнобольными показывают, что сфера психической чувствительности может быть глубоко поражена, тогда как интеллектуальные способности остаются почти не тронутыми (*Luys*. Le cerveau et ses fonctions. 1878). Мы знаем, что чувствительные клетки мозговой коры, отличающиеся небольшой величиной, занимают преимущественно самую наружную часть мозговой коры; очень вероятно, что область деятельности чисто интеллектуальной лежит более вглубь, занимая при этом передние части мозга, лобные доли, потому что различия поражения этой стороны мозга всего более сопровождаются умственным ослаблением.

Новейшие патологические наблюдения заставляют думать, что локализирование в мозге не ограничивается этим, а представляет дальнейшие подробности. На основании наблюдений над больными афазиками *Бродбент* полагает, что комплекс симптомов, называемый афазией, весьма сложен и что различные случаи афазии дают нам возможность дальнейшего ознакомления с мозговыми локализациями. Он принимает, что двигательный центр для мышц губ и языка, лежащий в третьей левой лобной извилине, связан с центром слуха и непосредственно подчинен высшему центру, интеллектуальному, имеющему ближайшее отношение к способности речи и лежащему недалеко от первого. В этом центре, на основании наблюдений, можно отличать два отдела — центр для названий или имен и центр для предложений; первый связан с центрами зрительным, осязательным и слу-

ховым, последний с двигательным центром языка и губ. От этого в известных случаях афазии теряется способность составлять предложения, хотя память слов и способность произносить их остаются (*Broadbent*, Brain, a journal of neurology, N. IV, 1879).

Собственно умственная деятельность в значительной мере автоматична. Идеи зарождаются по своим законам ассоциации и идут своим течением, независимо от нашей воли. И в интеллектуальной сфере привычный ход возбуждения играет не меньше роли, чем в сфере чисто рефлекторной. Тем не менее, мы можем отчасти регулировать наши мысли путем сосредоточения внимания на известных предметах и мыслях. Патологические наблюдения показывают, что способность внимания локализирована в самых передних частях лобных долей. В этой части мозга теперь помещают аппарат регуляции мыслей и орган внимания (*Феррьер*, l. c.). Некоторые авторы, именно врачи-алиенисты, помещают аппарат регуляции интеллектуальной деятельности в мозжечке, но большинство физиологов и врачей теперь приписывает мозжечку исключительно роль регулятора и координатора движений. Само собой, что описанные отделы мозга, имея каждый свою самостоятельную сферу деятельности, составляют механизм психической деятельности только в совокупности. Изложение опытов с отделением известных частей нервной системы завело бы нас слишком далеко. Сказанного довольно, чтобы иметь общее понятие об отправлениях мозга, и даже из этого ясно, что хотя мы еще далеки от знания мозга во всех его подробностях, все-таки исследованного довольно, чтобы видеть, что физиология идет верным путем. Учение об отправлении различных частей мозга, факт локализации известных функций, ставший известным только в последние годы, исследования Мейнерта и др. относительно проводящих путей между различными частями мозга — все это может служить опровержением тем психологам-метафизикам, которые, не зная новейших анатомических и физиологических работ по части мозга, утверждают по рутине, что физиология не дает никакого твердого основания для психологии.

Возбуждение нерва, дойдя до узловых клеток центра, освобождает молекулярное движение, чувствование, в количестве несравненно высшем против собственного движения. Здесь не простой переход возбуждения с нерва на клетку, но освобождение скрытой силы (конечно, взятой из соответственного количества силы, доставляемой питательным материалом). Механически возбуждение нервной клетки может быть сравнено с взрывом пороховой мины, где нерв играет только роль запала. С физико-химической точки зрения центральный процесс есть разложение сложных составных частей мозга, преимущественно лейцитина, с развитием теплоты. С механической точки зрения процесс в нервных клетках есть молекулярное движение, которое *Тэн* (Géographie et mécanique cérébrales, Revue philosophique 1878, X) остроумно сравнивает с танцевальными фигурами, причем весьма

различные и весьма многочисленные мозговые частицы, описав известную линию с определенной скоростью, возвращаются снова на свое место, как танцоры в кадрили; только некоторые измученные танцоры сходят со сцены, уступая место свежим силам, и танцевальные фигуры продолжаются по-прежнему. Мы можем, с помощью Тэна, представить себе некоторые подробности мозгового танца. Мы говорили, что всякое ощущение происходит из элементов, которые сами по себе уже не суть ощущения. Этим элементам ощущения соответствуют элементы молекулярного танца. Если в ощущении музыкального звука, продолжавшегося 1/10 секунды, заключается сотня одинаковых элементов ощущения, с продолжительностью каждого в 1/1000 секунды, причем каждый из этих элементов имеет maximum и minimum с бесконечным множеством посредствующих степеней, то надо думать, что в чувствительной клетке, в продолжение сказанной 1/10 секунды, мозговые частицы произвели сотню одинаковых маневров, продолжавшихся каждый 1/1000 секунды, причем каждый представлял maximum и minimum с бесконечным множеством средних степеней. Одним словом, одновременные или последовательные части полного ощущения соответствуют одновременным или последовательным фигурам всего танца. При этом становится понятной разница ощущений в целом, их бесконечно сложный состав, их разделение по классам, по-видимому, несводимым друг на друга. Маленькая разница в химическом сложении или в строении клетки достаточна, чтобы изменить расположение и па́ танцоров, т. е. скорость их движения, форму его, продолжительность и сложность описываемых ими линий; вместо вальса, напр., получится менуэт. С этой точки зрения вполне также понятна память и воспроизведение представлений. Мы знаем, что чувствительные узлы на основании мозга, посредством проекционных волокон, соединяются с высшей инстанцией или мозговой корой. Если одна клетка такого узла дает десять волокон в мозговую кору и каждое из этих волокон, разветвляясь, связывается с группой в 100 клеток, то одна клетка чувствительного узла имеет в мозговой коре 1000 репетиторов, и переданное от нее движение может продолжаться в 1000 клеток, постепенно удаляясь и ослабевая. Когда в отдаленных клетках этой группы движение еще продолжается, ближайшие клетки уже успокоились и способны воспринимать новое движение; не вполне же затихшее движение, или движение, вполне затихшее, но оставившее после себя изменение молекулярного строения, или, как выражается Тэн, — постоянное клише, из отдаленных клеток может распространиться на всю группу снова, и тогда мы будем иметь воспроизведенное представление, возникшее из следа, оставленного прежним. Теперь понятно, для чего нужны миллиард клеток мозговой коры и несколько миллиардов волокон ее. Кроме проекционных волокон есть, как мы сказали, волокна ассоциационные, соединяющие клетки различных мест мозговой коры между собой, также как клетки

обоих полушарий. Благодаря этим волокнам могут связываться молекулярные возбуждения различных родов. Память, таким образом, заключается в том, что представление состоит в движении, постепенно ослабевающем и переходящем в отдаленные клетки группы, где, затихая совершенно, оно оставляет клише, или изменение в строении, предрасполагающее новое движение идти по старому руслу. Оставаясь вдали от широкой дороги обычных представлений, это воспоминание может целые годы оставаться скрытым, для того чтобы явиться в активном и сознательном виде, если возродившееся движение, начавшееся с отдаленных клеток, постепенно распространяясь, перейдет на клетки первого плана. Серая кора мозга представляет 15–18 этажей. Ее можно сравнить, по примеру Тэна, с большой типографией с освещенными и шумными мастерскими и обширными, тихими и темными складами. Бесчисленное количество литер, обращающихся в мастерских и лежащих в складах, принадлежат к 35 буквам азбуки; в нашем мозговом алфавите может быть не более форм, не более 35 танцевальных фигур, и только 5–6 типов клеток, нужных для исполнения этих фигур. В типографии работа двояка — с одной стороны, под влиянием внешних впечатлений постоянно набираются слова и отсылаются в склады, где переводятся на постоянные клише, и, с другой стороны, клише из складов приносятся в мастерские, где и переводятся на подвижные литеры и слова. Работа, производимая при свете сознания, состоит в комбинировании сложенных новых и переписанных с клише старых слов (*Taine*, Géographie et mécanique cérébrales).

О самом сознании мы уже говорили. Но можно указать и на дальнейшее развитие этого фундаментального предмета. Хотя мы и сказали, что деятельность высших мозговых центров — серой коры полушарий есть деятельность сознательная, но существует основание думать, что бывают исключения. Акты, совершающиеся, несомненно, в мозговой коре, могут быть бессознательны. Возьмем кольцо на тонкой нити и будем держать рукой конец нити, стараясь не качать кольцо. Если мы будем внутренно хотеть, чтобы кольцо двигалось, то оно будет качаться и притом качаться по назначенному направлению, несмотря на то, что сознательно мы стараемся держать руку в совершенном покое. Это один из примеров *мыследвигательного действия* (Карпентер). Спрашивается, почему отдельный центральный акт может совершаться с сознанием и без него? На это старается дать ответ *А. Герцен* (La loi physique de la conscience. Revue philosophique 1879. IV). Работа нервной клетки неизбежно связана с разложением нервного вещества, за которым должно следовать его возобновление; видоизменения во втором процессе соответствуют видоизменениям первого. С динамической точки зрения, работа нервной клетки есть превращение скрытых сил в силы деятельные, а пополнение потраченных скрытых сил видоизменяется, смотря по видоизменению траты. Таким образом, жизнь нервной

клетки состоит в процессах дезинтеграции и следующей за ней реинтеграции. Реинтегрированный нервный элемент никогда вполне не тождествен с тем, что он был прежде, иначе был бы непонятен факт умственного и душевного развития. Герцен утверждает, что сознание всегда сопровождает только дезинтеграцию нервных клеток, но никогда не интеграцию или реинтеграцию, и что степень сознания прямо пропорциональна степени дезинтеграции и обратно пропорциональна той легкости, с какой возбуждение одного клеточного элемента сообщается другому элементу, чувствительному или двигательному. Днем в нашем мозге сильно преобладает дезинтеграция над интеграцией, ночью — наоборот, и потому во время крепчайшего сна, когда нервные элементы пополняют израсходованные силы, нет места сознанию. Когда читает человек, очень привыкший к чтению, ему вовсе нет надобности иметь всякую минуту сознание о той фразе, которую он только что читает, а тем более о той, которую он только что прочел; это оттого, что последняя быстро переходит из дезинтегративной фазы в фазу реинтегративную. То же можно сказать о каждом слове, о каждой букве читаемой страницы, а между тем эти слова, эти буквы должны быть восприняты; для мыслящего человека и привычного читателя, при чрезвычайно сложной дезинтеграции, сообщающейся с чрезвычайной быстротой и легкостью от одних нервных клеток к другим, достаточно сознания только фраз или даже только смысла их. Непрерывность сознания обусловливается тем, что в то время, когда одни нервные элементы переходят из дезинтегративной, сознательной фазы в фазу реинтегративную, бессознательную, они успели уже возбудить дезинтеграцию в других элементах и т. д. По этой теории, сознание есть субъективное выражение процесса нервной дезинтеграции. Несвязанность с сознанием деятельности низших центров объясняется частью тем, что в этих центрах процесс дезинтеграции не достигает достаточной интенсивности, с другой стороны, тем, что при сравнительной простоте чисто рефлекторных механизмов нервные элементы быстро и легко возбуждают дезинтеграцию в других элементах, а сами сравнительно слишком скоро приходят в фазу реинтеграции.

Итак, чувствительность и сознание суть свойства центральных нервных клеток. Приписывать эти свойства всем клеткам, составляющим организм, как делает это Гэккель (Psychologie cellulaire), утверждающий, что «каждая клетка имеет душу», — мы находим слишком смелым. Конечно, всякая клетка имеет жизненность, а в понятии о жизненности всегда есть по крайней мере тень понятия о чувствительности. Но между клетками нервной и костной разница весьма велика. Одноклеточный организм, представляемый низшим животным, конечно, имеет в известном смысле способность чувствования, но наделять этой способностью каждую кровяную, каждую эпителиальную клетку такого дифференцированного организма, как наш,

нам кажется лишним. Еще более лишне приписывать «душу» органическим частицам, составляющим клетки, или пластидулам (*Haeckel*, Perigenesis der Plastidulen) и даже атомам. Мы не много выиграем, если вместо атомных сил притяжения и отталкивания будем говорить о чувствах симпатии и антипатии, общих всем атомам. Представлять всю материю одушевленной и все атомы одаренными чувствованием и волей, как это делает Гэккель, в сущности — чистейший анимизм, откуда недалеко до представления об атомной душе как о части единой реальности — «мировой души», что уже будет крайним идеализмом. Клетка может ощущать, но элементы этого ощущения — движения частичек ее протоплазмы, сами не суть ощущения, подобно тому как кислород и водород сами по себе не вода, хотя и образуют воду при своем соединении.

Вообще наклонность одушевлять если не весь мир, то, по крайней мере, мир органический весьма заметна у современных ученых. Изложим в нескольких словах также теорию *Виньоли* (*Vignoli*, Über das Fundamentalgesetz der Intelligenz im Thierreiche, 1879). Жизнь на земле есть проявление одного общего мирового или космического принципа. Основные свойства психической деятельности — ощущение, воля, ум — общи и животному и растительному царствам, только в растениях эти способности менее дифференцированы и развиты. Сущность души растений есть бессознательная восприимчивость. Ощущение же животного является собственно восприимчивостью восприимчивости. Психическая деятельность есть не что иное, как результат связи органического мира с вселенной — связи, выражающейся в целой системе движений. Психическая деятельность животных заключает в себе в скрытом виде разум, точно так же как бессознательная душа растений заключает в себе функцию ощущения. Вообще эта теория в главных чертах мало отличается от развиваемой в настоящей статье, с той только разницей, что мы не считаем мир растений одушевленным, не признаем, что можно говорить, кроме жизненной способности растений, об их психической способности.

Мы представили краткий обзор психологических воззрений, как прежних, так и современных. Если мы не говорили о всех представителях современной психологической науки, то указали, по крайней мере, главнейших и наиболее оригинальных, и в изложении в разных местах их мнений дали почти полную систему основных психологических понятий. Из этого очерка видно, что время дуалистической психологии прошло и, вероятно, безвозвратно. Современная наука имеет характер *монистический*, будут ли конечные выводы ее идеалистичны или реалистичны. Мы не имеем здесь в виду того метафизического идеализма, который выражается в более или менее курьезных системах философии, отыскивающих единый абсолют, из которого будто бы происходит все сущее; мы говорим только о том идеализме, к которому приводит критика познания и на принципах кото-

рого останавливаются многие, если не большинство из современных светил физиологической и психологической наук. Так, *Рокитанский* говорит, что именно атомистическая теория составляет опору идеализма. «Как материя вообще, так и составляющие ее атомы суть не что иное, как явление или представление, и как относительно материи, так и относительно атомов можно спросить, что они такое сами по себе, независимо от представления, что от вечности выражается ими» (*Rokitansky*, Der selbstständige Werth des Wissens, 1869). *Мейнерт*, больше чем кто-нибудь другой потрудившийся над изучением микроскопического строения мозга и хода проводящих путей в нем, замечает, что пространство и время не имеют никакой объективности. Время есть мысль, говорит он словами Вундта (Die Menschen und Thierseele), пространство есть также продукт ума (Zur Mechanik des Gehirnbaues, 1874). *Ланге*, один из немногих людей, совместивший в своем уме все отрасли знания, говорит, что чувствование и мышление могут быть сведены к физическому механизму, но наши представления о материи и ее движении будут только результатом нашей умственной организации; за нашим психическим механизмом, точно так же, как за всяким другим представленным механизмом, скрывается неизвестная непостижимая вещь сама в себе (*Lange*, Geschichte des Materialismus, 1875). Мир доступен нам только через чувства, а чувства, как говорит *Гельмгольц*, не дают нам ни самых вещей, ни даже верных образов их, а только отношения этих вещей к нам. *Гэккель*, как мы видели, приписывает атомам душу и, таким образом, одухотворяет всю природу. *Спенсер* говорит: «Мы можем мыслить о материи только в терминах духа, мы можем мыслить о духе только в терминах материи». В конце концов мы должны прийти к «непостижимому». «Оба фактора сознания — объективный и субъективный — неизвестны по природе и познаваемы только в их феноменальных обнаружениях».

Но что такое в самом деле «вещь сама в себе» или абсолют? Это — не что иное, как продукт ума или, точнее, — чистая фикция. Естественно, что знание вещи, лишенной всякого отношения к чему-либо, немыслимо, иначе пришлось бы мыслить не в терминах мышления. Строго говоря, существование вещи, отвлеченной от всех отношений, вовсе не доказано, еще менее доказано, что эта вещь есть единая абсолютная реальность. И идеалисты допускают познаваемость чувствования по существу. Но в данных чувствования мы можем истолковать всю вселенную, потому что чувствование и есть источник всякого познания. Нашему понятию об абстрактном бытии, говорит *Льюис* (Problems of life and mind), соответствует понятие о существовании, данном во всевозможных отношениях к чувствованию, и для нас совершенно довольно познаваемости вещей в чувствовании. «Если абсолютное есть сумма всех вещей, то нам, очевидно, познаваемо и оно как в конкретах, так и в отвлечениях от последних». «Всех возможностей реальности мы, конечно, не исчерпаем, но от этого

наше знание не менее достоверно и абсолютно. Истина не делается менее достоверной от того, что со временем будут найдены другие истины, заключающие ее в себе как частность». По *Вундту*, *идеалистический реализм*, признавая вполне первенство внутреннего опыта и считая опыт внешний только областью последнего, предполагает объективное бытие, без которого никогда не могли бы возникнуть в нас представления и понятия. Душа есть внутреннее бытие той единицы, которая при внешнем рассматривании считается телом. «Всеобъемлющее бытие, — говорит *Дюринг*, самый последовательный из философов-реалистов (Cursus der Philosophie, 1875), — едино, и в своей самодостаточности не имеет ничего ни над собой, ни подле себя». «Единство бытия параллельно единству сознания. Таким образом, возникает целостное понятие о мире, и вселенная становится объединением всего сущего в единство». Тем не менее, «космос сам по себе еще не предполагает бытия ощущающих существ». «Причины, благодаря которым зажигается светоч сознания, совершенно не выяснены, но они должны быть представляемы нами как часть мировой механики». «Мост материальности и механизма есть единственный критерий действительной причинности, и всякий другой посредствующий фактор будет произвольной сказкой нерациональной фантастики». «Индивидуальный принцип внутренних возбуждений и явлений сознания, по своему существу, есть действие (Action), и потому нечто преходящее. Он составляет противоположность всякой субстанциальности, и нельзя сильнее промахнуться в воззрении на него, как, обманувшись постоянством его деятельности, в действительности только относительным и эфемерным, создавать из него не только вещь в самой себе, но даже реальность, аналогическую материи». «Ощущение есть событие, не только заключающее в себе новый мир, но в котором объективное бытие находит завершение своего значения. Ощущение есть нечто всеобщее и универсальное, по существу всегда одинаковое, развивающееся и долженствующее развиваться везде, где поле для этого приготовлено комбинацией других сил природы». «Ощущение есть космическое явление и по всей вселенной должно представлять одни и те же основные формы и одни и те же элементы, хотя в разных сочетаниях». «Оно заключает в себе истину, и элементы ощущения суть реальность; оно представляет во всяком случае действительные отношения». «Ощущение, будучи ощущением, в то же время есть выражение объективных и реальных отношений, в истинности которого ничего не меняется от того, что ближайшее и непосредственнейшее отношение ощущения имеет предметом индивидуальный организм и его состояния» (*Дюринг*). Таким образом, все ощущаемое существует точно так, как мы его ощущаем (*Льюис*). Мы видели, что вся психическая деятельность может быть сведена на механизм, т. е. объяснена в том же роде, как мы объясняем весь мир. Конечно, Ланге прав, говоря, что механизм — не более как представ-

ление, но какое мы имеем право предполагать, что реальность независимо от ощущения должна быть другой, чем в нашем ощущении, если ощущение признается частью этой реальности?

Нервно-психический контагий и душевные эпидемии

I

Болезни, поражающие сразу множество людей, называются *повальными* или *эпидемическими* болезнями. Они происходят или от заразы (миазмы), развивающейся вне человеческого организма, как напр. перемежающаяся лихорадка, или же от заразы, воспроизводящейся в самом организме и передающейся от одного человека к другому, как напр. оспа. В этом состоит разница между миазматическими и собственно заразительными, контагиозными болезнями. Не одни только телесные болезни способны к эпидемическому распространению; болезни души, психические расстройства также нередко принимают эпидемический характер. История человечества, история обществ представляет нам длинный, можно даже сказать, непрерывный ряд примеров, в которых известные побуждения и стремления, известные чувства и идеи охватывают сразу массу людей и обусловливают, независимо от воли отдельных индивидуумов, тот или другой ряд одинаковых действий. При этом двигающая идея, сама по себе, может быть высокой или нелепой, чувство и стремление могут не выходить из границ физиологических, но могут быть также необычайными и анормальными, совершенно изменяющими прежний нравственный и умственный характер людей. К таким примерам морального и интеллектуального движения масс, порой принимающего форму резкого душевного расстройства, мы совершенно вправе приложить название «*душевные эпидемии*». Аналогия с телесными эпидемиями здесь полная. Подобно контагию оспы или сыпного тифа, душевная зараза от одного человека передается к другому, к третьему, воспроизводится здесь и из этих вторичных фокусов заражения распространяется с новой силой далее, захватывая все большую и большую массу людей, до тех пор, пока будет находить благоприятную для себя почву. Оспа и чума уносили прежде тысячи и десятки тысяч жертв и опустошали целые страны. Душевные эпидемии не менее губительны. Проходит время повального душевного расстройства, время коллективного увлечения или страсти, и вернувшиеся к рассудку люди обыкновенно сами не могут понять своих прошлых ошибок…

Характер душевных эпидемий, их степень распространенности и отдельные явления, ими представляемые, — весьма разнообразны. Примеры

исторических душевных эпидемий будут приведены впоследствии, теперь же мы только бросим беглый взгляд на этого рода факты.

Бывают эпохи воинственного энтузиазма, когда сотни тысяч человеческих жизней приносятся в жертву из-за вопроса о ничтожном клочке земли или для удовлетворения честолюбия одной личности. Или люди, исповедующие религию мира и любви, из-за какого-нибудь религиозного несогласия разделяются на враждебные партии, из которых каждая старается истреблять другую без сожаления и пощады. Бывают эпохи всеобщей деморализации, когда нравственное чувство, по-видимому, исчезает, прежние боги остаются за штатом и животный эгоизм человека единственную цель жизни видит в грубых чувственных наслаждениях. То возникает учение, не имеющее ничего общего со здравым смыслом, но тем не менее находящее миллионы фанатических приверженцев; в пример можно указать на современное нам распространение спиритического учения. Бывают времена, когда люди, под влиянием внезапно пробудившейся лихорадочной жажды деятельности, оставляют родину и целыми массами идут отыскивать обетованную землю с ее реками, текущими медом и млеком. То множеством людей овладевает уверенность, что они находятся в самых близких сношениях с дьяволом, при помощи которого они имеют власть повелевать стихиями и возможность вредить другим людям, и ни жесточайшие пытки, ни перспектива мучительнейшей казни не в состоянии подорвать этой уверенности. Иногда люди тысячами впадают в болезненное состояние экстаза и, собираясь большими толпами, как бы одержимые демонами, начинают дикую пляску, ломаясь самым невозможным образом, совершая невероятнейшие скачки, до тех пор, пока не упадут в полнейшем изнеможении…

Подобного рода факты обыкновенно только тогда причисляются к области душевной патологии, когда душевное расстройство является в слишком резкой форме, когда двигающая идея или чувство слишком нелепы, слишком далеки от нормы, или когда психическое расстройство сопровождается резкими телесными симптомами. Но степени душевного расстройства бесчисленны, и строго разграничить явления патологические и физиологические невозможно. Заметим, что мы употребляем термин «душевное расстройство» вовсе не в том смысле, в каком обыкновенно употребляют выражение «сумасшествие». Всякое нарушение гармонии в душевной сфере, всякий случай непомерной деятельности одних сторон психической жизни в ущерб другим может быть назван душевным расстройством. Потому-то в действительности ни для отдельного индивидуума, ни для целого общества не существует резкой границы между нормальным и болезненным душевным состоянием. Мы надеемся показать, что корень душевных эпидемий заключается в самой психической организации человека, и что обыденные проявления нервно-психического контагия и поражающие примеры средне-

вековой демономании или мании плясок связаны цепью посредствующих градаций.

При рассмотрении фактов нервно-психической заразительности, естественно, является такого рода вопрос. Человек есть существо, одаренное разумом и свободной волей; как же согласить это с фактами слепого неразумия масс, когда тысячи людей бросаются по одному и тому же пути, часто ведущему к гибели, не рассуждая, не думая, как будто увлекаемые какой-то роковой силой?

Конечно, человек одарен и разумом и волей. Но разум и воля не суть какие-либо особые и постоянные силы или сущности, а просто — известные *формы* душевной жизни. Психическая деятельность может совершаться, и действительно совершается в значительнейшей мере — *вне* этих форм.

Область воли есть область действия. Только в действиях, в поступках человека проявляется его свободная воля, «свободная» — в том смысле, что человек сознает в себе возможность выбора того или другого рода действий. Воля поэтому тесно связана с рассудком, и всякий акт воли, в тесном смысле, необходимо предполагает рассуждение или размышление.

Но огромный ряд движений и действий человека совершается не только без участия воли, но даже бессознательно. И при сознательных действиях воля в тесном смысле (т. е. размышление, сознательный выбор того или другого действия) очень часто вовсе не участвует. Так, человек, всецело порабощенный страстью, действует не только независимо от своей воли, но иногда даже наперекор ей.

Непроизвольные психические акты, как сознательные, так и бессознательные, дают нам ключ к пониманию явлений нервно-психической контагиозности. Мы должны остановиться на рассмотрении этих актов, потому что они играют первую роль в душевных эпидемиях, а также и потому, что самый факт нервно-психической заразительности нельзя понять без знания некоторых психологических данных.

Простейший вид бессознательного, а, следовательно, и непроизвольного движения представляет обыкновенный спинномозговой *рефлекс*, т. е. мышечное сокращение, непосредственно обусловленное внешним раздражением. Если щипнуть лапку у лягушки, у которой предварительно отрезана голова, то лягушка отдергивает лапку; это происходит не потому, чтобы лягушке было больно, — при отсутствии головного мозга не может быть и речи о каком-либо ощущении, но в силу того основного принципа нервного механизма, что раздражение чувствующего нерва, через посредство центральных нервных клеток, непременно отразится на соответствующем двигательном нерве и обусловит так называемое *рефлективное* (отраженное) *движение*. Рефлективный акт спинного мозга не только непроизволен, но может даже быть бессознательным. Воля и сознание составляют деятельность высших центров головного мозга, спинномозговой же

рефлекс в наиболее чистой форме происходит у обезглавленного животного.

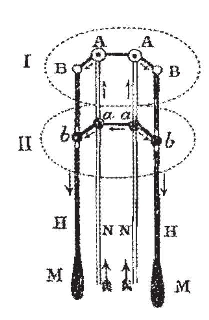
Деятельность спинного мозга не ограничивается такими простыми рефлексами. Спинной мозг есть также центр многих сложных, так называемых *координированных* движений. Если мы возьмем обезглавленную лягушку и помажем нижнюю часть ее задней лапки кислотой, то лягушка сгибает ногу так, чтобы вытереть лапку о верхнюю часть ноги; если этот маневр ей не удается, то она стирает кислоту лапкой другой ноги. Здесь лягушка непроизвольно и бессознательно производит движение, по-видимому вполне имеющее характер целесообразности. Новорожденный анэнцефалический (т. е. лишенный головного мозга) урод может не только двигать руками и ногами, но способен также кричать и сосать. Сосание же есть движение сложное, где нужно привести в действие целый ряд мышц и притом в известном порядке и с известной силой. Видимая целесообразность движений в том и другом случае объясняется довольно просто. Ребенок уже родится со спинным мозгом, в котором отдельные движения акта сосания или кричания «сочетанны» между собой в известном систематическом порядке, так что без всякого участия сознания и воли, единственно под влиянием чувственного раздражения происходит весь этот ряд сочетанных движений с механической правильностью. Точно также и в раньше приведенном примере обезглавленной лягушки — по-видимому целесообразное движение происходит только потому, что отдельные движения, из которых состоит этот сложный двигательный акт, были уже раньше координированы в спинном мозге лягушки, вследствие чего под влиянием внешнего раздражения и может совершиться сложный (координированный) двигательный акт.

Далее — есть целый ряд сложных движений, которым должно научиться с большим трудом при полном сознании и усилиях воли. Но когда человек научился этим движениям, он может выполнять их машинально, без всякого участия сознания и воли. Возьмем, напр., акт ходьбы; это — сложное движение, в котором участвует множество мышц; при этом мышцы эти должны быть приведены в действие в известном порядке и с определенной силой. Ребенок, имеющий достаточно силы в мышцах, при всех усилиях воли не будет в состоянии ходить до тех пор, пока не приучит свой спинной мозг управлять мышцами именно таким образом, как это нужно для хождения. Когда же спинной мозг приспособится к выполнению координированных движений акта ходьбы, то этот акт начинает совершаться с механической правильностью. Все участие головного мозга с его сознанием ограничивается только тем, что головной мозг отдает спинному предписание, чтобы движение было произведено; само же выполнение этого сложного двигательного акта принадлежит всецело спинному мозгу. Но иногда спинной мозг, не дожидаясь предписания свыше, начинает дей-

ствовать по собственной инициативе и тогда координированное движение произойдет не только непроизвольно, но и бессознательно. Так, лунатики и известного рода эпилептики (при так называемом petit mal) при отсутствии сознания могут ходить или совершать привычную механическую работу. Такого рода движения и действия, не требующие необходимо участия сознания и воли, называются *автоматическими*, потому что при этом человек двигается подобно заведенному автомату.

В акте ходьбы мы имеем пример сложного автоматического движения, зависящего от спинного мозга. Мы сейчас увидим, что и деятельность головного мозга значительнейшей частью тоже автоматична.

В головном мозге анатомически и физиологически отделены две инстанции. Высшей инстанции, представляемой корковым веществом больших мозговых полушарий, принадлежат высшие душевные отправления — сознательное ощущение и мышление, чувство, воля. Низшая инстанция — узлы на основании большого мозга и частью в продолговатом мозге — заключает в себе центры органов чувств, с соответствующими им двигательными центрами. И тут, как и везде, высшее ведомство не всегда причастно к деятельности ведомства низшего. Ощущение, составляющее специальность второй инстанции, чтобы сделаться ощущением *сознательным*, должно поступить в высшую инстанцию. Но вместо того, чтобы идти в сознание, оно может прямо рефлектировать на соответственный двигательный центр и обусловить движение (в данном случае — непроизвольное и бессознательное). Ощущение может также частью идти в сознание, частью же отразиться на соответственный двигательный центр, при чем получится таким образом, в одно и то же время, сознательное ощущение и непроизвольная двигательная реакция. Наглядно это можно изобразить в приложенной графической схеме. (Пунктирными линиями разделены две инстанции головного мозга — I и II; *aa* представляют чувствительные центры, центры ощущения, *bb* — соответствующие им двигательные центры; AA — центры сознания, BB — двигательные клетки мозговой коры; *NN* — чувствующие нервы, HH — нервы двигательные; MM — мышцы.)

Как пример головного рефлекса можно привести непроизвольное закрывание век при механическом раздражении слизистой оболочки глаза; тут мы имеем и сознательное ощущение и непроизвольное движение. Другой пример — крик, вызываемый чрезмерной болью.

Кроме простых чувствительно-двигательных движений, как в только что приведенных примерах, бывают очень сложные координированные движения, которые не только не зависят от рассудка, но могут даже происходить бессознательно. Так называемые инстинктивные действия животных принадлежат к категории прирожденных автоматических актов.

Ласточка и в первый раз вьет свое гнездо так же искусно, как и в пятый. Бобр устраивает себе хижину и защищает ее плотиной, не проходивши курса строительного искусства. Пчела, не обучавшись геометрии, делает свои ячейки математически правильными. У человека сложные автоматические акты большей частью приобретаются опытом, привычкой. От воли они зависят только в том смысле, что она может давать им первый толчок, самое же выполнение их всецело зависит от автоматических чувствительно-двигательных механизмов мозга. Иногда же эти сложные движения с не меньшей правильностью происходят совершенно бессознательно и, следовательно, невольно. В этих случаях низшая мозговая инстанция (т. е. чувствительно-двигательные внекорковые центры) действует по собственной инициативе, без всякого приказа свыше, единственно под влиянием впечатлений, полученных извне.

Приобретенные автоматические движения и действия в обыденной жизни совершаются на каждом шагу. Возьмем для примера чтение вслух. При взгляде на написанное или напечатанное слово мы произносим его, для чего нужно произвести ряд координированных движений различными мышцами губ, языка, мягкого неба, гортани. Рассудок и воля здесь не двигают сознательно теми или другими мышцами в известном, строго определенном порядке. Неграмотный человек при всех усилиях воли не прочтет ни одного слова. При умении же читать можно читать вслух даже бессознательно. Всякий, конечно, знает, что если при чтении вслух ум всецело занят посторонней мыслью, то чтение происходит чисто механически, машинально, так что при сознательном перечитывании тот же самый отрывок кажется совершенно новым. Когда человек, погруженный в глубокое размышление, расхаживает по комнате, обстановка которой ему хорошо знакома, то он не сознает ни своих движений, ни окружающих предметов; а между тем он не спотыкается и не натыкается на стены или на мебель; но поставьте тихонько на дороге его стул, он будет задевать за этот стул до тех пор, пока ощущение присутствия стула не ассоциируется с движением сворачивания в сторону от этого предмета. Писание, танцы, игра на каком-нибудь музыкальном инструменте — тоже представляют примеры автоматических, чувствительно-двигательных актов. Говорить можно как в сознательном, так и в полусознательном или совершенно бессознательном состоянии. «Разговор на каком-нибудь хорошо знакомом языке, — говорит *Модслей*, — несмотря на всю трудность изучения его, приобретает легкость рефлекторного акта, и некоторые быстро и много говорят, сами не зная что». Важность для обыденной жизни приобретенных автоматических действий очевидна. Если бы при всяком ряде движений было необходимо активное участие сознания и воли, то тогда человек в целый день успевал бы разве только одеться да раздеться, так как процесс застегивания одной пуговицы потребовал бы много времени и труда.

Патологическое состояние *сомнамбулизма* представляет поразительные примеры весьма сложных автоматических действий, которые на первый взгляд ничем почти не отличаются от действий сознательных и произвольных. *Сомнамбулистами* или *лунатиками* называются люди, которые, находясь в состоянии, подобном сну, совершают разного рода движения и действия, часто чрезвычайно сложные, с удивительной ловкостью, но бессознательно; проснувшись, они обыкновенно и не подозревают о своих похождениях. Лунатики не только ходят, говорят, пишут, вообще делают все то, что они привыкли делать в нормальном состоянии, но часто совершают даже такие действия, какие они в нормальном состоянии, т. е. при помощи ума и сознательной воли, никоим образом не могли бы выполнить. Человек, никогда не обучавшийся искусству акробата, в состоянии сомнамбулизма может ходить по канату не хуже Блондена. Не отличаясь в нормальном состоянии красноречием, лунатик во время припадка иногда произносит длинные речи совершенно легко и свободно или же хорошо выражается на языке, которым обыкновенно он владел с большим трудом.

Как понять сомнамбулическое состояние? Подробно распространяться об этом предмете не позволяет объем нашей статьи, и потому мы скажем в объяснение только несколько слов. В действиях лунатика мы имеем ряд координированных движений, выполняемых чувствительно-двигательными автоматическими механизмами в то время, когда высшие мозговые центры, центры сознания и воли, не действуют, спят. Координированное движение здесь непосредственно вызывается внешним раздражением, подействовавшим на находящиеся в болезненно возбужденном состоянии чувствительно-двигательные центры. Поэтому можно сказать, что лунатик видит и слышит, хотя он и не сознает, что он видит и слышит. Мы увидим потом, что бывают бессознательные мысли или идеи, и в некоторых случаях сомнамбулизма первым толчком для автоматического действия бывает бессознательная мысль. Наконец, иногда лунатики действуют не вполне бессознательно и по пробуждении сохраняют некоторое воспоминание о том, что они делали во время припадка; здесь умственное состояние лунатика близко подходит к состоянию экстаза, о котором мы будем говорить ниже.

Вот несколько примеров естественного сомнамбулизма.

Легран (du Saulle) говорит об одном лунатике, который вставал с постели и ходил по комнате с неподвижным взглядом, не видя находившихся в той же комнате наблюдателей; он не задевал ни за один предмет в комнате, но если мебель была передвинута на необычное место, то он натыкался на нее и тогда обыкновенно просыпался. В одном католическом монастыре, рассказывает тот же автор, монах, одержимый сомнамбулизмом, при наступлении припадка берет нож и отправляется в келью настоятеля. Последний еще не успел лечь в постель. Лунатик подходит к кровати и несколько раз вонзает нож в постель, полагая, что он убивает приора, и не видя,

что предмет его умысла стоит в стороне и наблюдает за ним; совершивши предполагаемое убийство, монах с видом удовлетворения возвращается в свою келью и укладывается в постель. Бриерр де Буамон упоминает, между прочим, о некоем Кастелли, лунатике, которого приятели застали ночью в припадке сомнамбулизма, причем он делал перевод с итальянского языка на французский, отыскивая слова в лексиконе. Приятели погасили свечу, горевшую у него на столе. Тогда лунатик взял свечу и пошел в кухню зажечь ее, несмотря на то, что в его комнате оставались зажженными несколько других свечей. У Бертрана находим такого рода случаи. Один лунатик, принимая бутылку за зажженную свечку, работал впотьмах; если же в комнату его проскальзывал слабый свет, напр. луны, то он жаловался, что «солнце» ослепляет его. В другом случае — семинарист, вставши ночью в припадке сомнамбулизма, принимался писать проповедь; если при этом наблюдавшее за ним лицо закрывало его рукопись листом бумаги, то он продолжал, хотя бы с полуслова, писать на новом листе, не останавливаясь. Доктор Гейкок, живший во время Иакова I, в состоянии сомнамбулизма говорил прекрасные проповеди и свободно выражался по-гречески и по-еврейски, хотя в нормальном состоянии знал эти языки довольно плохо. Ниже мы увидим, как объясняется проявление способностей, которых у данного лица обыкновенно не замечалось.

До сих пор мы говорили о низшей мозговой инстанции. Высшее мозговое ведомство, т. е. корковое вещество больших полушарий мозга, тоже не совсем лишено автоматического характера. *Все*, что не есть *сознательная* мысль, *сознательный* импульс воли — есть автоматический или рефлекторный акт. Мы говорим «сознательная» мысль, потому что есть мысли *бессознательные*. Область бессознательной душевной деятельности весьма обширна. Заготовленные умственным опытом образы (представления) и идеи здесь находятся в *статическом*, скрытом состоянии, как бы хранятся в складе, откуда и пускаются в оборот, когда придет их черед. Это сохранение в мозге в скрытом состоянии образов и идей, это удерживание в мозге следов раз полученных впечатлений составляют ту способность, которая называется *памятью*. Самостоятельное возобновление образов и идей в сознании будет *воспоминанием*. *Воображение* есть способность вспоминания образов, которые, возрождаясь, комбинируются между собой в бесконечном разнообразии. Одни из раз полученных впечатлений возрождаются в сознании очень часто, другие же так мимолетны, так полно «позабыты», что, по-видимому, след их в мозге совершенно сглаживается. Однако при известных, большей частью патологических условиях и эти мимолетные или «позабытые» впечатления возрождаются, и образы далекого прошлого поднимаются с удивительной ясностью.

Итак, статическая мысль бессознательна; но и освободившаяся из кладовой бессознательной души мысль, т. е. мысль *активная* не всегда бывает

сознательной; для того, чтобы войти в сознание, мысль должна иметь известную степень напряженности. Так, за одной мыслью, возникшей в сознании, часто является другая, по-видимому, не имеющая с первой никакой связи; в действительности, при этом мог быть возбужден целый ряд посредствующих мыслей, которые, однако, все остались вне области сознания. Всякий знает, что в мыслях своих мы не властны; без нашей воли, часто даже наперекор ей, они возникают одна за другой из области бессознательной души, по известным законам ассоциации идей. *Размышление* произойдет тогда, когда сознательная мысль, представляющая деятельность одной из бесчисленных клеток серого вещества мозга, возбудит деятельность другой, третьей и т. д. клетки, и притом деятельность известной напряженности, потому что только при таком условии мысль будет целиком сознательная.

Но сделавшись активной, мысль, как сознательная, так и бессознательная, вместо того, чтобы, идя по клеткам серого вещества, возбуждать другие мысли, — может прямо проявиться наружу в движении или действии, которое таким образом совершится без участия воли, а иногда даже против ее усилий. Так, внезапно явившаяся идея смешного вызывает невольный смех, идея обиды обусловливает невольное движение гнева. Такие движения и действия можно назвать *мыследвигательными*; будут ли они сознательны или бессознательны, они всегда непроизвольны. Большинство наших ежедневных действий, если они не чувствительно-двигательные акты, суть действия мыследвигательные.

Что *чувство* не всегда согласуется с рассудком, с сознательной волей — это ходячая истина. Поступки человека в гораздо большей мере зависят от склонностей и желаний его, чем от сознательных усилий воли. Склонность, возникающая из органических потребностей, всецело относится к сфере бессознательной души; желание же есть не что иное, как сознательная склонность. Еще Спиноза сказал, что мы желаем чего-либо или имеем к чему-либо склонность вовсе не потому, что считаем предмет желаний хорошим, а наоборот — именно то считаем хорошим, к чему чувствуем склонность или желание. Всякое чувство или страсть стремятся непосредственно выразиться в действии, и только люди с сильным характером могут энергическими усилиями воли подавить внешние проявления страсти, да и то лишь в известных пределах.

Поверь, что ум со страстью несовместны,
А если и совместны, то лишь разве
В одних богах, —

говорит Крессида у Шекспира.

Всякий беспристрастный наблюдатель должен прийти к заключению, что не рассудок и воля являются непосредственными мотивами человеческих действий, а желания, чувства и страсти. Еще Огюст Конт сказал, что

способность к размышлению, рассудок не побуждают к действию, но только контролируют наши побуждения и сдерживают страсти. Потому-то «боги отнимают у человека разум, когда хотят погубить его». «В поступках человека,— говорит Герберт Спенсер,— движущей силой навсегда не бывает знание, но всегда чувство, которое идет рядом с этим знанием или возбуждается им». Чересчур развитая способность рефлексии у Гамлета лишала его активности, с другой же стороны, способность к беззаветному увлечению была источником многих бед для «рыцаря печального образа».

Вообще, рассудок относительно действий, если можно так выразиться, играет роль полиции — роль, которую можно охарактеризовать словом «не допущать».

Как в благоустроенном государстве полиция должна быть хорошо организована, так и в благоустроенной душевной жизни должны быть достаточно развиты рассудок и воля; но в среднем человеке эта душевная полиция не всегда сильна и деятельна, и потому многое делается без ее ведома или наперекор ей. И эта полиция не неподкупна; в самом деле — чего только не оправдывал рассудок — пытки инквизиции, Варфоломеевскую ночь, рабство негров, ужасы террора, Версальские убийства…

Вышесказанным мы вовсе не умаляем значения рассудка, но только хотим показать его нераздельность с волей. Высшим же душевным проявлением, во всяком случае, должно считать не рассудок (которого не лишены и животные), а *творческую мысль*, независящую от воли и истекающую из неисчерпаемых родников бессознательной души…

Если в нормальном состоянии сфера сознательной деятельности воли так ограничена, то еще более ограничена она при известных патологических условиях. Перед крайне напряженной идеей, перед сильно вспыхнувшей страстью воля бессильна. Напряженная идея, безумная страсть непременно должны разрешиться в действии.

Глубокое и постоянное сосредоточение мысли на одном пункте производит то, что называется состоянием *экзальтации*. В этом состоянии человек так поглощен своей мыслью, своим чувством, что все его действия, все его поступки совершаются под влиянием этой мысли или этого чувства.

От состояния крайней экзальтации уже недалек переход к бесспорно патологическому состоянию экстаза.

Экстаз есть болезненная деятельность высших мозговых центров, при которой вся душевная жизнь так всецело сосредотачивается на одной идее или на одном чувстве, что в это время окружающий реальный мир перестает существовать для больного. При этом внешние впечатления или вовсе не доходят до сознания, или доходят только урывками, произвольные движения прекращаются, и органическая деятельность часто сводится до минимума. Вся жизнь как бы сосредотачивается в ненормально напряженной деятельности известных мозговых центров. При каталептической

форме экстаза больной совершенно неподвижен. В других же случаях крайне напряженная мысль или чувство экстатика, без участия его сознания и воли, выражаются наружу в известного рода движениях. Человек, находящийся в религиозном экстазе, держит руки сложенными как бы на молитву. Лицо больного, смотря по экстазирующей идее, выражает или крайний ужас или безграничный восторг. Экстаз может быть в различной степени, и обыкновенная при этом нечувствительность к внешним впечатлениям может быть более или менее полной. Продолжительность такого состояния неодинакова, обыкновенно оно является припадками. Известная степень экстаза всегда сопровождается галлюцинациями.

Как следствие чрезмерной деятельности мысли и чувства легко являются *галлюцинации* и *иллюзии* (обманы чувств). Крайнее возбуждение корковых центров головного мозга всегда сопровождается возбуждением и центров низших, т. е. внекортикальных центров органов чувств. При этом и без внешнего впечатления, т. е. самостоятельно, в центрах органов чувств происходят такие процессы возбуждения, какие при нормальном состоянии вызываются в них только внешним впечатлением. Тогда образ, родившийся в мозгу, не будет уже для больного только внутренним образом, т. е. продуктом его воображения, но будет настолько же жив, как действительное впечатление. При таких условиях человек видит вещи, реально перед ним не существующие, слышит небывалые звуки, и притом — видит и слышит с такой ясностью и отчетливостью, что этот призрачный мир, созданный его мозгом, кажется для него не менее реальным, чем действительно существующий окружающий мир. В самом деле, мы находимся в сношении с внешним миром только посредством наших органов чувств. Но если чувства обманывают человека, показывая ему несуществующие вещи с такой ясностью, как и вещи реальные, то человек часто теряет всякую возможность отличить призрак от действительности. Даже одаренные сильным умом люди, будучи подвержены галлюцинациям, верят иногда в них.

При состоянии экзальтации галлюцинации и иллюзии происходят тем легче, чем более ослаблены органы чувств, чем более истощена нервная система вследствие ненормального возбуждения, непомерного физического труда, или вследствие недостаточного питания, т. е. поста. Оттого-то галлюцинации так часты у мистиков, у аскетов; история всех стран и народов представляет бесчисленные примеры галлюцинаций различного рода, происшедших указанным путем.

В состоянии экстаза условия для происхождения галлюцинаций всего более благоприятны. Кроме того, что здесь идея или чувство являются в крайней степени болезненного возбуждения, в этом состоянии внешние впечатления не могут мешать, так как реальный мир во время припадка не существует для экстатика. Притом у такого рода больных нервная система наиболее истощена, как от чрезмерной и ненормальной деятельности,

так и от недостаточного питания, потому что экстатики обыкновенно наблюдают строгий пост и часто не едят по нескольку дней и даже недель.

Экстаз в известной степени может быть временным явлением. В такое состояние иногда впадают люди, обыкновенно не считающиеся больными; это бывает с философами, артистами, поэтами при известных условиях, именно, когда центры собственно умственной деятельности от предшествовавшей чрезмерной работы ослаблены, а центры органов чувств находятся в ненормальном возбуждении. Известно, что Сократ был подвержен галлюцинациям и по временам впадал в состояние экстаза. Эдгар По и Гофман принадлежали к натурам, способным к экстазу. Моцарт и Кольридж создавали лучшие свои произведения в полубессознательном состоянии, близком к экстазу.

Особенно часто мы встречаем состояние экстаза с сопровождающими его галлюцинациями в истории мистицизма. В психологическом отношении одинакового рода явления представляют Пифия, восседающая на своем треножнике, сибирский шаман, беснующийся, стуча в свой барабан, индусский факир, созерцающий Нирвану, современная нам бельгийская стигматичка Луиза Лато, наконец — медиум в состоянии «транса». Приводить примеры экстатического состояния было бы излишним, потому что с этим явлением мы еще встретимся при рассмотрении коллективных маний.

Относительно экстатиков часто рассказывают, что у них во время припадка являются способности, которыми они в нормальном состоянии не обладали. Так, люди неразвитые и неученые в состоянии экстаза произносят красноречивые проповеди или говорят на языке, которому не обучались. Понятно, насколько подобного рода факты — в известном смысле действительно существующие — способствовали к окружению экстатиков и сомнамбулистов ореолом чудесности. В наше время, как известно, подобные явления представляются медиумами, когда они находятся под наитием «духов».

Действительно, человек неразвитый может в состоянии сомнамбулизма или экстаза говорить красноречивые проповеди, но не иначе, как только в том случае, если он *когда-либо* слыхал подобные проповеди, или, по крайней мере, если ему знакомы все те слова, из которых состоит такая проповедь. Экстатик может также свободно выражаться на языке, на котором он в нормальном состоянии не мог говорить, но отдельные слова этого языка он, наверное, *когда-либо* знал или слышал. Экстаз, как мы уже говорили, есть состояние крайнего возбуждения мозга. При таком возбуждении больной может проявить умственную силу, в нормальном состоянии ему, по-видимому, несвойственную, пользуясь тем же самым материалом, который и раньше заключался в его мозгу; при нормальных условиях мозг и на сотую долю не делает из своего материала того оборота, какой мог бы сделать. В самом неразвитом человеке количество образов (следов когда-то полученных извне впечатлений), хранящихся в мозгу в скрытом состоя-

нии, — громадно. Одни из этих образов возобновляются в сознании очень часто и составляют обыкновенный материал нашей ежедневной умственной жизни; другие же «вспоминаются» только изредка и большей частью неожиданно. Но главной массой впечатления наши настолько неважны и мимолетны или настолько полно «позабываются», что образы их вовсе не возобновляются в сознании при нормальных условиях. Но это еще не значит, что все эти образы сгладились без следа и исчезли безвозвратно. При патологических условиях, напр. в лихорадочном бреду, эти недеятельные образы могут неожиданно возникать в сознании с поразительной яркостью. То же самое, но в более резкой и правильной степени, может происходить и при экстазе, когда деятельность воображения, а частью и воспоминания, возбуждается до максимума.

Приведем несколько действительных примеров, указывающих, между прочим, как явления, на первый взгляд чудесные, объясняются естественным образом весьма просто.

Одна девица, опасно заболевшая горячкой, в пароксизме бреда заговорила на неизвестном языке, которого некоторое время никто из присутствовавших не мог понять. Наконец убедились, что это было валлийское наречие, которого больная до болезни совершенно не знала и из которого по выздоровлении не могла произнести ни одного слова. Некоторое время обстоятельство это оставалось необъяснимым; но затем по собранным справкам оказалось, что она родилась в Валлисе и в детстве говорила на языке этой страны, но что впоследствии совсем его забыла (Тэн, De l'intelligence). Одна 25-летняя девица, очень невежественная и не умевшая даже читать, во время болезни цитировала наизусть длинные отрывки на латинском, греческом и древнееврейском языках, но по выздоровлении могла говорить только на своем родном языке. Многие из этих отрывков во время ее бреда были записаны под ее диктант. По собранным сведениям оказалось, что на девятом году ее взял к себе дядя, очень ученый пастор, который имел обыкновение после обеда прогуливаться в узком коридоре, примыкавшем к кухне, и повторять вслух свои любимые места из греческих и древнееврейских писателей. Обратились к его книгам и нашли там от слова до слова многие отрывки, читанные больной (ibid.). Семилетняя девочка, самого недальнего ума и вполне невежественная, днем пасла стадо, ночью же помещалась в комнате, рядом с которой, за тонкой перегородкой, квартировал странствующий скрипач. Музыкант имел обыкновение разыгрывать по ночам на своем инструменте экзерсисы и разные пьесы из своего репертуара, так что девочка слышала его музыку в продолжение полугода. После девочка вступила в один семейный дом в качестве служанки и в течение нескольких лет ничего необычного не представляла. С некоторого времени хозяева стали слышать по ночам звуки скрипки, выходившие из комнаты служанки, причем трудные экзерсисы и серьезные пьесы разыг-

рывались с большим мастерством; по временам таинственный музыкант останавливался как бы для настройки скрипки или несколько раз повторял трудный пассаж. Оказалось, что музыку (это было именно то, что играл вышеупомянутый скрипач) производила своим голосом спящая служанка. Проснувшись, девушка ничего не помнила о своих ночных музыкальных упражнениях и не могла повторить ни одной ноты из них. Этим дело не ограничилось. Через некоторое время девушка стала воспроизводить во сне слышанную ей днем игру на рояле, а также пение, причем она вполне подражала голосу тех лиц, которых она слышала поющими. Впоследствии она стала вести сама с собой во сне длинные разговоры различного содержания, напр. о политике, об общественных новостях, о религии, или спрягала латинские глаголы, повторяла французские фразы и пр. Было очевидно, что материалом для этих ночных разговоров она запасалась днем, слыша уроки детей, разговоры своих хозяев и их гостей; все это она повторяла в своем сомнамбулическом состоянии, имитируя даже голоса говоривших с поразительной верностью. Иногда эта девушка во время своего припадка судила о различных членах того семейства, в котором жила, а также о гостях, проявляя в своих суждениях замечательную сообразительность и ум, вместе с большой способностью к иронии. По окончании припадка она ничего не помнила ни о своих музыкальных упражнениях, ни о разговорах. Вообще, эта девушка наяву не выказывала ни способностей к музыке, ни особенной сообразительности и даже была в умственном отношении ниже остальной прислуги (Brierre de Boismont, Des hallucinations). Пример этой служанки гораздо более поразителен, чем все рассказы о медиумах, говорящих будто бы на разных языках под влиянием духов.

Всем вышесказанным мы старались показать, что высшие душевные проявления человека — разум, сознательное размышление, воля далеко не всегда участвуют в человеческих действиях, на чувства же и стремления почти вовсе не имеют влияния. Мало того, мы видели, что невольные действия иногда бывают сложнее и, так сказать, искуснее действий сознательных и обдуманных. Поэтому нет ничего удивительного, что человек, будучи существом, одаренным разумом и «свободной» волей, так часто бывает неразумен в своих действиях. Но как неразумие, так и безумие могут быть не только единичными, но и *коллективными*, т. е. общими для целой массы людей. Чтобы понять происхождение душевных эпидемий, т. е. коллективного безумия, мы должны познакомиться с вопросом громадной важности — именно, с *заразительностью* нервных и душевных актов.

II

Свойство психической организации человека (и, конечно, также и животных, близких к человеку) именно таково, что всякое душевное движение

или настроение одного индивидуума отражается на душевном состоянии лиц, его окружающих. Люди в этом отношении представляют аналогию с камертонами одинакового тона; заставьте звучать один из таких камертонов, остальные сами собой придут в созвучное дрожание, т. е. издадут тот же музыкальный тон. Даже простой нервный акт одного лица вызывает такой же акт у других лиц. Возьмем простейший и всем известный пример нервно-психической заразительности. Вид зевающего человека производит неодолимое побуждение к зевоте, так что, напр., если в каком-нибудь собрании один человек зевнет, то все видевшие это также начинают зевать. Сознание и воля здесь не при чем, потому что заразившийся зевотой совершает этот акт не только помимо воли, но часто даже наперекор ей, или совершенно бессознательно. Движение зевоты здесь обусловливается единственно зрительным впечатлением, которое помимо сознания и воли приводит в действие автоматический чувствительно-двигательный механизм. Точно также, при виде какого-либо жеста или положения другого лица, человек может повторить этот жест невольно, в силу, как говорит Льюис (Luys, Etudes de phys. et de path. cérébr. Des actions réflexes du cerveau), бессознательного стремления привести себя в унисон с этим лицами. То же можно сказать и по отношению к слуховым впечатлениям. Когда ухо наше поражается модулированным звуком или музыкальной фразой, то у нас невольно является побуждение воспроизвести этот звук или эту музыкальную фразу. Тут тоже действует автоматический механизм мозга — слуховое впечатление без участия воли, а иногда даже помимо сознания обусловливает сложное координированное движение. Такого рода явления обыкновенно называются *подражанием*, *имитацией*, что, в сущности, неосновательно. Подражание собственно имеет место только тогда, когда человек берет пример с другого сознательно, на основании расчета (верного или неверного — это другое дело), что поступить так, как поступило другое лицо, почему-нибудь лучше или выгоднее. Подражание же, о котором было говорено выше, — невольно и часто бессознательно, и потому такого рода явление можно назвать подражанием *автоматическим*, *органическим*, *инстинктивным* или лучше — *нервной контагиозностью*.

Способность к такой имитации присуща людям в неодинаковой степени и в известных отношениях может быть более прирожденной, чем в других; кроме того, одни проявления ее могут быть сознательно сдерживаемы, тогда как другие, напротив, сознательно развиваются и совершенствуются упражнением. Музыкальные натуры или, как говорят, люди «с хорошим слухом» могут, раз прослушав оперу, повторять из нее арии и целые отрывки. Некоторые лица отличаются поразительным умением воспроизводить жесты, выражения физиономии, интонацию голоса других лиц, которых они таким образом «копируют», часто с замечательной верностью. В последних примерах способность к подражанию, так сказать, специализиро-

валась, оставаясь и в этом виде способностью прирожденной, независящей от воли, хотя самый акт подражания здесь происходит от сознательного импульса воли.

Инстинктивной подражательностью отличаются некоторые животные, напр. обезьяны; в весьма высокой степени мы иногда видим ее у детей, а также у идиотов и у некоторых слабоумных. Дети, как всякий знает, склонны к подражанию гораздо более, чем взрослые. Дети подражают друг другу, а также взрослым, их окружающим, обыкновенно без всякой цели, как говорится: «обезьянничают», часто даже совершенно бессознательно; таким путем детям одинаково легко могут быть привиты привычки как полезные, так и вредные. Вообще можно сказать, что наклонность к инстинктивной имитации уменьшается с развитием ума, и это понятно почему. Как мы уже видели, инстинктивная подражательность зависит от самой нервно-психической организации, от координированных актов автоматических механизмов мозга. Но надо помнить, что чувственное впечатление не необходимо должно сопровождаться соответственным движением или рядом движений. Чувственное впечатление, воспринимаясь высшими мозговыми центрами, пробуждает в последних деятельность представления, мысли. Таким образом, ответом на чувственное впечатление может быть не только двигательная, но и мыслительная реакция. У взрослого человека при виде известного жеста другого лица, кроме бессознательного побуждения воспроизвести этот жест, рождается в мозгу известное представление, вызывающее в свою очередь другое представление и т. д., т. е. результатом будет не воспроизведение виденного жеста, а мысль или чувство (напр. чувство смешного). У обезьяны же то же самое зрительное впечатление вместо мыслительной реакции обусловит реакцию двигательную, и виденный жест будет автоматически повторен. Точно то же бывает и у человека, если он в умственном отношении не много отличается от обезьяны, т. е. когда он рожден идиотом, или когда он сделался слабоумным. Например, Паршапп сообщает весьма любопытное наблюдение относительно двух слабоумных больных соседей по кроватям; один из них служил как бы зеркалом другому и с неизменной правильностью и поразительной полнотой повторял каждый жест, каждое движение и действие последнего. Может быть, с представленной точки зрения объясняется и то обстоятельство, что люди чрезвычайно искусные в копировании и передразнивании других, хотя и бывают иногда очень талантливы, но глубиной и оригинальностью мышления вообще не отличаются. Во всяком случае, и умственно развитые люди не свободны от бессознательной подражательности. Так, лица, хотя бы и не родственники между собой, долгое время жившие вместе, настолько бессознательно привыкают подражать друг другу, что приобретают одинаковые жесты, одинаковую манеру говорить, употребляют один и тот же лексикон слов и придают фразам одинаковую интонацию.

Подобное же происходит и в целом обществе. Конечно, существующие в обществе нравы и обычаи сложились историческим путем. Но далеко не все те, которые строго придерживаются господствующих нравов и обычаев, поступают так вполне сознательно, напр. по убеждению или хотя из боязни сделаться предметом насмешки или негодования со стороны других; большинство же — просто в силу привычки, предания, а главным образом потому, что «так делают другие». Оттого какой-нибудь отживший, потерявший всякий смысл обычай продолжает еще держаться и никто не решается первым освободиться от такого добровольного ига. На все существует «мода» — на платье, на мебель, на украшения, вообще на весь образ жизни, на язык, даже на идеи. Умственно неразвитое, невежественное или полуобразованное общество охотно бросается на новую идею, без всякой критики, без всякого старания усвоить ее себе вполне и развить ее логические последствия. Но лишь только исчез интерес новизны, идея, подобно фасону платья, выходит из моды и сменяется другой, часто совершенно противоположной. Только таким образом и может относиться к идее масса, если она не приготовлена к восприятию ее и если эта идея не затрагивает никаких сильных и общих всем страстей. Переходы эти нередко весьма комичны. Последователи Молешотта и Бюхнера быстро превращаются в поклонников Аллана Кардека или Гартмана, и вчерашний материалист сегодня беседует с каким-нибудь выходцем с того света или мечтает об устройстве фабрики для «производства шалей из воздуха»… Даже врач, прописывающий лекарство больному, и тот часто находится под влиянием моды, пускающей в терапию новые средства, не имеющие никаких преимуществ перед прежними. Конечно, во всеобщем подчинении моде играют большую роль тщеславие, боязнь отстать от других и сделаться смешными в их глазах и проч., но многое остается и на долю слепой, инстинктивной подражательности. Люди так привыкают сообразоваться во всем с тем кружком, в котором они живут, делать так, «как делают все», что у них даже не является мысли о каком-либо уклонении в этом отношении.

Одно время наша литература много занималась влиянием среды на индивидуума. Как ни избит этот предмет, как ни жалки бесхарактерные люди, жалующиеся, что их «заела среда», тем не менее, нельзя не сказать, что влияние окружающих людей на индивидуума часто становится для последнего тяжелым роком. Между обществом, или известным кругом общества, и выдающимся из него по своему умственному и нравственному развитию индивидуумом — взаимное влияние неизбежно. Если человек настолько слаб, что не в состоянии влиять на окружающих его людей, то эти последние, т. е. среда, будут влиять на него и, в конце концов, затянут его в свое болото.

В сфере побуждения и чувства значение способности человека *приходить в унисон* с другими людьми еще более велико. Вместо того, чтобы называть

эту способность подражательностью, здесь приличнее употреблять термин *душевная контагиозность* (выражение morale contagion впервые употреблено Эскиролем). Заразительность настроения известна каждому. Веселое общество развлекает и грустно настроенного человека, наоборот, в кругу людей печальных и самый веселый человек настраивается на тоскливый лад. Вид плачущих невольно вызывает у впечатлительных натур слезы на глаза. Присутствие при побоищах, физической борьбе и в смирных по природе людях пробуждает воинственный дух; в том-то и заключается деморализующее влияние грубых зрелищ, напр. травли животных, боя быков, кулачной борьбы, что такие сцены развивают в человеке инстинкт жестокости. Вид сцен противоположного характера, напр. таких, в которых проявляется чувство любви, пробуждает и в зрителях чувства любви и умиления. И дурные, и добрые примеры, все равно, видим ли мы их или только слышим и читаем о них, равно заразительны. Рациональное воспитание детей, главным образом, должно быть основано на расчете добрыми примерами, соответствующим чтением пробудить в ребенке хорошие, благородные чувства, причем примеры дурные, а также и безнравственное чтение должны быть устраняемы из опасения порчи натуры ребенка, в первое время одинаково впечатлительного как к дурному, так и к хорошему. Чем сильнее и напряженнее душевное движение, тем оно заразительнее. Страсть поэтому заразительна по преимуществу.

Выше мы говорили, как объясняется контагиозность машинальных, автоматических движений и действий. Подобным же путем может быть объяснена заразительность настроения, чувства и страсти. Один известный психолог говорит: «когда мы ставим себя в положение, в какое ставит обыкновенно страсть, то почти наверное приобретаем ее в большей или меньшей степени». Всякое душевное движение имеет свое выражение в движениях и положениях тела, в игре личных мышц, в звуках и словах. Возьмем для примера два таких резких душевных волнения как радость и яростный гнев. Радость ускоряет кровообращение и делает движения более сильными; глаза становятся блестящими, живыми; лицо своеобразно изменяется, на нем появляется улыбка; иногда обрадованный человек громко смеется и производит различные движения — перемещается с места на место, хлопает в ладоши, прыгает и т. п. При ярости кровообращение значительно расстраивается, дыхание затрудняется; лицо багровеет или становится мертвенно бледным, ноздри раздуваются и дрожат; голос делается отрывистым, хриплым и резким или совершенно прерывается, зубы судорожно сжимаются; все тело, с напряженными мышцами, выпрямляется или наклоняется вперед, иногда дрожит; глаза сверкают или наливаются кровью; руки с крепко сжатыми кулаками поднимаются, как бы для нанесения удара противнику. Не только сильные аффекты, но и незначительные душевные движения имеют соответственные выражения (см. у Дар-

вина «о выражении ощущений»). При этом душевное движение и соответственное ему выражение — будет ли это движение и положение тела, известное сокращение мышц лица, звуки голоса, наконец, те или другие слова — настолько тесно ассоциируются между собой, что стоит только человеку искусственно изобразить внешнее проявление страсти, он тотчас же, в большей или меньшей мере, ощущает в себе эту страсть. Поэтому, когда актер передает нам с поразительной верностью внешний вид человека, находящегося в припадке жестокого гнева, то не всегда он просто «играет», т. е. притворяется, напротив, действительно в эту минуту чувствует в себе прилив гнева. В этом отношении чрезвычайно интересны опыты Брэда над гипнотизированными (т. е. приведенными искусственно в состояние, подобное сомнамбулизму) субъектами. Когда он придавал такому субъекту положение, соответствующее известному чувству или составляющее начало известного действия, то гипнотизированный сам собой дополнял это положение, испытывал соответственное чувство или совершал соответствующее действие. Так, будучи приведен в положение боксёра, гипнотизированный начинал с азартом боксировать, при придании же ему полусогбенного положения с головой, опущенной книзу и подогнутыми коленями, он испытывал глубокое смирение. К вопросу о гипнотизации, обратившему на себя в последнее время внимание ученых, мы вернемся после, когда будем говорить о спиритизме.

Если душевное движение и соответственное ему внешнее выражение так тесно связаны между собой, то нет ничего удивительного, что человек, видя у другого человека выражение того или другого чувства (в жесте, движении или слове), той или другой страсти, сам *заражается*, конечно, помимо своей воли и часто даже бессознательно, этим чувством или этою страстью. Видя проявление в другом человеке какой-либо страсти, мы *всегда* сами бы заражались этою страстью, если бы при этом (смотря по настроению нашему, характеру, темпераменту, по высоте нашего умственного развития) не пробуждались различные побочные мысли и чувства, часто совершенно парализующие чувство первичное.

Действие душевного контагия особенно резко в массе людей и притом тем резче, чем больше и компактнее эта масса и чем меньше индивидуумы, ее составляющие, привыкли руководствоваться в своих действиях рассудком. Людская толпа всегда напоминает Панургово стадо баранов, в котором достаточно было одного барана бросить в воду, чтобы все другие сами туда же попрыгали. Примеры можно видеть на каждом шагу. В театре достаточно одному или нескольким лицам крикнуть «браво» и начать аплодировать — тотчас же присоединяются и другие, которые сами никогда бы не начали, и вот гром аплодисментов раскатывается по всей зале. На этом основано ремесло «клакёров», от которых во Франции самым существенным образом зависит успех пьесы.

Масса всегда слепо повинуется более энергическим вожакам, которые своим примером увлекают ее. Всякий кружок людей, будь это ученое или политическое общество, имеет во главе одно или несколько лиц, которым принадлежит вся инициатива деятельности, которые, так сказать, дают тон остальным, играющим роль чисто пассивную и идущим туда, куда их тянут. Кто умеет должным образом действовать на толпу, тот может вести ее куда угодно — в огонь, в воду, в убийственную схватку битвы. Слово вождя, умеющего одушевлять солдат, делает последних героями и обусловливает успех сражения, казавшегося уже проигранным. Наоборот, пример одного или нескольких трусов заражает целые полки и обращает их в позорное бегство. Страх и ужас, понятно, еще заразительнее геройства, потому что в большинстве людей гораздо более задатков трусости, чем геройской храбрости.

Испуг, ужас одного из нескольких лиц, заразивший целую толпу, производит то, что называют *паникой*. Например, в театре или в каком-нибудь большом собрании, достаточно одному человеку с криком «пожар!» броситься вон — и вся публика в слепом ужасе бросается к выходам, причем в страшной давке многие бывают раздавлены до смерти: в таких случаях люди только выскочивши на улицу приходят в себя и задаются вопросом — где же пожар и действительно ли горит? Стадные животные, напр. лошади, тоже способны поражаться паническим ужасом и притом, все равно как и люди, от ничтожного, по-видимому, повода. Кавалеристам подобные факты очень хорошо знакомы.

Всякая идея заразительна и главным образом настолько, насколько она затрагивает чувство или носит в себе его элементы. Рассматривая нравственное состояние общества в данное время, мы замечаем, что известные чувства и идеи имеют широкое распространение, другие же нет. Говоря вообще, чувства мелочные и своекорыстные гораздо более склонны принимать эпидемическое распространение, чем чувства и идеи высокие, потому что средний человек, конечно, более расположен к чувствованиям и понятиям эгоистическим, чем к высокой доблести. Но когда какое-нибудь экстраординарное событие взволнует обычное течение общественной жизни, то иногда и самые заурядные люди, заражаясь от лиц, стоящих во главе движения, становятся способными к чувствам более возвышенным и даже к подвигам геройства и самопожертвования. Во времена же застоя, когда никакое живое чувство, никакая высокая идея не трогают общественного сознания, грубо-эгоистические, своекорыстные побуждения и меркантильные интересы приобретают эпидемическое, всеобщее распространение. Хотя и справедливо, что литература есть только зеркало общества, отражающее в себе его состояние в данное время, тем не менее в известной мере она является и руководительницей для общества, как в положительном, так и отрицательном направлении. Нет сомнения, что легкомысленная

и фривольная литература второй империи в значительной степени виновата в деморализации французского общества шестидесятых годов.

Заразительность идеи тем больше, чем более способна экзальтировать эта идея, чем более она возбуждает те чувства и страсти, к которым расположены массы в данное время. «Идея,— говорит Дрэпер (Гражданское развитие Америки),— может поэтому обладать высоким политическим значением. Чувство, выраженное в немногих словах, может разрушить очень древние национальности, преобразовать племена людей и совершить переворот мира». «Есть что-то чудесное,— говорит тот же автор,— в этом распространении мысли от человека к человеку. Как свеча может зажечься от пламени, а потом и другие свечи одна от другой, не повредя внутреннему блеску, так мысль передается от человека к человеку, все возрастая, никогда не теряя внутренней силы».

«Видения Магомета изменили обыденную жизнь половины народов Азии и Африки. Догмат пророка привел в трепет души людей от Гвинейского залива до Китайского моря; три континента — Азия, Африка и Европа — были потрясены им до основания» (тоже слова Дрэпера).

Позже проповеди экзальтированного монаха Петра Пустынника подняли всю Европу для борьбы с неверными и двинули в Святую Землю многие сотни тысяч людей, которые нашли в этих походах свою гибель. «Кто бы мог вообразить,— говорит Г. Спенсер (Изучение социологии),— что хищнические короли и разбойнические бароны с такими же вассалами пройдут, поколение за поколением, по всей Европе, претерпевая всевозможные лишения и опасности и рискуя жизнью, с целью завоевать прославленную гробницу Того, Кто учил подставлять левую ланиту, когда ударят по правой!»

Ужасы первой французской революции, когда около 10 000 человек, замешанных или заподозренных в преступлениях против народа, было убито или казнено — также представляют эпидемический характер. Общее число жертв наполеоновских войн простирается (по Спенсеру) до 2 000 000 человек, и все они погибли единственно из-за ненасытного честолюбия одного корсиканца, перед которым преклонялся весь мир и которого еще до сих пор называют великим. Воинственный энтузиазм может быть эпидемичным, равно как и поклонение успеху.

Итак, везде мы видим, что только идеи с аффективным характером, производя экзальтацию в массах и пробуждая страсти толпы, приобретают широкое эпидемическое распространение. Чистая, отвлеченная идея по существу своему мало заразительна, потому что, имея источником разум и чистое мышление, лишенная аффективного характера — она не по плечу толпе. Будь заразительны такие идеи — Царство Божие давно уже наступило бы на земле. Таким образом, хотя и бывает эпидемическое безумие, но нечего бояться, чтобы источниками эпидемии сделались те безумцы, о которых сказал Беранже:

Если б завтра земли нашей путь
Осветить наше солнце забыло, —
Завтра ж целый бы мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь!

Переходя к заразительности болезненных душевных проявлений, мы, прежде всего, должны сказать несколько слов о заразительности преступлений.

Заразительность преступлений, их наклонность принимать эпидемический характер не подлежит никакому сомнению. После преступления, почему-либо обратившего на себя всеобщее внимание, почти всегда совершается несколько преступлений, похожих на первое часто до малейших подробностей, так что имитативное происхождение их ясно с первого взгляда. Процесс заражения здесь происходит таким образом. В обществе всегда найдется достаточно людей, предрасположенных к преступлению или находящихся в обстоятельствах, наводящих на мысль о нем. Без влияния душевного контагия эти люди, может быть, и не дошли бы до преступного деяния. Но вот до них достигает слух о совершенном при подобных обстоятельствах преступлении, доходит газетный отчет со всеми подробностями процесса. Это обстоятельство является последним толчком, благодаря которому преступный замысел, существовавший только в смутном, неопределенном проекте, становится делом решенным и, наконец, приводится в исполнение.

В XVII веке процесс известной Бренвилье, обвинявшейся в целом ряде тайных убийств посредством яда, вызвал эпидемию отравлений, продолжавшуюся более десяти лет.

В 1857 году в Нью-Йорке наделал много шума процесс одной женщины, убившей своего мужа; в продолжение того времени, когда в публике продолжали говорить об этом деле, три женщины убили своих мужей.

Преступление Тропмана вскоре послужило оригиналом для трех случаев таких же убийств. Вообще первое время после процесса Тропмана в Париже покушения на убийства стали столь частыми, что было небезопасно выходить ночью на улицу, особенно в глухих кварталах города.

В 1868 году процесс итальянских бандитов, кончившийся казнью троих из них, обусловил в Марсели большую эпидемию всевозможных преступлений — воровства во всех видах, открытого грабежа на улицах и убийств различного рода.

В ноябрьской книжке «Вестника Европы» за 1875 год, в корреспонденции из Лондона, нам встретился весьма замечательный случай имитативного убийства, где преступление навеяно было художественным произведением, именно стихотворением Томаса Гуда «Сон Евгения Арама». Содержание этого известного стихотворения основано на действительном факте. Евгений Арам, ремеслом учитель, за много лет перед тем совершивший убийство, рассказывает одному из своих учеников, под видом сна, о своем преступ-

лении. Убийца бросает труп в пруд, но на другой день пруд мелеет и труп становится видимым. Арам уносит его в лес и зарывает в кучу сухих листьев, но ветер разносит листья и труп снова обнажается. Убийца в отчаянии, видя, что земля отказывается скрыть его преступление. Некто Уэпрайт, семейный, довольно образованный человек, весьма талантливый декламатор, занимался публичными чтениями в Лондоне и в провинциальных городах. Любимым стихотворением в репертуаре Уэпрайта, которое он читал всего лучше, было «Сон Евгения Арама». В сентябре 1875 года Уэпрайт был арестован на улице Лондона, в то время, когда он перевозил куда-то два больших тюка, издававшие сильное зловоние. По вскрытии тюков в них оказалось разрезанное на части, полуистлевшее тело женщины. Это была любовница Уэпрайта, которую он ровно за год перед тем убил, разрезал на части и зарыл в *погребе*; так как потом труп стал распространять сильное зловоние, то убийца хотел перенести остатки тела в другое место. Неудивительно, что Уэпрайт с громадным успехом читал «Сон Евгения Арама», особенно это место:

Ay! through he's buried in a cave
And trodden down with stones
And years have rotted off his flesch
The world shall see his bones![3]

Особенно заразительно и наклонно принимает эпидемический характер самоубийство. У человека, в известном смысле предрасположенного к самоубийству, находящегося в трудных обстоятельствах, в тяжелом горе, или страдающего меланхолией, первая мысль о самоубийстве является обыкновенно, когда он услышит или прочтет в газетах о самоубийстве, совершенном под гнетом подобных же обстоятельств. Раз явилась такая мысль, при благоприятных условиях она развивается все больше и больше и, наконец, приводится в исполнение. Начиная с Эскироля, врачи постоянно указывали на опасность от мелкой прессы, распространяющей в массе подробные и картинные описания различных преступлений и процессов. Не менее вредны литературные произведения, придающие самоубийцам ореол поэтичности и геройства. Madame Сталь не без основания говорила, что гётевский Вертер вызвал большее число самоубийств в Германии, чем весь прекрасный пол этой страны.

Вот уже несколько лет как у нас в России самоубийства, крупные кражи и мошенничества стали совершаться замечательно часто. Теперь нельзя взять номера газеты, не найдя в нем несколько случаев самоубийств или крупных краж; лица, служащие в банках и банкирских конторах, по-видимому, играют весьма видную роль.

---

[3] «Увы! хотя бы он был *зарыт в погребе* или завален камнями, и хотя бы время уничтожило его истлевшее тело, мир увидит его кости!»

Обращаемся к проявлению душевного контагия в патологической сфере. Прежде всего, мы должны здесь обратить внимание на контагиозность чисто нервных припадков, именно судорог.

Судороги различного рода весьма заразительны. Вид человека, пораженного судорожным припадком, вызывает такой же припадок у зрителя, если последний в известной мере расположен к судорогам. Так, в больницах, где много скопляется больных, страдающих падучей болезнью, очень часто приходится наблюдать, что эпилептический припадок у одного больного тотчас же вызывает припадки у многих больных той же палаты. Точно так же заразительны истерические приладки и пляска св. Витта. Эпидемии истерических судорог в особенно резкой форме наблюдаются в местах, где много женщин и девушек, самыми условиями жизни расположенных к истерии, живут вместе, напр. в воспитательных домах, женских приютах, учебных заведениях и монастырях.

В 1673 году в Голландии в одном приюте для сирот, где воспитывались девочки и мальчики от 10 до 18 лет, развилась эпидемия конвульсивных припадков, причем дети лаяли и рычали на манер животных. Об эпидемической истерии, соединенной с ложными идеями, мы будем говорить в другом месте (при описании демономании); здесь достаточно привести два случая эпидемических конвульсий. В одной женской мастерской в Париже, устроенной в большом помещении манежа, работало до 400 женщин и девушек. С одной работницей раз сделался припадок судорог с потерей сознания; не прошло трех часов — 30 работниц были поражены такими же судорогами, а на третий день число больных возросло до 115. В 1862 году подобная же эпидемия развилась между девушками Монтмартского прихода, готовившимися к первому причащению. У трех девушек в церкви за утренней службой сделались припадки судорог с потерей сознания; то же повторилось и за вечерней службой. Со следующего же дня припадки стали делаться и у других девушек, так что из 150 конфирманток заболело 40 (Bouchut, De la contagion nerveuse). При подобных эпидемиях единственное средство прекратить болезнь — разъединить пораженных ею. Бургав прекратил эпидемию судорог в одном женском учебном заведении тем, что поставил перед девицами жаровню с горячими углями и объявил, что он будет жечь каленым железом тех, с которыми произойдет припадок.

Из всех эпидемических нервно-психических поражений особенно замечательны *коллективные галлюцинации*, когда несколько или даже множество людей имеют одни и те же обманы чувств. Вот несколько примеров. Пордедж (Pordage — известный английский мистик и визионер, живший в XVII веке), его ученики — Джени Лид, Томас Бромлей, Гукер, Саббертон и другие, собравшись вместе, одновременно видели следующее: перед ними в торжественном церемониале проходили силы ада во всем их величии. Князи тьмы

восседали на облачных колесницах, влекомых чертями в образе грифов, драконов, львов, медведей, тигров; подле шла блестящая свита второстепенных дьяволов; простые черти вместе с грешниками составляли воинство, парадировавшее по всем правилам под командой дьяволов отвратительно уродливого вида, полулюдей-полуживотных. Компания Пордеджа могла видеть эту картину как с закрытыми, так и с открытыми глазами, потому, говорит сам Пордедж, «что мы глядели не телесными очами, а очами духа» (Boismont, Des hallucinations; Perty, Die mystisch. Erschein, d. menschl. Natur). В истории можно найти много примеров коллективных галлюцинаций; особенно богата ими эпоха крестовых походов.

Известное явление миража есть не что иное, как коллективная галлюцинация. Путешественники, переходящие безводные пустыни, будучи истомлены усталостью, жаром и жаждой, видят вдали реки и озера, с берегами, покрытыми цветущей растительностью. Мираж собственно есть только иллюзия, так как повод к обманам зрения здесь дают реальные предметы, напр., море песка кажется водой. От миража нужно отличить настоящую коллективную галлюцинацию истомленных путников, называемую ragle. Так, путешественник Эскайрак рассказывает о различных видениях, которые он и его спутники имели сообща и одновременно при переходе через пустынные равнины востока: то они видели перед собой стену, расступающуюся, чтобы дать им проход, то им казалось, что вместо гладкой равнины они находятся на дне кратера, то они видели караваны верблюдов, стада различных животных и пр. Отличие ragle от миража состоит в том, что в первом случае призрачные предметы видны не вдали, но вблизи; при этом галлюцинация не имеет никакого реального основания, как это бывает в мираже.

Происхождение коллективных галлюцинаций объясняется так. Ненормальное психическое возбуждение, экзальтация, особенно при условии ослабления собственно мыслительной деятельности, как мы уже видели, весьма легко делается причиной галлюцинации. Если несколько людей находятся в одинаково исключительном настроении, напр., в ожидании непременно имеющего совершиться чуда, в ожидании явления с того света, если притом каждый в отдельности из этих людей достаточно приготовлен к галлюцинации своим душевным возбуждением, экзальтирующей идеей или истощением от умственной и физической деятельности, то нет ничего мудреного, если при этом произойдет коллективная галлюцинация. Сначала кто-нибудь один, отличающийся наибольшей нервною раздражительностью, начинает галлюцинировать и заявляет, напр., что видит предмет, которым поглощены мысли присутствующих в настоящую минуту, слышит такие-то слова — этого довольно, чтобы дать окончательный толчок всем другим, все заражаются галлюцинацией и видят и слышат одно и то же, или по крайней мере почти одно и то же. Строго говоря, тут зара-

зительна не сама галлюцинация, а то душевное состояние, естественным последствием которого является галлюцинация.

С коллективными галлюцинациями мы не раз встретимся при последующем описании важнейших из исторических душевных эпидемий, представляющих особенно разительные примеры контагиозности болезненных стремлений, чувств и идей.

III

От времени до времени в истории человечества являются настоящие повальные болезни души — *душевные эпидемии* в тесном смысле. Большей частью эти эпидемии возникают на почве религиозного чувства. Это понятно почему. Нет другого чувства, настолько общего всем людям, настолько всеобъемлющего и так способного охватить всю нравственную и умственную природу человека. Как бы ни были разнообразны религиозные представления и идеи у разных народов в различные времена, все они истекают из одного корня, из религиозного чувства, в существе своем везде одинакового и присущего в большей или меньшей степени всем людям. С религией часто неразлучен бывает мистицизм. Рядом с верой в высшую непостижимую силу как конечную причину всего существующего, силу, разумно управляющую вселенной, идет вера в возможность общения человека со сверхъестественными, таинственными деятелями, т. е. мистицизм. Страсть к таинственному и чудесному, конечно, всего сильнее в эпоху младенчества науки, во времена невежества, но она очень еще сильна и в наш «просвещенный» век.

Независимо от формальных верований, религиозное чувство и мистические стремления вообще способны связываться со страстями весьма разнообразными и часто противоположными одна другой. В этом-то главным образом и заключается возможность религиозного движения масс. Совершенно верно выразился один методистский проповедник в разговоре с Диксоном: «религиозная страсть совмещает в себе все другие страсти; вы не можете возбудить ее, чтобы не возбудить и остальных». Всякий знает, что нет ничего ужаснее фанатической толпы.

Подробное описание больших душевных эпидемий могло бы занять целые тома. Мы приведем только некоторые наиболее резкие примеры, где неправильные и извращенные мистические стремления делались причиной различных болезненных душевных состояний, начиная с фанатизма и крайней экзальтации и до полного экстаза с галлюцинациями или до состояния настоящего повального сумасшествия с самыми нелепыми ложными идеями.

Если горячее одушевление, охватившее народы Европы в эпоху крестовых походов, не выходит из границ экзальтации, так сказать, физиологи-

ческой, то *походы детей,* во всяком случае, должны быть отнесены к экзальтации патологической. Самый грандиозный пример этого рода, конечно, представляет религиозное движение в среде детей в 1212 году, возникшее одновременно во Франции и Германии, в обеих странах совершенно самостоятельно. В это время Святая земля давно уже снова была под властью сарацинов, и вот между детьми зародилась идея похода в Палестину для освобождения Гроба Господня. Во Франции инициатива движения принадлежала мальчику-пастуху из деревни Клуа, по имени Этьену, объявившему себя посланником Бога. Мысль о походе в Палестину быстро распространилась между детьми, которые, без различия звания и состояния их отцов, отовсюду шли на зов Этьена. Сыновья графов и баронов были увлечены движением одинаково с бюргерскими и крестьянскими детьми. Явились 10–12-летние проповедники, которые пламенными речами и пророчествами воодушевляли менее пылких. Все старания родных удержать детей от их невозможного предприятия не вели ни к чему; не помогали ни убеждения, ни наказания, ни запирания под замок. Те, которых удавалось удержать силой, заболевали непонятной болезнью, для излечения которой не было другого средства, как оставить больных действовать по их усмотрению. В скором времени около Этьена собралось более 30 000 человек. Детское войско, с хоругвями и знаменами во главе, при пении религиозных гимнов, двинулось к Марсели. Юные крестоносцы были убеждены, что море расступится перед ними и что они пройдут в Палестину посуху. Но им не суждено было добраться до Иерусалима. Часть их погибла при переезде через море, оставшиеся же были проданы марсельскими купцами в рабство сарацинам. В Германии движение детей имело такой же неудержимый характер. Из Германии малолетние воины пошли двумя большими отрядами, около 30 000 человек в каждом. Только небольшая часть из этой массы детей вернулась домой. Большинство же погибло дорогой, особенно при переходе через Альпы, многие потерялись в приморских городах или попали в рабство к сарацинам (Haecker, Die grossen Volkskrankheiten des Mittelalters).

Подобного же рода болезненное стремление к пилигримству овладело детьми многих местностей Германии в 1458 году. Из одного Галля в Швабии ушло более тысячи человек детей. Целью путешествия юных пилигримов была гора св. Михаила в Нормандии. Ни один из них не вернулся домой, все они пропали без вести, большая часть, конечно, погибла от трудностей путешествия.

В XIV столетии опустошение многих стран Европы черной смертью подало повод к возникновению эпидемий самобичевания и Виттовой пляски. Во время великих народных бедствий всегда является идея обращения к Богу, стремление покаянием и умерщвлением плоти умилостивить разгневанные небеса. *Бичующиеся* или *братья Креста* сперва появились

в Венгрии, и вскоре эпидемия самобичевания распространилась по большей части Германии, по Богемии, Силезии, Фландрии и Польше. Одетые в грубую одежду, с нашитыми на груди и спине красными крестами, бичующиеся ходили по городам процессиями, с зажженными свечами в руках, с хоругвями и крестами, при пении покаянных канонов. Каждый член братства имел большую трехвостную плеть, на концах с несколькими узлами, в которых были укреплены железные острия. Народ встречал эти процессии с колокольным звоном, и многие в фанатическом порыве покаяния присоединялись к бичующимся, так что иногда составлялись толпы до 10 000 человек. Были также процессии бичующихся, состоящие из детей 10–12 лет. Члены братства Креста обязаны были поститься и совершать подвиг покаяния в продолжение 34 дней (в память 34-летней земной жизни Спасителя). Бичевание производилось два раза в день, всенародно и торжественно, причем эти фанатики с молитвой и песнопением стегали сами себя и друг друга своими плетьми по голой спине и груди до тех пор, пока кровь начинала течь ручьями. Не признавая духовенства, братья Креста сами отпускали друг другу грехи, завладевали храмами и совершали в них богослужение. Правительство и церковь были бессильны против всеобщего движения, хотя император Карл IV и папа Климент энергически старались положить ему конец. Преследования бичующихся не достигали цели, несмотря на то, что в некоторых местах братья Креста, как еретики, подвергались казни сожжением. В этой эпидемии мы видим пример повальной фанатической экзальтации, по временам доводившей до состояния, близкого к экстазу. Мистики, особенно в состоянии экстаза, вообще склонны к самотерзанию. Крайне напряженная, сосредоточенная на одной мысли деятельность мозга делает нечувствительными и самые жестокие телесные муки. Кроме того, в таких случаях нервное расстройство может также выразиться в изменении периферической чувствительности — в более или менее распространенной местной анестезии или аналгезии[4]; бывает и такого рода расстройство периферической чувствительности, что те механические раздражения, которые нормально обусловливают ощущения боли и страдания, напротив, вызывают ощущение *приятное*.

Еще не успела затихнуть эпидемия покаянного самобичевания, как возникла новая повальная нервно-психическая болезнь — *эпидемия пляски* св. Иоанна или св. Витта (хореомания), продолжавшаяся более двух столетий и охватившая большую часть Западной Европы. Болезнь выражалась в следующем. По улицам и церквам собирались большие толпы и люди, взявшись за руки и образовав круг, по целым часам предавались конвуль-

---

[4] *Анестезией* в медицине называется вообще потеря чувствительности; *анальгезией* — потеря чувства боли, при сохраненной способности осязания; если резать больного по анальгезическому месту, то боли он не чувствует, тогда как чувствует вполне ясно прикосновение холодного ножа.

сивной пляске, прыгая и ломаясь, как бы одержимые бесами, до тех пор, пока падали в полном изнеможении. Во время припадка плясуны находились в экстатическом состоянии, были нечувствительны к внешним раздражениям и имели галлюцинации — напр., полагали себя стоящими в море крови, видели демонов, ангелов, разверзающиеся небеса и самого Бога. Из Ахена болезнь распространилась по Люттиху, Утрехту, Тонгерну и многим другим городам Нидерландов, затем появилась в Кельне, Метце, Страсбурге и разлилась по всей Германии. Пораженные болезнью большими толпами, по тысяче и более человек, ходили по городам и плясали иногда до последнего издыхания; многие во время припадка разбивали себе головы или бросались в воду. С целью поскорее положить конец припадку зрители окружали плясунов целыми баррикадами, чтобы больные усиленными прыжками скорее истощили свои силы. Народ бросал свои работы и стекался смотреть на плясунов; зрители, заражаясь болезнью, увеличивали число беснующихся. Ни духовенство, ни администрация не могли ничего сделать против этого повального страдания, бывшего причиной всеобщего расстройства в стране. В юго-западной Германии эта эпидемия продолжалась до конца XVI века (см. у Haecker'a).

Подобная же народная болезнь, известная под названием *тарентизма*, господствовала в Италии в продолжение нескольких веков. Первые сведения о ней относятся к XIV веку. Название «тарентизм» произошло от того, что народ приписывал болезнь укушению ядовитого тарантула. Те, которые были действительно укушены тарантулом, или только воображали, что они им укушены, от страха неизбежной смерти впадали в глубокую меланхолию, в состояние отупения и бесчувственности к окружающему. Из этого состояния их могла выводить только музыка, особенно игра на флейте и цитре. При первых звуках музыкального инструмента неподвижные до тех пор больные открывали глаза и начинали двигаться в такт мелодии, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, доходя до дикой судорожной пляски. Если музыка прекращалась раньше, чем следовало (раньше, чем болезнь «вытанцовывалась»), больной снова впадал в прежнее бесчувственное состояние. Народ был убежден, что музыка и пляска выгоняют яд тарантула из тела и что болезнь остается неизлеченной, если яд не весь выйдет. Так как одержимых этой болезнью было громадное множество, то в Италии вошло в обычай, что целые толпы странствующих музыкантов ходили по городам и деревням и специально занимались лечением тарентизма. Не успевшие вылечиться оставались больными до следующего года, до нового прихода музыкантов. Пораженные тарентизмом представляли и другие странности. Так, они отличались особенной страстью к известному цвету, одни к красному, другие к желтому или зеленому. Увидавши на чем-нибудь любимый цвет, больные бросались на него с исступлением и с видом глубочайшего наслаждения предавались созерцанию его. Кроме того,

одержимые тарентизмом имели страсть к морю. Одни из них проводили целые дни на морском берегу в немом созерцании, другие в экстатическом упоении кидались в море и погибали. Болезнь эта давно уже исчезла, но до сих пор в Италии существует народная пляска с соответствующими ей старинными мелодиями — тарантелла.

В Средние века были особенно распространены эпидемии демонолатрии и демономании, которые представляют резкие примеры, как известные представления становятся эпидемическим бредом и обусловливают галлюцинации одинакового содержания у множества людей.

Демонолатрией называют душевную эпидемию, в которой характеристическую черту бреда составлял культ дьявола. Как могло явиться такого рода безумие, представить не трудно. Средние века были временем невежества, фанатизма и народных бедствий. Если, с одной стороны, легко возникали в эти века религиозные увлечения, доходившие до помешательства, то с другой стороны, люди, живо чувствовавшие свою греховность, легко впадали в другую крайность. Они воображали, что будучи оставлены Богом, они подпали под власть дьявола и потому сделались способными только на грех и на зло. Болезненная экзальтация доводила до галлюцинаций зрения, слуха, осязания, обоняния, и эти особого рода фанатики вполне убеждались, что они видят дьявола лицом к лицу, вступают с ним в самые интимные отношения, участвуют на шабаше. Отдельные, особенно впечатлительные личности, первыми поразившись болезнью, заражали ею других. Нервные женщины и девушки страдали этой болезнью по преимуществу. Число ведьм и колдунов за те века, в которые верование в возможность близкого общения с дьяволом было всеобщим, — громадно. Признания и показания их замечательны своим однообразием. Все это множество людей признавали дьявола своим божеством и уверяли, что они совершают торжественное поклонение сатане, собираясь на так называемой шабаш, где производились всяческие бесчинства и безобразия. Служители дьявола естественно полагали, что на них наложена обязанность совершать как можно более зла, и вот они признаются в самых ужасных преступлениях — в безобразном кощунстве, в ужасающем разврате, в детоубийствах, в похищении трупов с кладбищ, в людоедстве. Преступления эти большей частью существовали только в воображении несчастных. Шабаш с его отвратительными картинами был общей галлюцинацией для всех демонолатров. В том состоянии болезненной экзальтации и общего нервного расстройства, в котором находились эти люди, галлюцинации весьма естественны. Впрочем, ведьмы и колдуны иногда прибегали также к помощи искусственных средств и, собираясь на шабаш, натирали тело особенными волшебными мазями, состоящими из наркотических веществ.

Вскоре по возникновении эпидемии дьяволопоклонства (в XIII столетии) начались преследования приверженцев этого культа. Религиозную санкцию

преследование ведьм и колдунов получило вследствие буллы «summis desiderantes» папы Иннокентия VIII в 1484 году. С этого времени повсеместно запылали костры, на которых ведьмы сжигались живыми. Достаточно было бросить на женщину подозрение в ведовстве, и несчастную подвергали страшнейшим пыткам до тех пор, пока не исторгали у нее признания в общении с дьяволом. Признавшиеся указывали на других лиц, будто бы виденных ими на шабаше, и этим последним также неизбежно предстояли пытки и казнь сожжением. Нередко дети своим признанием взводили на костер своих родителей, будто бы водивших их на шабаш. В XVII веке было особенно много добровольно каявшихся ведьм, так как таковых, в уважение их чистосердечного раскаяния, обезглавливали или вешали, вместо казни огнем. Насколько судьи были предубеждены против обвинявшихся в ведовстве, видно из следующего примера. В одном процессе несколько женщин были обвинены в том, что будто бы они вырыли труп ребенка и употребили его для приготовления какого-то волшебного снадобья. Муж одной из обвиненных, стараясь доказать невинность жены, добился, чтобы была вскрыта могила этого ребенка, и труп оказался неповрежденным. Судьи решили, что присутствие в могиле неповрежденного трупа есть не более как дьявольское наваждение, и обвиненные, после признания на пытке, были сожжены. Тысячи женщин, однако, более самих судей были убеждены в своей близости к дьяволу; пытки и костры только увеличивали число таких убежденных ведьм. Дойдя до крайней степени нервно-психического расстройства, они иногда не чувствовали мучений и в то время, когда их пытали, уверяли, что благодаря дьявольской власти они испытывают величайшие наслаждения. Повальное заблуждение судей, равно как и всех классов общества тех времен, не менее замечательно эпидемической болезни несчастных жертв.

Волшебство, т.е. искусство пользоваться нечистой силой для тех или других личных целей представляет одну из форм демонопатии. При папе Юлии II в Италии были сожжены на костре много тысяч людей, признавшихся в том, что они с помощью волшебства причиняли смерть детям. Большинство из этих несчастных были женщины, которые уверяли, будто бы они, превратившись в кошек, прокрадывались в дома и высасывали кровь из новорожденных детей. «Из всей этой трагедии, — говорит Литтре, — подтвержденной со всех сторон, скрепленной показаниями колдунов и засвидетельствованной торжественным судом инквизиции, замечательно одно, именно то, что несмотря на такое множество умерщвленных детей, смертность не увеличилась и число жителей не уменьшилось».

Демономания есть другая эпидемия, также особенно свирепствовавшая в Средние века. Происхождение ее такое же, как и рассмотренной выше эпидемии демонолатрии, но припадки другие. Здесь на первый план вступают не столько ложные идеи и галлюцинации, сколько судороги, и по-

тому эту болезнь называют также эпидемической гистеро-демономанией. Одержимые этой болезнью полагают, что в них вселяются бесы, которым они и приписывают свои слова и поступки. Идея бесноватости здесь явилась как объяснение судорог, о которых мы уже знаем, что они способны к эпидемическому распространению,— объяснение, соответственное духу тех времен. Женские католические монастыри в эти века невежества и суеверия представляли наиболее благоприятные условия для развития этого страдания.

Припадки бесноватых, о которых могут дать некоторое понятие истерические судороги наших кликуш, состояли в различных конвульсиях — сведениях тела, ломаниях, прыжках и кувырканиях, в непроизвольном смехе, крике, подражаниях звукам, издаваемым животными. Некоторые больные во время припадка ходили на голове или лазали по деревьям. Многие отличались чрезмерной болтливостью. Иногда бесноватые впадали в состояние сомнамбулизма, в котором двигались и говорили бессознательно. Другие, впав в экстаз, говорили длинные речи и проповеди. Чувствуя себя двигающимися непроизвольно, под влиянием какой-то силы, посторонней их личности, такого рода больные естественно приходили к мысли, что внутри их поселился бес. Прежний характер совершенно изменялся у женщин, впавших в гистеро-демономанию; нравственное чувство, стыдливость исчезали и мысль обращалась большей частью на нечистые предметы. Бесноватые нередко взводили на безвинных людей ужасные преступления, а иногда и самим себе приписывали небывалые злодейства. И у демономанов галлюцинации различных чувств были весьма обыкновенны; бесноватые воочию видели дьяволов, осязали их, и пр. Как у всех истерических больных, у них были различные ненормальные ощущения в тех или других частях тела, анестезии, местные извращения чувствительности. Расстройство чувствительности в половых органах встречалось весьма часто, причем ложные идеи и галлюцинации отличались эротическим характером. Заразительность гистеро-демономании ясна уже из того, что во многих случаях достаточно было удалить больных от места развития болезни и они чувствовали себя лучше и выздоравливали; но от одного напоминания о монастыре с его бесами припадки снова возобновлялись.

Из бесчисленных примеров гистеро-демономании приведу один [5]. В XVII столетии возбудила всеобщий интерес история *Луденских монахинь* монастыря св. Урсулы. Монахинями, как оказалось при следствии, произведенном по повелению короля Людовика XIII, овладели бесы. К матери игуменье привязалось четыре беса сразу — бесы чревоугодия, сладостра-

---

[5] Подробное описание различных случаев эпидемической демономании и других нервно-психических эпидемий XV, XVI, XVII и XVIII столетий заключается в классическом труде Calmeil'я «De la folie, considérée au point de vue pathologique, philosophique, historique et judiciaire», 1845.

стия, злобы и тщеславия, — которые мучили ее несказанно. Кроме обычных конвульсий бесноватых, эти монахини, по свидетельству очевидцев, могли говорить на незнакомых им прежде языках, предсказывать будущее, угадывать тайны. Кроме того, игуменья Жанна представляла явление так называемой «стигматизации»; так, однажды во время припадка у ней на лбу, на глазах свидетелей, образовался кровавый крест; в другой раз на руке ее вышли кровавые буквы, составившие слово «Иосиф». Если исключить преувеличения, то окажется, что монахини страдали припадками гистеро-эпилептоидных судорог, имели галлюцинации, впадали в состояния сомнамбулизма и экстаза, причем произносили речи иногда по-латыни (в нормальном состоянии они знали по-латыни плохо). Что касается до явления стигматизации, то можно полагать, что оно действительно было. Понятно, что такое явление может быть вызвано и искусственно или просто подделано, но оно может быть также натуральным и неподдельным, как показывает пример современной нам бельгийской стигматички, Луизы Лато, подвергавшейся наблюдениям многих врачей и целой комиссии бельгийской медицинской академии. Объяснение происхождения стигматизации отвлекло бы нас в сторону от предмета настоящей статьи, и потому мы только скажем, что это явление вполне объяснимо наукой и может происходить натуральным путем, без вмешательства сверхъестественных деятелей. Луденские монахини обвиняли аббата Урбана Грандье в том, что будто бы он, будучи в коротких сношениях с сатаной, напустил на них бесов, и что он сам будто бы не раз являлся к ним по ночам с целями далеко не благовидными. Следователи нашли несчастного аббата действительно виновным; после жестокой пытки, на которой он признался в мнимых преступлениях, Грандье был сожжен живым на костре (1633). Впечатление, произведенное в народе этой историей, было настолько велико, что многие женщины мирянки из местностей, соседних с монастырем, тоже заболели гистеро-демономанией, так что эпидемия распространилась за пределы монастыря.

Так называемая *зоантропия* представляет одно из видоизменений демономании. При этой психической болезни человек считает себя превращенным в животного, чаще всего в волка, причем сама болезнь называется *ликантропией*. По убеждению, распространенному в Средние века, человек мог превращаться в животное или при помощи дьявольской силы, или же такое превращение могло быть Божеским наказанием за грехи. В XIV и XV веке ликантропия была эпидемически распространена между крестьянами в глухих местностях, изобиловавших волками. Всего чаще больные, впав в состояние экстаза или в глубокий болезненный сон, вызывавшийся иногда при помощи волшебных (наркотических) мазей, полагали, что они бегают по полям и лесам в образе волка, разрывают могилы, пожирают детей и т. п. Некоторые доходили до полного безумия и, видя в своих гал-

люцинациях тело свое покрытым шерстью, лапы как у волка и пр., на четвереньках бегали по глухим местам, выли по-волчьи и бросались на людей. Пытки и костры были так же бессильны против ликантропии, как и против других нервно-психических эпидемий, и нисколько не способствовали к искоренению болезни; впоследствии она исчезла сама собой.

В некоторых местах ликантропия тесно связывалась с *вампиризмом*. Вампиры, выходцы из гробов, в народных верованиях встречаются весьма часто. В начале XVIII века боязнь выходящих из могил мертвецов разрослась до размеров настоящей душевной эпидемии — во многих местах Венгрии, Моравии, Силезии и Лотарингии. Народ полагал, что мертвецы в том или другом виде — в образе человека, волка или различных страшилищ — выходят по ночам из могил, забираются в дома и впиваются в горло своих жертв, высасывая их кровь; число людей, лично видевших этих выходцев из гробов, было весьма значительно.

Особенно часто повторяются в истории душевные эпидемии, которые, по примеру Калмейля, можно обозначить общим именем *теомании*. Мысль теоманов сосредоточена на религиозных представлениях, на идее о Боге, о непосредственном общении с ним, об ангелах и пр. Обыкновенно теоманы считают себя пророками и полагают, что устами их глаголет сам Бог. Понятно, что исключительное сосредоточение мысли на религии бывает при различных степенях психического страдания. Умалишенные, которые встречаются в больницах под диагностикой «mania religiosa», представляют только одну из крайних степеней душевного расстройства. К теомании же следует причислить и те случаи, где расстройство души выражается только в болезненной экзальтации с галлюцинациями, как напр. у Магомета, у Жанны д'Арк. Мы приведем наиболее замечательные из теоманических эпидемий, выбирая такие примеры, в которых психо- и нервнопатические симптомы особенно резки.

Одной из таких эпидемий был *анабаптизм* (XVI стол.). Фанатизм и религиозная экзальтация были главной причиной злодейств, совершенных анабаптистами. Когда «дух Божий» сходил на этих фанатиков, они проповедовали и пророчествовали, причем с ними обыкновенно делались конвульсивные припадки, вроде тех, как у бесноватых. Многие впадали в экстатическое состояние, во время которого видели Бога, ангелов и получали откровение свыше. Под влиянием религиозного бреда анабаптисты нередко убивали своих близких родственников и совершали самоубийства, полагая принести жертву, угодную Богу.

В XVII веке преследования кальвинистов в провинциях Дофине и Севеннах обусловили между ними возникновение эпидемии пророчествования. Гонимым было неоткуда ждать другой помощи себе, как с неба, и уверенность их в заступничестве свыше была так велика, что безоружные толпы крестьян выходили против королевских войск, нисколько не сомневаясь,

что одного дуновения или заклинания достаточно для обращения врага в бегство. Даром пророчества между севеннскими реформатами особенно обладали женщины и дети. Экзальтированные крестьяне подвергались таким припадкам. Сначала наступало состояние экстаза с полным отрешением от внешнего мира, причем больные имели галлюцинации, видели ангелов, Бога и т. п. Во второй стадии припадка бесчувственный больной подвергался страшным конвульсиям. Затем он приходил в себя и начинал проповедовать и пророчествовать. Иногда эти проповеди, для необразованных крестьянок Лангедока весьма красноречивые, произносились бессознательно, как это бывает у сомнамбулистов, так что после припадка у больных не оставалось о них никакого воспоминания. Но и когда проповедование происходило при полном сознании, оно все-таки было невольным. Больной чувствовал, что язык его действует сам собой, без участия его воли, и по окончании припадка проповедник не мог повторить только что произнесенной им речи. Севеннские пророки полагали поэтому, что языком их управляет ангел Божий или сам Бог, вкладывающий в их уста те слова, которые они должны произносить. В начале севеннской эпидемии дар пророчества имели немногие, наиболее экзальтированные, но впоследствии, когда экзальтация достигла высокой степени и сделалась общей, и дар пророчества распространился почти на всех. Этот дар мог быть передаваем от одного к другому через дуновение или через поцелуй. Пророчествовали даже дети 3–4 лет. P. Despine (De la folie. 1875) указывает на следующее замечательное обстоятельство, весьма характеристичное для контагиозности психопатических состояний. Правоверные католики, конечно, не разделявшие идей камизаров и их экзальтации, будучи свидетелями судорожных и экстатических припадков севеннских кальвинистов, сами заражались болезнью и начинали подвергаться таким же припадкам; еще более замечательно то, что католики во время припадков проповедовали в духе кальвинистов и поносили папизм.

В 30-х годах прошлого века свирепствовала между янсенистами эпидемия, названная *конвульсионаризмом*. Происхождение ее таково. Янсенистский диакон Франсуа (de Paris), фанатик и строгий подвижник, уморил себя постом. Янсенисты причли его к лику святых и стали собираться на поклонение к его могиле на кладбище церкви св. Медара. Однажды на кладбище с одним из поклонников сделался припадок судорог. Этого было довольно, чтобы заразить болезнью и других. Вначале судороги были сравнительно слабы и делались только на самом кладбище, куда стекались большие толпы на поклонение святому. Позже припадки у больных стали повторяться по нескольку раз на дню во всяком месте, как в домах, так и на улицах, и болезнь распространилась по всему Парижу, даже между людьми, не принадлежавшими к янсенистам. Конвульсионеров было много между всеми классами общества, более всего в низшем сословии.

Во время судорожного припадка больные бились и бросались из стороны в сторону с такой силой, что их невозможно было удержать. Затем следовало состояние экстаза, причем больные проповедовали и пророчествовали. В других случаях экстаз являлся в каталептической форме, больной лежал молча и неподвижно, в оцепенении, совершенно бесчувственный, всецело занятый своими галлюцинациями. Так как мышечное чувство при этом терялось и внешние восприятия прекращались, то неудивительно, что больные во время этой стадии припадка часто считали себя вознесенными на воздух, парящими в пространстве. Иногда припадок принимал форму сомнамбулического состояния и больной автоматически произносил отдельные фразы из Св. Писания или же слова, не имеющие никакого смысла. Эти отрывистые речи ценились окружающими тем более, чем более они были непонятны.

В промежутках между припадками конвульсионеры находились в постоянной экзальтации и вели аскетическую жизнь. Строжайший пост и непрерывные бдения нередко доводили их до смерти от истощения. Но этим распинания плоти не ограничивались. Фанатики подвергали себя добровольным пыткам и мучениям, бичевались, вбивали себе гвозди под ногти, вырывали кусками мясо из своего тела, заставляли других бить себя нещадно камнями или палками и уверяли, что во время этих терзаний они чувствуют неописуемые наслаждения. Некоторые добровольно осуждали себя на мучительную смерть. Многие из свидетелей припадков конвульсионеров, вовсе не разделяя идей и экзальтации янсенистов, однако заражались их нервно-психической болезнью и подвергались таким же припадкам конвульсий и экстаза.

Наш «просвещенный» XIX век имеет свои нервно-психические эпидемии и в этом отношении мало отличается от веков варварства. В 1842–44 гг. в деревнях центральной части Швеции распространилась эпидемия, которую называли mal de prédication или Predigerkrankheit. Она началась с провинции Смаланд, где явилась пророчица Лиза Андер, 16-летняя девушка, уже раньше страдавшая судорожными припадками. Лиза Андер заразила окружающих ее женщин, и вскоре болезнь достигла широкого распространения, преимущественно между женщинами, девушками и детьми. Припадки происходили следующим образом. Больная падала, теряя сознание, и подвергалась сильным конвульсиям, подобным истерическим. Затем наступало состояние экстаза с полным отрешением от внешнего мира. На пророчицу находил Св. Дух, как думал народ. Больная, лежа на спине с закрытыми глазами, начинала «выкликать» (подобно нашим кликушам) слова и фразы, обыкновенно имевшие смыслом воззвание к вере и покаянию. Иногда больные произносили длинные проповеди, развивая истины веры и искусно цитируя подходящие места из Св. Писания; а между тем это были люди неразвитые и невежественные, в нормальном состоянии с трудом

связывавшие несколько фраз. Многие пророчествовали о грядущих событиях в наказание людей за грехи и о близком конце мира. Придя в себя, больные рассказывали, что они были в аду или в раю и видели воочию блаженство праведников и муки грешников. Административные меры к подавлению эпидемии не достигали цели. Даже в промежутках между припадками у многих стремление к проповедничеству было так неодолимо, что они, будучи лишены, благодаря строгости полиции, возможности проповедовать при народе, удалялись в уединенные места и там держали речи.

В 1852 г. была невропатическая эпидемия между 9–13-летними девушками деревни Нидерэггенен в Бадене. С детьми, сначала в школе и в церкви, а потом и дома стали делаться судорожные припадки, вроде пляски св. Витта. После конвульсий больные впадали в состояние, подобное сомнамбулизму, в котором они автоматически молились, пели гимны, цитировали св. Писание. Через несколько месяцев судороги прекратились и девочки, по-видимому здоровые, работали, учились, как и до болезни. Однако еще долгое время ежедневно продолжали повторяться экстатические припадки, причем дети проповедовали и пророчествовали, подвергаясь в то же время галлюцинациям мистического свойства.

В 1857 году в Шабле в Савойе возникла *эпидемия бесноватости*. Дело началось так. 9-летняя девушка после сильного испуга стала ежедневно на некоторое время впадать в летаргический сон. Спустя несколько месяцев присоединились судорожные припадки. Конвульсии, совершенно подобные тем, какие бывали у средневековых бесноватых, начинались по окончании летаргии. Больная уверяла, что причина ее припадков — вселившийся в нее бес. Вскоре и другие дети заразились болезнью, и число бесноватых возросло до нескольких десятков. Больные бегали по лесам и полям, лазали по деревьям с ловкостью обезьян, корчились в ужаснейших судорогах, кричали дикими голосами, богохульствовали и т. п. Местный епископ своими стараниями изгнать бесов еще более раздул эпидемию, и болезнь перешла и на взрослых. Когда присланный правительством врач отстранил духовенство и разъединил больных, эпидемия затихла. Но в 1864 году, лишь только прежний епископ опять явился на место действия бесов, болезнь разом вспыхнула снова. Не трудно представить, что произошло в церкви, куда епископ собрал до 70 больных, с целью торжественного заклинания бесов… Впоследствии эпидемия прекратилась сама собой.

В наше время особенно сильны религиозные движения в Америке, отличающиеся обыкновенно социально-революционным характером и подающие повод к возникновению многочисленных сект и учений, часто весьма странных. Движение возникает во время каких-нибудь общественных бедствий и катастроф, напр., во время голода, или после финансового кризиса; при таких условиях в людях легко возрождается с небывалой силой идея обращения к Богу. Являются фанатические апостолы, энергически

ведущие дело «пробуждения» (revivalist); странствуя с места на место, они пламенными речами возбуждают народ, уже предрасположенный к движению. Проповеди обыкновенно происходят перед массой слушателей, под открытым небом (camp-meetings) и нередко доводят экзальтацию толпы до исступления, разрешающегося слезами, непроизвольными криками и судорожными припадками. Заразительность экзальтации так велика, что к движению примыкают люди, не знавшие раньше другого бога кроме денег. Вероучители, как бы ни казались странны и даже нелепы их учения, во время «пробуждения» легко находят последователей и становятся основателями новых сект. «Среди таких-то нравственных и духовных движений, — говорит Диксон (Новая Америка), — возникли и окрепли все новые религии, все новые общины Америки, не только бедные тункеры, воинственные мормоны, безбрачные шекеры, но и могущественные методисты, строгие пресвитериане и пламенные универсалисты». Высокая степень экзальтации часто разрешается у этих сектаторов в различных невропатических припадках, причем одно или несколько лиц заражают целую толпу. Так, методисты по совершении богослужения поют общим хором духовные песни, причем разражаются рыданиями, истерическим смехом и падают на пол в конвульсиях. Шекеры в своих общих собраниях при пении гимнов становятся кругом, взявшись друг с другом за руки и впав в экстатическое состояние, подвергаются конвульсиям, причем трясутся, кружатся и прыгают иногда по целым часам. Не только во время этих припадков, но и в промежутках между ними шекеры часто имеют галлюцинации, видят духов, разговаривают с ними и получают от них откровения.

Нельзя не упомянуть о своеобразной эпидемии, чисто галлюцинационного характера, возникшей в прирейнских областях, именно в герцогстве Баденском и в Эльзасе, во время франко-прусской войны. Известно, что на старых стеклах, особенно когда на них насядет тонкая пыль, можно усмотреть неясные и неопределенные фигуры. Прирейнские крестьяне, взволнованные текущими событиями, бедствиями и страхами военного времени, стали видеть на стеклах домов и церквей различные определенные фигуры и образы — кресты, изображения мадонн и святых, или солдат, пушки, оружие и тому подобные религиозные или воинственные знамения. По словам Despine'a, тысячи людей были захвачены этой иллюзивно-галлюцинаторной эпидемией, крестьяне бросили свои работы, и целые деревни по нескольку часов в день занимались созерцанием оконных стекол, усматривая на них одни и те же знамения. Начавшись в Раштадте в Бадене, эпидемия перешла во Францию, в Виссембургский округ, и распространилась до Страсбурга, но через непродолжительное время прекратилась (см. у Despine'a).

В самое недавнее время, именно в 70-х годах, в Европе снова проявилась *эпидемия спиритизма*, заглянувшая и к нам в Россию. Мы не будем по-

дробно описывать тех явлений, на которых основывается вера спиритистов в «духов»; с этими явлениями публику достаточно познакомили русские спиритисты — гг. Аксаков, Бутлеров и Вагнер. Мы скажем несколько слов о происхождении этой эпидемии и о так называемых «спиритических явлениях», не подвергая, однако, последних подробной критике (что сделано и без нас — в Англии Карпентером, в Германии Вундтом, у нас частью Шкляревским и друг.), и укажем, что главная часть этих явлений легко объяснима на основании приводимых в этом этюде явлений экзальтации, экстаза, бессознательной мышечной деятельности, галлюцинаций и нервно-психической контагиозности, в особенности же на основании нижеупоминаемых явлений гипнотизации.

Спиритизм возник в Америке. В 1847 году семейство Фокс поселилось в одном доме в Гидесвилле (близ Рочестера, в штате Массачусетс), и с тех пор в этом доме с разных сторон стали слышаться необъяснимые постукивания. Живущие в доме составили условный алфавит, при помощи которого невидимый виновник стука мог, постукивая, разговаривать с ними. Тогда обнаружилось, что стучит не кто иной, как «дух» покойного Чарльза Рэя, когда-то бывшего владельцем этого дома. Впоследствии оказалось, что необычайные явления замечались только в присутствии двух сестер, Маргариты и Катерины Фокс; куда бы они ни отправились, везде их сопровождали таинственные стуки. Слава об этих сестрах, пользующихся особым расположением «духов» или душ прежде живших людей, распространилась по всем Соединенным Штатам и потом перешла в Европу. Позже, когда сестры Фокс были подвергнуты внимательному исследованию комиссией ученых, было найдено, что одна из сестер способна производить особого рода звуки, щелкая сухожилием произвольно сокращаемой мышцы о наружную лодыжку… Тем не менее, вера в существование духов успела уже пустить корни в Америке. Скоро был найден следующий способ общения с духами. Лица, верующие в духов, усаживаются, в приличном случаю настроении, вокруг стола, положив на него свои руки. Через несколько минут глубокого молчания стол начинает двигаться, наклоняться из стороны в сторону, постукивая ножками; все это происходит без всякого активного действия лиц, сидящих за столом. Как «столоверчение», так и все другие «спиритические явления», о которых мы упомянем ниже, совершаются только тогда, если в числе лиц, устраивающих спиритический «сеанс», находится «медиум», т. е. лицо, по натуре своей особенно способное быть посредником между людьми и духами. Для более чудесных спиритических явлений требуются и более сильные медиумы. Уверяют, что иногда при спиритических сеансах стук происходит не от движений стола, а от других неизвестных источников, напр., постукивания раздаются в разных углах комнаты, то под столом, то как будто в стенах. Впоследствии спиритисты составили условную азбуку, и духи, постукивая известное число раз, стали

давать ответы на предлагаемые им вопросы. Позже вошел в употребление другой способ ведения беседы с духами. Устраивался циферблат с нарисованными на нем буквами, снабженный подвижной стрелкой; последняя указывала последовательно на различные буквы, если она находилась в связи со столом, за которым сидел медиум, или если последний (не смотря на алфавит) держал руки на особой дощечке, имевшей связь со стрелкой азбучного указателя. Таким образом могли быть получаемы различные сообщения от духов, как, напр., приведенное нами в предыдущем этюде сообщение относительно загробной жизни, полученное химиком Гэром от духа своего отца. Наконец, явились прямо «пишущие» и «говорящие» медиумы. Пишущие медиумы, находясь под наитием духов, пишут на бумаге сообщение духа, который будто бы невидимо водит их рукой. Говорящий медиум, впав в «транс», т. е. став орудием вселившегося в него духа, пророчествует, говорит (по уверению спиритистов) на неизвестных ему прежде языках и пр. Спиритуализм, т. е. вера в духов и в возможность общения с ними здесь, на земле, быстро распространился по Америке. Уже в 1850 г. в Соединенных Штатах было 30 000 спиритических кружков (в одной Филадельфии около 300), в 1856 г. число спиритистов в Северной Америке дошло до 2 500 000, к 1870 г. увеличилось до 8 000 000. Американские спириты образуют многочисленные общества и имеют обширную литературу.

Из Америки спиритуализм перешел в Европу и достиг довольно значительного распространения во Франции и в Англии. Французский спиритуализм, созданный Алланом Кардеком и Пиераром, как учение во многом отличается от американского спиритуализма. Американские спиритуалисты отвергли христианство и создали свою религию, основанную исключительно на вере в духов, на общении с последними и на непосредственном откровении из загробной жизни.

Некоторые американские медиумы, достигнув известности, пользуются своей медиумичностью как средством к наживе. Такого рода медиумы приезжают в Европу, где дают, за известную плату, сеансы и часто заставляют многих уверовать в духов. Но будучи призваны для произведения спиритических явлений в кружок ученых, эти медиумы всегда оказываются бессильными. Так потерпели крушение в Петербурге известные медиумы Юм и Слэд, производившие большое удивление своими сеансами в разных городах Европы. Тем не менее, некоторые известные ученые если не вполне обратились в спиритизм, то уверовали в реальность всех, даже самых чудесных спиритических явлений; примеры — Гэр, Крукс, Цёльнер, Ульрици, Бутлеров, Вагнер и друг.

В спиритических явлениях, как они описываются в спиритической литературе, много преувеличенного, неточного, а частью и прямо вымышленного. Без сомнения, медиумы по профессии суть в значительной мере фокусники. Но и та часть спиритических явлений, реальность которой

не подлежит сомнению, весьма существенно зависит не столько от силы медиума, сколько от его уменья действовать на лица, составляющие спиритический кружок, от его искусства управлять мыслями и действиями этих лиц.

Что в основании верований спиритов частью должны лежать реальные явления — это следует предположить уже a priori. Без этого невозможно было бы объяснить увлечения в спиритизм многих миллионов людей, в числе которых находится немало людей образованных и даже ученых. Не описывая подробно спиритических явлений, мы отделим только те из них, которые могут считаться реальными, т. е. действительно происходящими в спиритических сеансах.

Стол, за которым сидят лица, производящие спиритические опыты, может *действительно* двигаться, если руки этих лиц прикасаются к нему, хотя никто *сознательно* и не толкает стола. Неудивительно, если при этих условиях стол будет давать, посредством движений, ответы на предлагаемые ему вопросы. Эти опыты легче всего удаются без профессионального медиума, если только лица, составляющие кружок, могут привести себя в надлежащее настроение, т. е. в состояние напряженного ожидания, соединенного с большей или меньшей степенью экзальтации. Все условия, при которых удаются спиритические опыты, прямо благоприятствуют развитию такого настроения. Люди ненервные и мало впечатлительные обыкновенно ничего не достигают в спиритических сеансах. Продолжительное упражнение здесь, точно так же, как при гипнозе, играет важную роль, делая субъекта впечатлительнее и развивая автоматическую сторону его нервно-психической деятельности. Из предшествующего изложения мы уже знаем, что бывают бессознательные двигательные акты, что возможны бессознательные мыследвигательные действия. «Столоверчение» есть именно один из случаев такого бессознательного мыследвигательного действия. Участвуя в спиритическом сеансе и желая, вместе с другими участвующими, чтобы стол двигался, мы бессознательно толкаем его, невольно, в силу принципа психической контагиозности и бессознательного стремления привести себя в унисон с окружающими, сообразуя свои усилия с усилиями других участников опыта. В результате — стол будет двигаться и давать своими толчками ответы на наши вопросы. Что дело происходит именно так, доказывается тем обстоятельством, что никогда от движущихся столов не получалось таких ответов, которые не могли бы быть получены если не от всех, то от кого-нибудь из участников сеанса. Когда в кружке не особенно ученых людей, у которых стол тоже давал ответы на предложенные вопросы, я спрашивал, напр., «в каком году родился Кант», то получал ответ, весьма далекий от истины.

Спиритисты уверяют, что в присутствии сильных медиумов столы и другие предметы могут двигаться без всякого прикосновения к ним

со стороны присутствующих лиц. Я не допускаю возможности действительного движения стола, если к нему в самом деле никто не прикасается. Но я легко могу допустить, что при искусном медиуме, опытном в «наведении» галлюцинаций на лиц, находящихся под его влиянием (как мы увидим ниже, такое «наведение» или suggestion — вещь весьма обыкновенная в научных опытах гипнотизирования), присутствующим может представиться, что они видят поднятие стола кверху, перелетание вещей с места на место и проч. При таких условиях легко могут происходить галлюцинации в сфере различных чувств. При этом возможно, что некоторые из лиц, участвующих в спиритическом сеансе, галлюцинируют каждый в отдельности; я, напр., могу чувствовать прикосновения, слышать стуки, видеть светящиеся руки и т. п. независимо от того, видит ли то же самое мой сосед. Но если принять в соображение общность настроения, установившегося в спиритическом кружке, если вспомнить о заразительности галлюцинаций, если обратить внимание на «сильного» и искусного медиума, умеющего «наводить» галлюцинации на лиц, находящихся в его распоряжении и в то же время служащего как бы связывающим средоточием между всеми членами кружка и этим прямо производящего между ними нервно-психическое общение, то станет понятным, что здесь даны самые благоприятные условия для происхождения коллективных галлюцинаций. С этой точки зрения объясняются все из возможных в действительности, но в то же время чудесных (для непосвященных в науку людей) явлений спиритизма. Но для того, чтобы это объяснение могло быть понято не врачами, я должен сказать, что́ я разумею под искусством «наводить» известные галлюцинации или известные идеи. Поэтому, оставляя пока в стороне спиритизм и спиритов, мы обратимся к другой, по-видимому не менее чудесной области, к искусственному сомнамбулизму и гипнотизму, где, как мне кажется, мы и находим ключ к верному пониманию спиритических явлений.

Выше мы говорили о *естественном сомнамбулизме*, как о болезненном состоянии, характеризующемся или отсутствием или изменением (экстатическим) сознания и автоматической деятельностью органов движения.

Нечто подобное представляет и *искусственный сомнамбулизм*. В этом состоянии сознание большей частью не теряется, но сомнамбула (для подобных опытов употребляются по преимуществу женщины) впадает в состояние, похожее на сон или на летаргию, причем лишается способности произвольного движения, т. е. лишается воли, становится послушным орудием в руках человека, приведшего ее в это состояние (магнетизера), и действует по его приказу как заведенный автомат. Проснувшись, сомнамбула или ничего не помнит о происшедшем с ней во время припадка, или вспоминает об этом весьма смутно. Такого рода состояние вызывается известными техническими приемами так называемой «магнетизации». Мнимой причиной этих явлений, т. е. «животным магнетизмом» много занимались,

особенно во Франции, в течении первых десятилетий нынешнего столетия. Этим предметом специально воспользовались не люди науки, но люди практики, так называемые «магнетизеры», связавшие с ним значительную долю шарлатанства.

В 1841 году английский врач *Брэд* открыл, что состояние искусственного сомнамбулизма можно произвести без магнетизерских манипуляций («пассов»), если заставить впечатлительного человека в продолжение 1/4–1/2 часа упорно и неподвижно глядеть на ярко блестящий предмет. Брэд называл производимое им сноподобное состояние *гипнотизмом*. Однако до самого последнего времени люди науки, т. е. врачи, не обращали должного внимания на эти явления. Вопрос об искусственном сомнамбулизме и о гипнотизме был выведен из забвения благодаря д-ру *Ш. Рише* в 1875 году. В 1877 году известный профессор нервных болезней *Шарко* (в Париже) стал производить в своей клинике в больнице Сальпетриер, перед многочисленной публикой, свои поразительные опыты *гипнотизирования* истерических женщин. В Германии тем же вопросом занялся в 1879 и 1880 годах известный физиолог *Гейденгайн*. Благодаря многочисленным опытам как этих ученых, так и многих других (Поля Рише, Вейнгольда) мы знаем теперь, как произвести состояние гипнотизма или сомнамбулизма. Не описывая подробно всех относящихся сюда явлений (они составляют предмет моего специального исследования, так как опыты гипнотизирования удается делать и мне на подходящих субъектах, причем, понятно, можно произвести массу любопытных психофизиологических наблюдений), я только скажу вообще — в чем заключается гипнотизация. Если заставить впечатлительного человека на некоторое время (напр., на полчаса) сосредоточить всю свою умственную деятельность на напряженном исключительном восприятии какого-нибудь постоянного и однообразного раздражения, то он впадает в состояние, подобное *летаргическому сну* или *каталепсии*. Профессор Шарко употребляет в своих опытах сильное световое раздражение, какую-нибудь ярко светящую точку (электрический или друммондов свет), Шарль Рише прибегает к осязательному раздражению, производя поглаживания или пассы (на манер магнетизеров) по голове и лицу гипнотизируемого субъекта, я пользуюсь слуховым раздражением, привязывая карманные часы к уху гипнотизируемой особы и заставляя последнюю (при полном покое и совершенном устранении всех других впечатлений) упорно, ни о чем не думая, слушать стук часов. Смотря по субъекту и по продолжительности действия гипнотизирующего раздражения, явления бывают различны. В большинстве случаев дело начинается с непроизвольных гримас, т. е. с клонических судорог мышц лица. Затем судороги распространяются на мышцы шеи, туловища и конечностей и становятся тоническими, т. е. мышцы приходят в постоянное, сильное судорожное сокращение. Лицо обезображивается, жевательные мышцы, энергически напрягаясь,

стискивают челюсти, так что сам испытуемый субъект не может открыть рта и даже экспериментатор при всех своих усилиях не в состоянии разжать ему челюстей. Все тело сводится в дугу, большей частью изгибаясь назад, т. е. происходит *столбняк*. Иногда получается тоническое, длительное сокращение всех мышц тела; т. е. человек как бы окаменевает, впадая в *каталепсию*. Если наблюдатель насильно изменит положение членов у каталептизированного субъекта, то он сохраняет всякое положение, всякую позу, какую бы мы ни придали ему. Само собой разумеется, в таком состоянии человеку невозможно говорить; вообще, он лишается способности произвольного движения. *Лишение воли* есть характеристическая особенность гипнотического состояния. Рядом с расстройствами в двигательной сфере, параличами, судорогами, контрактурами, автоматичностью движений у гипнотиков обыкновенно замечаются расстройства чувствительности, именно — полная *потеря чувствительности* (анестезия) и *потеря чувства боли* (анальгезия). Можно колоть такого субъекта, резать его, произвести ему какую угодно хирургическую операцию — он не почувствует ни малейшей боли.

Замечательно, до какой степени гипнотик, лишаясь собственной активности, впадает во власть экспериментатора и становится полным автоматом, игрушкой в руках последнего. Даже чисто нервные симптомы, судороги, контрактуры (сведения), анестезия вполне находятся в руках экспериментатора, который может заставить их исчезнуть одним своим словом или прикосновением, может по своему произволу заставить их переходить с одного места тела на другое. В *каталептической* форме гипноза мышление обыкновенно мало расстраивается. Гипнотик все понимает и слышит, даже способен мыслить до известной степени, но не может без приказа экспериментатора говорить и двигаться.

Бывает другая форма гипнотизма, форма *летаргическая* или *сомнамбулическая*, которая обыкновенно получается из каталептической формы, но может также быть вызвана и самостоятельно. Без судорог и контрактур, без каталепсии гипнотизированный субъект лежит или сидит в кресле и находится, по-видимому, в обыкновенном сне. В этом состоянии гипнотика экспериментатор может заставить его делать (автоматически) все что угодно, может также «наводить» на него различные галлюцинации, «внушать» ему известные представления и мысли, одним словом — заставить его переживать с реальной живостью разные события, по его (экспериментатора) выбору и фантазии. Гипнотик будет петь, танцевать, кривляться, принимать невозможные позы, писать по данному приказу, с закрытыми или с открытыми глазами — как угодно. А вот в чем состоит «наведение» или «внушение». Экспериментатор подносит гипнотику какую-нибудь отвратительную и вонючую смесь, называя ее вкусным кушаньем и приказывая ее кушать. Гипнотик ест тошнотворное блюдо с выражением вели-

чайшего удовольствия. Экспериментатор, напр., говорит: «разве вы не видите этого льва?» Гипнотизированный субъект тотчас с реальной живостью видит льва (о чем иногда вспоминает и после опыта), пугается, кричит, бежит, молит о спасении. Или гипнотику предлагают совершить путешествие. Тогда перед ним последовательно проходят с поразительной живостью все те образы, которые получаются нашим мозгом во время прогулки по посещенным нами прежде местам. Если экспериментатор скажет: «в эту минуту вы превращаетесь в собаку», — то гипнотик становится на четвереньки, лает, кусается, лижет, одним словом — в совершенстве подражает собаке. Придя в нормальное состояние, гипнотик иногда помнит все испытанные им галлюцинации, иногда же совершенно не знает, что он делал во время гипноза. Так, если заставить человека во время гипноза написать несколько слов (под диктовку или самостоятельно), то, вернувшись в нормальное состояние, он не верит, что он сам это написал. Другие, придя в себя, подробно описывают испытанные ими во время гипноза сновидения и галлюцинации. Мне кажется, что и потеря сознания может быть произвольно вызываема экспериментатором, хотя я сам еще не мог прямо убедиться в этом. Если бы я захотел основательно описать все явления гипноза, то мне пришлось бы занять целую книжку. Экспериментального материала по этой части у врачей достаточно (я говорю только о врачах, известных своей ученостью и своей добросовестностью, как напр. проф. Шарко, Гейденгайн, парижские врачи Шарль и Поль Рише и др., оставляя в стороне прежнюю, весьма обширную, литературу «животного магнетизма», на которую, конечно, нельзя положиться). Я не даю здесь объяснений гипнотических явлений, потому что невозможно вкратце объяснить это людям, не имеющим сведений по физиологии нервной системы. Я хотел только показать, что в настоящее время врачи могут производить по произволу явления даже более удивительные, чем те, которые происходят в присутствии спиритов-медиумов. При этом не нужно ни помощи «духов», ни чудодейственной «магнетической» или «одической» силы, а просто достаточно известных приемов, которыми и вызываются разные, иногда весьма поразительные явления, вполне объясняющиеся физиологией нервной системы и психологией. Впрочем, знакомство врачей с этим предметом еще так ново, что из множества научных объяснений для гипнотических явлений ни одно не удовлетворительно вполне.

Сходство в состоянии гипнотизированного человека с состоянием людей, участвующих, при ловком медиуме, в спиритических сеансах, поразительно. Между этими состояниями можно провести почти полный параллелизм:

а) Условия опытов в том и другом случае однородны. При спиритическим сеансе человек гипнотизируется напряженным ожиданием явлений, имеющих совершиться, а главных образом — сосредоточением на одном и том же осязательном ощущении (на чувстве прикосновения к столу). Разница

между спиритическим и гипнотическим состоянием только в том, что при спиритических сеансах гипнотизация не достигает высокой степени, так что обыкновенно дело не доходит до каталепсии.

b) Состояние увлеченного спирита во время медиумического сеанса вполне похоже на известную степень гипнотической летаргии. Это, так сказать, состояние *отуманения*, где человек совершенно лишается своей воли и становится послушным инструментом в руках опытного и искусного медиума. Если Шарко и Гейденгайн, не будучи чудодеями по профессии, могут «наводить» в мозгу гипнотика какие им угодно представления и галлюцинации, то неудивительно, что медиум, будучи в то же время ловким фокусником и мастером своего дела, может вызывать известные галлюцинации (обманы чувств) у людей, верящих в спиритизм. И при научных опытах гипнотизации можно экспериментировать сразу на нескольких субъектах. При спиритических сеансах дело медиума облегчается тем, что в силу нервно-психической контагиозности каждое лицо, принадлежащее к кружку, действует на других лиц и заражает их своими галлюцинациями и своим бредом. Гипнотизировав до желаемой степени публику, медиум приступает к «наведению» и говорит, напр., что он видит огненную руку; неудивительно, что тогда и каждое из лиц, участвующих в сеансе, действительно увидит огненную руку.

c) Как опыты гипнотизации, так и спиритические сеансы удаются всего лучше с нервными и впечатлительными людьми. Приобретенное расположение в том и в другом случае играет одинаково важную роль. С каждым новым сеансом на одних и тех же лицах достигаются все более и более поразительные явления.

Надо прибавить, что не все медиумы действуют одинаково. Некоторые из американцев, именно «говорящие» и «пишущие» медиумы, умышленно гипнотизируются сами, впадают в «транс» или в состояние галлюцинаторного экстаза и тогда получают откровения от духов. Понятно, что такие медиумы заражают в известной мере своим анормальным состоянием и свою публику.

Сказанного, я полагаю, достаточно для верного понимания спиритизма. Вообще, описанные в этом этюде явления гипнотизма, сомнамбулизма, галлюцинаций, экстаза в соединении с фактом нервно-психической заразительности дают ключ к объяснению всех спиритических чудес, насколько последние реальны.

О размерах спиритического движения в Америке, где это движение носит явственно религиозный характер, дают понятие вышеприведенные цифры численности американских спиритистов. По свидетельству врачей, большой процент приверженцев спиритизма впадает в помешательство. Те из медиумов, которые не принадлежат к числу ловких шарлатанов и фокусников, большей частью суть люди нервные, конвульсионеры, экстатики

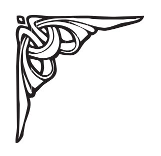
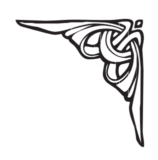
и галлюцинанты, что, конечно, не мешает, но, напротив, помогает им быть искусными на практике гипнотизаторами.

В заключение резюмируем все вышеизложенное. Масса приведенных нами фактических данных доказывает заразительность нервных и душевных актов, их способность передаваться от одного субъекта к другому. Имитативность, стремление приходить в унисон с окружающими людьми есть существенное свойство человека, существенная черта его психофизической природы, данная в самом устройстве нервно-мозгового механизма. Громаднейшая часть физиологических нервно-психических актов заразительна; мы видели контагиозность головномозговых рефлексов, контагиозность настроения, чувства, страсти, побуждений, стремлений, идей; что касается до действий вообще, то они заразительны постольку, поскольку они сводятся на автоматические акты, или поскольку они определяются настроением, чувством или страстью. Точно так же заразительны и болезненные стремления, болезненные чувства и страсти. Конечно, в происхождении душевных эпидемий играют роль различные причины и условия, случайные и частные, общественные и исторические, но, во всяком случае, законы нервно-психической контагиозности здесь имеют громадное значение. Крайняя экзальтация ведет к общему расстройству нервно-мозговой системы, и неудивительно, что в душевных эпидемиях мы так часто встречаемся с различными нервно- и психопатическими явлениями — гиперестезиями, анестезиями, анальгезиями, параличами, судорогами истерическими и эпилептоидными, с пляской св. Витта, с состояниями сомнамбулизма и экстаза, с иллюзиями и галлюцинациями. Доказать первичную заразительность этих страданий трудно, но не подлежит никакому сомнению высокая степень заразительности экзальтации — их общего источника. Во всяком случае, факт коллективных галлюцинаций неоспорим.

Мы видели, как велико действие нервно-психического контагия в жизни индивидуальной, общественной, исторической. При слабом развитии высших мозговых функций — мышления и воли — человек весь век свой может прожить жизнью пассивной, так сказать — машинальной, служа копией и зеркалом для окружающих его людей. При таком отсутствии личной самостоятельности в человеке не может быть и речи о нравственной свободе его. Только сознательное логическое мышление, самостоятельная переработка внешних впечатлений, имеющая конечным результатом сознательное решение воли, делают человека свободным. Однако и при высокой степени умственного и нравственного развития человек никогда *вполне* не избежит действия нервно-психического контагия. Разве ученые и развитые люди никогда не участвуют в повальных заблуждениях? Факты прямо говорят, что современный высокий уровень знания вовсе не гаран-

тирует даже и интеллигентный слой общества от душевных эпидемий (достаточно вспомнить, что в числе спиритистов немало ученых людей), и едва ли скоро наступит такое время, когда бы не могли иметь места повальные заблуждения и эпидемическое безумие. Главнейшие источники душевных эпидемий — религиозное чувство, мистические стремления, страсть к таинственному и необычайному — во всяком случае нескоро иссякнут. Меняются только *формы* повальных болезней души, меняется содержание бреда. Вместо прежних «чертей» выступают на сцену «духи», или человеческие «души», частью невещественные, частью материальные; этих «духов» можно заменить «таинственными силами природы» — и трудно предвидеть конец этим сменам…

Что касается, в частности, до новейшей душевной эпидемии — эпидемии спиритизма, то ее симптомы совершенно однородны с симптомами, представляемыми другими душевными эпидемиями. Указав на аналогию медиумических явлений с вызываемыми (для научной цели) врачами явлениями гипнотизма, мы дали ключ к верному взгляду на «чудеса спиритизма».

СОВРЕМЕННЫЙ МОНИЗМ
(популярно-философский этюд)

Печатается по изданию:
Кандинский В. Х. Современный монизм (популярно-философский этюд). — Харьков: Издание книжного магазина В. А. Сыхра, 1882. — 32 с.

Викторъ Кандинскій.

СОВРЕМЕННЫЙ МОНИЗМЪ.

ПОПУЛЯРНО-ФИЛОСОФСКІЙ ЭТЮДЪ.

ХАРЬКОВЪ.
ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА В. А. СЫХРА.
1882.

Kein Geist ohne Stoff, kein Stoff ohne Geist.
Goethe

Heber der Natur giebt es für uns Nichts, Natur ist Alles.
L. Noire

I

Во все времена мыслящие люди стремились составить себе полное и целостное понятие о мире и вместе с тем формулировать простейшие законы, к которым могут быть сведены все наблюдаемые нами явления. История человеческой мысли представляет нам длинный ряд систематических обобщений, имеющих целью дать полное и всеобъемлющее знание о вселенной, равно как и верное понятие о месте, занимаемом в мире человеком. Мы можем назвать монистическими те философские системы, в которых мир, вместе со всеми действующими в нем силами, является единством и объясняется из одного общего положения или из одного верховного принципа, в противоположность системам дуалистическим, которые сводят все сущее к двум совершенно различным началам, к двум субстанциям, одной — материальной или телесной и другой — духовной (дуалистический спиритуализм).

Монистическое направление философской мысли привело опять к двум взаимно противоположным мировоззрениям. Монистический спиритуализм берет своею исходною точкою существование единого духа, считая тело и вообще материю лишь проявлением этой единой духовной субстанции. Напротив, для материалистов все сущее совмещается в материи и все, совершающееся в мире, объясняется деятельностью сил, присущих этой материи; душа, т. е. сознание, по мнению материалистов, есть не что иное, как функция организированной материи, результат известного рода комбинации материальных взаимодействий. В последнее время стало резко выделяться еще третье — монистическое направление, равно далекое как от спиритуализма, так и от материализма, занимающее, так сказать, среднее место между этими двумя крайностями: философы этого направления утверждают полное единство, полную неразделимость обеих форм бытия — бытия материального, или телесного, и бытия духовного.

Идея единства духа и материи впервые высказана Спинозой, развитие же ее всецело относится к новейшему времени. Хотя до окончания этого развития еще далеко, но знание монистической философии, воздвигаемое ныне на фундаменте естественных наук, значительно уже подвинулось вперед.

Основание современной монистической философии, заключающееся в идее единства ощущения и движения, положено Лазарем Гейгером, но систематическое формулирование ее сделано недавно Людвигом Нуаре, фи-

лософски обработавшим идею развития и поставившим ее краеугольным камнем естественнонаучного монизма. Мы сперва попытаемся дать читателю, в возможно сжатом изложении, ясное понятие о современной монистической философии, извлекая главные ее черты по преимуществу из сочинений Нуаре; затем бросим взгляд на отношение современного монизма к положительной науке, равно как и к другим философским направлениям и, наконец, укажем на тех из прежних мыслителей, которые могут считаться непосредственными предшественниками современных монистов. Этим путем мы надеемся выяснить значение этого сравнительно нового философского течения, к которому постепенно начинают примыкать и представители положительной науки, особенно в Германии.

II

«Cogito, ergo sum!» — «Я мыслю, следовательно, я существую», — сказал Декарт. Другими словами: что я действительно существую, — в этом я убеждаюсь тем фактом, что я мыслю и чувствую. Мое *я* есть для меня несомненная реальность. «Я есть — я», — говорит Нуаре и утверждает, что это — основная истина, сознание которой непосредственно присуще как мыслящему человеку, так и всякому ощущающему существу. Но всякое живое существо ощущает себя лишь в противоположность прочему миру. Отсюда — другая основная истина: «мое *я* не есть все»; в этом заключается корень нашей индивидуальности и источник нашего убеждения в реальности внешнего мира. Объект возникает для нас вследствие того, что мы предполагаем другие *я*, вне нашего *я*, — Высшая, т. е. самая общая противоположность есть противоположность субъекта и объекта.

Итак, существуют вещи вне нашего *я*, существует внешний мир. Как мы назовем саму суть мира — субстанцией, субстратом, телом, материею — все равно; будем, пожалуй, называть ее материею.

Материя бесконечна, но бесконечность и безусловность не могут быть вмещены нашим умом, потому что мыслить — значит ограничивать, обусловливать. Для того, чтобы постичь мир, мы должны представить себе, что субстанция мира, материя, состоит из отдельных частиц, имеющих определенные качества; эти частицы называются атомами.

Основное положение современного монизма таково: вселенная состоит из атомов, из которых каждому присущи два качества, одно — внешнее, другое — внутреннее. Внешнее качество атомов есть движение, внутреннее их качество есть ощущение. Отсюда вытекает, что движение и ощущение суть основные свойства всех вещей, потому что все вещи состоят из материальных атомов. Если мы не примем, что в простом атоме имеется, хотя бы в самой минимальной степени, то, что мы (за неимением других слов) должны назвать ощущением, или сознанием, то мы не поймем, откуда ощуще-

ние является в животных, составленных, в конце концов, из тех же атомов. Ощущение само по себе никоим образом не может быть сведено к движению. Правда, ощущение всегда сопровождается движением; с монистической точки зрения, ощущение и движение суть лишь различные стороны одной и той же вещи. Внутреннюю сторону вещей мы можем понять, до известной степени, по своему собственному внутреннему бытию, ощущаемому нами непосредственно; движение же есть та сторона вещей, которая познается нами лишь внешним образом, при посредстве наших чувств.

Ощущение, таким образом, настолько же всеобще, как и движение. Оно не есть результат случайной комбинации материальных движений, но присуще, прирождено материи. Неорганическая природа вследствие этого тоже становится ощущающею. Само собою разумеется, способность ощущения в неорганической природе отлична от человеческой способности ощущения только по степени, а не по сущности. Наша сложная душа есть продукт неизмеримо продолжительного развития и потому наше многообъемлющее сознание, естественно, весьма отличается от слабого и крайне смутного сознания, присущего, например, кристаллу. Тем не менее, человек, животное, растение, живущая органическая клетка, кристалл, молекула неорганического тела — все это имеет свою внутреннюю сторону, и эту внутреннюю сторону монисты везде называют ощущением, сознанием, душою.

Из материальных атомов, совершенно одинаковых между собою, предположив, что им присущи два основных свойства — ощущение и движение, мы можем построить весь мир. Мир в том виде, в каком он существует теперь, есть продукт развития, а развитие есть непрерывный переход от простого к сложному, от однородности к разнообразию, от низшей степени сознания к высшей. Вопрос о происхождении животного сознания, равно как и о взаимодействии между душою и телом, разрешится для нас только тогда, когда мы и примем, что всякая вещь, начиная с отдельного атома, имеет тело и имеет душу. Тело и душа, материя и дух, движение и ощущение, при всей видимой их противоположности, сводятся к единству, потому что это — различные стороны одной и той же вещи. «Нет духа без материи, нет материи без духа»,— сказал Гете. «Природа и дух — одно и то же». Нет бездушной природы, но нет также и духа вне природы или над нею.

Если рассматривать мир только с его внешней стороны, то он (т. е. мир минус ощущение) сведется к механизму, к физическому движению. С механической стороны — весь мир есть для нас явление; все вещи доступны нам не так, как они существуют «сами в себе», независимо от нас, но лишь так, как они отражаются в нашем внутреннем бытие. В этом смысле правы философы-субъективисты, утверждающие, что мир есть не что иное, как наше представление.

Наблюдая явления, мы стараемся находить их причины и возвышаемся до понятия о физических силах. Современная физика показала, что все

силы сводятся к одной — к механическому движению. Каждому атому материи принадлежит определенное количество силы или, как говорят физики, определенное количество движения. Материя не творится, не уничтожается; точно также не творится и не уничтожается и сила. Общее количество силы в мире остается всегда неизменным, меняется только отношение между суммою живых сил и суммою сил связанных, потенциальных. «Ex nihilo ad fit; nil fit ad nihilum».

Движение есть только внешняя сторона мира; внутренняя сторона мира есть ощущение. Обе стороны находятся в тесном взаимодействии между собою: ощущение выражается наружу в движении, изменение в движении обусловливает перемену в ощущении. В сущности, движение и ощущение неразделимы, потому что движение есть только внешняя форма проявления ощущения. Если отвлечься от способов нашего восприятия, то ощущение и движение отождествятся; на этом основании монизм утверждает полное тождество между вещами в форме явления и вещами «в самих себе». Узнав природу вещи, мы можем сказать, что проникли в самую «сущность» вещи.

Но природа вещей двойственна. Изучая вещи в форме явления, мы узнаем только одну внешнюю сторону их — движение, и этим путем мы не достигнем другой их стороны — ощущения. Внутренняя сторона вещей доступна нам только в нас самих в чувстве ощущения. Как и все сущее, мы одарены внутренним бытием. Наше собственное ощущение знакомо нам непосредственно, совсем не так, как движение, которое воспринимается нами лишь внешним образом, в форме явления; но мы не имеем прямого пути, чтобы проникнуть в ощущение других существ, потому что каждое существо составляет в этом отношении совершенно замкнутую область. Ощущение выражается наружу только в движении; помимо движения между внутренними мирами различных существ нет никаких сообщений. Заглянуть во внутренний мир другого человека, другого одушевленного существа мы можем лишь благодаря нашей способности соощущения («Mitempfinden») или симпатии; если бы я не соощущал горести и радости других людей, я видел бы в людях только движущихся кукол. Чем ближе к нам живое существо, тем вернее мы можем понять его внутреннее бытие по нашему собственному ощущению. Человеку легко соощущать с другими людьми и — в известных пределах — с высшими животными; но представить себе внутреннее бытие какого-нибудь одноклеточного организма вроде амебы, какого-нибудь кристалла — для него почти невозможно.

III

Пространство и время, по монистическому воззрению, суть не что иное, как формы, в которых проявляются вещи. На первый взгляд может показаться, что в этом отношении монисты сходятся с Кантом; но мы сейчас

увидим, что они оставляют почву кантовского учения о субъективности времени и пространства, объясняя нам, почему наше представление о вещах непременно должно принять одну из этих двух форм. В самом деле, вещам присущи два основных свойства: движение и ощущение. Та форма, в которой возможно для нас представление движения, есть пространство; время же есть форма проявления для ощущения. Таким образом, время и пространство суть не субстанции, но лишь отношения между вещами, формы, в которых человеческое познание, по необходимости, должно воспринимать вещи. Как бесконечна материя, так бесконечны и формы ее проявления — пространство и время.

Первоначальное состояние мира не могло быть покоем, потому что из покоя без внешней причины никогда не родится движение. Мы должны думать, что первичное состояние вселенной было таково: мировая материя была в высшей степени разрежена, ее атомы, из которых каждый был совершенно подобен другому, находились в равномерном движении, взаимно отталкиваясь. Если бы материя не была бесконечной, то атомы ее, вследствие взаимного отталкивания, разошлись бы по всем направлениям беспредельного пространства.

Пока атомы мира находились в этом состоянии первоначального движения, в мире не было деятельного ощущения; повсюду царствовала полная нирвана, совершенная бессознательность: ощущение каждого атома оставалось потенциальным. Зародыш сознания является лишь как следствие измененного расположения атомов. В тот момент, когда, например, два атома настолько сближаются, что могут соединиться, в них возникает первичное (конечно, весьма слабое и смутное) сознание, вследствие того, что часть живой силы движения превращается в этот момент в силу связанную. То, что сказано относительно этих двух атомов, приложимо и ко всем прочим атомам мира: в каждом из атомов фактическое, действительное ощущение возникает лишь в тот момент, когда атом получает воздействие со стороны окружающей его среды, т. е. когда он сталкивается с другими атомами или изменяет, от влияния последних, свое первоначальное движение. Следовательно, действительное ощущение получается только при наступлении перемены во внутреннем состоянии атомов. Но при такой перемене ощущается, собственно, конец прежнего состояния и начало нового; значит, здесь мы имеем, во-первых, — предшествующее или «прежде», во-вторых, — последующее, т. е. «теперь» или «после». Таким образом, чувство времени есть первоначальная форма деятельности ощущения. Говоря вообще, время есть не что иное, как форма, в которую всегда выливается ощущение, т. е. нечто неразделимое с природою ощущения, нечто такое, что дается самим фактом последнего. Как движение существует в пространстве, так ощущение существует во времени; в каждом отдельном моменте времени ощущение бывает количественно иным. Если время есть

форма ощущения, то пространство есть та форма, в которой мы воспринимаем движение. Движение, как известно, неуничтожимо, и в форму времени никак не укладывается. Движущийся в пространстве атом в каждый момент своего движения вполне отрешается от предшествовавшего момента, и время не существует для него; мир, рассматриваемый как механизм, вечен, т. е. безвременен. С другой стороны, душа непространственная; на вопрос «где наша душа?» можно только ответить: «везде и нигде». Пространственные изменения атомов нашего тела, вместе с пространственными переменами в окружающем нас внешнем мире, переводятся в изменения нашего сознания, имеющие место только во времени.

Нам могут возразить, что движение совершается не только в пространстве, но и во времени и, с другой стороны, — что наше ощущение измеряет время движением. В ответ на это мы скажем следующее: между двумя основными свойствами вещей, естественно, существует постоянное взаимоотношение и взаимодействие. Ощущение и движение собственно суть не что иное, как различные стороны одной и той же вещи, они отделяются одна от другой только в нашем абстрагирующем разуме. Время и пространство суть отношения между вещами или формы проявления двух сторон, присущих каждой вещи. Как то, так и другое безгранично и, взятое в отдельности, необъятно для нас; только вследствие того, что они взаимно ограничивают друг друга, они могут быть усваиваемы нашим умом. Движение пробуждает чувство пространства только с того момента, который отмечается в ощущении, как начальный по времени момент. Таким образом, если мерило времени прилагается к движению, то только в переносе с ощущения. Благодаря движению наше ощущение с момента на момент изменяется; благодаря ощущению движение получает продолжительность во времени. Поэтому для ощущения время является чем-то постоянно меняющимся, пространство же чем-то неизменным. В сравнении с постоянной сменою времени ощущение кажется нам неизменным, движение же в сравнении с неизменностью пространства является непрерывной сменою.

IV

Первоначальное пробуждение сознания, как мы сказали выше, должно было произойти при встрече движения, присущего атому, с другим движением, задержавшим или видоизменившим первое. Противоположность между атомом (или телом, образованным из атомов) и внешним миром, будучи источником сознания, есть вместе с тем сущность индивидуальности. Под словом «индивидуум» монизм разумеет целое, представляющее собою единство движения и ощущения и находящееся в известной противоположности с прочим миром. Всякая вещь в мире одарена движением и ощущением, а ощущение предполагает противоположность между ощу-

щающим субъектом и действующим на последний внешним миром; следовательно, всякая вещь есть монада, индивидуум.

Мир в том виде, в каком мы видим его теперь, состоит из бесконечного множества отдельных индивидуумов или монад, не однородных, а представляющих длинный ряд различных степеней сложности: атом водорода или углерода, молекула сложного химического соединения, кристалл, живущая органическая клетка, растение, животное, человек, наконец, та планета, на которой мы существуем, все это — монады и, кроме того, индивидуумы, потому что в каждой из этих монад есть нечто постоянно сохраняемое ею, ее своеобразное внутреннее бытие, которое удерживается ею, несмотря на изменчивые влияния, испытываемые ее со стороны внешнего мира. Монады представляют различные степени сложности: молекула состоит из атомов, клетка — из молекул, растение и животное — из клеток. Вместе с тем эти монады представляют различные степени совершенства; более совершенны те из монад, мир ощущения которых богаче, которые более испытывают воздействий со стороны прочей материи и, следовательно, более отражают внешний мир в своем внешнем и внутреннем бытии. Мир, со всем разнообразием составляющих его индивидуумов, произошел из монад, совершенно одноформенных и однородных между собою, т. е. из первоатомов, в каждом из которых были объединены два основных свойства — источник всех других свойств, развившихся впоследствии, — ощущение и движение. Каждый первоатом испытывал самое минимальное влияние со стороны всей остальной материи; поэтому ощущение такого атома было недеятельным, потенциальным, а сознание его равнялось нулю. Можно сказать, что первоатомы представляли самую высшую степень индивидуализации, если разуметь под словом «индивидуализация» то состояние, в котором каждая монада всего полнее исключает из себя весь прочий мир, испытывает с его стороны наименьшее влияние. По отношению к этим индивидуумам, которые находятся в многообразных отношениях с окружающею средою, это будет самая низшая степень индивидуализации. Высшие монады суть индивидуумы, своеобразно дифференцировавшиеся и приобретшие характеристические свойства. Чем совершеннее монада, тем многочисленнее и, вместе с тем, постояннее ее качества, тем больше у нее точек соприкосновения с внешним миром; при этом противоположность между индивидуумом и внешним миром все более и более возрастает, упорство, с которым индивидуум охраняет свою своеобразность, все более и более усиливается. Признавая, что вселенная, со всем разнообразием индивидуумов, ее составляющих, произошла из первоатомов, т. е. из монад, совершенно одноформенных и однородных, монизм признает теорию развития; вне этой теории, утверждающей, что все более сложное и совершенное развилось из более простого и одноформенного, мир со всеми существами, его составляющими, не может быть понят нами.

Итак, мир состоит из монад, более или менее совершенных; каждая монада имеет свою историю развития, исходной же точкой всякого развития монизм считает первоатомы, совершенно подобные друг другу и одаренные двумя свойствами, ощущением и движением. Разнообразные монады, ныне существующие, находятся в постоянном взаимодействии между собою: они обусловливают, взаимно уничтожают друг друга или, напротив, помогают друг другу охранять свою индивидуальность против нивелирующего влияния внешнего мира. В этой всеобщей борьбе за существование (потому что и здесь, как в мире органическом, борьба за существование есть один из факторов развития) высшие монады, естественно, имеют преимущество перед низшими.

V

Каждая монада, будучи одарена известною степенью сознания, должна ощущать противоположность между своим внутренним бытием и внешним миром. С пассивным ощущением, как результатом воздействия со стороны внешнего мира, соединено активное ощущение, т. е. стремление сохранить свое бытие, удержать свои составные части, атомы, в известном своеобразном расположении. Это активное ощущение называется воля. Во всякой монаде существует известная степень внутренней активности, известная степень воли. Но если мы различаем активное и пассивное ощущение, то только потому, что деятельность нашего познания есть деятельность разграничивающая, в действительности же оба рода ощущения неразделимы. Поэтому мы можем сказать, что ощущение и воля одно и то же. Во всяком ощущении заключается воля или (если употребить другое слово) внутреннее побуждение; с другой стороны, воля, без ощущения и сознания, немыслима. Так как активная сторона ощущения, очевидно, важнее его пассивной стороны, то основное положение современного монизма — «внутренняя сторона всех вещей есть ощущение» — может быть выражено так: «внутренняя сторона всех вещей есть воля». Всякая вещь есть индивидуум, т. е. нечто само для себя существующее. Если бы мы могли проникнуть во внутренний мир постороннего нам существа и ощущать ощущением этого существа, то мы нашли бы, что все в этом внутреннем мире — есть Я, сознание, воля, внутренняя свобода. С другой стороны, если мы на наш собственный внутренний мир взглянем с внешней точки зрения, то мы не увидим ничего другого, кроме движения, механической силы, зависимости от внешних условий, необходимости. Всякая сила, будучи рассматриваема в самой себе, представляется волей, всякая индивидуальная воля, с точки зрения другого существа, будет силою. Мы говорим о силе взаимного притяжения и отталкивания атомов; с разным правом мы можем говорить об «атомной воле». В сущности, атомная сила есть не что иное, как внешнее проявление атомной воли.

Таким образом, под словом «воля» монисты разумеют одушевленность, которая в различной степени присуща всем телам, в том числе и телам неорганическим, и которая зависит от взаимодействия следующих трех фактов: во-первых, от известного рода расположения атомов и от проистекающего отсюда их гармонического движения; во-вторых, от влияния внешних условий; в-третьих, от продолжительности всего предшествовавшего развития, обусловившего внутреннее или духовное содержание данной материальной формы. Последний фактор, по мнению Нуаре, не может быть выражен математически, т. е. в терминах движения, так как при одинаковом движении двух атомов интенсивность их ощущения и степень ясности их сознания могут быть различными. Воля, таким образом, не что иное, как в известной мере сознательное стремление или побуждение, присущее данному индивидууму и составляющее истинную природу последнего. В самом деле, всякая вещь мыслима только по отношению к ограничивающему ее внешнему миру. Если внешний мир, действуя на вещь, изменяет последнюю, — мы называем это механическим действием. Но, будучи одарена внутренним бытием, всякая вещь активно противится действующим на нее внешним влияниям, и с большей или меньшей степенью сознания стремится к самосохранению. В этом смысле монизм понимает волю. Само собою разумеется, эта воля не есть абсолютно свободная воля метафизиков, напротив, она строго определена всем ходом предшествовавшего развития и существует лишь до тех пор, пока в данном комплексе атомы удерживают свое своеобразное взаимное положение.

Только благодаря своей внутренней деятельности, воле индивидуум сохраняет свою самобытность, противостоит влиянию среды, стремящейся сгладить противоположность между индивидуумом и внешним миром. Основываясь на этом, мы можем сказать, что все вещи создаются и существуют волею. Всякая вещь, как мы знаем, есть монада. Механически движущаяся материя — тело этой монады; но форма этого тела, его величина и прочие внешние свойства обусловлены его душою. Внутреннее содержание каждой монады есть единство, действующее только в одном определенном направлении. Не прибегнув к регуляторному принципу, мы не поймем возможности мирового развития. Если бы материя не была одарена ощущением, если бы качество всего сущего исчерпывалось механическим движением, то не было бы никакого изменения, никакой дифференциации. Атомное движение материи само по себе никогда не произвело бы жизненной деятельности. Возьмем какое-нибудь органическое тело и разложим его на последние составные части, на атомы: мы найдем, что каждый атом действует на своем определенном месте, со своей первично присущей ему силою. Каждый из этих атомов от начала мира одарен движением; перенося свое движение на другие атомы и модифицируя движение этих последних, он, с присущей ему величиною движения, составил, наконец, часть той сложной системы, которая называется животным или человеческим организмом.

Происхождение такого организма, равно как и происхождение всякой другой органической или неорганической формы, совершенно невозможно без участия творческого или регулирующего принципа. В самом деле, представим себе, сколько возможно бесчисленных комбинаций, прежде чем случай произвел бы то, что действительно существует теперь? Творческий и регуляторный принцип, по мнению монистов, не существует вне природы, но заключается в самой природе; это — внутреннее основное свойство каждой вещи, ощущение или воля. Но из того, что каждая вещь имеет в большей или меньшей степени сознание и волю, не следует, что существует общее мировое сознание, мировая воля; мир безграничен, ощущение же и воля, как видно из вышеизложенного, принадлежат только индивидуально ограниченному. Воля, как деятельная внутренняя сторона всякой вещи, и есть сторона самая существенная. Упустив из вида эту сторону, мы окажемся не в состоянии свести явления мира на закон достаточной причинности, т. е. такой причинности, которая делала бы данное явление абсолютно необходимым. Настоящая causa sufficiens каждой вещи есть «определенная величина воли» той вещи. С этой точки зрения мы найдем, что в мире царит целесообразность. В самом деле, есть два рода причинности; одна механическая, другая целесообразная; эта двойственность обусловлена двойственною природою всякого бытия — ощущением и движением.

Свойство движения во всех вещах по существу одинаково, различно же только по количеству; точно также одинаково во всем мире и свойство ощущения. Дух везде один и тот же, различны только его проявления или степени его развития. В течение неизмеримо громадного времени этот дух, сознательно стремясь к цели, создал длинный ряд форм для своего проявления. Орудием творения служила сила, движение атомов. План творения — развитие. Цель развития — достижение наиболее ясного, прочного и общего действия ощущения или, другими словами, повышение сознания. Количество движения в мире, конечно, неизменно; но направление и результат движения определяются духом. Этот дух не вне вселенной; для монистов дух и вселенная — одно и то же. Монисты могут смотреть на мир, как на развитие духа, но могут также считать дух развившимся из природы. Для монистов вселенная одушевлена до последнего атома. Низшая форма духа есть та минимальная степень сознания и ощущения, которая свойственна неорганической природе, которую называют неодушевленной; самая высшая форма есть человеческий дух, который не существовал от века и не явился внезапно из ничего, но возник как продукт развития.

VI

Этим мы принуждены ограничить наше изложение современной монистической философии. Размер этой статьи не позволяет нам входить в боль-

шие подробности. Недосказанное в предыдущих главах выяснится для читателя ниже.

Познакомившись с существенными чертами современного монизма, мы можем взглянуть на его отношение к другим философским направлениям и затем убедиться в его согласовании с положительною наукою.

При поверхностном взгляде на дело многие приписывают монистической философии вовсе непринадлежащий ей характер: для одних это — чистейший материализм, для других — замаскированный спиритуализм. Посмотрим сначала на отношение монизма к спиритуализму и идеализму.

Если существует некоторое сходство между монистами и спиритуалистами, то вовсе не в смысле учений, но лишь в образе выражений. И те, и другие трактуют о духе, и монист может смотреть на мир как на проявление духа. Но само понятие о духе имеет в монистической философии совсем не то значение, как в философии спиритуалистической. Для спиритуалистов дух есть субстанция; материальный мир или есть проявление единой духовной субстанции, которая, по сущности своей, бестелесна (унитарианцы), или же состоит из особой субстанции, материи, противоположной по своим качествам духовной субстанции и управляемой последней (дуалисты). Для монистов же дух не субстанция, а понятие, получающееся, как и все понятия, путем абстракции; реальность, соответствующая этому понятию, есть одно из двух первичных свойств, присущих каждой вещи, именно — ощущение. Так как природа бытия, с включением нашей собственной природы, двойственна — ощущение и движение, — и мы смотрим на вещи то с той, то с другой точки зрения, то наши понятия необходимо носят на себе отпечаток двойственности; примеры: Я и внешний мир, вещь сама в себе и вещь как явление, воля и механическая сила, свобода и необходимость, душа и тело, или дух и материя. С монистической точки зрения, вселенная и дух составляют единство. Вселенная есть механическое движение, дух есть воля, т. е. активное ощущение; но движение и ощущение суть два свойства всеединой сущности. «Una est substantia, duo sunt attributa». Существа вселенной представляют длинный ряд различных степеней совершенства, различных степеней развития духа; у всякой вещи есть свой индивидуальный дух, потому что всякая вещь имеет в известной степени ощущение и волю. Воля принадлежит лишь тому, что индивидуально ограничено; так как вселенная безгранична, то об общей, мировой воле не может быть и речи, а из этого следует, что нельзя рассуждать и об общей, мировой цели.

Теперь обратимся к отношению между монизмом и идеализмом. Для нас достаточно сопоставить современную монистическую философию с учениями Канта и Шопенгауэра, так как в творениях этих двух мыслителей заключается последнее слово идеализма.

По Канту, мир есть явление; позади явлений скрыта непостижимая сущность вещей. Пространство, время и причинность имеют только субъ-

ективное значение, потому что они — формы нашего восприятия. Познавание есть не что иное, как перевод мира в эти основные, априорические формы представления. Субъект и объект, познающий дух и мир как явление, суть вечные противоположности.

С точки зрения монистической философии мир есть также явление; но вещь «сама в себе» и вещь как явление — в сущности тождественны. Но природа вещей двойственна; соответственно этому возможны два способа познавания: внешний, путем чувств, и внутренний, путем соощущения. Познание всегда субъективно; то, что познается — всегда объективно. Каждая вещь есть вместе и субъект и объект; в себе самой она — субъект, для другого существа она — объект. Пространство и время суть высшие обобщения, соответствующие самым первичным и основным свойствам вещей — ощущению и движению. Пространство есть форма объективности вещей и притом именно потому, что вещи для ощущающего субъекта всегда являются одаренными движением. Время есть форма субъективности вещей, первичная форма ощущения. Причинность соответствует взаимодействию между движением и ощущением. Таким образом, монизм является примирением идеализма и реализма и во многих отношениях совпадает с тем критическим направлением современной философии, которое называет себя идеалистическим реализмом (Idealrealismus).

Учение современных монистов всего ближе к философии Шопенгауэра. По Шопенгауэру, сущность всех вещей есть воля. Если заменить слово «воля» словом «ощущение», то между философией Шопенгауэра и философией Нуаре, в общих чертах, будет почти полное согласие. Но между ними есть и существенные различия, которые заключаются в следующем.

Воля, у Шопенгауэра, есть «вещь сама в себе» в противоположность миру как явлению. Эта метафизическая сущность, по природе своей, совершенно бессознательна. Объективируясь в явлениях, воля производит мир, который есть не что иное, как представление. Идеальные, априорические формы нашего восприятия — пространство, время и причинность — определяют мир только как представление; истинная же сущность мира — воля — беспричинна и лежит вне всяких условий времени и пространства. Воля совершенно отлична от познавательной способности и независима от нее. Субстрат сознания, интеллект, есть явление вторичное, сопровождающее только высшие степени объективизации воли. Воля — метафизический принцип, интеллект же принадлежит к физическому миру.

У современных монистов понятие о воле, напротив, вполне реалистично. По их мнению, то, что не ограничено условиями времени и пространства, т. е. вечность и бесконечность, непостижимо и не реально. Воля принадлежит лишь индивидуально ограниченному и есть не что иное, как активная сторона ощущения; ощущение же, само собою разумеется, есть не субстан-

ция, а качество. Этим самым воля оставляется в мире явлений, а не возводится в метафизический принцип. Ощущение возможно только в форме времени и, по природе своей, есть беспрерывная смена, а всякое изменение может происходить лишь в зависимости от движения, которое немыслимо иначе, как в пространственной форме. Наше представление неизменно принимает формы времени и пространства именно потому, что всякая вещь есть monon — единство ощущения и движения. Смотря по точке зрения, с которой мы смотрим на вещь, она является для нас телом или духом, волей или механическою силою.

Шопенгауэр хотел объяснить мир, отправляясь от человеческого самосознания. Монисты, напротив, хотят изучить дух из природы, путем наблюдения постепенного развития духа в ряде существ. Сущность познания должна быть исследуема не a priori, но из природы познаваемого.

Идея, служащая основанием современной монистической философии, есть идея развития; развитие же не может быть выведено из одного метафизического принципа, а должно быть результатом взаимодействия по крайней мере двух реальных факторов. Эти факторы суть ощущение и движение. Напротив, Шопенгауэр относился отрицательно к идея Ламарка и утверждал, что виды не изменяемы, что каждый вид представляет определенную вечную идею, осуществляющуюся в конечной жизни индивидуума. Впрочем, идея развития не вполне чужда Шопенгауэру: он признавал, что всякий животный вид, под влиянием своей воли и обстоятельств, создает себе форму и организацию, но относил этот процесс к метафизической природе вида, действующей вне условий времени и пространства.

VII

Обыкновенно смешивают материализм с механическим мировоззрением, тогда как это далеко не одно и то же. Материализм есть, в сущности, метафизическая система, тогда как механическое мировоззрение получается в результате наших стараний объяснить мир на основании положительной науки, совершенно независимо от метафизики. Центр тяжести материализма заключается в понятии о материи; материя, познаваемая нами через посредство наших чувств, есть не только объект нашего чувственного опыта, но вместе с тем и единая реальность, «вещь сама в себе»; силы суть качества материи. Механическое мировоззрение, напротив, строится исключительно на понятии о силе. Поэтому можно стоять на механической точке зрения и утверждать, что материя — не что иное, как абстракция. Чувственный опыт дает нам не материю, а вещь, и притом вещь как представление; сила — собственно свойство вещи, а не материи, потому что в действительности существуют лишь движущиеся тела, и сила есть функция движения. Материя непосредственно никогда не познается; она может

только предполагаться нами, в смысле субстанции, как необходимый субстрат силы.

Для догматического материализма не существует ничего, кроме материи с присущей ей механическою силою. Известным образом комбинированные материальные движения дают в результате то, что называется ощущением или сознанием; мысль есть не что иное, как функция мозга.

Что касается монистической философии, то она находится в прямом противоречии с материализмом, утверждая, что психические явления не сводимы на материальные процессы, и что невозможно понять, каким образом чисто внешний процесс движения приобретает внутреннее значение и делается актом сознания. Все, что существует теперь, является продуктом неизмеримо долгого развития; но разве то, что основывается на всех предшествовавших ступенях развития, может быть простым результатом механических движений? В нашем чувственном опыте мы знакомимся с вещами и узнаем, что вещи действуют друг на друга; мы называем эти действия силами. В настоящее время доказано, что все силы сводятся к одной — к механическому движению; в мире существует только одна сила, величина которой неизменна и которая может переходить из одной своей формы в другую. Однако, если мы будем видеть в природе только одно движение, мы упустим из виду наше Я и Я других существ; мы получим систему механических сил, обусловливающих, ограничивающих, направляющих и уравновешивающих друг друга, но не получим развития. Мир станет для нас, несомненно, понятнее, если мы предположим, что ощущение, знакомое нам по нашему собственному сознанию, и никоим образом не сводимое к движению, есть наравне с движением первичное свойство всех вещей, начиная с материального атома, свободно движущегося в мировом пространстве. Тогда мы объясним себе, отчего во всяком явлении, если рассматривать его с механической точки зрения, всегда получается неопределимый остаток; этот остаток выражает собою участие ощущения в явлении. Ощущение может быть измерено только ощущением; изучая внешнее проявление внутреннего бытия, мы будем иметь дело только с движением и никогда не перекинем моста в область ощущения, о котором мы можем судить лишь по нашему собственному ощущению.

Итак, для монистов мир есть громадный механизм, с неизменною величиною движения, определяемый, до последнего атома, безусловною необходимостью; это — одна сторона мира, в то же время мир одарен ощущением, одушевлен, это — другая его сторона. Величина атомного движения неизменна, ощущение же есть фактор изменяющийся и обусловливающий. Насколько простирается наш человеческий опыт, мы находим, что качество ощущения принимает все более и более совершенные формы, тогда как качество движения все более и более подчиняется ему. Основываясь на этом, монисты считают ощущение «творящим и регулирующим, урав-

новешивающим и определяющим принципом мира, или истинною природою вещей».

Из сказанного ясно, что монизм не вступает в противоречие с механическим мировоззрением; он только дополняет его, устраняет его односторонность; материализм же прямо устраняется монизмом.

Переходя к обсуждению отношения монизма к положительной науке, необходимо иметь в виду разницу вообще между философией и наукой. Наука исследует факты и открывает законы в разных группах явлений; философия же занимается высшим обобщением результатов, добытых наукою, и стремится дать ключ к пониманию всех явлений мира. В области философии мы, разумеется, не можем достичь той точности, которая необходимо требуется в науке. Как и всякая философия, монизм носит характер в некоторой степени гипотетический, но это нисколько не умаляет его значения, если его обобщения и гипотезы имеют своей исходной точкой данные положительной науки и вместе с тем уясняют нам мир, связывая все явления, даже самые по-видимому несходные, в одну цепь, где каждое звено захватывает за предыдущее и за последующее.

В настоящее время в биологии признано, что закон развития есть главнейший закон органического мира. Современные монисты идут далее науки и утверждают, что развитие есть закон всеобщий, действующий не только в органическом мире, но и во всей природе. Конечно, это — гипотеза, но она существенно облегчает нам понимание мира и его явлений.

Затем, монизм выставляет другую основную гипотезу, — что ощущение имеет такую же всеобщность, как движение; но эта гипотеза становится необходимой, раз наукой признано, что ощущение не сводимо на движение. «Факт, что психические явления всегда бывают связаны с телесными процессами, — говорит известный физиолог и психолог Вильгельм Вунд*, — мог бы быть понимаем в материалистическом смысле только при том условии, если бы психические явления были следствием телесных процессов, т. е. если бы между теми и другими существовало такое же прямое отношение, как между двумя явлениями природы, из которых одно есть следствие другого. Но этого нет, иначе психологические явления имели бы телесный характер». В настоящее время многие ученые и мыслители, совершенно независимо от Гейгера и Нуаре, приходят к идее тождественности между процессами материального движения в мозге и процессами ощущения. Так, для Дж. Г. Льюиса «нервный процесс и процесс ощущения не суть два процесса, причинно связанные между собою, но две стороны одного и того же процесса, который будет ощущением, если взять его непосредственно, в субъекте, и движением, если смотреть на него объективно». А вот слова одного из величайших умов нашего времени, идеалиста Фр. Ал. Ланге: «если сознание и молекулярное движение в мозге совпадают

* Физиологическая психология. Перевод автора. М., 1881. С. 999.

между собою, однако так, что взаимное влияние их непостижимо для нас, то почти невозможно не придти к старой идее, впервые высказанной Спинозою и нередко проскальзывающей у Канта, что это — одна и та же вещь, но только в проекции на различные органы восприятия! В. Вундт в заключении своей „физиологической психологии“ выражается так: то, что называется душою, есть внутреннее бытие той самой единицы, которую мы, с внешней ее стороны, называем телом». Монисты идут дальше только в том смысле, что предполагают внутреннее бытие и за пределами органического мира. Природа не делает скачков; между мирами органическим и неорганическим такой бездны, как люди думали раньше, вовсе не существует, и должны же мы допустить, что первый простейший организм произошел из вещества, до тех пор безжизненного. С другой стороны, разве возможно понять, каким образом внешнее явление, движение, бывшее от века не чем другим, как движением, приняв известную форму, этим самым вдруг приобретет ту сторону, которая называется внутренним бытием, ощущением? Мы можем объяснить себе взаимодействие и постоянное соотношение между телесными и психическими процессами не иначе, как признав ощущение таким же первичным свойством единой субстанции, как и движение. Если ощущение есть внутреннее бытие всех вещей без исключения, движение же — их внешняя сторона, внешнее проявление их внутренней природы, тогда понятно, что всякое изменение движения обусловливает изменение ощущения и наоборот. Само собою разумеется, что при этом мы должны будем допустить внутреннее бытие в простом элементе субстанции, атоме, которому наука приписывает лишь определенную величину движения. Мы не скажем, по примеру Геккеля, — «атомы имеют душу», потому что этот способ выражения может вызвать в читателе недоумение: при слове «душа» у нас обыкновенно является представление именно о человеческой душе, и тогда, помимо нашей воли, навертывается вопрос, — неужели атомы мыслят и чувствуют? Нет, конечно, атом не мыслит; мышление есть не состояние, а процесс и притом до крайности сложный, объективная сторона этого процесса заключается в движении не одного, но бесчисленного множества атомов, составляющих чудно-действующий механизм нашего головного мозга. Наша душа есть продукт неизмеримо длинного духовного развития, наследство всех наших человеческих и животных предков; являясь для нас единством, она состоит из необозримого ряда разнообразных и непрерывно связанных между собой внутренних состояний. Атом же есть элемент материи и, разумеется, его внутреннее состояние тоже должно быть элементарным; это — не душа, но во всяком случае то, из чего есть возможность получиться душе на высших ступенях развития, т. е. в животном мире.

Нам могут заметить, что считая ощущение, наравне с движением, первичным свойством субстанции, монизм не решает вопроса о сущности

ощущения, но только отодвигает вопрос. Это правда, но если искать еще «сущности» вне действительной природы вещей, то нужно вместе с тем согласиться, что такая сущность непостижима. Единственный источник знания есть опыт, а в нашем опыте мы и познаем только вещи и их свойства. В самом деле, что такое субстанция? Это — не вещь, не реальность, но только понятие, необходимый постулат нашего ума. Что такое движение? наше представление. Независимо же от представления, движение или прямо становится непостижимостью, или совпадает с внутренним бытием субстанции, которое, само по себе, тоже непостижимость. Заходя с нашим анализом настолько далеко, мы приходим, наконец, к границам познания.

Только в одном отношении новейшее монистическое учение может показаться метафизическим. Существенною частью всякого индивидуума монисты считают его волю, которой и определяется его тело. Однако и в этом пункте современный монизм ни мало не расходится с наукою. Физиологическая психология, в лице профессора В. Вундта, приходит к выводу, что «первичнейшая форма психической деятельности есть побуждение» и что «в простейшем элементе субстанции, в атоме, уже заключены элементарные формы побуждения». И действительно, что такое, как не внутреннее побуждение атомов, заставляет водород стремиться к кислороду, чтобы соединяться с последним? По мнению современных монистов, духовное развитие есть не результат, но, напротив, причина физического развития. Вундт говорит то же самое: «телесная организация приносит с собою известные задатки, которые суть результат психического развития предшествовавших поколений и, в известной части, также результат индивидуального развития сознания». Но если это так, если движение само по себе не заключает никакого импульса к развитию, то монисты вправе утверждать, что ощущение есть творящий и регулирующий принцип мира. Причина развития лежит не вне мира, но в самом мире; эта причина есть внутреннее свойство вещей, дух, который из своего первоначального, почти недеятельного состояния постепенно принимает все более и более совершенные формы. Поэтому можно сказать, что цель мира есть повышение сознания и что все органические и неорганические формы, возникавшие в течение мирового развития и снова исчезавшие, суть «соизволенные создания духа».

Проследить весь ход мирового процесса нам не позволяют размеры этой статьи. Мы ограничимся лишь тем, что перечислим главнейшие ступени, по которым совершалось развитие, — мировая субстанция в первоначальном эфироподобном состоянии с недеятельным ощущением в атомах; громадный туманный мировой шар, вращающийся около оси; наша солнечная система; земля и ее неорганическая природа, состоящая из различных, сравнительно несложных химических соединений; первый, конечно, простейший организм; разделение органической природы на мир растений

и мир животных; одноклеточные и многоклеточные животные; высшее животное; человек в животном состоянии, без языка и без общественной жизни; наконец, полный, т. е. разумный человек. Читателя, знакомого с канто-лапласовской теорией происхождения мира и с идеями Чарльза Дарвина и Эрнста Геккеля, может затруднить здесь только один пункт — переход от неорганического развития к органическому, и на этом пункте мы несколько остановимся.

Если сравнить высшего представителя неорганического мира, какой-нибудь кристалл, с простейшим животным, монерой, состоящей из однородного комочка слизеподобного белкового вещества, то граница между двумя мирами окажется вовсе не настолько резкой, как думали прежде. Подобно монере, кристалл есть целое, все части которого находятся в тесном внутреннем соотношении, как между собой, так и со всем индивидуумом. Единственная разница состоит в том, что рост кристалла обусловливается отложением частичек снаружи, тогда как монера имеет полужидкую консистенцию, растет вследствие того, что пищевые частицы снаружи проникают внутрь ее и там «уподобляются». Эта внешняя разница, без сомнения, связана с глубоким различием во внутреннем бытии. Происхождение элементарного животного ощущения для нас остается пока тайной, но все-таки, до известной степени, мы можем уяснить себе разницу в ощущении между органическим и неорганическим индивидуумами. Весьма вероятно, что сущность животного ощущения заключается в том тесном отношении между органическими молекулами, в силу которого влияние, подействовавшее, например, на отдельную молекулу монеры, одновременно отражается на всех прочих молекулах тела. Только при таком условии возможна центральная жизнь органического индивидуума, его общее ощущение. Напротив, растения не имеют центрального сознания, потому что ощущение и воля у растений замкнуты в пределах молекул. Что касается до неорганических тел, то можно представить себе, что в них ощущение ограничено пределами отдельных атомов, так что здесь нет даже молекулярного сознания, не только общего сознания для всего индивидуума.

Множество молекул соединены в простейшем животном в одну, самостоятельно живущую клетку. Эта клетка есть целое, имеющее центральную внутреннюю жизнь, т. е. представляющее единство сознания. Но каким образом понять единство сознания в организме, состоящем из множества клеток? Надо вспомнить, что все эти клетки, из которых каждая представляет не только морфологический, но и психический элемент, произошли из одного элемента; всякий сложный организм, в том числе и человек, развивается из одной яйцевой клетки. Не удивительно, что все клетки сложного организма могут, в большей или меньшей мере, сохранить внутреннюю между собой связь, которой единственно и объясняется центральное сознание многоклеточного животного. Мы имеем поучительный пример,

показывающий, что целое, состоящее из многих ощущающих индивидуумов, может иметь центральную психическую жизнь: сифонофора (Physophora) есть в сущности колония медуз, в которой, в весьма широкой степени, проведен принцип разделения труда между отдельными членами; каждый из индивидуумов, входящих в состав этой колонии, имеет до известной степени самостоятельную волю, но вся сифонофора представляет одну волю, из чего следует заключить о единстве сознания в ней.

В высших животных дифференцирование частей и разделение между ними жизненной работы доведено до высокой степени. Как субстрат общего ощущения здесь существуют специальные клетки, которые образуют нервный аппарат, построенный на принципе строгой централизации. Самая главная роль здесь принадлежит узловым клеткам коры головного мозга, различным образом соединенными между собой своими многочисленными отростками. Эти-то клетки центрального нервного аппарата и суть седалище души у высших животных и человека.

VIII

Монистическая философия, в том виде, в каком мы изложили ее, не возникла, конечно, сразу, подобно Минерве, во всеоружии вышедшей из головы Юпитера; как и все на свете, эта философия есть продукт развития. Главные представители современного монизма — Л. Гейгер (умерший в 1870 г.) и Л. Нуаре. Но кроме этих мыслителей, в развитии монистического мировоззрения имели большое значение философы Декарт, Спиноза, Лейбниц, Кант и Шопенгауэр, а также естествоиспытатели Р. Майер, Дарвин и Геккель. Познакомившись с современным монизмом, мы должны бросить хотя бы беглый взгляд на его историческое развитие. При этом мы укажем из учений прежних мыслителей только то, что имеет непосредственное отношение к монистической идее.

История всей новой философии, по справедливости, начинается с Декарта, ниспровергнувшего старый авторитет Аристотеля и положившего начало механическому мировоззрению. Рене Декарт (1596–1650) был дуалист. По его учению, человек состоит из двух совершенно различных субстанций, тела и души. Единственный источник истины — наше самосознание. Телесный мир, может быть, не что иное, как иллюзия; но наше мышление есть факт, стоящий вне всякого сомнения: «cogito ergo sum». Субстанцию, характеризующуюся свойством мышления, мы называем духом. Дух, для которого весь объективный мир является сплошным механизмом, совершенно отличен от тела. Последнее, как материя, всегда делимо, дух же целостен. Душа управляет нашим телом, помещаясь в головном мозге; животные, хотя одарены чувствительностью, но лишены способности мышления. Творец, создавший вселенную и человека с его душою,

существует отдельно от творения. Дуалист Картезий стоит в связи с монистами в том отношении, что он первый признал единство движения во вселенной. Все, что находится вне моего Я, говорит философ, есть протяженная субстанция, одаренная движением; движение во всей вселенной одинаково, различно только по количеству. Мир состоит из атомов грубой материи и из эфира; пустого пространства не существует, потому что вся вселенная занята протяженной субстанцией. Материя и движение неуничтожимы. Объективная сторона мира вполне объяснима с физической точки зрения. Теплота и свет суть не что иное, как движение. Таким образом, еще в XVII веке выставлены многие понятия, получившие полное развитие лишь в современной науке.

Первое, в полном смысле слова, монистическое мировоззрение принадлежит Баруху (Бенедикту) Спинозе (1632–1677). Для Спинозы существует только одна субстанция — всеединое или абсолютное бытие. Какими свойствами обладает эта субстанция сама по себе, мы не знаем; весьма вероятно, что она характеризуется бесконечным множеством атрибутов. Но человеческое познание может приписывать сущему лишь два атрибута — мышление и протяженность. Всеобъемлющее бытие есть единство или monon; его внутреннее свойство — мышление, его внешнее свойство — протяженность. Всеединое или природа (deus sive natura) является нам в двух видах: во-первых, как творящее начало (natura naturans), во-вторых, как творение (natura naturata). Таким образом, природа создает вещи сама из себя и вне этой всеобщей сущности, соединяющей в себе и телесные и духовные свойства, ничего не существует. Все, что происходит из мышления, не может быть объясняемо через протяженность, наоборот, все, что связано с протяжением, не может быть объясняемо через мышление; из этого следует, что мир есть, с одной стороны, механическая, с другой — духовная проблема. Все вещи суть частные проявления единой реальности, ее modi; всеобъемлющее безгранично и совершенно, но его modi конечны и несовершенны. Индивидуумы, в том числе и человек, — ничто в сравнении с Вечным Бытием, это — лишь переходящие состояния единой сущности. Каждая вещь есть monon; внутренняя сторона вещи — идея, внешняя же сторона — протяженность. Таким образом, все вещи до известной степени одушевлены. Как и все другие существа, человек имеет двойственную природу; его внешняя сторона, или тело, есть modus протяжения; его внутренняя сторона, или душа, есть modus всеобщего мышления. Индивидуум составляется совокупностью простых тел, находящихся во взаимном отношении между собой. Человеческое тело состоит из многих индивидуумов, в свою очередь, представляющих различные степени сложности. Чем сложнее составное тело, тем в большем взаимодействии может оно находиться с другими телами. Дух влияет на тело не больше, чем тело влияет на него. Материал для душевной деятельности дается внешним

миром. Ощущение есть не что иное, как восприятие душой влияний, оказываемых внешними вещами на тело. Из внешних впечатлений образуются представления, служащие материалом дальнейшей душевной деятельности. Но наши представления весьма несовершенны, не адекватны, т. е. не соответственны вещам. Истинное, адекватное познание рассматривает вещи sub specie aeternitatis, т. е. с точки зрения их основных и вечных свойств, и только тогда нам открывается действительная связь между вещами и мир, во всей его целостности, становится понятен. Все в мире подчинено закону необходимости, даже всеобъемлющей сущности нельзя приписать абсолютно свободной воли, потому что такая свобода противоречила бы всесовершенству этой сущности, предполагая выбор средств, т. е. нерешительность. Той же необходимостью обусловливаются ощущения, мысли и действия человека. Основная форма воли есть стремление к самосохранению, стремление к высшей реальности, к счастью. Истинное счастье достигается лишь путем познания, которое делает нас свободными в том смысле, что дает нам независимость от страстей и от внешних случайных возбуждений. Из сказанного видно, что Спиноза во многих отношениях предупредил Шопенгауэра и современных монистов; прибавим также, что он предупредил и Канта, сказав, что пространство и время (или, как выражается сам Спиноза, — мера, время и число) суть не что иное, как modi (формы) нашего мышления.

Оставив монистическую точку зрения Спинозы, Готтфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716) снова возвратился к дуализму. Но заслуга Лейбница состоит, главным образом, в том, что он выставил на первый план принцип индивидуализма, вместе с принципом развития. По мнению этого философа, вся вселенная оживлена, потому что она состоит из бесконечного множества живых существ, способных к развитию. Вне индивидуумов, монад и явлений, ими обусловливаемых, в мире ничего не существует. Каждый индивидуум есть единство или monon, в котором, однако, следует различать две субстанции — внутренний жизненный принцип, эктелехию или душу, и тело, состоящее из материи, одаренной движением. С внешней стороны вселенная объяснима механически; однако истинная природа вещей есть их внутренняя сторона, их жизненный или духовный принцип. Материя не только не может мыслить, но, сама по себе, она даже неспособна произвести движение. Пассивная материя (materia nuda, prima) характеризуется лишь протяженностью и силою сопротивления. Индивидуумы созданы не из одной materia prima, но также и из активной материи (materia secunda, vestita), одаренной жизненностью (entelechia prima); жизненность же или внутренняя деятельность materiae vestitae обусловливается существованием в последней простых, неделимых и нематериальных субстанций или монад, характеризующихся способностью восприятия (перцепция). Поэтому индивидуумы, несмотря на то, что они представляют

единство, могут быть рассматриваемы или как центры силы, или как центры перцепции. Не все восприятия становятся представлениями; многие перцепции остаются слабыми и смутными. Низшие монады суть энтелехии, высшие же — души; последние отличаются способностями ясного представления и воспоминания. Материя делима до бесконечности и в каждой наималейшей частичке живой материи заключается мир индивидуумов, из которых каждый имеет энтелехию или душу. Животные и растения одарены способностью перцепции, но не мыслят; человек есть единственное мыслящее или разумное животное на земле. Наше тело — собственно не единство, а агрегат; единство возможно только там, где есть одна господствующая монада. Монады между собою не имеют никакой связи; каждая из них сама по себе есть целый мир (mikrokosmos), потому что каждая из них отражает в себе всю вселенную. Связь тел обусловливается материей, которая составляет непрерывность. Наша душевная жизнь есть жизнь господствующей, т. е. наиболее совершенной монады нашего существа. Никакого взаимодействия между душою и телом нет; «в душе все совершается так, как будто бы не было тела, а в теле — так, как будто бы не было души». Механизм тела действует подобно автомату; монада души отражает в себе мир, служа для него как бы зеркалом. Но, по премудрости Создателя, тело и душа вполне гармонируют между собою, совершенно так, как соответствуют друг другу двое одинаково идущих часов. Первоначально телесные и духовные единицы существовали отдельно и только впоследствии монады или души нашли соответствующие себе телесные единицы. Таким образом, вещь суть результат развития. Отвлекаясь от слабых сторон системы Лейбница, от его учения о предустановленной гармонии, о предсуществовании душ животных, от его взгляда на судьбы души человеческой, наконец, от его наивного оптимизма, мы не можем не согласиться, что в лице Лейбница философская мысль сделала большой шаг вперед. Начало механическому объяснению мира положено Декартом и Спинозой, но Лейбниц существенно способствовал прогрессу механического мировоззрения, заменив чисто математическое понятие «протяженность» физическим понятиям «сила». У Спинозы индивидуальность вполне поглощается общим, всеединым бытием, тогда как вся система Лейбница держится на принципе индивидуализма. Далее Лейбниц с особенной ясностью и определенностью развил идею, впервые выраженную Спинозой: нет тела без души, равно как нет души без тела. Наконец, Лейбниц же впервые указал, что мир, в том виде, в каком мы видим его теперь, есть продукт развития и что развитие есть результат творческой деятельности внутреннего принципа вещей; в этом отношении Лейбниц вполне предупредил современных монистов.

Об отношении Канта к современному монизму отчасти уже сказано выше. Великая заслуга Эммануэля Канта (1724–1804) состоит в том, что он

изгнал из философии метафизику, оставив, однако, два метафизических понятия, пространство и время, и назвав их не эмпирическими понятиями, но априорными формами чувственного восприятия. По Канту, весь мир есть явление или продукт взаимодействия двух факторов, — во-первых, нашей умственной природы, укладывающей все вещи в чисто идеальные или субъективные рамки пространства и времени, во-вторых — вещей самих в себе, скрытых за явлениями и недоступных познанию. Даже наше Я, по мнению Канта, неизвестно нам само по себе, но известно лишь в форме времени, как явление нашего внутреннего бытия. Здесь, очевидно, упущено из вида, что форма времени неразделима с действительной природой нашего внутреннего бытия; отнимите у ощущения форму времени — много ли останется от самого ощущения? Вообще, Кант поставил своей задачей исследование условий возможности нашего опыта, однако в определении этих условий он не пошел путем опыта. Оставаясь на почве субъективного идеализма, великий философ сумел нанести решительный удар метафизике. В самом деле, пусть пространство есть не что иное, как форма нашего восприятия, — все-таки в нас самих, как представление, пространство настолько же реально, как и наше Я. Так как мы не в состоянии отрешиться от нашей умственной организации, то опыт остается единственным источником познания. «Всякое знание о вещах, приобретенное путем чистого умозрения, есть знание мнимое; только в опыте заключается истина». Мир явлений вполне объясним механически. В органической природе играют роль два главных фактора — приспособление и унаследование. В «физической географии» Канта мы можем уже найти сущность современного дарвинизма. Прибавим, что великий мыслитель не признавал принципиального различия между мирами неорганическим и органическим, между животными и человеком, и находил, что «порядок и целесообразность в природе должны быть объясняемы на основании естественных причин и по естественным законам». Даже самые смелые физические гипотезы, говорил Кант, лучше, чем всякие гиперфизические (т. е. метафизические и теологические) объяснения.

Артур Шопенгауэр (1788–1860) снова пришел к метафизическому принципу, несмотря на то, что взял своей исходной точкой критическую философию Канта. Шопенгауэр рассуждал так. Мир явлений производится двумя факторами: организацией нашего ума, воспринимающего вещи в известных априорных формах, и вещью самой в себе, т. е. вещью, лежащей в основании явления. Но если выделить из явлений априорный элемент, налагаемый нашей умственной природой, тогда то, что останется, будет проявлением вещи самой в себе. Путем чисто объективного познания мы не в состоянии дойти до истинной сущности вещей, потому что этим путем мы не получим ничего другого, кроме представлений. Только в одном случае мы имеем одну и ту же вещь, во-первых, как представление, во-вторых,

независимо от представления, в истинном существе ее: эта вещь — мы сами. Каждый знает себя, свое тело, как явление, имеющее место в пространстве, и каждый знает свое Я внутренне, т. е. непосредственно. Существеннейшая же сторона нашего Я есть воля. Наши движения и действия сами по себе — были бы для нас так же непостижимы, как и все другие объективные явления, если бы мы не находили для них объяснения во внутреннем существе нашем, в нашей воле. Поэтому мы должны заключить, что во всех явлениях есть внутренняя сторона, именно воля. Таким образом, воля, или таинственное внутреннее, по природе своей бессознательное, стремление становится сущностью вещей. Когда эта сущность познается нами через априорные формы нашего восприятия, — мир становится явлением; единственная реальность — воля, все прочее — явление. Сама по себе, как метафизический принцип, воля непостижима; она мыслима только в своих проявлениях. Весь объективный мир есть не что иное, как проявление воли. Но, становясь явлением, воля необходимо индивидуализируется, так как всякое явление есть нечто индивидуальное, заключающееся лишь в противоположности ко всем прочим явлениям. В учении об индивидуальности Шопенгауэр стоит на той же точке зрения, как и современные монисты, с той только разницей, что он не признает сознания в неорганической природе. Воля, как метафизическая сущность мира, у Шопенгауэра бессознательна; сознание и интеллект принадлежат лишь животным, составляя высшую форму проявления воли. В индивидуумах воля стремится к высшей реальности; поэтому развитие или совершенствование есть всеобщий закон мира. Внешняя форма индивидуумов обусловливается внутренним образовательным стремлением, т. е. опять-таки волей, и в этом смысле как Шопенгауэр, так и Нуаре говорят, что «всякое существо есть продукт своей собственной деятельности». Шопенгауэр справедливо указывает, что свойства неорганических тел в сущности так же таинственны, как и жизнь органических существ. Заслуга этого философа состоит в том, что он во всей природе находит духовный элемент и умеет не смешивать его с ярким сознанием, характеризующим человека: ошибка Шопенгауэра — в том, что он противополагает волю интеллекту и гипостазирует ее, ставя ее вне условий времени и пространства и приписывая ей абсолютное значение.

Мы видели, что начало механическому объяснению природы было положено Декартом. После Декарта и Ньютона в науке незыблемо утвердилось понятие о неизменной правильности явлений природы, о законах, которым подчиняются все естественные силы. XVIII век был временем, когда мир считался обширною ареною, на которой борются одна с другой, взаимно уравновешиваясь и определяя друг друга, различные силы. Представление о множественных силах, повинующихся законам строгой необходимости, естественно, привело к материалистической метафизике. Но XIX век про-

извел своего Галилея, который совершил резкий переворот во всех господствовавших до тех пор физических понятиях. Мы говорим о Юлии Роберте Майере, изгнавшем из науки всевозможные невесомые жидкости (электрические, магнетические и др.) и открывшем закон сохранения силы. Таким образом, Майер закончил одну сторону монистического учения, показав, что, с внешней точки зрения, весь мир есть не что иное, как движение.

Закон постоянства или сохранения силы и закон развития суть два объединяющие принципа, выставленные нашим веком. Правда, первый научный шаг в учении о развитии сделан еще Кантом, именно в его теории происхождения мировых тел. Но лишь Ламарк (1804) последовательно развил идею развития в ее применении к органическому миру, показав, что все разнообразные, ныне существующие организмы произошли из немногих простейших форм путем постепенного изменения последних. Природа производит, говорит Ламарк, через первичное зарождение лишь простейшие организмы, из которых, в силу действия двух факторов — приспособления к измененным условиям жизни и употребления или неупотребления органов — развиваются все более сложные и более совершенные органические формы. Но учение Ламарка было еще недостаточно обработано с фактической стороны, притом же слишком противоречило духу времени, и не было принято. Эпоха эволюционизма началась лишь с Лайеля и Дарвина. Лайель ниспровергнул гипотезы мировых катастроф периодического творчества, доказав, что силы, обусловливавшие геологические изменения, суть те же самые силы, которые и ныне действуют на земле, что природа всегда работала медленно, постепенно и непрерывно, без всяких быстрых и насильственных переворотов; Дарвин же показал, что новые виды происходят путем естественного подбора индивидуумов, наиболее приспособленных к условиям жизни, причем главные факторы развития суть борьба за существование и унаследование особенностей, полезных организму в этой борьбе. Продолжатель дела Дарвина Эрнст Геккель своими смелыми теориями существенно способствовал распространению идеи развития и в значительной степени осветил до тех пор темную область биогенетических фактов. Заслуга Геккеля, главным образом, состоит в том, что он последовательно провел дарвиновскую теорию до самых границ животного царства и показал, что между мирами неорганическим и органическим непереходимой бездны не существует.

Теория развития послужила прочным основанием новейшей монистической философии. Основное положение современного монизма — что движение является внешнею стороною вещей, тогда как их внутренняя сторона есть не что иное, как ощущение, — выставлено Гейгером. Смерть слишком рано похитила этого глубокого мыслителя; дальнейшее развитие монистической идеи было делом Нуаре. Учение Гейгера и Нуаре во всех существенных чертах изложено нами выше. Нам остается только прибавить,

что оба эти исследователя обратили особенное внимание на выяснение развития тех особенностей, которыми человек отличается от животных. Эти особенности — разум и звуковой язык; развитие человеческого сознания и мышления, как показал Гейгер, шло параллельно с развитием языка, и только благодаря языку человек сделался человеком. Изложение теорий Гейгера и Нуаре относительно происхождения языка заняло бы здесь слишком много места, и этому вопросу мы намерены посвятить особую статью. Здесь же достаточно сказать, что наука производит человека от четырeруких приматов, живших на деревьях. Отделение мира человека от мира животных началось с того момента, когда четырерукий примат стал употреблять орудие, сначала, конечно, самое первобытное, напр. дубину, камень вместо молота и т. п. Употребление орудия развило способность держаться в вертикальном положении, так как при работе орудием необходимо прямо и крепко держаться на ногах, имея руки свободными. Совместная деятельность первобытных людей, как показал Нуаре, дала начало языку. Развитие же человеческого разума совершилось в зависимости от развития языка, потому что понятия, способность к образованию которых составляет характеристическую способность человека, создаются голосовою речью. Длинный путь развития отдалил человека от мира животных настолько, что теперь человек, по своей умственной организации, справедливо может быть поставлен в особое царство — царство человека.

IX

В заключение — два слова о теоретическом и практическом значении монистической философии.

Мы видели, что монизм отправляется не от непознаваемой сущности, а от реальных вещей и их свойств, включая в число вещей и нас самих с нашим внутренним свойством — сознанием. Обобщая результаты положительной науки, монизм дает нам объяснения на все явления мира, конечно, в той мере, в какой эти явления вообще объяснимы. Философия, удерживающая за собою реальную почву и не желающая заходить в область произвольной фантазии, не может иметь претензии вместить в себе абсолютное знание; человек, как и всякий индивидуум, представляет собою конечность, из чего ясно, что и познание человеческое должно иметь свои границы.

Область положительной науки ограничивается внешней стороной вещей, миром движения. Мир ощущения непосредственно доступен нам только в нас самих, в нашем самонаблюдении: ощущение других существ понятно нам лишь настолько, насколько мы в состоянии соощущать с ними. Конечно, всякое изменение в ощущении сопровождается изменением в движении, но, изучая движение, мы будем изучать только внешнее проявление ощущения, а не само ощущение.

Цель науки будет достигнута тогда, когда весь мир явится для нас системой механических сил, действия которых мы будем в состоянии выразить математической формулой; это — идеал возможного знания. Однако не трудно видеть, что и тогда мы будем иметь для всех явлений только историческое или генетическое объяснение, т. е. будем знать, откуда получилась та или другая вещь, каким образом она произошла, но никогда не найдем положительного ответа на вопрос — к чему, ради чего существует данная вещь, мы сами, наконец, весь мир. Всякая философия приводит в конце концов к непостижимому; там где кончается область разрешимых вопросов, начинается область религии.

Что касается до этической стороны монизма, то его мораль есть мораль альтруистическая. Нравственное чувство монизм выводит из симпатии. Одушевляя всю природу, монизм учит нас уважать не только наше Я, но и Я всех других существ, по преимуществу же существ наиболее близких к нам (другие люди). Человеку свойственно стремление к высшей индивидуальности. После единичного человека высшие степени индивидуализации суть социальные единицы — общество, нация, человечество. «Поступай так, чтобы твоей деятельностью достигалось возможно большее счастье для твоих ближних, для общества, нации, наконец, для всего человечества», — вот основное нравственное правило, к которому приводит монистическое мировоззрение.

Мир, в котором мы живем, не наилучший из всех возможных миров (как думал Лейбниц), не наихудший (как думал Шопенгауэр), не единственно возможный (как полагал Спиноза); но он дает широкое поле для индивидуальной самодеятельности: в нем всякое существо определяется своей собственной волей. Конечно, в мире много зла и страданий; конечно, индивидуальная жизнь, ограниченная коротким временем, кажется ничтожною по сравнению с вечностью, но жизнь и не должна быть оцениваема по сравнению с вечностью. Именно ограниченность индивидуума и составляет его силу, а в сознании силы, проявляющейся в деятельности, заключается счастье. Индивидуальная жизнь должна цениться с точки зрения настоящего, т. е. из суммы моментов переживаемых, а такая оценка может быть производима только самим живущим существом. Великое утешение — знать, что жизнь, мировая, индивидуальная и общественная, есть развитие; это значит, что будущее обещает быть лучше настоящего. Как мы знаем, борьба за существование есть важный фактор органического развития. Но из этого не следует, что всегда будет продолжаться такой порядок вещей, в котором homo homini lupus. Пока существует человечество (оно не вечно, как не вечна земля и вся наша солнечная система), оно не сойдет с пути развития, а этот путь, все более и более отдаляя людей от животных, приведет, наконец, к иным, истинно человеческим порядкам.

Вступительная глава к книге «Критические и клинические соображения из области обманов чувств»

Печатается по изданию:
Кандинский В. Х. Вступительная глава к книге «Критические и клинические соображения из области обманов чувств» // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. — 1971. — Т. LXXI, вып. 11. — С. 1713–1718

«Когда в наши дни выступаешь с работой о галлюцинациях, то имеется достаточно оснований для того, чтобы подробно объяснить, для чего понадобилось увеличивать эту литературу», — указывает Гаген [1].

Я тоже чувствую необходимость предпослать моей работе небольшое предисловие, в котором мне придется объяснить, почему я не счел за лишнее приложить свои силы к изучению предмета, над которым задолго до меня потрудились такие талантливые и эрудированные исследователи, как Байярже, Кальбаум и Гаген.

Но так ли уж невозможно сказать ничего нового о галлюцинациях, что не было бы обнаружено прежними авторами? Ежегодно литература на эту тему обогащается новыми работами, и сам по себе факт появления этих последних, независимо от их внутренней ценности, доказывает, что потребность в дальнейшем исследовании этой важной темы далеко еще не исчерпана. «То, что учение о галлюцинациях, несмотря на многократную разработку, отнюдь не завершено, в доказательствах не нуждается; но можно пойти дальше и утверждать, что правильное понимание этого столь часто встречающегося болезненного симптома вообще до сих пор отсутствует…» — заявил в 1877 г. Вильгельм Зандер [2]. С тех пор, однако, положение по существу не изменилось, иначе не пришлось бы в 1881 г. Эд. Полю сказать по этому поводу следующее: «С трудом верится, но само понятие галлюцинации, столь частого феномена, в психиатрических работах не всегда уточнено, а чаще остается зыбким и неопределенным» [3].

Итак, оказывается, что при всем изобилии литературы на эту тему смысл даже самого термина «галлюцинация» до сих пор окончательно не установлен. Причины этого понятны, если принимать во внимание многообразие явлений, обозначаемых понятием галлюцинации. Вот почему так необходимо дальнейшее накопление клинических фактов, точное, скрупулезное

наблюдение галлюцинаторных явлений, изучение условий, в которых возникают эти явления, и исследование их взаимосвязи с другими симптомами психического недуга.

Много ли у нас таких наблюдений? Бросим беглый взгляд на совокупность имеющегося казуистического материала и признаемся, что изрядная доля описаний не поднимается над уровнем «анекдотов». Такой материал, конечно, не может служить основанием для сколько-нибудь серьезных выводов о природе галлюцинаторных явлений.

В качестве примера того, что я подразумеваю под «анекдотическими» сообщениями, приведу следующее описание «конкретного случая»: «Некто несчастливый в любви впал в глубокую меланхолию, завладевшую всеми его мыслями; ни о чем более он не в состоянии думать, кроме как о предмете его страсти. Внезапно возникает психическое расстройство, нарушающее все представления пациента: он падает на колени и обращается со страстной мольбой к „явившейся“ ему возлюбленной».

Никакой теоретической ценности такое неопределенное описание не имеет. Непонятно, что это — «психическая» галлюцинация, обман чувств, просто сон или, наконец, яркое чувственное воспоминание? Ответа на эти вопросы описание данного случая не дает. Судя по комментариям автора, он приводит его не как пример «галлюциноидного» состояния, а как образец настоящей галлюцинации (в том смысле, как он понимает этот термин). Поэтому лишь косвенно можно заключить, что речь в данном случае идет о грезоподобном галлюцинаторном феномене, сопровождавшемся помрачением сознания. Приведу еще один образчик этого рода описаний из диссертации Готье де Боваллона [4]: «Жак Клеман имел небесное видение. С неба спустился ангел и повелел ему убить короля Франции и приготовиться к мученической смерти».

Более новые наблюдения, если они и не страдают излишней краткостью и недостатком подробностей, при ближайшем рассмотрении зачастую оказываются недостаточно точными, да к тому же нередко несут отпечаток теоретических пристрастий автора. Я думаю, что не погрешу против истины, сказав, что бесспорный научный интерес покамест представляют лишь три случая, описанных Зандером [5, 6], случай Пика [7] да еще 20–30 наблюдений, включая как прежние, так и более новые, обычно приводимые в учебниках психиатрии. Среди этих учебников исключение составляют лишь «Руководство по душевным болезням» Шюле и «Учебник психиатрии» Арндта, в которых имеется немалый и поучительный собственный вклад авторов в казуистику галлюцинаций [8, 9].

Правда, недостаток точных и подробных клинических описаний в значительной мере связан с естественными, если можно так выразиться, трудностями, с которыми в этой области неизбежно сталкивается наблюдатель. Галлюцинация — явление субъективное и не может быть наблюдаема непо-

средственно, без сотрудничества с больным. Но, как известно, больные не всегда хотят, а чаще просто не могут рассказать о своих переживаниях вследствие недостаточного общего развития, неумения наблюдать за собой, забывчивости и т. п. Даже те из числа выздоровевших, которые могли бы быть полезными в этом отношении, нередко отказываются сообщать подробности своих галлюцинаторных переживаний, стремясь поскорее забыть прошлое либо из чувства ложного стыда (поскольку содержание галлюцинации часто затрагивает интимные стороны внутренней жизни). Определенную роль играет и боязнь оживить в душе пережитые некогда страдания.

«Совершенно очевидно, что добыть точные и достоверные сведения о таких вещах вообще трудно, так как трудно найти для них точные слова… и никогда нельзя быть уверенным, что исследователь правильно понял исследуемого». Эти слова Фехнера относятся к явлениям нормальной психики, но с еще большим правом их можно применить к патологическим явлениям [10].

Неудивительно, что недостаток свежего материала заставляет исследователей обращаться к описаниям старых авторов. Чаще всего при этом ссылаются на случаи Эскироля, а также некоторые примеры из работ Бриер де Буамона. Однако использование старого казуистического материала легко может привести к ошибкам, если не подвергать его строгой критической оценке. Чтобы не быть голословным, приведу первые пришедшие на память примеры. Некоторые новейшие авторы, описывая иллюзии, приводят в качестве иллюстраций наблюдения Эскироля. Между тем отнесение этих случаев к разряду иллюзий в высшей степени сомнительно. Гризингер рассуждает о возможности прерывания зрительных галлюцинаций, когда пациент закрывает глаза, и ссылается на случай, описанный Эскиролем. А на самом деле у больного не было ни галлюцинаций, ни иллюзий. Сам Эскироль квалифицирует этот случай как делирий, помещает его в первую главу своего труда, в параграф, озаглавленный «Симптомы помешательства», и ни словом не упоминает о нем в главах, специально посвященных иллюзиям и галлюцинациям. Пациент, о коем идет речь, видел вокруг себя придворных — совершенно так же, как это было у некоторых наших отнюдь не галлюцинирующих больных, «видевших» во враче бога, государственного деятеля или начальника тайной полиции [11].

Что касается Бриер де Буамона, то этот автор использует наблюдения разной степени достоверности: наряду с надежными, убедительными случаями у него фигурируют и сомнительные, и совершенно неправдоподобные. Приведение подробных цитат заняло бы слишком много места. Наблюдение № 25 вполне могло бы сойти за бред преследования (хронический психоз) со слуховыми и иными галлюцинациями, если бы автор совершенно непроизвольно не обмолвился о «лицах, одинаково видимых днем и ночью», от которых пациент якобы слышал угрозы и брань по своему адресу. Но если он постоянно видел своих преследователей перед глазами, непонятно, зачем

ему понадобилось искать их «за занавеской, в шкафу и под кроватью» [12]. Чуть ли не все авторы, не только французы, но и немцы цитируют наблюдение, приводимое Буамоном под № 1 и в свою очередь заимствованное у Вигана. Наблюдение это совершенно неправдоподобно. Слова больного: «Я принял этого человека в своей душе» вовсе не дают права заключить о наличии галлюцинаций. Вернее всего, речь идет просто об очень ярком воспоминании. Правда, тут же говорится, что больному, художнику по профессии, не нужно было поворачивать голову, чтобы сверить позу своей мнимой модели. Но означает ли это, что имела место истинная галлюцинация? Трудно поверить, чтобы сложные зрительные галлюцинации с заранее заданным конкретным содержанием можно было бы вызвать у себя по собственному желанию, в любой момент, да еще распоряжаться по своему усмотрению галлюцинаторными образами, например, заставлять мнимого человека садиться в реально существующее кресло, принимать разные позы и т. п. Не менее странным кажется утверждение автора, будто больной поведал ему о своих необыкновенных способностях после того, как провел в лечебнице добрых тридцать лет, причем обо всем этом времени, если не считать последних шести месяцев, у пациента не осталось никаких воспоминаний. В каком бы он ни был состоянии, навряд ли по истечении 29 с половиной лет он мог остаться в здравом уме и памяти. Во всяком случае принять за чистую монету все рассказы больного о событиях тридцатилетней давности невозможно. Скорее, нужно представить себе дело таким образом, что художник еще до болезни развил в себе способность вызывать в памяти настолько живые образы, что ему нетрудно было воспроизводить их на полотне; впоследствии же, проболев тридцать лет и впав отчасти в состояние вторичного слабоумия, он вполне мог дать повод Вигану усмотреть наличие галлюцинаций там, где их в действительности не было. Принять на веру все, о чем больной рассказал Вигану, значило бы согласиться и с теми случаями, приводимыми Бриером, которые смело можно отнести «к области предчувствий и духовидения» (Гаген), но уж никак не к галлюцинациям.

О том, что получается, когда одни и те же истории болезни переписывают из книги в книгу, насколько при этом искажаются факты, говорит следующий случай: имя автора, у которого Бриер де Буамон заимствовал историю болезни художника, в работе Готье де Боваллона превратилось в… имя самого больного! Боваллон пишет: «Когда передо мной оказывается модель, говорит художник Виган…» и далее: «Виган видел лишь те части кресла, которые не были закрыты сидящим человеком» [4, стр. 72].

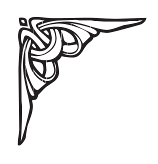
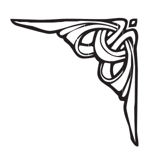
Следует указать, что Бриер вообще не видит разницы между галлюцинацией и фантазией: его определение галлюцинации («восприятие чувственных знаков идеи») таково, что охватывает, очевидно, и галлюцинации в собственном смысле слова, и мои псевдогаллюцинации, и даже обычные воспоминания и образы чувственной фантазии.

«В литературе о галлюцинациях отвлеченных рассуждений гораздо больше, чем конкретных данных», — говорит Зандер [2]. И действительно, контраст между обилием теорий и скудностью точных клинических наблюдений бросается в глаза. «Теориям нет числа, каждый автор предлагает новое толкование, и в конце получается, что сколько авторов, столько и концепций» [13]. Правда, в некоторых случаях расхождения не столь существенны, однако встречаются и полностью противоречащие друг другу теории.

Знакомясь с литературой о галлюцинациях, поскольку эта проблема меня живо интересует, я убедился, что имеющийся казуистический материал нуждается в серьезной проверке. Такая задача мне не по силам. Однако мне представилась возможность накопить достаточное количество собственных наблюдений на основе богатого клинического материала психиатрической больницы св. Николая в Петербурге, а также благодаря некоторым другим обстоятельствам. В частности, я располагаю весьма ценными, на мой взгляд, наблюдениями слуховых галлюцинаций. В своей статье о галлюцинациях слуха я не мог, не рискуя сбить с толку читателя, останавливаться на явлениях, близких к галлюцинациям, но принципиально отличных от них. Этому вопросу будет посвящена настоящая работа. Мне особенно приятно, что я получил, наконец, возможность ответить на вопрос, заданный мне д-ром Шюле: чем объясняется появление так называемых псевдогаллюцинаций и что обусловливает их «объективность» [14]? Интерес, проявленный к этой проблеме д-ром Шюле, одним из моих немецких учителей, послужил толчком для настоящей работы. Предлагая ее взыскательному читателю, я позволю себе заметить, что явления, описанные мной под именем «псевдогаллюцинаций», имеют, как мне кажется, прямое отношение к патогенезу галлюцинаций в собственном смысле слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hagen J.* Allg. Zeitschrift f. Psychiatrie Bd. XXV, 1868, p. 107.
2. *Sander W*. Psychiatr, Centralblatt, 1877, № 8–9, p. 75.
3. Ed. Pohl. Jahrbucher fur Psychiatrie. Wien, 1881, Bd. 111, p. 108, 114.
4. *Gaultier de Beauvallon M*. Essai sur les hallucinations These de Paris, 1883, p. 55.
5. *Sander W*. Archiv f. Psychiatrie u. Nervenkr., 1868–1869, Bd. 1, S. 478.
6. *Sander W*. Psych. Centralblatt, 1876, № 6–7.
7. *Pick A*. Jahrb f. Psychiatrie, 1880, Bd. II, p. 44.
8. *Schule H*. Handbuch der Geisteskrankheiten. Leipzig, 1880.
9. Lehrbuch der Psychiatrie. Wien, 1883.
10. *Fechner G.* Elemente der Psychophysik. Leipzig, 1860, Bd. II, p. 477.
11. *Esquirol I.* Des maladies mentales. Bruxeles, 1838, т. 1. p. 10.
12. *Brierre de Boismont A*. Des hallucinations 3 edit, 1862. B observ., 13, 16, 29, 30.
13. *Ball B*. Lecons sur les maladies mentales. Paris, 1881, p. 110.
14. *Shule H*. Allgem. Zeitschr. fur Psychiatrie Bd. XXXVII, 1880, p. 49.

О ПСЕВДОГАЛЛЮЦИНАЦИЯХ
Критико-клинический этюд

Печатается по изданию:
Кандинский В. Х. О псевдогаллюцинациях. Критико-клинический этюд. — СПб.: Изд. Е. К. Кандинской, 1890. — 164 с.

О ПСЕВДОГАЛЛЮЦИНАЦІЯХЪ

КРИТИКО-КЛИНИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

В. Х. КАНДИНСКАГО.

СТАРШАГО ОРДИНАТОРА С.-ПЕТЕРБ. ГОРОД. БОЛЬНИЦЫ СВ. НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА, ЧЛЕНА ОБЩЕСТВА ПСИХІАТРОВЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, ЧЛЕНА МОСКОВСКАГО МЕДИЦИНСКАГО И МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВЪ.

СЪ ТАБЛИЦЕЮ И ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

(ПРЕМИРОВАНО ОБЩЕСТВОМЪ ПСИХІАТРОВЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Е. К. Кандинской.
1890.

ОТ АВТОРА

Этот клинико-критический этюд по общей психопатологии первоначально появился в печати на немецком языке, как существеннейшая часть первого выпуска моих Kritische und klinische Betrachtungen im Gebiete der Sinnestäuschungen (Berlin, Friedländer & Solin, 1885). В конце 1885 г., последовав совету товарищей, я представил этюд «о псевдогаллюцинациях» на русском языке в Общество психиатров в С.-Петербурге (коего Общества я имею честь быть действительным членом), для соискания объявленной Обществом премии имени врача Филиппова. Выслушав доклад комиссии, рассматривавшей мой труд, Общество психиатров нашло последний достойным премии и вместе с тем определило напечатать эту работу на средства Общества, в виде особого приложения к протоколам. По первоначальному моему плану очерк «О псевдогаллюцинациях» предполагался в качестве члена целого ряда очерков, совокупность которых должна была бы обнять собою все учение об обманах чувств. Теперь я даже не знаю, удастся ли мне привести в исполнение этот план во всем его объеме. Но так как очерк «О псевдогаллюцинациях» сам по себе представляет довольно законченное целое, то, действительно, нет причины, почему бы ему не быть опубликованным в отдельности. Вполне сознавая слабые стороны моего труда, я рассчитываю на то, что читатель примет во внимание трудность самостоятельных исследований в этой психопатологической области, которая составляется фактами, имеющими, главным образом, субъективное значение.

С.-Петербург, апрель, 1886.
Виктор Кандинский

СОДЕРЖАНИЕ

О псевдогаллюцинациях [1]

I

Слово «*псевдогаллюцинация*» впервые употреблено Гагеном (1)[2]. В противоположность настоящим галлюцинациям, под именем псевдогаллюцинаций Гаген соединяет все те болезненные психические состояния, которые не должны быть смешиваемы с обманами чувств, в частности, с галлюцинациями[3].

В таком случае важно установить, что должно быть понимаемо под словом *галлюцинация*. Гаген дает на этот счет следующее определение: галлюцинациями должны быть называемы только те случаи, когда субъективно возникшие чувственные образы (здесь разумеются также музыкальные тоны, слова, ощущения осязания, и проч.), явившись в сознании с характером

[1] Этот этюд есть как бы ответ на вопросы, поставленные мне (Allgem. Zeitschr. für Psychiatr. Bd. XXXVII. Bericht über die psychiatr Literatur im 2-ten Halbjahre 1880. P. 49) д-ром *Шюле*, — как объясняю я так называемые псевдогаллюцинации? откуда получают известного рода восприятия свой характер объективности?

[2] В круглых скобках примечания А. Снежневского к изданию 1952 г. — *Прим. ред.*

[3] *Hagen*. Zur Theorie der Hallucination. Allgem. Zeitschr. für Psychiatr. XXV. P. 14, 21.

объективности, существуют в последнем *вместе и одновременно* с объективными чувственными восприятиями и представляют для сознания значения, с ними *одинаковое*[4]. Это определение исключает из области галлюцинаций многие из тех явлений, в галлюцинаторном характере которых обыкновенно никто не сомневается. Бывают такие болезненные состояния, когда действительные, обусловленные со стороны внешнего мира чувственные ощущения отступают на задний план, так что сознание по преимуществу или даже всецело приковывается к одним лишь субъективно-возникшим чувственным образам и картинам; в этих случаях не может быть и речи об одинаковом значении между галлюцинаторными восприятиями и действительными восприятиями из реального внешнего мира (так как последние здесь почти или вполне отсутствуют). В тяжелых случаях delirii trementis, при melancholia attonita, в экстатических состояниях paranoiae hallucinatoriae, во время сноподобных состояний эпилептического свойства и проч. больные воспринимают объективный внешний мир лишь урывками и притом весьма спутанно и неясно (иногда восприятие внешних впечатлений в этих случаях даже совсем прекращается), и в то же время их сознание бывает поглощено весьма определенными и живыми субъективно возникшими картинами. Как же назвать ту субъективно родившуюся, однако, имеющую для сознания характер *объективности* обстановку, в которой ощущает себя такой больной, почти или вполне отрешившийся от реального внешнего мира? Разумеется, ее можно назвать *галлюцинаторною*[5].

---

[4] L. c., p. 28.

[5] Почти все авторы, описывающие подобного рода болезненные сноподобные состояния, говорят, что сознание больных бывает в это время занято чрезвычайно живыми галлюцинациями. Ср., например, *Griesinger*, Pathol. u. Ther. d. psych. Krankh. 4-te Aufl. § 122; *Krafft-Ebing*, Die Sinnesdelirien. 1864. P. 45, и Lehrb. f. Psychiatr. 1879. II. P. 23; *Schuele*, Handb. d. Geisteskrankh. 1880. P. 484 и 488; *Luys*, Traité des maladies ment. 1881. P. 502; Arndt, Lehrb. d. Psychiatr. 1883. P. 408, и проч. Сам *Гаген* (l. c., p. 4) не отрицает того, что фантазмы delirii trementis, несмотря на существенное содействие фантазии в их создании, суть действительные обманы чувств, а не простая игра воображения. Но, однако, кто не знает, что во многих случаях бреда пьяниц расстройство сознания достигает до весьма высокой степени; тогда реальная обстановка почти совсем перестает существовать для больного, а взамен ее в сознании, приходящем в состояние крайней спутанности, тянется непрерывный ряд быстро сменяющихся одна другою фантазм (в данном случае, эти фантазмы будут галлюцинациями). *В. Зандер* (ст. «Обманы чувств» в Real-Encyclopädie der gesammten Heilkunde, XII, p. 536) придерживается гагеновского определения и потому хочет видеть галлюцинации только там, где отдельные чувственные ощущения, не будучи обусловленными со стороны реального внешнего мира, возникают вместе и одновременно с восприятиями действительных внешних впечатлений. Однако этот автор, как мне кажется, не остается верным гагеновскому определению, говоря о галлюцинациях «в острых и токсических состояниях, более приближающихся к простому бреду», а также в состояниях спутанности (Verwirrtheit), наступающей иногда после тяжелых острых болезней, например, после

Чтобы не предрешать вопроса, всего лучше, как мне кажется, взять такое определение, которое всего менее носило бы на себе печать наших теоретических представлений о происхождении галлюцинаций и которое, вместе с тем, вполне выражало бы сущность дела с симптоматологической его стороны. Казалось бы, всего проще удовольствоваться определением *Эскироля* (2): «Мы должны считать галлюцинантом субъекта, который в силах отрешиться от внутреннего убеждения, что он в данную минуту имеет чувственное ощущение, тогда как на самом деле на его внешние чувства не действует ни один предмет, способный возбудить такого рода ощущение»[6]. Но, во-первых, быть убежденным в том, что имеешь ощущение, и действительно иметь ощущение — не всегда одно и то же; так, человек, никогда не испытавший сенсориальных галлюцинаций, легко принимает за настоящую галлюцинацию так называемую *психическую* галлюцинацию. Во-вторых, стоящее у *Эскироля* слово «ощущение» (sensation) замешивает в определение понятия о галлюцинации вопрос о сущности ощущения и о локализации ощущений в головном мозгу. Кроме того, галлюцинации суть не просто субъективные ощущения[7], но субъективные *восприятия* (Wahrnehmungen). Что касается до *баллевского* сокращения эскиролевского определения в фразу: «галлюцинация есть беспредметное восприятие»[8], то такое сокращение совсем неудачно, потому что в весьма многих случаях беспредметные восприятия (чувственные образы фантазии и псевдогаллюцинации в тесном смысле слова) вовсе не становятся галлюцинациями.

Под именем «*галлюцинация*» я разумею *непосредственно от внешних впечатлений независящее возбуждение центральных чувствующих областей, причем результатом такого возбуждения является чувственный образ, представляющийся в восприемлющем сознании с таким же самым характером объективности и действительности, который при обыкновенных условиях принадлежит лишь чувственным образам, получающимся при непосредственном восприятии реальных впечатлений*[9]. Этим определением

тифа (по моему мнению, во всех этих состояниях сознание, по отношению к восприятию внешних впечатлений, всегда бывает более или менее затемнено).

[6] …«qui alt la conviction intime d'une sensation actuellement percue, alors que nul objet extérieur propre à exciter cette sensation n'est à portée de ses sens» (l. c., I, p. 80).

[7] *Ощущение* есть элементарная и первичная душевная деятельность, результат возбуждения нервов чувствования. *Чувственное восприятие* есть душевная деятельность высшего порядка, которая, беря своим материалом ощущения, строит из них нам познания предметов (Ср. *Ad. Horwicz*. Psycholog. Analysen auf physiol. Grundlage. I. Halle, 1872. P. 332 и след.).

[8] *Ball*. Lecons, 1881. P. 62.

[9] Слово «*объективность*» здесь едва ли может подать повод к каким-либо недоразумениям. Наши извне обусловленные восприятия дают нам в результате знания предметов, которые, таким образом, суть объекты. Наши чувства объективны лишь в той мере, в какой они служат нам средством к познанию внешних объектов. Извест-

обнимаются как те случаи, где галлюцинаторные образы возникают вместе и современно с действительными чувственными восприятиями, так и те, в которых ряд галлюцинаторных образов, возникших вследствие самопроизвольного возбуждения центральных чувствующих областей, заменяет собою в воспринимающем сознании реальный внешний мир, так что воздействия последнего на органы чувств в этих случаях до сознания не доходят. Но как в тех, так и в других случаях субъективные возбуждения центральных чувственных сфер должны удовлетворять одному существенному условию, должны иметь для восприемлющего сознания *такое же значение*, каким при нормальных условиях обладают лишь действительные, объективно-обусловленные чувственные восприятия.

Лудвиг Мейер (3) в своем известном беглом очерке характера галлюцинаций у душевнобольных[10] высказал мнение, что в большей части случаев душевного расстройства (в особенности же при delirium tremens и при истерических психических страданиях) мы вовсе не имеем дела с болезненными субъективными *ощущениями*; поэтому он предлагает совершенно оставить в обозначении этих состояний названия «обманы чувств», «галлюцинации» и «иллюзии», а говорить лишь о «фантазмах» в отличие от субъективных чувственных ощущений. По мнению *Мейера*, «мнимые» галлюцинации и иллюзии душевнобольных развиваются из ложных идей и суть не что иное, как продукт деятельности фантазии, результат потребности больных метаморфозировать свою обстановку так, чтобы она была приведена в согласие с их возбужденной фантазией[11]. Как ни далек от истины взгляд *Л. Мейера* на галлюцинации, этому автору бесспорно принадлежит та заслуга, что он первый обратил внимание на случаи, где больные, мотивируя свои ложные идеи и нелепые поступки, ссылаются на нечто, ими пережитое, причем, однако, оказывается, что они пережили это нечто собственно лишь деятельностью своего представления, но никак не деятельностью своих чувств. Именно для таких случаев *Гаген* в 1868 году предложил название — *псевдогаллюцинации*. Из дальнейшего моего изложения

но, что отдельные чувства в этом отношении неодинаковы; зрение, слух и осязание (в особенности же первое) называются чувствами объективными по преимуществу.

[10] *L. Meyer*. Ueber den Charakter der Halluzinationen in Geisteskrankheiten. Centralblatt für die medic. Wissenschaften. 1865. P. 673–675.

[11] Так, *Мейер* вовсе не говорит об обманах воспоминания или *гагеновских* псевдогаллюцинациях (он даже вовсе не употреблял это слово), но отличает только галлюцинации, которые он принимает за фантастические представления (фантазмы), от субъективных чувственных восприятий (Ср. при этом *Schuele*, Handb. der Geisteskrankh. 2. Aufl. 1880. P. 119). «В связи с воззрением *Розе* (который наблюдал действие сантонина на чувство зрения), Мейер обозначает явление, обыкновенно называемые галлюцинациями и иллюзиями, без крайней необходимости, словом, до сих пор употреблявшимся в другом условном значении» (*Koeppe*. Gehörsstörungen und Psychosen. Allgem. Zeitschr. für Psychiatrie. Bd. XXIV. P. 14).

будет видно, что я придаю слову «псевдогаллюцинация» еще более широкий смысл, именно прилагаю этот термин также и к тем случаям, когда больные переживают нечто деятельностью своих центральных *чувственных* областей, но когда, однако же, это нечто не есть настоящая галлюцинация, именно потому, что субъективные чувственные образы здесь не имеют того характера объективности, который всегда присущ образам собственно галлюцинаторным; в таких случаях субъективно возникший чувственный образ, разумеется, будет резко отличаться в восприемлющем сознании от действительных чувственных ощущений и восприятий.

Нет никакого сомнения, что на практике нередко бывают смешиваемы обманы чувств с обманами суждения, галлюцинации с псевдогаллюцинациями, тогда как теоретически эти субъективные явления весьма отличны друг от друга. Если больной, видя другого человека в первый раз в жизни, принимает его за своего старого знакомого, несмотря на то, что между тем и другим нет ни малейшего сходства, то из одного этого еще нельзя заключить, что мы имеем в данном случае пример иллюзии зрения; точно также, если больной обнаруживает глубочайшее убеждение в своем непосредственном общении с Богом, то из этого еще не следует, что такой больной галлюцинирует слухом, и тем менее — слухом и зрением одновременно. Однако можно в широком объеме признавать факт существования псевдогаллюцинаторных явлений и все-таки же многое иметь сказать *против* того критерия, посредством которого *Л. Мейер* и *Гаген* решали, имелись ли в данном конкретном случае субъективные чувственные ощущения или же дело ограничивалось игрой фантазии больного. Так, *Гаген*, очевидно, простирает свой скептицизм чересчур далеко, сомневаясь в существовании настоящих галлюцинаций слуха в тех, вовсе не редких в практике, случаях, когда больным «слышатся целые фразы или даже целые разговоры» [12]. Не имея здесь места ссылаться на свои собственные наблюдения относительно слуховых галлюцинаций, я укажу лишь на случай *Зандера* (4), где по рассказу выздоровевшего больного всякий должен убедиться, что при настоящих галлюцинациях слуха больной может вести длинные и связные разговоры и притом одновременно с несколькими невидимыми собеседниками [13]. *Лудвиг Мейер* указывает, что некоторые больные говорят о своих галлюцинациях слишком в общих, малоопределенных выражениях, напр.: «они чувствуют, они видели или слышали, что их преследуют, их поносят», и т. д.; даже в тех случаях, когда удается добиться от больных более подробного сообщения, их способ

[12] *Hagen*, l. c., p. 27.

[13] *W. Sander*. Ein Fall von Delirium potatorum. Psychiatr. Centralbl., 1877. P. 127–129. *Бриерр* совершенно верно сказал: «Встречаются галлюцинанты, ведущие разговоры последовательно с тремя, четырьмя и даже до двенадцати или пятнадцати, невидимыми собеседниками, причем больными явственно различаются различные голоса последних» (Des hallucinations. 3-me édit. 1862. P. 583).

выражения всегда будто бы остается неуверенным и неопределенным, совсем не таким как тогда, когда рассказ касается действительных чувственных впечатлений[14]. Но, мне кажется, если руководствоваться только *этим* критерием, то легко впасть в ошибку и просмотреть галлюцинации там, где их в действительности достаточно. Так и случилось с самим *Л. Мейером*, который единственно из того обстоятельства, что при delirium tremens произведению фантазм существенно способствует воображение больного, дополняющее и изменяющее как субъективные, так и действительные чувственные ощущения его, заключил, что эти фантазмы не суть обманы чувств. Следует заметить, что далеко не всякий больной *хочет* и еще более не всякий *может* достаточно подробно и точно описать врачу свои ощущения. Слуховые галлюцинации у душевнобольных часто бывают подавляюще множественны и притом идут непрерывным рядом (по содержанию своему они далеко не столь однообразны, как полагал *Кальбаум*[15]). Ссылаясь пока только на немногие точно описанные случаи[16], я утверждаю следующее: в одну бессонную ночь больной может испытать такую массу бесспорных галлюцинаций, т. е. переслушать галлюцинаторно такое множество слов и фраз меняющегося содержания, что наутро ему становится положительно невозможным точно пересказать все, им переслушанное. К тому же содержание слышанного часто затрагивает самые интимные интересы и тайные побуждения больного, так что уже по одному этому обстоятельству подробное пересказывание, дословная передача для больных в большинстве случаев бывают неудобными. Всякому практику известно, что параноики часто говорят о своих галлюцинациях крайне неохотно и во многих случаях даже прямо стараются скрыть их от врачей, например, с целью диссимуляции. Можно быть галлюцинантом и при этом не только не терять способности стыдиться, но даже иметь весьма тонкое чувство такта и приличия; поэтому трудно ожидать, что, например, целомудренная больная, девушка из высшего сословия, выгребет врачу все те скабрезности, которых она наслушалась от своих невидимых преследователей. Но если даже больной и желал бы быть с врачом вполне откровенным, то он большей частью бывает поставлен в необходимость давать врачу, так сказать, лишь суммарный отчет, причем *содержание* сообщения здесь, разумеется, будет значительно перевешивать *форму* сообщения[17]. Больной, если только он в самом деле галлюцинирует слухом, отлично знает, что именно говорят ему в данную минуту «голоса», честят ли они его эпитетами «плут», «вор» или как-нибудь иначе;

---

[14] *L. Meyer*, l. c., p. 674.

[15] *Kahlbaum*, l. c., p. 28–30.

[16] См. вышеупомянутый случай *Зандера* (Psychiatr. Centralbl. 1877, p. 75); *Parant*, Un cas d'hallucinations volontaires psycho-sensorielles. Annales medico-psychol. 1882. Mai. P. 375; *Kelp*, Gesichts. und Gehörshallucination als seltene Form. Allgem. Zeitschr. für Psychiatrie. 1883. Bd. XXXIV. P. 834.

[17] Ср.: L. Meyer, l. c., p. 674.

но так как он может в течение одной ночи множество раз услыхать и «вор», и «плут», и всякие другие бранные слова, то на следующий день он, естественно, может придти в затруднение насчет того, что именно из слышанного должно ему передать врачу; передать же все полностью — физически невозможно, ибо трудно все галлюцинаторно-слышимое в точности запомнить, да и не от всякого врача больной имеет право ожидать такого терпения, чтобы все это прослушать. Самый простой исход из такого затруднения будет тот, что больной сообщит об испытанном им в общих, суммарных выражениях, например, скажет лишь, что его ругали, и только при настоятельной просьбе врача привести те слова, которыми его бранили, припомнит, может быть, что его, между прочим, называли «вором» и «плутом». Вообще, от больных *во время их болезни* довольно трудно получать клинический материал по части галлюцинаций. Напротив, мои *выздоровевшие* пациенты иногда оказывали мне в этом отношении большие услуги, причем обнаруживалось, что они достаточно помнят испытанное ими за время болезни, и притом большею частью очень резко различают настоящие галлюцинации от различного рода псевдогаллюцинаторных явлений. По странной случайности, наиболее ценная часть моего казуистического материала по части псевдогаллюцинаций и слуховых галлюцинаций получена мной от тех из моих выздоровевших пациентов, которые во время своей болезни были особенно сдержанными в своих сообщениях, особенно скрытными.

Итак, неопределенность сообщений больных с точки зрения дифференциальной диагностики есть критерий весьма малонадежный. С одной стороны, бывают, как мы увидим впоследствии, вполне конкретные псевдогаллюцинации, с другой стороны, больные, несомненно и резко галлюцинирующие слухом, нередко оказываются в своих сообщениях весьма уклончивыми.

Еще Бэлларже (в 1844 году) писал [18] о «чисто интеллектуальных восприятиях, которые больными часто бывают ошибочно смешиваемы с чувственными восприятиями» (l. c., p. 471). «Необходимо признать, — говорит этот автор, — что существует два рода галлюцинаций: полные галлюцинации производятся двумя моментами, они суть результат совместной деятельности воображения и органов чувств: это — *психосенсориальные* галлюцинации; другого рода галлюцинации происходят единственно от непроизвольной деятельности памяти и воображения и являются совершенно независимыми от органов чувств; это — неполные или *психические* галлюцинации, в них вовсе нет сенсориального элемента» (l. c., p. 369). «Психические галлюцинации, по-видимому, исключительно относятся к области слуха», но в сущности «они не имеют никакого отношения к сенсориальным аппаратам». «Больные здесь не испытывают ничего похожего на слуховые ощущения»,

[18] *Baillarger*. Des hallucinations, etc.; mémoire, couronné par l'Académie en 1844. Mémoires de l'académie royale de médecine. Tome XII.

но они уверяют, что они беззвучно слышат (иногда с очень больших расстояний), посредством индукции, мысль других лиц, что они могут вести со своими невидимыми собеседниками интеллектуальные разговоры, вступать своей душой в общение с душами этих лиц, слышать идеальные, таинственные или внутренние голоса и т. п.[19] К психическим галлюцинациям *Бэлларже* причисляет также и те случаи, когда больные слышат голоса, исходящие из их головы, из области эпигастральной или прекардиальной[20].

Мишá (5) называет психические галлюцинации *Бэлларже ложными* галлюцинациями (hallucinations fausses). «Допускать галлюцинации, лишенные даже тени объективности, — замечает этот автор, — говорить о беззвучных словах, о бесформенных и бесцветных образах, значит ниспровергать все психологические формы; галлюцинация *всегда и необходимо* есть явление конкретное, содержание ее всегда есть подобие внешнего объекта, подобие материальной действительности»[21]. Точно так же *Гаген*, разумеющий под именем галлюцинаций частный случай собственно обманов *чувств*, не допускает существования чисто психических галлюцинаций[22]. Впоследствии мы увидим, что «психические галлюцинации» *Бэлларже* суть лишь одна из частных форм псевдогаллюцинаций в тесном смысле этого слова, или скорее они суть не что иное, как просто ложные идеи, последовательно развившиеся как результат сознательного или бессознательного умозаключения из факта существования навязчивых или насильственных представлений.

Прежде чем я перейду к своим примерам для тех болезненных явлений, которым, по моему мнению, всего более приличествует название «*псевдогаллюцинаций в собственном смысле слова*», я должен подробнее остановиться на *гагеновских псевдогаллюцинациях*, так как этот автор, более чем кто-либо другой, старался устранить практическое смешивание галлюцинаций с явлениями, в сущности, не принадлежащими к галлюцинациям.

II

Под именем *псевдогаллюцинаций Гаген* разумеет те случаи, когда больные в своих рассказах подставляют ими измышленное на место пережитого в действительности (l. c., p. 4). В частности, здесь возможны разные случаи.

---

[19] Ibid, p. 368, 384, 389, 390, 397, 400.

[20] Ibid, p. 405. Впрочем, часть этих случаев *Бэлларже*, по-видимому, склонен сводить к невольному чревовещательству, на основании того наблюдения, что одна больная сама непроизвольно производила в своей гортани и в своей груди звуки, но приписывала эти звуки своим невидимым преследователям.

[21] *Michéa*. Du délire des sensations. Paris, 1846. P. 102.

[22] *Hagen*, l. c., p. 28.

1. Часто говорят о галлюцинациях там, где в действительности нет ничего, кроме *простого бреда*. К этой категории Гаген относит случаи болезненно усиленной деятельности фантазии, когда больные создают себе фантастический мир и постоянно им бывают заняты, ничуть не будучи, однако, убеждены в его реальности. Ни мало не смешивая действительность со своими фантазиями, больные здесь просто играют самими ими избранные роли, но, вследствие своего возбужденного состояния, они актерствуют с громадной энергией и с чрезвычайным увлечением. От этого при беглом взгляде на них кажется, что они воспринимают свою фантастическую обстановку чувственно, тогда как более внимательное наблюдение всегда показывает ошибочность такого предположения. При этом больные, живо жестикулируя, ходят взад и вперед по своей комнате, по залам или коридорам и громко ведут (большей частью ругательные) разговоры с фиктивными, живо ими в воображении представляемыми лицами, так что со стороны все это имеет такой вид, как будто они в самом деле видят перед собою эти лица или слышат их голоса». Это — просто *живой образный бред, ошибочно иногда принимаемый врачами за галлюцинирование*.

Для иллюстрации сказанного привожу примеры из собственной практики.

Алекс. Введенский[23], бывший псаломщик в одной из наших заграничных посольских церквей, уже много лет как впал во вторичное слабоумие (*dementia secundaria*) и настоящих галлюцинаций давно уже не имеет. Он проводит свое время или молча, лежа на кровати, или расхаживает по коридору, причем с энергическими жестикуляциями ведет живые беседы сам с собою. Когда я прихожу в отделение, он нередко с радостным видом выходит ко мне навстречу и с большим одушевлением, хотя весьма несвязно, начинает рассказывать разные небылицы, иллюстрируя рассказываемое энергическими жестами и телодвижениями. Вот образчик наших разговоров: «Можете себе представить!.. Вы не поверите, пожалуй… Пятерых, пятерых сегодня поборол!!.. — Кого же это? — Их!!.. пятеро на меня напали, можете себе представить, пятеро на одного… и я один с ними со всеми справился!.. (при этом изображает передо мною пантомимически, что борется с противниками и отбивается от них). — Вы подрались с кем-нибудь из больных? — Ну, вот!.. из больных… Вы не понимаете… Я вам говорю про великанов… пятеро большущих великанов!.. Представьте — нападают!.. Я им всем головы разбил… одного хватил вот так (наносит по воздуху удары), другого — так!.. их как не бывало!!» По ближайшему исследованию оказывалось, что он ни с кем не дрался, даже ни с кем не разговаривал, а лежал на кровати и молча фантазировал, именно представлял себе, что

[23] Все фамилии больных у меня изменены против действительных. Упомяну также, что бо́льшая часть наблюдений, приводимых в этом очерке, относятся к 1882 году, остальные — к 1883–1884 годам.

борется с пятерыми гигантами. Прихожу в воскресенье, после обедни; он, по обыкновению, является со своими рассказами: «Был сегодня у обедни… пел на клиросе… ах, если бы вы слышали!.. Боже мой, как я пел!.. голос у меня… Особенно ловко вышло у меня вот это: „Животворящей Троице трисвятую…“» Можно было думать, что надзиратель отделения, не спрося разрешения у ординатора, пустил этого больного в церковь. Однако по расследованию дела оказывалось, что Введенского никто и не думал отпускать в церковь, и что все время обедни он молча лежал в постели. Очевидно, он, когда другие больные отправились в церковь, стал воображать себе, что он не только стоит обедню, но и поет на клиросе (вспомнил свою прежнюю профессию). Иногда он и сам признавался, что рассказывает выдумки: «ну, ну… Вы думаете, что это и в самом деле… нет, это я так…»

Девица *Марья Сокова*, 33 лет, бывшая учительница (умерла от туберкулеза легких), имела постоянные галлюцинации слуха и осязания и, кроме того, эпизодические галлюцинации зрения. Но рассказывая о своих обманах чувств, она иногда вводила в рассказ просто свои фантазии, например: «я видела демона; он простирал свои громадные черные крылья над… над всем Петербургом… нет, даже над всем миром…» Понятно, что не только *весь мир*, но даже и *весь* Петербург увидать сразу, в *одной* галлюцинаторной зрительной картине, невозможно. (Прибавлю, что в сноподобные галлюцинаторные состояния эта больная никогда не впадала и что ее эпизодические зрительные галлюцинации всегда бывали случайно, сравнительно элементарного содержания; напротив, у этой больной было много явлений, в тесном смысле слова, псевдогаллюцинаторных.)

Сценическая экзальтация кататоников, их актерничание, часто носящее на себе трагичный характер, их постоянная декламация, сопровождаемая живой жестикуляцией, могут иной раз ввести в ошибку и заставить подозревать галлюцинации там, где их в действительности нет и где, в сущности, имеет место лишь «ломание комедии», наполовину произвольное, наполовину невольное. Наклонность давать драматические представления остается у этого рода больных иногда и в периоде последовательного слабоумия, когда настоящие галлюцинации уже давно прекратились и прежней экзальтации нет и следа.

Отставной капитан армии, *Павел Шишин*, 56 лет, болен уже более двадцати лет (*paranoia katatonica*) и давно уже перешел в разряд слабоумных. Настоящих галлюцинаций у него теперь подозревать нет ни малейшего основания. Обыкновенно он ни с кем не разговаривает, на обращаемые к нему вопросы отвечает крайне редко и на окружающих его лиц обращает внимания только тогда, когда ему нужно попросить у них папиросу или огня (причем оказывается, что он отлично может объяснить, что ему требуется). Большую часть своего времени он молча проводит в постели, занятый своими фантазиями, что видно по его весьма живой мимике, которая,

впрочем, часто переходит в бессмысленное гримасничанье. Определенных ложных идей он никогда теперь не высказывает. По временам он расхаживает по отделению совершенно нагой, принимает неестественные позы или производит странные телодвижения. Иногда он прерывает свое молчание и дает маленькие представления. Например, вообразив себя во главе своей роты, марширует по коридору, выкрикивает команду, обращается к первому попавшемуся ему навстречу лицу с рапортом, как к своему ближайшему начальнику, сделав рукою «под козырек», и т. д. В другой раз он накидывает на себя одеяло так, чтобы вышло подобие священнической ризы, и начинает распевать разные тропари, очевидно, желая представить собой священника, отправляющего служения. Иногда он прерывает свое молчаливое гримасничанье дикими, неестественными криками, по-видимому, симулируя ужас, негодование и ярость, и в ту же самую минуту, как ни в чем не бывало, спокойно и даже с приятной улыбкой обращается к окружающим: «будьте столь добры, пожалуйте папиросочку»[24].

Также больные, страдающие общим прогрессивным параличом, нередко высказывают свои представления о различных занимающих их событиях с такой образностью и живостью, как будто эти события действительно ими пережиты. Но при сколько-нибудь внимательном наблюдении не трудно при этом убедиться, что эти больные не испытали соответствующих их рассказам чувственных ощущений, что здесь имеет место просто лишь игра воображения. Если такой больной рассказывает, что он ночью виделся со своею женою, или что в комнату его приходило множество красавиц, то из этого еще не следует заключать, что он галлюцинирует зрением; возможно, что он говорит об этих мнимых фактах, мотивирующих его возвышенное самочувствие, совершенно так, как он в другое время хвастается своим непомерным богатством или своим высоким саном. Переспросом можно довести такого больного до того, что он начнет всячески доказывать врачу истинность своего сообщения и будет, например, утверждать, что он воочию видел вышеупомянутых красавиц. Другие больные рассказывают о пожарах и тому подобных несчастных случаях с таким убеждением, как будто они в самом деле присутствовали на месте происшествия, однако и у них, как оказывается при ближайшем рассмотрении, дело идет большей частью лишь о представлениях, а не о действительных чувственных впечатлениях[25]. В некоторых из этих случаев мы, несомненно, имеем явления, нижеописываемые под названием псевдогаллюцинаций sensu strictiori.

---

[24] Такого рода преходящие состояния некоторых душевнобольных, как верно замечает *Эммингаус* (6), живо напоминают детские игры. Приводимый этим автором (Allgemeine Psychopathologie. Leipzig, 1878. P. 139) пример из собственных наблюдений весьма характеристичен.

[25] *W. Sander*. Sinnestäuschungen. Eulenburg's Real-Encyclopädie d gesammt. Heilk. XII (1882). P. 536.

Бывает, что больные в своих сообщениях врачу неумышленно преувеличивают ими субъективно пережитое, например, пользуясь слишком вычурными или аллегорическими выражениями, и тем придают (в своем рассказе) характер галлюцинаций таким субъективным фактам, которые с настоящими обманами чувств не имеют ничего общего. В других же случаях они сознательно и умышленно присочиняют, руководимые побуждением придать себе больше интереса в глазах врача; последний мотив, как известно, весьма силен у многих женщин, в особенности у истеричек.

Один больной, вообще чрезвычайно охотно говоривший о своей болезни и, так сказать, рисовавшийся ею, признался мне однажды в следующем: упершись глазами в стену, он многократно усиливался вообразить себе, что смотрит в «адову бездну»; причем видит восходящих и нисходящих в ней дьяволов (*Гаген*).

Одна больная, молодая жена священника (истерия на почве прирожденного слабоумия), несколько лет находится в нашей больнице, только в силу того, что ее *insanitas moralis* делает ее совершенно невозможной в домашней жизни. Галлюцинациями она никогда не страдала. В обращении с врачами постоянно выказывает значительное кокетство и когда ее расспрашивают об ее ощущениях, то она нередко тут же, на месте, измышляет нечто, похожее на галлюцинации, например: «Вчера мне представилось, что я обратилась в ангела; за спиною у меня выросли длинные крылья и я далеко, далеко полетела на них». (Мимоходом замечу, что *комплексные* галлюцинации вне состояний помраченного сознания, т. е. без более или менее полного прекращения восприятия из внешнего мира вообще очень редки.)

В больнице Sainte-Anne (в Париже), в отделении д-ра Бушеро, мы видели недавно молодую женщину, в высокой степени страдающую психическими галлюцинациями *Бэлларже*. Эта больная высказывала испытываемое ею часто в самом возвышенном стиле; так, например, для чувства зрения: «Лучи света,— говорит она,— суть для меня слова,— они приносят мне мысли»; для чувства обоняния: «благоухание фиалок проскальзывает в мой корсаж и достигает до моей души» (*Балль* (7)). В этом случае, по мнению проф. *Балля*, представляется нечто большее, чем чисто психические галлюцинации, так как в субъективных восприятиях больной здесь как будто есть некоторый (весьма, впрочем, неопределенный) намек на элемент сенсориальный [26]. На мой взгляд, этот случай может служить примером, в каких вычурных, метафорических выражениях больные иногда выражают свои мысли и фантазии.

К описываемой категории псевдогаллюцинаций Гаген относит также приводимую у *Бриерра-де-Буамана* историю живописца Блэка (l. c., p. 89, observ. 29), который, по-видимому, лишь делал вид, для придания пущего

---

[26] *Ball*. Lecons sur les maladies mentales. 2-me édit. Paris. I. 1881. P. 88.

интереса своей особе, что он обладает способностью произвольного галлюцинаторного видения. Сюда же, по мнению *Гагена*, принадлежат многие видения мистиков, будто бы получавших откровения свыше, или же находившихся под дьявольским наваждением. Но, по моему мнению, «откровения» и «видения» мистиков, если они не относятся к настоящим галлюцинациям (например, при состоянии экстаза), скорее принадлежат к ниже описываемым мной собственным псевдогаллюцинациям, так как они обыкновенно носят на себе живочувственный характер и по содержанию бывают весьма определенными (гагеновские псевдогаллюцинации этих признаков не имеют).

2. Большая часть псевдогаллюцинаторных явлений принадлежит, по *Гагену*, к обманам воспоминания. Вспомнив представление, когда-то возникшее в его мозге как продукт фантазии, больной принимает такое представление за воспоминание действительного объективного восприятия, имевшего место в более или менее отдаленном прошедшем [27]. Но здесь я принужден разойтись с проф. *Гагеном*, который относит в эту категорию «мнимых» галлюцинаций болезненные состояния, подобные сновидению, но по сущности своей носящие на себе положительно галлюцинаторный характер. По чисто теоретическим мотивам, проф. *Гаген* называет галлюцинациями только те состояния, при которых, продолжая воспринимать действительный внешний мир, сознание вместе с тем восприемлет отдельные образы, к реальному миру не принадлежащие; оттого-то этот автор отчисляет к псевдогаллюцинациям (l. c., p. 17–19) все те случаи, когда больной перестает воспринимать действительный мир, со всей деятельностью своего представления переносится в мир, созданный фантазией. Что касается до меня, то я не вижу ни малейшего основания не называть подобного рода болезненные состояния галлюцинациями, если только этот призрачный мир, в который отрешается больной, становится для сознания последнего такой же чувственной действительностью, какой представляется для нас нормально воспринимаемый нами реальный мир [28]. Если не от-

---

[27] *Hagen*, l. c., p. 17.

[28] Сам *Гаген* приводит в своей работе весьма характерный случай галлюцинации, подобной сновидению, рассказанный *Клемансом*: «Однажды я вырезывал занозу из пальца у одной очень чувствительной дамы. Оставаясь с открытыми глазами, она (без того, чтобы я мог заметить какое-нибудь изменение в пульсе или в температуре ее тела) вдруг впала в состояние, подобное сновидению, именно перенеслась сознанием на прелестный луг к берегу ручья и занялась там собиранием цветов с целью преподнесения их своим друзьям. Это состояние длилось только то короткое время, которое потребовала вышеупомянутая ничтожная операция, и прекратилось само собой, без всякого лекарственного пособия» (Hagen, l. c., p. 17). Конечно, такое состояние может быть названо «состоянием восхищенности», «внезапным травматическим экстазом», но почему же не назвать его и галлюцинацией? Ведь субъективно возникшая обстановка (луг, ручей, цветы и проч.) имела для вышеупомянутой дамы в ту

носить к галлюцинациям те случаи, где субъективно возникшие образы и картины, приобретя характер объективности, вполне или частью заменяют собой, в сознании больного, восприятия из действительного мира, — то область обманов чувств подвергнется крайнему ограничению и галлюцинации сделаются явлением сравнительно редким.

Субъективные возбуждения сенсориальных областей головного мозга, при более или менее значительном ослаблении восприятия реальных чувственных впечатлений, играют, как известно, первую роль в весьма многих психопатологических состояниях, например, при меланхолии и при первично-галлюцинаторном сумасшествии (stupeur hallucinatoire) при delirium tremens и delirium acutum, при различного рода состояниях помраченного сознания (при delirium febrile, при отравлении наркотическими веществами, в особенности же при эпилепсии и при экстазе). Если не применять здесь слово «галлюцинации», то придется изобрести какое-нибудь другое обозначение, например, «галлюциноиды» или что-нибудь другое в этом же роде. Псевдогаллюцинаторными же эти состояния никоим образом не могут быть названы ни в моем смысле, ни в гагеновском, ибо, с одной стороны, в них нет ничего общего с обманами воспоминания, а с другой стороны, собственно псевдогаллюцинаторные образы характером объективности не обладают; получив же, в сознании больного, характер объективности (в последней главе будет объяснено, что это происходит именно в силу прекращения восприятий из реального внешнего мира), псевдогаллюцинации уже перестают быть таковыми и превращаются в настоящие галлюцинации.

минуту совершенно такое же значение (т. е. представила такой же характер объективности), как всякая реальная обстановка. Очевидно, лишь под влиянием предвзятого теоретического воззрения *Гаген* причисляет к псевдогаллюцинациям (т. е. к случаям, где принимается за пережитое в действительности то, что было пережито лишь в фантазии) следующий случай, в котором мы имеем уже не состояние, подобное сновидению, а просто эпизодическую галлюцинацию слуха: «Некто, испытавший кораблекрушение, рассказывал следующее: „Уже в продолжение четырех часов я одиноко носился по волнам; ни один человеческий звук не мог коснуться моего слуха; вдруг я услыхал произнесенный голосом моей матери вопрос: «Джонни, это ты съел виноград, приготовленный для твоей сестры?» За тридцать лет до этого момента, будучи тогда одиннадцатилетним мальчишкой, я съел тайком пару виноградных кистей, назначенных матерью для моей больной сестры… И вот, на краю погибели, я внезапно услыхал голос моей матери и тот самый вопрос, который был обращен ею ко мне за тридцать лет перед тем; а между тем, в последние двадцать лет моей жизни, как я положительно могу утверждать, мне ни единого раза не приходилось вспомнить о моей только что упомянутой ребяческой проделке“» (l. c., p. 18). В этом примере можно видеть не галлюцинацию, а обман воспоминания (причем пригрезившееся в состоянии, подобном сновидению, было после принято за испытанное наяву) только при том условии, если, наперекор клиническим наблюдениям, вперед задаться идеей, что слуховые галлюцинации вне состояний, подобных сновидению, вообще невозможны.

Как бы то ни было, обманы воспоминания у душевнобольных — вообще явление нередкое. Один из видов обманов воспоминания представляется нам в тех случаях, «когда больные говорят о живо виденном ими в сновидении как о событиях, совершившихся в действительности» (*Гаген*). Но здесь мы встречаемся с большим практическим затруднением, именно, с трудностью отличать сновидения больных от кортикальных галлюцинаций.

Сновидение в сущности есть не что иное, как кортикальная галлюцинация в нормальной жизни[29]. Болезненные галлюцинации известного рода тоже имеют кортикальное происхождение. В обоих этих случаях условия происхождения галлюцинаторного состояния одинаковы: *и тут и там требуется более или менее полное прекращение восприятий из действительного мира*. Можно сказать, что патологическая кортикальная галлюцинация есть не что иное, как патологическое сновидение при условиях, аномальных по преимуществу.

Для самого больного патологическая кортикальная галлюцинация может отличаться от обыкновенного сновидения только следующим. В первом случае больной может быть убежден, что он не спал, имел глаза открытыми и сознавал, что он находится в известной комнате, сидя, например, в кресле или лежа на кровати; во втором случае человек почти всегда теряет сознание своей реальной обстановки, так что, лежа в комнате на кровати, он не сознает этого, а считает себя, например, стоящим на коленях в церкви или восходящим на альпийские ледники. Но так как только что приведенный единственный отличительный момент абсолютного значения не имеет, то во многих конкретных случаях различительное распознавание этих двух состояний становится весьма затруднительным, почти даже невозможным. Сновидением или галлюцинацией было испытанное той дамой, которой *Клеманс* вынимал занозу? Скажем, пожалуй, сновидением; но сновидение, приключившееся внезапно, при открытых глазах, при обстоятельствах исключительных, притом таких, которые уже сами по себе исключают обыкновенный сон (ранение пальца, сопровождавшееся, по всей вероятности, первоначально болью), может быть охарактеризовано мной так: «патологическое сновидение при условиях аномальных по преимуществу»; другими словами, это и будет галлюцинацией, если субъективно пережитое имело в тот момент в восприемлющем сознании характер объективной действительности.

Поэтому, когда больные рассказывают, «что они побывали в продолжение ночи там-то и там, что они видели небо со всеми ангелами его» (*Гаген*), то я считаю одинаково возможным, что больной имел очень живое снови-

[29] Строго говоря, сновидения есть всегда факт ненормальный: в самом деле — a) всякое сновидение есть обман (сознание обманывается здесь, относясь к продукту фантазии, как к действительности) и b) при действительно нормальном (идеальном) сне нет места сновидениям.

дение, и что он имел настоящую (кортикальную) галлюцинацию, разумеется, в последнем случае предполагая сознание больного, по отношению к восприятию впечатлений из внешнего мира, находившимся в достаточной степени затмения. Трудность различения этих двух состояний, между которыми, на мой взгляд, резких границ действительно не существует, увеличивается еще тем, что содержание чувственных образов в том и другом случае может быть одинаковым и в равной мере может иметь тесное отношение к представлениям, по преимуществу занимающим больного в данное время (respective, к ложным идеям больного). Положиться на уверения больного, что в ту минуту он не спал, а просто лежал на кровати, тоже не всегда можно. Больной может заснуть до известной степени (едва ли кто будет отрицать, что существуют разные степени сна), затем, проснувшись, не сознавать, что за минуту перед тем он спал; тогда сновидение покажется видением, испытанным наяву. Сон душевнобольных часто весьма отличается от сна здоровых, представляя нечто среднее между нормальным сном и полным бодрствованием, причем в одних случаях он ближе к одному из этих состояний, в других — к другому[30]. Даже давнишние больные, у которых из всех симптомов психической болезни на первом плане остались одни лишь галлюцинации слуха, весьма часто спят сном настолько неполным, что продолжают галлюцинировать слухом совершенно так же, как галлюцинировали в бодрственном состоянии; лишь крепкий сон прерывает на время постоянное слуховое галлюцинирование таких больных.

Один из моих больных (подробнее о нем я буду говорить после), с 1878 года страдающий постоянными галлюцинациями слуха, много лет ведет точный дневник своим болезненным ощущениям, причем в наблюдении и в регистрировании последних он долгим опытом наловчился до крайности. Он подарил мне толстую тетрадь выписок из своего дневника, и в этом любопытном документе, под 25 февраля 1882 года, отмечено следующее: «в послеобеденный сон токисты» [невидимые преследователи]… проделывали то-то и то-то [как обыкновенно, устраивали ему различные «искусственные мысли» и кроме того «посредством прямого говорения» продолжали вслух говорить ему разные неприятности], причем в скобках имеется такого рода пояснение: «в сих случаях, равно как и во всех предыдущих, сон у меня не крепкий, нечто вроде дремоты с закрытыми глазами, *почему я все и слышу*».

Будучи не полон, и сравнительно мало отличаясь от бодрствования, сон душевнобольного в воспоминании самого больного может быть смешан

---

[30] «Многие из душевнобольных спят не иначе, как сном неполным; другие же спят лишь изредка. Иногда бред продолжается даже в то время, когда больной отдается сну; галлюцинации, мучительные идеи, ложные ощущения угнетающего свойства тогда преследуют больного под формой сновидений» (*Calmeil*, De la folie, etc. Paris, 1845. T. I. P. 65).

с бодрственным состоянием; отсюда возможность смешения больным сновидения с галлюцинацией. С другой стороны, должно иметь в виду, что у душевнобольных сновидения могут быть несравненно более яркими, чем у здоровых людей. Я положительно могу утверждать, что сновидения галлюцинантов, в особенности алкоголиков, по чувственной определенности и объективности образов, равно как и по живости красок, ничуть не уступают действительности.

Следующий случай может служить примером, как трудно иногда на практике сделать различительное распознавание между кортикальной галлюцинацией[31] и живым сновидением.

Больной *М. Афон*… (paranoia hallucinatoria alcoholica chronica), столяр, 42 лет, находящийся в нашей больнице около 11 лет, до сих пор страдает галлюцинациями слуха и высказывает бред религиозного характера; тем не менее, его логические функции сохранились весьма удовлетворительно. Он постоянно имеет картинные, весьма живые сновидения, изредка же, по-видимому, и галлюцинации зрения (в первые годы своей болезни больной, бывший potator, несомненно и часто имел зрительные галлюцинации). Этот больной часто рассказывает мне: «в эту ночь я видел…» или «мне показывалось» то-то и то-то (обыкновенно, разнообразные картины того, что он называет адом и раем). Я всегда говорю ему на это: «Но вы видели все это во сне», — на что он в большинстве случаев отвечает: «Может быть и во сне, не могу вам сказать наверное». Но однажды он мне сообщил следующее: «Вчера вечером было мне *видение*; я не спал, а лежал с открытыми глазами, и вдруг очутился в раю». Рай этот просто оказался роскошно убранною комнатой, с большим пестрым, вытканным яркими цветами ковром на полу. По комнате прыгали несколько «дельфинчиков», т. е. животных, которые, как я узнал из подробного описания больного, по виду своему представляли нечто среднее между настоящими, но только очень маленькими дельфинами и комнатными собачками. «В раю настоящие собаки не допускаются». На мое уверение: «Ну, это был сон!» — больной живо возразил мне: «Нет, в этот раз — не сон, а видение». — «Однако, почему же?» — «Да я видел таким же манером, как теперь вижу; потом же я уж говорил вам, что я тогда не спал, а просто лежал, и глаза у меня были открыты». Спустя несколько дней мне снова вздумалось поговорить с больным об этом «видении», так как в первый раз я упустил узнать, что именно делал больной в раю, как он себя держал там. Оказалось, что М. А. помнит свое «видение» превосходно и продолжает отличать его от сновидений:

[31] Хотя я и говорю про «кортикальные» галлюцинации, я однако вовсе не принадлежу к сторонникам теории проф. *Тамбурини*. На мой взгляд, галлюцинации чисто кортикального происхождения при нормальном, не помраченном сознании, т. е. при свободном восприятии впечатлений из реального внешнего мира, совершенно невозможны. Фактические основания для этого взгляда читатель найдет ниже.

«Я лежал на своей койке, на боку, вот в этаком положении, с открытыми глазами; сперва видел вот эту палату и койки, на которых уже были улегшись другие [больной помещается в общей палате]; потом вдруг увидал, что я лежу в том же положении, но уже не на кровати, а на полу, на ковре, совсем не в такой комнате, кроватей там не было… Кругом меня скачут дельфинчики. Я мигнул глазом и снова очутился здесь, в палате…» Прибавлю, что этот больной, не будучи расспрашиваем, никогда сам ничего не рассказывает; к интересничанию, к рисовке он ни мало не склонен, притом, с его точки зрения, все равно — иметь видение во сне или иметь его наяву, ибо в том и другом случае одинаково «все это Бог показывает» ему. Прежде он, по его словам, имел подобные видения чаще, иногда даже днем; в последние же годы видения редки, ему «теперь Бог посылает больше сны».

Итак, нет ничего удивительного, что больные, рассказывая нам о вещах, сенсориально ими пережитых, смешивают иногда сновидения и галлюцинации, подобные сновидению: эти состояния сами по себе весьма близки между собою. И такое смешивание, как видно из всего только что сказанного, совершенно не зависит от обмана воспоминания.

Однако может быть и такой случай: больной имел сновидение (или патологическую кортикальную галлюцинацию,— в данном случае это все равно), затем некоторое время по прекращении галлюцинаторного состояния сознавал различие между пережитым им во время этого состояния и пережитым им в действительности, но впоследствии потерял это различие. В этом случае воспоминание о раньше испытанном сновидении или о раньше испытанной галлюцинации смешивается больным с воспоминанием объективного восприятия; здесь действительно имеет место обман воспоминания; поводом к такому обману, с моей точки зрения, одинаково могут явиться обыкновенное сновидение, настоящая (кортикальная) галлюцинация, собственно псевдогаллюцинация, наконец, как в примере, приводимом *Гагеном*, простая игра фантазии [32].

---

[32] *Гаген* приводит два примера, чтобы показать, что поверхностное наблюдение находит галлюцинации там, где их на самом деле нет. Но первый пример в сущности ничего не доказывает. «Каменщик, страдавший манией с неопределенными ложными идеями и *галлюцинациями слуха*, однажды вскричал: „Выпустите меня, там кто-то повесился“. Я отворил дверь изоляционной комнаты, и больной устремил свой взор в коридор. „Никто не висит там“,— заметил ему я. „Там, в лесу он повесился; надобно вынуть его из петли“,— возразил больной, указывая рукою вдаль. Тогда я ему указал, что из его комнаты через окно коридора нельзя видеть леса. „Я только что подумал об этом“,— было мне ответом». Конечно, этот больной (по-видимому, paranoia hallucinatoria acuta или subacuta) мог просто лишь вообразить себе, что в лесу висит удавленник. Но так как он *страдал галлюцинациями слуха*, то нет ничего мудреного, что о повесившемся ему сообщили галлюцинаторные голоса. Другой пример, как кажется, представляет не простое живое представление, а именно зрительную псевдогаллюцинацию (псевдогаллюцинацию — в моем, а не в гагеновском смысле), и именно этот пример, у Гагена в этом роде единственный, ясно показывает, что случаи га-

Но если какое-нибудь впервые явившееся в сознании представление принимается за воспоминания действительного восприятия, то это в большинстве случаев будет уже не обманом воспоминания, а тем, что теперь обыкновенно называется *двойственным представлением* или *двойственным восприятием*. Это психопатологическое явление, зависящее от отсутствия полной одновременности в деятельности двух полушарий большого мозга, иногда тоже может быть ошибочно принято со стороны врача за галлюцинацию.

Прошлою зимою мне встретился случай, ясно показывающий связь между двойственными представлениями и неравномерной деятельностью полушарий большого мозга. Больной, отставной чиновник *Бэр*…, 40 лет, страдал общим прогрессивным параличом. Однажды утром, придя в отделение, я первым делом направился в комнату этого больного и стал с ним здороваться. «Мы с вами только что виделись», — говорит (bradyphrasia et pararthria paretica) Бэр…, с недоумением смотря на меня. — «Когда же?» — «Да сейчас… Вы точно так же, как теперь, подошли ко мне, так же (вторично протягивает мне свою руку) подали мне руку… так что сегодня мы уже здоровались с вами…» Галлюцинации у этого больного ни разу не были констатированы, и потому я, подумав сперва, что дело идет об обмане воспоминания, возразил: «Вы ошибаетесь, Карл Иванович, сегодня мы не виделись с вами, и вы вспомнили теперь то, что могло быть лишь вчера». — «Ну вот… вот… и *эту самую фразу* вы сегодня же уже раньше мне сказали», — живее обыкновенного выговорил Бэр… и выразил на своем лице еще большее недоумение, очевидно, не зная, что для него лучше — смеяться ли по поводу моих шуток или обидеться. Левый его зрачок оказался расширенным, а конец высунутого языка — уклоняющимся в правую сторону, тогда как раньше, при общем паретическом состоянии, иннервация мышц была на обеих сторонах тела одинакова. Резкое удвоение представлений наблюдалось в этот раз у больного три дня подряд и после того раза 2–3 замечалось на короткое время именно в начале тех периодов, когда иннервация мышц обеих сторон тела становилась особенно неравномерной.

3. По мнению *Гагена*, за галлюцинацию может быть ошибочно принята, наконец, просто ложная идея больного. Здесь имеется в виду собственно насильственное мышление душевнобольных. Насильственно-навязчивые представления обыкновенно носят характер чего-то постороннего, чего-то являющегося индивидууму извне, — и вот по этой-то причине будто бы и возможно смешение их (вероятно, не со стороны больного, а со стороны его врача) с галлюцинациями. *Гаген* приводит в связь с насильственным мышлением (l. c., p. 25, 26) все те случаи, когда больные слышат в себе

геновских псевдогаллюцинаций далеко не могут быть объяты терминами «обман воспоминания», «бред воспоминания».

внутренние голоса, рассказывают, что в голове их говорит посторонний им дух, считают себя находящимися в таинственном общении с Богом или с дьяволом, а также когда они жалуются, что мысли фабрикуются для них посторонними лицами или что окружающие узнают все их мысли при первом возникновении последних, и потом им же (т. е. больным) передают эти мысли обратно, путем таинственного внутреннего общения. Однако, по моему мнению, здесь соединены в одну рубрику явления весьма различного происхождения и значения, а именно: a) явления, дальше мной описываемые под названием собственно псевдогаллюцинаций слуха; b) простые (не образные) насильственные представления; c) ложные идеи вторичного происхождения, возникшие в непосредственной зависимости от *содержания* слуховых галлюцинаций; d) вторичные ложные идеи, явившиеся в качестве неизбежного логического вывода из *самого факта* галлюцинаторных слуховых восприятий. Обо всех этих явлениях, насколько они относятся к предмету настоящей статьи, будет речь дальше.

Таким образом, я покончил с обзором *гагеновских* псевдогаллюцинаций, в основании которых, по мнению самого автора, в большинстве случаев лежат *ошибки воспоминания*. Трактуя о психопатологических явлениях, нередко принимаемых ошибочно (врачами) за галлюцинации, *Гаген* разумел под именем псевдогаллюцинации факты, к сфере *чувственного восприятия* вовсе не относящиеся [33]. Замечу, что проф. Гаген, по-видимому, не имел намерения исчерпать всего вопроса о псевдогаллюцинациях, а говорил о последних лишь мимоходом.

III

Из псевдогаллюцинаций в смысле проф. *Гагена*, называвшего так все те субъективные явления, которые (как, напр., обманы воспоминания), не будучи галлюцинациями, тем не менее нередко бывают ошибочно принимаемы за таковые, я выделяю группу явлений, заслуживающих, по моему мнению, особого названия. Для этой группы, за неимением лучшего термина, я буду употреблять обозначения «*псевдогаллюцинации в тесном смысле слова*» или просто «*псевдогаллюцинации*» [34], разумея здесь те случаи,

---

[33] Он мельком упоминает, что в тех случаях, где idée fixe может быть принята за галлюцинацию, представления больных могут иметь «большую чувственную живость», но не останавливается, однако, на этих явлениях далее.

[34] Будучи, действительно, во многих отношениях весьма близкими к галлюцинациям, этого рода субъективные явления все-таки же не суть галлюцинации; поэтому обозначение «психические галлюцинации» сюда не годится, термин же «псевдогаллюцинации» представляется здесь наиболее приличествующим. Гагеновские же псевдогаллюцинации (подстановка пережитого мыслью на место пережитого чувственной сферой, обманы воспоминания) суть не более как «мнимые галлюцинации». Я знаю, что против пригодности в науке терминов с приставкой «псевдо» можно сказать мно-

где в результате субъективного возбуждения известных (как после будет видно, кортикальных) сенсориальных областей головного мозга в сознании являются *весьма живые и чувственно до крайности определенные образы* (т. е. конкретные чувственные представления), *которые, однако, резко отличаются для самого восприемлющего сознания от истинно-галлюцинаторных образов тем, что не имеют присущего последним характера объективной действительности, но, напротив, прямо сознаются как нечто субъективное, однако, вместе с тем, — как нечто аномальное, новое, нечто, весьма отличное от обыкновенных образов воспоминания и фантазии*. Этого рода субъективные явления, подобно галлюцинациям, возможны во всякой чувственной сфере, но у душевнобольных зрительные псевдогаллюцинации наиболее резко отделяются, с одной стороны, от настоящих галлюцинаций, с другой, — от обыкновенных образов воспоминания и фантазии.

Следующий пример достаточно ясно покажет, что псевдогаллюцинации суть субъективные явления, совершенно независимые от обманов воспоминания, и что они отличаются весьма определенным чувственным характером, именно, бывают зрительными и слуховыми (в сфере прочих чувств их, понятно, нелегко отделить от истинных галлюцинаций).

Дм. Перевалов, 37 лет, бывший техник Обуховского сталелитейного завода, болен с 1875 года (paranoia chronica, т. е. хронический бред преследования) и находится в нашей больнице с февраля 1879 года. Как из многократных и продолжительных личных объяснений с этим больным, так и из изучения крайне внимательно и терпеливо веденного им (с 1876 года и по настоящее время) дневника я убедился, что бред преследования систематизировался у *Перевалова* еще в 1876 году, когда он страдал лишь насильственно навязчивыми представлениями и ложными идеями; настоящие же галлюцинации слуха, продолжающиеся и поныне, присоединились лишь с начала 1878 года. Бред больного имеет в настоящее время чисто частный характер (причем больной не представляет заметного ослабления умственных способностей) и состоит, в главных чертах, в следующем. Вздумав вчинить крупный иск к Обуховскому заводу, он, *Перевалов*, будто бы должен был сильно затронуть интересы многих высокопоставленных в Петербурге лиц, и вследствие того стал жертвою «упражнений токистов». «Токисты» суть не что иное, как корпус тайных агентов, употребляемый нашим пресловутым 3-м отделением собственной Е. И. В. Канцелярии для

гое (см., напр., *H. Neumann*, Leitfaden der Psychiatrie, Breslau, 1883. P. 24). Но для меня важно не слово, а понятие, которое требуется охарактеризовать словом; поэтому я ничего не имею против того, чтобы те субъективные явления, к которым я прилагаю теперь термин «pseudohallucinationes», были названы, напр., «hallucinoides», «illuminationes», «illustratioues» или как-нибудь иначе.

выведывания намерений и мыслей лиц, опасных правительству, и для тайного наказания этих лиц.

Однако *Перевалов* не считает себя государственным преступником, а полагает, что «токисты» приставлены к нему частью для того, чтобы они могли на нем приобрести необходимый навык в своем искусстве, частью же по злоупотреблению со стороны тех высокопоставленных лиц, которым нужно, чтобы дело его с Обуховским заводом не двигалось вперед. *Перевалов* постоянно находится под влияниям тридцати токистов, стоящих на разных ступенях служебной иерархии и разделяющихся на несколько поочередно работающих смен. Подвергши еще в 1876 году голову *Перевалова* действию гальванического тока, они привели *Перевалова* в «токистическую связь» (нечто вроде магнетического rapport'a) с собою, и в такой же связи они состоят и между собой во время работы над ним. В силу таковой связи все мысли и чувства *Перевалова* передаются из его головы в головы токистов; эти же последние, действуя по определенной системе, могут по своему произволу вызывать в голове *Перевалова* те или другие мысли, чувства, чувственные представления, а также разного рода ощущения в сфере осязания и общего чувства. Кроме того, эти невидимые преследователи, будучи скрыты поблизости от *Перевалова*, доезжают последнего, между прочим, и «прямым говорением», причем произносимые ими (более или менее громко) слова и фразы прямо, т. е. обыкновенным путем, через воздух, переносятся к *Перевалову* и воспринимаются им через посредство внешнего органа слуха. В частности, способы действия токистов на *Перевалова* весьма разнообразны; сам больной различает восемь таких способов:

a) «прямое говорение» ругательных фраз, насмешливых замечаний, нецензурностей и пр. (галлюцинации слуха);
b) «искусственное вызывание разного рода ощущений» в его коже, как то: ощущений зуда, царапанья, щекотанья, жжения, уколов и проч. (галлюцинации осязания). Больной полагает, что как при этом, так и при всех последующих способах токист, состоящий в данную минуту в таинственной связи с ним, должен *в самом себе* вызвать, посредством тех или других приемов, известное ощущение (respective — представление, чувствование, etc.) с тем, чтобы передать последнее ему, *Перевалову*; для этого токист царапает себя булавкой, жжет себе руки и лицо горящей спичкой или огнем папиросы и т. п.;
c) «искусственное вызывание» у него токистами разного рода чувствований, равно как и общих ощущений, как то: чувства недомогания, неохоты работать, сладострастия, злобы, «беспричинных испугов» и проч.
d) «искусственное вызывание» у него неприятных вкусовых и обонятельных ощущений. Например, взяв в свой рот вещество противного вкуса, действующий в данную минуту токист заставляет *Перевалова* испытывать ощущения этого вкуса; нюхая из стеклянки, наполненной

загнившей мочой, или поднося к своему носу захваченный на палец кал, токисты заставляют *Перевалова* страдать от зловония и проч. (галлюцинации вкуса и обоняния).

e) Токисты, как говорит *Перевалов*, фабрикуют для него мысли, т. е. они искусственно (приемами, понятными из вышесказанного) вводят в его голову различного рода представления, по преимуществу навязчиво-мучительного свойства (насильственное мышление, Zwangsdenken).

f) Токисты заставляют самого *Перевалова* «мысленно говорить», даже в то время, когда он употребляет все усилия, чтобы удержаться от такого «внутреннего говорения»; при этом токисты усиленно иннервируют свой язык, произнося мысленно определенного содержания фразу (всего чаще тенденциозную), и «переводят» эту двигательную иннервацию на *Перевалова*; тогда последний не только сознает, что ему искусственно «навязана» мысль в резко определенной словесной форме, но и должен пускать в ход сознательные усилия, чтобы подавить в себе насильственную двигательную иннервацию органа речи и не сказать вслух того, что его «заставляют выговорить токисты»[35].

g) Далее, токисты, как выражается больной, насильственно приводят у него в действие воображение, причем заставляют его видеть не внешним органом зрения, а «умственно» различного рода образы, почти всегда весьма живые и ярко окрашенные. Эти образы одинаково видны как при закрытых, так и при открытых глазах. Сам больной отлично знает, что это — не что иное, как яркие продукты непроизвольной деятельности его воображения; но так как эти образы (их-то я и называю *собственно псевдогаллюцинациями зрения*) большей частью отвратительны и мучительны для *Перевалова*, так как они появляются и держатся перед его душевными очами не только независимо от его воли, но даже наперекор ей, так что при всех своих усилиях

[35] *Max Simon* (Les invisibles et les voix; Lyon médical. 1880. Nu. 48 et 49), рассматривая психические галлюцинации *Бэлларже*, приходит к заключению, что это — не галлюцинации, но не что иное, как «impulsion de la fonction du langage», и что, возросши до значительной силы, таковой импульс ведет к действительному говорению, так что получается характерная для маниаков беспорядочная болтовня. Что касается до меня, то я знаком со многими случаями насильственной иннервации двигательного аппарата речи, но полагаю, что этим путем можно объяснять лишь небольшую часть тех субъективных явлений, которые я называю псевдогаллюцинаторными; так, весьма естественно считать «внутреннее (мысленное) говорение» самих больных результатом непроизвольной или даже насильственной иннервации центрального аппарата речи, но нет никакой возможности объяснять этим путем «внутреннее слышание» больных. Но *Макс Симон* прилагает упомянутое объяснение ко *всем* случаям психических галлюцинаций, область которых является у него еще более ограниченной, чем у *Бэлларже*, так как он имеет в виду лишь случай «où il semble aux malades, qu'ils parlent en enx».

он не в состоянии от них отделаться, то больной убежден, что это явление *искусственное*. Он объясняет себе дело так: для пущего его мучения токисты нарочно раздражают искусственными средствами свое воображение и вызывают в себе определенные, весьма яркие зрительные образы с тем, чтобы перевести их на него.

Наконец, h) кроме «прямого говорения» токисты устраивают *Перевалову* «говорения посредством тока»; при этом больной должен *внутренно* (а не ушами, как при «прямом говорении») слышать то, что хотят его заставить слышать токисты, хотя бы в данную минуту о соответственных вещах ему совсем нежелательно было думать; весьма часто при этом *Перевалов* слышит внутренно повторение слов, раньше действительно слышанных им от врачей, или слов, когда-то давно произнесенных в его присутствии кем-либо из лиц его окружавших (это внутреннее слышание есть собственно псевдогаллюцинирование слухом).

«Токистические упражнения» над *Переваловым* ведутся непрерывно с 1876 года. До 1878 года «прямого говорения» (т. е. настоящих галлюцинаций слуха) не было, ибо «тогда токистам было приказано весть упражнения в молчанку». В первое время этого оперирования преобладал следующий «способ»: токисты разными приемами вызывали «натуральный испуг» у одного из своей среды, специально назначенного для этой функции; разумеется, испуг моментально сообщался *Перевалову*, приведенному в данную минуту в «токистическую связь» с этим специалистом. Врачи, больничная прислуга, окружающие больные не причисляются *Переваловым* к преследователю; но власть врачей недостаточна для того, чтобы помешать токистическим упражнениям. Последние в настоящее время ведутся постоянно, не прерываясь и по ночам. Ночью, если *Перевалов* спит неполным сном, то токисты продолжают действовать всеми вышеперечисленными приемами, употребляемыми ими днем, между прочим, даже «прямым говорением», ибо в состоянии неполного сна *Перевалов*, по его объяснениям, может слышать ушами все раздающиеся около него звуки, а потому слышит и фразы, прямо произносимые токистами. Если же *Перевалов* заснет очень крепко, то токисты действуют всеми прежними способами, за исключением «прямого говорения», в особенности же любят ему «делать сладострастные сны», «устраивать поллюции» и т. п. Различные приемы токистического оперирования идут вперемежку один с другим. Чтобы показать самый ход токистических упражнений над *Переваловым*, я делаю выписку из его дневника, отличающегося точностью, но вместе с тем и лаконизмом. Но так как этот дневник изобилует своеобразными техническими терминами, без знакомства с языком больного совершенно непонятными, то я прибавляю в ломанных скобках свои замечания и пояснения и притом делаю это на основании подробных и точных расспросов больного относительно того

или другого акта «упражнений», происходивших в данные дни; круглые скобки принадлежат самому больному.

«*11 декабря* 1881 …В ночи на 9, 10 и 11 декабря — говорение [галлюц. слуха] с беспрестанными воображениями [зрит. псевдогалл.], недавание спать до полуночи и бужение рано утром, отчего они [токисты] спят днем и после обеда, чему уже и я должен последовать. Днем — недавание мне, как и прежде, заниматься (французским и немецким языком) подговорами [слух. галлюцинации], похабщиной [частью простые навязчивые представления, частью неотвязные псевдогаллюцинации зрения], зудом, уколами [галлюц. или иллюзии кожного чувства], а равно и чувством нежелания. Во все дни дежурства верхнего токиста (во втором этаже) напоминание, мышлением и прямым говорением, как я стоял накануне перед Дюк… [главный врач больницы] с толкованием [опять как галлюц., так и псевдогаллюц. слуха], что сам он, токист, так стоял в эту минуту и что все это было проделано для приходившего тогда с д-ром Дюк… штатского (это О., член правления Обуховского завода) [«смешение в личностях»]. Перед сном — воображение токистом, находящимся за оградою, полового члена [зрит. псевдогаллюц.]».

«*12 декабря*. Всю ночь — в полусне прямое говорение [слухов. галлюц.] с воображениями [псевдогаллюц. зрения], добывание моего говоренья во сне [насильственная иннервация центрального аппарата речи, не будучи подавляема полуспящим больным, *в самом деле* заставляет действовать голосовой аппарат: Пер…, по свидетельству его соседей по койкам, нередко действительно говорит во сне]. Разбужен около 3 часов ночи; после того — продолжение приставаний, совместно с говорением [разного рода псевдогаллюц., вместе с галлюц. слуха]. Из столярной *особенным током вызвано внутреннее слышание* [псевдогаллюц. слуха], отчего другой токист (находящийся подо мною, в нижнем этаже) пугается и потом, когда третий токист присоединяет к сему мышление убийства и драки [насильственное мышление], раздражается на последнего, после чего между ними начинается взаимная руготня: «идиот!»… «мужик!»… и проч. [слухов. галлюц.]. За сим последовали обращенные ко мне дерзости, похабщина и проч. при безостановочном говорении [галлюц.] из-за ограды больницы и при добавлении к сему такого же содержания фраз от токиста и токистки из того флигеля, где живет эконом, с поползновением смешить перефразированием раньше случившегося и комическим представлением событий («выиграл сигару»). Утром — подговоры мне матерщины. Во время чая — взаимное передразнивание токистами друг друга (ревность из-за ходивших сюда некоторое время швей) [за швей больной принял слушательниц с женских медицинских курсов, которые иногда приходили посмотреть на больных). До обеда — шуточки и остроты [частью — просто насильственное мышление, частью псевдогаллюц. слуха] того токиста, который убежден, что приносит мне пользу деланием весело-

го настроения. Во время обеда — вонь испражнений (это производит идиот, помещенный в столярной, он нюхает в это время испражнения из бутылки или из бумажки) [галлюц. обоняния] и мышление о сем [навязчивые представления]. Во время занятий немецким языком — с улицы подговоры, подшучивания [слухов. галлюц.], сбивание, за что токиста наверху — раздражение, а токистки из флигеля эконома — помогание… Далее, они стали действовать чувствами (заискивания их и надежды, что упражнения их надо мной скоро вознаградятся), потом — взаимная их ругня, за которой я мысленно принужден был следить [слухов. псевдогаллюц.]. Вечером, когда я писал записку брату с просьбой сделать для меня некоторые покупки, токист в верхнем отделении настаивал на табаке Лаферм, а токистка из флигеля — на сигарах и словаре Рейфа [галлюц. слуха]; от сего первый идиотик внизу млеет от предвидения какой-то их удачи. При моем занесении сего в тетрадку другой идиот оттуда же шепчет, шутовским тоном: „вот тебе и словарь Рейфа!“ [слухов. галлюц.]. Затем, когда я принялся читать учебник французского языка Марго, начались подговоры [галлюц. слуха] в чтении (по имеющемуся у них Марго?), перешедшие в задорные приставания ко мне с задорным мышлением [слухов. псевдогаллюц.], что „хотя пользы мне (в смысле лечения меня) от них нет, однако, они все-таки будут продолжать“… Когда я лег спать, устраивали мне сладострастное мышление, *причем производили перед моими глазами воображение* [псевдогаллюц. зрения] женских половых органов» и проч. и проч.

Прежде чем обсуждать дело дальше, я позволю себе представить читателям еще двоих из моих больных, именно тех, которые, по особым обстоятельствам, были для меня особенно полезными при моем изучении галлюцинаторных и псевдогаллюцинаторных явлений; это покажет те приемы, которыми я пользовался при собирании относящегося сюда клинического материала и вместе с тем даст ручательство за подлинность и точность тех наблюдений, которые будут, при дальнейшем изложении, приводиться по мере надобности.

Николай Лашков, 24 лет, уездный врач, только что кончивший курс и поступивший на службу, психически заболел в сентябре 1881; будучи прислан в Петербург для лечения, помещен в нашу больницу 9 декабря 1881. Сильное наследственное расположение к душевным страданиям, упадок питания, анемия. Ближайшая причина болезни — неприятности по службе и чрезмерное утомление от непосильной работы (при одновременном исполнении обязанностей и уездного, и земского врача). Первые три месяца в нашей больнице больной являлся меланхоликом: находился большей частью в депрессивном настроении духа, двигался неохотно и крайне медленно, почти не отвечал на вопросы или же выражался весьма коротко и уклончиво, в галлюцинациях не признавался, делал покушения на самоубийство, несколько раз пытался убежать из больницы. Затем

и по внешней стороне болезнь приняла характер paranoiae hallucinatoriae (subacutae); больной стал высказывать отдельные идеи бреда преследования, отношение больного к окружающему его стало делаться агрессивным; хотя *Лашков* продолжал стараться не обнаруживать того, что внутренно им было переживаемо, тем не менее в это время для врачей больницы сделалось уже несомненным, что он страдает галлюцинациями слуха. В таком состоянии больной был переведен в отделение беспокойных, которое заведывалось тогда мной. Некоторые из моих коллег в это время уже начинали терять надежду на его выздоровление, полагая, что меланхолия переходит в неизлечимую вторичную форму. Я предпринял систематическое лечение опием в дозах, сперва постепенно увеличиваемых, а потом — постепенно уменьшаемых. Уже через неделю такого лечения началось постепенное улучшение; в особенности было изумительно влияние опия на быстрое ослабление галлюцинаций. К концу июля 1882 года *Лашков* был уже почти здоров. Тогда я принялся подробно расспрашивать выздоравливающего и по истории болезни убедился, что давний случай принадлежал не к меланхолии, а к галлюцинаторному первично-бредовому психозу (hallucinatorische primäre Verrücktheit, paranoia hallucinatoria idiopathica) в подострой форме [первичное расстройство в сфере представления, в начале — лишь одни навязчивые представления и отдельные, малоустойчивые ложные идеи самостоятельного (первичного) происхождения (Primordial-Delirien); уже через 1–2 недели от начала болезни присоединились галлюцинации слуха, сперва интеркуррентные, потом сделавшиеся постоянными; далее — вторичное развитие ложных идей и выработка сложного, постепенно систематизируемого бреда, в тесной зависимости от галлюцинаций слуха; наконец — непрерывное галлюцинирование слухом, осязанием и общим чувством]. Под влиянием опия сначала исчезли, весьма быстро, галлюцинации осязания и общего чувства; затем начали ослабевать и слуховые галлюцинации, и больной стал постепенно поправляться. В августе *Лашков* выписался из больницы уже довольно окрепшим и отправился на место службы, блистательно доказав мне свою способность к умственной работе и вполне объективное отношение к перенесенной болезни.

Выздоровевший *Лашков* оказался интеллигентным, довольно наблюдательным и очень любознательным субъектом. Из благодарности за свое исцеление он готов был взять на себя всякий труд, лишь бы доставить мне удовольствие. При таких условиях с моей стороны было бы непростительным, если бы я не извлек из *Лашкова* всего того, что он в состоянии был мне дать относительно выяснения подробностей своей болезни вообще и некоторых из ее симптомов в частности. И вот тогда начались между нами частые и продолжительные беседы. Галлюцинаторные и псевдогаллюцинаторные явления (их оказалась громадная масса, ибо болезнь значительнейшей своей частью именно из этих явлений и состояла) в воспоми-

нании *Лашкова* были в это время очень живы; слуховые галлюцинации *Лашкова* при начале наших занятий еще не успели вполне прекратиться, и последний след их исчез лишь месяцем позже. После того, как я уже многое сам записал по устным рассказам *Лашкова*, последний сам предложил мне, что он напишет для меня полную историю своей болезни и подробно и возможно точно изобразит свои галлюцинации, так, как они были в действительности, причем постарается не примешивать в описание своих теоретических соображений (с психиатрией *Лашков* был знаком только по кратким лекциям своего профессора). Я дал ему подробную инструкцию, указал, какие пункты требуют особенно внимательного выяснения, и поставил ему на бумаге целый ряд вопросов, на которые он должен был постараться дать мне возможно точные ответы. *Лашков* горячо принялся за работу и полтора месяца неустанно писал свои воспоминания. В четырех толстых тетрадях вместились только первые две трети течения болезни, когда до выхода *Лашкова* из больницы оставалось лишь две недели. Тогда, для сокращения дела, мы поступили так: *Лашков* сделал на бумаге перечень отдельных фактов за остальную треть течения болезни, разделив их, по собственной инициативе, на следующие классы: «зрительные галлюцинации»; «экспрессивно-пластические представления» (так мой пациент назвал явления, мной теперь описываемые под названием псевдогаллюцинаций зрения); «слуховые галлюцинации» (их отмечено всего больше); «ложные ощущения» (в этой рубрике записаны галлюцинации кожного и мышечного чувства, а также и галлюцинации общего чувства); последний класс — «бред» (ложные идеи и насильственные представления). По этому списку я в продолжение нескольких долгих бесед получил от *Лашкова* подробные устные описания и при этом снова останавливался на тех пунктах, выяснение которых меня занимало по преимуществу. Эти беседы, вместе с тетрадями записок *Лашкова*, доставили мне ценный казуистический материал, из которого я буду приводить отдельными примерами то, что мне понадобится для иллюстрирования моего изложения.

Мих. Долинин, 38 лет от роду, бывший артиллерийский офицер, а потом — военный врач был болен галлюцинаторным первично-бредовым психозом (paranoia hallucinatoria); болезнь имела сначала подострый характер, но потом получила более хроническое течение. С внешней стороны картина болезни напоминала меланхолию, тем более что под влиянием бреда и галлюцинаций слуха больной много раз пытался окончить жизнь самоубийством. Во время своей болезни *Долинин* уклонялся сообщать об испытываемом им окружающим, отделывался при расспросах врачей ответами самыми общими и неопределенными или же просто не хотел ничего говорить. Он страдал главным образом от постоянного галлюцинирования слухом и, кроме того, имел галлюцинации осязания и общего чувства; зрительные галлюцинации становились частыми (временами они

шли даже непрерывным рядом) только в периоды сильных экзацербаций, в прочее же время они являлись лишь эпизодически. Наследственного предрасположения в данном случае не было. Причины болезни — умственное утомление от работы по ночам, временно затруднительные обстоятельства жизни и злоупотребление спиртными напитками, последнее, впрочем, в размерах, обыкновенных для людей военных. После этой первой душевной болезни, продолжавшейся более полутора лет, *Долинин* в течение 4 лет пользовался полным психическим здоровьем и не без некоторого успеха продолжал свою начатую раньше карьеру. Он передал мне свои записки, составление которых было начато им в то время, когда он, приобретя вполне объективное отношение к кончавшейся болезни, еще не вполне освободился от галлюцинаций слуха; не будучи психиатром по профессии, он не рассчитывал сам сделать надлежащее употребление из этих мемуаров. Кроме того, он был так любезен, что устно сообщил мне массу любопытных наблюдений как относительно слуховых галлюцинаций, так и относительно различного рода псевдогаллюцинаторных явлений. Впоследствии *Долинин* с большою готовностью отдал себя в мое распоряжение для некоторого рода маленьких экспериментов; именно, угощая его по временам, на ночь или в течение дня, опием или экстрактом индийской конопли, я вызывал у него очень живые, так называемые гипнагогические галлюцинации и потом получал от него подробное изложение сделанных им в это время наблюдений. Путем таких экспериментов нам удалось довольно порядочно изучить те галлюцинаторные и псевдогаллюцинаторные явления, которые бывают испытываемы многими здоровыми людьми в состоянии, переходном от бодрствования ко сну.

Вследствие новых умственных эксцессов, может быть частью и под влиянием вышеупомянутых опытов искусственного вызывания псевдогаллюцинаций и галлюцинаций (между прочим, *Долинин* по собственной инициативе добился одно время умения произвольно вызывать у себя галлюцинации слуха, по характеру совершенно однородные с теми *непроизвольными* слуховыми галлюцинациями, которыми он страдал во время болезни), у *Долинина* в начале 1883 года без всяких особенных причин внезапно вспыхнуло острое галлюцинаторное расстройство со смешанным бредом преследования и величия. В это время, до наступления stadii decrementi, *Долинин* мог лишь *запоминать* факты, субъективно переживавшиеся им, будучи совершенно порабощен своими галлюцинациями и ложными идеями. На этот раз болезнь протекла быстро, так что менее чем через два месяца способность здравого критического отношения к болезненным субъективным фактам (как переживавшимся в это время, так и пережитым до периода decrementi) вполне возвратилась, но слуховое галлюцинирование продолжалось, постепенно ослабевая, еще около месяца. Понятно, что в это время Долинин имел полную возможность проверить свои прежние

самонаблюдения и сделать новые. После совершенного выздоровления *Долинин* был снова обследован мной по отношению к псевдогаллюцинациям и гипнагогическим галлюцинациям, равно как и относительно чувственной живости обыкновенных образов воспоминания и фантазии.

Из письменных воспоминаний *М. Долинина* и его устных сообщений я буду, по мере надобности, тоже извлекать отдельные примеры.

Прочие больные, на основании наблюдений над которыми я пишу этот этюд, особой рекомендации не требуют; большей частью это суть параноики-галлюцинанты в различных стадиях своей болезни или же выздоровевшие от нее. На больных наблюдения и расспросы производились обыкновенным путем, т. е. по мере того, как к этому представлялся случай. Выздоровевшие же субъекты подвергались подробному расспрашиванию по известной системе.

IV

Возвращаюсь к описанию псевдогаллюцинаторных явлений в смысле определения, данного мною выше.

Псевдогаллюцинации бывают не только у душевнобольных, где они имеют весьма большое значение, но иногда (при известных условиях) также и у людей психически здоровых. Только постороннее лицо при поверхностном расспросе больного может принять псевдогаллюцинаторные чувственные представления за настоящие галлюцинации, в сознании же самого больного, хотя бы и слабоумного (предполагая это сознание непомраченным) смешение этих двух родов субъективных чувственных фактов, по крайней мере в сфере зрения, положительно невозможно [36]. Поэтому, имея в данный момент псевдогаллюцинацию зрения, больной в своем сознании относится к ней совсем не так, как он отнесся бы к субъективному чувственному восприятию в том случае, если бы оно было зрительной галлюцинацией; последняя для него — сама действительность; первая же остается субъективным явлением, которое обыкновенно считается больным или за род откровения, ниспосланного ему Богом в знак особого благоволения к нему, или же за искусственно произведенное в нем изменение сознания таинственными воздействиями его невидимых преследователей.

---

[36] Разумеется, я говорю это по отношению ко времени самого явления, а не по отношению к воспоминанию этого явления. Воспоминание о псевдогаллюцинации (бывшей раньше, но исчезнувшей), конечно, может быть ошибочно принято больным за воспоминание о раньше испытанной галлюцинации, и такая ошибка, такое смешение, будет не чем иным, как частным случаем обманов воспоминания. Здесь прекрасно видно несовпадение моего и гагеновского понятия о псевдогаллюцинации; в случае только что упомянутого обмана воспоминания псевдогаллюцинацией в смысле *Гагена* будет лишь факт смешения или ошибки, но не моя псевдогаллюцинация sensu strictiori.

Разумеется, здесь не следует упускать из виду, что исследуемые лица могут ввести исследователя в ошибку как неумышленно, так и умышленно. Встречаются субъекты, даже между психически здоровыми людьми, которые охотно привирают или, по крайней мере, значительно преувеличивают в рассказе ими переживаемое или пережитое; это делается обыкновенно из-за стремления показать качества и способности, другими людьми неимеемые. От такой слабости иногда несвободны даже довольно развитые люди; в самом деле, кому неизвестно, насколько авторы и художники наклонны преувеличивать успех или значение своих произведений, насколько часто страстные охотники уклоняются от истины в повествованиях о своих охотничьих приключениях, насколько часто очевидцы драматических событий при пересказывании стараются сделать эти события еще более потрясающими, чем они были в действительности. С другой стороны, человек, знающий о галлюцинациях лишь понаслышке, легко соединяет с этим словом неверное понятие и в силу этого совершенно добросовестно может в конкретном случае принять за галлюцинацию не только псевдогаллюцинацию, но и какое-нибудь иное субъективное явление, еще менее имеющее общего с настоящими галлюцинациями. Весьма важно поэтому, если исследуемый нами субъект *по личному опыту знает*, что такое истинная галлюцинация, тогда для него вполне исключена возможность смешать галлюцинацию с псевдогаллюцинацией.

На следующем конкретном случае видно, насколько различно больной в сознании своем относится к субъективному чувственному восприятию, смотря по тому, будет последнее галлюцинацией или лишь псевдогаллюцинацией.

Коллега *Лашков* во время своей болезни был постоянно мучим галлюцинациями слуха и осязания и кроме того имел обильные псевдогаллюцинации, в особенности в сфере зрения. Однажды он вдруг услыхал между голосами своих преследователей («из застенка») довольно громкий голос, который настойчиво и медленно, с раздельностью по слогам, произнес: «пе-ре-ме-ни подданство!». Поняв это внушение так, что у него единственное средство к спасению — перестать быть подданным русского царя, больной на минуту задумался, какое подданство лучше, и решил, что всего лучше быть английским подданным. В этот самый момент он *псевдогаллюцинаторно* увидал в натуральную величину льва, который, на секунду явившись перед ним, быстро забросил свои передние лапы ему на плечи; прикосновение этих лап живо почувствовалось больным в форме довольно болезненного местного давления (галлюцинация кожного чувства). Вслед за этим явлением «голос из простенка» сказал: «ну, вот тебе лев… теперь ты будешь императорствовать…» Тогда больной вспомнил, что «лев есть эмблема Англии». Образ льва явился перед *Лашковым* весьма живо и отчетливо, однако больной очень хорошо чувствовал, что видит льва, как он сам после выразился, «не телес-

ными, а духовными очами». Поэтому он ни мало не испугался льва, несмотря на то, что ощутил прикосновение его лап. Путем соображения больной пришел к убеждению, что льва ему «нарочно *показали*, с целью дать понять, что с этого момента он будет под покровительством английских законов». Если бы лев явился *Лашкову* в настоящей галлюцинации, то больной, как он сам говорил мне по выздоровлении, сильно испугался бы и, может быть, даже закричал бы или бросился бежать. Если бы лев был простым зрительным образом, то *Лашков* не придал бы ему, как продукту собственной фантазии, никакого отношения к галлюцинаторным голосам, в объективном происхождении которых он в то время был твердо убежден.

Псевдогаллюцинаторные чувственные образы отличаются от обыкновенных чувственных представлений, то есть от нормальных образов воспоминания и фантазии, следующими чертами.

1) Псевдогаллюцинаторные образы несравненно более отчетливы и живы; при этом все *мельчайшие частности* сложного чувственного образа (напр.: очертания, расчлененность, отдельные краски, — если дело идет о зрительной псевдогаллюцинации) являются в сознании одновременно, в подобном же взаимном соотношении по экстенсивности и по интенсивности, как и при непосредственном чувственном восприятии. Кроме того, субъективное явление здесь имеет характер *стойкости* и *непрерывности*, так что когда такой чувственный образ, перед своим исчезновением, бледнеет, то бледнеет он во всех своих частях и деталях сразу. При обыкновенных же чувственных (напр., зрительных) представлениях, хотя бы образы были при этом по очертаниям и краскам относительно весьма отчетливы и определенны, представленный предмет никогда не является с такой пластичностью, как при непосредственном восприятии, «но большей частью бывает как бы стертым или расплывающимся, то бледнеющим, то снова выступающим некоторыми своими частями или целостностью явственнее»[37]. Когда дело идет не об отдельных образах, а о сложных субъективных картинах (ландшафты, внутренний вид комнат, группы людей и т. п.), то это различие видно всего резче. Таким образом, *непрерывный характер* (Stetigkeit) явления, *чувственная законченность* последнего, выработка в нем всех мельчайших подробностей — все это, вместе взятое, составляет первый отличительный признак псевдогаллюцинаций.

2) Не только у больных, но и у психически здоровых людей псевдогаллюцинации отличаются от обыкновенных образов воспоминания и фантазии своей относительно малой зависимостью от сознательного мышления и воли псевдогаллюцинирующего лица. Наиживейшие псевдогаллюцинации всегда бывают совершенно спонтанными явлениями. Я имел возможность убедиться (см. дальнейшее изложение), что и в периоде псевдогаллюцини-

[37] Ср. *C.S. Cornelius*. Ueber die Wechselwirk. zwischen Leib und Seele. Halle, 1871. P. 80.

рования произвольно вызываемые в сознании чувственные воспоминания и картины фантазии большей частью и остаются таковыми, не превращаясь в псевдогаллюцинации. Явившись спонтанно, псевдогаллюцинаторные образы не могут быть ни изменены, ни изгнаны из сознания по произволу псевдогаллюцинирующего субъекта. Таким образом, фантазирование больных весьма различно от псевдогаллюцинирования; в сознании самих больных (как напр. видно в вышеприведенном случае) псевдогаллюцинаторные образы обыкновенно резко различаются от простых продуктов фантазии. *Спонтанность* (т.е. самопроизвольность) может считаться вторым характеристичным признаком псевдогаллюцинаций.

3) Обыкновенно между отдельными псевдогаллюцинаторными образами не бывает непосредственной логической связи, так что ни внешней, ни внутренней ассоциации здесь не усматривается. Впрочем, чрезвычайно обильные и быстро одна другою сменяющиеся псевдогаллюцинации при острой идеофрении (paranoia acuta et subacuta) составляют, в известном смысле, исключение из этого правила.

4) Псевдогаллюцинирующее лицо при псевдогаллюцинировании вовсе не имеет чувства собственной внутренней деятельности; напротив, всякое нормальное представление, как абстрактное, так и живочувственное, всякий акт мышления, воспоминания и фантазирования, как известно, бывает соединен в сознании подлежащего лица с чувством внутренней активности. Таким образом, характер *рецептивности* (в том смысле, как у *Фехнера*) есть третий существенный признак псевдогаллюцинации и, наравне с вышеприведенными первыми двумя признаками, он одинаково принадлежит как псевдогаллюцинациям больных людей, так и псевдогаллюцинациям людей психически здоровых. Чувство собственной внутренней активности не должно быть смешиваемо с совершенно отличным от него чувством психической подавленности, которое возрастает иногда до ощущения внутренней боли; это последнее обыкновенно причиняется упорно навязчивыми представлениями, равно как и наиболее интенсивными псевдогаллюцинациями душевнобольных.

5) У душевнобольных, в особенности у меланхоликов и параноиков, псевдогаллюцинации почти всегда носят на себе характер *навязчивости*; при этом, часто будучи по содержанию своему крайне неприятными для больного, они именно своей неотвязностью составляют для него большое мучение. Нередко бывает так, что весьма ограниченное число псевдогаллюцинаций, сделавшихся, так сказать, стабильными, в весьма значительной степени тормозит интеллектуальную деятельность больного. Напротив, псевдогаллюцинациям здоровых субъектов (напр., гипнагогическим) характер навязчивости обыкновенно несвойственен.

Различного рода псевдогаллюцинации играют большую роль во многих душевных болезнях, в особенности при острой и хронической идеофрении,

где они оказывают на дальнейшее развитие интеллектуального бреда влияние ничуть не меньшее, чем настоящие галлюцинации.

Условия происхождения псевдогаллюцинаций могут быть всего удобнее изучаемы на здоровых субъектах, предрасположенных к галлюцинациям, напр. на выздоровевших галлюцинантах.

Коллега *М. Долинин* может во всякое время произвольно вызывать в себе весьма живые чувственные представления воспоминания и фантазии; но псевдогаллюцинации (по преимуществу зрительные) у него являются только или перед засыпанием (*гипнагогические* псевдогаллюцинации), или же в зависимости от известных условий, которые могут быть созданы и искусственно. Вот описание одного из его псевдогаллюцинаторных сеансов. Вечером 18 августа 1882 года *Долинин* принимает 25 капель *tincturae opii simplicis* и продолжает работать за письменным столом. Часом позже он замечает большую легкость течения своих представлений, большую силу и ясность своего мышления. Прекратив работу активной преапперцепции[38], он, при ни мало не отуманенном сознании и не чувствуя ни малейшего позыва ко сну или дремоты, наблюдает в течение часа крайне живые и разнообразные псевдогаллюцинации зрения: лица и целые фигуры виденных им в тот день людей, лица знакомых, давно уже не встречаемых, никогда не виданные личности; от времени до времени между этими образами втирались белые страницы книг с печатью различного шрифта и, кроме того, повторно являвшийся перед внутренним зрением образ желтой розы; далее, целые картины и группы, состоявшие из многих различно костюмированных лиц в различных относительных положениях, однако всегда без движения. Эти образы на секунду появляются перед его внутренними очами и исчезают, заменяясь новыми образами, не имеющими с первыми видимой логической связи. Они *резко проецируются наружу* и кажутся находящимися *перед* зрящим субъектом, однако не приводятся в отношение к черному полю зрения закрытых глаз; чтобы видеть эти образы, *Долинин* должен отвлечься вниманием от объективного поля зрения закрытых глаз; напротив, фиксирование внимания на этом последнем немедленно прерывает смену псевдогаллюцинаторных образов. Несмотря на многократные попытки и усиленные старания, *Долинину* ни разу не удалось комбинировать какой-нибудь из этих субъективных образов с темным зрительным полем так, чтобы первый явился частью последнего. Хотя резкость очертаний и живость красок в этих образах

[38] Я употребляю выражение «преапперцепция» вместо *вундтовского* «апперцепция», потому что психиатры более привыкли понимать это последнее слово в смысле, приданном ему *Шредером ван-дер-Кольком* и *Кальбаумом*. В субкортикальных центрах чувств внешние впечатления *перципируются*, в кортикальных чувственных центрах *апперципируются* и, наконец, — они *преапперципируются* в высшем центре коры, служащем средоточием деятельности ясного сознания.

весьма значительны, хотя последние являются как бы перед зрящим *Долининым*, эти образы *вовсе не имеют характера объективности*: для непосредственного чувства *Долинина* кажется, что он видит их не теми внешними телесными глазами, которые видят темное поле зрения с возникающими в нем время от времени туманными световыми пятнами, но очами как бы внутренними, находящимися где-то позади очей внешних. Легко (разумеется, приблизительно) оцениваемое удаление псевдогаллюцинаторных зрительных образов от зрящего субъекта различно, у *Долинина* оно колеблется от 0,4 до 6,0 метров; размер человеческих фигур изменяется от натуральной величины до размеров фигуры на фотографической карточке. Иногда (впрочем, относительно весьма редко) бывает комбинация из двух образов, не имеющих между собой ни малейшего внутреннего отношения, — совершенно так, как будто бы две псевдогаллюцинации, не теряя своей самостоятельности, случайно связываются между собой. Например, *Долинин* видит псевдогаллюцинаторно заднюю стену (с обоями на ней) незнакомой комнаты, с дверью и мебелью вдоль стены; одновременно с этим на переднем плане, в очень близком расстоянии от внутреннего зрящего ока, помещается человеческая голова (в размере головы на маленьком акварельном портрете), которая, находясь несколько в стороне от главной линии зрения, закрывает собой часть видимой на заднем плане стены, совсем, однако, не принадлежа к представляющейся внутреннему видению комнате.

Эти субъективные явления не галлюцинации; но это и не простые чувственные представления, т. е. обыкновенные (хотя бы и спонтанные) образы, воспоминания и фантазии. Разумеется, образы воспоминания, как спонтанные, так и произвольно вызванные, часто являются между настоящими псевдогаллюцинациями, и благодаря этому обстоятельству различие между теми и другими для восприемлющего сознания особенно занятно. В течение этого, так сказать, псевдогаллюцинаторного сеанса *Долинин* остается в креслах, лишь закрывши глаза; как уже было сказано, он в это время далек от дремоты и скорее чувствует увеличенную способность к мозговой работе. Желая кончить наблюдения, он ложится около 2 часов ночи в постель, но почти до 4 час. утра не чувствует приближения сна. Псевдогаллюцинирование зрением продолжается, несмотря на желание *Долинина* прекратить его. В это время между псевдогаллюцинаторными образами начинают появляться также настоящие галлюцинации зрения, тождественные с «фантастическими зрительными явлениями» *Иог. Мюллера* (8) и галлюцинациями при засыпании у *Фехнера* (9). При возможности непосредственного сравнения галлюцинаторных образов оказывается, что резкое различие между этими субъективными зрительными явлениями состоит не в одной их различной живости, но главным образом в том, что галлюцинаторные явления представляют для самого восприемлющего со-

знания *характер объективной действительности*, псевдогаллюцинациями неимеемый; упомянутые галлюцинации возникают в темном зрительном поле закрытых глаз, к которому, как уже было сказано, псевдогаллюцинаторные образы не имеют никакого отношения. Около трех часов ночи зрительные галлюцинации, удерживая свой прежний, относительно элементарный характер, становятся более частыми и делаются одинаково яркими как при закрытых, так и при открытых глазах (в темной комнате, в которую сквозь коленкоровые шторы слабо проникает свет горящего на противоположной стороне улицы фонаря); вспышки огня, мгновенно освещающие все поле зрения, ослепительная молния, блистающая перед глазами, и тому подобные *подвижные* световые метеоры (Blendungsbilder *Иог. Мюллера*), пестрые правильные фигурки, ярко блистающие разными цветами, совершенно похожие на видимые в калейдоскопе, гербы, арабески, изредка фантастические фигуры насекомых или лица в миниатюре (фантастические образы *И. Мюллера*). Не засыпая нормальным сном, *Долинин* около 4 час. утра впадает в дремоту или род лихорадочного полусна, перед наступлением которого настоящие галлюцинации прекращаются, псевдогаллюцинации же несколько меняют свое содержание, получая более сложный характер (ландшафты, виды улиц и т. п. картины), начинают логически связываться между собой и, наконец, непосредственно сливаются с образами сновидения.

Подобного рода наблюдения, с различными вариациями, *Долинин* делал многократно. Ими для нас обнаружилось, что самые благоприятные условия для происхождения псевдогаллюцинаций, даже в то время, когда деятельность известных центральных областей чувств искусственно повышена (определенные, не слишком большие приемы *tincturae opii*, *extracti cannabis indicae* или *extr. belladonnae*), суть: возможно полное прекращение произвольной деятельности мысли и пассивное преапперципирование, причем внимание без всякого насильственного напряжения должно быть обращено на внутреннюю деятельность того чувства (в наблюдениях *Долинина* — зрения), псевдогаллюцинации которого желательно наблюдать. Активное преапперципирование спонтанно возникших псевдогаллюцинаторных образов задерживает последние в фокусе сознания долее, чем они продержались бы без такого активного усилия со стороны наблюдателя. Поворот внимания на субъективную деятельность другого чувства (например, от зрения к слуху) почти или вполне прекращает псевдогаллюцинирование первым чувством. Точно также псевдогаллюцинации прекращаются при фиксировании внимания на темном поле зрения закрытых глаз или на окружающих наблюдателя реальных предметах, равно как и при начале непроизвольной или произвольной работы абстрактной мысли (т. е. при апперципировании и, еще более, при преапперципировании не чувственных представлений).

Путем многочисленных систематических самонаблюдений *Долинин* убедился, что влияние сознательного мышления и воли на появление и содержание псевдогаллюцинаций весьма незначительно. Только сравнительно в немногих случаях произвольным напряжением воображения можно вызвать перед своим внутренним зрением тот или другой определенный псевдогаллюцинаторный образ. Сравнительно легче во время зрительного псевдогаллюцинирования заставить *вновь* появиться псевдогаллюцинацию, непосредственно перед тем являвшуюся спонтанно; но и это удается лишь редко. Вообще же, в периоды псевдогаллюцинирования произвольные чувственные воспроизведения только что перед тем (или раньше) спонтанно возникавших псевдогаллюцинаторных картин одинаково с всякими другими произвольно вызываемыми образами воспоминания и фантазии остаются на степени простых чувственных представлений, не метаморфозируясь в псевдогаллюцинации. При этом введение произвольной деятельности воображения всегда значительно ослабляет или даже прекращает процесс псевдогаллюцинирования: количество спонтанно возникающих псевдогаллюцинаторных образов резко уменьшается и, наконец, они почти совсем вытесняются обыкновенными картинами воспоминания и фантазии. Поэтому те нечастые случаи, где самонаблюдающему лицу (находящемуся в психически здоровом состоянии) кажется, что псевдогаллюцинаторные образы являются иногда в зависимости от его воли, служа иллюстрациями к произвольно им изменяемому движению мысли, могут быть объясняемы тем, что сознание как бы предвкушает псевдогаллюцинаторный образ в момент его зарождения (in statu nascenti), каковое совершается единственно в силу автоматического возбуждения известных чувственных областей головного мозга; другими словами, здесь не мысль вызывает соответственные псевдогаллюцинации, а, наоборот, спонтанно являющиеся и исчезающие псевдогаллюцинации своим содержанием дают толчок движению мысли в ту или другую сторону. Такое заключение, как мне кажется, неизбежно вытекает из следующих фактов. Я заранее назначал *Долинину* те предметы, которые он во время появления ярких зрительных псевдогаллюцинаций должен был стараться внутренно увидеть; напр., на один вечер ему было назначено: лицо одной очень знакомой ему дамы, — рублевый кредитный билет, — желтая роза, — король треф; на другой вечер: незабудка или букет из незабудок, — лицо одного господина, которого *Долинин* видит ежедневно несколько раз, — русский национальный (трехцветный) флаг, — кабинетный портрет, который *Долинин*, приступая к самонаблюдению, мог оживить в своей памяти, и т. п. Затем, я ставил *Долинина* (посредством приемов опия[39] и некоторых других эмпирически найденных

[39] Известные не очень большие приемы *опия* и *экстракта индийской конопли* весьма располагают к псевдогаллюцинированию зрением. Хинин же, как я убедился,

способов, например, попросив его выспаться днем, отчего ночью у него всегда бывает бессонница) в условия, благоприятные для псевдогаллюцинирования. При этих опытах всегда получались обильные псевдогаллюцинации зрения, в ряд которых нередко вмешивались настоящие зрительные галлюцинации (в особенности, если глаза предварительно были раздражены продолжительным чтением мелкого шрифта или долгим смотрением на свет лампы), однако ни разу не появился ни один из вперед назначенных предметов, ни в форме псевдогаллюцинации, ни в форме настоящей галлюцинации зрения. Очевидно, в этих случаях произвольно вызываемый образ воспоминания наперед выбранного предмета не подходил ни к одному из субъективных образов, *готовых* в ту минуту возникнуть из спонтанного возбуждения клеток кортикального зрительного центра и потому действительно возникавших в сознании, если только были избегнуты все условия, при которых подобного рода субъективные возбуждения амортизируются.

Зрение, как известно, есть самое объективное из чувств. Все субъективные зрительные образы, не исключая и простых образов зрительного воспоминания, пространственны. Когда мы что-либо живо представляем себе, то мы собственно ставим перед очами нашей души пространственный зрительный образ, причем даже легко оцениваем расстояние, на котором находится представленный предмет от нашего умственного ока. Поэтому не лишнее остановиться на различии между тремя родами субъективно возникающих зрительных образов, на различии между обыкновенными зрительными представлениями, псевдогаллюцинациями и галлюцинациями. Путем известного расположения опытов нам удавалось достигнуть, что в ряде беспрерывно сменяющихся псевдогаллюцинаций зрения у *Долинина* время от времени являлись настоящие зрительные галлюцинации (равнозначащие с наблюдавшимися *И. Мюллером*, *Генле* (11), *Фехнером*, *Гагеном* и друг.). Эти галлюцинации у *Долинина* чаще бывали элементарными, однако иногда они (задолго до наступления дремоты, т.е. при совершенно ясном, ни мало не омраченном сознании) становились более сложными (лица людей, портреты и т.п.) и тогда по содержанию своему переставали отличаться от псевдогаллюцинаций. Что касается до обыкновенных образов воспоминания или фантазии, то они во время псевдогаллюцинирования могут быть вызываемы самонаблюдателем произвольно и притом в более живом виде, чем обыкновенно. Разница между этими тремя родами субъективных зрительных восприятий, легко уловляемая самонаблюдателем при

действует в этом отношении диаметрально противоположно опию. Непосредственное действие спиртных напитков совершенно исключает псевдогаллюцинирование. Напротив, на другой день (resp. вечер) после состояния опьянения псевдогаллюцинации зрения (у субъектов, к ним предрасположенных) бывают особенно обильны и отчетливы (10).

возможности непосредственного сравнения их между собою, будет лучше видна на конкретном примере.

Образ гусара в красной фуражке, синем мундире и малиновых штанах, запущенных в сапоги, являлся у *Долинина* в качестве псевдогаллюцинации. Попытка произвольного вызывания этой псевдогаллюцинации дает в результате у *Долинина* (особенно в час псевдогаллюцинирования) относительно весьма живое (однако не псевдогаллюцинаторное) зрительное представление. Наконец, гусар мог бы быть и настоящей галлюцинацией. Во всех этих трех случаях субъективно возникший зрительный образ *проецируется наружу*. В случае псевдогаллюцинации гусар видится *внутренно*; его образ *спонтанно* является не перед телесными очами (что особенно чувствуется, если в полутемной комнате глаза самонаблюдателя открыты[40]), но перед очами духовными, именно перед внутренно зрящим субъектом, совершенно так, как и при произвольном усилии воображения мы представляем себе, что известное лицо стоит перед нами, в определенном от нас расстоянии. Но при этом образ гусара восприемлется сознанием (пассивная преапперцепция) *сразу со всеми мельчайшими своими частностями*: в один момент *Долинин* с большой отчетливостью видит не только ярко-красную фуражку, но и кокарду на ней, все черты лица и выражение последнего, черные бакенбарды и закрученные в кольца усы, все шнурки голубого мундира на груди и проч. В этом живом и до мельчайших подробностей отчетливом чувственном образе ничто не может быть изменено произвольными усилиями воображения: *Долинин* принужден видеть гусара именно так, как он ему сам собой представился, никак не иначе, так что не может, например, поставить его в профиль, обратить его вниз головой или просто заставить его снять фуражку. Этот псевдогаллюцинаторный образ проецируется на известное расстояние наружу, но тем не менее он не приводится ни в какое отношение к реальным предметам, окружающим самонаблюдателя. Для псевдогаллюцинирования при открытых глазах необходимо не преапперципировать внешних предметов, а оставить точку внутреннего ясного видения для пассивного преапперципирования субъективного образа. Неясно апперципируемые внешние предметы, оставшись вне внутренней точки ясного зрения, в момент появления в последней образа гусара совсем исключаются из сознания; вместе с этим прекращается восприятие внешней или реальной пространственности, так что в результате остается лишь субъективный образ с его, так сказать, внутренней или идеальной пространственностью. Понятно, что субъективный образ, принадлежащий идеальному пространству, может

[40] Псевдогаллюцинировать зрением можно не только при закрытых глазах, но и при открытых; разумеется, в последнем случае должно преапперципировать субъективный образ, а не реальный предмет, находящийся на продолжении зрительных осей. Резкое освещение комнаты поэтому мешает псевдогаллюцинированию при открытых глазах.

вступить в соотношение с предметами, находящимися в реальном пространстве[41] только тогда, когда мы произвольными умственными усилиями постараемся искусственно установить такое соотношение; однако для этого необходимо, чтобы сам субъективный зрительный образ вполне зависел от вашего произвола, и потому установка упомянутого искусственного соотношения возможна только для произвольно вызванного образа воспоминания или фантазии. Так, смотря на пустое реальное кресло, *Долинин* с известным умственным усилием может приспособить к этому креслу воображаемого гусара. Однако такого рода искусственная комбинация реального и идеального пространства гораздо труднее, чем свободная игра фантазии. *Долинину*, сидя у себя в кабинете, гораздо легче, напр., перенестись воображением в театр и представить себя сидящим в третьем ряде кресел, позади гусара. При псевдогаллюцинировании при закрытых глазах восприятие темного зрительного поля неизбежно прекращается; если самонаблюдатель будет при этом стараться не упускать из восприятия и темное поле зрения закрытых глаз, то он прекратит зрительное псевдогаллюцинирование. Таким образом, темное (объективное) поле зрения закрытых глаз, то самое поле, в котором являются последовательно образы и элементарные галлюцинации зрения, совершенно отлично от поля зрения псевдогаллюцинаторных образов. Однако и при закрытых глазах псевдогаллюцинированный гусар является перед *Долининым*, локализируясь на определенное (в отдельных случаях различное) расстояние от него; поэтому самонаблюдателю может показаться (хотя обыкновенно этого не ка-

---

[41] Согласно с *Кантом*, я думаю, что и «реальное» пространство есть не что иное, как форма нашего представления. Тем не менее, зрительные представления бывают двоякого рода: во-первых, первичные зрительные восприятия со специфическим характером действительности и объективности, и, во-вторых, вторичные или воспроизведенные представления, упомянутого специфического характера не имеющие; как те, так и другие зрительные представления пространственны, но пространственность первых *не тождественна* с пространственностью вторых. Вместе с *Мейнертом* я убежден, что элементы пространственного восприятия даются уже функцией внекорковых чувственных центров. Если это так, то в пространственности первичного зрительного представления должно заключаться нечто, обусловленное действительным участием субкортикального зрительного центра в этом акте восприятия; но этого «нечто» не будет в воспроизведенном зрительном представлении, в произведении которого подкорковый зрительный центр совсем не участвует. Таким образом, между пространственностью первичного зрительного образа и пространственностью зрительного образа вторичного остается та же разница, как и вообще между чувственным результатом процесса объективного восприятия и воспроизведенным представлением. Пространственность первичного зрительного образа тоже носит в нашем сознании печать действительности; пространственность же зрительного образа воспоминания остается, напротив, чисто идеальной, ибо упомянутого характера действительности она не имеет. В этом смысле можно говорить о внешней или внутренней пространственности и, если угодно, даже об объективном и субъективном пространстве, чем ни мало не утверждается объективность пространства, взятого независимо от нашего сознания.

жется), что при зрительном псевдогаллюцинировании он видит не «головою», как при зрительном воспоминании или фантазировании, но как будто глазами, — и это тем легче, что при зрительном псевдогаллюцинировании совершенно не бывает того чувства напряжения, легкого давления и стягивания во лбу или внутри головы, которым обыкновенно сопровождается всякий акт произвольного зрительного воспоминания или фантазирования[42].

Образ гусара, являющийся в голове *Долинина* в качестве простого воспроизведенного представления, помимо своей зависимости от воли самонаблюдателя (гусар может быть тогда одинаково легко воображен в фуражке, без фуражки, стоящим, сидящим, скачущим на лошади и т. п.), отлича-

---

[42] При обыкновенном зрительном воспоминании у меня отношение зрительных образов к пространственности моего тела бывает двояко. Если дело идет не о привычных образах воспоминания или если я вообще хочу вспомнить что-либо, раз виденное, не заботясь о том, как себе это представить, — то перед моим внутренним видением свободно развертывается более или менее сложная картина воспоминания, в точности воспроизводящая все то, что в известный момент вспоминаемого времени действительно было мной воспринято в одном акте зрительного восприятия. При этом я совершенно непроизвольно отрешаюсь вниманием от моей действительной обстановки и переношусь воображением именно в то положение, которое я занимал в момент вспоминаемого зрительного восприятия; тут всегда воспроизводится и весь чувственный тон этого прежнего восприятия. Например, пожелав вызвать в своем воспоминании лицо человека, вчера впервые мной виденного, я представляю себе этого человека совершенно так, как вчера действительно видел его в одну из тех минут, которые были проведены мной с ним в одной комнате, т. е. я внутренно вижу его лицо на фоне вчерашней комнаты, в том же удалении и относительном положении от окружавших его предметов, других людей и *меня самого*, в каком я действительно видел его вчера, причем *сам себя невольно представляю* на том же самом месте, на котором я вчера находился в эту минуту. Этот способ воспоминания (простое воспроизведение) требует от меня наименьшего умственного напряжения; при этом я чувствую, что «вижу» не глазами, а, так сказать, головой и соответственно этому имею чувство слабого напряжения, неопределенно локализирующееся где-то внутри головы, но уже никак не в глазах. Если бы я захотел выделить этого вчера впервые виденного человека из окружавшей его обстановки и представить его отдельно, в произвольном удалении, перед собой (по отношению к тому положению, которое я действительно занимаю в настоящую минуту), то я должен прибегнуть к значительно большему умственному усилию; при этом я имею некоторое чувство деятельности *в глазах* и, кроме того, чувство стягивания, резко локализирующееся во лбу. Что касается до воспроизведения лиц и предметов, множество раз мной виденных, то с этими образами я могу, в своем воспоминании, распоряжаться совершенно произвольно: я могу их воспроизводить в отдельности, на любом расстоянии от меня, могу заставлять эти образы принимать различнейшие положения, приходить в движение, поворачиваться ногами кверху и т. д.; не ощущая ни малейшего напряжения в голове, я, однако, имею при этом чувство слабой деятельности в глазах. Но чтобы привести эти столь легко подчиняющиеся мне образы в соотношения с реальными предметами, напр., чтобы представить знакомого мне, но теперь отсутствующего человека сидящим в кресле, действительно находящемся против меня в настоящую минуту, я должен употребить весьма значительное умственное усилие.

ется от псевдогаллюцинации тем, что, будучи введен во внутреннюю точку фиксации во всей своей целостности, этот образ явится бледным, малоотчетливым и, главное, схематичным, лишенным подробностей; если при этом *Долинин* устремит внимание на красную фуражку гусара, то, разумеется, последняя выступит резче, так что на ней, может быть, усмотрятся выпушка и кокарда; но в этот момент лицо и еще более грудь гусара исчезнет из внутреннего поля зрения. Точно также, если *Долинин* будет фиксировать своим воображением грудь гусара, стараясь чувственно живее представить себе золотые шнуры на синем мундире, он упустит из внутреннего поля зрения как малиновые штаны, так и голову в красной фуражке. При псевдогаллюцинации, как мы видели, бывает совсем иное.

В случае действительной галлюцинации гусар, может быть, будет увиден далеко не с той резкостью, как при объективном восприятии, тем не менее, он явится на определенном месте реальной комнаты, прикроет собой часть стены или, по меньшей мере, получится в виде картины, намалеванной красками на стене. Если бы гусар явился в виде раскрашенной миниатюрной фигурки в темном поле зрения закрытых глаз (гипнагогические галлюцинации, фантастические зрительные явления *И. Мюллера*), то в этом случае субъективный образ, составляя часть темного зрительного поля, будет воспринят вместе с этим последним и получит в сознании тот же характер объективности, который присущ и темному полю зрения закрытых глаз. Галлюцинаторные образы непомраченного сознания, даже в тех случаях, когда они имеют вид неясных теней, всегда находятся в определенном отношении или к видимым вокруг реальным предметам, или к темному зрительному полю закрытых глаз, и в силу этого представляют для сознания значение объективности. В своем суждении галлюцинирующий субъект может и не смешивать фантом с действительностью, но сенсориальная сторона дела от этого ни мало не изменится.

Эмпирически найденная разница между тремя родами субъективных зрительных восприятий может быть выражена следующим образом. Зрительные образы воспоминания и фантазии соответствуют субъективному пространству; это суть образы относительно бледные и схематичные; обыкновенно они вызываются нами произвольно. Зрительные псевдогаллюцинации тоже принадлежат субъективному пространству и имеют поле зрения, одинаковое с образами воспоминания, но это суть образы, возникающие спонтанно; они весьма определенны, живы, чувственно весьма (даже до мельчайших деталей) законченны, причем в том случае, если они представляют копии с реальных предметов, весьма точны (псевдогаллюцинаторные явления так называемой «зрительной памяти»). Галлюцинаторные зрительные образы непомраченного сознания принадлежат пространству объективному; здесь субъективное чувственное восприятие происходит «совместно и одновременно» (*Гаген*) с объективными восприятиями и имеет

значение, одинаковое с этими последними. Субъективные зрительные представления, известные под названием сновидений, и им аналогичные состояния (галлюцинации помраченного сознания), собственно, соответствуют субъективному пространству; но они становятся для восприемлющего сознания равнозначащими с объективными восприятиями вследствие невозможности непосредственного сравнения их с этими последними, ибо при состоянии сна, равно как и во многих случаях душевного расстройства, сознание более или менее совершенно отрешается от реального внешнего мира. Кортикальные галлюцинации, к числу которых я отношу и сновидения, — это именно объективизация мира представлений; но при нормальном относительно восприятия внешних впечатлений, нерасстроенном сознании чисто кортикальные галлюцинации (как об этом подробно трактуется в гл. X), по моему мнению, невозможны.

У здоровых людей псевдогаллюцинации всего чаще бывают *перед засыпанием*, именно в то время, промежуточное между сном и бодрствованием, когда, прекратив активно-преапперцептивную работу логического мышления, человек предается пассивному восприятию спонтанно возникающих субъективных образов. Обыкновенно относят (*Моро*, *Мори*, *Морель* (12) и друг.) все *гипнагогические* явления к галлюцинациям, но это неверно. Большая часть зрительных образов гипнагогического состояния у здоровых людей, в особенности же наиболее сложные (спонтанные) картины воспоминания и фантазии суть не настоящие галлюцинации, а именно псевдогаллюцинации в моем смысле. В этом я убедился не только из сообщений г. *Долинина*, но и непосредственно, так как я постоянно имею возможность наблюдать эти субъективные явления, в достаточно резкой форме, на самом себе. Всегда это суть образы воспоминания и фантазии, не имеющие характера объективности и никоим образом не комбинируемые с темным полем зрения закрытых глаз; от обыкновенных образов воспоминания и фантазии они отличаются только своей спонтанностью и, кроме того, поистине поразительной чувственной законченностью и живостью. Правда, в том случае, когда зрительный аппарат, вследствие утомительной работы, после продолжительного воздействия резкого света или просто от болезни, находится в состоянии раздражения, между псевдогаллюцинаторными образами являются иногда световые метеоры и пестрые фигуры с характером объективности, локализирующиеся в темном поле зрения; однако у здоровых людей эти случайные галлюцинаторные явления всегда остаются относительно элементарными (светящиеся огоньки, крестики и точки, проскакивающие молнии, разноцветные фигурки, подобные калейдоскопическим, иногда простые мелкие зрительные объекты, если таковые долго представлялись зрению в течение дня, например, мелкие чертежи, узоры и т. п.). Сюда, т. е. к настоящим галлюцинациям зрения, относятся самонаблюдения *Генле*[43]

[43] *Casper's*. Wochenschrift. 1838. N 18.

и *Г. Мейера*[44], которые после утомительной работы с микроскопом неоднократно видели в темном поле зрения закрытых глаз те микроскопические препараты, которыми им приходилось заниматься в течение дня. Подобного же рода явления, чисто галлюцинаторного свойства, были наблюдаемы *И. Мюллером*[45] и *Фехнером*[46]. Гаген также имел возможность наблюдать у себя при засыпании настоящие галлюцинации зрения, но подобно тому, как у г. *Долинина* и у меня, эти галлюцинации были довольно элементарными: светящиеся волны, голубые или грязно-зеленые пятна, нити бус или четки, цветные полосы и звезды, насекомые и т. п.

От этих галлюцинаторных образов, пишет далее *Гаген*, явственно различались как по интенсивности, так и по способу происхождения, *образы представления*, казавшиеся удаленными от глаз на большее расстояния и представлявшиеся с необычайною живостью и пластической точностью[47]. Эти последние субъективные образы, тоже возникавшие спонтанно, не были, как видно из описания самого *Гагена*, обыкновенными образами воспоминания и фантазии, но были именно тем, что я называю настоящими псевдогаллюцинациями зрения.

Таким образом, далеко не все чувственные гипнагогические явления суть действительно галлюцинации. Собственно к псевдогаллюцинациям я отношу большую часть живочувственных фантастических картин, являющихся у многих здоровых людей перед засыпанием или вообще в состоянии, среднем между сном и бодрствованием (грёзы наяву). Это уже не отдельные фигуры в объективном поле зрения (как при гипнагогических галлюцинациях), но целые сложные картины, занимающие все *субъективное* зрительное

---

[44] *H. Meyer*. Untersuch, über die Physiologie der Nervenfasern. Tübingen, 1846. P. 56.

[45] *И. Мюллер* различал: a) «Blendungsbilder» (последовательные образы вслед за интенсивным световым впечатлением и спонтанные световые явления в глазе); они представляются движущимися и зависят единственно от раздраженного состояния сетчатки; и b) «phantastische Bilder», сохраняющие одно и то же место при всех движениях закрытых глаз; они не получаются из световых пятен, зависящих от раздражения сетчатки, но имеют местом своего происхождения самую центральную часть зрительной субстанции, где и возникают в зависимости от фантазии («in Folge der Sympathie des Phantasticon und des Lichtnerven»). См. Ueber die phantast. Gesichtsersch. Coblenz. 1826. P. 19–30; 34, 37; Handb. der Physiol. des Menschen. II. Coblenz. 1837. P. 391. То обстоятельство, что *И. Мюллеру* и *Фехнеру* были знакомы, по собственному опыту, лишь гипнагогические *галлюцинации*, а не псевдогаллюцинации, удобно объясняется тем, что как тот, так и другой из этих ученых не имели способности живого чувственного представления и, по-видимому, страдали раздражением органа зрения; это видно по той легкости, с какой у них являлись последовательные зрительные образы, а также по обилию у них неопределенных световых явлений в темном поле зрения закрытых глаз.

[46] *Fechner*. Elemente der Psychophysik. II. P. 499 и 501.

[47] *Hagen*. Zur Theorie der Hallucination. Allg. Zeitschr. f. Psychiatrie XXV. P. 74, примечание.

поле. Эти картины, как я убедился частью по собственному опыту, частью из сообщений *Долинина* и описаний *А. Мори* (13), иногда достигают до высокой степени художественной законченности, представляя, например, живописные ландшафты, виды городов и т. п. панорамы («панорамические псевдогаллюцинации»). Что это не действительные галлюцинации, видно из следующего: будучи лишены характера объективности, они никогда *не обманывают* восприемлющего сознания. Не то бывает при соответствующих галлюцинациях, при ragle пустыней, при панорамических галлюцинациях[48] субъектов душевнобольных или гипнотизированных, где человек считает себя перенесенным в другую местность, так что фантастические картины здесь совершенно заменяют собой для восприемлющего сознания ту реальную обстановку, в которой находится галлюцинирующий субъект. Если в число гипнагогических панорам, видимых некоторыми здоровыми людьми, замешаются настоящие галлюцинации, то человек или будет принужден принять фантазму за действительность, совершенно упустив из своего сознания окружающую реальную обстановку, или же, по крайней мере, поразится ужасом, непосредственно *почувствовав*, насколько при галлюцинировании продукт субъективной деятельности мозга тождественен с действительностью. В самом деле, не трудно понять, что галлюцинация, если она обманывает не только чувство, но и сознание, равнозначаща действительности; галлюцинация же, обманывающая только чувство, т. е. принимаемая сознанием именно за обман, в первые моменты действует как на людей здоровых, так и на психически больных страшно потрясающим образом, и притом совершенно независимо от своего содержания, одним лишь фактом своего появления: получив такого рода беспредметное восприятие, сознающий свое положение человек чувствует себя сразу очутившимся на краю пропасти, так как единственные посредники между мыслящим *Я* и реальным миром, внешние чувства, оказываются в данном случае коварными обманщиками, приводящими *Я* к невозможности непосредственно положить предел между действительностью и мечтой. Будучи лишены характера объективности, гипнагогические псевдогаллюцинации никогда не бывают смешиваемы с действительностью, а потому их появление никогда не действует потрясающе, как бы ни были они неприятными по содержанию своему.

Субъективными чувственными явлениями, предшествующими сну и сопровождающими его наступление, много занимался *Альфред Мори*[49], имевший возможность изучить эти явления на самом себе. Я охотно допускаю, что часть тех субъективных явлений, которые описаны этим ученым, принадлежат к действительным галлюцинациям; имея весьма

[48] См. *Vercontre*. Etude sur une forme non encore décrite d'hallucinations dites paronamiques. Revue de méd. milit. 1881. № 1. P. 47.

[49] *A. Maury* (de l'institut). Le sommeil et les rêves, études psychologiques. 4 édit. Paris, 1878.

невропатическую натуру и постоянно находясь в состоянии, пограничном между здоровьем и резко выраженной болезнью, этот автор, очевидно, в высокой степени предрасположен к обманам чувств. Тем не менее, я убежден, что многое из того, что он называет галлюцинациями, в сущности, принадлежит или к псевдогаллюцинациям, или к сновидениям. Так, многие из его наблюдений относятся уже не к состоянию, предшествующему засыпанию, а скорее к первым моментам уже наступившего сна, так как в том состоянии, которое автор называет «assoupissement», восприятие впечатлений из внешнего мира или прерывается, или совершается крайне отрывочно и смутно. При прекращении же отчетливых восприятий из внешнего мира, т. е. при наступлении сна, как те субъективные чувственные образы, которые перед засыпаниям были псевдогаллюцинациями, так и обыкновенные (не псевдогаллюцинаторные) образы воспоминания и фантазии прямо превращаются в сновидения. С другой стороны, для меня несомненно также, что некоторые из наблюдений *Мори* принадлежат к чистым псевдогаллюцинациям. Так, этот автор сам выражается о своих гипнагогических зрительных образах так: «Надо заметить, что фантастические образы, рисующиеся перед глазами (закрытыми), не представляют вполне характера действительных предметов: глаз легко различает призрачность этих образов» [50]. В параллель этому, гипнагогические слуховые восприятия у *Мори* тоже были большей частью не настоящими галлюцинациями, но лишь псевдогаллюцинациями. Это видно из тех слов *Мори*, где он говорит, что хотя он слышал при этом «весьма ясно, однако далеко не с той отчетливостью, а главное, не с той внешней объективностью (exteriorite), как если бы он слышал голос действительный» [51]. Как он сам выражается в других местах, он слышал лишь своим «душевным» или «внутренним ухом» [52].

Если у здоровых людей в состоянии, переходном между сном и бодрствованием, несравненно чаще бывают псевдогаллюцинации (по преимуществу зрительные), чем настоящие галлюцинации [53], то нельзя не согласиться, что у людей душевнобольных настоящие галлюцинации в состоянии, переходном между бодрствованием и сном, — явление весьма частое. Вероятно, всякий психиатр имел возможность убедиться в истине положения, высказанного еще 40 лет тому назад *Бэлларже*, что «переход от бодр-

[50] *Maury*, l. c. P. 88.

[51] l. c. P. 89.

[52] l. c. P. 90, 96.

[53] При этом я оставляю в стороне простые субъективные ощущения, по всей вероятности, чисто периферического происхождения (вследствие раздражения ретины или слухового нерва), вроде звона в ушах, неопределенных, слегка светящихся туманных фигур или неопределенного светового волнения в поле зрения и т. п. явлений, которые, разумеется, не составляют редкости.

ствования ко сну, равно как и от сна к бодрствованию оказывает положительное влияние на произведение галлюцинаций как у субъектов, предрасположенных к помешательству, так и в продромальном периоде, при начале и при дальнейшем течении душевных болезней»[54].

Однако и *Бэлларже*, подобно *Мори*, приводит между примерами настоящих галлюцинаций и такие фантазмы, которые или принадлежат собственно к сновидениям (будучи испытаны в состоянии дремоты или полусна) или же должны быть отнесены к псевдогаллюцинациям. Укажу лишь на два случая. В одном из них (по-видимому, paranoia hallucinatoria subacuta) девушка в состоянии полусна не только видит дьявола, но и чувствует себя уносимой им за ноги на воздух и переносимой в разные места (observ. XVII); при этом сама больная не может дать себе отчета — спит она в это время или нет. В другом случае, по-видимому, paranoia hallucinatoria chronica (observ. XVI) больной в течение дня имел постоянные галлюцинации слуха, а перед сном, при усиленном галлюцинировании слухом, начинал видеть различные вещи — площади, улицы, памятники, церкви, внутренность домов, обнаженных людей и проч.; сам больной не мог лучше охарактеризовать им испытываемое, как сравнив это с «живописным театром Пьерро», и называл это «les suscitations», так как был убежден, что люди, чтобы побудить его к действиям в известном направлении, нарочно показывают ему те или другие предметы. Последний пример совершенно подобен наблюдениям, приводимым мной (*Пер.*, *Дол.*, *Лашк.*), где дело идет несомненно о псевдогаллюцинациях, а не о настоящих галлюцинациях. Главной же своей массой наблюдения *Белларжэ* принадлежат к случаям paranoiae hallucinatoriae, где галлюцинации слуха, имеющие место в течение дня, в минуту засыпания или пробуждения становятся более интенсивными, или же где в самом начальном периоде болезни галлюцинации слуха сперва появляются лишь в состоянии, переходном между бодрствованием и сном, а затем уже делаются постоянными. Здесь не место разбирать, почему состояние, переходное от бодрствования ко сну и обратно, благоприятствует возникновению галлюцинаций (с моей точки зрения, это объясняется очень легко); вопрос о галлюцинациях вообще и о гипнагогических галлюцинациях в частности выходит из пределов этой работы. Я хотел лишь указать, что в число настоящих галлюцинаций авторы заносят иногда такие субъективные явления, которые принадлежат собственно к псевдогаллюцинациям. Вообще, вопрос о галлюцинациях затрагивается в настоящей работе лишь настолько, насколько это необходимо для уяснения разницы между галлюцинациями и псевдогаллюцинациями.

---

[54] *Baillarger*. De l'influence de l'état intermédiaire à la veille et au sommeil sur la production et la marche des hallucinations. Mémoires de l'Académie royale de médicine. T. XII. Paris, 1846. P. 476–516.

Само собой разумеется, что псевдогаллюцинации резко отделяются от галлюцинаций лишь в области двух высших, наиболее объективных чувств — зрения и слуха. В сфере осязания, общего чувства, обоняния и вкуса *эмпирически* найти резкую границу между галлюцинациями и псевдогаллюцинациями невозможно; но теоретическое различие и здесь остается в своем полном объеме.

В нижеследующем случае, например, трудно решить, имел ли больной галлюцинации мышечного чувства или же лишь соответственные псевдогаллюцинации.

Больной *Лашков* в один из тех периодов экзацербации, когда его состояние граничило с галлюцинаторной спутанностью, в течение нескольких дней был всецело порабощен следующей ложной идеей: ему казалось, что в канале, находящемся за оградой больницы, живет крокодил, пожирающий тех из несчастных узников, которые решились бы на бегство. В это время больной сильно галлюцинировал слухом и осязанием, и кроме того, как обнаружилось для меня из его сообщений по выздоровлении, имел массу крайне живых псевдогаллюцинаций зрения («экспрессивно-пластические образы», как их назвал сам больной). Что касается до настоящих галлюцинаций зрения, то за все эти дни он испытал лишь одну (именно, видел за окном своей комнаты, в некотором расстоянии от последнего, на воздухе и в натуральную величину, огненный образ своего двойника; несмотря на общую огненность образа, по оттенкам огня можно было различить красный воротник мундира, генеральские эполеты и красные лампасы). В то время, о котором теперь идет речь, больной почти вовсе не отвечал на предлагаемые ему вопросы, имел вид растерянности и урывками обнаруживал бред преследования, а также галлюцинирование слухом и осязанием. Однажды, придя в отделение, я был заинтересован странной картиной: согнувши колени и сильно вытягиваясь корпусом вперед, *Лашков*, с выражением ужаса на лице, медленно продвигался по коридору, причем работал локтями и протянутыми вперед руками так, как будто бы ему было нужно прокладывать себе дорогу в вязкой среде. Добиться от больного какого бы то ни было объяснения тогда было положительно невозможно; *Лашков* не только не отвечал на мои вопросы, но, по-видимому, не был даже в состоянии понимать их. Позже, уже в периоде выздоровления, *Лашков* объяснил этот эпизод так: он в то время намеревался бежать из больницы, являвшейся ему тогда тюрьмой, но был удерживаем только страхом попасться на зубы крокодила, живущего в канале, который огибал больницу с двух сторон. Вдруг *Лашков*, к величайшему своему ужасу, чувствует, что крокодил уже *поглотил* его, что он, *Лашков*, уже находится в чреве этого животного; вследствие этого, желая выбраться на свет Божий, он и должен был с большим трудом прокладывать себе дорогу, медленно продвигаясь вперед во внутренности животного. Спрошенный о том, что

он в то время видел, *Лашков* отвечал: «Я не могу сказать, чтобы я тогда совсем не видал того, что меня действительно окружало, или чтобы я *видел* нечто иное… мне теперь даже кажется, что я тогда видел и стены коридора, и окно в дальнем конце последнего; но в те минуты я как-то *не понимал* того, что было перед глазами; к тому же я тогда живо чувствовал, что *тело мое стеснено со всех сторон* и что я не иначе, как с чрезвычайными мышечными усилиями могу подвигаться вперед… одним словом, я чувствовал себя тогда именно так, как будто бы я в самом деле попал во чрево крокодилово, подобно пророку Ионе, пребывавшему во чреве китовом три дня и три ночи»…»

V

Псевдогаллюцинации зрения. — Эти псевдогаллюцинации у людей, душевным расстройством не страдающих, бывают большей частью в качестве эпизодических явлений. Но у отдельных субъектов, отличающихся нервным темпераментом и легкой возбудимостью центральных (кортикальных) чувственных сфер, они становятся весьма обыкновенным явлением во время умственного успокоения, непосредственно предшествующего наступлению сна. «Кому не приходилось, — говорит *Марк* (14), — вследствие затрудненного пищеварения или легкого расстройства в кровообращении или в нервных отправлениях, после резкого потрясения физического или морального испытывать при засыпании эти обманы *внутренних* и внешних чувств, усматривать странные и страшные фигуры, видеть пропасти… одним словом, грезить, до известной степени, наяву»[55]. «Тогда, — продолжает *Шамбар* (15), — всплывают из таинственных родников памяти прежние, давно уже заглохшие воспоминания и внезапно возникают идеи, то смешные или странные, то остроумные и глубокие. Эти идеи и образы следуют друг за другом без видимой логической связи между собой; их можно назвать блестящими метеорами, проносящимися в нашем умственном зрении и исчезающими без всякого следа. Наше „я“ находится как бы в роли зрителя этого фейерверка, этого взрыва идей и образов, которые ни на что не могут быть утилизированы сознанием, не имеющим возможности ни остановить их течения, ни привести их в логическую связь между собой»[56]. В этом состоянии, как уже было говорено, имеют место как зрительные галлюцинации, так и псевдогаллюцинации.

У людей, весьма наклонных к псевдогаллюцинированию, псевдогаллюцинации зрения могут быть и вне состояния, переходного между бодрство-

---

[55] *Marc.* De la folie dans ses rapports avec les questions médicojudiciaires. Paris, 1840. II. P. 661.

[56] *Ern. Chambard.* Du somnambulisme en général. Paris, 1881. P. 17.

ванием и сном; для их появления иногда достаточно, прекратив произвольную деятельность представления, закрыть глаза и тем, так сказать, приготовиться к пассивному созерцанию образов и фигур, не замедливающих появиться, одна за другой, в субъективном зрительном поле. При этом иногда, все равно как при гипнагогическом псевдогаллюцинировании зрением, все субъективное зрительное поле выполняется одной сложной картиной с самыми разнообразными очертаниями и красками (пейзажи, проспекты и т. п.); если такое явление достигает значительной степени живости, то восприемлющий субъект совершенно теряет, по крайней мере моментами, ощущение того, что глаза его закрыты; напротив, ему кажется, что он как будто *открытыми* глазами зрит развертывающуюся перед ним панораму. В сложных псевдогаллюцинаторных картинах всегда участвует и представления *третьего* измерения или протяженности в глубину. Но как бы ни были сложны и живы зрительные псевдогаллюцинации, субъективно возникшие образы и картины здесь не представляют характера объективности и потому радикально различаются от действительности, и притом не только от действительности, так сказать, телесной (улица, монументы, купы деревьев), но также, например, от картины, писанной бледными красками на бумаге или на полотне. У людей, настоящей душевной болезни не имеющих и не лихорадящих, псевдогаллюцинации зрения совсем не представляют характера навязчивости и не имеют наклонности делаться явлениями стабильными. Напротив, существенные черты их здесь — мимолетность и свободная замена одних зрительных образов другими, не имеющими с первыми никакой логической связи. Вместе с тем, они обыкновенно не представляют ни малейшего отношения к сознательной деятельности представления и бывают совершенно независимы от воли восприемлющего субъекта. Таким образом, это ничуть не результат идеи, которая именно в силу своего напряжения выливалась бы в живочувственную форму. Мори совершенно верно говорит, что эти образы суть результат ассоциации, чисто спонтанной или автоматической, следствие известного состояния головного мозга, причем приходят в самопроизвольное возбуждение те или другие морфологические элементы последнего[57].

В состояниях, пограничных между психическим здоровьем и душевной болезнью, кроме быстро сменяющихся одна другою псевдогаллюцинаций зрения, бывают и псевдогаллюцинации, так сказать, стабильные: какой-нибудь один живочувственный образ постоянно появляется во внутреннем зрении и задерживается подолгу, причем явление может иметь место не только при закрытых, но и при открытых глазах; иногда из многих псевдогаллюцинаций какая-нибудь одна приобретает характер навязчивости и становится явлением, весьма мучительным для восприемлющего сознания.

---

[57] *Maury*, l. c. P. 69–71, 83 etc.

Здесь мы находимся уже в области психопатологии, так как болезненные псевдогаллюцинации отличаются именно своею навязчивостью.

Вот несколько примеров псевдогаллюцинаций зрения у субъектов психически здоровых.

М. Долинин, о котором неоднократно шла речь раньше, весьма наклонен к псевдогаллюцинированию зрением. Почти каждый вечер, когда он, улегшись в постель, приходит в состояние полного умственного успокоения, однако еще задолго до наступления дремоты или просонков, в его внутреннем видении появляется, одна за другою, ряд живочувственных картин, *проецирующихся наружу* и потому являющихся как бы перед глазами; эти картины обыкновенно не находятся между собой в логической связи, их содержание совершенно независимо от содержания сознания *Долинина*, и воля последнего не имеет ни малейшего влияния ни на их появление, ни на их исчезание. Количество этих образов за известный промежуток времени, их сложность, содержание, размеры, яркость красок бывают весьма различны, и только отсутствие того специфического характера объективности, который присущ настоящим галлюцинациям, отличает их от последних. При этом иногда отдельные псевдогаллюцинации трансформируются (при известных условиях) в настоящие галлюцинации [58], приобретают характер объективности, получают, так сказать, плоть и кровь, «материализируются», если можно так выразиться. Надо заметить, что сознание относится к галлюцинациям (которые являются или в объективном поле зрения закрытых глаз, или, при открытых глазах, во внешнем пространстве, причем эти образы приводятся в то или другое отношение к реальным предметам) совсем иначе, чем к псевдогаллюцинациям: последние остаются невинными продуктами автоматической деятельности воображения, тогда как первые суть действительные призраки, видимые уже не умственным, а телесным зрением, вследствие чего их появление всегда сопровождается особенным неприятным чувством, хорошо характеризующимся выражением «становится жутко». Если простые зрительные псевдогаллюцинации при умеренной интенсивности явления обыкновенно бывают у *Долинина* первыми предвестниками имеющего наступить сна, то трансформация их в галлюцинации есть уже признак появления особого ирритативного состояния головного мозга, в результате чего получается у *Долинина* бессонница с особенной чувствительностью зрительного аппарата к световым впечатлениям.

Для ближайшей характеристики зрительных псевдогаллюцинаций Долинина достаточно следующего примера. 15 января 1883 г. *Долинин*,

---

[58] В силу чего совершается эта трансформация, будет указано после: здесь достаточно повторить, что это происходит вовсе не путем увеличения интенсивности явления.

вернувшись со службы, пообедал и прилег на диван; совсем не чувствуя еще приближения сна, он заметил у себя особенно значительное расположение к псевдогаллюцинированию зрением. Сначала появилось (на расстоянии приблизительно в 3 метра) лицо одного мужчины, виденного им в тот день; этот образ держался перед глазами, не составляя, однако, части темного зрительного поля, необыкновенно долго и, исчезая на несколько секунд, 3–4 раза появлялся снова. Затем начался ряд фигур, довольно быстро сменявшихся одна другой (частью знакомые, частью никогда не виданные личности). Они были большего размера, чем первая, и являлись в расстоянии гораздо ближайшем; кроме лица фигуры, видимого всеми естественными очертаниями и красками, обрисовывалась также верхняя часть груди с соответственным платьем. При дальнейшем продолжении явления эти, так сказать, «портретные псевдогаллюцинации» стали заменяться галлюцинациями панорамическими, которые при наступлении дремотного состояния вполне получили характер сновидений. Так, в конце ряда логически не связанных между собой панорамических зрительных псевдогаллюцинаций у *Долинина* является псевдогаллюцинация, подобная сновидению не только своей сложностью, но и следующими характерными чертами: а) в произведении ее участвовали два чувства, зрение и мышечное ощущение, а не одно зрение, так что получилась псевдогаллюцинация *комплексная*, и b) сознание относилось к этому псевдогаллюцинаторному явлению, по крайней мере, в первые моменты по его возникновении, как к реально переживаемому факту. *Долинину* представилось, что он едет в санях по снежной улице, ночью, при свете стоящих по сторонам фонарей; мимо мелькают высокие белые кучи снятого с улицы лишнего снега; некоторые из этих белых куч с одной стороны освещены светом ближайшего фонаря. Вдруг выходя из состояния полудремоты, *Долинин* сознательно напрягает свое воображение, желая искусственно заменить красноватое освещение снежных куч от газовых фонарей бело-фиолетовыми и вместе с тем более интенсивным светом от воображаемого электрического освещения. Но вмешательство сознательной воли портит все дело. Снежная улица, свет фонарей, чувство движения вперед при езде (в произведении этого чувства принимали участие не только зрительные, но и двигательные представления), все это мгновенно смешивается в какой-то неопределенный трепещущий хаос, из которого после того, как сознание снова вернулось к роли пассивного созерцателя, выделился ряд серых куч (начиная с большой, они постепенно становились все меньше и меньше), формой похожих на жилища термитов. Вдруг сцена проясняется и неожиданно видится нечто совершенно новое: *Долинин* сознает себя стоящим в зале железнодорожного вокзала, против стеклянной двери на платформу. Дверь растворяется и через нее, с большой отчетливостью, открывается вид железнодорожной платформы: на первом плане — деревянная открытая галерея

со столбиками, в которой находятся одетые по-зимнему разного рода люди; за платформой — поезд, передний конец которого, с дымящимся локомотивом во главе, виден в дверь значительно слева; за поездом — зимний пейзаж. Это не было сновидением, так как *Долинин* не переставал сознавать, что он лежит на диване и не спит. Впрочем, эта зрительная псевдогаллюцинация уже была весьма близкой к сновидениям, так как был момент, когда в ней *Долинин* невольно представил себя участником развернувшейся перед ним сцены, именно смотрел из залы вокзала. Потом снова пошли сравнительно простые портретные псевдогаллюцинации, за которыми опять последовал ряд псевдогаллюцинаторных картин, на этот раз подобных сновидениям тем, что эти картины до известной степени логически вязались между собою. В заключение — незаметный для сознания *Долинина* переход в область настоящих сновидений: наступил обыкновенный послеобеденный сон.

«Раз мне пришлось просмотреть в течение дня множество английских книг, напечатанных на сатинированной бумаге; когда я, улегшись в постель, закрыл глаза и почувствовал близость наступающего сна, я вдруг увидал блестящую бумагу с напечатанными на ней тремя английскими словами. Другой раз я неоднократно в течение дня смотрелся в зеркало, приводя в порядок свою бороду, так что смотрение несколько утомило мои слабые глаза. Лежа вечером в постели, я вдруг отчетливо увидал на блестящем фоне свое лицо совершенно так, как видел его в течение дня в зеркале» (*Мори*, l. c., p. 85, 86).

«13 ноября 1847 я читал вслух „Путешествие по южной России" Гоммера де Гелля. Когда я, окончив абзац, невольно закрыл глаза, то в это мгновение короткой дремоты я гипнагогически увидал с быстротой молнии промелькнувший передо мной образ человека, одетого на манер монахов из картин Зурбарана, в темную рясу с капюшоном. Появление этого образа напомнило мне, что я закрыл глаза и перестал читать. Я снова начал чтение вслух, причем упомянутый перерыв в чтении был настолько короток, что особа, которая меня слушала, его не заметила» (*Мори*, l. c., p. 61).

«Пейзажи, рисовавшиеся перед моими закрытыми глазами, были то чисто продуктами моей фантазии, то воспроизведением местностей, виденных мной или в действительности, или изображенными на картинах. В первую ночь, проведенную мной в Константине, живописный вид которой привел меня в восторг, я, лежа в постели с закрытыми глазами, вновь увидал ту местность, действительным видом которой я восхищался в тот день после полудня. Подобное же я испытал и в Константинополе, три дня спустя после моего прибытия туда. Когда я был в Барселоне, то раз, лежа в постели, я отчетливо увидал один дом из части города, называемой Барцелонеттой, дом, на который в действительности я очень мало обратил внимания» (*Мори*, l. c., p. 87).

«У меня, — рассказывает *Гёте*, — была следующая особенность. Если я, склонив голову и закрыв глаза, представлял в центре своего поля зрения цветок, то последний ни минуты не оставался без изменения, но непрерывно развертывался, развивая из себя все новые и новые цветы, то с разноцветными, то с зелеными лепестками; это были не натуральные цветы, но фантастические; тем не менее, они были правильны, подобно розеткам скульпторов». Обыкновенно этот рассказ приводится как пример галлюцинации при закрытых глазах; однако из слов *Гёте* вовсе не видно, чтобы тут речь шла о настоящей галлюцинации, а не о псевдогаллюцинации. Вообще, мне кажется, что совершенно напрасно считают *Гёте* за галлюцинанта. Так, гётевский известный «серый двойник» был или зрительной псевдогаллюцинацией, или же простым сновидением. *Гёте* рассказывает, что после того, как он с большим волнением простился с Фредерикой, он ехал верхом по дороге в Друзенгейм и вдруг увидал, но *увидал не телесными, а духовными очами*, себя самого едущим по той же дороге навстречу, одетым в необычный костюм, серый с золотом. Видение было очень кратковременным, так как Гёте быстро стряхнул с себя сон. В этом рассказе странно только следующее: восемь лет спустя Гёте пришлось той же дорогой ехать к Фредерике, случайно будучи в том самом костюме, в котором ему показался вышеупомянутый двойник[59].

Псевдогаллюцинации зрения при острых и подострых формах душевного расстройства, равно как и при хронической идеофрении суть самое обыкновенное явление. Содержание их бывает то угнетающее или устрашающее, то возвышенно-экспансивное, то эротическое, то индифферентное. Обыкновенно будучи тесно связаны с интеллектуальным бредом больных и служа ему как бы иллюстрациями, они обратно иногда оказывают громадное влияние на интеллектуальный бред, давая ему то или другое направление или, по крайней мере, являясь исходной точкой отдельных ложных идей. У душевнобольных псевдогаллюцинации зрения бывают или быстро сменяющимися одна другой субъективными картинами, по содержанию своему весьма разнообразными и составляющими в общем непрерывные и длинные псевдогаллюцинаторные ряды, или они являются более интеркуррентно и имеют содержание довольно однообразное; наконец, бывают устойчивые, или стабильные зрительные псевдогаллюцинации. Непрерывно сменяющиеся псевдогаллюцинации зрения свойственны острым формам душевного расстройства (в особенности, острой идеофрении), где они самым причудливым образом переплетаются с настоящими галлюцинациями зрения и слуха, с ложными идеями и навязчивыми представлениями. В большинстве случаев они сами имеют характер навязчивости, так что больной при всех усилиях своей воли часто не в состоянии осво-

[59] *Goethe's*, Leben. III. P. 84.

бодиться от неприятных субъективных образов. Оттого-то больные обыкновенно прямо говорят, что эти образы бывают им искусственно навязываемы невидимыми преследователями, или жалуются, что эти преследователи мучат их, насильно *показывая* им разные возмутительные картины. Псевдогаллюцинаторные зрительные образы в некоторых случаях не остаются без изменения все то время, когда держатся перед внутренней точкой зрения, но, напротив, разнообразно и постоянно *искажаются*, так что, например, псевдогаллюцинаторно видимые лица знакомых и дорогих людей строят перед внутренним оком больного более или менее отвратительные гримасы, разнообразно уродуются, вытягиваются и раздираются. Иногда на это искажение дорогих для него образов больной жалуется больше, чем на навязчивость галлюцинаций, и, разумеется, это явление почти всегда ставится на счет таинственным преследователям, как одна из самых утонченных пыток со стороны последних. Характер навязчивости бывает всего резче выражен в более однообразных по содержанию псевдогаллюцинациях при хронической паранойе; иногда случается даже так, что какой-нибудь один противный или устрашающий зрительный образ привязывается особенно цепко, более или менее продолжительное время, приводя больного в отчаяние (стабильные псевдогаллюцинации зрения). Бред лихорадочных больных (delirium febrile), как я убежден, в большинстве случаев сопровождается именно зрительными псевдогаллюцинациями, а не настоящими галлюцинациями; напротив, галлюцинации не особенно редки в периоде крайнего истощения нервной системы, наступающем непосредственно после того, когда лихорадка стихла, а бред и сплошное псевдогаллюцинирование уже прекратились.

Хотя больные резко различают свои зрительные псевдогаллюцинации от галлюцинаций, тем не менее, при душевных болезнях псевдогаллюцинации уже не признаются продуктом субъективной деятельности воображения, но почти всегда считаются за факты, искусственно обусловленные посторонними лицами, или за отражения явлений, которые совершились в действительности или сами по себе, или под влиянием сверхъестественных деятелей. Помимо присущего псевдогаллюцинациям душевнобольных характера независимости от восприемлющего сознания их навязчивости, это происходит от того, что псевдогаллюцинаторные явления у душевнобольных отличаются таким же (если еще не большим) свойством *высочайшей убедительности*, которое характеризует многие неожиданно возникающие в сознании таких больных ложные идеи. Откуда получается эта высокая степень убедительности и несомненности первичных ложных представлений, в силу которой продукты деятельности представления моментально и неизбежно приобретают для больного значение, одинаковое с совершившимися фактами, здесь не место разбирать, так как это относится уже к патологии интеллектуального бреда и имеет корень в расстройствах, поражающих всю

сферу представления. Достаточно сказать, что в этом мы имеем источник многих случаев кажущейся алогии психически больных; именно этим путем, в ущерб всякой логике, невозможное может стать для больного совершившимся фактом, очевидностью, истиной, познанной посредством непосредственного усмотрения или интуиции и потому обладающей высочайшей степенью достоверности, где исключена даже возможность сомнения. Разумеется, и такие мнимые истины суть результат бессознательного умозаключения, причем остающиеся непознанными посылки создаются болезненно расстроенной деятельностью головного мозга[60].

Такое же различие отношения субъективного образа к собственной пространственности восприемлющего лица, как при образах зрительного воспоминания, замечается и при зрительных псевдогаллюцинациях. В относительно более простых из гипнагогических и фебрильных псевдогаллюцинаций, равно как в интеркуррентных и стабильных псевдогаллюцинациях душевнобольных зрительный образ сам собой является *перед* внутреннозрящим субъектом и, помимо воли последнего и без всякого в нем чувства внутренней деятельности, приводится в определенное пространственное отношение к действительному положению индивидуума в данную минуту. От этого восприемлющему субъекту может показаться, что он здесь видит больше глазами, чем головой. Напротив, при непрерывном зрительном псевдогаллюцинировании (в особенности у острых идеофреников), где псевдогаллюцинаторные картины часто имеют большую сложность и сцена часто меняется, субъективные образы обыкновенно не приводятся в отношение к действительному положению больного в данную минуту, так что больной, отвлекшись вниманием от своей действительной обстановки, каждую минуту непроизвольно представляет себя в совершенно ином относительно действительного пространственном положении. Здесь больной, погружаясь в псевдогаллюцинационный мир, отрешается от действительности *вниманием*, тогда как при сновидении

[60] И в здоровом состоянии человек не обходится без истин, усмотренных непосредственно; эти истины суть коренные посылки, из которых выводятся, путем умозаключения, все остальные. Примером истин, познаваемых нами непосредственно или интуитивно, могут служить наши собственные телесные ощущения и душевные чувства. Этого рода истины и представляют для человека наибольшую достоверность, в сравнении с истинами производными, выведенными путем умозаключения. Наилучшее доказательство мы получаем тогда, когда доказываемое предложение оказывается выводом, причем в качестве исходной посылки находится истина, познаваемая непосредственно. «Если кто видит или чувствует что-либо, телесно или духовно, то *не может не быть уверенным* в том, что он это видит или чувствует. Для установления таких истин не требуется никакой науки; никакие правила искусства не могут придать нашему знанию подобных истин большей достоверности, чем лежит в нем самом. *Для этой части наших знаний логики не существует*» (*Милль*, Система логики. Перев. СПб., 1865. I. P. 7) (16).

и при чисто кортикальных галлюцинациях он отрешается от действительности *сознанием*.

Живые зрительные образы, являющиеся у лихорадочных больных, обыкновенно суть псевдогаллюцинации. Несколько лет тому назад я два раза, последовательно один за другим, перенес рожу лица. При этом в то время, когда температура тела была очень высока, меня жестоко мучили обильные псевдогаллюцинации зрения; стоило лишь закрыть глаза, как во внутреннем видении возникали живые, ярко расцвеченные образы, чаще всего лица знакомых и незнакомых людей, обыкновенно строившие разного рода гримасы, безобразно искажавшиеся и т. п. Всякая мысль, являющаяся в мозге сильно лихорадящего человека (при лихорадочном состоянии течение представлений бывает по большей части ускоренным, причем мысли сменяются в сознании без правильной логической связи между собой), выливается в живочувственную форму, так что так называемый *лихорадочный бред* (delirium febrile) лишь малой своей частью есть бред интеллектуальный (т. е. составленный из абстрактных, не образных представлений), главным же образом есть бред живочувственный, по преимуществу именно в форме сплошного псевдогаллюцинирования зрением. В тяжелых случаях лихорадочного бреда (однако еще в то время, когда больной не переставал сознавать окружающего) к псевдогаллюцинациям зрения присоединяются псевдогаллюцинации слуха, осязания и общего чувства. В результате получается невыразимый псевдогаллюцинаторный хаос, а по содержанию бред иной раз получает форму delirii metamorphosis[61]. Из рассказа одного из моих знакомых, недавно перенесшего возвратную горячку, осложненную крупозным воспалением легкого, я мог убедиться, что, не испытав настоящих галлюцинаций, он в своем лихорадочном бреде псевдогаллюцинировал не только зрением, но и общим чувством. Однажды в течение целых суток он чувствовал себя превращенным в лошадь, кото-

---

[61] Что касается до настоящих галлюцинаций зрения, то они, в зависимости от лихорадочных болезней, получаются различным путем: a) если при лихорадочном псевдогаллюцинировании сознание больного помрачается до такой степени, что восприятие впечатлений из реального внешнего мира становится невозможным, то псевдогаллюцинации неизбежно превращаются в кортикальные галлюцинации: больной впадает как бы в тяжелый сон, с непомерно живыми и яркими сновидениями, которые иногда на всю жизнь крепко запечатлеваются в памяти; b) галлюцинации зрения и слуха вне состояния полной обнубиляции сознания, т. е. одновременные с восприятиями из реального внешнего мира и равнозначащие с ними, разумеется, тоже возможны в зависимости от лихорадочных болезней, однако они бывают далеко не так часто, как обыкновенно думают; лишь временами, в качестве эпизодических явлений, вмешиваются они в сплошное течение псевдогаллюцинаций и, конечно, в сознании больных резко отделяются от этих последних. Вообще, галлюцинации вне состояния отрешенности сознания от реального мира чаще наблюдаются не во время лихорадочного бреда, а после, когда лихорадочное состояние с псевдогаллюцинаторным бредом уже прошло, оставив после себя глубокое истощение головномозговых центров.

рая, будучи оседлана дамским седлом и управляема ловкой наездницей (одна высокопоставленная дама), в бешеной скачке носится по полям и лугам; исходной точкой этого псевдогаллюцинаторного delirii metamorphosis несомненно послужило ощущение присутствия согревающего компресса (седло), облекавшего грудь и спину больного.

Вообще я полагаю, что и при delirium metamorphosis душевнобольных, напр. ликантропов, исходной точкой бреда чаще бывают галлюцинации в сфере одного из чувств; остальное же дополняется псевдогаллюцинациями или даже просто фантазией. Так, больной может иметь известного рода кожные ощущения, убеждающие его, что тело его покрылось шерстью, и приводящие к той интуитивно познанной мнимой истине, что он превращен в волка. Но такой больной может и не галлюцинировать зрением, и когда он осматривает, напр., свои руки, то не видит на них волчьих когтей и шерсти. Но стоит лишь ему не смотреть на свои члены или закрыть глаза, как в помощь галлюцинациям осязания и общего чувства имеются псевдогаллюцинации зрения, в которых конечности больного уже являются волчьими лапами. То обстоятельство, что ликантроп видит у себя вместо волчьих лап обыкновенные человеческие руки и ноги, никак не может служить противовесом против интуитивно получившегося и потому в своей непосредственной достоверности несокрушимого убеждения, что он превращен в волка. В этой области нет логики или, вернее сказать, существует совсем особая болезненная логика, болезненная, впрочем, только потому, что коренной посылкой здесь берется галлюцинация или непосредственное болезненное чувство. В нашем примере ликантроп может судить так: я превращен в волка, однако я вижу у себя человеческие руки и ноги; значит, мои волчьи лапы для меня невидимы, а видимые человеческие руки и ноги — обман зрения. В самом деле, невидимость шерсти на теле здесь ничего не значит перед фактом ощущения ее присутствия на теле, равно как и перед еще более важным фактом чувства своего «на волчий манер» измененного сознания.

Зрительные псевдогаллюцинации лихорадящих больных не всегда представляют собой ряд непрерывно сменяющихся картин разнообразного содержания, но иногда являются и в форме стабильных явлений.

Одна моя знакомая, старушка лет 70, недавно была больна крупозным воспалением легких. За все время болезни у нее была лишь одна (правда, комплексная) галлюцинация, однообразно повторявшаяся в течение нескольких дней, и одна, еще более однообразно повторявшаяся, зрительная псевдогаллюцинация. Больная чувствовала, что на ней катаются две бутылки из-под вина; открыв глаза, она даже видела эти две катавшиеся по ее постели бутылки, из которых одна была из темного, другая из светлого стекла; колотясь одна о другую, бутылки издавали звон и этим звоном выговаривали все одну и ту же фразу: «раздели твой капитал, раздай твои

деньги»; это была галлюцинация. Но едва лишь больная закрывала глаза, как перед ней надолго устанавливался псевдогаллюцинаторный образ приглашенной для ухода за ней сестры милосердия. Эта псевдогаллюцинация стабильно повторялась в течение трех дней, и неотвязность образа была крайне неприятна больной; «чего хочет от меня эта рожа, чего она ко мне привязалась!» — говорила с гневом больная.

Следующий случай может служить примером стабильной псевдогаллюцинации зрения в состоянии, промежуточном между психическим здоровьем и душевной болезнью.

Один из моих дальних родственников, *Александр Мелехин*, родился и воспитывался первое время своего детства в деревне, в Забайкальской области. Не имея наследственного расположения к душевным страданиям, он, тем не менее, вследствие не совсем обычных условий умственного развития, с детства отличался некоторыми странностями, как то: любовью к уединению, религиозным направлением мысли, наклонностью к созерцательности и мистицизму. Эти черты характера получили особенное развитие, когда *Мелехину* было 12 лет, под руководством одного молодого человека, который, поступив в дом Мелехиных в качестве домашнего учителя, потом оказался помешанным на религии. Видя благодарную почву в религиозности мальчика, сумасшедший учитель со всем жаром и рвением фанатика принялся за религиозное воспитание Александра, поставив себе целью приготовить из него монаха-аскета. Вследствие этого «светские науки» были оставлены в небрежении, вместо того мальчик в течение всего дня должен был изучать псалтирь и Новый Завет, читать разные религиозно-нравственные поучения и вести подробный счет своим прегрешениям, вольным, невольным, «еже словом, делом и помышлением». В комнате, служившей классной и спальней Александра, имелась громадная икона, на которой масляными красками на холсте было изображено, чуть что не в натуральную величину, распятие Христа, а в самом низу холста, как эмблема смерти, была помещена так называемая «Адамова голова», т. е. череп и под ним крест накрест две бедренные кости. Стоя на молитве перед этой мрачной иконой, мальчик должен был прочитывать по подробному молитвослову утром — все утренние, вечером — все вечерние молитвы с прибавлением акафистов Пресвятой Богородице и Сладчайшему Иисусу. Таким образом, 12-летнему Александру поневоле приходилось ложиться в постель с благочестивыми размышлениями, чаще всего на тему только что прочитанных в молитвеннике слов: «да не будет одр сей ми в гроб…» Вот, раз вечером, отбыв обычное молитвенное стояние, мальчик улегся на свой «одр» и закрыл в ожидании сна глаза; вдруг, совершенно неожиданно, он почувствовал, что перед его постелью кто-то стоит. Испуганно открыв глаза, он телесно никого не видит в комнате, слабо освещенной ночником; *внутренно* же, как при открытых, так и при закрытых глазах,

но в последнем случае резче, он *видит*, что в двух шагах от постели, лицом прямо к ней, стоит, скрестив руки на груди, седовласый старец в черной монашеской рясе. В эту ночь бедный мальчик заснул, измученный душевно, лишь на рассвете; он никак не мог отделаться от этого субъективного образа, хотя внешними своими очами он не видел ничего особенного. Проснувшись на другой день, *Александр* почувствовал, что старец, будучи по-прежнему невидим телесно, все еще находится тут, оставаясь в прежней, все одной и той же позе. «Это преподобный отец Макарий,— решил мальчик (вероятно, потому, что одна из более выразительных молитв на сон грядущий есть творение именно преподобного Макария),— это явление еще обозначает, что я скоро должен умереть». Только что описанный субъективный зрительный образ, в качестве стабильной псевдогаллюцинации, *более двух недель* не отвязывался от мальчика и чуть не свел его с ума. Боясь насмешек, *Александр* не рассказывал про это «явление» окружающим, но страдал он сильно, в особенности днем, так как постоянное присутствие в сознании одного и того же насильственно вторгшегося туда и крепко там застрявшего зрительного образа, естественно, чрезвычайно тормозило умственную деятельность и не позволяло готовить уроки или просто читать. Смотря на то место, где стоял «невидимо явившийся отец Макарий», *Александр* ничего не видел, кроме реальных предметов, именно угла комнаты, по одну сторону которого помещался комод, по другую кожаный диван (служивший мальчику вместо кровати). При всем том, внутренним, ничем не сокрушимым ощущением он *чувствовал присутствие* этого псевдогаллюцинаторного фантома, и образ старика, стоявшего в прежней позе, как сначала — лицом к дивану, неотвязно держался перед его внутренним зрением. Сидя над книгой и напрасно стараясь с помощью чтения отвлечься (понятно, это был чисто механический процесс чтения, так как мысль тормозилась стабильной псевдогаллюцинацией), *Александр* боялся поднять глаза к тому месту комнаты, где, в его внутреннем видении, стоял св. Макарий, боялся, невольно ожидая, что увидит наконец этого старца уже не внутренним, а объектвным зрением, как телесную действительность. Даже перейдя в другую комнату, *Александр* все-таки не мог отрешиться от своего старца и продолжал живо чувствовать, что последний все еще там, на прежнем месте, в углу, образуемом комодом и диваном, лицом к дивану. Эта стабильная псевдогаллюцинация, не оставлявшая *Александра* более двух недель, и навеянные ею мысли о близости кончины лишили мальчика сна и аппетита и привели его в состояние меланхолического угнетения духа, которое, наконец, было замечено родителями. Когда, таким образом, обнаружилось, что влияние учителя (домашние считали его полусумасшедшим, в действительности же это был полный сумасшедший, с религиозным бредом и галлюцинациями по ночам), посты и религиозные упражнения (в которых родители сперва не находили ничего дурного)

действуют губительно на психическое здоровье Саши, учителю было отказано, а мальчика отправили в Иркутск для помещения в пансион. Изменение занятий и прежнего рода жизни, путешествия, новая обстановка и новые впечатления помогли *Александру* позабыть св. Макария и освободиться от мыслей религиозно-меланхолического свойства; без этой резкой перемены в судьбе мальчика у него, вероятно, не замедлило бы развиться настоящее душевное расстройство. В данном примере мы имеем чистый случай «видения в духе», которое, как здесь видно, может быть совершенно независимо от произвольной игры фантазии.

Что касается до примеров зрительных псевдогаллюцинаций при душевных болезнях, то я мог бы привести сотни таких примеров, так как во всяком сколько-нибудь значительном заведении для умалишенных псевдогаллюцинирующие больные могут считаться десятками. Большая часть параноиков суть псевдогаллюцинанты.

Больной *Лашков* одно время своей болезни (ideophrenia s. paranoia hallucinatoria subacuta) имел несколько эпизодических галлюцинаций зрения; около этого же времени у него были особенно живые и обильные зрительные псевдогаллюцинации. Находясь у нас, в больнице св. Николая Чудотворца, этот больной раз сидел на койке и смотрел на противоположную стену, прислушиваясь к тому, что ему говорили «голоса из простенка». Бред больного в это время вертелся на том, что врачи больницы согласились между собой, с целью спасения его, *Лашкова*, от будто бы угрожавшей ему смертной казни за политические преступления, постоянно действовать на него per distantiam посредством особой хитроустроенной электрической машины, и вообще производить над ним различного рода таинственные «эксперименты», от которых он, *Лашков*, в результате должен был придти к состоянию одурения, исключающему собой вменяемость. Вдруг он *внутренно* видит на недалеком от себя расстоянии весьма отчетливый зрительный образ — четырехугольный листок бледно-синеватой марморизированной бумаги, величиной в осьмушку писчего листа; на листе крупными золотыми буквами было напечатано: «Доктор *Браун*». В первый момент больной пришел было в недоумение, не понимая, что могло бы это значить, но «голоса из простенка» вскоре возвестили ему: «вот, профессор *Браун* прислал тебе свою визитную карточку». Хотя бумага карточки и напечатанные на ней золотые буквы были увидены весьма отчетливо, тем не менее, *Лашков* по выздоровлении решительно утверждал, что это была не настоящая галлюцинация, и именно то, что он, за неимением лучшего термина, назвал «экспрессивно-пластическое представление». За первой карточкой стали получаться и другие, с разными фамилиями (исключительно врачей и профессоров медицины), причем каждый раз «голоса» докладывали: «вот тебе визитная карточка доктора X…, профессора Y…» и т. д. Тогда *Лашков* обратился к лицам в простенке с вопросом, не может ли

и он, в ответ на любезность врачей и профессоров, почтивших его своим вниманием, разослать им свои визитные карточки, на что ему было отвечено утвердительно. Надо заметить, что к этому времени *Лашков* настолько освоился с «голосами», что иногда (но не иначе, как оставшись один в комнате) обращался к ним с разного рода вопросами и протестами, произнося их вслух и выслушивая, галлюцинаторно, на них ответы. В течение целых двух дней *Лашков*, сидя один в своей комнате, только тем и занимался, что получал, путем псевдогаллюцинаций зрения, визитные карточки от разных лиц, взамен того *мысленно* (но не псевдогаллюцинаторно) рассылал в большом количестве свои собственные карточки, пока, наконец, не был резко остановлен голосом из простенка: «не стреляй так твоими карточками». Последняя из полученных больным карточек была напечатана уже не золотыми, а грязно-желтыми буквами, что «голоса» объяснили так: «Ну вот ты и дождался карточки, напечатанной г…». По выздоровлении *Лашков* утверждал, что при этом он прежде *видел*, а потом уже слышал объяснение, но не наоборот.

Несколько времени спустя тот же больной в течение трех дней подряд не мог отделаться от псевдогаллюцинаторного образа ординатора отделения (это был я). Во внутреннем зрении *Лашкова* неотвязно установился, в весьма точном и живом виде, мой образ, во весь рост и в натуральную величину, причем, к довершению неприятного положения больного, я не оставался в покое, а постоянно взмахивал руками и ногами, совершенно на манер тех игрушек из картона, где руки и ноги раскрашенной фигурки одновременно дергаются, если потягивать за ниточку. Не будучи в состоянии отделаться от этого псевдогаллюцинаторного образа, который, по мнению больного, был умышленно «навязан» ему мной, *Лашков* обратился с протестом к лицам в простенке, но получил от них лишь короткий и сухой ответ: «так надо!» Тогда негодующий больной воскликнул: «так навяжите же *Канд-му*, в отместку за эту его штуку, мой образ!» — и остался в полной уверенности, что его распоряжение исполнено.

Из множества других зрительных псевдогаллюцинаций *Лашкова* упомяну о следующих: большой золотой крест, и на нем огненными буквами надпись «*свобода*»; проф. *П. И. Ковалевский* (17) (*Лашков* никогда не видывал д-ра *Ковалевского*, тем не менее, был твердо убежден, что это не кто другой, как именно он) в клобуке и монашеской мантии, с архиерейским жезлом в руках, который он совал прямо в глаза *Лашкову*; один из служителей отделения глотал его, *Лашкова*, причем псевдогаллюцинировался как образ служителя, считавшегося больным за жандарма (глотавший), так и его собственный, *Лашкова*, образ (глотаемый). Весьма любопытно то, как этот больной объяснял самому себе свои зрительные псевдогаллюцинации: он отлично чувствовал, что видит все эти вещи не *телесным зрением*, но *внутренно*, и считал этого рода субъективные явления происходящими

от того, что профессор окулистики д-р Браун, специально для этого вызванный из Москвы, особым образом обработал (на тогдашнем языке больного — «отпрактиковал») ему зрительный нерв. Настоящие же галлюцинации зрения *Лашков* считал реальными явлениями в пространстве, производимыми посредством волшебных фонарей и других физических приспособлений.

Г. *Долинин* во время своей болезни (галлюцинаторное помешательство) одновременно с постоянными галлюцинациями слуха и нередкими галлюцинациями зрения (которые временами бывали даже множественными) имел обильные зрительные псевдогаллюцинации. Одни из них служили как бы иллюстрацией для бреда больного и отличались от простых картин, созданных больной фантазией *Долинина*, лишь несравненно большей живостью и чувственной определенностью, равно как и своей *неотвязностью*, вместе с отсутствием чувства внутренней деятельности. Другие же, столь же чувственно определенные и живые, тоже неотвязные зрительные образы, возникали в сознании совершенно неожиданно и своим содержанием нередко давали новую пищу для бреда больного. Под влиянием галлюцинаций слуха в высшей степени подавляющего характера *Долинин* одно время своей болезни ежеминутно ожидал, что его поведут на пытку, на казнь (причем псевдогаллюцинировалась сцена казни через повешение), бросят в огромную, пылающую огнем печь и т. п. Но особенно долго его мучила, в виде зрительной псевдогаллюцинации, «нюремберґская красавица». Много лет тому назад в каком-то музее, где показывались средневековые орудия пытки, *Долинин* видел между прочим снаряд для казни известным образом погрешивших женщин — железная, внутри полая женская кукла, которая по длине своей вертикально разделялась на две половины и по внутренней поверхности была усажена большущими острыми гвоздями: несчастная жертва будто бы была зажимаема между двумя створками этого футляра, причем гвозди пронизывали ей тело. Между многими другими псевдогаллюцинациями зрения, *Долинин* одно время, в течение нескольких дней подряд видел неотвязный псевдогаллюцинаторный образ: раскрытая, на манер шкафа, «нюремберґская красавица», в одной половине которой стоял он, *Долинин*, с искаженным от ужаса лицом и поднявшимися дыбом волосами.

Хроник *Перевалов*, как мы уже видели, имеет, между другими псевдогаллюцинациями, весьма частые псевдогаллюцинации зрения, довольно, впрочем, однообразного содержания, как то: обнаженных женщин и мужчин, половые части обоих полов, и т. п. Не будучи в состоянии отделаться от этих субъективных картин, часто глубоко его возмущающих, больной относит эти явления к самым мучительным для себя штукам «токистов».

Отставной солдат *Максимов* (paranoia hallucinatoria chronica, впоследствии осложнившаяся старческим слабоумием), находящийся в нашей

больнице около 1,5 лет, постоянно высказывает вечно одинаковый частный бред и обнаруживает довольно однообразные галлюцинации слуха и общего чувства, вместе с псевдогаллюцинациями зрения. Он считает себя преследуемым некой г-жой *Кукшиной* (в действительности надзирательница в больнице «Всех Скорбящих», откуда этот больной переведен к нам), которая в сообщничестве с беглым каторжником, *Быковым*, умышляет его погубить, с целью завладеть 300 рублей пенсии, назначенной ему царем. Раньше больной слышал голос своей преследовательницы вблизи себя, теперь же он слышит ее не иначе, как из-за стен больницы: будучи ведьмой, *Кукшина* весьма удобно может действовать на него издали. Например, сидя вместе с *Быковым* на извощичьих дрожках на Выборгской стороне, эта «проклятая царем ведьма» стреляет в *Максимова* из трех ружей (sic) или жжет его «анамитом» (динамитом), вбирая это вещество в медную трубку из вечно находящейся при ней большой бутыли и «стреляя» им *Максимову* в лицо или, еще чаще, в пупок и в половой член (галлюцинации осязания и общего чувства). Стреляя, ведьма приговаривает: «вот тебе, вот тебе, старый хрыч! мы тебе череп собьем и тебя в покойницкую сволочем!» — на что ее любовник *Быков* отзывается радостным ржанием: «ффррр!..» (слуховые галлюцинации). Галлюцинаций зрения у больного не бывает; он видит ведьму со всеми ее атрибутами (три ружья, бутыль с «анамитом», медная труба) лишь *внутренно*, но так ясно и отчетливо, что может со всеми подробностями рассказать, в каком положении находилась она в данную минуту, какое у нее выражение лица и т. д. Что это не настоящая галлюцинация зрения, видно из того, что *Максимов* обыкновенно видит свою ведьму с очень больших расстояний и притом сквозь стены зданий. Впрочем, иногда она является ему и вблизи, «скрестившеюся (т. е. in coitu) со своим каторжным любовником». Больной ничуть не думает, чтобы ведьма показывалась ему телесно, напротив, он прямо выражается, что видит ее «духом» своим, так как *Кукшина*, благодаря своему волшебству, во всякое время «владеет нутром» его, даже будучи фактически в месте, относительно отдаленном. Стараясь отделаться от псевдогаллюцинаторного образа «ведьмы», *Максимов* постоянно бранится и отплевывается или же становится в угол, как бы на молитву, и начинает читать вслух самим же им сочиненное заклинание от чертовщины, обращаясь к

«*Свистящим, пищащим,*
На йод и на яд Богу молящим» и т. д.

Бывший студент *Брамсон* (paranoia chronica), уже более 4 лет находящийся в нашей больнице, раньше страдавший постоянными галлюцинациями слуха и осязания, недавно за буйство переведенный в мое отделение, рассказал мне на днях: «Иногда я вижу то, чего в действительности нет, и не знаю, как объяснить себе это… однако это не такие видения, какие нередко бывали у меня года три тому назад; тогда я точно лишался чувств,

впадал в состояние „летаргии“ и тогда видел разные вещи подобно тому, как видят во сне; я знаю, что это называется галлюцинациями… Теперь же совсем не то; все чувства мои остаются при мне, я не перестаю видеть и слышать все то, что меня окружает, и тем не менее иногда чувствую и вижу странные вещи. Правда, я вижу это не так, как вижу теперь, напр. вас, не глазами, а как-то иначе… это не действительность и все-таки не мечта… Вот вам пример: вчера после обеда, страдая по обыкновению зубной болью, я сидел в своей комнате у окна; вдруг передо мной появляется незнакомый мне высокий господин во фраке, с черными бакенбардами, запускает свои пальцы мне в рот, вынимает целый ряд зубов из обеих челюстей (вынимание я чувствовал особенно живо) и затем вставляет мне на место старых новые зубы. Это вставление сопровождалось таким болезненным чувством, что я, вскочив с места, убежал из комнаты и больше уже не видал „дантиста“. Я думаю, что это не галлюцинация, а что-то другое; но во всяком случае подобные вещи очень неприятны». Здесь мы имеем псевдогаллюцинацию зрения (и осязания?), вызванную *действительной болью зубов*.

Студент филолог *Б. Козловский* (ideophrenia katatonica), постоянно галлюцинирующий слухом и осязанием, в состоянии, переходном от атоничности к кататонической экзальтации, вдруг прервал свое молчание и (не прекращая, однако, лежания в постели) стал жаловаться, что «они» (т. е. невидимые преследователи) устраивают ему самые непозволительные штуки, сажают ему на лицо обнаженных женщин, прикладывают последних к его половому члену и т. п. На вопрос, ясно ли он видит этих женщин, больной отвечал утвердительно, но когда я выставил на вид невозможность для каких бы то ни было женщин забраться в его комнату, *Козловский* объяснил: «Я и не полагаю, что они в самом деле сюда входят; да и не так я их вижу, как если бы они здесь были в действительности. Я их вижу только потому, что мне нарочно показывают их „они“; для этого им приходится подвергать мою голову действию электрического тока».

К больному *Григорьеву* (учитель городского училища) одно время привязался псевдогаллюцинаторный образ другого больного, В…, комната которого находилась на противоположном конце коридора. Когда В… выходил в сад, расположенный за зданием больницы так, что Григорьев из окна своей комнаты никак не мог видеть своего, как он его называл, «мучителя», *Григорьев* все-таки жаловался, что не перестает его видеть. «Вы видите сквозь стены?» — спросил я однажды этого больного. — «Да, сквозь стены; можно видеть и сквозь стены, если они известным образом обработаны». Когда я пожелал узнать подробнее о такой способности видеть сквозь стены или на очень далекие расстояния, больной ответил мне так: «Вы ни за что этого не поймете, если вы ничего не читали об ясновидении».

К псевдогаллюцинациям зрения принадлежит, как мне кажется, и следующий случай, приводимый у *Шюле*. Некто со слезами жаловался, что он

не может слушать рассказов, так как все, что рассказывается, он неизбежно *видит перед собой*, видит все те местности и те лица, о которых идет речь. «И вы видите как в действительности?» — спрашивают его. — «Я, собственно, не знаю, переношусь ли я туда, или это просто сон, или что другое», — было ответом (*Schuele's* Handb. der Geisteskrankheiten. 2-te Aufl. Leipzig, 1880. P. 118). Шюле видит здесь зрительные галлюцинации столь слабого чувственного тембра, что больной находится как бы в сомнении относительно реальности и объективности виденного им. Я же твердо убежден, что при настоящих зрительных галлюцинациях, если бы они даже были, в отдельном случае, весьма неопределенны по содержанию и бледны красками, никакое сомнение в их объективности невозможно. Попробую объяснить это на примере. Когда я хожу вечером по комнате, освещенной с двух различных пунктов двумя свечами, я отбрасываю от себя на стены очень бледные тени; но эти бледные тени в моем восприятии суть явления, относительно объективности и реальности которых во мне не может быть даже и намека на сомнение. То же самое и неясные, мало отчетливые галлюцинации; при всей их неопределенности они все-таки будут для непосредственного чувства больных (я не говорю о суждении, которое, разумеется, может отрицать их объективное происхождение) настолько же объективны и действительны, как для меня упомянутые бледные тени; в противном случае это уже не галлюцинации. С другой стороны, «визитные карточки» Лашкова, его крест с надписью «свобода» и проч. суть чувственно весьма определенные, живо окрашенные зрительные образы, но тем не менее их субъективное значение отлично чувствовалось больным, который резко различал их не только от действительности, но и от настоящих галлюцинаций.

VI

Переходим теперь к специальному рассмотрению *псевдогаллюцинаций слуха*.

Весьма часто душевнобольные имеют определенные слуховые восприятия, слышат шумы (например, шум шагов), тоны, отрывки музыкальных пьес, слова, фразы, иногда даже длинные разговоры нескольких голосов, однако сами резко различают этого рода явления от настоящих слуховых галлюцинаций и объясняют, что здесь они слышат ухом не телесным, а духовным или внутренним. *Гризингер* (18) справедливо говорит: «Эти „внутренние голоса" имеют характер расспросов или обращений как бы со стороны постороннего лица; некоторые больные называют это „духовным языком, языком души"»[62]. Но *Гризингер* совершенно не прав, уверяя, что

[62] *Griesinger*. Die Pathol. und Ther. der psychisch. Krankh. 4 Aufl. Braunschweig, 1876. P. 102.

эти внутренние голоса беззвучны и что они суть не более, как весьма живые представления. Что внутренние голоса не беззвучны, видно уже из того, что они качественно бывают различны, так что больной обыкновенно в состоянии различить, кто именно из знакомых ему лиц говорит с ним посредством «языка души». Я могу положительно утверждать, что чувственный тон внутренних голосов большей частью бывает весьма определенным, причем могут ясно обозначаться высота и тембр звуков, повышения и понижения голоса, совершенно параллельно тому, как зрительные псевдогаллюцинаторные образы имеют вполне определенные очертания и расцветку.

Настоящие галлюцинации слуха всегда представляют для больных значение *действительности*; галлюцинаторные голоса всегда имеют *объективный* характер; здесь самым слуховым восприятием уже дается определенная локализация звука. Больной прямо чувствует, что «голоса» доходят до него из известной точки внешнего мира, находящейся от него в том или другом расстоянии, или же ему кажется, что ему говорят у самого уха или, наконец, в самом ухе. Напротив, при слуховых псевдогаллюцинациях больные по непосредственному чувству знают, что источник голосов находится во внутреннем существе их самих; отсюда и выражения: «внутренние голоса», «слышание духом», «язык души» и проч. Псевдогаллюцинаторные голоса не имеют представляемого слуховыми галлюцинациями характера объективности и действительности и потому больные никогда не смешивают их с реальными восприятиями.

Слуховые псевдогаллюцинации душевнобольных, подобно зрительным, почти всегда характеризуются навязчивостью. Больные внутренно слышат не потому, что хотят этого, но потому, что *принуждены* слышать; при всех своих стараниях они не в состоянии отрешиться от этих внутренних речей, содержание которых весьма часто бывает для них крайне неприятно и оскорбительно.

Навязчивые слуховые псевдогаллюцинации не должны быть смешиваемы с простыми навязчивыми представлениями у душевнобольных. Последние ничуть не соединены с внутренним слышанием и суть результат болезненного расстройства чисто интеллектуальных (не чувственных) центров головно-мозговой коры. Псевдогаллюцинации же слуха суть субъективные *акустические* восприятия, не имеющие, однако, того характера объективности и действительности, который существенен для слуховых галлюцинаций. Местом происхождения псевдогаллюцинаций слуха может быть только специальный слуховой центр коры головного мозга.

От обыкновенных представлений слухового воспоминания и слуховой фантазии (например, музыкальные воспоминания в тонах) псевдогаллюцинации слуха отличаются большей живостью, несравненно большей чувственной определенностью (причем в сложном слуховом восприятии имеются налицо все мельчайшие подробности, и отдельные части находят-

ся между собой в таком же соотношении, как при непосредственном восприятии сложных впечатлений из внешнего мира), далее, — относительно малой зависимостью от воли восприемлющего лица и тем, что они не сопровождаются, как обыкновенные представления слухового воспоминания или слуховой фантазии, чувством внутренней деятельности в восприемлющем лице. За всем тем, патологические псевдогаллюцинации слуха характеризуются еще своей навязчивостью. Хотя и встречаются иногда случаи, где больные могут по произволу придавать своим псевдогаллюцинаторным слуховым восприятиям определенное содержание, однако в большинстве случаев резко выраженные псевдогаллюцинации слуха возникают спонтанно, беря свое содержание из бессознательной сферы души, являются в сознании неожиданно для самого больного и нередко представляют резкое противоречие с содержанием представлений, движущихся в сознании по логическим законам. Таким образом, слуховые псевдогаллюцинации настолько же отличаются от представлений слухового воспоминания и слуховой фантазии, насколько раньше изображенные псевдогаллюцинации зрения отличаются от просто воспроизведенных зрительных представлений.

Из области нормальной душевной жизни можно привести следующее явление, до известной степени аналогичное слуховым псевдогаллюцинациям. С впечатлительными людьми иногда бывает так, что они, прослушав, например, оперу, живо удерживают в памяти несколько арий; затем, иной раз по истечении довольно значительного времени, один какой-нибудь из этих оперных отрывков вдруг спонтанно возникает в сознании с большой чувственной определенностью. Это не всегда бывает простым, хотя бы и невольным музыкальным воспоминанием; напротив, при этом иногда кажется, что воспроизводящийся мотив звучит где-то в глубине головы, или что он слышится ухом, но только не наружным, а каким-то внутренним; в некоторых из этих случаев внутреннее ухо может даже различить в воспроизводящемся отрывке из оркестровой партии тембр голосов отдельных инструментов. Подобные явления, вероятно, многим известные по личному опыту, уже представляют свойственный болезненным псевдогаллюцинациям характер навязчивости: мотив звучит, как говорят, «в ушах» или «в голове» с большой назойливостью, так что известное время, в течение которого он является нарушителем логически нормального хода представлений, нет возможности от него отделаться.

«*Роже* говорит об одном молодом человеке, который в течение нескольких дней страдал бессонницей вследствие того, что у него в голове постоянно звучала ария из оперы „le Devin du village“; при всех своих усилиях он никак не мог отделаться от этой арии» (*Hagen*. Die Sinnestäuschungen. Leipzig, 1837. P. 67).

«*Внутреннее слышание* часто достигает большой отчетливости у композиторов и музыкантов-артистов. Бюше знал многих музыкантов, которые,

услышав раз пьесу в оркестровом исполнении, могли целиком переложить ее для рояля… Один капельмейстер, привыкший дирижировать в симфониях и хорошо известный в музыкальных кругах Парижа, будучи расспрашиваем *Бюше* относительно этой способности *внутреннего слышания*, отвечал, что он при этом слышит, как бы ушами, не только аккорды и их ряды, но и отдельные оркестровые голоса, так что в состоянии различить игру разных инструментов и оценить их симфоническое значение. Взяв новую для него партитуру, например, увертюры или симфонии, при первом чтении он слышал внутренно лишь квартет; при втором и при следующих чтениях к квартету постепенно присоединялось и слышание других инструментов» (*Brierre de Boismont*. Des hallucinations. 3-me édit. Paris, 1862. P. 459).

У *Ад. Горвица* (19) я нахожу следующее самонаблюдение. «Когда я был студентом, раз мне пришлось участвовать в трехдневном праздновании годовщины основания университета. Мы, младшие, так называемые „Randalirfüchse“, пели и пили почти все три дня и три ночи. На четвертую ночь, когда я, измученный, лежал в постели, у меня после короткой дремоты наступило состояние, которое я с ужасом должен был принять за начало острой душевной болезни. В моем сознании непрерывной вереницей и чрезвычайно быстро сменяясь одна другой стали воспроизводиться сцены нашего трехдневного пиршества, причем мне явственно *слышались* голоса как моих товарищей, так и мой собственный, и все те песни, шутки и разговоры, которыми мы тогда занимались. Я никак не мог положить конец этому непроизвольному *воспоминанию*, живость которого, равно как и постоянное повторение одних и тех же сцен, были для меня крайне мучительны» (*Horwicz*. Psychologische Analysen. I. Halle, 1872. P. 303). По-видимому, это были не настоящие галлюцинации, а лишь псевдогаллюцинации.

Подобно гипнагогическим псевдогаллюцинациям зрения, бывают у здоровых людей и гипнагогические галлюцинации слуха, хотя далеко не так часто и не в таком обилии, как первые. В состоянии, переходном от бодрствования ко сну, т. е. перед засыпанием, но иногда (значительно, впрочем, реже) и наоборот, в самый момент просыпания субъективно слышатся отдельные тоны, отдельные бессвязные слова, короткие фразы и короткие музыкальные пассажи. Только в сравнительно редких случаях эти гипнагогические слуховые явления суть у психически здоровых людей галлюцинации; в большинстве же случаев это псевдогаллюцинации. Если псевдогаллюцинации зрения особенно часты и живы у живописцев, то псевдогаллюцинации слуха в тонах и сочетаниях последних особенно свойственны музыкантам. *А. Мори* совершенно верно не считает свои гипнагогические слуховые явления за психосенсориальные слуховые галлюцинации и не менее верно замечает, что «эти внутренние голоса суть действительно голоса,

они передают и тембр и манеру говорить того или другого из знакомых лиц»[63]. «Это можно назвать галлюцинациями мысли, так как слова здесь звучат *во внутреннем ухе* почти так, если бы их выговаривал посторонний голос[64].

«Однажды вечером, в марте 1877, я услышал перед засыпанием два или три раза прозвучавшие в моем *внутреннем ухе* слова: „*su su ti tir*". Мне кажется, что эти слова получались от слов Зюзюсим и Тир, которые в течение нескольких дней много раз встречались мне в географии Палестины» (*Maury*, l. c. P. 96).

«Несколько лет тому назад я страдал ревматической болью головы. Раз я улегся в постель в 10 часов вечера. Не прошло 20–30 секунд после того, как мной начала овладевать дремота, и я явственно услыхал несколько раз повторенную, восклицательного свойства фразу, — услыхал, однако, не с такой отчетливостью а, главным образом, не с такой объективностью, как если бы я слышал голос реального лица. Затем, задумавшись о происхождении только что послышавшейся мне фразы, я вдруг припомнил, что послышавшееся мне было точным воспроизведением голоса и манеры говорить одного лица, встреченного мной за несколько дней перед тем. Совершенно подобное же явление повторилось и на следующий день… за несколько минут перед вставанием с постели я еще находился в дремоте, которая обыкновенно овладевает мной только вечером, перед наступлением сна; внезапно своим *внутренним ухом* я услыхал мое имя: „Monsieur Maury, Monsieur Maury!" Этот зов был услышан мной так явственно, что я тотчас же узнал в этом внутреннем голосе голос и манеру говорить одного из моих друзей, с которым я виделся накануне вечером: он произносил мое имя именно с такой же интонацией» (*Maury*, l. c. P. 89, 90).

«Направляясь на остров Стаффа, я находился на пароходе, причем, лежа на палубе с закрытыми глазами, я вдруг вновь услыхал ту арию, которую действительно слышал накануне: ее играл слепец на своей волынке» (*Maury*, l. c. P. 91).

Будучи расположен к псевдогаллюцинированию зрением, я, однако, до последнего времени не испытывал гипнагогических псевдогаллюцинаций слуха. Я всегда имел порядочную музыкальную память, но отрывки из слышанных мной музыкальных пьес прежде воспроизводились в моей голове всегда в качестве слуховых воспоминаний, но не псевдогаллюцинаций. Несколько времени тому назад я начал заниматься игрой на цитре и, очевидно, под влиянием этих упражнений теперь у меня стали возможными и гипнагогические псевдогаллюцинации слуха. 17-го февраля 1884 г., покончив вечером обычные занятия, я в течение часа развлекался бренчанием

[63] *A. Maury*, l. c. P. 95.
[64] Ibid. P. 66.

на цитре, но, улегшись затем в постель, все-таки не мог сразу заснуть. Незадолго до наступления сна я вдруг услышал своим внутренним ухом начало игранной мной, между прочим, в тот вечер, тирольской песни из «Дочери полка». Две первые, короткие фразы этой песни прозвучали со значительной тональной определенностью, причем хорошо различался и своеобразный тембр цитры; в следующем затем пассаже отдельные звуки шли один за другим с возрастающей быстротой, но с уменьшающейся интенсивностью, так что песня постепенно замерла, едва начавшись. Непосредственно вслед за этим я старался вторично вызвать это субъективное явление, усиленно воспроизводя в своем воображении тот же хорошо знакомый мотив, но явление не повторилось: получалось обыкновенное музыкальное воспоминание, т. е. ряд воспроизведенных слуховых представлений, но не псевдогаллюцинация (собственное наблюдение).

Устанавливая факт существования «психических галлюцинаций», *Бэлларже* указывал именно на «внутренние голоса» душевнобольных. Однако, внимательно читая о психических галлюцинациях у *Бэлларже*[65], не трудно убедиться, что он скорее дает описание простого (т. е. нечувственного) насильственного мышления (Zwangsdenken), чем тех живочувственных субъективных восприятий, которые я называю псевдогаллюцинациями слуха. Совершенно верно выражается *Марсе* (20), говоря, что психические галлюцинации *Бэлларже* суть скорее род интеллектуального бреда[66]. Бэлларже решительно утверждает, что «психические галлюцинации не имеют никакого отношения к органам чувств» (l. c. P. 369), что «они совершенно независимы от сенсориальных аппаратов» (p. 423) и суть «восприятия чисто интеллектуальные, несмотря на то, что больные часто смешивают их со своими сенсориальными восприятиями» (p. 471). Хотя эти ложные восприятия, у которых *Бэлларже* отнимает всякое отношение к чувственным нервным аппаратам, «всегда относятся больными почти *исключительно к чувству слуха*» (из этого видно, что никаких других психических галлюцинаций, напр. зрительных, *Бэлларже* не знал), «больные при этом не испытывают ничего похожего на восприятия слуховые» (p. 368); «они слышат мысль без посредства звука, слышат тайный внутренний голос[67], не имеющий ничего общего с голосами, воспринимаемыми при посредстве уха, они ведут со своими невидимыми собеседниками интимные разговоры, *в которых чувство слуха положительно не играет никакой роли*» (p. 386, 415).

---

[65] *Baillarger*, Des hallucinations. Mémoires de l'Académie royale de médecine, XII. Paris, 1846. P. 383–420.

[66] *Marcé*, Traitê pratique des maladies mentales. Paris, 1862. P. 249.

[67] *Бэлларже* сам говорит, что выражения «внутренние, интеллектуальные голоса» здесь, собственно, непригодны: «нельзя говорить о голосах, если явление совершенно чуждо чувству слуха, а совершается в глубинах души»; «больные пользуются подобного рода неверными выражениями только за неимением лучших» (l. c. p. 385).

«Больные говорят, что они одарены шестым чувством, что они могут воспринимать чужие мысли без посредства слов, что они могут иметь духовные общения со своими невидимыми собеседниками, причем понимают последних посредством интуиции» (p. 388, 389). Таким образом, описание Бэлларже приложимо только к тому, что некоторые из моих больных называют «мысленные внушения», «мысленная индукция» и что они отличают от «внутреннего слышания», от «внутреннего слухового внушения» или от «внутренней слуховой индукции»; первое из этих явлений имеет характер, действительно, чисто интеллектуальный, и органы чувств, в частности орган слуха, здесь нимало не замешаны. Напротив, во втором случае мы имеем дело с явлением резко чувственным, с особого рода весьма живыми и именно *слуховыми* субъективными восприятиями, местом происхождения которых могут быть только специально слуховые области головно-мозговой коры.

Больные говорят о «мысленном внушении», жалуются на то, что им «намысливают в голову»[68] другие лица, что мысли «вгоняются в их голову извне» в тех случаях, когда они приписывают свои навязчивые представления проделкам своих преследователей или когда считают эти субъективные явления за откровения свыше. Этого рода явления прекрасно поняты *Гагеном*, выражающимся по этому поводу так: «Чувство больного, что он зависит от какой-то тайной силы, влияющей на сокровенные глубины его души, здесь связано не с субъективными ощущениями, но с представлениями и мыслями; мысли больного, насколько они являются в зависимости от болезненных чувств подчиненности чуждому влиянию, получают отпечаток чего-то постороннего, чужого, навязанного извне»[69]. Но это не псевдогаллюцинации слуха, это просто ложные идеи, поводом к возникновению которых послужил факт навязчивости некоторых представлений. Наблюдательные и точно выражающиеся больные в таких случаях не будут говорить о внутреннем слышании. «Ce n'est pas une voix,— справедливо выразился один больной у *Бэлларже*,— c'est une suggestion»[70]. Если же, не умея выразиться иначе, они прибегнут к термину «внутренний голос», то такое выражение будет иметь чисто метафорическое значение. Не надо забывать, что и здоровые люди ежедневно пользуются выражениями: «внутренний голос сказал мне», или «сердце мое решило»; кроме того, мы знаем: «голос совести», «дурные внутренние внушения, которых мы слушаемся» и т. п. аллегорические обозначения[71].

Один из больных *Кёппе* (21), именно, чулочник Фишер, рассказывал, что первоначально Бог имел с ним общение через постукивание и столоверчение. Впоследствии же больной стал обходиться и без этих вспомогательных

[68] *Griesinger*. Psych. Krankh. 1876. P. 94.
[69] *Hagen*, Zur Theorie der Hallucination. Allgem. Zeitschrift für Psychiatr. XXV. P. 25.
[70] *Baillarger*, l. c. P. 409.
[71] *Emminghaus*. Allgem. Psychopathologie. Leipzig, 1878. P. 166.

средств, так как ему было довольно прислушаться к «внутреннему голосу познания». Кроме того, он слышал «тишайший глас Божий, относительно которого другой сказал бы, что это просто мышление»[72].

Один из пациентов *Шюле* (22) прекрасно охарактеризовал навязчивость мыслей, приводящую больных к умозаключению, что их мысли фабрикуются для них другими. «Мои собственные мысли идут равномерным ходом; мысли же других входят в мою голову как бы давлением, они насильно вталкиваются в мой мозг... Я должен думать этими мыслями против своей воли, и как бы я ни старался, я не в состоянии от них освободиться, потому что против такого давления нельзя ничего поделать»[73]. В этом рассказе нет и намека на внутреннее слышание.

Совсем другое дело псевдогаллюцинации *слуха*, где субъективное явление представляет резко сенсориальный характер. Здесь больной имеет именно *слуховое* субъективное восприятие: он действительно слышит своим внутренним ухом, а потому в большинстве случаев он именно так и говорит. Но так как здесь слуховые восприятия не обладают тем характером объективности и действительности, который одинаково существенен как для настоящих галлюцинаций слуха, так и для восприятий из реального мира, то иногда «для самого больного представляется неясным, слышит ли он надоедливый говор своих преследователей действительно извне, или же этот говор имеет место лишь в его голове»[74]. 1) От этого некоторые псевдогаллюцинанты выражаются осторожно и нерешительно, говорят, напр., как говорили больные *Мореля*: «je crois entendre», «on me fait comprendre», «il me semble, gu'on me dit»[75]; 2) Напротив, в других случаях больные уже самой формой своих заявлений дают понять, что тут дело идет не просто о насильственных мыслях, равно как и не об обыкновенных, хотя бы и очень живых представлениях слухового воспоминания. Так, нередко они говорят, что «голоса родятся в их голове»; «une voix m'a frappé à la tête», — приводилось слышать от больных *Морелю*[76]; 3) «c'est un travail, qui se fait dans ma tête», — объяснял больной у *Лере*[77]; 4) а один больной у *Гризингера* слышал, что в его голове разговаривают между собою даже несколько голосов[78]; 5) Так как при псевдогаллюцировании подлежащее лицо совсем не испытывает чувства собственной внутренней деятельности, и так как при этом те или другие слова и фразы всплывают в сознании из бессознательной сферы души, совершенно неожиданно для больного

[72] *Koeppe*. Gehörstörungen und Psychosen. Allgem. Zeitschr. für Psychiatrie. XXIV. P. 33, 34.
[73] *Schüle*. Handb. der Geisteskrankheit. Leipzig, 1880. P. 118.
[74] *Schüle*, l. c. P. 118.
[75] *Morel*. Traité des maladies mentales. Paris, 1860. P. 343, 363.
[76] Ibid. P. 363.
[77] *Leuret*. Fragments psycholoques. Paris, 1834. P. 162.
[78] *Griesinger*, l. c. P. 94.

и вполне независимо от его воли, то больной обыкновенно ищет причину явления не в самом себе, а в посторонних воздействиях. Один из больных *Кальбаума* (23), жалуясь на то, что его мысли мастерятся для него другими лицами, делал при этом такие жесты, как будто бы его мысли были вгоняемы ему через ухо или как будто бы они из его головы были через ухо вытягиваемы наружу. Одна пациентка *Кальбаума* говорила, что ей «преподносят язык» или ей «преподносят тоны и слова»[79]; 6) Но всего чаще больные прямо жалуются на «внутренние голоса», на «духовное слышание», на «слуховые внушения». «Я слышу чужие мысли» (*Лере*, *Бэлларже*), «мне мысленно говорят» (*Бэлларже*[80]); 7) «on me parle idéalement»; «il y a quelque chose en moi, qui me dit»; «c'est un écho, qui se passe dans mon intérieur»; «c'est comme une voix au dedans de moi» (*Морель*). Некоторые из моих больных (*Перевалов*, *Долинин*, *Сокорев*) прекрасно различают «слуховое внушение» от простого «мысленного внушения» и даже дают различное объяснение для этих двух явлений.

Некто, бывший нотариус, сначала слышал своих невидимых преследователей посредством интуиции и ясно толковал, что слышать инспиративно — значит слышать мысль без посредства звука. Позже он приобрел «способность вейламбулизма» (la faculté veillambulique), заключавшуюся в том, что стал весьма отчетливо слышать мысли тех лиц, с которыми он приводился в магнетическую связь; при этом как его мысли, так и мысли его собеседников, иногда очень отдаленных, «étaient formulées en paroles veillambuliques, *avec le son de la voix veillambulique*»[81]. Отсюда видно, что этот больной различал простые навязчивые представления (la faculté d'entendre par inspiration) от слуховых псевдогаллюцинаций (la faculté d'entendre le son de la voix veillambulique). Кроме того, этот больной замечателен еще во многих других отношениях. Он, по его словам, мог по своему произволу изменять свои обыкновенные мысли в мысли вейламбулические, т.е. он мог *произвольно* псевдогаллюцинировать слухом. Затем, другие люди, по его мнению, могли узнавать не все его мысли, а только мысли вейламбулические; таким образом, его ложная идея, что его мысли будто бы могут передаться другим лицам, а от этих последних обратно ему, была результатом не галлюцинаций слуха (как это обыкновенно бывает), а слуховых псевдогаллюцинаций.

---

[79] *Kahlbaum*. Die Sinnesdelirien. Allgem. Zeitschr. für Psychiatr. XXIII. P. 44.

[80] Выше я сказал, что описание *Бэлларже* относится больше к простым насильственным представлениям, чем собственно к псевдогаллюцинациям слуха, так как этот автор особенно настаивает, что «le sens de l'ouïe n'y est pour rien». Тем не менее, в числе случаев, наблюдавшихся Бэлларже, несомненно были и такие, в которых имели место настоящие псевдогаллюцинации слуха.

[81] Извлечено из единственного в этом роде наблюдения *Бэлларже* (Des hallucinations, Mémoires de l'Académie royale de médecme. XII. P. 415).

«Я слышу, — рассказывал один больной, — как по моему адресу *мысленно* высказываются разные упреки: будто бы я повинен в таком-то и таком-то грехе, и мне необходимо наложить на себя пост и покаяние, а так как я этого не делаю, то мои друзья должны отречься от меня. Я слышу, как не перестают мне мысленно (idéalement) повторять следующие слова: „Бди над собой, если ты хочешь избегнуть вечной погибели!"… в карете, на дороге между Верденом и Парижем, всю ночь *мне кажется, будто мне говорят*: „Тебе немного времени остается жить, если тебя не убьют дорогой, то ты не избежишь смерти по прибытии в Париж" и т. п. По моем приезде в Париж некоторое время мне кажется, будто двое духов спорят между собой из-за обладания моей душой. Один из них возводит в величайшие прегрешения все мелкие ошибки моей молодости; другой же поддерживает и утешает меня; с одной стороны я слышу лишь упреки и угрозы, с другой — только ободрения… Несмотря на то, что со мной говорят лишь мысленно, я слышу чрезвычайно явственно… Эти идеальные голоса указывают мне: „Прежде чем ты оставишь тот дом, где ты теперь находишься (больница для умалишенных), ты, подобно Орфею, введешь там цивилизацию"… Впоследствии я стал слышать мыслью лишь голоса, изрекавшие угрозы и скабрезности…»[82]. Значительную часть своей болезни этот больной страдал исключительно псевдогаллюцинациями слуха и навязчивыми представлениями. Впоследствии присоединились и слуховые галлюцинации.

Один из больных *Кёппе*, именно старик чулочник *Фишер*, различал в своих субъективных слуховых восприятиях: a) «громчайший глас Божий», который «должен проникать в голову не иначе, как через ухо», и вообще «громчайший звук» (наприм. ободряющая фраза, отрывок песни), который всегда слышался больному так, как будто достигал до его уха из внешнего мира (галлюцинации слуха); b) «тишайший глас Божий, относительно которого другой сказал бы, что это просто мышление» (навязчивые мысли); c) кроме того, еще две разновидности Божьего гласа, причем в одной из них, самой частой, «голос слышался так ясно и отчетливо, что можно было разобрать решительно каждый слог». Для двух последних разновидностей гласа Божия больной, по его словам, вовсе не нуждался во внешнем органе слуха: «если бы я был глух как дубина, я бы и тогда слышал это», — говорил больной[83].

В своих субъективных слуховых восприятиях мой больной *Перевалов* различает следующее: a) «прямое говорение» (галлюцинации слуха), которое бывает двоякого рода: α) очень громкое, причем, однако, не всегда легко разобрать слова (здесь обыкновенно сливающиеся между собой); при этом выкрикиваются «токистами» отдельные, большей частью короткие,

[82] Извлечено из наблюдения *Мореля* (Traité des maladies mentales. 1860. P. 342–352).
[83] *Koeppe*. Gehörstörungen und Psychosen. Allgem. Zeitschr. für Psychiatrie. XXIV. P. 34.

фразы и ругательные слова; β) «тихая речь» с шипящим тембром, похожая на напряженно-усиленный шепот, в котором резко различаются голоса различных лиц; больной полагает, что при этом способе воздействия, (как при α, так и при β) звуки и слова естественным образом производятся голосовыми аппаратами «токистов» и передаются его уху, как и всякий другой объективный звук (например, через отверстия в полу и стенах, через нарочно устроенные говорные трубы); b) «говорение посредством тока», причем этот ток, будучи направлен на его голову, заставляет его слышать, по воле токистов, те или другие слова и фразы; здесь слуховое восприятие лишено характера объективности, не локализируется во внешнее пространство и бывает всегда одного и того же свойства, так что различий в тембре здесь для больного не представляется; c) насильственное мышление без всякого внутреннего слышания; при этом «токисты» устраивают ему искусственные мысли, переводя мысли из своей в его голову (больной убежден, что невидимые преследователи постоянно держат и его, и вместе с ним самих себя, чередуясь между собой, под влиянием электричества, в силу чего устанавливается своего рода rapport, дозволяющий передачу мыслей из одной головы в другую).

Долинин во время своей первой душевной болезни имел постоянные галлюцинации слуха, причем слова, фразы, диалоги, целые стихотворные куплеты доносились до его уха из определенных точек внешнего пространства, слышались, например, из стен, из соседних помещений, из уст людей, находившихся с ним в одной комнате. Больной, под влиянием слуховых галлюцинаций, пришел к убеждению, что он находится в руках целого корпуса тайных мучителей, которые окружают его (в заведении для умалишенных) под видом больных, прислуги и врачей. Каждое из этих лиц, приведя себя в магнетический rapport с ним (больной был знаком со старой французской литературой животного магнетизма), с одной стороны, непосредственно узнавало все его мысли, чувства и ощущения, до самых мельчайших внутренних движений, с другой стороны, могло передавать в его мозг из своего какую угодно мысль или какое угодно ощущение. Больной различал два рода таковых передач или «внутренних внушений», основанных на двух способах «психической индукции»: a) «мысленное внушение» — лицо, находящееся в данную минуту в магнетической связи с ним, искусственно фиксировало в своем мозге ту или другую, мучительную для него, *Долинина*, мысль, чем и причиняло ему «так называемое психиатрами навязчивое представление»; b) «слуховое внушение» — лицо, в настоящую минуту с ним, *Долининым*, магнетически связанное, усиленно слушало какой-нибудь искусственно производимый реальный звук или шум, напр., действительную речь другого лица, находящегося в той же комнате, или даже свою собственную речь (громко говоря или крича и своим же слухом воспринимая говоримое) и этим путем переводило в его, *Долинина*, мозг

свои слуховые восприятия. При этом явлении искусственно вызванного внутреннего слышания *Долинин* различал тот или другой тембр, ту или другую манеру говорить (невидимые мучители нередко старались подделываться под голоса знакомых *Долинину* лиц).

Во время своей второй, непродолжительной болезни *Долинин* тоже имел массу псевдогаллюцинаций слуха, и притом как в словесной фурме, так и в форме слышания разных звуков и шумов (шум шагов марширующих войск, выстрелы и проч.), или в форме музыкальных псевдогаллюцинаций (барабанный бой, военная музыка).

VII

Чрезмерное фантазирование больных (hyperphantasia) обыкновенно бывает соединено с псевдогаллюцинированием. Тем не менее, болезненно усиленное фантазирование и псевдогаллюцинирование совсем не одно и то же. Чрезмерное фантазирование есть внутренний процесс, если не вполне, то все-таки в значительной мере зависящий от воли индивидуума. От процесса простого мышления фантазирование отличается только тем, что здесь сознание оперирует не с абстрактными (общими) представлениями или понятиями и их символами (слова), а с представлениями конкретными, т. е. с воспроизведенными чувственными образами (всего чаще со зрительными). Как процесс простого произвольного воспоминания, так и процесс фантазирования (где составные части сложных воспроизведенных представлений являются в сознании в новых сочетаниях) неизбежно сопровождаются у подлежащего лица чувством собственной внутренней деятельности. «Когда я себе что-нибудь представляю, то все мое сознание бывает занято представляемым предметом, и при этом я сознаю, что вызвал в себе данный образ моей собственной самоопределяющейся деятельностью. Чем живее я хочу себе что-либо представить, тем сильнее я должен напрягать свое „я“ и, соответственно этому, тем интенсивнее во мне сознание, что я это представляю в себе»[84].

Но настоящие псевдогаллюцинации суть явления спонтанные, от произвола восприемлющего лица вовсе не зависящие. Их возникновение не бывает сопряжено у подлежащего субъекта не только с чувством напряжения, но даже и просто с чувством собственной внутренней активности, и, собственно, в силу этого отрицательного признака псевдогаллюцинации и выделяются в сознании на фоне обыкновенных образов воспоминания и фантазии и получают для непосредственного чувства особое значение, как нечто, входящее извне, причем обыкновенно считаются больными

---

[84] *Hagen*. Die Sinnestäuschungen in Bezug auf Psychol., Heilk. und Rechtspflege. Leipzig, 1837. P. 191.

за явления, искусственно «наведенные» посторонней волей. Между отдельными псевдогаллюцинаторными образами большей частью не бывает той логической связи, какая существует между отдельными представлениями фантазии (внутренняя ассоциация); что касается до представлений воспоминания, то между ними всегда есть связь, если не внутренняя, то внешняя, которая дается, напр., пространственным соотношением воспоминаемых предметов или последовательностью во времени воспроизводимых событий. Если я позволяю себе иногда выражения: «больной постоянно псевдогаллюцинирует зрением или слухом», то это не значит, что псевдогаллюцинаторные образы всегда идут непрерывным рядом, вызывая один другой по законам ассоциации; они возникают время от времени (конечно, при значительной наклонности к псевдогаллюцинированию промежутки могут быть весьма коротки) и непосредственной логической связи между собой чаще вовсе не имеют. Ведь и у псевдогаллюцинирующего субъекта становится псевдогаллюцинацией далеко не всякое чувственное представление, а только такие из них, для которых, по случайному совпадению, имеющееся в данный момент в кортикальных чувственных центрах органическое возбуждение представит для такой трансформации особо благоприятные условия. Промежуток от одной псевдогаллюцинации до другой, разумеется, не бывает пустым; он выполнен теми или другими продуктами частью произвольной, частью невольной деятельности мысли, т. е. представлениями как абстрактными, так и образными. Отсюда видно, что два последовательные один за другим псевдогаллюцинаторные образа, не имея между собой непосредственной логической связи, могут связаться при посредстве других, не псевдогаллюцинаторных представлений. Поэтому, если взять содержание сознания некоторых больных (острые идеофреники псевдогаллюцинируют всего больше) за известный промежуток времени, то получится сложное сплетение из представлений правильных и ложных, навязчивых мыслей, образов воспоминания и фантазии, псевдогаллюцинаций, галлюцинаций (если имеются налицо те специальные условия, которые необходимы для возникновения последних) и, наконец, вторично получившихся ложных идей.

Утверждая, что отдельные псевдогаллюцинации часто бывают по содержанию своему совершенно неожиданными, лишенными прямого отношения к представлениям, находившимся в сознании непосредственно перед тем, я констатирую лишь факт, которым ни мало не исключается другой факт, что сосредоточение деятельности мысли на представлениях известного содержания предрасполагает и к псевдогаллюцинированию в том же направлении. При хронической идеофрении псевдогаллюцинации почти всегда спонтанны и не могут быть вызваны произвольными усилиями воображения больного; встречаются, однако, отдельные случаи, когда, при большой наклонности к псевдогаллюцинированию, больной может по про-

изволу придавать своим псевдогаллюцинациям определенное содержание. Настоящие галлюцинации обыкновенно тоже не могут быть вызываемы произвольным напряжением воображения; это, однако, не исключает того факта, что иногда душевнобольной человек может влагать в свои галлюцинации то или другое содержание; впрочем, последнее возможно лишь для галлюцинаций известного рода («производные галлюцинации слуха», по моей терминологии).

Что усиленная деятельность фантазии есть лишь момент, предрасполагающий к псевдогаллюцинированию, а не само псевдогаллюцинирование, всего виднее при псевдогаллюцинациях психически здоровых людей, а из душевнобольных — у хроников. В самом деле, псевдогаллюцинации здоровых людей (гипнагогические и другие) совершенно независимы от усиления произвольной деятельности фантазии, и для их возникновения, как мы видели, необходима именно полнейшая внутренняя пассивность. При хроническом сумасшествии содержание псевдогаллюцинаций (не только стабильных и интеркуррентных, но даже и множественных) тоже обыкновенно не согласуется с направлением сознательной и произвольной деятельности воображения. Напротив, при непрерывном или сплошном псевдогаллюцинировании острых больных дело представляется несколько иным. В этих случаях возбудимость кортикальных областей чувств повышается в такой степени, что почти всякое представление, всякая мысль, возникая в мозге больного, принимает конкретную, резко чувственную форму, так что все мышление больного, уже вышедшее из пределов нормальной логики, совершается в пластической, образной форме. Тогда получается ряд, так сказать, псевдогаллюцинаторных фантазий, содержание которых всегда более или менее соответствует направлению мыслей больного в данное время. Понятно, что такие псевдогаллюцинаторные фантазии будут отличаться от непсевдогаллюцинаторных продуктов болезненно усиленной деятельности воображения не так резко, как отличаются от обыкновенных представлений воспоминания и фантазии псевдогаллюцинации психически здоровых людей и сумасшедших-хроников. Я убежден, что между псевдогаллюцинациями и настоящими галлюцинациями не существует переходных ступеней. Но между продуктами обыкновенной деятельности фантазии и резко выраженными псевдогаллюцинациями со всеми характерными признаками последних переходы, разумеется, возможны. Так, в случаях острой галлюцинаторной идеофрении мы можем найти целую массу субъективных чувственных восприятий, представляющих собой именно эти переходные ступени. Впрочем, и здесь чистые псевдогаллюцинации всегда более или менее выделяются из общего фона болезненно живых представлений фантазии и субъективных восприятий, переходных от последних к псевдогаллюцинациям. Выделение это обусловливается тем, что к псевдогаллюцинациям сознание всегда относится рецептивно, оно

не признает их своей собственностью, ибо возникновение этих субъективных явлений никогда не сопровождается у подлежащего субъекта чувством собственной внутренней деятельности.

В острых формах или периодах сумасшествия больной вполне уходит в мир фантазии (именно в этих случаях псевдогаллюцинации, быстро меняясь одна другой, идут почти сплошь, одним непрерывным течением) и оставляет совсем без внимания свою реальную обстановку. Такой больной иногда бывает ошибочно принимаем за галлюцинанта, вполне отрешенного от внешнего мира. Однако здесь довольно первого более сильного внешнего впечатления, чтобы возвратить больного, по крайней мере, на время, к действительности, напр., достаточно обратиться к нему с прямым вопросом или просто близко подойти к нему. Здесь больной лишь вниманием отвлечен от внешнего мира, тогда как при непрерывном галлюцинировании, неразлучном с глубоким расстройством сознания, больной всем своим сознанием отрешается от окружающей его действительности.

В минуту засыпания больных, при бодрствовании непрерывно псевдогаллюцинировавших зрением, их зрительные псевдогаллюцинации непосредственно переходят в сновидения, несравненно более живые и более объективные, чем нормальные сновидения: наступает то состояние, которое *Бэлларже* прежде называл «сновидения с галлюцинациями». Так как для превращения псевдогаллюцинаций в галлюцинации достаточно прекращения восприятия внешних впечатлений, то возможно, что кортикальная галлюцинация, т. е. сновидение, явится прежде, чем больной всецело погрузится в сон (кортикальные галлюцинации в состоянии, переходном от бодрствования ко сну).

Следующие примеры показывают пластическую чувственность бреда сумасшедших, сотканного из ложных представлений, первичных и вторичных, образов фантазии и псевдогаллюцинаций. В третьем примере видно, кроме того, отношение псевдогаллюцинаторных явлений к другим болезненным явлениям в самом сознании больного.

Отрывок из одной истории болезни у *Крафт-Эбинга*[85] (24), где больной, одновременно со слуховыми галлюцинациями, как по всему видно, галлюцинировал зрением (настоящие зрительные галлюцинации если и бывают у подобного рода больных, то лишь в качестве эпизодических явлений). «Императоры Франции, Австрии и король Пруссии, с которыми больной вел разговоры, находились под домом, где помещался больной, в преддверии ада, недавно открытом со стороны Рима. Преддверие ада состоит из двух отделений; одно из них высотой в человеческий рост, другое столь же высокое, как большой дом; это второе отделение наполняется, со стороны

[85] *Krafft-Ebing*. Die Sinnesdelirien. Ein Versuch ihrer physio-psychol. Begründung und klin. Darstellung. Erlangen, 1864. P. 51.

Рима, морской водой. Там помещены души умерших; души имеют весьма нежную конструкцию; они состоят из корпуса и двух крыльев; падая на пол, они легко разбиваются. Там же находится Аммон, имеющий вид громадного зверя с толстым туловищем и большущими глазами; спереди у него лапы с когтями, позади — ноги с копытами… У преддверия ада два входа; через один из них, находящийся близ М., больной однажды и проник туда… Проштрафившимся душам залепляют крылья расплавленным железом, причем они начинают дрожать от боли. Находясь в В., больной видел много тысяч душ, летающих по преддверию ада; тогда больной стал бегать по улицам и бегал до тех пор, пока в мыслях своих не высвободил всех этих душ. По отяжелеванию своих ног больной узнает, что под ним пролетает чья-нибудь душа…»

Извлечение из сюда же относящегося observ. 30 *Бриерра де Буамана*[86]: «Однажды, — рассказывал больной, — я, чтобы рассеяться, отправился бродить по городу. Дойдя до церкви св. Павла, я остановился у окон магазинов Каррингтона и Броульса, чтобы посмотреть гравюры. Вскоре возле меня остановился, тоже смотря гравюры, господин, небольшого роста, пожилой и с видом довольно важным. Завязав со мной разговор, он стал восторгаться видом, открывавшимся с колокольни церкви св. Павла. Так как я туда никогда не всходил, то он мне предложил пообедать вместе с ним в трактире, а потом подняться на колокольню. Наскоро пообедав, мы пошли на колокольню и взобрались в тот самый шар (яблоко), в котором утверждается венчающий колокольню крест. Несколько минут мы восторгались прелестной панорамой, представившейся нашему взору; затем мой спутник вынул из кармана инструмент, на котором были выгравированы странные фигуры, видом похожий на компас. Поместив инструмент в центре яблока, он предложил мне смотреть туда, сказав, что я могу увидеть любого из своих далеких друзей и узнать, что каждый из них в данную минуту делает. Сперва я содрогнулся, но желание увидать моего больного отца взяло верх над моим страхом. Не успев выразить своего желания словами, я уже увидел в инструменте, как в зеркале, моего отца, отдыхающего, сидя в своем кресле. Факт видения поразил меня ужасом, и я стал приглашать сойти вниз. Мы сошли и расстались под северным портиком церкви. На прощанье мой странный спутник сказал мне: „Помните, что с этой минуты вы в моей власти“… С той поры „некромантик“ всецело завладел мной; при помощи своего зеркала он видит меня во всякое время и постоянно читает мои мысли».

Я приведу теперь часть из испытанного *Долининым* во время его второго (короткого) психического расстройства, быстро развившегося после 2–3 недель чрезмерного умственного напряжения. В нижеследующем изо-

[86] *Brierre de Boismont*. Des hallucinations. 3-me édit. Paris, 1862. P. 91–94.

бражено, по возможности в кратких и верных чертах, содержание сознания больного за первые 5 дней псевдогаллюцинаторно-галлюцинаторного периода болезни.

...Больной вдруг стал бредить тем, что он производит государственный переворот в Китае, имеющий целью дать этому государству европейскую конституцию. *Долинин* был, конечно, не один; существовала целая партия, в число членов которой входило много просвещенных мандаринов из государственных людей Китая и высших начальников флота и армии. Больной чувствовал себя тем более способным на роль главного руководителя переворота, что он находился в духовном общении с народом и мог непосредственно знать нужды и потребности разных классов общества. В народе, двигавшемся по улице перед окнами квартиры его, *Долинин* видел представителей разных общественных фракций; эти депутаты поочередно вступали своими умами в общение с умом *Долинина* и таким путем выражали свои политические требования; это духовное общение было не чем иным, как слуховым псевдогаллюцинированием, на фоне которого резко выделялись настоящие галлюцинации и иллюзии слуха, являвшиеся первоначально в одиночку: от времени до времени *Долинин* слышал (*галлюцинаторно*) от людей, проходивших по улице, относившиеся к нему слова и фразы. С другой стороны, *Долинин* являлся духовным сосредоточием партии заговорщиков, и его мозг служил для нее как бы центральной телеграфной станцией: больной *псевдогаллюцинаторно* получал частые извещения о ходе дела от своих сообщников как в Пекине, так и в других главных городах Китая и, соображаясь с этим, делал дальнейшие распоряжения, мысленно (без слов) телеграфируя лицам, им же распределенным на различные роли. Все дело заключалось в том, чтобы действовать решительно и провозгласить конституцию прежде, чем противники ее успеют опомниться. Все шло бы хорошо, но дело осложнилось тем, что мысли больного *сделались открытыми* и для противной партии. Квартиры, смежные с квартирой *Долинина*, оказались занятыми шпионами, которые стали узнавать мысли *Долинина*, вбирая их из его головы в свои головы. Больной не только *чувствовал* близость шпионов (так как и от них некоторые мысли переходили в его голову), но и стал слышать их голоса (отдельные фразы, которыми они иногда перекидывались между собой посреди эксплоративных занятий, реплики, делавшиеся ими *иногда* вслух, на открывавшиеся им мысли больного; понятно, что это были уже галлюцинации слуха). Надо было стараться перехитрить врагов. И вот, больной вообразил некую машину, вроде как бы сложного токоизбирателя, дававшую возможность оперировать с совокупностью множества систем гальванических батарей, путем различнейших, более или менее сложных комбинаций действия этих систем. С внешней стороны этот аппарат (больной мысленно окрестил его «психораспределителем») являлся внутреннему зрению *Долинина* закрытым

столом, наверху с большой квадратной доской из черного дерева, на которой устроены замыкатели, избиратели, коммутаторы для громадной массы гальванических цепей. В одних местах при втыкании металлических шпеньков в отверстия ток замыкался, при вынимании же — размыкался; в других местах вынимание шпеньков открывало для тока более длинный окольный путь, который снова можно было удлинить или разветвить, вынимая и вставляя соответственные шпеньки. Параллельно ходу своей мысли (вернее, фантазии, так как в это время больной уже *не мог мыслить иначе как в живочувственной, образной форме*), почти совершенно вышедшей из-под контроля воли, *Долинин*, в своем зрительном представлении, оперировал обеими руками на «распределителе» и полагал при этом, что ингениозным выбором комбинаций затыкаемых и оттыкаемых отверстий достигалось то, что мысли, назначенной к «своим», преграждался обратный путь, так что в нее уже не могли проникнуть шпионы; подобными же приемами предотвращалась передача в мозги шпионов телеграмм, получавшихся со всех сторон от исполнителей замысла. При такой мудреной работе, где результат всецело зависел от вдохновения, дело не обошлось без некоторых промахов. Через своих шпионов противники узнали кое-что из планов и распоряжений *Долинина*, соответственно этому приняли свои меры. Надо заметить, что в это время, кроме дара, так сказать, всезнания и всеслышания (через таинственное общение с умами множества людей), у *Долинина* был и дар всевидения. Ходя по своим комнатам из угла в угол и почти не видя предметов, находившихся у него под носом (потому что внимание было всецело занято вещами отдаленными и грандиозными), больной *внутренно видел все*, что в те дни будто бы творилось в столице Китая, как на улицах, так в богдыханском дворце и в верховном совете мандаринов (чрезвычайное усиление деятельности зрительной фантазии, причем часто возникавшие зрительные псевдогаллюцинации служили как бы отдельными иллюстрациями; характеризуясь всеми теми чертами, которые раньше мной были выставлены в качестве существенных признаков псевдогаллюцинаций, главным же образом своей навязчивостью, эти иллюстрации в сознании больного отделялись от простых продуктов деятельности представления и потому получали особое значение: больной видел в них таинственное отражение отдаленных *действительных* событий). Больной *внутренно видит*, что согласно с его планом, верховный совет мандаринов в своем полном составе торжественно заседает, формулируя основные законы конституции. Здание совета окружено строем пехотинцев; на площади расположена артиллерийская бригада; по окраине площади и в смежных улицах несметные массы ждущих китайцев… Тем не менее, в некоторых улицах смятение: противники реформы успели увлечь за собой несколько полков инфантерии, в том числе и гарнизон крепости; необходимо рассеять крамольников. И вот, перед умственным оком больного

развертывается новая псевдогаллюцинаторная картина — картина уличной схватки вооруженных отрядов. *Долинин* отчетливо видит (псевдогаллюцинаторно) солдат и командиров, слышит (частью внутренно, частью галлюцинаторно) звон оружия, команду, ружейные залпы, победные крики… С крепости, которая теперь уже в руках конституционалистов, раздаются пушечные выстрелы… Затем, мало-помалу, все успокаивается; очевидно, гидра открытого сопротивления задавлена; врагам остаются лишь тайные ковы, ибо самых главных из них еще не удалось переловить… На улице тишина; лишь слышно со стороны народа (действительно проходящего по улице) ликование и похвалы на мудрые распоряжения *Долинина*, вследствие которых все обошлось без большой кутерьмы. После стольких тревожных минут *Долинин* испытывает теперь глубочайшее удовлетворение: он — герой дня. Его квартира окружается, частью для почета, частью для предупреждения враждебных покушений, отрядом национальной гвардии; правда, взглянув в окно, *Долинин* не видит солдат, так как они расположены на почтительном отдалении, зато он знает об их близости непосредственно, ибо может, когда захочет, иметь с этими людьми умственное общение. К вечеру на улице, недалеко от дома располагается прекрасный военный оркестр, который значительную часть ночи услаждает слух *Долинина* игрой торжественных маршей и других пьес. Тут больной уже не выглядывает в окно: ему довольно, что он чувствует присутствие музыкантов, видит оркестр своими духовными очами и своим внутренним ухом слышит исполняемые им пьесы (псевдогаллюцинации)… На другой день больной с утра собирается в заседание нового законодательного корпуса… В то же утро в квартиру больного являются двое его товарищей [по службе] и, после короткого разговора, приглашают его прокатиться вместе с ними в карете. *Долинин* принимает товарищей за присланных за ним членов законодательного собрания; хотя прямого объяснения на этот счет не было, но по взволнованным лицам друзей, по их многозначительному виду и почтительному обращению, равно как и по прорвавшимся в течение разговора намекам их и даже по некоторым прямого смысла фразам (галлюцинации слуха) *Долинин* узнает цель визита гостей; да к чему излишние слова между единомышленниками, имеющими возможность сообщаться между собой духовно, без посредства языка… Едут; больной озабочен мыслями, что делается теперь во дворце; тем не менее он замечает, что на главных улицах города стоит торжественное затишье… От проходящих по улицам отдельных личностей *Долинин* временами слышит обращенные к нему лаконические фразы — восхваление, одобрение, сдержанные выражения восторга, иногда остережения (слух. галлюц.)… Погрузившись в свои соображения, *Долинин* рассеянно смотрит по сторонам и не видит, куда его везут… Вдруг отдельные выражения враждебного к нему отношения уличной толпы поражают его слух. *Долинин* осматривается и видит, что при-

ехали на край города[87]; на улице, как кажется больному, все чаще и чаще попадаются полицейские, растерзанные и пьяные отдельные солдаты, оборванные представители черни; из уст этих людей *Долинин* слышит уже прямые ругательства и угрозы…

Тогда, прибегнув к помощи интуиции, больной узнает, что шпион, переодетый кучером, нарочно завез их в часть города, враждебно настроенную мятежной партией; противники снова сплотились и делают отчаянные усилия, чтобы захватить в свои руки кормило правления, приняты уже меры, чтобы поймать *Долинина* и его друзей в ловушку… Замешательство и страх, написанные на лицах спутников, теперь более чем понятны… Но тем же путем интуиции больной узнает, что им в прикрытие послан отряд пешей гвардии, под командой двоих офицеров, его старых приятелей. Отряд еще далеко позади, но *Долинин* уже слышит (внутренно, т. е. псевдогаллюцинаторно) мерный шум шагов по мостовой и барабанный бой… Усталые извощичьи лошади ежеминутно готовы остановиться, и тогда придется застрять среди уличной толпы, становящейся все более и более враждебной… Но мужество прежде всего; пока не погас на папироске захваченный из дома огонь, неприятель не посмеет к ним подступиться, ибо он, *Долинин* имеет ныне в своих руках верховную исполнительную власть в государстве (еще на дому старший из товарищей, приехавший с курящейся папиросой, предложил больному папиросу из своей папиросницы; папироса была принята больным как «символический скипетр власти»; зажегши ее еще у себя на квартире о папиросу товарища, больной всю дорогу не переставал курить, зажигая новую папиросу о докуренную и придавая большую важность тому, чтобы «не потерять огня»)… К тому же звуки марша (псевдогаллюцинации слуха) слышатся все ближе и ближе; через несколько минут карета будет нагнана эскортом. И вот, в приливе восторга, *Долинин* начинает, в такт внутренно слышимым им шагам солдат, напевать собственного сочинения марш, действуя при этом шагообразно своими ногами, так как теперь это движение ногами таинственно связано с движениями кареты: если его прекратить, то и карета остановится… Но, вот, вот! передние ряды отряда уже окружили экипаж; против левого окна кареты марширует вечно серьезный капитан В., салютуя сидящим в каре-

[87] Читатель, может быть, удивится, что больной, находясь в Петербурге, считает себя действующим в Пекине, между китайцами. Не имея времени останавливаться на этом, я замечу лишь, что с сумасшедшими бывают еще большие странности. Вообще же психиатрам известно, что больные иногда не узнают знакомых лиц, знакомых местностей, а между тем находят знакомое в лицах и местностях, видимых ими впервые. Немцы называют это «Verwechselung der Person, Verwechselung der Umgebung». Прибавлю еще, что в таком неузнавании знакомых местностей и лиц, равно как и принимании лиц незнакомых за старых знакомых и друзей иллюзии и галлюцинации зрения весьма часто ни мало не причастны.

те обнаженной саблей; по другую сторону экипажа штабс-капитан П… широко шагает своими коротенькими ножками и восторженно что-то кричит (что именно — в общем движении нельзя разобрать)… Эти зрительные явления — еще не галлюцинации, это лишь «видение духом»; у самого *Долинина* имеется в эту минуту сознание, что это еще не действительность, но только таинственное духовное предвкушение действительности; несомненная близость последней доводит восторг больного до высшей точки… Вдруг экипаж останавливается, и спутники многозначительно приглашают *Долинина* выйти из кареты. Осмотревшись, больной видит, что подъехали к какому-то деревянному домику, дачной постройки. Конечно, тут весьма удобно подождать приближающийся отряд (за поворотом дороги его не видно, но *Долинин* различными способами чувствует его близость). *Долинин* мысленно решает, что тут он даст людям роздых; отсюда они трое, облачившись в официальные костюмы и опоясавшись шарфами, пойдут пешком к зданию законодательного собрания, где их давно уже ждут… Но почувствовав вдруг огромную физическую усталость (немалую часть неблизкой дороги он восторженно пел и энергически работал ногами), *Долинин* при входе в дом передает старшему из товарищей свою символическую, все еще дымящуюся папиросу, выразив ему короткую просьбу «снять на время команду» с него… В первой комнате он садится к роялю и погружается в задумчивость. Очнувшись, он замечает, что в комнате никого, кроме него, нет. Но в смежных комнатах он находит незнакомых, странного вида людей, по-видимому, не обращающих на него внимания. По отдельным их фразам [одни из этих фраз он слышал лишь внутренно (псевдогаллюцинации), другие же обыкновенным путем, т. е. наружным ухом (производные галлюцинации слуха)] *Долинин* понял, что он окружен членами корпуса тайных палачей, которые, чередуясь между собой, стараются не прерывать с ним внутреннего общения и таким образом ловят все его мысли. Спутники его исчезли, выходная дверь на замке и кроме того охраняется стражем, окна с решетками… Все погибло, *Долинин* попал в ловушку… Мы можем оставить больного на этих минутах буйного гнева и отчаяния, неожиданно наступивших после прежнего восторженно-воинственного настроения.

В этом извлечении из записанных для меня выздоровевшим больным воспоминаний я старался воспроизвести возможно ближе к действительности последовательность чувств, идей, фантазий и субъективных чувственных восприятий за несколько дней болезни подряд. Читатель видит, что за эти дни у больного было много безумного бреда с насильственными представлениями и производными ложными идеями; много простых образных представлений в качестве продуктов деятельности чрезмерно возбужденной фантазии; достаточно слуховых галлюцинаций и еще большее количество псевдогаллюцинаций, слуховых и зрительных. Что касается

до галлюцинаций зрения, то их в это время совсем не было (позже на непродолжительный срок появились и они).

VIII

Не должно смешивать с «внутренним слышанием» «*внутреннее говорение*» самих больных. При этом говорении больные не имеют никакого субъективного возбуждения в кортикальной слуховой сфере, но лишь чувствуют более или менее насильственный *двигательный импульс* к кричанию, к произнесению тех или других слов, фраз, целых монологов или диалогов. Не завися от возбуждения центральных чувственных областей, это явление не имеет ничего общего ни с галлюцинациями, ни с псевдогаллюцинациями; это не что иное, как чувство речевой иннервации, результат возбуждения известных узловых клеток кортикального двигательного аппарата речи. Если больной произвольным усилием воли не подавляет эту непроизвольную или даже прямо насильственную двигательную иннервацию, или если последняя происходит с большой силой, то голосовой аппарат может в самом деле придти в действие, так что в результате получатся непроизвольные крики, непроизвольно произносимые слова и фразы.

Вообще жалобы больных на то, что их языком говорят невидимые преследователи, приходится слышать довольно часто, и в этих заявлениях должно различать два рода случаев: a) больные страдают только навязчивыми мыслями и упомянутыми жалобами желают выразить врачу только то, что невидимые преследователи отнимают у них их собственные мысли и взамен того вводят в их голову мысли чужие, которые они, больные, поэтому (т. е. за неимением собственных мыслей) и принуждены высказывать; b) случаи настоящей непроизвольной или насильственной иннервации двигательного аппарата речи. Последнего рода случаи хотя и не принадлежат к псевдогаллюцинациям, но краткое рассмотрение их здесь не будет совсем неуместным, ввиду того, что эти патологические явления находятся в связи с явлением внутреннего говорения, которое обыкновенно смешивается авторами с психическими галлюцинациями.

Непроизвольное говорение может быть или явлением, часто повторяющимся и в то же время длительным, или, наоборот, явлением эпизодическим и даже случайным.

Иногда больной, собравшись сказать одно, нечаянно выговаривает совершенно другое, в силу рефлекса с органа зрения или слуха. При псевдоафазической спутанности (dementia pseudoaphasica Meynerti) больные делают бессмысленный набор звуков и слов иногда совершенно автоматично, вследствие иррадиации двигательного возбуждения на такие клетки кортикального центра речи, которые при данном движении в области пред-

ставления вовсе не должны бы приходить в действие. Вот относящиеся сюда примеры:

Больной *Лашков*, находясь в нашей больнице, раз рассердился на надзирателя моего отделения и приготовился энергически ругнуть его; дождавшись прихода к себе в комнату надзирателя, он открывает рот, чтобы произнести вперед заготовленную бранную фразу… но, к немалому его удивлению, его язык вдруг выговорил: «господин Щербаков» (фамилия надзирателя) и больше ничего. После двух-трех подобного рода случаев больной решил, что его язык уже не находится в его власти, ибо невидимые экспериментаторы могут, с одной стороны, не дать ему сказать то, что он собрался сказать, с другой стороны, могут заставить его произнести то, что он вовсе не думал. Раньше того этот же больной во время наступавших у него иногда периодов отупения и молчаливости (Stupiditat mit Mutacismus), нередко вместо ответа механически повторял предлагавшиеся ему вопросы, очевидно, в силу рефлекса с органа слуха.

Проф. *Лейдесдорф*[88] (25) сообщает про одну из своих больных между прочим следующее: «Особенно трудно ей было говорить; *она никогда не могла сказать того*, что она желала… На вопросы она старалась отвечать правильно, но сама постоянно замечала, что она повторяет приблизительно одно и то же, никак не может кончить, но постоянно говорит, не сказавши именно того, что намеревалась сказать; кроме того, она заметила, что некоторые отдельные слова *она повторяет совершенно против ее воли*.

Мой больной *Андреев* (псевдоафазическая спутанность *Мейнерта*), желая правильно ответить на предложенный ему вопрос, не находит надлежащих слов; в этом затруднении его растерянность достигает до высшей точки и тогда с уст его (против его воли, как он сам весьма недвусмысленно дает понять) начинают срываться слова, к делу ни мало не идущие, так что получается вполне бессмысленный набор слов или же аграмматическая фраза, с которой больной решительно не связывает никакого представления.

Известно, что кататоники иногда по целым часам подряд издают отдельные дикие звуки, выкрикивают отдельные, все одни и те же, слова или же повторяют бесчисленное множество раз подряд одну и ту же, часто бессмысленную фразу. Мне кажется возможным, что в такого рода простейших случаях кататонической вербигерации собственно интеллектуальная деятельность мало участвует в явлении; непроизвольная работа мышцами голосового аппарата здесь может совершаться автоматично, единственно в силу самостоятельного раздражения клеток двигательного кортикального центра речи. Здесь можно видеть род судороги кортикального происхождения, которая иногда является в очень простой форме (монотонный

[88] Casuistischer Beitrag zur Frage von der primären Verrücktheit. Psychiatr. Studien aus der Klinik des Prof. Leidesdorf. Wien, 1877. P. 236.

крик), иногда же в форме более сложной и координированной (слова и набор их); в последнем случае мы имеем дело с явлениями, по-видимому, близкими к тем, которые описаны *Фридрейхом*[89] под названием «coordinirte Erinnerungskrämpfe» (редкие случаи такого судорожного состояния, где, при сохраненном сознании, непроизвольно повторяются сложные координированные движения или действия, первоначально совершавшиеся или путем рефлекса, или же под импульсом воли).

Однако весьма нередки так же и такие случаи, где вербигерация кататоников, при всем своем характере монотонности, стереотипности и судорожности, дает в результате фразу, имеющую определенный смысл, или даже довольно сложный ряд грамматично построенных фраз, содержание которых находится в видимой связи с мыслями, занимающими больного в данное время. В таких случаях интеллектуальное происхождение вербигерационных фраз едва ли может подлежать сомнению.

Бред моего больного Кар… за долгое время до наступления характерных явлений кататонии был сосредоточен на вопросах государственной важности; однажды я застал больного неподвижно стоящим и медленно, с раздельностью, по слогам и с видимым усилием преодолеть существующую в двигательных путях задержку, вербигерирующим в таком роде: «надо, чтобы Государь… чтобы Государь… чтобы Государь… надо, чтобы Государь… вер… веррр… верил… чтобы Государь верил… надо, чтобы ми… мин… инистры… чтобы министры… ответственны были… чтобы министры… ответственны были…» По-видимому, это не было непроизвольным «судорожным воспоминанием» (Erinnerungskrampf): больной производил такое впечатление, что он составляет фразы на месте, причем, в силу внутреннего принуждения выразить вслух слагающееся в уме его, должен усиленно иннервировать плохо подчиняющийся воле голосовой аппарат и с большим напряжением выжимать из себя слова; задержавшись на известном слоге или слове, он, повторением той части слова или предложения, которую ему уже удалось выговорить, как будто бы добивался возможности произнести следующие стоящие на очереди слога или слова.

Кстати сказать, эта насильственность вербигерационного импульса обыкновенно живо чувствуется самими больными. В нашей больнице есть больной *Куприянов*, у которого в его теперешнем состоянии вторичного слабоумия осталась от несколько лет тому назад протекшей кататонии наклонность вербигерировать; он прекрасно характеризует непроизвольность своего говорения, называя его «самопарлятина» или «самоговорение». Язык его постоянно повторяет одни и те же, большей частью бессмысленные фразы или вставляет во фразы со смыслом стереотипные слова, к делу во-

---

[89] *Friedreich*. Ueber coordinirte Erinnerungskrämpfe. Virchow's Archiv. Bd. 86 (1881). P. 430.

все не идущие. Даже желая попросить чего-нибудь, больной выражается не иначе как в такой форме: «самоговорение, самоговорю, пожалуйте… самоговорение, самоговорю, пожалуйте… самоговорение… пожалуйте папиросу… Не для самокурения… я сам хочу курить… но самоговорением… самовыговариванием… я вам самоговорю… пожалуйте покурить… » и т.д.

Наконец, независимо от явлений кататонии, характерная черта которой состоит в судорожной напряженности мышц[90], непроизвольное говорение больных наблюдается при разного рода состояниях психического возбуждения. Но здесь, по-видимому, недостаточно возбуждения в сфере представления, а требуется, *кроме того*, усиленная возбудимость кортикальной двигательной области речи. В самом деле, при острой идеофрении, несмотря на высокую интенсивность бреда, несмотря на то, что отдельные представления приобретают при этом особенно значительную напряженность, больной может не только остаться молчащим, но и не чувствовать ни малейшего импульса к говорению; в этих случаях возбуждение сферы абстрактного представления сопровождается лишь раздражением кортикальных чувственных сфер, и в результате получается если не сплошное галлюцинирование (например, слухом), то, по меньшей мере, сплошное псевдогаллюцинирование (чаще всего то и другое вместе). Наоборот, маниаки, которые решительно не в состоянии удержать свой усиленно действующий язык, обыкновенно имеют лишь эпизодические галлюцинации или даже вовсе их не имеют[91]. Разумеется, я не стану утверждать, что галлюцинанты непременно должны быть немы; но в этом вопросе необходимо различать случаи, где говорливость есть результат распространения возбуждения с центра представления на кортикальный центр речи, от тех случаев, где речь есть целесообразная реакция на галлюцинации и псевдогаллюцинации или где она бывает естественным и произвольным внешним выражением для внутренней деятельности мышления и чувственного представления. Наблюдение показывает, что сплошное галлюцинирование (respect., псевдогаллюцинирование) и непроизвольное иннервирование двигательного центра речи до известной степени исключают друг друга. Так, при острой идеофрении, во время периодов общей экзальтации явления возбуждения в психомоторной сфере нередко становятся очень резкими; больные делаются весьма подвижными, многоречивыми, причем иногда принуждены говорить против своей воли; однако такие периоды

---

[90] См. *Kahlbaum*. Klin. Abhandlungen. I. Die Katatonie. Berlin, 1874; *Brosius*. Die Katatonie. Allgem. Zeitschr. f. Psychiatrie. XXXIII. P. 770–802; Rust. Ueber die Katatonie oder das Spannungs-Irresein. Inaugural. Dissert. 1879.

[91] Ср. *Meynert*. Ueber allgem. Verrücktheit und was damit zusammenhängt. Wien. med. Blätter. 1880. N 20–25; *Th. Tiling*. Kommt Manie als selbstständige Krankheitsform vor? Jahrb. f. Psychiatr. V. (1884). P. 160.

обыкновенно не совпадают с периодами усиленного галлюцинирования, напротив, в это время галлюцинации и псевдогаллюцинации или отходят на задний план или, по крайней мере, прерывают свое сплошное течение.

Нижеследующие два эпизода из истории моего часто упоминаемого больного *Долинина* могут служить примерами непроизвольного говорения при остром (или подостром) галлюцинаторном помешательстве.

Мы оставили больного *Долинина* в то время, когда он попал в загородное лечебное заведение. Больной решил, что он находится снова в тайном пытательном отделении, по обвинению в противозаконной попытке водворить конституцию в Китае, державе, дружественной с нашей… Когда прошел первый период гнева и отчаяния, вызванных сознанием, что его заманили в ловушку, *Долинин* скоро научился до известной степени сдерживаться; надо было думать о том, как бы перехитрить врагов, и прежде всего нужно было стараться не высказываться, чтобы не давать материала для открытых обвинений и для открытого суда над собой. Разумеется, со стороны тайных сыщиков и палачей (больные и прислуга частного заведения) были пущены в ход всевозможные приемы, чтобы вывести *Долинина* из терпения, ему на каждом шагу, под благовидным предлогом лечения, устраивались насмешки и притеснения, из уст окружающих ему постоянно слышались (галлюцинации слуха) оскорбительные фразы, угрозы, предложения окончить жизнь самоубийством во избежание открытой казни и т. п. Но больной все еще не унывал и старался не терять внешнего вида спокойствия и хладнокровия, ибо, с одной стороны, рассчитывал, что друзья его непременно выручат, а с другой стороны, стал понимать, что хотя все его мысли и открыты для его врагов и палачей, последним нельзя сделать никакого *открытого* употребления из сведений, полученных путем таинственного выслеживания мыслей… Весьма естественно, что, несмотря на крайнюю сдержанность и осторожность больного, бред его временами прорывался наружу, выражаясь не только в его поступках, но иногда и в его речах. Однако эти словесные сообщения были не результатом насильственной иннервации аппарата речи, а обыкновенным внешним выражением внутренней деятельности представления, бывшей здесь весьма напряженной. Об этих проговариваниях больному впоследствии обыкновенно приходилось сожалеть, но тем не менее он не ставил этого на счет своим преследователям, а напротив, сознавал, что он так поступал и так говорил не машинально, но сам собой. Но эпизодически у этого больного (обыкновенно человека молчаливого) являлось и настоящее насильственное говорение. Однажды, в дни экзацербации болезни, *Долинин* вдруг почувствовал, что мысли его бегут с необычайной быстротой, совершенно не подчиняются его воле и логически даже мало вяжутся между собой; для его непосредственного чувства казалось, как будто эти мысли извне, с большой быстротой, вгоняются в его голову какой-то посторонней силой. Конечно,

это было принято за один из приемов таинственных врагов, и сам по себе этот прием не особенно удивил больного, так как подобное случалось ему испытывать и раньше. Но тут вдруг *Долинин* чувствует, что язык его начинает действовать не только помимо его воли, но даже наперекор ей, *вслух* и притом очень быстро выбалтывая то, что никоим образом не должно было бы высказываться. В первый момент больного поразил изумлением и страхом лишь сам факт такого необыкновенного явления: вдруг, с полной осязательностью, почувствовать в себе заведенную куклу — само по себе довольно неприятно. Но, разобрав смысл того, что начал болтать его язык, больной поразился еще большим ужасом, ибо оказалось, что он, *Долинин*, открыто признавался в тяжких государственных преступлениях, между прочим, взводя на себя замыслы, которых он никогда не имел. Тем не менее, воля оказалась бессильной задержать внезапно получивший автономию язык, и так как нужно было все-таки извернуться так, чтобы окружающие естественным путем (т.е. своими наружными ушами) не могли ничего услыхать, то *Долинин* поспешно ушел в сортир, где, к счастью его, на то время никого не было, и там переждал пароксизм непроизвольного болтания, усиливаясь по крайней мере болтать не громко. Это было именно не столько говорение, сколько, скорее, машинообразное болтание, нечто, напоминающее трескотню будильника, внезапно начавшего трезвонить и слепо действующего, пока не разовьется пружина. При этом «Я» больного находилось как бы в положении стороннего наблюдателя, разумеется, насколько это было возможным при аффективном состоянии, обусловленном чувством необычайности и важности переживаемого явления.

Спустя несколько дней то же явление насильственного говорения повторилось, но уже не в форме длительного пароксизма, но немногих коротких насильственно сказанных фраз. Мозг больного по-прежнему плел прихотливые узоры бреда; между прочим, мысль больного, сидевшего в ту минуту в отдельной комнате перед столом, обращается к единомышленникам и друзьям. Вдруг *Долинин* видит *псевдогаллюцинаторно* одного из своих прежних друзей, флотского офицера М.; псевдогаллюцинаторный зрительный образ как бы со стороны надвигается на *Долинина*, чтобы слиться с телом его и, непосредственно вслед за таким слиянием, язык *Долинина*, совершенно помимо воли последнего, выговаривает две энергически ободрительные фразы как бы от постороннего лица; при этом больной, изумленно ловя неожиданный смысл этих слов, с еще большим изумлением замечает, что это совсем не его голос, а именно сиплый, отрывисто-грубый и вообще весьма характерный голос сурового моряка М. Через немного мгновений больному является, тоже псевдогаллюцинаторно, старик тайный советник Х. Совершенно тем же манером, как раньше образ М., так и теперь образ Х., надвинувшись со стороны на больного, как бы сливается с телесным существом последнего; *Долинин* чувствует, что он в ту минуту стано-

вится как будто стариком X. (который в противоположность М. есть олицетворенная мягкость), и его язык выговаривает новую неожиданного смысла фразу, причем с большой точностью воспроизводятся голос и манера говорить, действительно свойственные X. После этих явлений больной вполне уверовал, что друзья его бодрствуют над ним и найдут средства освободить его, так как, раз они имеют возможность таинственно вселяться в него, то их телесное существование несомненно должно быть тесно связано с существованием его. Во избежание недоразумений я должен прибавить, что в этом втором эпизоде положительно не было слуховой иллюзии: уши *Долинина* слышали слова, действительно выговаривавшиеся его же языком и к этому объективному слуховому восприятию ничего не было прибавлено слуховой сферой субъективно. Здесь больной непроизвольно скопировал своим голосом голос и манеру говорить своих знакомых и притом с таким сходством, что сознательно скопировать с такой ловкостью он никак бы не мог. В здоровом состоянии *Долинин* совсем не отличается талантом подражательности.

Непроизвольное говорение есть явление, весьма обыкновенное при истерии; оно составляет, между прочим, один из симптомов *бесноватости*. Известно, что во время демонопатических эпидемий XV–XVII веков больные, независимо от своей воли и далже наперекор ей, говорили голосом и языком, ни мало не похожим на их обыкновенный голос и язык. Этого рода факты весьма способствовали утверждению всеобщего в те века убеждения, что устами таких субъектов говорит вселившийся в последних дьявол. В пример достаточно напомнить об одной из Луденских монахинь, сестре Агнесе, бывшей, по общему мнению, одержимой четырьмя бесами; однажды, будучи подвергнута заклинаниям в присутствии герцога Орлеанского, эта монахиня корчилась и богохульствовала подобно другим бесноватым и потом, успокоившись, объясняла герцогу, «что она не помнит всего, происшедшего с нею во время припадка, но вспоминает, что *из ее уст исходили слова, к которым она же сама должна была прислушиваться так, как если бы эти слова исходили от постороннего лица*»[92].

Однако в большинстве случаев насильственной иннервации кортикального центра речи происходит говорение не действительное, но лишь *внутреннее*. Будучи тесно связано с насильственным мышлением, внутреннее говорение больных и фактически и теоретически противоположно с внутренним слышанием больных, т. е. с псевдогаллюцинациями слуха; нельзя буквально в одно и то же время внутренно говорить и внутренно слышать, и клинические наблюдения прямо показывают, что хотя оба эти явления могут замечаться у одного и того же больного, но не иначе как в разное время.

---

[92] *Calmeil*. De la folie. II. Paris, 1845. P. 27.

Внутреннее говорение есть не что иное, как *чувство двигательной речевой иннервации*, имеющее местом своего возникновения кортикальный центр речи. Действительного говорения при этом не получается частью потому, что иннервирование центра речи здесь не имеет достаточной силы, частью же потому, что оно уравновешивается одновременным возбуждением известных задерживающих центров, причем эта задержка в некоторых случаях даже находится в зависимости от воли больных.

Я уже имел случай говорить о нашем больном *Перевалове*, что этот хроник днем, между другими явлениями психической принужденности (навязчивые представления, псевдогаллюцинации зрения и слуха) испытывает иногда независимую от его воли или даже прямо насильственную речевую иннервацию, для подавления которой он должен пускать в дело произвольные, иной раз довольно значительные усилия. Но когда больной находится в состоянии полусна и его воля перестает быть деятельной, эта насильственная речевая иннервация в самом деле приводит в действие мышечный голосовой аппарат, так что больной действительно говорит во сне, сам при этом, по причине неполности сна, это чувствуя. Больной приписывает это явление проделкам своих преследователей и называет этот прием «добывание моего говорения».

Обыкновенно всякое мышление в словах сопряжено с более или менее заметным чувством двигательной голосовой иннервации. С физиологической стороны слова суть не что иное, как двигательные представления, имеющие местом своего происхождения двигательные области головномозговой коры[93]. Это иннервационное чувство будет вызвано как в тех случаях, когда двигательный центр речи возбуждается вследствие внутреннего, автоматического раздражения, так и тогда, когда он, как это бывает обыкновенно, возбуждается с высших центров мозговой коры, под влиянием психической деятельности абстрактного представления. При внутреннем говорении больных почти всегда существует возбуждение в чисто интеллектуальной сфере, в сфере сознательного и бессознательного представления; но клиника показывает, что при этом необходима, кроме того, и повышенная возбудимость двигательного центра речи; в противном случае чисто интеллектуальное движение (сознательное или бессознательное) легче рефлектируется на сенсориальные области коры, так что в результате получается не внутреннее говорение, а живочувственный бред и (если чувственные центры коры тоже находятся в состоянии повышенной возбудимости) псевдогаллюцинации. Тот факт, что чувство двигательной иннервации при мышлении словами иногда бывает у больных, сравнительно с нормой, чрезвычайно усиленным, говорит именно в пользу того, что для внутреннего говорения весьма важно су-

[93] *Stricker*. Studien über die Sprachvorstellungen. Wien, 1880. P. 15.

ществование повышенной возбудимости в двигательном кортикальном центре речи.

Мой больной *Лашков* одно время своей болезни был убежден, что невидимые шпионы узнают его мысли именно тем, что, посредством особой машины, регистрируют те «почти незаметные движения языка», которые он, как ему казалось, невольно производил при думании в словах; поэтому больной стал стараться думать так, чтобы не делать при этом соответственных движений языком, т. е. старался думать без чувства двигательной иннервации в языке (которое в данном случае было, очевидно, повышенным), что, однако, плохо ему удавалось. Можно бы сказать, что в этом случае больной имел галлюцинации (или, если угодно, псевдогаллюцинации) мышечного чувства в языке и губах, если бы усиленная голосовая иннервация не оказывалась в основании нередко наблюдающегося у больных непроизвольного говорения вслух.

IX

Говоря об апперцептивных галлюцинациях, *Кальбаум*[94] отчасти затронул те явления, которые ныне описываются мной под именем псевдогаллюцинаций. Апперцептивными галлюцинациями он называет такие субъективные восприятия, «где ложное воспоминание с характером чувственности возникает спонтанно, имея определенное или неопределенное содержание». Отсюда видно, прежде всего, что здесь имелись в виду лишь *воспоминания* (отсюда и термин *Кальбаума* «hallucinirte Erinnerungen»). Другое название, предложенное этим автором для тех же самых явлений, фанторемия, прямо указывает, что *Кальбаум* имел в виду только *слуховые* воспоминания, так как rhema значит «слово»; и действительно, он говорит о таких случаях, где созданный фантазией факт лишь вследствие того реализуется или получает определенное содержание, что облекается в слово. «Относящиеся сюда субъективные явления характера чувственности не имеют, их психическое содержание суть абстрактные схемы, и чтобы они получили чувственно определенный характер, необходимо содействие органов, относительно более периферических». Эти слова, будучи сопоставлены со всем тем, что мной сказано о псевдогаллюцинациях, заставляют меня думать так: или этот автор говорил вовсе не о тех психопатологических явлениях, которые имею теперь в виду я, или же тогда, в 1866 году, псевдогаллюцинаторные явления еще не были известны во всей их полноте и во всем их значении. Надеюсь, что не будет здесь неуместным остановиться на воззрениях *Кальбаума* повнимательнее, насколько они близки к предмету

[94] Die Sinnesdelirien. Allg. Zeitschr. f. Psychiatr. XXIII (1866).

настоящего этюда (после *Кальбаума* и *Гагена*, сколько мне известно, по этим вопросам не было писано ничего замечательного).

Галлюцинированные воспоминания или *фанторемия* (также апперцептивные галлюцинации), по Кальбауму, бывают или абстрактными или конкретными. Если из числа приводимых автором по этому поводу примеров оставить в стороне два случая возможных галлюцинаций в области осязательных восприятий [95], то вся остальная абстрактная фанторемия *Кальбаума* сводится к тому, что больной нередко жалуется, «будто бы мысли его вталкиваются в него извне, вытягиваются из него наружу, или фабрикуются для него посторонними лицами». Здесь, по моему мнению, со-

[95] Возможность настоящих галлюцинаций осязания в той форме и при тех условиях, как в упоминаемых двух случаях *Кальбаума*, я не отвергаю, хотя и объясняю себе этого рода явления иначе… Но помимо этого, здесь, кажется, нельзя упускать из виду следующего. Неопределенность (или непонятность для врача) тех выражений, в которых больные высказывают свои субъективные восприятия, далеко не есть доказательство того, что эти восприятия не имеют определенного (чувственного) содержания. Больные обыкновенно не имеют ни времени, ни охоты описывать переживаемое ими так, чтобы быть понятыми врачом; к тому же испытываемое ими во время болезни, субъективно будучи в высшей степени определенным, может, даже при высокой интеллигенции больных, быть крайне трудно поддающимся описанию в словах… Упоминаемые два случая Кальбаума изображены крайне коротко, и без личного знакомства с подобными явлениями (которые, когда они суть галлюцинации, у меня всегда бывают чувственно конкретными, так что абстрактных, лишенных чувственного элемента, галлюцинаций я вовсе не знаю) я, может быть, затруднился бы видеть в них настоящую галлюцинацию, а скорее, одинаково с моим нижеприводимым, на первый взгляд, с ними совершенно однородным примером, принял бы это просто за ложную идею. Одна больная Кальбаума, по-видимому, отождествляла себя с шитьем или пряжей («что ты меня прядешь?»), другая с разливаемым супом («что вы меня разливаете?»), а мой больной *Соломонов* (как я узнал после его выздоровления), находясь в нашей больнице, одно время своей болезни *мысленно* отождествлял себя с половиком, тянувшимся во всю длину больничного коридора. Получилось это так. На ночь служителя каждый раз привязывали больного к кушетке, привинченной к полу посредине комнаты, и, оставив открытой дверь в коридор для наблюдения за больным, тотчас же после того начинали закатывать с другого конца коридора половик, всегда оставляя образовавшийся сверток как раз против двери в комнату больного. Сначала больной понимал это так: ему хотят показать, что он для людей теперь уже не человек, а все равно, что этот половик; и в самом деле, приходит вечер,— служителя должны раздеть *Соломонова*, связать его, а половик закатать; приходит утро — половик надо выколотить и растянуть, а *Соломонова* развязать и одеть. Впоследствии больной невольно стал чувствовать, что между ним и половиком существует какое-то странное соотношение. От служителей и больных, расхаживавших днем по коридору, больной постоянно слышал (галлюцинаторно) бранные слова и оскорбительные замечания, так что, по тогдашнему языку больного, «топча половик, они одновременно затаптывали в грязь его лучшие чувства» («что вы меня топчете?» — мог бы воскликнуть этот больной). К подобного рода мысленным сближениям иногда подавали повод галлюцинаторные голоса, иногда же просто созвучия слов; такой половик называют в казармах «мат», а голоса иногда грозили больному: «вот погоди, уж зададим мы тебе *мат*!»

единены в одно случаи, которые правильнее разделить по двум разным категориям.

a) Больному мысли «вгоняются извне» или «мастерятся для него посторонними лицами». Эти жалобы суть следствие навязчивых мыслей и навязчивых псевдогаллюцинаций слуха; об этом достаточно говорено мною в главе VII. Навязчивые мысли и навязчивые субъективные восприятия слуха неизбежно являются для непосредственного сознания больного элементом чуждым, входящим как бы извне, и потому неудивительно, что больные, в силу сознательного или бессознательного умозаключения, видят причину этих фактов в посторонней силе, обыкновенно в силе таинственно действующих на них других людей.

b) У больного мысли «вытягиваются или выходят наружу», или все мысли его «вычитываются» людьми, его окружающими или случайно приходящими с ним в соприкосновение. На это явление, которое, само по себе, разумеется, не есть ни галлюцинация, ни псевдогаллюцинация, авторы до сих пор мало обращали внимания. Так, для *Кальбаума* это есть род абстрактной фанторемии, т.е. такое неопределенное субъективное восприятие, которое получает реальный вид только тогда, когда облекается в слово. *Гаген* же довольствуется тем, что относит подобные заявления больных в рубрику случаев, где ложная идея может быть ошибочно принята врачом за галлюцинацию. Само собой разумеется, высказывая убеждения, что окружающие узнают его мысли при самом их возникновении, больной высказывает ложную идею, но эта идея есть вовсе не первичное явление, а продукт бессознательного умозаключения из громадной массы однозначащих *конкретных* фактов, хотя бы и субъективных; процесс этого умозаключения, совершающегося с логической необходимостью, сам по себе совершенно правилен; что же касается до вывода, то он ложен только с объективной точки зрения и притом именно потому, что посылками для него служили такие факты, которые, взятые объективно, суть не что иное, как обман. *В основании разбираемого явления всегда лежат галлюцинации слуха*, и потому-то упомянутые жалобы врачам приходится слышать от больных при всех формах идеофрении или паранойи, где слуховые галлюцинации идут сплошным течением. Когда эти больные думают про себя, они слышат своими внешними ушами, слышат вполне объективно (на то это и галлюцинации), что чьи-то голоса где-нибудь в стороне произносят эти мысли *вслух*; когда они читают про себя, то голоса со стороны, слово за словом, фразу за фразой читают *вслух* вслед за ними… Это бы еще ничего, если бы тут дело ограничивалось одним регулярным повторением вслух сознательных мыслей больного, им самим внутренно формулируемых в словах, то больные сравнительно легко свыкались бы с таким эхом. Из нескольких точно прослеженных мной клинических случаев я убедился, что обыкновенно «голоса» выговаривают мысли больного прежде, чем послед-

ний успеет внутренно облечь их в слова; кроме того, весьма часто больной слышит от «голосов» массу слов и мыслей, которые он совсем не может признать своими (именно потому, что *сознательно* он таких мыслей никогда не имел), и которые и содержанием, и грамматической формой убеждают больного в том, что они исходят от посторонних интеллигентных существ. Эти таинственные лица нередко дают понять больному, что все его мысли для них открыты не только тем, что вслух повторяют их: от времени до времени «голоса» делают совершенно неожиданные для больного замечания, из смысла которых в уме последнего неизбежно должно последовать заключение, что целый ряд его сознательных мыслей, не только настоящих, но и прежних, несмотря на то, что они до этого момента еще не оглашались «голосами», все же таки известен невидимым персонам (неожиданного смысла ответы на мысли больного; многозначительные приказания; критика, и притом часто весьма меткая, как на мысли, так и на поступки больного). Из массы однозначащих фактов, из которых каждый, в качестве непосредственно познанной истины, *представляет собой чувственную очевидность*, логически неизбежно должен последовать вывод, и процесс этого умозаключения столь же мало зависит от воли больного, как мало зависит от нашей воли тот факт, что луна на горизонте является нам имеющей значительно большую величину, чем та же луна близ своей кульминационной точки. Только что упомянутое физиологическое явление, при всей своей чувственной очевидности, есть тоже результат бессознательного умозаключения с нашей стороны и вместе с тем так же не что иное, как обман (в данном случае обман зрения, тогда как в первом случае мы имеем обман сознания). Итак, разбираемое психопатологическое явление вовсе не есть «фанторемия», и абстрактно оно ровно настолько, насколько абстрактно всякое умозаключение из множества конкретных фактов.

Как следствие упомянутого непроизвольного умозаключения (облечется ли последнее в словесную форму или нет — все равно), у больного возникает и непрерывно поддерживается неприятное *чувство внутренней раскрытости*: больному нельзя сделать ни малейшего внутреннего движения без того, чтобы не почувствовать, что всякое такое движение (мысль или чувство — одинаково) в тот же момент становится открытым для других людей. В первое время это чувство бывает в высокой степени мучительным, потому что в сущности оно есть не что иное, как *чувство глубочайшего стыда*. О положении больного, у которого вдруг все мысли стали открытыми для окружающих, может дать некоторое понятие сравнение с положением стыдливой девицы, с которой в многолюдном собрании, например на бале, сразу, по необъяснимому для нее волшебству, спадают все одежды, и она остается, в ярком свете люстр, под устремленными на нее взорами сотни глаз блестяще разодетых гостей, абсолютно нагою. С течением времени мучительность этого чувства ослабевает; однако в острых

и подострых формах идеофрении больной не перестает испытывать внутреннюю неловкость до тех пор, пока не начнут ослабевать галлюцинации слуха. В хронической идеофрении, где чувство внутренней открытости ни на один день не покидает больного иногда в течение нескольких лет, и здесь является своего рода привычка. Впрочем, у некоторых хроников ощущение некоторой неловкости остается довольно долго. В зависимости от этого явления у больных иногда развивается, так сказать, вынужденная нравственная опрятность; они стараются содержать свой внутренний мир в таком благообразии, чтобы нечего было стыдиться перед постоянно заглядывающей туда публикой, подобно тому, как многие богатые буржуа держат в порядке и чистоте «парадные» комнаты своего жилища только потому, что в этих комнатах бывают принимаемы посторонние люди.

Больной *Пузин* (выписан из больницы здоровым), ощутив, что все его мысли и чувствования, до самых мельчайших, открыты окружающим, был настолько подавлен *мучительным стыдом*, что в продолжение нескольких недель безмолвно лежал на кровати, с устремленными в потолок или в стену глазами, и напрягал все силы, чтобы подавлять в себе всякое внутреннее движение, мысленное и чувствовательное, стараясь таким образом превратить свое сознание в tabula rasa. Понятно, что окружающим ничего не сообщалось из сознания больного в те минуты, когда там в самом деле ничего не было. Несколько месяцев спустя, уже на дороге к выздоровлению, когда путем рефлексии он вполне убедился в субъективном происхождении «голосов», он еще не мог отделаться от непосредственного чувства, говорившего ему, что мысли его передаются окружающим лицам (галлюцинаторно слышимые фразы в этот период болезни чаще всего срывались, как казалось больному, с уст окружающих его людей). В особенности сильно ему приходилось стыдиться всякий раз, когда у него случайно возникала какая-нибудь банальная идея или мимолетное нехорошее чувство, и это тем более, что тогда с уст окружающих лиц неизбежно срывались (галлюц. слуха) по адресу больного нелестный эпитет, саркастическое замечание и т. п. По выздоровлении Пузин говорил, что чувство внутренней раскрытости было главной причиной того, что значительную часть своей болезни он имел вид совершенной пришибленности.

Больной *Лашков*, по натуре большой резонер, напротив, сравнительно скоро перестал стыдиться перед «штукарями в простенке», особенно когда заметил, что они охотно говорят скабрезности. Свыкнувшись с «голосами», он нередко вступал с ними в разговоры о медицине, о разных житейских предметах и т. д., делая вопросы как мысленно, так и вслух и получая на них (галлюцинаторно) ответы. Иногда он устраивал «штукарям» экзамен: «А ну-те, скажите мне, что я в настоящую минуту думаю»? Те отвечали большей частью верно, хотя случалось им и ошибаться. «А докажите-ка теперь, что именно это, а не что-нибудь другое я сейчас подумал», — дога-

дался однажды вопросить больной, и с этой минуты понял, что хотя «там» знают его мысли, однако не имеют никаких улик против него, никаких доказательств, что такие-то мысли именно его. Поэтому впоследствии, поймав себя на какой-нибудь, по его мнению, «дурацкой» или чересчур игривой мысли, больной непременно ставил эти мысли на счет «штукарям»; «это не мое, это ваше», — говорил он.

Хроник *Сокорев* (и по сие время в нашей больнице), уже много лет страдающий галлюцинациями и псевдогаллюцинациями слуха, в периоды ремиссий производит, на первый взгляд, впечатление здравомыслящего человека. Чувство внутренней открытости до сих пор не оставляет его, однако он теперь, по-видимому, не очень тяготится им и даже не без некоторого удовольствия рассказывает, что он «в известном смысле так же прозрачен, как будто бы был из стекла», или что он «в нравственном отношении — то же, что в физическом отношении — та сказочная царевна, у которой со стороны было видно, как у ней из жилочки в жилочку кровь, из косточки в косточку мозг переливаются». Постоянно питая в себе (обыкновенно им скрываемый) бред величия, этот больной считает себя занимающим исключительное положение в человечестве, причем точкой отправления у него служит именно факт его внутренней для всех открытости.

Конкретная фанторемия (или галлюцинированные воспоминания в собственном смысле) характеризуется, по *Кальбауму*, тем, что «здесь никак нельзя быть свидетелем галлюцинаторного факта, потому что последний всегда относится больным во время, уже прошлое; между тем, в указанный больным момент из прошлого у него действительной галлюцинации не было». «При ближайшем рассмотрении относящихся сюда примеров, — продолжает *Кальбаум*, — оказывается, что тут имеется как будто бы воспоминание о галлюцинации, испытанной прежде, однако таковой галлюцинации на самом деле, по-видимому, вовсе не было; я полагаю, что здесь нам представляются случаи не воспоминания о прежних галлюцинациях, а именно галлюцинаторных воспоминаний, галлюцинаторного процесса в ходе самих воспоминаний». Из единственного (и притом совсем не доказательного) случая [96], приводимого *Кальбаумом* в пример конкретной фан-

---

[96] Кстати заметить, этот пример выбран не особенно удачно и потому мало доказателен. При чтении этого примера для меня трудно освободиться от предположения, что больная страдала одной из тех форм первичного помешательства, которые неразлучны с галлюцинациями слуха. Правда, автор говорит: «Однако мы не имели случая наблюдать у больной ни в недавнем прошедшем, ни раньше галлюцинаций, а также и в позднейшем течении болезни мы таковых у нее не замечали». Ссылаясь на говоренное мной выше о трудности констатирования галлюцинации у некоторых несомненных галлюцинантов во время самой болезни, я полагаю, что в этом случае *Кальбаума* вовсе не исключена возможность разговора больной с «голосами». Мое недоверие здесь тем позволительнее, что сам автор сообщает относительно своей больной следующее: «*От самой больной нельзя было добиться точного объяснения относитель-*

торемии, собственно, должно было бы следовать, что факт, созданный фантазией больного, одинаково может заключаться как в видении того или другого лица, так и в слышании тех или других слов. Но вслед за этим автор говорит: «В приводимых примерах (все они относятся к одному и тому же, неудачно избранному случаю) главная роль принадлежит слуховой сфере, так как здесь имеются мнимые слуховые восприятия с определенным словесным содержанием», — вследствие чего и находит, что этого рода галлюцинаторным явлениям название «фанторемия» приличествует больше, чем название «галлюцинации воспоминания».

Говоря о галлюцинаторных воспоминаниях *Кальбаума*, *Гаген* соглашается, что в случаях этого рода (куда, по его мнению, относится также и часть несправедливых жалоб больных на прислугу и вообще на окружающих) имеются лишь ошибочные воспоминания, а вовсе не галлюцинации, испытанные когда-то прежде. Однако в объяснении явления *Гаген* не следует *Кальбауму*, но видит тут *род обманов воспоминания*, где воспоминание о фактах, созданных фантазией, имеет для сознания значение, одинаковое с воспоминаниями действительных восприятий; отсюда и возможность смешивания больными этих двоякого рода воспоминаний. «При этом мнимый факт принимается за действительный частью в зависимости от того аффекта, который вызывается воспроизведенным представлением фантазии, частью и потому, что мнимый факт выступает в воспоминании вообще резче в сравнении с воспоминаниями о действительных фактах, так как от внешнего мира больной, всецело погруженный в свои ложные идеи, получает лишь слабые и смутные впечатления»[97].

Что касается до меня, то из рассказов выздоровевших больных мне пришлось познакомиться с явлениями, которые могут быть названы *псевдогаллюцинаторными воспоминаниями*. Я совсем не имею здесь в виду ни тех случаев, где воспоминание о прежней псевдогаллюцинации бывает смешиваемо сознанием с воспоминанием о действительном восприятии, ни тех, где отдельные чувственные образы воспоминания становятся псевдогаллюцинациями. Все эти случаи клинически не представляют ничего особенного и, как мне кажется, достаточно понятны после всего сказанного в этой работе о псевдогаллюцинациях вообще. Но в том, что я ставлю в параллель с «галлюцинаторными воспоминаниями» *Кальбаума*, дело состоит в следующем: *какой-нибудь измышленный факт, т. е. какое-нибудь представление, созданное фантазией больного, мгновенно* (в момент своего перехода за порог сознания) *становится псевдогаллюцинацией, зрительной*

но таких явлений, не было ли основанием их одной или нескольких галлюцинаций; при расспросах по поводу их она большей частью очень *раздражалась* и вообще уклонялась от подробных объяснений, показывая, впрочем, *полную убежденность* в действительности самих происшествий».

[97] Allgem. Zeitschr. f. Psychiatr. XXV, p. 24.

или слуховой, и эта псевдогаллюцинация ошибочно принимается сознанием больного за живое воспоминание действительного факта, совершившегося в далеком или недавнем прошлом. При этом характерные черты псевдогаллюцинаций, именно, большая интенсивность и крайняя отчетливость чувственного представления, его относительная независимость от воли больного, его навязчивость являются для сознания (без всякого участия здесь рефлексии) как бы доказательством того, что этот внезапно вспомнившийся «действительный факт» представляет особо важное объективное значение. Такой псевдогаллюцинаторный продукт воображения, в ту же минуту (а не после, в воспоминании) смешиваемый с воспоминаниями действительными или объективными, может возникнуть или отдельно, или же неожиданно явиться *в ряду обыкновенных действительных воспоминаний*; в последнем случае *обманный характер* явления выражен всего резче, потому что такое мнимое воспоминание не может не иметь для сознания, по крайней мере, такого же значения, как и действительные воспоминания, с которыми оно если не прямо, то косвенно вяжется. Содержание псевдогаллюцинаторного представления здесь почти всегда бывает тенденциозным или аффектирующим, имеющим более или менее тесное соотношение с ложными идеями больного. Тем не менее, обыкновенно эти мнимые воспоминания не вырабатываются произвольной и сознательной деятельностью фантазии, но неожиданно возникают из сферы бессознательного мышления, служащей источником для всех первично возникших ложных представлений. Из сказанного видно, что сущность того явления, о котором теперь идет речь, всего лучше определяется термином «*псевдогаллюцинаторные псевдовоспоминания*».

У моего больного, Соломонова, сознательная рефлексия и усердное обдумывание связи и смысла всего им переживаемого дало в результате стройное, весьма сложное и вычурное здание бреда, которого, впрочем, нет надобности здесь подробно описывать. Больному нужно было связать в одно логическое целое следующие главные факты: открытость его мыслей для окружающих, муку от субъективных ощущений осязания и общего чувства, разнородный и, частью, странный смысл прямых фраз, будто бы обращаемых к нему окружающими, разнообразные изречения «голосов» (называвших его иногда то «демоном», то «Люцифером», то «Богом» и «Христом»). В постепенном развитии бреда различного рода псевдогаллюцинации тоже играли весьма значительную роль; в частности, значение псевдогаллюцинаторных воспоминаний в развитии и укреплении бреда будет видно из нижеприводимых двух эпизодов субъективной истории больного (с объективной стороны больной в то время являлся безучастным к окружающему, был очевидно погружен в свои мысли, мало ел, почти совсем не говорил, но несмотря на свою тихость, требовал усиленного надзора, ибо обнаруживал наклонность к самотерзанию и стремление к самоубийству).

Больной отлично помнил, с какого момента начался мистериозный период его существования; это был день начала сплошного галлюцинирования слухом, день, в который он впервые почувствовал, что все его мысли открыты для окружающих. До этой минуты больной считал себя таким же человеком, как и все люди, после нее он должен был признать себя лицом исключительным. Но тогда невозможно, рассудил больной, чтобы и в прежней его жизни не нашлось никаких намеков на будущий, таинственный второй период. И вот больной начал в своем воспоминании внимательно перебирать всю свою жизнь, начиная с того времени, как он стал себя помнить. В воспроизводившихся в памяти сценах и событиях сначала не оказывалось ничего необыкновенного (потому что в ряде сменявшихся чувственных, почти исключительно зрительных, образов воспоминания вставало лишь действительно пережитое)… Но… вот, ему припоминается, сначала смутно… что-то такое странное и таинственное… Вот, вот… О, Боже, и как он только мог позабыть это!.. Ведь именно так, до мельчайших подробностей так было в действительности, как это теперь сразу ожило с такой необычайной яркостью и странной неотступностью. В своем внутреннем видении *Соломонов* вдруг видит большую залу старого отцовского дома; он сам, тогда девятилетний мальчик, сидит за желтым ясеневым угловым столом, держа перед собой раскрытую большую книгу в старинном кожаном переплете с медными застежками; недалеко от стола сидит у окна мать, нагнувшись над вышиванием; на заднем плане картины стоит отец, опершись рукой на спинку кресла… Но как странна та книга, которую читал тогда *Соломонов*; она напечатана какими-то особенными литерами и украшена разными символическими рисунками… На той странице, на которой тогда эта книга была раскрыта перед *Соломоновым*, речь шла об «антихристе», о том, что на нем с детства должна лежать «печать», заключающаяся в трех знаках (помимо описания в тексте, эти знаки — скошенный глаз, оконечность копья, лучистая звезда — были изображены в книге, каждый в отдельности, в виде рисунков, и эти псевдовспомненные рисунки с особенной живостью видны теперь больному в его внутреннем зрении): антихрист должен иметь правый глаз косым, на средине лба он должен носить образ копья, а на левой стороне груди — образ звезды… Однако он, *Соломонов*, плохо тогда понимал читаемое и потому, повернувшись к отцу, хотел попросить у него разъяснения, но в этот момент заметил, что последний смотрит на него с выражением напряженного любопытства на лице… Но тут мать, встав с места, подошла к нему и, закрыв перед ним книгу, обняла со словами «бедный, ты со временем поймешь все, что тут написано!»… О, какое болезненное выражение было на лице матери в эту минуту! Дальше все заволакивается туманом забвения… правда, снова встают в воспоминании отдельные картины детства, но уже не такие, в них нет ничего необыкновенного… Но как можно было *Соломонову* до этой

минуты во всю свою жизнь ни разу не вспомнить о таинственной книге (должно быть, я стащил ее из библиотеки дедушки, думает больной; у него была масса старинных книг, в том числе и церковные)… Как она называлась? Трудно вспомнить… Понятно, что изображенная сцена была не чем иным, как продуктом бессознательного творчества фантазии больного; это, однако же, не исключает возможности того, что псевдогаллюцинаторная фантазия имела своим основанием какое-нибудь действительное воспоминание. Со времени этого псевдогаллюцинаторного псевдовоспоминания больной решительно стал видеть в себе лицо, с детства обреченное на мистериозную роль «антихриста». Непоколебимость такого убеждения обусловливалась тем обстоятельством, что *Соломонов* нашел на себе три вышеупомянутых знака «антихристовой печати»; действительно, правый глаз у *Соломонова* несколько косит (strabismus convergens), на лбу *Соломонова* находится косвенно расположенный линейный рубец, длиной около 1 сантиметра (вероятно, от падения в детстве, впрочем, происхождение этого рубца *Соломонов* не помнит), а соответственно середине левой m. pectoralis majoris находится рубец неправильной формы, величиной в 15-копеечную монету (от бывшего здесь на 12 г. жизни *Соломонова* холодного абсцесса).

Но больной вел дальше ряд своих воспоминаний; он провел в своей памяти годы корпусного ученья, армейской службы и не нашел ничего необычайного в своих воспоминаниях вплоть до 23-летнего возраста, т. е. до того времени, когда он, оставив военную службу, собирался уехать из Р. в Харьков, чтобы поступить там в университет. В один прекрасный день он, с веселым духом и блестящими надеждами на будущее, делал в Р. прощальные визиты и уже поздним вечером столкнулся на улице со своим приятелем Тр… Недалеко был трактир под вывеской «Берлин», где им неоднократно случалось заканчивать вечер, поэтому и в этот раз приятели направились туда, чтобы распить там бутылку-две бордо и вдоволь наговориться перед разлукой… За дружеской беседой они засиделись в «Берлине» далеко за полночь; было много говорено, достаточно выпито, по крайней мере Тр… видимо охмелел… Казалось бы, ничего особенного не случилось: приятели разошлись в прекраснейшем расположении духа; больной даже отлично припоминает, как, возвращаясь домой по опустевшим улицам пешком, он превесело насвистывал мотив из «madame Angot»… Тем не менее, в «Берлине», как теперь только вспомнилось *Соломонову*, произошел маленький пассаж, странность которого тогда же удивила его… но он тогда оставил без внимания этот случай, вероятно, приписав его нетрезвому состоянию своего собеседника, и потом забыл и до сей минуты ни разу не вспоминал. Среди разговора о самых разнообразных и нимало не таинственных вещах Тр… вдруг замолк и, опустив голову на скрещенные на столе руки, как бы задремал. Через несколько секунд он поднял голову: лицо его, как теперь с поразительной ясностью видит *Соломонов* (здесь начина-

ется псевдогаллюцинаторное псевдовоспоминание), совершенно преобразилось, получив печать какой-то вдохновенности; неожиданно Тр… трагично произносит знаменательные слова: «*Соломонов*, ты вспомнишь обо мне, когда будешь всенародно проклинаем на Исаакиевской площади»,— и снова опускает голову… Удивительно, как он, *Соломонов*, не потребовал тогда от Тр… объяснения… И что всего страннее, ведь предсказание Тр… сбылось: он, *Соломонов*, слышал (галлюцинаторно) от народа себе проклятия и ругательства не только на Исаакиевской площади, но и в других местах города, слышит их в настоящую минуту и здесь, в этой тюрьме, относительно которой его уверяли, что это больница св. Николая Чудотворца… Описанный пассаж, как само собой разумеется, никогда не имел места в действительности; это было не что иное, как псевдогаллюцинаторный продукт бессознательного творчества больного, внезапно вмешавшийся в ряд его объективных воспоминаний. В какой степени был интенсивен обманный характер этого мнимого воспоминания, видно из следующего. Будучи выписан из больницы как здоровый, вполне сознав нелепость прежних ложных идей, которые значительнейшей своей частью уже успели позабыться, вполне перестав галлюцинировать слухом, *Соломонов* долгое время чувствовал себя еще неловко, потому что ему часто вспоминался трактир «Берлин» и Тр… с его тогдашним «вдохновенным выражением лица» и странной фразой; Соломонов (все это больной мне после объяснил, потому что не прошло и двух лет, как он, заболев вновь, опять попал в больницу св. Николая Чудотворца) *не ощущал в своей душе уверенности*, что ничего подобного не было в действительности, несмотря на все свои старания убедить себя, что этот пассаж — не что иное, как его же собственная больная выдумка…

Псевдогаллюцинаторных псевдовоспоминаний *Соломонов* во время своей первой болезни имел несколько, но я не буду всех их приводить здесь, иначе пришлось бы занять ими слишком много места. Рассказывая мне о них, выздоравливавший больной пояснил мне возникновение псевдогаллюцинаторных воспоминаний следующим сравнением: «это — как в театре; когда на сцене темно, то зрителю не видно, что представляет собой задний план ее, разве только в общих чертах можно об этом догадываться; но вот пускают яркий огонь в люстрах зрительной залы, в рампе и в кулисах,— и тогда моментально является перед очами зрителя живописная местность, замок на скале и проч. со всеми мельчайшими подробностями». На вопросы, поставленные мной для уяснения состояния сознания за это время, *Соломонов* объяснил, что он тогда совсем не был отрешен от своей реальной обстановки, хотя, разумеется, будучи занят своими воспоминаниями, не обращал на нее внимания. Что это не были настоящие галлюцинации, видно из того, что чувственные представления здесь не имели характера объективности и для сознания больного являлись не чем иным, как имен-

но воспоминанием из прошлого. Тем не менее, больной тогда же заметил, что по живости и отчетливости, а отчасти (как видно из дальнейших его объяснений) и по отношению к ним сознания это были воспоминания совсем особенные и необыкновенные. Так как все подобного рода субъективные восприятия крепко запечатлелись в памяти больного, то многократно вспоминая их впоследствии, *Соломонов*, еще будучи больным, объяснял себе отличия этих странных воспоминаний от воспоминаний обыкновенных так: события таинственные при обыкновенном состоянии человека не находят в последнем полного себе понимания, а потому тотчас же забываются; для того, чтобы потом живо их вспомнить и надлежащим образом понять, *необходимо придти в известную степень экстаза*, так как при этом, вместе со способностью усиленного внутреннего видения, приобретается способность понимать необычайное.

X

Покончив с фактической стороной вопроса о псевдогаллюцинациях, я не могу не заняться теоретическими соображениями, разумеется, настолько, насколько последние или неизбежно следуют из фактов, или, по крайней мере, оправдываются ими. Теоретическая обработка имеющегося эмпирического материала здесь, как и везде, я полагаю, не лишняя.

Самонаблюдение показывает, что существует *три рода субъективных чувственных восприятий*: a) обыкновенные образы воспоминания и фантазии; b) псевдогаллюцинации и c) галлюцинации.

Спрашивается, чем различаются друг от друга эти три рода субъективных чувственных явлений с теоретической стороны и (так как субстрат всей нашей душевной деятельности есть головной мозг) где именно в головном мозге мы должны искать исходную точку этих явлений.

Из сообщений выздоровевших галлюцинантов я убедился, что при незатемненном сознании галлюцинации всегда остаются целой бездной отделенными как от обыкновенных воспроизведенных представлений, так даже и от псевдогаллюцинаций. В сознании больного, неотрешенного от реального внешнего мира, совершенно невозможно смешивание галлюцинаторных фактов с псевдогаллюцинаторными. Так как из всей фактической части моей работы видно, что псевдогаллюцинации во всяком случае несравненно ближе к воспроизведенным чувственным представлениям, чем к галлюцинациям, то займемся прежде всего выяснением характерных черт галлюцинаторного восприятия и различием между галлюцинациями и чувственными образами воспоминания и фантазии.

Под именем галлюцинаций я разумею *такие состояния сознания, которые или совершенно равнозначащие с нормальными объективными чувственными восприятиями, или, при отсутствии последних, в состоянии заменить*

их собой. Псевдогаллюцинация же, при ненарушенном восприятии внешних впечатлений, настолько же далека от галлюцинации, насколько (независимо от различий в интенсивности) вообще представление воспоминания или фантазии далеко от непосредственного восприятия.

В чем же заключается различие между объективным восприятием и воспроизведенным чувственным представлением? Количественная ли здесь разница, или, кроме того, и качественная? Вопрос этот весьма стар; однако, несмотря на то, что он обсуждался в литературе бесчисленное множество раз, на него до сих пор даются решения совершенно различные. Так как это вопрос чисто психологический, то посмотрим, как его решают виднейшие представители современной психологии.

По *Вундту* (26), объективные восприятия характеризуются тем, что причина их всегда заключается в периферическом раздражении наших органов чувств, тогда как все фантазмы, т. е. галлюцинации, сновидения и обыкновенные образы воспоминания, зависят от процессов раздражения в центральных чувственных областях[98]. Галлюцинации, по этому автору, суть воспроизведенные представления и отличаются от нормальных образов воспоминания *только большей интенсивностью*[99].

Если обратимся к *Горвицу*, то снова найдем, что воспоминание отличается от объективного восприятия лишь степенью явственности и резкости и что галлюцинация есть не что иное, как воспроизведенное представление, которое, *вследствие увеличения интенсивности*, сравнялось по живости и отчетливости с объективным восприятием. Сравнивая непосредственное чувственное восприятие с воспоминанием, этот психолог приходит к заключению, что, независимо от гипотетической качественной разницы, без сомнения, самой минимальной (и разницы в интенсивности, которая несущественна), воспоминание по существу своему совершенно одинаково с объективным восприятием или с ощущением; единственный отличительный признак здесь есть тот, который указан *Фехнером*[100], именно рецептивность или независимость от нашей воли: ощущение отличается от воспоминания только тем, что здесь мы не в состоянии по нашему произволу отстранить от себя чувственное представление или изменить его[101].

Можно выставить очень многое против мнения, что галлюцинация есть не более как очень интенсивный образ воспоминания или фантазия.

а) Такое воззрение нимало не объясняет нам реального или объективного характера галлюцинаций, не объясняет, почему галлюцинаторное

---

[98] *W. Wundt*. Grundzüge der physiol. Psychologie. 2-te Aufl. Leipzig, 1880. II. P. 2; *Вундт*. Основания физиол. психологии. Перевод Виктора Кандинского. Москва, 1880–1881. P. 531.

[99] *Wundt*, l. c. II. P. 353; русский перевод, p. 902.

[100] *Fechner*. Elemente der Psychophysik. Leipzig, 1860. II. P. 515.

[101] *Horwicz*. Psycholog. Analysen. Erster. Theil. Halle, 1872. P. 297–307.

восприятие имеет для сознания значение, одинаковое со значением непосредственного чувственного восприятия, тогда как образы воспоминания и фантазии при нормальном состоянии сознания ничуть не рискуют быть смешанными с действительными восприятиями. Если взвесить этот довод, то уже a priori можно сказать, что здесь существует различие более существенное, чем одна только разница в интенсивности.

b) Субъекты с весьма слабой способностью чувственного воспроизведения способны галлюцинировать ничуть не меньше людей, одаренных богатой фантазией. «Напрягая свою фантазию, здоровый человек получит лишь весьма отчетливые чувственные представления, но как бы он ни старался, он не вызовет у себя галлюцинаций» [102]. Иначе все великие живописцы и музыканты, т. е. вообще люди с мощной фантазией, непременно должны были бы быть галлюцинантами.

c) Влияние на содержание галлюцинаций сознательных воспоминаний больного и его ложных идей во многих случаях чрезвычайно ничтожно. Даже у галлюцинантов образы, произвольно созданные фантазией, далеко не всегда могут превращаться в галлюцинации [103].

Один из моих больных, будучи одно время беспокоим галлюцинациями зрения не особенно приятного содержания, но не имевшими непосредственного отношения к его сознательным представлениям, respect., к его

[102] *Hagen*. Die Sinnestäuschungen. Leipzig, 1837. P. 211.

[103] *Victor Kandinsky*. Zur. Lehre von den Hallucinationen. Arch. f. Psychiatrie. Bd. XI. Heft 2; Медицинское Обозрение. 1880. Июнь. Значительный запас наблюдений, собранных мной позже, в существенных чертах подтверждает все выводы, сделанные мной в только что цитированной беглой заметке. Прибавлю, что в последней я не указывал разницы между галлюцинациями и псевдогаллюцинациями не потому, чтобы тогда еще не сознавал этого различия, а просто потому, что в коротком предварительном сообщении не находил возможным провести это различение надлежащим образом; кроме того, еще не чувствуя тогда себя достаточно вооруженным, чтобы открыть кампанию на собственный страх, я предпочел присоединиться к тому из существующих воззрений, под которое факты, мной замеченные, казались мне тогда наиболее подходящими.

Г. В. Зандер (Eulenburg's Real-Encyclopädie, XII, p. 538) пишет: «Кандинский (сказав, что галлюцинации не имеют вовсе постоянной связи с воспоминаниями) *упускает из виду* при этом, что очень большая часть переходов мыслей от одной к другой совершается бессознательно, и поэтому часто какое-нибудь представление появляется по-видимому без непосредственной связи с другими». Я не только этого не упустил из виду, но именно и хотел фактами показать, что в основании галлюцинаций часто бывают бессознательно появляющиеся представления, не имеющие никакого логического соотношения с мыслями и чувственными представлениями, движущимися в сознании. Конечно, эти факты не благоприятствуют той теории, по которой проецирование представлений наружу зависит от степени интенсивности последних, ибо тогда действительно становится непонятным, почему «проецируются наружу» представления, остающиеся, вследствие своей малой интенсивности, под порогом сознания, напротив, сознательные мысли и живые (вследствие болезни чрезвычайно в интенсивности своей усиленные) образы воспоминания и фантазии в галлюцинации не превращаются.

ложным идеям, решил однажды, что если уже видеть вещи, в действительности не существующие (он сознавал тогда субъективное происхождение галлюцинаторных образов зрения, что, разумеется, не мешало последним сохранять свой характер объективности, для галлюцинации же слуха он искал тогда объективных причин), то приятнее было бы видеть около себя людей, хорошо знакомых и близких; поэтому он нарочно старался вообразить около себя двоих из своих друзей, находившихся в то время весьма далеко от него; однако эти зрительные воспоминания галлюцинанта, несмотря на содействие сознательных усилий со стороны последнего, не сделались галлюцинациями.

Весьма поучителен в этом отношении и пример *Долинина*, с детства отличавшегося сильно развитым воображением. Еще до болезни зрительные образы воспоминания у него были весьма отчетливы и живы. Во время его довольно продолжительного галлюцинаторного сумасшествия (в особенности в течение первого, более острого периода болезни) способность чувственного представления по отношению к интенсивности возросла у него до крайности: сомнительно, чтобы у пресловутого вигановского живописца эта способность была сильнее. Однако и в это время между до чрезвычайности интенсивными чувственными образами *Долинина*, с одной стороны, и его объективными восприятиями и галлюцинациями, с другой стороны, остается целая бездна. Даже в периоды действительного галлюцинирования зрением зрительные образы воспоминания и фантазии у этого больного не только резко отделялись от галлюцинаций, но и не трансформировались в последние при отсутствии посторонних мотивов, необходимых для такой трансформации.

d) Наконец, самый факт существования псевдогаллюцинаций в том смысле, в каком они мной здесь описываются, становится в решительное противоречие с тем понятием о сущности галлюцинаций, которое пытались установить *Лелю*, *Вундт* и *Горвиц*. Псевдогаллюцинации душевнобольных суть не что иное, как патологическая разновидность образов воспоминания и фантазии; они суть воспроизведенные чувственные представления, но только до крайности отчетливые и, в большинстве случаев, чрезвычайно интенсивные. И, тем не менее, живейшая псевдогаллюцинация сама по себе все-таки не есть галлюцинация. С другой стороны, несомненно, что галлюцинации, не переставая быть таковыми, могут быть весьма бледными, чувственно (например, по отношению к очертаниям и раскраске образов, если будем иметь в виду лишь галлюцинации зрения) крайне неопределенными.

Прибегнув к примерам, я попытаюсь сделать понятным, что объективный характер образов при галлюцинациях и при непосредственных чувственных восприятиях вовсе не есть функция высокой интенсивности представления. Читатель, конечно, знает, что существуют престидижита-

торы, сражающиеся на сцене перед публикой с призраками. Это устраивается так: сцена, во всю свою ширину и высоту, отделена от зрительной залы стеклом, наклоненным к зрителям под надлежащим углом, так что последние сквозь стекло видят фокусника, находящегося на сцене, и вместе с тем видят помещающийся рядом с ним призрак, который есть не что иное, как отражение в стекле актера, скрытого под полом переднего плана сцены. При соответственном освещении актера, скрытого под сценой, зрители увидят на сцене призрак, совершенно прозрачный, с очень бледными красками и неясными очертаниями. Тем не менее, такой бледный призрак будет иметь в восприятии зрителей совершенно тот же характер объективности, как и образ самого престидижитатора, видимого публикой с полною ясностью.

Итак, в данном случае громадное различие в живости и отчетливости двух зрительных восприятий не мешает им обоим быть в одинаковой степени объективными. Бледная галлюцинация есть для воспринимающего сознания совершенно то же самое, что для сознания зрителей описанный бледный призрак на сцене.

А вот и другой пример, тоже показывающий, что разница в интенсивности и отчетливости не имеет существенного значения для различения субъективных и объективных чувственных восприятий. Взглянув на свое отражение в зеркале и отвернувшись затем, я могу вызвать в моем сознании весьма живой, по очертаниям и краскам весьма отчетливый «последовательный образ воспоминания» (фехнеровский термин: Erinnerungsnachbild) моего лица. Находясь вечером в моем освещенном кабинете и приблизив свое лицо к выходящему на темную улицу окну, я вижу, вследствие отражения в стекле, смутный, весьма мало определенный образ моего лица. Второй из этих образов несравненно менее интенсивен, чем первый, но он имеет характер объективности и есть результат непосредственного зрительного восприятия. Напротив, последовательный образ воспоминания, гораздо более интенсивный и отчетливый, характера объективности не представляет и есть не что иное, как живая зрительная репродукция.

Итак, воззрение *Вундта* и *Горвица* оказывается несоответствующим фактам. Но может быть, для различения субъективных и объективных чувственных восприятий нам служит исключительно тот фактор, который указан *Фехнером*, именно «рецептивность»? Изучение псевдогаллюцинаторных явлений дает ответ и на этот вопрос. Так, мы видели, что к патологическим псевдогаллюцинациям сознание относится рецептивно, но тем не менее они никогда не бывают смешиваемы с действительными восприятиями и резко отделяются сознанием от настоящих галлюцинаций. Отсюда ясно, что сущность галлюцинаций заключается не в одной их независимости от воли воспринимающего лица, а в чем-то другом, что одинаково присуще лишь галлюцинациям и действительным восприятиям, так как и те,

и другие одинаково дают в результате чувственный образ с характером объективности.

Что касается до псевдогаллюцинаций, то ясно, что они суть патологическая разновидность образов воспоминания и фантазии, отличающаяся от обыкновенных образов воспоминания и фантазии многими характерными чертами, о которых нами уже достаточно говорено. Поставив псевдогаллюцинации в параллель с галлюцинациями, мы увидим, что псевдогаллюцинации имеют все черты, отличающие галлюцинацию от обыкновенных воспроизведенных представлений, но только за исключением одной: они не обладают присущим галлюцинации характером объективности.

Следовательно, весь вопрос сводится к тому, чем обусловливается тот характер объективности, который одинаково существенен как для галлюцинаций, так и для действительных чувственных восприятий?

Недавно была сделана новая попытка получить ответ на этот вопрос психологически-экспериментальным путем. *К. Лехнер* (27) подвергал исследованию интенсивнейшие из своих воспроизведенных представлений и нашел[104] в них более или менее выраженными все черты действительных чувственных восприятий, за исключением двух: недоставало *сопутствующих представлений моторного и висцерального характера* (именно представления пространственных отношений [?] и проектирование в пространстве [??]), равно как и представлений или ощущений деятельности в подлежащих органах чувств. Эти последние черты, говорит *Лехнер*, никогда не воспроизводятся, и этим самым обстоятельством доказывается, что они не кортикального происхождения, но зависят от деятельности внекорковых чувственных центров. Но нужно полагать, что способность чувственного воспроизведения у *Лехнера* очень слаба (известно, что в этом отношении существуют громадные индивидуальные[105] различия).

[104] *Carl Lechner* (Budapest). Zur Localisation der Hallucinationen. Centralbl. f. Nervenheilk. 1883. P. 376.

[105] Так, из известных наблюдателей, *Фехнер* отличается весьма слабым воображением: он почти совсем не может воспроизводить красок, очертания же получаются в его воспроизведении очень неопределенными и смутными (Elemente der Psychophysik. II, p. 470). *Горвиц* говорить о себе почти то же самое. *И. Мюллер*, по-видимому, не мог иметь расцвеченных образов воспоминания и фантазии, ибо знал лишь «Blendungsbilder» и «leuchtende Phantasmen» (галлюцинации), о пластической же деятельности фантазии он говорит, что она разграничивает формы в поле зрения независимо от представления красок (Ueber die phant. Gesichtserschein. Coblenz. 1826. P. 44 и 75). Я должен признаться, что я плохо понимаю пластическую деятельность фантазии без воспроизведения красок. Для меня весьма легко представлять себе вещи так, как они являются мне в действительности, т. е. окрашенными и в различных оттенках освещения. Если я захочу представить себе, в светлом или темном поле зрения, одни лишь формы и очертания и если притом эти очертания не должны быть образованы темными, светлыми или цветными линиями, я принужден прибегнуть к постороннему моменту, именно к помощи представлений (хотя бы и воспроизведенных) движений глаз. Из из-

Оставя в стороне зрительные псевдогаллюцинации, относительно которых я решительно могу утверждать, что они всегда сопутствуются осложняющими представлениями «моторного и висцерального» свойства, будем иметь в виду обыкновенные образы зрительного воспоминания. Мне кажется, всякий, у кого способность чувственного представления не чересчур слаба, должен согласиться, что зрительные образы воспоминания и фантазии проецируются в пространство[106] и что с ними нераздельно связаны различные представление отношений места.

Я могу весьма хорошо вызвать в своем воображении представление перспективы и телесности, представить себе, например длинную, далеко вглубь уходящую колоннаду с человеческими фигурами, находящимися на различном расстоянии от моего умственного ока. Также и *Фехнер* говорит, что зрительное поле образов воспоминания кажется ему имеющим, подобно полю зрения открытых глаз, три измерения, т. е. в том числе и протяженность в глубину. Полагаю, что представление третьего измерения невозможно без сопровождающих представлений двигательного характера. Конечно, мне могут возразить, что те побочные моторные представления, которыми всегда сопровождаются вторичные зрительные представления,

---

вестных авторов способностью живого чувственного представления обладают *Г. Мейер*, *Гаген*, *Корнелиус*, *Спенсер* и мн. друг. *Г. Мейер* путем упражнения научился вызывать у себя, вместо живых и цветных образов воспоминания, даже настоящие галлюцинации зрения, частью по произволу (Physiol. der Nervenfaser, p. 240). *Корнелиус*, вспоминая знакомые зрительные объекты, весьма живо воспроизводил не только их формы, но и их цвета; он ясно и резко мог представить себе ряд цветов, как, например, в солнечном спектре, равно как и ряд различных оттенков одного и того же цвета (Ueber Wechselwirkung zwischen Leib und Seele, p. 76). *Герб. Спенсер* говорит: «Мы можем почти без усилия и с относительно большой степенью ясности воспроизвести в своем сознании красный мундир солдата, синеву неба, белизну земли, покрытой снегом. Блеск электрического света, будучи живо воспроизведен, действует на нас ослепляюще. С такой же легкостью и силой воспроизводятся в нас и слуховые ощущения; так, моментально и с большой отчетливостью можно услыхать в воображении шум пушечного выстрела, звук трубы, стон, свист и пр.» (Principes de psychologie, trad. par Eibot et Espinas. Paris, 1875. I. P. 233).

[106] Оспаривая старое воззрение, по которому характерным признаком галлюцинаций считалось проектирование в пространстве, *Гаген* справедливо говорит: «Мы проецируем наружу все наши представления, насколько последние суть воспроизведения действительных восприятий; однако, несмотря на такое проецирование, мы прекрасно знаем, что этим представлениям нет соответствующего внешнего объекта» (Zeitschr. f. Psychiatr. XXV. P. 34). *Гоппе* утверждает даже, что «акт зрения собственно свершается вне нас, на самих внешних предметах, а вовсе не путем проецирования видимого нами наружу» (*J. Hoppe*, Psychologisch-physiol. Optik. Leipzig, 1881. P. 21). «Что возбуждает нас извне, то вне нас нами и оформливается, познается и видится, а что возбуждается внутри нас, то приводится нами, в силу приобретенного опыта, в формы, данные привычным нам зрением открытыми глазами и привычной нам различающе-творческой деятельностью духа» (ibid, p. 59).

суть не что иное, как репродукции, так что в основании их нет действительных ощущений. Но тогда вопрос сводится снова к тому положению, которое он занимал до *Лехнера*, именно, к различию между воспроизведенными чувственными представлениями и непосредственными восприятиями, а для выяснения этого различия самонаблюдения *Лехнера* ровно ничего не дали[107].

Вообще говоря, разбираемый вопрос никак не может быть решен путем анализа воспроизведенных чувственных представлений. Образы воспоминания разнятся от образов непосредственного восприятия лишь отсутствием объективности последних. Ответа на вопрос, чем обусловливается этот характер объективности, должно искать не в чем ином, как в физиологической стороне процесса непосредственного восприятия.

Внешнее впечатление, подействовав на периферический орган чувства, вызывает через посредство чувствующего нерва, играющего роль проводника (последний при данных условиях своего периферического и центрального соединения проводит всегда лишь в одном направлении[108], именно, центрипетальном) специфическое состояние возбуждения в чувствующих

---

[107] *Мор. Бенедикт* искал причину интенсивности действия прямого чувственного впечатления тоже в том, что с непосредственным впечатлением всегда соединяется масса побочных представлений, которых будто бы не бывает при представлениях воспроизведенных (Die psych. Functionen des Gehirnes. Wiener Klinik. I (1875). P. 199). И еще раньше *Корнелиус* видел разницу между образом воспоминаний и непосредственным восприятием преимущественно в том, что первому недостает известного рода живости (но не ясности), свойственной действительному восприятию и зависящей от побочных ощущений (например, мышечные ощущения в глазе), которые всегда возбуждаются при действительном чувственном ощущении. Впрочем, *Корнелиус* тут же соглашается, что при воспроизведении чувственного ощущения вместе с последним воспроизводятся и все соответствующие побочные ощущения. Точно также и *Горвиц* признает, что сопутствующие двигательные представления имеются и при представлениях воспоминания. (l. c. I. P. 304).

[108] Возможность центробежного распространения возбуждения по чувствительным путям при данных (нормальных) условиях соединения их концов ничем не доказана, и в теории галлюцинаций теперь, когда открыты чувствительные кортикальные центры, можно без большого труда обойтись без такой вообще маловероятной гипотезы. Несомненно, что нервные волокна вообще *способны* проводить в обоих направлениях; но при данных условиях соединения их концов с совершенно разно функционирующими нервными аппаратами (так, например, зрительный нерв одним концом своим соединен с периферическим аппаратом, — сетчаткой, а другим — с клетками четырехолмия) или с центрами разного порядка (чувствительные волокна coronae radiatae) проведение действительного возбуждения возможно только в *одном* направлении. Телеграфная проволока способна проводить ток тоже в обоих направлениях; но если на станции *A* она соединена с отправляющим аппаратом телеграфа, а на станции *B* — с аппаратом получающим, то на ней можно передавать депеши лишь со станции *A* на станцию *B,* но никак не в обратном направлении. Разумеется, если мы переложим проволоку так, что концом, которым она была раньше в соединении с *A,* она будет теперь соединена *с B,* ток в проволоке будет идти в направлении, обратном против

клетках серого вещества узлов на основании большого мозга; эти клетки суть субкортикальные чувственные центры, называемые также центрами перцепции (*Шредер ван-дер-Кольк* (28)) или органами психического метаморфоза (*Нейманн*). Последнее выражение значит, по *Кальбауму*, что, начиная с этого места всякое движение нервного вещества приобретает в живущем мозге *психическую сторону*, т. е. получает способность стать для индивидуума движением сознанным. Но действительно сознается чувственное впечатление только тогда, когда возбуждение чувственных субкортикальных центров, через посредство центростремительно проводящих, чувственных путей coronae radiatae, вызовет соответственное возбуждение в чувственных центрах коры полушарий, результатом чего, если внимание индивидуума не отвлечено от деятельности подлежащего внешнего чувства, будет «сознательное чувственное ощущение», «действительное объективное восприятие» или «первичное чувственное представление». Первичный чувственный образ всегда имеет характер объективности, другими словами, его возникновение *всегда* бывает сопряжено с непосредственным ощущением того, что в данном случае внешнее чувство действительно затронуто внешней причиной.

Важность роли субкортикальных чувственных центров в процессе объективного восприятия доказана *Шредером ван-дер-Кольком*[109] как патологическими фактами, так и фактами из истории развития и сравнительной анатомии. Эксперименты на животных вполне подтвердили этот взгляд; «целый ряд физиологов-экспериментаторов, как то — *Лонже*, *Шифф*, *Ренци*, *Вюльпиан*, *Демулен*, *Фолькманн* — показали, что животные, лишенные полушарий большого мозга, еще видят… *Гольц* заметил, что лягушка, у которой отняты мозговые полушария, двинувшись с места, не натыкается на находящееся перед ней препятствие, но обходит его; это доказывает, что у такой лягушки изображения внешних предметов на сетчатках принадлежат к числу мотивов, определяющих направление ее движения»[110]. «Разумеется, при объективном восприятии возбуждение должно достичь до коры полушарий, несомненно, имеющей свою особую форму восприятия; несомненно также и то, что образы воспоминания суть материал для происходящих в мозговой коре ассоциаций и для исходящих из неё двигательных импульсов. Но инфракортикальные центры при восприятии тоже возбуждаются. Инфракортикальные центры налагают на раздражения печать, приготовляющую последнюю к кортикальному восприятию». Пространственное восприятие есть функция коры, в которой раздражения

того, как он шел в нем раньше, однако все же-таки можно будет передавать депеши по-прежнему от станции *А* на станцию *В,* но не обратно.

[109] Die Pathol. und Ther. der Geistesckrankh. Bramischweig, 1803. P. 7.

[110] *Meynert*. Ueber Fortschr. im Verständniss der krankh. psych. Gehirnzustände. Wien, 1878. P. 50.

nervi optici ассоциируются с иннервационными чувствами глазных мышц; «но сочетание этих факторов уже предуготовлено в четырехолмии; то, что передается от четырехолмия коре, есть не простое чувственное раздражение, но психический продукт, уже заключающий в себе элементы полного чувственного восприятия»[111].

Если участие субкортикальных чувственных центров в процессе непосредственного восприятия налагает на первичный чувственный образ печать объективности, то следует думать, что и в произведении тех галлюцинаций, которые являются вместе и рядом с объективными восприятиями и бывают для сознания равнозначащими с последними, участие субкортикальных центров тоже необходимо. Еще в 1837 году *Гаген* доказывал, что фантазия сама по себе совершенно не в состоянии вызывать галлюцинаций и что представления никогда не могут сравняться с действительными восприятиями[112]. Этим была подорвана старая теория (*Эскироль*, *Лелю*, *Рейль*, *Гартман*, *Фальре* sen., *Бриерр де Буамон*, частью *Гризингер*, в новейшее время *Нейманн* и *Крафт-Эбинг*, отчасти также *В. Зандер*), по которой галлюцинации суть не что иное, как весьма живые и «проецировавшиеся наружу» чувственные представления.

После Гагена приобрело широкое распространение другое воззрение, где в произведении галлюцинаций, считаемых теперь уже не просто воспроизведенными представлениями, но субъективными *ощущениями*, необходимо раздражение чувствующего нерва и «чувственного мозга». Принадлежащие сюда авторы (*Гаген*, *Бэлларже*, *Кальбаум*, *Шюле*, *Люис* (29), *Мейнерт* (30), *Ритти*, *Штриккер*, *Вуазен*, *Гаммонд*), соглашаясь в общем, расходятся в частностях; одни приписывают главную роль полушариям большого мозга; другие же, наоборот, чувствующему нерву и «чувственному мозгу». В последнее время оба эти основные воззрения стали сливаться вместе. Прежде термин «чувственный мозг», «Sinnhirn» имел очень определенный смысл и прилагался лишь к базальным узлам, принимающим в себя корни чувственных нервов. Но как только стало известным, что в коре полушарий имеются специально чувственные центры, как пункты кортикального окончания чувственных или центростремительных нервных путей, то оказалось невозможным не признать участия и этих центров в произведении галлюцинаций. Так, *Шюле* хотя и допускает, что для произведения галлюцинации, отличающейся характером телесной живости, нужна совместная функция чувственных центров коры и базальных узлов, resp. периферического нерва, но, признавая галлюцинации различного психофизического свойства, он говорит: «Таким образом, оказывается неизбежным дальнейшее предположение, что различный чувственный тембр галлюцинаций есть функция

[111] Ibid. P. 50.

[112] Die Sinnestäuschungen. Leipzig, 1837. P. 211–215.

различной распространенности процесса раздражения в соответственном чувственном нерве по направлению к периферии, так что для вполне объективной галлюцинации необходима иррадиация возбуждения *вплоть до периферического органа чувства*[113]. К центрифугалистическому воззрению *Шюле*, как мы сейчас увидим, весьма близко подходит воззрение *Тамбурини* (31), обыкновенно считаемого представителем теории чисто кортикального происхождения галлюцинаций[114].

По *Тамбурини*, главная роль в произведении галлюцинаций принадлежит чувственным кортикальным центрам; болезненное раздражение этих центров будто бы должно давать галлюцинации, совершенно подобно тому, как кортикальная эпилепсия является следствием раздражения двигательной области коры. Исходной точкой болезненного возбуждения, служащего непосредственной причиной галлюцинации, могут быть, по *Тамбурини*, как сами чувственные центры коры, так и любое место сенсориального пути от периферии до мозговой коры; но ею первоначально могут быть также и центры отвлеченного представления (centri dell ideazioni). Смотря по месту происхождения, этот автор различает периферические (здесь разумеется вся дорога от периферии к мозговой коре), центральные (чувственные центры коры) и интеллектуальные галлюцинации. Таким образом, вопрос сводится снова к тому положению, которое он занимал до *Гагена*: допускается существование чисто кортикальных галлюцинаций и в произведении последних главная роль приписывается или произвольной, или автоматической деятельности воображения, тогда как субкортикальные чувственные центры отрешаются от первичного участия в этом процессе. Заметив необходимость объяснить присущий настоящим галлюцинациям характер объективности, *Тамбурини* становится на сторону центрифугалистов и приписывает субкортикальным центрам вторичное участие в произведении гал-

---

113 *Schuele's* Handb. 2-te Aufl. 1880. P. 127, 129.

114 Sulla genesi della alluzinazioni. Kiv. sper. di freu. 1880. № 1, 2. Впрочем, *Ландуа* (32) хочет разделить с *Тамбурини* честь локализирования галлюцинаций в чувственные центры коры (*L. Landois*, Lehrb. d. Physiol. 2-te Aufl. Wien, 1881. P. 810). Мне кажется, что раз открыты чувственные центры в мозговой коре, то гораздо легче приписать им участие в произведении галлюцинаций, чем воздержаться от этого. Так, замечу мимоходом, что я говорил о кортикальном происхождении некоторых галлюцинаций (однако, не прибегая к центрифугализму) совершенно независимо от *Тамбурини*, тоже в 1880 г. (*В. Кандинский*. К учению о галлюцинациях. Медиц. обозрение, 1880, июнь). Теперь же я вижу, что всех предупредил в этом отношении *Гризингер*, сказавший: «седалище всех этих явлений (галлюцинаций), седалище фантазии есть не сетчатка и не периферические окончания слухового нерва, но головной мозг и в нем, без сомнения, *центральные окончания чувствующих нервов*» (Pathol. u. Ther. d. psych. Krankh. 4-te Aufl. 1876. P. 89). Кальбаум тоже вперед угадал, что каждой чувственной сфере соответствует, в качестве апперцепционного центра, особая область коры мозговых полушарий (Allg. Zeitschr. für Psychiatrie. XXXIV. P. 19).

люцинаций. «Каким образом объяснить,— говорит он[115],— те факты, в которых периферический орган, будучи совершенно здоровым, участвует в проецировании наружу субъективно возникшего центрального образа? Вместе с *Гагеном*, *Гризингером* и *Крафт-Эбингом* можно допустить, что раздражение сенсориального центра распространяется по чувственному пути вплоть до его периферического конца; это общее ирритативное состояние, существуя в момент возникновения галлюцинаций, и дает последним личину реальности»[116]. Итак, локализирование галлюцинаций в чувственные центры коры не спасает от антифизиологического допущения, что действительное возбуждение может распространяться по чувствительным путям центробежно. Вообще говоря, в «теории *Тамбурини*» нет ничего, чего не было бы раньше в немецких теориях. Так, «центрифугальные галлюцинации» *Кальбаума*, которые происходят от повышения будто бы нормальной центробежной функции чувственного аппарата или на всем его протяжении, или на более или менее значительном отрезке его, тоже имеют своей исходной точкой раздражение известной области коры (для каждой чувственной сферы у *Кальбаума* предполагался особый корковый центр апперцепции), откуда, вследствие центробежного распространения возбуждения, вводится в действие и соответственный перцепционный центр[117].

Таким образом, даже те авторы, которые исходной точкой галлюцинаций считают кору полушарий, resp. ее чувственные центры, принуждены существенную роль в произведении телесно-живых галлюцинаций отдать субкортикальным чувственным центрам. Спрашивается теперь, где мы должны локализировать наши псевдогаллюцинации?

Псевдогаллюцинаторные образы сами по себе не обладают характером объективности; уже из одного этого обстоятельства следует, что в произведении их субкортикальные чувственные центры не принимают никакого

---

[115] *Tamburini*. La théorie des hallucinations. Lecon faite à la clinique des malad. mentales de Modéne. Revue scientifique. 1881. P. 142.

[116] Если здесь идет речь о распространении, *в направлении* от коры к периферии, *состояния повышенной возбудимости*, то против возможности распространения такого состояния в центробежном направлении я не стану возражать; но тогда по-прежнему остается открытым вопрос об исходной точке данной конкретной галлюцинации. Естественно, что чувственный нервный аппарат, находясь в состоянии возвышенной возбудимости, приходит в *действительное возбуждение* от действия сравнительно ничтожных внешних или внутренних раздражителей; но где же, при существовании общего состояния усиленной возбудимости, исходная точка *действительного возбуждения* — в периферическом ли нервном органе чувства, в субкортикальном ли центре или в мозговой коре? Если в коре, то может ли отсюда действительное чувственное возбуждение (а не состояние возвышенной возбудимости, которое в данном случае ничего не объясняет) распространяться центробежно по всему центростремительному тракту (вдобавок еще прерываемому субкортикальными узловыми массами) от коры полушарий до периферических нервных окончаний?.. Вот в чем вопрос.

[117] *Kahlbaum*. Die Sinnesdelirien. P. 19–23 и 26–28.

участия; но псевдогаллюцинации суть восприятия резко *чувственные*; следовательно, они могут иметь местом своего происхождения лишь специально-чувственные области коры. Псевдогаллюцинации, в том смысле, в каком они здесь описаны, могли бы служить лишним доводом в пользу существования в мозговой коре для каждой чувственной сферы отдельного чувственного центра, — если бы существование чувственных центров коры еще не было фактом вне всякого сомнения. С начала прошлого десятилетия известно, что в мозговой коре есть пространственно строго ограниченная область, являющаяся местом исхода путей произвольного движения (психомоторная сфера, центры двигательных представлений). Теперь же может уже считаться общепризнанным, что известные области коры (частью они определены и топографически) служат местом сознательного чувственного восприятия, а вместе с тем и местом, где от первичных чувственных образов остаются таинственные следы, из которых (или чисто автоматически, или в силу законов ассоциации представлений и под влиянием высших интеллектуальных центров, служащих седалищем воли, как силы, способной определять собой течение наших внутренних состояний), возникают образы вторичные или воспроизведенные представления. Силой деятельности кортикальных чувственных центров мы можем и в отсутствии раз воспринятого внешнего объекта воскресить в себе его образ (чувственное воспоминание). Воспроизведенные представления суть тот материал, из которого получается все наше умственное богатство, и лишь в этом смысле должно быть понимаемо старое положения Гоббса (33) nihil est in intellectu, quod non primus fuerit in sensu.

Однако, в *развитом* сознании не все представления чувственны. Кроме вторичных чувственных представлений, которые с полной верностью повторяют лишь содержание непосредственных восприятий (чувственные образы воспоминания) или, различно, более или менее гармонически, связываясь между собой, дают в результате то, чему не соответствует ни один акт действительного восприятия в отдельности (чувственные образы фантазии), мы имеем в своем распоряжении *общие представления*; эти первые продукты абстрагирующей деятельности нашего духа имеют своим содержанием те тождественности или единообразия, которые усматриваются нами в ряде отдельных чувственных представлений. С общими представлениями нам приходится в повседневной жизни оперировать, пожалуй, еще чаще, чем с воспроизведенными чувственными образами. Но в этих первых обобщениях все еще заметны некоторые следы чувственности, так как здесь деятельность духа обособляет из чувственно воспринятого выдающиеся особенности или схематические формы, которые и служат затем как бы символами черт, оказавшихся в отдельных актах чувственного восприятия одинаковыми[118]. Но существуют и такие продукты деятельности мышления,

[118] Ср. *Hoppe*. Psychologisch-physiolog. Optik. Leipzig, 1881. P. 5.

в которых уже нет ничего чувственного; это — *абстрактные представления или понятия*.

Деятельностью кортикальных чувственных центров даются не только отдельные представления, но и отношения представлений; притом же эта деятельность неразлучно соединена с сознанием. Таким образом, кортикальные чувственные сферы никак не могут быть исключены из участия в произведении того, что называется интеллектом. Но вместе с тем мы не вправе признавать чувственными все те области мозговой коры человека, которые не входят в состав психомоторной сферы [119]. Более чем вероятно, что если не само сознание, то его высшие формы и явления имеют своим субстратом не всю кору полушарий, но лишь часть ее, именно, ее лобный участок. В лобной части большого мозга «должны находиться элементы, составляющие неизбежные промежуточные члены при тех физиологических процессах, которыми сопровождаются интеллектуальные отправления» [120]. Что существуют центры, которые должны считаться высшими относительно кортикальных чувственных центров, следует из того, что у нас имеется способность активного внимания или преапперцепции, оказывающая существенное влияние на степень ясности наших как абстрактных, так и чувственных представлений; совпадая с той функцией сознания, которая, по отношению к внешним действиям, называется *волей* [121], преапперцепция влияет определяющим образом на течение наших представлений. Воля не только в состоянии сделать наши чувственные представления (через большее напряжение внимания) более резкими, но она может также производить задерживающее и подавляющее действие на деятельность чувственного представления.

Обыкновенно деятельность абстрактного представления всегда в большей или меньшей степени сопряжена с деятельностью чувственного воспоминания. Это значит, что совместно с работой высших интеллектуальных центров лобной области мозговой коры идет работа и в кортикальных чувственных центрах. Последняя и есть «то слабое галлюцинирование чувств», о котором говорил *Гризингер* и которым *нормально* сопровождается всякий акт абстрактного мышления [122]. Продукты деятельности абстрактного представления суть не более как общие схемы, совершенно лишенные чувственного характера; напротив, в результате возбуждения чувственных центров коры в сознании являются образы, имеющие все свойства первичного чувственного представления, за исключением лишь объективности последнего. Так, зрительные воспроизведенные образы

---

[119] *Exner*. Physiologie der Grossirnrinde. Hermann's Handb. der Physiol. II. 2. Leipzig, 1879. P. 336.

[120] *Wundt*. Grundzüge des physiol. Psychol. 2-te Aufl. Leipzig, 1880. I. P. 218.

[121] Ibid. I. P. 218. II. P. 205–213 и 383.

[122] Pathol. u. Ther. der psych. Krankh. 4-te Aufl. P. 29.

пространственны, потому что наши представления возможны вообще только в одной из двух форм восприятия (пространство и время), а зрение и есть чувство, строящее пространство; эти образы непременно «проецируются наружу» в силу привычного для вас зрения открытыми глазами, когда акт собственно совершается вне нас, на самих предметах; они являются темными, светлыми или различно окрашенными, потому что кортикальный центр зрения есть именно «центральнейшая часть зрительной субстанции» и не может реагировать на внешние и внутренние раздражения иначе, как в форме присущей этой субстанции энергии[123]. Таким образом, чтобы объяснить себе живую чувственность (не имеющую, однако, характера объективности) интенсивных образов воспоминания и фантазии, теперь, когда открыты специально чувственные субкортикальные центры, нет надобности искать причины чувственного характера конкретных представлений в «обратно направленной перцепции»[124] (центробежный процесс из субкортикальных центров к периферии).

Если нормально не существует центробежного распространения возбуждения с кортикальных чувственных центров на центры субкортикальные, то следует ли допустить возможность такого распространения в качестве процесса исключительного, resp. болезненного? По тем же ли путям должно совершаться центробежное возбуждение перцепционного центра, которые нормально действуют центростремительно, или же по путям особым? Разумеется, странно было бы думать, что полушария головного мозга снабжены особой системой волокон, специально назначенной (на случай, если бы человеку пришлось впасть в психическое расстройство) для произведения галлюцинаций. Но если таких особых путей не существует, то как понять, что гипотетическое центробежное возбуждение чувственных путей coronae radiatae не мешает одновременному с ним возбуждению тех же путей в центростремительном направлении[125], потому что галлюцинаторное возбуждение субкортикального центра должно же ведь быть снова воспринято головно-мозговой корой, чтобы дать в результате галлюцинацию[126]. Будучи несогласимы с физиологическим представлением о ходе

[123] Ср. *J. Muller*. Handb. der Physiol. 1837. II. P. 249; zur vergleich, Physiol. des Gesichtsinns. 1826. P. 39; ueber die phantast. Gesichtsersch. 1826. P. 15.

[124] Ср. *Kahlbaum*. Die Sinnesdelirien. P. 24.

[125] Ср. *Pr. Despine*. Théorie physiol. de l'hallucination. Ann. médico-psychol. 1881. VI (автор развивает теорию, совершенно тождественную с теорией центрифугальных галлюцинаций *Кальбаума*).

[126] Видя в галлюцинациях не что иное, как состояние сознания, я не понимаю бессознательности галлюцинаций, подобных, например, получавшимся в опытах *Пастернацкого* (34). Последний отделял у собак горизонтальным разрезом всю (?) мозговую кору от подлежащего белого вещества и впрыскивал в вены животного некоторое количество полынной эссенции, причем получал вместо кортикальной эпилепсии галлюцинации; опыты приводятся в доказательство, что местом происхождения

действительного возбуждения по чувствительным путям мозга лишь от центров низших к центрам высшим [127], центрифугалистические теории галлюцинаций мало согласуются и с клиническими фактами. Эти теории требуют существования ненормально *усиленного* возбуждения в центрах идей, которое будто бы вследствие своей силы и рефлексируется на органы перцепции; но беспристрастное наблюдение показывает, что субъективному возбуждению для того, чтобы приобрести галлюцинаторный характер, вовсе не нужно иметь значительной силы. Так, по содержанию своему те галлюцинаторные фразы, которые слышатся параноикам-хроникам от «голосов», чаще соответствуют не напряженнейшим в данную минуту идеям больного, а именно тем представлениям, которые или едва успевают перейти за порог сознания, или даже остаются под порогом. Кроме того, описываемые мной псевдогаллюцинации могут служить сильным оружием против сенсориальной центрифугальности. В самом деле, для возникновения наиживейшей псевдогаллюцинации требуется чрезвычайное повышение возбудимости соответственного чувственного центра коры; кроме того непосредственной причиной псевдогаллюцинации здесь действительно может явиться крайне напряженная идея. Однако и живейшая псевдогаллюцинация, при отсутствии посторонних моментов, о которых будет речь после, не превращается в галлюцинацию. При таких благоприятных условиях не происходит центробежного распространения возбуждения с чувственного кортикального центра на центр субкортикальный только потому, что центрифугальное возбуждение центрипетальных нервных путей вообще невозможно.

Замечательно, что способность образного представления, связанная с пространственно строго ограниченными областями коры полушарий, сама по себе, независимо от других расстройств психических способностей, может быть не только ненормально усилена, но и *внезапно потеряна*. *Шарко* (36) наблюдал одного живописца, который вдруг лишился способности чувственно представлять себе предметы; с этого времени он принужден был ограничить свои занятия копировкой, и то при этом не должен был отводить глаз от оригинала. Некто другой, человек весьма интеллигентный, обладал чрезвычайно живой способностью чувственного воспроизведения; в особенности у него была необыкновенно развита способность

галлюцинаций служат субкортикальные центры (*I. Pasternatzky*. Sur le siége de Pépilepsie corticale et des hallucinations. Comptes rendues de l'Académie des sciences. T. 93, № 2 (1881). Впрочем, путем совершенно подобных же опытов *Данилло* (35) (Influence de l'alcool éthylique et de l'essence de l'absinthe sur les fonctions motrices du cerveau. Arch. de physiol. 1882. Septeiubre-Octobre) пришел к результату совершенно противоположному.

[127] В качестве противника сенсориального центрифугализма я не стою особняком; одинаково со мной смотрят на дело *Мейнерт* (Ueber Fotschr. im Verständnisse der krankh. psych. Zustände. 1878. P. 49; von den Hallucinationen. Wien, media Blätter 1879. № 9) и *Арндт* (Lehrb. der Psychiatrie. Wien u. Leipz. 1883. P. 138).

зрительного воспоминания, так что он мог воспроизводить сложные зрительные восприятия со всей точностью и отчетливостью. Этот субъект после сильного душевного потрясения сразу потерял все свои зрительные воспоминания и лишился возможности внутренно представлять себе цвета и формы предметов; при этом, естественно, пострадало у него и понимание того, что он видел, так что старые, давно знакомые объекты являлись ему совершенно новыми; из его сновидений зрительные представления совершенно исчезли. Ясно, что в этом случае [128] произошло кортикальное расстройство, ограниченное именно областью зрительного центра.

В пределах нормального состояния способность чувственного воспроизведения бывает весьма различна. Недавно *Гальтон* (37) путем статистических исследований относительно яркости, резкости и расцветки зрительных образов воспоминания (mental imagery) у различных индивидуумов нашел, что в этом отношении существуют громадные индивидуальные различия, и что вообще ученые находятся на нижнем конце скалы (раньше я указывал, что и между учеными в этом отношении есть громадная личная разность), тогда как женщины, девушки и дети имеют воспоминания, наиболее яркие и окрашенные [129]. О высшей степени возможного, в пределах нормального состояния, повышения способности чувственного представления можно составить себе понятие по признаниям некоторых художников, как, например, *Бальзака*, которые вследствие этого зачастую понапрасну зачисляются в галлюцинанты. Впрочем, не надо думать, что творческая сила художников пропорциональна интенсивности чувственного представления у них. Характерная черта деятельности фантазии состоит не в живости последней, а в способе соединения представлений. Художник вовсе не имеет необходимости до последней степени усиливать интенсивность образов своей фантазии, так, чтобы в них, подобно тому как в первичных чувственных образах, резко выступали все мельчайшие подробности. Существует громадное различие между бесплодным и бесцельным фантазированием, действительно свойственным тем из «художественных натур», у которых кортикальные чувственные сферы находятся в состоянии постоянного раздражения, и поэтическим творчеством, где требуется, с одной стороны, большая масса сложных, чисто интеллектуальных функций, а с другой стороны, мастерство в передаче впечатлений.

Чувственные воспоминания пробуждаются в нас двояким способом. Одни из них возникают в кортикальных чувственных центрах *первично*, в силу самопроизвольной деятельности этих центров; при этом в силу

---

[128] *Charcot*. Un cas de suppression brusque et isolée de la vision mentale dos signes et des objets (formes et couleurs). Progrés médical. 1883. № 29. P. 568. Нечто подобное эпизодически имело место, по-видимому, в случае *Пика* (*Arn. Pick*; Vom Bewusstsein in Zuständen sogen. Bewusstlosigkeit. Arch. f. Psych. XV. 1884. P. 215).

[129] См. *Fr. Galton*. Inquiries into human faculty and its developement. 1883.

внутреннего, местного (парциального) автоматического возбуждения приходят в действие именно те функциональные элементы кортикального чувственного центра, которые во время акта объективного восприятия служили материальным субстратом первичного чувственного образа. Значительная часть непроизвольных и случайных чувственных воспоминаний происходит именно этим путем. Но при нормальном душевном состоянии еще чаще чувственные образы воспоминания возникают под влиянием высших кортикальных центров, центров деятельности чисто интеллектуальной; впервые явясь или воспроизведясь в центре абстрактного мышления, схематическое, т. е. нечувственное представление после своего перехода через порог сознания или даже до этого момента *последовательно* вызывает в кортикальном чувственном центре одно из тех (или близких к ним) конкретных чувственных представлений, из которых оно когда-то, путем абстракции, было получено [130]. Этим способом получаются, может быть, все произвольные чувственные воспоминания и некоторая часть воспоминаний непроизвольных и случайных (*вторичное или последовательное* действие кортикальных чувственных центров).

Теми же двумя способами происходят и псевдогаллюцинации, с той только разницей, что здесь (за исключением, впрочем, случаев гипнагогических псевдогаллюцинаций) соответствующий корковый чувственный центр должен находиться в состоянии болезненно усиленной возбудимости, и притом или на всем своем протяжении, или лишь в известной своей части.

Рассмотрим теперь в частности механизм происхождения псевдогаллюцинаций.

Обыкновенные гипнагогические псевдогаллюцинации в той форме, в какой они свойственны некоторым психически здоровым людям, происходят лишь в зависимости от известных условий (например, предшествующее засыпанию умственное успокоение) и не требуют существования бо-

---

[130] В воздействии центра абстрактной мысли на центр чувственного представления нет никакой центрифугальности; оба эти центра принадлежат к *одному порядку*, и центр чувственный в известном смысле даже важнее, так как из него, путем дифференциации функций, мог получиться и центр мышления. Впрочем, здесь можно смотреть на дело двояко. Во-первых, каждый интрацентральный кортикальный путь может быть представлен нам наподобие одной телеграфной проволоки, на каждом из концов своих имеющей как отправляющий, так и записывающий прибор телеграфа; другими словами, можно допустить, что по одним и тем же *интрацентральным* путям возбуждение может передаваться как от кортикального чувственного центра в центр абстрактного представления, так и обратно (разумеется, только не одновременно в обоих направлениях). Во-вторых, ничто не мешает нам предположить, что для проведения возбуждения от центров абстрактного представления к кортикальным чувственным центрам, сообщающим представлению чувственный характер, существуют пути, особые от тех, которые ведут от кортикальных чувственных центров к органу преапперцепции.

лезненного раздражения в кортикальном чувственном центре. У нервных, легковозбудимых индивидуумов отдельные группы клеток чувственных центров коры легко приходят в действительное возбуждение от влияния внутренних раздражений, постоянно возникающих то в той, то в другой части центра (легкие вазомоторные изменения, колебание в химических процессах, совершающихся в ткани серого вещества, и т. п.). Эти автоматические раздражения обыкновенно не доходят до сознания, потому что они частью тормозятся нормальной деятельностью высших интеллектуальных центров, частью же совершенно стушевываются перед первичными чувственными образами, получающимися в результате актов объективного восприятия. Но перед засыпанием и вообще тогда, когда интеллект бездействует и работа абстрактного представления и активной преапперцепции прекращается, эти спонтанные раздражения становятся причиной появления в сознании ряда живых, логически между собой не связанных чувственных образов, которые, естественно, от воли индивидуума будут совершенно независимы.

Для нас гораздо интереснее псевдогаллюцинации субъектов душевнобольных, имеющие своей основой *болезненное* раздражение чувственных центров мозговой коры. Из представленного мной клинического материала, я полагаю, видно, что все случаи патологического псевдогаллюцинирования могут быть разделены на следующие две категории.

а) Псевдогаллюцинаторные образы логически не вяжутся ни между собой, ни с представлениями, бывшими в сознании больного непосредственно перед ними, и иногда не оказывают близкого соотношения с характером преобладающих у больного идей. Сюда принадлежат: большая часть стабильных и интеркуррентных, почти все случаи эпизодических и только некоторая часть множественных галлюцинаций. Псевогаллюцинации этой группы совершенно независимы от воли больного и почти всегда в высокой степени насильственны. Обыкновенно псевдогаллюцинирование здесь ограничивается сферой одного чувства; если же данный больной галлюцинирует и зрением, и слухом, то между его слуховыми и зрительными псевдогаллюцинациями не оказывается прямого логического соотношения. По-видимому, раздражение со стороны сферы произвольного представления здесь почти не играет роли, так что все дело зависит от автоматической деятельности одного или двух кортикальных чувственных центров. По всей вероятности, состояние болезненно усиленной раздраженности здесь не захватывает всего центра, но локализируется лишь в отдельных частях его. Впрочем, даже при относительно распространенном состоянии болезненной возбудимости в чувственном кортикальном центре действие внутренних раздражений, как физиологических, так и патологических, может быть местным и даже локализированным на весьма небольшом пространстве (так, например, расстройство в процессе внутрен-

него химизма клеток может захватить лишь небольшую клеточную группу). Псевдогаллюцинации этого способа происхождения никогда не идут сплошь и вообще даже не бывают обильны; но зато их чувственная определенность и живость обыкновенно достигают весьма высокой степени. Резкости всех характерных черт псевдогаллюцинаций здесь благоприятствует еще то обстоятельство, что, не завися от возбуждения интеллектуальной сферы, этого рода псевдогаллюцинации происходят даже с большим удобством тогда, когда деятельность мышления понижена (например, в состояниях, переходных к галлюцинаторной спутанности и ступидности, а также и в хронической паранойе, когда бред потерял свою напряженность и истощенный орган мышления находится в относительной бездеятельности), потому что при этом ослабляется задерживающее действие высших кортикальных центров. Это *первый способ происхождения псевдогаллюцинаций* (см. табл. I, фиг. 3).

b) Во всей кортикальной чувственной сфере, в особенности же в кортикальном центре зрения или слуха существует состояние усиленной возбудимости, а деятельность абстрактного мышления возбуждена лишь парциально, так что сознание занято ограниченным кругом первично возникших ложных и, частью, навязчивых представлений. В таких случаях действительное возбуждение кортикального чувственного центра берет свое начало не от внутреннего автоматического раздражения в последнем, но возникает под влиянием сознательного или бессознательного представления. Это *второй способ происхождения псевдогаллюцинаций* (см. табл. II, фиг. 7), преобладающий в острых формах идеофрении. При этом псевдогаллюцинаторные образы обыкновенно множественны, быстро сменяются один другим и часто представляют одно сплошное течение. Отдельные псевдогаллюцинации здесь неодинаково неотвязны и по своей интенсивности и чувственной резкости они тоже могут значительно разниться между собою. Понятно также, что отдельные псевдогаллюцинаторные образы при этом более или менее вяжутся как между собой, так и с идеями, преобладающими в данное время в сознании больного; однако немалая часть их здесь имеет своим прямым источником сферу бессознательного представления. Тем не менее, было бы ошибочно думать, что во всех этих случаях непременно псевдогаллюцинируется все, что больной, сознательно или бессознательно, думает; это — предельный случай, к которому действительность лишь более или менее приближается, никогда его вполне не достигая[131]. Обыкновенно и здесь, несмотря на состояние повышенной

[131] Один из моих больных, Петр., в первом периоде острой идеофрении горько жаловался мне, что он боится «совсем сойти с ума», потому что против своей воли он принужден «образить»; последним словом больной хотел выразить, что у него всякое абстрактное представление, наперекор его воле, тотчас же принимает конкретную, резко чувственную форму, т.е. превращается в весьма живые и отчетливые образы

возбудимости во всем кортикальном чувственном центре (или в двух из них, например, центрах зрения и слуха), в отдельных группах клеток раздражимость повышена сильнее, чем в других. Кроме того, и здесь не исключено местное возникновение известных внутренних раздражений, вследствие чего дело осложняется парциальным действительным (автоматическим) возбуждением тех или других участков чувственного центра. В силу всего этого наиболее интенсивные и устойчивые псевдогаллюцинации получаются здесь при случайно удачном совмещении обоих моментов, т. е. производящего псевдогаллюцинацию представления, исходящего из центров мышления, и автоматического парциального возбуждения кортикального чувственного центра. Таким образом, крайне навязчивые псевдогаллюцинации обыкновенно идут здесь не сплошь, но разделяются одна от другой образами, приближающимися к продуктам простой деятельности воображения (псевдогаллюцинаторные фантазии); через эти последние устанавливается между резко выраженными и навязчивыми псевдогаллюцинациями (которые кажутся больному обусловленными извне) логическая связь и в таком случае, если таковой раньше не было. Одновременно с этим и деятельность мышления бывает (вообще или парциально) возбужденной, хотя здесь повышение и не достигает такой высокой степени, как повышение функции чувственной области мозговой коры. Напротив, функция активной преапперцепции при этом всегда бывает ослабленной, так что воля вполне теряет контроль над ходом идей, и больной, не будучи, однако, лишен возможности воспринимать внешние впечатления, оставляет последние совсем без внимания, предавшись пассивному восприятию своих фантастических и псевдогаллюцинаторных картин. При острой идеофрении параллельно с псевдогаллюцинациями зрения и слуха идут обыкновенно слуховые и осязательные галлюцинации; все это, вместе взятое, и составляет чувственный бред острых идеофреников.

Теперь мне остается только представить *отношение* моих псевдогаллюцинаций к настоящим галлюцинациям.

Мы видели, что, как бы ни была велика интенсивность процесса, псевдогаллюцинация сама по себе, без участия посторонних моментов, никогда не превращается в галлюцинацию. Эти «посторонние» моменты, из которых *каждым* псевдогаллюцинация может превратиться в настоящую галлюцинацию, суть: a) первичное участие субкортикального чувственного центра и b) расстройство сознания в его отношениях к внешнему миру.

воспоминания и фантазии. В это время зрительных галлюцинаций у него не было, но вскоре появились и они. При лечении большими дозами опия в этом случае весьма скоро наступило выздоровление; впрочем, этот больной впадал в острую идеофрению уже в четвертый раз, с промежутками в несколько лет, и приступы, равно как и продолжительность болезни, были каждый раз приблизительно одинаковы (ideophrenia periodica).

Относительно первого из этих путей я здесь распространяться не стану, иначе мне пришлось бы развивать весь механизм происхождения тех галлюцинаций, которые имеют место наряду с действительными (и нормальными) чувственными восприятиями, когда, следовательно, сознание в своих отношениях к внешнему миру нимало не расстроено. Это могло бы составить особый этюд, причем было бы нетрудным показать, что, держась на почве фактов, добытых клиническим наблюдением, легко в объяснении происхождения галлюцинаций этого рода (считая между ними и те слуховые галлюцинации, которые столь характеристичны для хронической паранойи) обойтись без гипотезы центрифугального распространения возбуждения по сенсориальным путям.

При втором пути происхождения галлюцинаций из псевдогаллюцинаций совсем не нужно ни малейшего участия возбуждения субкортикальных чувственных центров; даже самое лучшее здесь, если последние совершенно остаются вне деятельности; но тут необходимо *расстройство сознания в отношении восприятия внешних впечатлений*, выражаясь проще, — необходимо более или менее полное прекращение восприятий из реального мира.

Первичный чувственный образ, результат акта непосредственного внешнего восприятия, потому лишь представляет для воспринимающего сознания характер действительности, что в чувственное представление здесь входит некая *специфическая составная часть*, служащая для сознания знаком, что в данном случае действительно аффицирована более периферическая (относительно самого апперцептивного органа, т. е. чувственного кортикального центра) часть сенсориального нервного аппарата (при этом надо помнить, что в эту относительно более периферическую часть действительное возбуждение, в силу закона центрипетальной функции сенсориального механизма, может достигать лишь снизу, из частей еще более периферических, но никак не сверху, с апперцепционного центра, находящегося в данном случае в возбуждении). Назовем, ради большего удобства объяснения, эту специфическую (объективирующую) составную часть первичного чувственного образа буквой *X*, и поищем, от возбуждения какой части всего сенсориального пути она получается. Что для получения нашего *X* не требуется возбуждения всего сенсориального пути, это ясно из того всем известного факта, что люди абсолютно слепые, с атрофированными периферическими концами обоих зрительных нервов, могут при нимало не затемненном сознании иметь действительные галлюцинации зрения; отсюда же следует вывод, что ни периферический нервный орган, ни сам чувствующий нерв не есть место происхождения *X*. Что для получения объективирующего *X* при нормальном состоянии сознания недостаточно наисильнейшего возбуждения кортикального чувственного центра, видно уже из самого факта существования псевдогаллюцинаций, которые, даже будучи до край-

ности живыми, характера объективности не приобретают. Итак, источник объективирующего *X* не заключается ни в корковом чувственном центре, ни в периферическом нервном органе, ни в самом чувствующем нерве; следовательно, местом происхождения *X* является именно субкортикальный чувственный центр.

Если живейшей псевдогаллюцинации для того, чтобы сделаться галлюцинацией, недостает только специфического характера объективности, то можно выразиться так: псевдогаллюцинация равна галлюцинации *минус X*. Совершенно параллельно этому чувственное воспоминание равно первичному чувственному образу *минус X*. Только благодаря присутствию объективирующего *X* сознание не смешивает воспроизведенные чувственные образы с образами первичными, получающимися в результате актов непосредственного восприятия. В самом деле, если отвлечься от объективирующего *X*, то первичные и вторичные чувственные образы оказываются по существу своему одинаковыми между собой: они одинаково пространственны, resp., временны; одинаково являются темными, светлыми или различно раскрашенными (соответственно чему образы слуховые одинаково представляют различные оттенки звука, тон и тембр); одинаково они суть не что иное, как состояние нашего сознания; наконец, и те, и другие имеют своим органическим субстратом одни и те же клетки чувственных центров мозговой коры. Разница в интенсивности здесь не существенна; к тому же таковая существует лишь между образами воспоминания и первичными чувственными образами, но не между псевдогаллюцинациями и галлюцинациями (впрочем, образы воспоминания предметов, виденных резко, могут быть более интенсивными в сравнении с первичными чувственными образами предметов, по формам и краскам весьма неопределенных). Лишь присутствием или отсутствием объективирующего *X* в чувственном представлении дается нам возможность различать объективный образ от субъективного.

Итак, присутствие *X* в данном чувственном представлении является доказательством того, что в данном случае субкортикальный чувственный центр (вследствие внутренней ли или внешней причины — это все равно) действительно возбужден; соответственно термину «первичное чувственное представление» мы можем в данном случае присоединить к *X* эпитет «первичный». По прекращении акта объективного восприятия первичный *X* должен оставить в кортикальном чувственном центре свой след, по которому он *может репродуцироваться*. Для получения *репродуцированного X* уже не нужно участия субкортикального центра. Итак, вопрос сводится к следующему: может ли репродуцированный *X* (например, в тех случаях, когда он, как это бывает при живейших псевдогаллюцинациях, чрезвычайно интенсивен) в сознании быть смешан с первичным *X*, т. е. может ли он быть принят за последний. Факты дают на этот вопрос ответ

совсем не двусмысленный. При нормальном состоянии сознания, когда дана возможность *непосредственного сравнения* репродуцированного *X* с *X* первичным, такого смешивания не происходит: воспроизведенный X тогда не принимается сознанием за X настоящий, и единственно в силу этого обстоятельства даже наиживейшая псевдогаллюцинация не получает характера объективности.

Иное дело в том случае, когда для сознания исключена возможность сравнения воспроизведенного *X* с *X* первичным, когда первичного *X* (за прекращением восприятия внешних впечатлений) в сознании в данную минуту совсем не имеется. Тогда воспроизведенный *X* неизбежно приобретает в сознании значение настоящего *X*, псевдогаллюцинаторный образ *объективируется* и получается кортикальная галлюцинация. Это другой путь происхождения галлюцинаций из псевдогаллюцинаций. Но эти *чисто кортикальные* галлюцинации могут получиться только при затемнении сознания до прекращения восприятий из реального внешнего мира. Помимо состояния помраченного сознания (в отношении восприятия внешних впечатлений) чисто кортикальные галлюцинации невозможны[132].

То, что я сейчас высказывал, не гипотеза, а прямое заключение из фактов. Факты благоприятствуют моему воззрению даже более, чем мне нужно для объяснения происхождения галлюцинаций из псевдогаллюцинаций; явлениями сновидения они нам указывают, что по прекращении восприятия внешних впечатлений галлюцинации получаются даже из обыкновенных (не особенно интенсивных) чувственных образов воспоминания и фантазии. Это значит, что когда в сознании нет ни одного первичного *X*, то воспроизведенные *X*'ы становятся на место *X* первичного даже в том случае, когда они не имеют большой интенсивности. Те самые чувственные воспоминания и фантазии, которые, когда мы бодрствуем, совсем не обладают характером объективности и потому нимало не рискуют быть смешанными с объективными чувственными представлениями, *объективируются*, когда мы перестаем нашими кортикальными чувственными центрами апперципировать внешние впечатления, т. е. когда мы впадаем в сон. Так, картины, произведенные на белом экране посредством волшебного фонаря, невидимы в ярком дневном освещении; но стоит лишь затворить ставни и двери комнаты, — и они выступят тогда весьма резко и ярко.

---

[132] Моя теория совсем не совпадает с теориею *Тамбурини*. Последний при обсуждении вопроса о галлюцинациях вовсе не вдавался в психологические соображения и не принимал в расчет, подобно мне, состояния сознания; признав за место происхождения галлюцинаций чувственные центры коры, он, по примеру прежних авторов, просто прибег к гипотезе центрифугального распространения возбуждения с мозговой коры по всему сенсориальному пути до самой периферии. Я же резко отличаю кортикальные галлюцинации от тех, для произведения которых необходимо участие субкортикальных центров, и совершенно отвергаю сенсориальный центрифугализм.

Таким образом, сновидения есть не что иное, как кортикальная галлюцинация, происходящая при указанных условиях путем объективизации образов воспоминания и фантазии. Патологические кортикальные галлюцинации тоже требуют, как conditio sine qua non, расстройства сознания в отношениях его к внешнему миру, т.е. расстройства или прекращения апперцептивной деятельности чувственных центров мозговой коры, но они чаще происходят путем объективизации не простых представлений воспоминания и фантазии, но псевдогаллюцинаций, значит, в последнем случае предполагают собой болезненное усиление внутренней продуктивной деятельности кортикальных чувственных центров. Этим способом галлюцинации происходят при наркозе; в гипнотических и сомнамбулических состояниях, в трансе, в экстазе, в тяжелых формах delirii trementis и delirii febrilis, в гистерических и эпилептических состояниях помраченного сознания, в кататоническом ступоре, в очень острых формах идеофрении, когда расстройство сознания достигает высокой степени.

Во избежание недоразумений, я должен еще оговориться относительно двух пунктов.

Может быть, кто-нибудь вздумает сделать такое возражение: если причина того, что наши воспроизведенные чувственные образы не объективируются, заключается в возможности непосредственного сравнения их с первичными чувственными образами, то почему наши зрительные воспоминания не объективируются подобно тому, как в сновидении, когда мы просто закрываем глаза? Ответить на подобный вопрос вовсе не трудно. Во-первых, закрыть глаза — вовсе не значит устранить восприятие внешних впечатлений. Все, что существует вне нашего сознания, есть для последнего внешность, и самое наше тело в этом смысле есть такая же внешняя вещь, как любой предмет внешнего мира. Закрыв глаза, мы даже не перестаем видеть, потому что темнота есть своего рода ощущение; кроме того, наше темное поле зрения никогда не бывает вполне свободно от световых пятен, клочков светящегося тумана и тому подобных световых субъективных метеоров, которые в восприятии получают характер объективности, потому что происходят от внутренних органических раздражений в сетчатке глаза и в зрительном нерве[133]. С давних пор слепые, у которых теряется само ощущение темноты, теряют вместе с тем все свои зрительные воспоминания и перестают «видеть во сне» (сохраняя способность грезить слуховыми представлениями)[134]. Если слепые еще не успели утратить своих зрительных воспоминаний, то последние не получают характера объективности до тех пор, пока не прервалось восприятие внешних впечатлений, действующих на все другие чувства (слух, осязание, мышечное и общее

[133] Ср. *J. Müller*. Ueber die phant. Gesichtsersch. Coblenz, 1826. P. 14.

[134] См. *Stricker*. Vorlesungen über allgem. und experim. Pathologie. III. Wien, 1879. P. 515.

чувства). Осязательная или слуховая объективность есть все-таки объективность, и возможность непосредственного сравнения отсутствия объективности в произведенном зрительном образе с объективностью, имеющейся в непосредственном слуховом или осязательном восприятии, тоже не позволяет зрительным образам репродукции объективироваться. Если в то время, когда мы живо грезим во сне, наше сознание случайно восприимет из внешнего мира какой-нибудь резкий шум как таковой (не ассимилируя его со своими субъективно возникающими представлениями, т. е. не затирая в нем действительного характера объективности), то зрительные образы сновидения моментально теряют свой произвольный характер объективности перед действительной объективностью воспринятого звука. Я убежден, что если бы возможно было лишить человека сразу восприятия внешних впечатлений со всех чувств, то образы автоматической деятельности воспоминания и фантазии у этого индивидуума моментально бы объективировались и получилось бы сновидение или кортикальная галлюцинация.

Много было говорено о существовании различных переходных степеней между настоящими галлюцинациями и обыкновенными чувственными представлениями, и весьма возможно, что в описываемых мной псевдогаллюцинациях увидят одну из таких переходных степеней. Что касается до меня, то я смотрю на дело так: я допускаю существование всевозможных переходов между обыкновенными воспроизведенными представлениями и резко выраженными псевдогаллюцинациями. Я допускаю также, что галлюцинации могут быть различны по своей интенсивности. Но я не допускаю никаких степеней в характере объективности, одинаково присущем как галлюцинациям, так и первичным чувственным образам, и притом в одинаковой мере как интенсивным, так и слабым. Или имеется налицо этот характер объективности, или нет его; середины тут нет и не может быть. Относительно тех галлюцинаций, которые бывают вместе с нормальными действительными восприятиями и требуют для своего происхождения участия субкортикальных чувственных центров, мне кажется, и без дальнейших объяснений понятно, что галлюцинация или есть, или нет ее. Но я не допускаю и относительно чисто кортикальных галлюцинаций никаких переходных степеней (разумеется, помимо степеней интенсивности) не только к простым чувственным образам, но и к псевдогаллюцинациям. Обыкновенное, равно как и псевдогаллюцинаторное чувственное представление или объективируется (если в данный момент нет возможности сравнения его воспроизведенного *X* с первичным *X* действительных восприятий), или же оно не объективируется; в первом случае выйдет галлюцинация, во втором — она не получится. Совершенно аналогично этому мы при стереоскопировании без стереоскопа или сливаем два различных изображения в одно и получаем представление телесности, или же не сливаем их

и тогда представление телесности не получаем. Как невозможно получить при этом полупредставление телесности, так точно невозможна и полугаллюцинация, в которой субъективный чувственный образ объективировался бы лишь *наполовину*.

XI

Привожу резюме, представляющее точный смысл этого этюда и главнейшие из тех результатов, к которым я пришел.

I. Несмотря на количественное богатство литературы об обманах чувств, учение о галлюцинациях еще далеко не закончено; теория, всецело объемлющая действительные факты, по этому предмету до сих пор еще никем не представлена.

II. Не только в практике, но и в литературе до сих пор весьма часто причисляют к галлюцинациям субъективные явления, в действительности к первым вовсе не принадлежащие.

III. Необходима установка точного понятия о галлюцинации. Галлюцинация есть, прежде всего, субъективное (безобъектное) чувственное восприятие, и потому содержание ее всегда конкретно: абстрактных галлюцинаций (как, например, допускавшиеся *Кальбаумом*) не бывает. Однако не всякое субъективное чувственное восприятие есть галлюцинация.

IV. У душевнобольных должны быть различаемы (не только теоретически, но и практически) три рода субъективных чувственных восприятий: a) простые, хотя бы по своей живости и чувственной определенности сравнительно со средней нормой чрезвычайно усиленные образы воспоминания и фантазии; b) собственно псевдогаллюцинации (псевдогаллюцинации — в моем, а не в гагеновском смысле) и c) настоящие галлюцинации. При всех только что названных трех родах субъективных восприятий чувственные образы одинаково «проецируются наружу» и одинаково соединены с побочными представлениями двигательного характера.

V. Настоящей галлюцинацией субъективное чувственное восприятие может быть названо только в тех случаях, если чувственный образ представляется в восприемлющем сознании с тем же самым *характером объективной действительности*, который при обыкновенных условиях принадлежит лишь восприятиям реальных внешних впечатлений. Различий в степени объективности между действительно галлюцинаторными чувственными образами не существует; наполовину галлюцинировать нельзя — и в данную минуту больной либо имеет действительную галлюцинацию, либо не имеет ее (а имеет, например, лишь псевдогаллюцинацию). Между не галлюцинаторными чувственными восприятиями (образы воспоминания и фантазии, мои псевдогаллюцинации) и галлюцинациями — что касается характера объективности или действительности, — переходов не существует.

VI. Будучи такими фактами сознания, которые являются (для самого восприемлющего сознания) либо совершенно равнозначащими с имеющими место рядом с ними объективными чувственными восприятиями, либо заменяющими последние при их прекращении (как при сновидении и при сноподобных галлюцинациях), галлюцинации вообще должны иметь по меньшей мере два различных способа происхождения.

VII. Существуют галлюцинации чисто кортикального происхождения (именно: сновидения и галлюцинаторные состояния, аналогичные сновидению). Здесь галлюцинация может получиться прямо из простого чувственного образа воспоминания (а тем более — из псевдогаллюцинации), но для такой «объективизации» чувственного образа необходимо *прекращение* восприятий внешних впечатлений, другими словами, необходима известная степень *помрачения сознания*. При продолжающемся же восприятии внешних впечатлений, т. е. при непомраченном сознании галлюцинации чисто кортикального происхождения (в противность теории *Ландуа* и *Тамбурини*) невозможны.

VIII. *Гризингер* и *Кальбаум* в некотором смысле предупредили открытие чувственных центров мозговой коры. Эти авторы (а не *Ландуа* или *Тамбурини*) суть истинные творцы теории кортикального происхождения галлюцинаций (теории в том смысле, в каком она до сих пор формулировалась, по моему мнению, неверной).

IX. При расстроенном (в отношении восприятия впечатлений из реального внешнего мира) сознании галлюцинации могут получиться (в противность общепринятому воззрению) не иначе, как при участии субкортикальных чувственных центров. Характер объективности или действительности придается нормальному объективному восприятию, равно как и восприятию истинно галлюцинаторному, не чем иным, как именно участием возбуждения субкортикальных чувственных центров.

X. В противность наиболее распространенному воззрению, галлюцинация ни в каком случае не может получиться из чувственного представления (не только обыкновенного, но и псевдогаллюцинаторного) *единственно* лишь путем усиления напряженности или интенсивности представления. С другой стороны, высокая степень интенсивности вовсе не есть необходимое условие для того, чтобы субъективное чувственное восприятие при наличности одного из моментов, указанных в пунктах VII и IX, стало галлюцинацией.

XI. Что касается псевдогаллюцинаций, то в том смысле или, по крайней мере, в том объеме, как в моей настоящей работе, они не были еще никем описаны. Фантазмы *Лудвига Мейера* суть не что иное, как истинные галлюцинации, ошибочно этим автором не считаемые за таковые. «Психические галлюцинации» *Бэлларже* всего ближе подходят к тому, что я называю псевдогаллюцинациями, но *Бэлларже*, в лучшем случае, знал лишь одни

слуховые псевдогаллюцинации, причем, однако же, ошибочно лишал этого рода субъективные восприятия всякого чувственного характера; кроме того, *Бэлларже* был далек от мысли дать своим «психическим галлюцинациям» то теоретическое значение, какое я придаю теперь псевдогаллюцинациям. Гаген же под названием псевдогаллюцинаций описал психопатологические явления, действительно не имеющие никакого чувственного характера (и потому не совпадающие с моими псевдогаллюцинациями), но принадлежащие большей частью к обманам воспоминания.

XII. То, что я называю настоящими псевдогаллюцинациями, есть весьма живые и чувственно до крайности определенные субъективные восприятия, характеризующиеся всеми чертами, свойственными галлюцинациям, за исключением существенного для последних характера объективной действительности; только в силу отсутствия этого характера они не суть галлюцинации. Псевдогаллюцинации возможны в сфере каждого из чувств, но для ознакомления с сущностью этого рода субъективных психопатологических фактов достаточно изучить псевдогаллюцинации зрения и слуха.

XIII. Мои псевдогаллюцинации не суть простые, хотя бы необычайно живые, образы воспоминания и фантазии; оставляя в стороне их несравненно большую интенсивность (как признак несущественный), я нахожу, что они отличаются от обыкновенных воспроизведенных чувственных представлений некоторыми весьма характерными чертами (как то: рецептивное отношение (в фехнеровском смысле) к ним сознания; их независимость от воли, их навязчивость; высокая чувственная определенность и законченность псевдогаллюцинаторных образов; неизменный или непрерывный характер чувственного образа при этого рода субъективных явлениях).

XIV. Бывают не только гипнагогические галлюцинации, но и гипнагогические псевдогаллюцинации.

XV. Независимо от моментов, приведенных в пунктах VII и IX, псевдогаллюцинация не может превратиться в галлюцинацию.

XVI. В чувственном бреде острых больных (в особенности параноиков) обильные, живо одна другой сменяющиеся псевдогаллюцинации играют не менее важную роль, чем настоящие галлюцинации. Бывают, впрочем, и стабильные псевдогаллюцинации (чаще при хронических формах сумасшествия).

XVII. Псевдогаллюцинации являются лишним доводом против ни к чему не нужной антифизиологической теории центрифугального распространения возбуждения по центрипетальным головно-мозговым путям.

XVIII. Псевдогаллюцинации имеют местом своего происхождения чувственные центры мозговой коры и предполагают собой или общее состояние ненормально повышенной возбудимости этих центров, или даже существование в последних самостоятельного местного раздражения (автоматическое парциальное возбуждение).

XIX. Не отрицая факта галлюцинаторных воспоминаний (в тесном смысле, а не в смысле «фанторемии» *Кальбаума*), я имею факты, относящиеся к тому, что может быть названо «псевдогаллюцинаторные воспоминания» (чаще — псевдовоспоминания).

XX. «Внутреннее говорение» самих больных, как и вообще все случаи насильственной иннервации центрального аппарата речи, не принадлежит ни к галлюцинациям (*Бэлларже*), ни к псевдогаллюцинациям, и должно быть резко отличаемо от «внутреннего (псевдогаллюцинаторного) слышания» больных. Простое (не образное) насильственное мышление (38), естественно, относится не к области псевдогаллюцинаций, но к области расстройств чисто интеллектуальных.

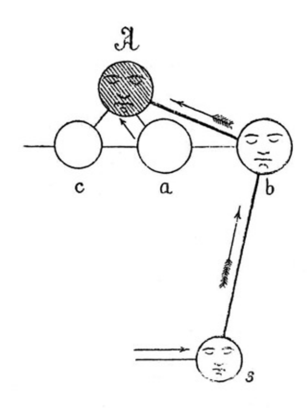
Что касается до слуховых галлюцинаций, которые столь характеристичны для многих форм параной (в особенности, для форм хронических), то происхождение этих галлюцинаций, не связанное с моментом, упомянутым в пункте VII, требует внимательного изучения относящихся сюда клинических фактов. Этот вопрос, допускающий не только клиническую, но и экспериментальную обработку, составляет предмет моего следующего этюда. Впрочем, могу сказать вперед, что этого рода слуховые галлюцинации суть псевдогаллюцинации, превратившиеся в настоящие галлюцинации через влияние раздражения (помимо, однако, центрифугальности) в субкортикальном центре слуха.

(Сдано в Общество психиатров для напечатания 20 декабря 1886 г.)

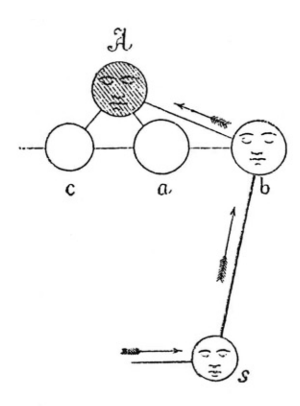
ОБЪЯСНЕНИЯ ТАБЛИЦ

Для большей наглядности взаимного различия тех явлений, о которых идет речь в этой работе, я попробовал изобразить их графически на прилагаемых при сем таблицах. Весь механизм этих явлений может быть сведен к взаимодействию 3–4 центров. Центры, находящиеся в состоянии нормальной возбудимости, изображены на моих чертежах тонкими круговыми линиями; центры, находящиеся в состоянии болезненно-усиленной возбудимости, — кругами, начерченными толсто, и центры, деятельность которых в данное время понижена, — кругами пунктирными. Прямые линии, соединяющие круги, изображают пути проведения; при этом толсто начертанные прямые обозначают те пути, которые при данных условиях действуют особенно энергично; пунктирные же прямые соответствуют путям, остающимся без действия. Направление как кортикального интрацентрального, так и субкортикального (центрального) проведения указано стрелками.

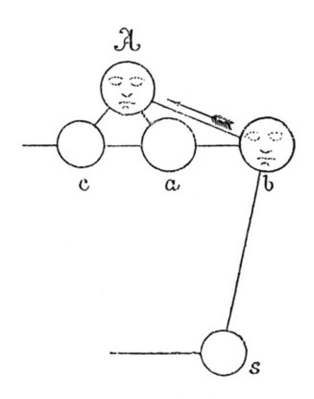
Во всех фигурах — *s* обозначает субкортикальный чувственный центр или центр перцепции, *b* — чувственный центр мозговой коры или центр

1. Простая или первичная галлюцинація.

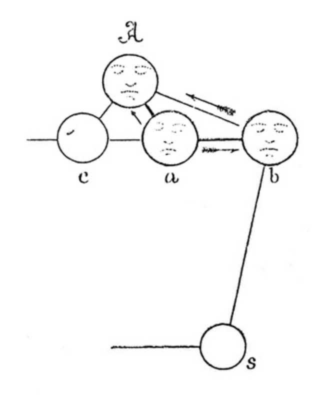

2. Актъ объект. чувств. воспріятія.

3. Псевдогалл. въ собств. смыслѣ слова.

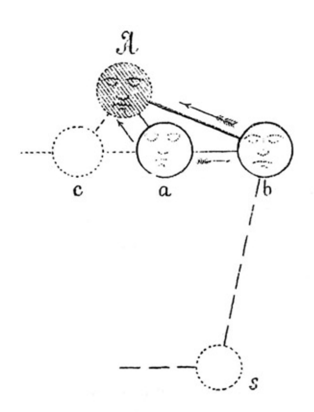
(Первый способъ).

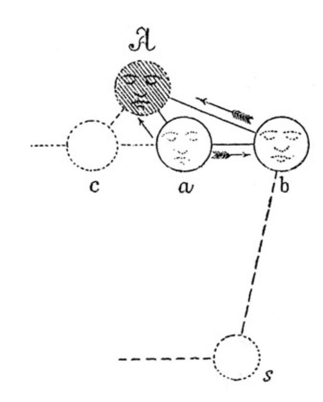
4. Актъ чувственнаго воспомнанія.

апперцепции, *a* — центр абстрактного (бессознательного resp. полусознательного) представления, *c* — двигательный кортикальный центр речи, и наконец *A* — центр ясно сознательного мышления и вместе с тем орган преапперцепции. Затушеванность центра *A* штрихами в фиг. 1, 2, 5 и 6 показывает, что чувственный образ в этих случаях имеет, в момент преапперцепции восприятия, характер объективности. В частности, фигуры служат выражением сдедующего:

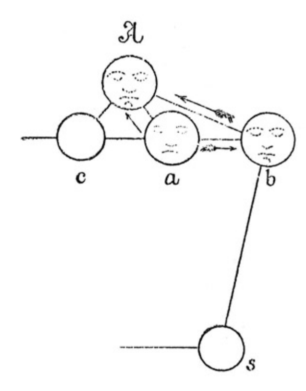
Фиг. 1. *Простая или первичная галлюцинация* (которая может иметь место одновременно и рядом с объективными восприятиями). Возбуждение имеет исходной точкой субкортикальный центр *s*, возбудимость которого в данном случае болезненно усилена; в силу закона центрипетального (по отношению к корковым центрам) проведения возбуждения в кортикальном чувственном центре *b* (возбудимость которого здесь тоже повы-

5. Сноподобная галлюцинація.

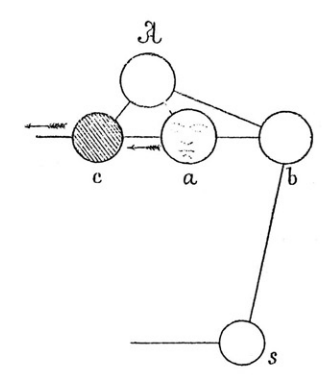

6. Сновидѣніе.

7. Псевдогалл. въ собств. смыслѣ слова.

(Второй способъ).

8. Насильственное говореніе.

шена) возникает чувственный образ; последний, преапперципируясь в центре *A*, будет иметь (в силу того, что в явлении участвует субкортикальный центр *s*) в сознании характер объективности.

Фиг. 2. *Акт объективного чувственного восприятия*. Внешнее впечатление, подействовав на периферический орган чувства, перципируется в субкортикальном чувственном центре *s*, апперципируется в кортикальном чувственном центре *b* и преапперципируется (разумеется, с характером объективности) в центре *A*.

Фиг. 3. *Псевдогаллюцинация в собственном смысле слова* (первый способ). В состоянии возвышенной возбудимости находится кортикальный чувственный центр *b*, в котором под влиянием внутреннего (автоматического) раздражения и возникает весьма живой (псевдогаллюцинаторный) чув-

ственный образ, преапперципирующийся в центре *A*, однако без характера объективности, потому что восприятие внешних впечатлений в данном случае не прекращено.

Фиг. 4. *Акт чувственного воспоминания*, где исходной точкой возбуждения служит центр абстрактного (бессознательного, а равно и сознательного) представления *a*. Вместо того, чтобы прямо направиться к органу преапперцепции *A* (в этом случае получилось бы нечувственное, абстрактное или схематическое воспоминание), возбуждение передается в кортикальный чувственный центр, где возникает субъективный чувственный образ, преапперципирующийся обычным порядком в центре *A*.

Фиг. 5. *Сноподобная галлюцинация*. Кортикальные центры *a* и *b* находятся в состоянии болезненно повышенной возбудимости; субкортикальный центр *s* почти или совсем бездействует; восприятие внешних впечатлений центром *b* почти или совсем прекращено. Исходной точкой процесса является бессознательное (иногда, однако, и сознательное) представление, родившееся в центре *a*; оно вызывает в кортикальном чувственном центре *b*, возбудимость которого тоже болезненно усилена, живую чувственную картину; последняя в органе преапперцепции *A* (деятельность его против нормы понижена, так что возможна лишь пассивная преапперцепция), вследствие невозможности сравнения ее репродуцированной объективности с действительной объективностью непосредственных восприятий, получает для сознания значение, равное со значением заменяемых здесь ею действительных восприятий.

Фиг. 6. *Сновидение*. Субкортикальные центры почти совсем бездействуют, восприятие внешних впечатлений почти совсем прекращено (то, что урывками еще доходит до кортикального центра *b*, метаморфозируется здесь, ассоциируясь с субъективно возникшими образами сновидения, и таким образом утрачивает свой характер объективности). Точкой исхода для возбуждения здесь служит если не прямо центр *b*, то центр абстрактного (сознательного или полусознательного) мышления *a*, вследствие чего в центре возникает чувственная картина; последняя преапперципируется в центре *A*, деятельность которого стоит ниже нормы (пассивная преапперцепция) и вследствие отсутствия в сознании действительной объективности непосредственных восприятий своей репродуцированной объективностью заменяет первую.

Фиг. 7. *Псевдогаллюцинация в собственном смысле слова* (второй способ, соответственный акту чувственного воспоминания на фиг. 4). Кортикальные центры *a* и *b* находятся в состоянии болезненно усиленной возбудимости. Бессознательная (иногда, впрочем, и сознательная) абстрактная идея вызывает в возбужденном центре более или менее соответственное и весьма живое (псевдогаллюцинаторное) чувственное представление, которое и преапперципируется в центре *A* (однако без характера объективности,

потому что восприятие внешних впечатлений в данном случае не прекращено).

Фиг. 8. *Насильственное говорение* (действительное и внутреннее). В состоянии болезненного раздражения находятся двигательный кортикальный центр речи *c* и центр абстрактного представления *a*. Исходной точкой действительного возбуждения здесь служит центр абстрактного представления *a* (второй способ); вместо того, чтобы, как на фиг. 7, передаться кортикальному чувственному центру *b*, это возбуждение рефлектируется на двигательный кортикальный центр *c*, в результате чего получается или действительное непроизвольное говорение, или лишь насильственный импульс к говорению (внутреннее говорение вследствие насильственной иннервации органа речи). При первом способе исходной точкой процесса является прямо двигательный кортикальный центр *c*, автоматически приходящий в действие.

ПРИМЕЧАНИЯ А.В. СНЕЖНЕВСКОГО К ИЗДАНИЮ 1952 ГОДА[135]

1. Гаген (1814–1888) — немецкий психиатр. Автор исследования по общей психопатологии «К теории галлюцинации» (1868). Его ошибки, как в области теории галлюцинаций, так и их описания, определения и классификации впервые с исчерпывающей полнотой были вскрыты В.Х. Кандинским.

2. Эскироль (1772–1840) — известный французский психиатр, автор сочинения «О душевных болезнях», оказавшего влияние на развитие психиатрии. В области учения о галлюцинациях Эскироль с позиций рационалистической теории познания объединял их с бредом. Эта ошибка была вскрыта В.Х. Кандинским.

Учениками Эскироля были Вуазен, Кальмейль, Байарже, Бриер де Буамон, Моро, Леце и др., с которыми, ссылаясь на их отдельные работы в области психопатологии, В.Х. Кандинский постоянно полемизировал.

3. Мейер Людвиг (1827–1900) — немецкий психиатр, последователь Гризингера. Галлюцинации он расценивал как фантастические представления; ошибочность его взгляда и была доказана В.Х. Кандинским.

4. Зандер (1838–1922) — немецкий психиатр, создатель реакционного учения о прирожденной паранойе-сумасшествии как развитии характера. Его ошибки в области учения о галлюцинациях были вскрыты В.Х. Кандинским.

5. Миша́ — французский психиатр середины XIX века.

[135] Опущены примечания, посвященные удалению фрагментов текста в издании 1952 года.

6. Эммингауз (1845–1904) — немецкий психиатр, занимавший некоторое время кафедру психиатрии в России (Дерпте). Автор курса «Общая психопатология» (1878), монографии «О детских психозах».

7. Балль — французский психиатр второй половины XIX века, автор распространенного в свое время курса лекций по психиатрии, редактор международного руководства по психиатрии, в котором принимал участие В. М. Бехтерев.

8. Мюллер Иоганн (1801–1858) — физиолог, профессор Берлинского университета, автор ряда исследований в области физиологии органов чувств. По своим воззрениям дуалист и субъективный идеалист. Одним из его учеников был Гельмгольц. В. Х. Кандинский приводил его описания зрительных галлюцинаторных явлений для установления отличий их от псевдогаллюцинаций.

9. Фехнер (1801–1887) — психолог, известный измерением интенсивности ощущений (психологический закон Вебера—Фехнера), основатель так называемой психофизики. По своему мировоззрению представитель психофизического параллелизма. В. Х. Кандинский пользовался его термином «рецептивность» в смысле восприятия.

10. Перечисленные средства, подобно брому и кофеину, первоначально применявшимся И. П. Павловым также только в качестве экспериментальных, должны были бы использоваться и для терапии. В связи с этим интересно отметить предложение лечить шизофрению большими дозами хинина (см. Канторович Н. В. Опыт применения хинина для лечения шизофрении // Сборник невропсихиатрических работ, посвященный юбилею Р. Я. Голант. 1940. С. 571).

11. Генле — немецкий психиатр, профессор. В 1873 г. к нему в клинику приезжал И. П. Мержеевский.

12. Морель (1809–1872) — французский психиатр, ученик Эскироля, создатель реакционной теории психического вырождения (дегенерации). С этих реакционных позиций им были описаны раннее слабоумие, скрытая эпилепсия (трактат о душевных болезнях, трактат о вырождении).

13. Мори Альфред (1817–1892)—.французский писатель, профессор истории и этики, директор национального архива, отличался прогрессивными взглядами, подвергался нападкам католического духовенства. В. Х. Кандинский ссылался на его самонаблюдения, опубликованные в монографии «Сон и сновидения» (последнее издание вышло в 1877 г.).

14. Марк — французский психиатр первой половины XIX века, автор учебника о душевных болезнях, судебно-психиатрического руководства. Один из предшественников реакционной теории наследственности Мореля.

15. Шамбар — французский психиатр второй половины XIX века.

16. Милль Джон Стюарт (1806–1873) — английский философ, экономист, политический деятель. Один из создателей индуктивной логики.

17. П. И. Ковалевский (родился в 1850 г.) — профессор психиатрии Харьковского, Варшавского, Казанского университетов. Автор руководства по психиатрии, судебной психопатологии, ряда монографий, основатель первого в России психиатрического журнала «Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии» (1883).

18. Гризингер (1817–1868) — известный немецкий психиатр, автор руководства «Патология и терапия психических болезней» (изд. 1-е, 1845; 2-е, 1867). В России И. Е. Дядьковским, В. Ф. Саблером, П. П. Малиновским, А. Н. Пушкаревым психические болезни значительно раньше и прогрессивнее Гризингера трактовались как болезни всего организма с преимущественным поражением мозга. В. Х. Кандинский подверг критике его теорию галлюцинаций.

19. Горвиц — немецкий психолог второй половины XIX века. В. Х. Кандинский в качестве иллюстрации своих положений приводил часть его наблюдений.

20. Марсе — французский психиатр середины XIX века, автор учебника по психиатрии, статей о прогрессивном параличе, старческом слабоумии. Занимался анатомическими исследованиями психозов.

21. Кёппе (1838–1879) — немецкий психиатр, устроитель первой немецкой психиатрической колонии Альт-Шеобиц.

22. Шюле (1840–1916) — немецкий психиатр, автор распространенного учебника психиатрии. Пропагандист идей вырождения Мореля, последовательный представитель эмпирического направления в психиатрии. В. Х. Кандинский опроверг его теорию происхождения галлюцинаций.

23. Кальбаум (1828–1899) — практический немецкий врач-психиатр. Его исследование кататонии получило широкую известность. Один из представителей нозологического направления в психиатрии. Однако его классификация психических болезней была создана не на основе тщательного изучения клиники психозов в их естественной форме, как этого требовали В. Х. Кандинский и С. С. Корсаков, а умозрительно, вследствие чего она не получила распространения. Многие из его психопатологических исследований были опровергнуты В. Х. Кандинским.

24. Крафт-Эбинг (1840–1902) — немецкий психиатр, в последние годы жизни профессор кафедры психиатрии в Вене. Автор распространенного учебника психиатрии, судебной психопатологии, монографии «Половые психопаты». Пропагандист идей дегенерации, вырождения как следствия цивилизации. В области психиатрии — представитель эмпирического направления. В. Х. Кандинский подверг критике его теорию происхождения галлюцинаций.

25. Лейдесдорф — венский профессор-психиатр, известный работами в области морфинизма (1876).

26. Вундт (1832–1920)— немецкий физиолог, психолог, философ. Автор трудов: «Основы физиологической психологии», «Введение в философию»,

«Психология народов» и т.д. Представитель идеализма в философии и психофизического параллелизма в психологии на основе волюнтаристической метафизики, признающей волю за сущность мира. Ошибочность его теории происхождения галлюцинаций была вскрыта В.Х. Кандинским.

27. Лехнер — австрийский психиатр, представитель психоморфологического направления. Данные его исследований галлюцинации подверглись критике В.Х. Кандинским.

28. Шредер ван дер Кольк (1797–1862) — нидерландский профессор-анатом, физиолог и психиатр. Автор руководства по психиатрии, один из ранних исследователей анатомии психических заболеваний.

29. Луис — французский психиатр второй половины XIX века, автор руководства по психиатрии. 'Представитель психоморфологического направления во Франции, утверждавший, что органический субстрат характера пребывает в базальных узлах основания головного мозга и находится под постоянным тонизирующим влиянием мозжечка.

30. Мейнерт (1833–1892)— венский профессор-психиатр, последователь Рокитанского и Вирхова, один из основателей психоморфологического направления в психиатрии.

31. Тамбурини — психиатр, представитель психоморфологического направления в Италии. Его теория сущности и происхождения галлюцинаций подвергались уничтожающей критике В.Х. Кандинского.

32. Ландуа — немецкий физиолог, автор распространенного курса физиологии. Впервые это руководство на русский язык было переведено В.Х. Кандинским.

33. Гоббс (1588–1679)— английский философ, материализм его — механистический. Движение Гоббс понимал как перемену места, пространство — как воображаемый образ существующего вне нас тела определенной величины, время — как «образ движения». В теории познания он исходил из ощущения, в связи с чем В.Х. Кандинский и привел выражение Гоббса: «Нет ничего в интеллекте, что первично не существовало бы в ощущении».

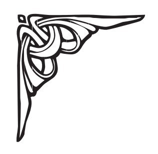
34. И.Р. Пастернацкий — приват-доцент, петербургский психиатр, ученик И.П. Мержеевского. Автор клинических исследований и истории развития психиатрической помощи в России. На I съезде отечественных психиатров он представил доклад «К вопросу о домах умалишенных в России», в котором доказал, что организация психиатрической помощи в России с самого начала преследовала лечебные цели, в то время как за рубежом даже в 1845 г. «…не было лечебниц, а были лишь места, куда помещались больные для ограждения от них общества».

35. С.Н. Данилло, приват-доцент — петербургский психиатр, ученик И.П. Мержеевского, один из первых основателей отечественной детской психиатрии.

36. Шарко (1825–1893) — французский невропатолог, автор психогенной теории истерии и многочисленных неврологических исследований.

37. Гальтон (1822–1916) — английский антрополог, автор реакционной теории биологического усовершенствования человеческого рода, ему принадлежит введение термина «евгеника».

38. Явления идеаторного психического автоматизма В. Х. Кандинский неоднократно называл насильственными представлениями, отличая их этим самым от навязчивых явлений (последний термин предложен И. М. Балинским). Следуя В. Х. Кандинскому, имеются все основания вместо тенденциозного, громоздкого обозначения — идеаторный психический автоматизм, сензорный психический автоматизм — пользоваться терминологией В. Х. Кандинского — насильственное мышление, насильственное чувствование, насильственные действия.

К вопросу о невменяемости

Печатается по изданию:
Кандинский В. Х. К вопросу о невменяемости. —
М.: Изд. Е. К. Кандинской, 1890. — 230 с.

Фрагмент работы «Случай сомнительного душевного состояния перед судом присяжных (Дело девицы Губаревой)» печатается по изданию: Кандинский В. Х. Случай сомнительного душевного состояния перед судом присяжных [Дело девицы Губаревой] // Архив психиатрии, нейрологии и судебной психопатологии. — 1883. — Т. 2 — № 2. — С. 1–70

КЪ ВОПРОСУ

О НЕВМѢНЯЕМОСТИ

В. Х. Кандинскій

СТАРШІЙ ОРДИНАТОРЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГОРОДСКОЙ БОЛЬНИЦЫ СВ. НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА, ЧЛЕНЪ ОБЩЕСТВА ПСИХІАТРОВЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, ЧЛЕНЪ МОСКОВСКАГО МЕДИЦИНСКАГО И МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

»Magna est veritas et praevalebit«.

Изданіе Е. К. Кандинской.

МОСКВА
Складъ изданія
въ книжномъ магазинѣ А. А. Ланга
Кузнецкій Мостъ 15
1890

Magna est veritas et praevalebit[1]

ОТ ИЗДАТЕЛЬНИЦЫ

В течение двух лет В. Х. Кандинский готовился к большой работе о свободе воли. В бумагах его сохранилось много отрывков и заметок, но только он сам мог бы их обработать и привести в стройное целое. Остался и общий план работы. «Мой труд, — говорит В. Х. Кандинский в своем введении, — имея заглавием: „О свободе воли (медико-философское исследование)“, распадается на три части. Первая часть „Учение о свободе действования“ по свойству предмета носит характер исследования философско-психологического; вторая часть „Учение об ответственности“ трактует о вопросах, относящихся к области индивидуальной и общественной этики; третья часть „Учение о вменении и о состояниях невменяемости“ применяет принципы, добытые предыдущими исследованиями, к практике судебной, имеет главным содержанием своим чисто практические вопросы судебной психопатологии. Тесная взаимная связь всех вопросов, о которых трактуется в этом литературном труде, для всякого очевидна. Я придаю особенное значение рассмотрению всех этих вопросов в непосредственной связи одного с другим; спокойствие, последовательность и уверенность действования в области столь трудной и налагающей на действователя ответственность столь серьезную, как деятельность медико-судебная, возможны лишь при твердости принципиальной почвы. В стройном миросозерцании нет места прорехам, и цепь умозаключений, имея точкою исхода конкретные факты опыта, должна, не прерываясь, восходить до высших обобщений нашей мысли». В числе материалов, относящихся к третьей части, т. е. к учению о вменении и о состояниях невменяемости, упомянуты как судебно-медицинские заключения из практики В. Х. Кандинского, так и его докладная записка о необходимости психологического критерия невменяемости в статье об условиях вменения. Так как всей работе не суждено быть доконченной, то я сочла своим долгом напечатать, по крайней мере, ту часть материалов, которая сама по себе имеет известный интерес и представляет нечто вполне законченное, причем от себя я вставила только некоторые необходимые объяснения и примечания. Каждое из медицинских заключений может служить наглядным примером применения к практике усвоенных В. Х. Кандинским принципиальных взглядов; в них видно, как терпеливо и упорно он добивался истины и как настойчиво он держался своих убеждений, хотя бы при этом и встречал иногда, по-видимому, непреодоли-

---

[1] Велика истина, и она восторжествует.

мые препятствия. Он неоднократно повторял в таких случаях: «Magna est veritas et praevalebit», — слова, которые поэтому и взяты эпиграфом к настоящей книге.

Е. К.
С.-Петербург, 23 марта 1890

I. К ВОПРОСУ О ФОРМУЛИРОВАНИИ В НОВОМ УЛОЖЕНИИ О НАКАЗАНИЯХ СТАТЬИ ОБ УСЛОВИЯХ ВМЕНЕНИЯ

1883

Предлагаемое вниманию читателей «Особое мнение», читанное доктором В. Х. Кандинским в заседании Общества психиатров в С.-Петербурге 18-го февраля 1883 г., не вошло в свое время в протоколы Общества частью по своему размеру, частью, может быть, и по каким-нибудь другим соображениям; не вошло оно также и в «Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии», несмотря на то, что по мнению д-ра А. Е. Черемшанского, бывшего тогда секретарем Общества, «обсуждение редакции 36-й статьи составляло видное событие в жизни психиатрического и юридического обществ в С.-Петербурге», так что нелишне «занести было сведение об этом событии в страницы „Вестника Психиатрии“». (*Черемшанский А. Е.* Неспособность ко вменению перед судом психиатров и юристов // Вестн. Псих. Г. первый, вып. I). При несколько запоздалом появлении «Особого мнения» в печати в настоящее время необходимо указать, по какому поводу и при каких обстоятельствах оно было написано. Для этого позволяю себе привести выдержки из Отдела критики и библиографии «Вестника судебной медицины» (Т. IV, отд. V, стр. 1 и сл.), где это изложено с достаточною подробностью. А именно, д-р Л. Ф. Рагозин, разбирая только что упомянутую статью д-ра А. Е. Черемшанского, говорит между прочим следующее:

«Суть всего дела, как известно, в том, что статья 36-я проекта нового уложения о наказаниях, касающаяся вопроса о „невменяемости при ненормальном умственном состоянии подсудимого“ предложена была, по инициативе председателя уголовного отделения Юридического общества, на обсуждение Общества психиатров в С.-Петербурге. Последнее, посвятив три заседания обсуждению редакции помянутой статьи, большинством голосов признало ее неудовлетворительной, так как юристы желали ввести в статью закона и психологический критерий умственного расстройства, тогда как по мнению, санкционированному большинством членов Общ. псих., немыслимо даже придумать такой критерий, который бы обнимал собою всевозможные виды ненормальности психической деятельности,

не говоря уже о том, что наука не должна быть стеснена какими бы то ни было рамками. Меньшинство в психиатрическом обществе, в числе 4–5 человек, стояли на необходимости введения в статью закона психологического критерия, или вообще формулировки того основного положения, в силу которого человек с ненормальной психической деятельностью не должен подлежать ответственности за действия, так или иначе связанные с этой ненормальностью. Психиатры не решили спора между собою и перенесли его в заседания Юридического общества, где после двух заседаний вопрос по большинству голосов был решен в смысле меньшинства Общ. псих. Понятно, что в течение пяти заседаний было высказано немало чрезвычайно разнообразных доводов pro и contra, общее обозрение которых и разбор могли бы, конечно, дать материал для весьма интересной работы касательно принципиальных основ судебно-медицинской экспертизы в делах, где возбужден вопрос о вменяемости». Далее в том же разборе мы читаем: «доводы д-ра Кандинского в защиту психологического критерия неспособности ко вменению являются в следующей форме: „Основываясь главным образом, — говорит г. Черемшанский, — на том, что если в законе имеется полное определение понятия «невменяемость», то указания на отдельные причины неспособности к вменению становятся излишними, член Общ. псих. В. Х. Кандинский, один из защитников психологического критерия невменяемости, предложил такую формулировку 36-й статьи: (Формулировка приведена в конце «Особого мнения» стр.)». «Прежде всего, необходимо пояснить, — говорит далее д-р Рагозин, — что д-р Кандинский вовсе не прямо выступил с собственным проектом, „основываясь главным образом“… и т. д., а сначала ограничился защитою редакции 36-й статьи в том виде, какова изложена в проекте редакционной комиссии. Затем уже, в подробной объяснительной записке, читанной в заседании Общ. псих., д-р Кандинский, после того, как им был выставлен целый ряд доводов (часть которых приведена ниже) для показания необходимости психологического критерия невменяемости или, по его выражению, — выставления в законе общего определения понятия о неспособности ко вменению, и заключив свой доклад тем, что статья 36-я потеряет, по его мнению, определенный смысл, если оставить в ней только краткий перечень отдельных причин невменяемости, выключив психологический критерий, представил свою формулировку как наглядное выражение того, что психологический критерий есть на самом деле существеннейшая часть 36-й статьи, от которой зависит весь ее смысл и которая собственно может занять собою всю статью, так как скорее может быть опущен без всякого ущерба для дела перечень отдельных причин невменяемости…» «Наконец, — прибавляет д-р Рагозин, — и в той части своей статьи, которую г. Черемшанский начинает обещанием „изложить доводы защитников критерия“, он не дает никакого представления об аргументации г. Кандинского и довольствуется голословными утверждения-

ми вроде того, что „где экспертами бывают специалисты по психиатрии, взаимное понимание между ними, судьями и присяжными обыкновенно устанавливается легко“. Насколько оно действительно, между прочим, устанавливается легко, показала как нельзя лучше сама же история обсуждения 36-й статьи проекта нового уложения».

Из вышеприведенного нетрудно заметить, что объяснительная записка д-ра В. Х. Кандинского, одного из самых пламенных защитников психологического критерия, была им написана в самый разгар довольно бурных прений по вопросам об редакции 36-й статьи, чем и объясняется ее, может быть, слишком горячий, полемический тон. Теперь, спустя шесть лет, когда волнение давно улеглось, но сам вопрос еще не вполне закончен, я считаю возможным напечатать «Особое мнение» сполна, без изменений, так как в нем в сжатой форме изложены те взгляды В. Х. Кандинского на судебно-психиатрическую экспертизу и роль эксперта-психиатра, которые он постоянно и неуклонно проводил в теории и на практике.

Издательница Е. К.
12-го января 1890 г.

В общество психиатров в С.-Петербурге

Действительного члена этого общества врача В. Х. Кандинского

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

В прошлое заседание Общества при обсуждении редакции 36 ст. проектированного Уложения о наказаниях громадное большинство присутствовавших членов общества, путем баллотировки обсуждаемого вопроса, поставило такого рода резолюцию: «Не только не нужно, но даже и прямо неудобно устанавливать в законе общий критерий или общее определение невменяемости. Следует ограничиться лишь указанием в самых общих и широких пределах ее отдельных причин» [2].

К этой резолюции Общества я положительно не могу присоединиться и притом по многим основаниям.

Общие определения необходимы для вполне отчетливого понимания дела. Удобство общих определений (разумеется, если они верно сделаны) в том и состоит, что, поняв их, мы понимаем в частности все конкретные случаи, этими определениями обнимаемые.

---

[2] В заседании 12-го февраля на поставленный г. председателем в заключение прений вопрос, можно ли считать вообще необходимым психологический критерий невменяемости в статье Уложения, в которой говорится о ненормальных душевных состояниях, и если необходим, то удовлетворяет ли научным требованиям критерий, даваемый 36-ю статьею, из 22 присутствовавших членов 20 высказалось отрицательно (Проток. засед. Общ. псих. в СПб., 1883 г., стр. 16). — *Примеч. издат.*

Понятия могут быть составлены верно и неверно. Общие определения, т. е. словесные выражения понятий, независимо от верности или неверности самих понятий, могут быть точными и неточными.

В вопросе о невменяемости прежде всего важно *определение самого понятия* «невменяемости или способности ко вменению». И, разумеется, для судебно-медицинской практики будет всего лучше, если как врачи, так и юристы остановятся на *одном* общем определении понятия о невменении, на одном общем критерии невменяемости. Такой общий критерий и должен, так сказать, составлять общую почву для врачей и юристов, почву, на которой могли бы сходиться эксперты и судьи при оценке значения отдельных причин, влиявших на душевную деятельность в том или другом конкретном судебном случае. Без такой общей почвы, как я прямо утверждаю, не может быть и речи о взаимопонимании между врачами и юристами, а при отсутствии такого взаимного понимания врач-эксперт, призванный в суд дать свое заключение о психическом состоянии обвиняемого, разумеется, не будет иметь возможности согласовать принципы и взгляды современной психиатрии с требованиями уголовного закона. Однако из сказанного здесь в прошлое заседание как будто бы выходит, что по мнению большинства членов этого Общества, врач, высказывающий в суде принципы современной психиатрии, и не должен заботиться о согласовании этих принципов с требованиями уголовного закона, а должен вполне предоставить заботу о таком согласовании юристам. К сожалению, юристы, наоборот, думают, что такое согласование принадлежит к функции *экспертов*, а что юристы возлагают на нас именно такого рода, может быть, в самом деле, слишком большие надежды, явствует для меня, прежде всего, из напечатанного на стр. 108 объяснения к проекту редакционной комиссии. Да, должно быть, и Медицинский департамент полагает, что согласование научных медицинских принципов с требованиями закона есть дело *врачей*, иначе он обязывал бы врачей употреблять в судебно-медицинских актах для определения ненормальностей умственного состояния исследуемых лиц выражения, усвоенные законом для таких случаев, — «дабы, — как говорит циркуляр, — не затруднять судебных мест в применении закона». Но чтобы не затруднять судей в применении закона, мы, врачи, необходимо должны понимать выражения, законом усвоенные, одинаково с юристами; иначе нам не трудно впасть и в прямое противоречие с этими требованиями. Если мы не хотим заботиться о согласовании наших психиатрических воззрений, высказываемых нами, напр., на суде, с требованиями закона, то мы можем быть на суде только свидетелями, а не экспертами. Свидетель сообщает лишь факты, *свидетель-врач*, значит, может (потому что и *должен*) ограничиться медицинскими фактами. *Эксперт* же — умозаключает, и цель его умозаключений должна привести судью к правильному применению закона в данном случае. Вот почему профессор Фойницкий в своих лекциях уго-

ловного судопроизводства называет экспертов «*помощниками суда*». Итак, неужели мы не хотим нести ту высокую функцию, которая предоставлена нам Уставом уголовного судопроизводства?..

В прошлый раз был возбужден вопрос: *согласимы ли вообще наши научные специально-психиатрические взгляды с требованиями уголовного закона*, согласимы ли они с современными принципами уголовного права? — Да отчего же тут не будет согласимости? Ведь мы, психиатры, не вздумаем же отрицать всю научную психологию, из представителей которой мне достаточно лишь назвать имена Джемса и Джона Миллей, Бэна, Спенсера, Вундта, Горвица, Джорджа Генриха Льюиса. Учение о воле, разумеется, не в смысле спиритуалистическом, а в смысле психологическом, прекрасно излагается у физиологов, напр. у Джорджа Льюиса, у Вильгельма Вундта в его переведенной мною на русский язык «Физиологической психологии», излагается также в таких сочинениях как «Le Cerveau» парижского невролога Льюиса и в недавно вышедшем анатомо-физиологическом сочинении Чарльтона Бастиана «Le Cerveau et la pensée».

Поэтому, сославшись, на эти труды, я считаю излишним (да и не имею времени) развивать здесь психологическое учение о воле и ее — разумеется, условной — свободе. Но, может быть, юристы вообще, и составители уголовных уложений в частности, все еще в своих понятиях о воле стоят на почве «метафизики»? Ничуть не бывало; кто утверждает это, тот не только никогда не брал в руки, напр., хоть курса русского уголовного права профессора Таганцева, но и не вслушался в читавшиеся здесь в прошлое заседание объяснения редакционной комиссии, по которым прямо видно, что в вопросе о свободе действования члены редакционной комиссии стояли вполне на научно-психологической почве, воспользовались выводом, одинаково общим учению эмпирической и физиологической психологических школ и потому, что, разумеется, не должно казаться удивительным, выразили в сущности то же самое, что стоит у Крафт-Эббинга в общей части его судебной психопатологии.

Прежде чем оставлю эту сторону дела, скажу следующее. Неосновательность высказанного (д-ром М. П. Л-вым) в прошлый раз утверждения, что все уложения до сих пор строятся на спиритуалистическом принципе абсолютно свободной воли, принципе, нарушающем всеобщность закона причинности, — неосновательность этого утверждения видна будет для всякого, кто взглянет лишь на обертку нашего действующего уложения; в самом деле, там напечатано: «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». Значит, бывают наказания *исправительные*. Но тот, кто хочет путем наказания исправлять злую волю, уже этим самым отрицает абсолютную свободу воли и, напротив, утверждает, что внешние факторы (как напр., наказание) могут отражаться на воле определяющим и изменяющим образом. А что такое значит *уголовные* наказания, и на что они рассчитаны?

Они рассчитаны на то, что страх поплатиться за преступное деяние повлияет определяющим образом на волю человека, умышляющего такое деяние, и он удержится от приведения своего умысла в исполнение. Устрашающее значение наказаний, на которое закон тоже рассчитывает, опять-таки показывает, что уложения о наказаниях строятся не на принципе абсолютной свободы воли, а, напротив, на принципе ее определяемости внешними факторами, на принципе *детерминистическом*, совершенно противоположном индетерминистическому учению спиритуалистов.

Итак, мое первое положение таково: *установка в законе общего определения понятия о невменяемости необходима* для возможности взаимного понимания между врачами-психиатрами, с одной стороны, и юристами, в частности судьями, с другой. Без такого взаимного понимания правильное решение тех уголовных дел, где возбужден вопрос о присутствии или отсутствии в данном случае способности ко вменению, едва ли возможно.

Хорошо ли формулирован редакционной комиссией общий критерий вменяемости, или недостаточно хорошо — это я совершенно оставлю пока без обсуждения. Точно также, для меня совершенно побочен вопрос: на месте ли поставлен этот критерий в проекте закона, не выгоднее ли по практическим соображениям образовать из общего определения понятия о невменяемости отдельную статью закона? Теперь я буду обсуждать только следующий вопрос, нужен ли собственно для нас, для самих врачей, общий критерий невменяемости, другими словами, нужно ли нам или нет общее определение понятия о неспособности ко вменению.

Я раньше указал уже значение общих определений; они обнимают собой все возможные отдельные конкретные случаи данного рода именно потому, что раз из известного, достаточно большого количества однородных фактов правильно составлено общее понятие по методу индукции, из этого общего понятия все остальные факты того же рода, хотя бы число их было также неизмеримо велико, как число звезд на небе, выводятся путем дедукции, путем силлогизма, а дедукция, как известно, есть математический метод, единственно благодаря которому математика и представляет абсолютную точность.

Только при одном, но зато, к сожалению, неосуществимом условии можно было бы отбросить общий критерий невменяемости или общее определение понятия о невменяемости, а именно, если бы была возможность *полностью* перечислить в законе все (без исключения) отдельные конкретные случаи такого рода, где преступление не должно быть вменяемо в вину. Но хотеть этого — все равно, что хотеть пересчитать все звезды. Однако попробуем окинуть беглым взглядом эти случаи, перебирая их, разумеется, не единицами, а произвольно захваченными массами, т. е. будем перебирать, насколько это возможно, отдельные причины невменяемости. Я сделаю этот обзор по курсу уголовного права проф. Таганцева.

Группа А. Способность ко вменению еще не развилась в действующем субъекте. Сюда принадлежат: 1. Малолетство. 2. Прирожденное или с младенческих лет приобретенное безумие или полный идиотизм. (Идиотизм неполный или слабоумие сюда поставлено быть не может, раз мы решаем отбросить всякую мерку, которая могла бы служить при ориентировании в *степенях* слабоумия, а высшая степень слабоумия, простая глупость, как само собой разумеется, не может быть причиной невменяемости, ибо иначе уж чересчур много окажется людей, для которых закон не писан; при этом напомню, что без критерия невозможно определить, где кончается идиот полный, а начинается идиот неполный или имбециллик.) Затем у Таганцева идет рубрика глухонемота, и затем — неразвитость, происходящая от вредно действующих условий воспитания; далее, состояние дикости и суеверного невежества и т. п. Ясно, что *здесь везде важен вопрос о степени* недостаточности умственных способностей.

Группа В. Группа обстоятельств, уничтожающих приобретенную способность ко вменению: Отдел I. Ненормальные, но и прямо не болезненные состояния организма, как то: опьянение, голод, аффекты и страсти, сонные состояния, лунатизм и просонки; далее — одряхление; одурение от наркотических средств. Отдел II. Болезненные состояния организма, влияющие на душевную деятельность. Разные расстройства душевной деятельности, связанные с периодом полового созревания, с менструацией, с беременностью, с родами, с постродовым состоянием, с переходом в климактерический период. Далее, горячечные состояния; известные нервные болезни, ведущие к расстройству душевной деятельности (истерика и эпилепсия); галлюцинации и иллюзии, и только, наконец, Отдел III — душевные болезни в тесном смысле этого слова. т. е. куда можно отнести лишь строго определенные клинические формы душевного расстройства или, по крайней мере, хорошо определившиеся симптоматологические комплексы. (Замечу мимоходом, что раз откинут критерий вменяемости, раз определенная мерка отсутствует, требуется официально указанная классификация или номенклатура душевных болезней; оставленный без всякой общей мерки, я сочту необходимым точно осведомиться о числе тех форм душевного расстройства, которые я обязательно принужден буду считать формами определенными.) Итак, если считать причины невменяемости даже только по группам (группы эти Таганцевым захвачены совершенно произвольно, да иначе он и не мог сделать), то и тогда перечень выходит довольно длинный. Да если бы и было возможно поставить в законе полный перечень всех тех состояний, которые уничтожают или могут, при известных условиях, уничтожать вменяемость, это решительно ни к чему бы не повело: почти во всех этих состояниях возможны разные степени, а если я лишен буду всякого общего критерия, то как я буду определять степени?

Итак, мое второе положение: *перечень отдельных частных причин невменяемости практически ни мало не поможет делу определения способности ко вменению в каждом конкретном случае, если в самом перечне причин не будет законом указана та степень, с которой действие каждой данной причины должно считаться обстоятельством, уничтожающим способность ко вменению*.

Теперь изберем другой путь: вместо того, чтобы стремиться к невозможному, вместо того, чтобы хотеть перечисления в законе всех отдельных специальных форм душевных недостатков и страданий, поставим в законе лишь один общий критерий невменяемости, общее ее определение, которое, разумеется, и *должно совместить в себе, как в фокусе*, все возможные конкретные случаи этого рода. Для людей, привыкших оперировать с обобщениями, этим *будет дано все, что для дела требуется*. Но к общему определению невменяемости комиссия, разумеется, имея в виду то, что не все умеют обращаться с общими формулами, одним словом, имея в виду публику и присяжных, присоединила, как она говорит, «общую и широкую обрисовку причин невменяемости». Утвердив критерий, она, разумеется, имела право ограничиться для причин обрисовкой общей и широкой, потому что *имела право совершенно опустить* всякую обрисовку причин. Во всяком случае, относительно 36 ст. нового уложения, в том ее полном виде, в каком она напечатана в проекте редакционной комиссии, я по существу дела ничего не имею сказать.

Но совсем другой смысл получит для меня редакция 36-й статьи, если изменить ее таким образом, что, выкинув общий критерий невменяемости, т. е. выкинув именно ту часть статьи, в которой заключается весь смысл ее, оставить на месте лишь аксессуары. После обработки в прошлом заседании нашего Общества 36 статья уголовного уложения получает приблизительно следующий вид[3].

---

[3] В заседании 12 февраля 1883 г. прочитаны были: 36 статья проектируемой общей части нового уложения о наказаниях и объяснения редакционной комиссии министерства юстиции, в которых подробно излагаются мотивы редакции статьи. Статья в проекте выражена так:

«Не вменяется в вину деяние, учиненное лицом, которое по недостаточности умственных способностей или по болезненному расстройству душевной деятельности, или по бессознательному состоянию не могло во время учинения деяния понимать свойства и значения совершаемого, или руководить своими поступками».

После продолжительных прений доктор А. Е. Черемшанский предложил, со своей стороны, как наиболее целесообразную следующую редакцию 36 статьи: «Не вменяется в вину деяние, учиненное лицом, которое по недостаточности умственных способностей или во время учинения деяния страдало душевной болезнью или кратковременным бессознательным состоянием». Затем следуют пространные оправдательные мотивы предлагаемой редакции (Протокол зас. Общ. Псих. в СПб., 1883 г., стр. 8 и 12, 13, 14).

«Не вменяется в вину деяние по следующим причинам: 1) по недостаточности умственных способностей; 2) по болезненному расстройству душевной деятельности и 3) по бессознательному состоянию».

Только и всего?

Спрашиваю теперь себя, насколько мне будет удобно руководствоваться этою статьею в судебно-медицинской практике, и, положительно, становлюсь в тупик.

Во-первых, *недостаточность умственных способностей как врожденная, так и приобретенная есть вещь относительная*. Относительно самого умного из присутствующих здесь лиц я прямо считаю мои умственные способности недостаточными, но неужели из этого следует, что я должен считать себя постоянно пребывающим в состоянии невменяемости? Такого вопроса я не в состоянии разрешить, если не прибегну к помощи психологического критерия вменяемости, того самого критерия, который вычеркнут из 36-й статьи членами этого Общества в прошлый раз, но который заимствован редакционной комиссией не у «метафизиков», как некоторым (по очевидному недоразумению) показалось, а из *физиологической психологии*, неизбежно составляющей основу для рациональной психиатрии. Впрочем, уже в прошлый раз некоторыми членами было замечено, что для недостаточности умственных способностей необходима мерка, и потому было предложено, в качестве специального критерия недостаточности умственных способностей, сохранить в проекте закона выражение «понимание свойства и значения совершаемого». Но это выражение соответствует лишь *первой половине* психологического критерия свободного действования; если соглашаться, что аршин необходим, то незачем ломать аршин надвое и мерить вещи лишь одной половиною настоящей меры; зачем же исключать «способность руководиться понятым в своих поступках» или, другими словами, «возможность выбора между различными из одновременно представляющихся сознанию мотивов действования»? Я утверждаю, что и *для недостаточности умственных способностей, все равно как и для второй причины невменяемости, т. е. болезненного расстройства душевной деятельности, нужен полный критерий вменяемости, полный критерий свободы волеопределения.*

В следующем заседании 18 февраля В. Х. Кандинский читал особое мнение: «Доказательства необходимости психологического критерия невменяемости» и предложил свою формулировку редакции 36 статьи (см. в конце особого мнения).

После уже прений по окончании чтения приводимого особого мнения д-р М. Н. Нижегородцев предложил следующую редакцию 36 статьи:

«Не вменяется в вину деяние, учиненное лицом, которое во время учинения деяния находилось в состоянии или болезненного недоразвития душевной деятельности, или душевной болезни, или бессознательности» (Проток. зас. Общ. псих. в СПб., 1883 г., стр. 19–20). — *Примеч. издат.*

В прошлый раз приводились *примеры*, приведу и я свой пример. Возьмем человека, страдающего прогрессивным параличом, в самом начале болезни. Положим, что это бывший судебный следователь и что он не настолько успел поглупеть, чтобы забыть, что изнасилование женщины наказывается по закону лишением всех прав состояния и ссылкою в каторжную работу. Тем не менее, в один прекрасный день он совершает преступление, предусмотренное 1525 ст. Ул. о нак. По испытании его в специальном заведении он оказывается больным прогрессивным параличом. Вменение здесь не имеет места, но оно не имеет места не потому, чтобы обвиняемый не мог понимать свойства и значения своего деяния, а именно потому, что он *не мог во время учинения своего деяния руководиться* хорошо ему известной 1525 ст. Уложения; а не мог он руководиться по той причине, что находился в то время в состоянии *маниакального возбуждения*, и только это состояние и исключило у него в момент деяния свободу действования. Свободное действование предполагает встречу в сознании, по крайней мере, хоть двух противоположных мотивов действования, например, хоть представления наслаждения, доставляемого половым актом, и представления о той каре, которой грозит закон за изнасилование.

Не будь этот слабоумный субъект в состоянии маниакального возбуждения, у него при совершенно таких же внешних условиях, может быть, тоже возникло бы намерение совершить акт coitus. Но это первое представление, по законам ассоциации, быстро вызвало бы и другие представления, из тех, которые больной еще не утратил, напр. хоть представление о противозаконности изнасилования, представление о каторжной работе и пр. Произошла бы *борьба между двумя противоположными мотивами*, и победил бы, по всей вероятности, последний мотив. Мы знаем, что при маниакальном возбуждении у паралитиков половое побуждение обыкновенно бывает весьма усиленным. Но всего важнее то обстоятельство, что маниакальные состояния существенно характеризуются *формальным расстройством деятельности представления*, причем правильный ход процесса ассоциирования представлений резко нарушается, а само их движение становится чрезмерно быстрым и беспорядочным; тогда одни из представлений пробегают в сознании, совершенно не апперципируясь, другие же, прежде чем апперципируются (т. е. войдут в фокус сознания или остановят на себе внимание), уже отражаются на двигательной сфере и влекут к действиям. Таким образом, в выставляемом мною примере могло быть *только* следующее. Или представление об акте полового сношения, возникшее у нашего паралитика при виде женщины, имея в основе болезненно усиленное половое побуждение, заняло сознание с такою силою и так всецело, что прямо исключило возможность появления в сознании других представлений, а в особенности таких, которые могли бы составить мотив действования, противоположный первому мотиву; или же эти задерживающие

представления хотя и появились в сознании действующего субъекта, но появились (по причине маниакального состояния больного) не в надлежащий момент, пробежали слишком быстро и по мимолетности своей не могли быть апперципированы: это значит, что из этих сдерживающих представлений, если даже допустить возможность их появления в сознании непосредственно перед моментом действия, у нашего субъекта не могло получиться мотива, способного уравновесить первый мотив. Итак, и при том, и при другом предположении у нашего паралитика не было свободы выбора между мотивами действования, не было в данную минуту «способности руководить поступками», и только потому-то этому субъекту не вменяется в вину его деяние, а вовсе не потому, что я назвал его паралитиком; ведь если бы я захотел, я мог бы назвать его, ну, хоть протагонистом.

Итак, М. гг., одно дело учение о свободе воли у спиритуалистов, и другое дело — учение об условной свободе воли у психологов. Спиритуалистическое понятие о воле исключает всеобщность действия закона причинности; у психологов же свободное действование есть не что иное, как частный случай действия этого закона. Еще раз убедимся, что современные юристы-теоретики ничего не имеют общего с «метафизикою». Один из членов редакционной комиссии, проф. Таганцев, в своем курсе русского уголовного права, Т. I, на стр. 67 говорит: «Действия человека, как добрые, так и злые, полезные и вредные, следовательно, в частности, и преступления, подобно всем мировым явлениям, безусловно подчинены закону причинности. Мы не можем сказать, что известное преступление могло быть или не быть: оно должно было совершиться, как скоро существовала известная сумма причин и условий, его вызвавших». На другой стр. (35) проф. Таганцев выражается так: «Все действия человека, с которыми одними и имеет дело уголовное право, не произвольны, а подчинены общему закону причинности, в силу чего и становится возможною рациональная теория наказания, как специального вида борьбы общества с преступлением». Итак, можно успокоиться, уложения имеют теперь подкладку не метафизическую, а утилитарную. «Свобода воли, — говорит философ Ланге в своей знаменитой «Истории материализма», — свобода воли, как факт субъективного сознания, столь же мало противоречит необходимости как факту объективного исследования, как мало противоречат между собой цветы и музыкальный тон».

Второю причиной невменяемости у нас постановлено «*болезненное* расстройство душевной деятельности». Значит, бывают расстройства душевной деятельности не болезненные? Действительно бывают, например, аффекты. Итак, *неболезненные* расстройства душевной деятельности не должны у нас исключать вменяемость, исключают ее только душевные расстройства *болезненные*. Но тогда требуется определить резко границу между психическим здоровьем и болезнью, а Каспер и Крафт-Эббинг полагают, что *эта граница*

неопределима. Следовательно, оставшись без критерия вменяемости, я в судебно-медицинской практике не буду в состоянии определить, где кончается неболезненное расстройство душевной деятельности и начинается расстройство болезненное. Далее, голод, причиняет ли он болезненное расстройство душевной деятельности или лишь расстройство неболезненное? А поджоги и кражи, сознательно, но в силу внутреннего принуждения, совершаемые иногда беременными женщинами,— это что такое будет? Теперь положим, что мы заменим в законе выражение «болезненное расстройство душевной деятельности» выражением «ненормальные психические состояния», но общего определения понятия невменяемости все-таки не введем, то что из этого выйдет? Выйдет еще хуже. Едва ли кто может сказать, что озлобление, запальчивость, раздражение суть состояния, для человека ненормальные. Далее, прямо скажу, что не все расстройства душевной деятельности, происходящие от болезни, достигают такой степени, что могут исключать вменяемость. Есть болезнь, выражающаяся только в повышенной раздражительности всей нервной системы; эта болезнь прежде называлась Nevrosismus, а в последнее время ее стали называть иначе, Neurasthenia cerebro-spinalis. Значит, и головной мозг здесь замешан, и действительно, Hammond, описывая эту болезнь, говорит: «Здесь более или менее заинтересованы и интеллектуальные способности. Разум (intelligence) обыкновенно остается нетронутым, но память и способность мышления (la réflexion) бывают ослабленными, и потому пригодность к умственным занятиям уменьшается; энергия же и воля *отсутствуют*». Это слова Hammond'a. Итак, встретившись с неврастенией в судебно-медицинской практике и имея в виду лишь психические симптомы болезни, я должен буду сказать: «здесь мы имеем дело с душевным расстройством, в основании которого лежит болезнь всей нервной системы, в том числе и головного мозга»; значит, данный судебно-медицинский случай я должен буду отнести к *болезненному* расстройству душевной деятельности. Но если Neurasthenia cerebro-spinalis *сама по себе* будет исключать вменение, то это уже слишком.

Выражения «бессознательность» для характеристики всех транзиторных душевных расстройств, я, за недостатком времени, пытать уже не буду, а просто скажу, что это выражение недостаточно удобное; однако если в законе стоит верный критерий вменяемости, то и с недостаточно удовлетворительным выражением можно на практике обойтись весьма удобно.

Итак, общий критерий невменяемости, общее психологическое определение понятия о невменяемости для практики судебно-медицинской, на мой взгляд, безусловно необходимо. Остается лишь вопрос, как должен быть выражен этот критерий.

В Германском уголовном кодексе в ст. 51, трактующей о вменяемости, просто употреблено выражение «*freie Willensbestimmung*», свободное воле-

определение. По Германскому уложению преступное деяние становится ненаказуемым, если действующий субъект в момент деяния находился в состоянии, исключающем «свободное волеопределение». Выражение «свободное волеопределение», «*свободный акт воли*» не заключает в себе ничего для меня непонятного. Что такое «воля», я понимаю, во-первых, непосредственно, ибо и сам воли не лишен, во-вторых, понимаю это по науке, дающей такое определение: «воля есть внутренняя, т. е. сознательная деятельность, частью определяющая течение наших внутренних состояний, частью вызывающая соответствующие этим состояниям движения». Оттого-то бывают движения произвольные и непроизвольные. А сама воля определяется ли чем-нибудь? Разумеется, она определяется внешними факторами. Но в сколько-нибудь развитом сознании *возможно одновременное влияние нескольких внешних оснований, определяющих действие*; а если возможна встреча в сознании нескольких мотивов действования, из которых на деле должен осуществиться лишь один, то значит, *позволительно говорить о возможности выбора* между различными мотивами действования. Если этот выбор совершается под влиянием рассудка (т. е. известной внутренней работы, называемой деятельностью мысли), то вот вся наличность тех условий, при которых и можно сказать: деяние совершилось в силу свободного волеопределения.

Итак, термину «свободное волеопределение» можно придать и чисто психологический смысл. Вопрос о «свободном волеопределении» в каждом отдельном судебном случае сводится к следующему вопросу: был ли способен действующий субъект в момент учинения деяния сделать свободный выбор между совершением преступного деяния и несовершением его; другими словами: мог ли он удержаться от совершения дела, если бы захотел удержаться, или абсолютно не мог?

Дело будет еще яснее, если различить в свободном акте воли его два необходимых с психологической точки зрения условия. Эти два *условия* суть: первое — *способность суждения или различения*, Unterscheidungsvermögen по Крафт-Эббингу, *libertas judicii* по Миттермайеру. На простом языке libertas judicii значит не что иное, как знание свойства, значения и последствий деяния. Итак, для свободы суждения необходима, прежде всего, известная степень умственного развития.

Второе и важнейшее условие свободного действования есть libertas consilii, т. е. возможность руководиться в момент действия раньше узнанным или понятым; libertas consilii предполагает *возможность выбора* между различными мотивами действования.

Вот два необходимых условия свободного акта воли, вот обе необходимые части психологического критерия вменяемости.

Второе условие — свобода выбора — *важнее* первого, libertatis judicii или понимания, вот почему. *Свобода выбора уже предполагает собою сво-*

боду суждения; наоборот, свобода суждения свободу выбора вовсе не предполагает. Поэтому возможно, что свобода суждения или понимание совершаемого будет у вас налицо, а свободы выбора, libertatis consilii, не будет. Но если войдет в силу 36 ст. проекта Уложения, в том ее виде, в каком она попала в наши руки, то и *в этих случаях* преступление в вину все-таки не вменяется, потому-то дорогого стоят напечатанные там четыре слова: «или руководить своими поступками».

Душевнобольные люди очень часто сохраняют свободу суждения, но теряют лишь свободу выбора, т.е. сохраняют способность понимания совершаемого, а лишаются лишь возможности действовать в силу тех мотивов, которыми определяется действование здорового человека; и именно в силу того, что они потеряли способность руководиться рассудком в своих поступках, их называют людьми неответственными, людьми помешанными.

Итак, прямо даже странно ставить такой вопрос: обнимает ли полный критерий невменяемости все случаи помешательства. Это все равно, что спросить: правда ли, что линии, взаимно параллельные, даже будучи продолжены в бесконечность, никогда между собою не встретятся? Разумеется, правда, это можно сказать, даже не путешествуя в бесконечность, ибо для того, чтобы встретиться, им нужно сначала перестать быть взаимно параллельными линиями.

Но, тем не менее, я не имею права не остановиться на представленных в прошлый раз двух примерах.

Доктор Б.В. Томашевский представил нам пример *меланхолика*, который совершает убийство единственно с той целью, чтобы путем наказания искупить свои грехи. Доктор Б.В. Томашевский полагает, что такой человек, будучи, несомненно, больным человеком, во время учинения своего деяния не только понимал свойство и значение того, что называется у здоровых людей убийством, *но и мог руководить своими поступками*. Это ли утверждал д-р Томашевский в прошлом заседании? По протоколу видно, что это…

Неужели приведенный им в пример человек *понимал* значение убийства? Значит, он понимал, что убийство есть грех. Выходит, что он хотел искупить свои прежние грехи путем нового греха. Где же тут логика, которая обязательна и для сумасшедшего, раз предположено, что он *понимал* им совершаемое? Но если он не считал убийство грехом или, вообще говоря, делом непозволительным, то ясно, что он не понимал значения убийства. Итак, свобода суждения у этого человека весьма сомнительна.

Предположим, пожалуй, что свобода суждения была сохранена этим больным. Была ли у него свобода выбора, другими словами, *одинаково ли мог он в данный момент совершить убийство и удержаться от этого дела*? Если он это мог одинаково и, тем не менее, *совершил* убийство, то, значит, он опять не понимал значения убийства, ибо если бы он понимал, то само

это понимание заставило бы его удержаться от совершения дела, раз удержаться *ему ничего не стоило*.

Но нет! Ведь д-р Б. В. Томашевский сам сообщал, что его больной удерживался, отчаянно удерживался, всеми силами своей нравственной природы, возмущающейся перед совершением убийства, он боролся против болезненного побуждения убить, но в результате все-таки был побежден — убийство совершилось. Значит, *велика же, несоразмеримо велика* была сила болезненного побуждения, когда оно, в конце концов, *поработило себе всю психическую личность человека*. Где рабство, там нет свободы; где нет свободы воли, там нет места и вменению.

Но если бы я принял на веру диагностику д-ра Б. В. Томашевского, определившего у своего больного меланхолию, я бы прямо сказал: если он меланхолик, то он не может представить самого необходимого условия для вменения, *он не может обладать способностью свободного выбора* именно потому, что при меланхолии не может быть «*свободной*» деятельности мысли. В самом деле, разве можно ожидать какой-нибудь свободы там, где сущность душевной болезни именно и сводится к явлениям психической задержки, к подавленности, крайне медленному и тяжелому движению представлений. Результатом формальных расстройств в сфере представлений при меланхолии являются: гнетущие чувства; упорно сверлящие мозг, все одни и те же идеи; насильственные или принудительные импульсы. «Hemmung», «Zwang», «гнет», «насилие», «задержка» — все это вещи, свободе противоположные… При меланхолии болезненное представление, раз застрявшее в сознании, так там укрепляется, так глубоко пускает свои корни, что его оттуда не только другим, да еще нормального характера, представлением не выживешь, его, я полагаю, колом из сознания не выпрешь. Тут уже прямо странно будет искать *свободу* выбора, тут не может быть и речи о способности руководиться здоровыми идеями в своих поступках.

Доктор М. П. Литвинов теперь. Он привел нам в пример больного, *прогрессивного паралитика*, который будто бы убил у него, д-ра Л-ва, в городском приюте другого больного; но при этом будто бы не только понимал свойство своего деяния и знал его последствия, не только понимал значение убийства, *но и мог в момент совершения убийства руководить своими поступками*.

После всего сказанного мною я считаю возможным обойтись без подробной критики утверждения доктора М. П. Литвинова, а скажу прямо: одно из двух, либо доктор М. П. Литвинов ошибся в распознавании, и тот субъект, про которого он говорит (а я знаю, что он имел в виду некоего В., хотя имени этого он не произнес), в момент деяния не был не только паралитиком, но и вообще не был болен, либо он не мог понимать значения дела, им совершаемого, не мог руководить своими поступками. Ведь, как

паралитик, он должен был быть слабоумным, да, кроме того, должен был представлять формальное расстройство в сфере представления в ту или другую сторону (отсутствие бреда я, пожалуй, готов допустить у паралитика). Из предварительного следствия по этому делу, не говоря об объяснениях самого В., который и теперь у нас в больнице (а был он обвинен в этом убийстве, если не ошибаюсь, в 1880 году), я знаю, что и накануне дня смерти крестьянина Ильина (смерти, относительно которой еще представляется вопрос, было ли тут убийство или самоубийство) и *в самый день* того события В-д был связываем в горячечную рубаху. Если В-д в день смерти крестьянина Ильина находился в полном сознании, и при том даже мог руководить своими поступками, то зачем же доктор М. П. Литвинов одевал его в эту горячечную рубаху?

По-моему, лучше и не отыскивать таких случаев, чтобы две взаимно параллельные линии между собой пересекались.

Природа и действительность резких скачков не знают. *Нет* резких границ между психическим здоровьем и психической болезнью, т. е. нет их в действительности. Но искусственно, путем логического построения, мы можем установить резкую границу между здоровьем и душевной болезнью, и эту логическую, искусственно проведенную границу дает нам именно критерий вменяемости или критерий свободы действования. «Что такое есть психическая болезнь, так же трудно определить (говорит Крафт-Эбинг), как и определить, что такое есть психическое здоровье». Логически для меня психически больной человек определяется так: это такой человек, которого я по совести не могу считать морально ответственным за его поступки. Итак, моральная свобода есть для меня здоровье, человек морально не свободный есть человек психически больной.

Всего труднее установить отношение закона к преступному деянию, совершаемому *в промежуток между приступами периодической душевной болезни*; даже в том случае, если люцидный субъект во время совершения деяния ничем с клинической точки зрения от здорового человека не отличается, вменение, все-таки, здесь не должно иметь место. Спрашивается, почему?

Потому, что caeteris paribus, этот субъект все-таки *не равен* здоровому человеку. У здорового человека я не буду презюмировать душевную болезнь, потому что, говоря проще, здоровье есть правило, а болезнь — исключение. Но люцидный субъект — дело другое. Тут я знаю, что данное лицо несколько времени тому назад находилось в состоянии невменяемости и через несколько временим снова должно придти в это состояние. Здесь правилом является, скорее, отсутствие свободного волеопределения, чем его присутствие. Поэтому в разбираемом случае я имею право сделать презумпцию состояния невменяемости и сказать: если логически нельзя исключить, что это лицо в момент деяния libertatis consilii не имело, то следует принять,

что оно действительно в момент дела не имело этой свободы. Итак, здесь можно презюмировать состояние невменяемости, ибо здесь можно презюмировать невозможность разумно свободного выбора между различными мотивами действования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не потому человек находится в состоянии невменяемости, что он болен, но наоборот, тогда-то лишь и можно назвать человека больным, если у него не оказывается полной наличности условий свободного волеопределения, не оказывается *свободы выбора* того или другого образа действования.

Эта свобода выбора бывает ограничена в человеке двумя путями:

1. Бывает у него весьма малое число мотивов действования, например, один, так что и выбирать ему, в сущности, не из чего (отсутствие самого выбора).

2. Бывает, что мотивов в сознании много и они вступают между собою в коллизию; но если нам вперед известно, что тут есть один мотив, относительно всех прочих *несоразмерно сильный*, то исход борьбы между мотивами нам уже предрешен. А это значит, что и тут нет условий свободного выбора, ибо *принудительный выбор есть прямая противоположность выбору свободному* (отсутствие *свободы* в выборе).

Затем позволю себе предложить следующую формулировку редакции 36 статьи:

Условия вменения

Ст. 36. Не вменяется в вину деяние, учиненное лицом, которое, по постоянному своему состоянию, или по состоянию своему во время учинения деяния[4], не могло понимать свойства и значения совершаемого, или же *не могло руководиться в то время здравым пониманием*[5] *в действовании своем*.

---

[4] Здесь разумеются: А) *безумие*, природное и последовательное, а также и *слабоумие*, насколько оно *по степени своей* удовлетворяет выставляемому в статье закона условию, и В) болезненное расстройство душевной деятельности, как а) длительное (*помешательство* и *сумасшествие*), так и b) кратковременное *умоисступление* и *беспамятство*). При сем степень умственного расстройства, равно как и степень слабоумия (сравн. ст. 353 Уст. угол. судопроизводства), определяется по выставляемому в законе общему критерию невменяемости.

[5] Под выражением «здравое понимание» должно разуметь здоровое, т. е. не извращенное душевной болезнью самосознание действовавшего лица и правильное разумение последним своего отношения к внешнему миру. Болезненное расстройство душевной деятельности и его степень констатируются через посредство врачей-специалистов. В случаях сомнительных окончательное решение вопроса, «могло ли действовавшее лицо во время учинения деяния здраво контролировать свое действование рассудком», принадлежит «судьям совести», т. е. присяжным заседателям.

Суд, если признает необходимым, может или отдать такое лицо под ответственный надзор родственников или других лиц, пожелавших принять его на свое попечение, или же, в случае душевной болезни, поместить его во врачебное заведение, впредь до выздоровления, удостоверенного установленным порядком, или же *впредь до особого относительно сего лица* определения[6].

Мотивировка

I. Отношение психиатрии и психологии.

Психология есть наука о душе вообще; психиатрия есть наука о душевном расстройстве. Выводы психиатрии к здоровой душе неприложимы; общие выводы научной психологии для психиатрии обязательны, ибо душа, расстроившись, не перестает быть душою. Рациональная психиатрия неизбежно имеет в своей основе психологию.

II. Понятие о неспособности ко вменению.

Понятие «неспособность ко вменению» равнозначительно с понятием «душевная болезнь» в широком смысле. Дать определение одному из этих понятий значит дать определение и другому.

III. Определение понятия о душевной болезни.

Психиатрия не в состоянии дать логического определения понятию «душевная болезнь», ибо иначе она необходимо должна была бы дать и определение понятию «психическое здоровье», которое лежит вне ее сферы; определение понятия «душевная болезнь» может быть дано лишь психологией. Психиатрия не в состоянии также дать определения понятию «невменяемость», ибо «способность ко вменению» лежит вне области, психиатрией изучаемой.

IV. Характер определения понятия о невменяемости.

Для понятия «невменяемость» возможно лишь психологическое определение, но не *психиатрическое*. Психиатрия может только указывать на *причины* неспособности ко вменению.

V. Формулировка статьи закона, определяющей условия вменения.

Если в законе имеется полное определение понятию «невменяемость», то указание на отдельные причины неспособности ко вменению становятся *излишними*[7].

Читано в заседании Общества психиатров в СПб. 18 февраля 1883 года.

---

[6] Необходимо иметь в виду *неизлечимых*, но совершенно не опасных больных, которые вместо того, чтобы быть осужденными на пожизненное заключение в дом умалишенных, могут быть отдаваемы, по освидетельствовании судом, под ответственный надзор родственников.

[7] В заседании 2 марта, после того как д-р Б.В. Томашевский возражал д-ру Кандинскому, а последний поддерживал высказанное им в предыдущем заседании, г. председателем предложены были на открытую баллотировку следующие вопросы:

1. Необходим ли вообще психологический критерий невменяемости 36 статьи Уложения?

2. Удовлетворителен ли критерий, даваемый 36 статьей в теперешней ее редакции?

Вопрос об условиях вменения и о редакции 36 ст. нового Уложения о наказаниях еще раз был затронут на первом съезде отечественных психиатров в Москве доктором А. Я. Боткиным в его докладе «Оценка законоположений о душевнобольных в России», читанном в заседании 8 января 1887 г., где вновь подвергался обсуждению. Возражая д-ру Боткину, В. Х. Кандинский противопоставил его выводам свои положения, в которых в сжатой форме резюмировал вообще доводы защитников психологического критерия, а потому мы их и приводим в том виде, как они напечатаны в «Трудах съезда» (СПб., 1887, стр. 453 и сл. — *Примеч. изд.*).

ПОЛОЖЕНИЯ В. Х. КАНДИНСКОГО В ЗАЩИТУ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КРИТЕРИЯ

Я собственно против 2-го пункта доклада Я. А. Боткина «Критерий душевного расстройства, изображенный в ст. 36 проекта нового Уложения о наказаниях, *как критерий психологический*, не может обнимать собою всех аномалий душевной деятельности».

По недостатку времени я не имею возможности оспаривать 2-е положение д-ра Боткина мотивированно, а потому просто представлю *свои* поло-

---

3. Какую из предложенных редакций 36 статьи гг. присутствующие члены находят наиболее рациональною?

По первому вопросу, за необходимость психологического критерия высказались 6 человек: гг. Рагозин, Чечотт, Кандинский, Никифоров, Бартелинг и Маак. Остальные 12 присутствовавших членов подали отрицательный голос.

По второму вопросу, из 6 вышеупомянутых человек, в утвердительном смысле высказались: гг. Бартелинг, Кандинский, Маак и Никифоров. Остальные двое (гг. Рагозин и Чечотт) выразили мнение, что они не считают критерий, даваемый 36 статьей, удовлетворительным и думают, что он может быть выражен лучше.

По третьему вопросу большинством голосов была признана наиболее соответственной редакция, предложенная в заседании 12 февраля секретарем Общества А. Е. Черемшанским.

Гг. члены, высказавшиеся за необходимость введения психологического критерия в 36 статью, присоединились к этому мнению большинства только условно, т. е. с той оговоркой, что они, считая эту редакцию удовлетворительною, думают однако же, что к ней необходимо присоединить и психологический критерий невменяемости.

Г. Кандинский воздержался от подачи голоса.

Об этом в результате голосования решено уведомить С.-Петербургское Юридическое общество (проток. засед. Общ. псих. в СПб. 1883 г. Стр 22, 23).

В заседании 5 марта 1883 года Уголовного отделения Юридического общества, по выслушании как противников, так и защитников необходимости введения психологического критерия в 36 статью нового Уложения о наказаниях, громадное большинство многолюдного собрания, как уже было сказано выше, высказалось за необходимость введения психологического критерия, т. е. присоединилось к мнению меньшинства Общества психиатров. — *Примеч. издат.*

жения, которые я уже раньше защищал и устно и в печати. Я делаю это вовсе не с той целью, чтобы убеждать кого-нибудь, но единственно для того, чтобы не носить на себе нравственной ответственности за мнения большинства в случае, если я их разделить по этому вопросу буду опять не в состоянии. Итак:

1. *Психиатрического* критерия неспособности ко вменению дать нельзя; здесь возможно лишь *психологическое* определение. Нельзя определить психиатрию в терминах, взятых из той же психиатрии. Сказать, что психиатрия есть наука о душевных болезнях, еще не значит дать определения для психиатрии, ибо кто здоров и кто болен? Где граница между здоровьем и психической болезнью? Здесь возможно лишь физиологическое определение.

2. Нельзя оставить статью закона, трактующую о невменении, без определения состояния невменяемости; иначе не только терпимая в обществе низшая степень слабоумия (простая дураковатость), но и такое болезненное расстройство, как напр., нейрастения (тут душевная деятельность также не бывает вполне нормальной), будут исключать собой вменение и давать право на безнаказанное совершение преступлений, что, мне кажется, вовсе нежелательно.

3. Невменяемыми могут быть лишь действия человека, находящегося в душевном состоянии, исключающем свободное волеопределение. В термине «свободное волеопределение» нет никакой метафизики; это, может быть, неуклюжее, но, во всяком случае, чисто психологическое выражение. Пользуясь словами одного американского писателя по этике — Сальтера, я скажу: в том смысле, в каком мы употребляем это выражение ежедневно, оно значит просто отсутствие насилия внешнего и внутреннего.

4. Присутствие способности «свободного волеопределения» предполагает (напр., по судебной психопатологии Крафт-Эббинга) наличность следующих двух (и только двух) условий:

первое — наличность libertatis judicii, если выразиться языком юристов; в переводе на язык простых смертных под этим разумеется понимание человеком значения и свойства своих деяний, между прочим, и знание, что такие-то и такие-то действия законом воспрещены;

второе условие — наличность libertatis consilii, т. е. существование возможности у человека сделать выбор между различными мотивами действования, у него имеющимися, т. е. возможность на основании соображения и здравого рассуждения *удержаться* от совершения преступного деяния или, напротив, уступить соблазну.

5. Наш ныне действующий закон (95 ст. старого нашего Улож. о наказ.) неудовлетворителен не тем, что в нем выставлен психологический критерий невменяемости, а тем, что в 95 статью вошла лишь *первая* половина кри-

терия, касающаяся отсутствия libertatis judicii; отсутствие же libertatis consilii, при наличности libertatis judicii, нашим старым законом не предусмотрено.

6. Напротив, 36 статья проекта нового Уложения тем и хороша, что она вводит психологический критерий во всей его полноте; она говорит: «не вменяется в вину содеянное, когда действовавшее лицо, по душевному состоянию своему в то время, не могло понимать свойства и значения своих деяний» — это первая половина критерия, обнимающая собою все случаи отсутствия libertatis judicii, — «или не могло руководиться своим пониманием (имея его) в действовании своем» — это вторая половина критерия, обнимающая собою все случаи отсутствия libertatis consilii.

7. Разумеется, не все душевные аномалии подойдут под психологическое определение состояния невменяемости; но это не только не беда, это именно и есть то, что требуется. Странный характер, простая глупость, излишняя талантливость — все это относится к аномалиям — но с какой стати человек, находящийся в подобном состоянии, не должен считаться ответственными за свои поступки, — этого я, право, не понимаю, да, вероятно, и никогда не пойму.

8. Статья 36-я проекта нового уложения формулирована, по моему мнению, превосходно. Эта формулировка есть результат коллективной деятельности многих лиц, хорошо знающих, как в наше время должны писаться законы. Формулировка эта сделана ими на основании глубокого знакомства как с современной литературой по физиологической психологии, так и с выдающимися работами врачей по судебной медицине.

В заключение скажу: странно было бы смешивать обсуждение формулировки статьи закона, определяющей условия невменения, с формулировкою медицинской инструкции медицинского начальства врачам-подчиненным; такая инструкция имеет целью подсказать не довольно опытным врачам, как им держать себя на практике по отношению к основному закону уголовного уложения, к закону об условиях невменения (к теперешней 95 ст. и к проектированной для введения 36 ст.) — как держать себя в том случае, когда их приглашают говорить в заседании уголовного отделения окружного суда или судебной палаты. Сущность такой инструкции может быть выражена в немногих словах — не мешаться не в свое дело.

(Читано в заседании 8-го января 1887 г.)

II.
МЕДИЦИНСКИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ О СОСТОЯНИИ УМСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ИСПЫТУЕМЫХ, ПОРУЧЕННЫХ НАБЛЮДЕНИЮ В.Х. КАНДИНСКОГО, ОРДИНАТОРА БОЛЬНИЦЫ СВ. НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

I. Случай сомнительного душевного состояния перед судом присяжных (Дело девицы Юлии Губаревой)[8,9]

В.Х. Кандинского,
ординатора больницы Св. Николая Чудотворца в С.-Петербурге

I

Неудовлетворительность ныне действующего закона, определяющего условия невменения, давно уже сознавалась не только врачами, но и юристами. В настоящее время в высших сферах рассматривается проект нового уложения о наказаниях, и в обработанной доселе общей части проектированного уложения условия невменения по отношению к лицам психически страждущим уже формулированы в выражениях, более соответствующих как требованиям практики, так и современному развитию психиатрии. Но новое уложение войдет в действие, вероятно, еще не скоро, а до тех пор врачи, производящие исследование лиц, подозреваемых в ненормальном состоянии умственных способностей, не только принуждены сообразоваться со смыслом надлежащих статей действующего уложения, но и непременно должны при определении в судебно-медицинских актах умственного состояния исследуемых лиц употреблять выражения, усвоенные законом для сих случаев[10]. Главнейшие из обстоятельств, исключающих способность ко вменению, указаны ст. 95 и 96 Улож. о наказаниях; они суть: безумие от рождения, *сумасшествие* и припадки болезни, приводящей в *умоисступление* или совершенное *беспамятство*. Собственно говоря, этими терминами обнимаются всевозможные случаи психического расстройства; ибо все эти случаи разделяются на следующие три главные группы: а) недостаточность умственных способностей прирожденная или приобретенная,

---

[8] Дело девицы Юлии Губаревой в первый раз было напечатано в «Архиве психиатрии, нейрологии и судебной психопатологии» проф. Ковалевского, Харьков, 1883, сентябрь.

[9] Дело это в свое время возбудило большой интерес в публике и обратило на себя внимание всей столичной прессы. По весьма понятным причинам я нахожу нелишним заменить настоящие фамилии главных действующих лиц процесса фамилиями вымышленными.

[10] См. Сборн. циркул. Мин. внутр. дел, т. 7; по изданию 1858 г., § 284.

b) длительные душевные страдания (помешательство и сумасшествие) и c) транзиторные психические расстройства. Маленькое практическое неудобство, возникающее при этом для врачей из их обязанности употреблять для обозначения психических ненормальностей выражения, законом усвоенные, есть следующее: безумными по закону[11] признаются лица, не имеющие здравого рассудка с самого младенчества; следовательно приобретенное безумие (amentia secundaria s. consecutiva), являющееся последствием раньше (иной раз много лет раньше) протекших первичных психозов, равно как и безумие, происходящее от многолетнего страдания эпилепсией, должно быть называемо нами сумасшествием. Впрочем, по моему мнению, неудовлетворительность формулировки 95-й и 96-й ст. уголовного уложения заключается далеко не в том, что здесь приняты выражения «безумие от рождения», «сумасшествие», «умоисступление» и «беспамятство», а не какие-либо другие; здесь важен не выбор выражений, но важно и необходимо, чтобы с каждым выражением соединялся определенный смысл. Прилагая к данному конкретному судебному случаю термин «сумасшествие» или «умоисступление», мы этим самым уже решаем, что в данном случае вменение не должно иметь места. Но что значить слово «сумасшествие»? Большинство наших психиатров считают это выражение однозначащим с выражениями «душевная болезнь, психическое расстройство», что, однако, по моему мнению, не вполне верно. В самом деле, в деятельности души резко различаются три стороны: деятельность чувствования, деятельность представления и мышления и деятельность воли. Первичное и самостоятельное расстройство деятельности воли очевидно исключает свободу действования; в этом случае способность ко вменению, понятно, не существует. Расстройство в сфере представления и мышления, даже при отсутствии первичного поражения деятельности воли, не может остаться изолированным; так или иначе оно выразится наружу, в форме тех или других двигательных актов, или же в форме более или менее сознательных, хотя бы нелепых поступков; вменение здесь тоже не имеет места, но расстройство здесь первично поражает не ту сферу, как в предыдущем случае, не сферу воли, а сферу представления, это будет умственное расстройство в тесном смысле слова. Но что касается до первичного расстройства в сфере чувствования, то оно, разумеется, может подать повод к расстройству собственно умственной сферы и отразиться на сфере воли, как непосредственно, так и через посредство сферы мышления, но может и остаться изолированным, причем деятельность мышления, равно как и деятельность воли, остаются нормальными; так бывает в легких случаях простой ипохондрии, в некоторых случаях истерии и эпилепсии («hysterischer resp. epileptischer Character» по Krafft-Ebing'у), в легких случаях так называемой insanitatis

[11] Т. X, ч. I Зак. гражд., ст. 365.

moralis. В подобного рода случаях действующий субъект может удержаться от совершения преступного деяния, если только захочет удержаться, и потому он должен считаться легально ответственным за свои поступки. Так как в этих случаях страдает одна из сторон души, именно сфера чувствования, то можно сказать, что здесь мы имеем дело с душевною болезнью, с психическим расстройством; но эта душевная болезнь, это психическое расстройство не будет расстройством умственным или сумасшествием. Итак, выражения «сумасшествие» (умственное расстройство) и более общее выражение «душевная болезнь» или «психическое расстройство» совсем не однозначащие.

Но даже само сумасшествие (в смысле собственно умственного расстройства) не есть нечто резко обособленное от нормального состояния; между нормальным умственным состоянием и полным сумасшествием существует длинный ряд промежуточных состояний. Ясно, что средние члены этого ряда не могут быть названы ни нормальным состоянием, ни полным сумасшествием[12]; они именно суть нечто среднее, и в подобных случаях только внимательное изучение данного случая in concreto, т. е. со всеми его, так сказать, индивидуальными особенностями позволяет решить вопрос о вменении. Итак, должно иметь в виду, что возможны разные степени умственного расстройства[13]. В самом деле, существует громадная разница

[12] Научно-медицинское понятие о болезненном расстройстве душевной деятельности не совсем совпадает с понятием о психическом расстройстве в смысле закона, как о состоянии, исключающем способность ко вменению; первое понимание обширнее второго. Такое мнение многим из наших клиницистов можете показаться ересью, а потому считаю нелишним опереться в этом отношении на проф. Крафт-Эббинга, который пишет следующее: «Не всякое болезненное расстройство душевной деятельности само по себе уничтожает способность ко вменению, точно также как легкое расстройство функции какого-нибудь органа не может еще считаться болезнью ни в медицинском, не в легальном смысле, хотя со строго научной точки зрения всякое расстройство функции органа будет болезненным. В органе психической жизни бывают элементарные функциональные расстройства, которые, не лишаясь значения с судебной точки зрения (смягчающие обстоятельства), не составляют болезни ни в ходячем, ни в легальном смысле этого слова; общераспространенным понятием о болезни предполагается существование целого комплекса функциональных расстройств; легальное же понятие требует от болезни, чтобы последняя исключала собою свободу действования» (Krafft-Ebing. Grundzige der Criminalpsychologie. 2-te Aufl. Stuttgart, 1882. P. 54).

[13] Из того, что существуют разные степени психического расстройства, вовсе не следует, что в законе должны быть установлены разные степени вменяемости. Говоря вообще, без отношения к известному конкретному факту, совершившемуся в определенный момент времени, свобода действования может быть ограничена в различной мере. Но в каждом отдельном случае (судебная практика имеет дело лишь с конкретными фактами), как справедливо говорит проф. Таганцев (Курс русского угол. права. СПб., 1874. С. 70), логически возможно признать только одно из двух: или наличность, или отсутствие способности ко вменению. В самом деле, здесь нам приходится решать вопрос: мог ли человек в известном данном случае воздержаться

между тяжелою формою настоящей меланхолии в полном ее развитии и тем угнетенным состоянием духа с заметной замедленностью движения представлений, в которое временно впадают пьяницы после усиленных эксцессов in Baccho. Точно также бывает различна и степень прирожденной недостаточности умственных способностей: в самом деле, нелегко указать границу между безумием и слабоумием, а между тем определение этой границы в практическом отношении весьма важно, раз по закону безумие есть обстоятельство, исключающее вменение, слабоумие же почитается лишь обстоятельством, уменьшающим вину.

Из сказанного ясно, что закон, формулирующий условие невменения, не должен ограничиваться одним указанием причин невменения, — ибо при этом останется неопределенным, какая именно степень или сила действия известной причины должна считаться обстоятельством, исключающим способность ко вменению. Во избежание этой неопределенности почти во всех современных европейских уголовных кодексах выставляется так или иначе выраженный общий критерий состояния невменяемости, или, другими словами, общее определение понятия о невменяемости. Ст. 95 нашего действующего уложения тоже выставляет некоторый критерий состояния невменяемости, но неудовлетворительность формулировки этой статьи именно в том и состоит, что выставляемый ею критерий слишком узок и односторонен, захватывает не все случаи отсутствия способности ко вменению, а лишь часть их. «Преступление или поступок, учиненные безумным от рождения или сумасшедшим, не вменяются им в вину, когда нет сомнения, что безумный или сумасшедший по состоянию своему в то время не мог иметь понятия о противозаконности и самом свойстве своего деяния». Однако весьма нередки случаи, когда человек душевнобольной положительно не в состоянии воздержаться от совершения противозаконного деяния, несмотря на то, что имеет ясное понятие о проти-

---

от совершения противозаконного дела, если бы только захотел воздержаться, или не мог? Вопрос этот должен быть решен в ту или в другую сторону, в положительном или отрицательном смысле, но никакое среднее решение здесь невозможно. Поэтому я вовсе не принадлежу к сторонникам защищаемого некоторыми юристами и многими врачами учения о *неполной* или *уменьшенной вменяемости*. Уменьшенная вменяемость, будучи недопустимою теоретически, не принесла бы никакой пользы и на практике, в нее, как в золотую середину, стали бы сваливаться, без дальнейшего разбора, все сколько-нибудь затруднительные случаи сомнительного душевного состояния преступников, т. е. как те, в которых вопрос о вменении при несуществовании в законе рубрики «уменьшенная вменяемость» решился бы или отрицательно или положительно, так и те, где, при неуничтоженной способности ко вменению, в психическом состоянии преступников имеются особенности, уменьшающие наказуемость (смягчающие обстоятельства). Если человек совершил противозаконное деяние в состоянии, которое с легальной точки зрения должно быть названо болезненным, то одинаково несправедливо заставлять его нести за это как полную кару, так и кару половинную.

возаконности и самом свойстве своего деяния. Так бывает, например, когда при относительной нетронутости интеллектуальной сферы к преступлению роковым образом влекут так называемые насильственные представления (Verrücktheit aus Zwangsvorstellungen, abortive Verrücktheit Westphal'я) или когда преступное деяние есть результат самостоятельного первичного раздражения в психомоторных областях мозговой коры (Zwangshandlungen) или же результат болезненного расстройства сферы органического побуждения (impulsive Handlungen). Понимание свойства и значения совершаемого есть лишь одно из двух необходимых условий свободы действования и определяет собой лишь так называемую (Mittermayer, Krafft-Ebing) *свободу суждения* или libertas judicii. Но для свободного действования необходима, кроме свободы суждения, и *свобода выбора* способов действования, другими словами, необходима способность руководиться правильно сознанным или понятым в своем действовании (libertas consilii). Где нет возможности сознательного выбора способов действования, там нет и способности ко вменению [14].

Особенно затрудняет на практике не только экспертов, но и присяжных заседателей формулировка 96-й ст. нашего ныне действующего уложения: «не вменяется в вину учиненное в болезненном припадке умоисступления или совершенного беспамятства только в том случае, если таковой припадок точно доказан». Требование, чтобы умоисступление или беспамятство было точно доказано, могло иметь смысл лишь при нашем прежнем судопроизводстве, всецело основанном на системе *формальных улик*. При теперешнем же судопроизводстве, когда уголовные дела решаются присяжными заседателями *по внутреннему убеждению*, последние не только могут, но и должны бы признавать неответственным подсудимого во всех тех случаях, когда эксперты заявляют основательное сомнение в нормальности его душевного состояния в момент деяния. Тем не менее, в силу 96-й ст. Уложения о наказаниях присяжным заседателям в подобных случаях всегда ставится такой вопрос: «находился ли подсудимый в момент преступного деяния в точно доказанном припадке умоисступления», — и это требование точной доказанности иногда затрудняет и запутывает присяжных даже в случаях совершенно простых и ясных. Так, мне вспомнилось разбирав-

---

[14] Полный критерий неспособности ко вменению прекрасно формулирован в проекте нового Уложения о наказаниях. Первая половина ст. 36-й проекта редакционной комиссии гласит следующее: «не в вину деяние, учиненное лицом, которое по недостаточности умственных способностей, по болезненному расстройству душевной деятельности или же по бессознательному состоянию не могло понимать свойства и значения совершаемого, или же не могло руководить своими поступками». Последнюю фразу правильнее и точнее следовало бы редактировать так: «или же не могло руководиться этим пониманием в своих поступках». Ясно, что выставленный здесь критерий невменяемости обнимает собой не только отсутствие libertas judicii, но (что гораздо важнее) и отсутствие libertas consilii.

шееся в С.-Петербургском Окружном суде в 1882 году дело солдатки Ульяны Матвеевой, нанесшей, при обстоятельствах, заставлявших подозревать умоисступление, рану своей сопернице. При испытании в больнице Св. Николая Чудотворца обвиняемая оказалась раздражительным, невропатическим субъектом, подверженным частым головным болям и приливам крови к голове. Врач, производивший испытание, д-р Сикорский (после в судебном заседании он не присутствовал), не высказываясь с полною определительностью, склонился, однако, в пользу того мнения, что Матвеева нанесла удар своей сопернице не в припадке умоисступления, а в простом аффекте ревности и злобы. Вызванные в суд эксперты, д-ра Майдель, Чечотт и Черемшанский, несмотря на то, что были спрошены поодиночке, все трое решительно признали в этом случае умоисступление. Однако присяжные на поставленный им вопрос о вменении дали следующий странный ответ: «умоисступление не было точно доказано» [15], и подсудимая была осуждена. Очевидно, присяжные-формалисты в этом случае интересовались не столько уяснением себе того состояния, в каком находилась обвиняемая в момент своего деяния, сколько решением вопроса — точно или не точно эксперты доказали в этом случае умоисступление…

При ныне действующем Уложении о наказаниях (ст. 95 и 96) особенно бывают затруднительными для врача в его судебно-медицинской практике те случаи, когда обвиняемый во время учинения деяния при сохранившейся способности суждения (Unterscheidungsver-mögen) находился в состоянии, исключавшем способность свободного определения к действию, т.е. был лишен способности выбора образа действования (отсутствие Wahlfähigkeit, libertatis consilii). Сюда относятся многочисленные случаи insanitatis moralis, manie raisonnante, транзиторных истерических расстройств, так называемая Verrücktheit aus Zwangsvorstellungen (Westphal). Эти случаи не подводятся под 95 ст. нашего уложения, ибо здесь нет ни резкого сумасшествия, ни полного безумия, при чем подсудимый был бы лишен способности понимать противозаконность и самое свойство своего деяния. Подвести их под ст. 96-ю тоже не всегда бывает возможно, ибо по этой статье припадок умоисступления или совершенного беспамятства непременно должен быть точно доказан; экспертирующий врач может быть глубоко убежден, что преступление совершено в транзиторно ненормальном психическом состоянии, и, однако, не находит в результатах предварительного следствия достаточно данных для того, чтобы точно доказать в данном случае припадок умоисступления. В этом отношении особенно интересно *дело девицы Губаревой*, где нельзя было прямо доказать резкого психического расстройства подсудимой в момент учинения ею преступления, но можно было лишь возбудить основательное сомнение в нормальности ее умственного состояния во время деяния, и то лишь не иначе, как выста-

[15] Так, по крайней мере, было сказано в судебной заметке газеты «Голос».

вивши на вид обстоятельства, в акты предварительного следствия не попавшие. Случай этот заслуживает подробного описания, ибо, с одной стороны, он интересен не только в судебно-медицинском, но и в психопатологическом отношении, с другой стороны, в этом процессе ярко обнаруживается неудовлетворительность существующих условий врачебной экспертизы на суде и затруднительность последней в случаях, подобных настоящему.

II

Обстоятельства дела по результатам предварительного следствия таковы:

В ночь на 30-е августа 1881 года между Старою Деревнею и Лахтою (близ окраины Петербурга) был избит легковой извозчик крестьянин Вавило Саблин, причем седоки его девица Юлия Губарева и ее работник крестьянин Пахом Чудин, сняв с извозчика кучерское платье, угнали лошадь с пролеткою. Утром 30-го августа Губарева сама продала лошадь на Конной (за 35 р.); при полицейском обыске, последовавшем к вечеру того же дня, пролетка и платье Саблина были найдены в сарае Губаревой, а сбруя с лошади Саблина в ее, Губаревой, квартире.

Будучи привлечена к следствию по обвинению в покушении на убийство с целью ограбления, Губарева виновною себя не признала, но объяснила следующее. Проживавший у нее в работниках крестьянин Пахом Чудин будто бы предлагал ей, два месяца тому назад, скрыть в ее сарае краденый экипаж, но она отказалась. Затем, намереваясь ехать в деревню, Чудин говорил, что у него нет денег, и вот в субботу, 29-го августа он куда-то собрался, сказав, что он нашел средство поправить свои обстоятельства, и предложив ей, Губаревой, поехать вместе с ним. Будучи в тот вечер пьяною, она согласилась ехать с Чудиным за город. Дорогою Чудин и извозчик пили в разных трактирах. Между Старою Деревнею и Лахтою она, Губарева, не желая дальше ехать с пьяными, сошла с пролетки и пошла к городу, после чего видела, что Чудин и извозчик стали между собою драться. Вскоре Чудин догнал ее на лошади и убедил сесть в пролетку, говоря, что теперь уже все равно, так как он зашиб извозчика по затылку (однако не убив). Утром лошадь была ею, Губаревой, продана, на Конной.

Работник Губаревой, крестьянин Чудин, тоже не признавший себя виновным, на допросе у судебного следователя показал, что 29-го августа он собрался на Лахту в гости к своему знакомому. Барышня Губарева без его приглашения вздумала ехать с ним, чтобы «проветриться». Сперва они хотели было ехать «по конке», но так как вагоны были переполнены, то они (около 11 часов ночи) наняли, на углу Большой Конюшенной и Невского проспекта, извозчика до Старой Деревни, рассчитывая там взять чухонца, но, не найдя чухонца, наняли того же извозчика на Лахту. Чудин (по его словам) был нетрезв, ибо еще дома он выпил 6–7 стаканчиков водки, да до-

рогою он и извозчик выпили каждый по 2 стакана. За Старою Деревнею извозчик будто бы не захотел ехать далее, вследствие чего он, Чудин, схватившись с извозчиком драться, бил его по голове кошельком с медною монетою, причем Губарева находилась в стороне и в драке ни мало не участвовала. Чтобы извозчик не привлек его к ответу за побои, он, Чудин, решился уехать на лошади Саблина, уговорив барышню сесть в пролетку и рассчитывая бросить лошадь на дороге, в Александровском Парке; платье же извозчика он надел на себя для того, чтобы их не остановили. После он рассудил, что «теперь уже все равно», и потому они привели лошадь с пролеткою на двор к себе.

При медицинском освидетельствовании Саблина у него оказались две раны в мягких покровах головы, без повреждения кости, одна из ран находилась у наружного угла левого глаза, другая — на затылочной кости, причем каждая была длиною в ½ вершка; заключением полицейского врача обе эти раны отнесены к числу повреждений легких.

Потерпевший дал показание, в следующем разнящееся от показаний обвиняемых. Дорогою на Лахту они никуда не заезжали, оба седока были совсем трезвые и сам он, Саблин, никогда ничего не пьет. В Старой Деревне Чудин и Губарева, не слезая с пролетки, высматривали чухонца, но так как последнего не нашлось, то он, Саблин, подрядился везти их на Лахту. Дорогою он вдруг почувствовал, что его сзади треснули по голове чем-то твердым. В первой своем показании (2-го сентября 1881 г.) Саблин выразился, что от этого удара он упал, после чего седоки, подбежав к нему, стали его бить. Но при вторичном допросе (26-го января 1882 г.) он сказал, что после нанесенного ему удара он не упал, а только соскочил с козел; от полученного сзади удара упала лишь его шляпа. Седоки тоже соскочили с пролетки, Чудин схватился с ним, Саблиным, драться; а Губарева помогала Чудину повалить Саблина, ухватив последнего за волосы. Когда Чудин бил Саблина по голове, Саблин, по его словам, слышал, как женщина учила: «Бей насмерть!». Однако из показаний самого потерпевшего нигде не видно, чтобы он, хотя бы на короткое время, впадал в состояние бесчувствия; Чудин же решительно утверждал, что извозчик все время был в памяти и говорил.

При следствии мать Юлин Губаревой (вдова титулярного советника, по профессии акушерка) и брат обвиняемой (кандидат на судебные должности, служащий при Сенате), равно как и другие лица, близко знавшие обвиняемую (коллежский советник Сигов, жена коллежского советника Александра Пукирева и дочь последней Марья Пукирева), заявили сомнение в нормальности умственных способностей Юлии Губаревой, вследствие чего обвиняемая 7-го сентября 1881 г. была подвергнута освидетельствованию в порядке, указанном 353 статьею устава уголовного судопроизводства, причем д-р Чиж высказался, что «г-жа Губарева должна быть подвергнута

медицинскому наблюдению в специальном заведении для выяснения характера и формы душевного расстройства, которое можно с большою вероятностью предположить в настоящем случае». Основываясь на этом, судебный следователь собственною властью (помимо прокурорского надзора) препроводил (22-го сентября 1881 г.) обвиняемую в городской приют для призрения душевнобольных, где она и находилась до мая 1882 г. Врач этого приюта, д-р Чиж, основываясь на своей экспертизе (законченной 14-го января 1882 г.), а также на произведенном нм исследовании Губаревой 7-го сентября 1881 г., заключил, «что обвиняемая страдает истериею (Hysteriasis) и что 29-го августа 1881 г., тем более, что она, по ее словам, была пьяна, психические ее способности находились в болезненном состоянии».

1-го мая 1882 г. Губарева была свидетельствована в порядке, указанном 355 ст. Уст. угол. судопр. Произведя освидетельствование, эксперты, д-ра Майдель, Чечотт и Синани, не нашли возможным присоединиться к мнению д-ра Чижа, но дали на предложенные им Окружным судом вопросы следующий ответ: «для решения этих вопросов следует подвергнуть Губареву продолжительному наблюдению в специальном заведении, с препровождением дела для сведения врачу наблюдающему». 8-го мая 1882 г. дочь титулярного советника девица Юлия Губарева, обвиняемая в покушении на убийство с целью ограбления, поступила на испытание в больницу Св. Николая Чудотворца. Исследование этой обвиняемой и наблюдение за нею старшему доктору этой больницы, д-ру Чечотту, угодно было поручить мне. Затруднительность данного судебно-медицинского случая заставила меня отнестись к делу с особенным усердием; я не ограничился подробными исследованием физического и психического состояния обвиняемой, внимательным и обстоятельным наблюдением за нею в течении трех месяцев, по постарался исследовать обстоятельства всей прежней ее жизни — и стремился насколько возможно осветить всю психическую личность обвиняемой, оказавшуюся в высокой степени аномальною, и исторически проследить появление и развитие ее болезненных особенностей. Только путем такого обширного и кропотливого труда я мог выработать по данному делу медицинское мнение, как мне кажется, вполне соответствующее современным требованиям судебной психопатологии и согласующееся с принципами, устанавливаемыми новейшими авторитетами в этой отрасли знания: Каспером, Крафт-Эббингом, Шлагером, Гаустером и другими.

III

Изложу сначала *анамнестические данные*, добытые мною от родных и знакомых девицы Губаревой и частью извлеченные из ее собственных сообщений. Значительная часть этих данных заключается в свидетельских показаниях, вошедших в акты предварительного следствия. Но вместе с тем я не стеснялся вводить в дело и обстоятельства, открытые лично мною,

основываясь на 333 ст. Уст. угол. судопр., которая обязывает врача не упускать из виду и тех обстоятельств, на которые следователь не обратил внимания, если они могут содействовать раскрытию истины; к тому же добытые мною сведения данным предварительного следствия не только ни мало не противоречили, но, напротив, служили лишь к их дополнению и лучшему уяснению.

Юлия Васильевна Губарева родилась в г. Туле 25-го декабря 1855 г. Отец ее отличался чрезмерным резонерством и наклонностью рассуждать о высоких предметах. Запойным пьяницею не был, но употреблял водку постоянно, несмотря на то, что скоро «слабел» от нее и с двух рюмок уже пьянел; последние годы своей жизни он, под влиянием неудач, стал сильнее предаваться пьянству, по временам впадал в задумчивость и однажды намеревался отравиться. Он умер от скоротечной чахотки, когда дочери было 11 лет. Мать обвиняемой, Софья Никитишна Губарева (теперь 50 лет от роду, по профессии — акушерка) — женщина с нервным темпераментом, весьма впечатлительная и вспыльчивая; впрочем, никакими особенными болезнями не страдала; лишь изредка, вследствие домашних огорчений, с нею (по ее собственным словам) случались припадки, подобные истерическим. Бабушка обвиняемой по матери была здорова, но отличалась крайнею раздражительностью и в то же время характером весьма энергическим и «мужественным». Она умерла от рака матки. Между прочими близкими родственниками обвиняемой лиц, прямо страдавших умственным расстройством, не было, но в числе двоюродных сестер Юлии Губаревой находятся несколько невропатических субъектов, страдавших истериею.

У Софьи Губаревой было шесть человек детей; все они оказывались одаренными от природы способностями, превышавшими среднюю норму, у всех их умственное развитие начиналось преждевременно и, но крайней мере вначале, шло необычайно быстро. За исключением Юлии и брата ее Константина, все прочие дети были недолговечны, причем долее других жила одна из младших сестер Юлии, отличавшаяся крайнею впечатлительностью и прямо необыкновенными умственными способностями; она умерла на 11-м году жизни от воспаления мозга. Во время беременности Юлиею Софья Губарева страдала частыми кошмарами, чего не было во время беременности другими детьми; роды были благополучны. С 4-х суток по рождении у Юлии в продолжение двух недель, по словам ее матери, появлялись на голове, при явлениях прилива крови к головному мозгу, абсцессы величиною в грецкий орех, после прорывавшиеся.

В первые восемь лет своей жизни Юлия Губарева была подвержена приливам крови к голове, причем являлись скоропреходящий бред и галлюцинации зрения. Приступ активной гиперемии мозга предвещался тем, что лицо Юлии мгновенно краснело, затем она (по словам ее матери) начинала бредить, причем всего чаще впадала в крайний ужас и металась как

обезумевшая; иногда же при этом обнаруживалось, что она видит перед собою то, чего в действительности перед нею в то время не было; например, указывая перед собою, она кричала: «смотрите, смотрите… вон мальчики — лезут на дерево!» Брат Юлии также знает, что она в детстве была подвержена галлюцинациям. Один случай особенно продолжительной галлюцинации до сих пор живо памятен матери, брату, няньке и самой обвиняемой. Это было на 7-м году жизни Юлии Губаревой: девочка, незадолго перед тем возвратившаяся из бани, укладывалась в постель, но вдруг пришла в сильное волнение и стала требовать, чтобы окружающие прогнали чужую женщину, которая будто бы к ней, к Юлии, подходила, нагибалась над нею, затем начала ходить но комнате и рыться в их комодах.

Умственное развитие Юлии Губаревой началось преждевременно и шло быстрее, чем это бывает у большинства детей. На 6-м году жизни, еще прежде чем началось систематическое обучение, она, неожиданно для матери, в одну неделю «шутя» научилась от брата читать. Вообще с раннего возраста и до эпохи половой зрелости Юлия Губарева отличалась не только чрезвычайно живой фантазией, но и необычной восприимчивостью, вместе с экстраординарной способностью запоминания. Как была велика ее впечатлительность, видно из следующего случая, рассказанного ее матерью. Будучи пяти лет от роду, Юлия увидала однажды погребальное шествие — похороны священника, и тотчас же изобразила, как умела, эту процессию на бумаге, не упустив ни одной из мельчайших подробностей: на рисунке были отмечены как кресты на ризах, так и перевитые золотом свечи в руках священнослужителей.

По характеру Юлия Губарева была с детства крайне своенравна, упряма, порывиста, смела, очень вспыльчива, но не зла. С детства она обращала на себя внимание многими странностями, причудами и, между прочим, так называемыми идиосинкразиями. В возрасте от 2 до 4 лет она обнаруживала неудержимое желание есть уголь и сало, причем не брезговала и сальными свечами; в других же отношениях, напротив, выказывала чрезмерную, почти болезненную брезгливость, например, относительно тараканов. С 6-летнего возраста Юлии для окружающих ее стало ясным, что по своему характеру и наклонностям она приближается более к мужскому полу, чем к женскому, так, она не находила удовольствия в обществе девочек, не играла в куклы, но предпочитала бороться и драться с мальчиками, играть первую роль в их играх, взлезать на крыши и на деревья и проч.

В 1867 году Софья Губарева, имея тогда двух дочерей, переселилась из Тулы в С.-Петербург. Юлия 11 лет от роду поступила в 7-й класс Мариинской гимназии, и до 2-го класса училась хорошо, однако не столько вследствие прилежания (по словам матери ее, она была скорее ленивою), сколько благодаря своим способностям. Впрочем, уже и в это время было заметно, что способности ее односторонни, всего легче ей давались те

учебные предметы, в которых можно было успеть единственно благодаря способности легкого усвоения (восприимчивости) и памяти, именно история и описательные естественные науки, тогда как в математике, где требуется ясность соображения и точность суждений, она успевала менее.

Юлия Губарева начала менструировать на 16-м году. Регулы у нее всегда были неправильными и весьма часто сопрягались с маточной коликой; количество менструальной крови всегда было значительно меньше нормы.

Половое влечение пробудилось в ней очень рано, на 8–9 году, и с самого начала было превратным («sensus sexualis contrarius»), т. е. оно было обращено на особ того же пола. Уже с детства она, по ее собственным сообщениям, «начала ухаживать за красивыми и молодыми женщинами» из числа нанимавших у них комнаты (мать Губаревой имела комнаты для жильцов) или просто знакомых, а когда Юлии Губаревой было 8–9 лет, одна дама ей «особенно понравилась» и, без своего ведома, возбудила в ней чувство, похожее на любовь с сильным половым влечением. Юлия Губарева сама говорит, что это влечение было «чисто животное» и носило на себе характер неодолимости; однако дальнейшего развития это чувство не получило, потому что эта женщина скоро уехала от них. Затем, еще прежде чем Юлии исполнилось 15 лет, ей, как она сама говорит, «стала было нравиться» другая дама, но эта женщина не удовлетворяла эстетическим требованиям Губаревой: «была грубовата», и потому влечение Юлии на этот раз не перешло «в любовь». Как до этого времени, так и после Губарева не чувствовала ни малейшего физического влечения к мужчинам. К самоудовлетворению полового побуждения, т. е. к онанизму, она ни в детстве, ни в позднейшее время жизни никогда не прибегала.

С наступлением половой зрелости произошла резкая перемена в характере, привычках и образе жизни Юлии Губаревой. С этого времени (как заметил ее брат Константин Губарев) не только прекратилось ее нравственное и умственное развитие, но даже прямо началось регрессирование, что выразилось, главным образом, в том, что память ее заметно стала слабеть. Оттого-то она, в детстве отличавшаяся почти необыкновенною памятью, теперь с трудом определяет точное время различных событий из своей прошлой жизни. С 14 лет учение стало даваться ей видимо труднее, чем прежде, а на 16-м году, когда Юлия Губарева была во 2-м классе гимназии, оно ей, по ее собственным словам, «просто опротивело». При таких условиях переходный экзамен не мог быть выдержан, а на экзамене из немецкого языка был получен прямо «афронт», так подействовавший на самолюбивую девушку, что с нею сделался сильный припадок истерики. Несмотря на противодействие родных и знакомых, Губарева вышла из гимназии, не кончив курса.

На 16-м году своей жизни Юлия Губарева познакомилась с одной полькой, вдовой. Полька, по словам Юлии Губаревой, была красивая, изящная

женщина, по-видимому, имевшая средства к жизни. В то время эта женщина «уже не имела любовника» и «тоже не любила мужчин». Полька «приручила» к себе Юлию Губареву, и последняя «влюбилась в нее». По словам самой испытуемой, это была «ее первая настоящая любовь». С тех пор между Губаревой и этой вдовой началась горячая дружба, не прерывавшаяся в течение многих лет; впрочем, по временам их свидания прекращались, потому что полька часто на несколько месяцев уезжала за границу. При этом испытуемая объяснила мне, что она любила эту вдову подобно тому, «как мужчина любит женщину», полька же, наоборот, любила ее, Губареву, «как женщина любит мужчину».

После вышеописанного знакомства Губарева, как она сама выражается, «научилась не давать спуска женщинам»: если встреченная ею женщина «нравилась ей», непременно начинала «ухаживать за нею» и старалась вступить с этой женщиной в дружбу. О дружбе Губаревой с вышеупомянутою полькой домашние Губаревой ничего не знали. Вообще, внутренняя жизнь Юлии и многие из ее знакомств (как видно из слов самой испытуемой) остались скрытыми как для ее матери, так и для брата. Губарева не любила пускаться в откровенности со своими домашними; будучи в высшей степени самоуверенной и высоко ценя самостоятельность, она поставила себя дома так, что ни мать, ни брат не осмеливались вмешиваться в ее дела.

Что касается до отношений Губаревой к мужчинам, то мать ее на предварительном следствии выразилась относительно этого пункта так: «мужчин она очень не любила, и когда я советовала ей выйти замуж, она говорила, что ни за что этого не сделает, что мужчин она ненавидит». Брат Губаревой лично мне сообщил, что он замечал не только неблаговоление сестры к мужчинам, но и ее склонность к женскому полу, но никаких выводов из этого не делал, лишь видел в этом одну из многих «странностей» Юлии. Губарева сама мне рассказывала, что она один раз в своей жизни состояла в связи с мужчиной, причем матери ее и знакомым это осталось неизвестным. Вот сущность этого сообщения испытуемой: несколько лет тому назад ей «понравился один кавалер», но это чувство было чисто платоническое; этот мужчина (имени и профессии его она не назвала) страстно полюбил ее; «из дружбы и платонической любви» к нему, а также будучи ему чем-то «обязана», она наконец уступила его настояниям и вступила с ним в любовную связь, несмотря на то, что половые сношения с мужчиной не доставляли ей физического удовлетворения. От этой связи у нее был ребенок, отданный ею одной даме на воспитание; после родов она, будучи далее не в силах насиловать свою натуру, будто бы прекратила связь с «кавалером», оставшись с ним в дружеских отношениях. Впоследствии гинекологическое исследование прямо показало, что Губарева уже рожала.

После того как Юлии Губаревой исполнилось 16 лет, ее характер (по сообщению ее брата) резко изменился, причем сначала замечалась небывалая

прежде апатия, а потом все резче и резче стали выступать на первый план, как выдающиеся черты характера, упрямство, самонадеянность и чрезмерное самолюбие. Смешливость, которою Губарева отличалась с детства, еще больше усилилась. Преобладающим настроением у Губаревой в возрасте от 18 до 22 лет было (по словам ее брата) состояние большей или меньшей экзальтации, причем самые обыкновенные обстоятельства нередко вызывали в ней продолжительный, неудержимый смех. Вместе с тем в настроении Губаревой все чаще и чаще стали замечаться окружающими неожиданные переходы от буйной веселости к вялости и апатии. Ее вспыльчивость, быстро возрастая, скоро перешла в болезненную раздражительность, причем сравнительно ничтожные обстоятельства стали подавать повод к бурным сценам гневной запальчивости, сопровождавшейся приступами истерики (судорожное рыдание вперемежку с таковым же смехом, спазмы в горле, причем общих судорог, впрочем, никогда не бывало) и нередко переходившей в полное неистовство: у Губаревой в таких случаях «глаза наливались кровью, она стучала ногами, кулаками, бросалась на стены, рвала волосы, металась».

В то же время знакомые Губаревой поражались в ее характере «избытком силы, чисто мужской, и отсутствием женственности», равно как и ее «порывистостью», «дикостью и буйностью», вместе с разными другими странностями. В числе этих странностей укажу на следующее. Губарева (по словам ее матери и брата) во многих отношениях была чрезмерно брезглива: один вид черного таракана или присутствие волоса в супе вызывали у ней тошноту, иногда рвоту и приступ истерики. Будучи вообще весьма смелою, она в некоторых случаях оказывалась трусливою; например, она боялась темноты, так что лишь с большим трудом могла приучить себя спать одной в комнате; боялась домовых; никогда не купалась в купальнях, потому что вид воды с темною поверхностью, равно как и прудовая вода, покрытая тиною и ряскою, наводили на нее страх. Замечательна также (сообщенная мне матерью испытуемой) наклонность Юлии Губаревой прятать свои деньги в необычайные места, например, «в клозете, где-нибудь за плинтусом».

Характер Губаревой вообще поражал всех лиц, ее близко знавших, чертами, прямо контрастирующими между собою. То она являлась застенчивой, робкой и сдержанной; то размашисто-удалой, «дикой и буйной». Будучи обыкновенно бережливой, она временами впадала в крайнюю скупость, иногда же поражала свою мать расточительностью. Была в отношении к окружающим то крайне мягкой и нежной, то резкой, грубой и неразборчивой в выражениях. Отличаясь стремлениями и наклонностями чисто практического свойства, она оставалась способною к беззаветному увлечению. Порывистость ее натуры, то есть способность легко приходить в аффективное состояние, видна была во всем; из показаний и сообщений ее родных и знакомых приведу в пример следующее. Однажды,

рассказывая г-же Пукиревой о своем неудавшемся предприятии, Губарева «была в страшно возбужденном, каком-то горячечном состоянии». Огорчив г-жу Пукиреву одной из своих выходок, Губарева после со слезами «валялась в ногах у нее», умоляя о прощении. Несмотря на горячую любовь к своей матери, она обыкновенно относилась к последней грубо и резко, однажды в приступе неистовства даже ударила мать. Не будучи злой, она с прислугой обращалась крайне строго и находившуюся у них в услужении девочку Анну часто беспощадно наказывала. До крайности любя домашних животных, она временами выказывала по отношению к ним необыкновенную жестокость.

К числу странностей Губаревой надо отнести и то, что она находила громадное удовольствие наряжаться в мужское платье (брюки и пиджак или сюртук); переодевшись в такой костюм, она, по ее собственным словам, ездила иногда по трактирам, вступала там в беседу с незнакомыми ей мужчинами и была счастлива, что в ней не узнавали женщину, но принимали ее то за молодого приказчика, то за «песенника из Молчановского хора». Раза 2–3 она посещала в мужском платье публичные дома, где танцевала и пела в качестве мужчины. Светских же удовольствий с танцами, выездами в клубы и театры Губарева (по сообщению ее матери) не любила; о женских нарядах и вообще о своей внешности ни мало не заботилась, в отношении к платью даже была прямо небрежной.

О вышеупомянутых поездках по трактирам и публичным домам, равно как и о знакомствах Губаревой с «содержанками», с которыми Губарева (по ее собственным словам) любила сходиться потому, что между ними она часто встречала женщин, ей «нравившихся», домашние Губаревой, по-видимому, ничего не знали. Впрочем, отчасти ей случалось «проговариваться» про это брату и своей подруге, Марии Пукиревой, но последние не придавали значения ее словам, находя, «что она на себя Бог знает что наговаривает». Брат ее, как он сам объяснил мне, полагал, что она «наговаривает на себя из удали и молодечества», так как этими свойствами она всегда отличалась. Потребность «дурачиться», «куролесить» (собственные выражения испытуемой) находила на нее временами. Долгое время подряд «путаться» ей, по ее словам, не приходилось; бывали и такие периоды, когда она «ни в кого (из женщин) не была влюблена». Были у Губаревой также страстные привязанности, по-видимому, чисто платонического свойства; сюда принадлежит ее любовь к единственной близкой подруге ее М. М. Пукиревой, с которой Губарева, однако, не была откровенной, считая ее за ребенка (хотя этой подруге 22 года от роду).

Родные и знакомые высоко ценили Губареву в умственном отношении, считали ее за девушку способную, умную, развитую и находили ее замечательно остроумною. Впрочем, ее подруга и брат (как он сам мне говорил) в последнее время стали замечать в ней «отупение».

При всех своих «странностях» Губарева в домашней жизни являлась рассчетливою и трудолюбивою. Она одна вела все хозяйство в доме, из экономии не держала взрослой прислуги, сама исполняла для матери и жильцов все обязанности горничной и кухарки, причем не пренебрегала и самой грязной работой, например, стиркой белья, мытьем полов. Имея прямое отвращение от замужества, она должна была думать о том, чтобы самой обеспечить свое существование. В своей юности Губарева пробовала давать уроки, заниматься письменной работой и корректурой, но скоро это оставила, так как все, что напоминало об ученье или о науке (по ее собственному объяснению), «опротивело» ей. Постоянною ее мечтою было заняться торговлею или каким-нибудь выгодным ремеслом. Наконец, года 4 тому назад, взяв заимообразно у одного из своих знакомых 500 р., Губарева начала промысел легкового извоза, причем отдалась этому делу с необыкновенным увлечением; она сама закупала корм для лошадей, сама готовила пищу извозчикам, запрягала и отпрягала лошадей, мыла как лошадей, так и экипажи и т. п. Насколько выгоден был для нее этот промысел, родные и знакомые ее не знают, так как она никого не посвящала в подробности своих дел. В последний год у нее было только две лошади с одною закладкою и два работника, ездившие поочередно. Из работников Пахом Чудин поступил к ней с того времени, как она завела лошадей. Особых отношений к нему Губарева, по-видимому, не имела, но он ей, по ее собственным словам, был ближе, чем другие работники, потому что долго служил у нее и отчасти помогал ей в ее домашних работах. Со своими работниками Губарева обращалась запросто, обедала с ними за одним столом, ходила с ними в трактир для чаепития, помогала им в уборке лошадей; поэтому работники вообще любили ее, впрочем, как она сама говорит, «забываться» перед нею, не исключая и Пахома, не смели. С извозчиками Губарева сама превратилась в извозчика и, браня своих работников, зачастую, как сама признается, прибегала к непристойным ругательным терминам. Будучи вспыльчивой и требовательной, она «не спускала» своим работникам пьянства и других провинностей и нередко «лупила их кнутом». Пахому, как больше бывавшему у нее на глазах, доставалось (по ее словам) даже чаще других. Научившись управляться с лошадьми, Губарева нередко одевалась в кучерское платье и «ездила за извозчика», причем особенно бывала довольна, если доводилось ей отвезти мать свою или кого-нибудь из лиц, близко ее, Губареву, знавших, и эти седоки ее не узнавали.

По делу следует, что никто из домашних Губаревой и ее близких знакомых никогда не видал ее пьяной, хотя, впрочем, видели, что она выпьет стакан вина или рюмку водки. Однако брат ее (как он сам сообщил мне) в последние два года замечал, что сестра иногда является домой «выпивши», но не сильно, а лишь до степени приятной экзальтации. Сама Губарева относительно этого предмета дала мне следующие объяснения: привыкать

к вину она начала во время знакомства с вышеупомянутой вдовой полькой, после же того уже никогда в подходящей компании не избегала спиртных напитков; но ее словам, она выпивала обыкновенно у таких своих знакомых, о существовании которых ее домашние не знали, например, у тех содержанок, с которыми ей приводилось сходиться, а также и во время своих поездок по трактирам, но до крайней степени обыкновенно не напивалась, раз только случилось, что после двух стаканчиков коньяку она «свалилась». Губарева любила вообще всякое вино, но коньяку и ликерам отдавала предпочтение; водку же, напротив, пила мало, рюмку-две, и то больше «за компанию» с извозчиками. Во хмелю становилась еще более веселой и смелой, однако никаких скандалов в большинстве случаев не делала. Впрочем, если ее «трогали», т.е. сердили, то она в нетрезвом виде раздражалась еще легче и сильнее, чем в обыкновенном своем состоянии, и готова была, по ее словам, «кого угодно съездить по морде». Привыкнув к спиртным напиткам вне дома, впоследствии она и дома, будучи совершенно одна, стала по временам прибегать к коньяку или ликерам, «чтобы забыться», так как нередко на нее «нападала тоска».

В последние два года болезненные особенности характера Губаревой, по наблюдениям ее родных, выступили особенно резко. Изменчивость ее настроения достигла высшей степени, так что в Губаревой «стали замечаться быстрые переходы от самой буйной веселости к ужасному беспредметному озлоблению» (слова ее брата). После одного огорчения, случившегося с Губаревой в конце 1880 г. (у ее лошади кто-то отрезал язык), она долгое время сильно тосковала, так что ее брат уже в это время заподозрил в ней психическое расстройство. В это время истерические припадки, впрочем, неполные, т.е. без общих судорог (спазмы в горле или globus hystericus, судорожное рыдание, прерываемое таковым же смехом), были особенно частыми (раза 2–3 в неделю). Кроме того, от самых ничтожных внешних поводов и при обыкновеннейших обстоятельствах домашней жизни у Губаревой, неожиданно для окружающих, все чаще и чаще стали повторяться приступы неистовства: моментально ее лицо краснело; она вдруг впадала в крайнюю степень бешенства, кричала, топала ногами, кидала предметы, попадавшиеся ей под руку, колотилась головой об стену; в одном из таких приступов она ударила свою мать, обратившуюся к ней с каким-то простым вопросом. Об этих приступах неистовства или бешенства мне рассказывали брат ее и мать, причем последняя выражала свое удивление главным образом по поводу того обстоятельства, что неистовство разражалось вдруг и тоже вдруг, т.е. моментально, уступало место обыкновенному настроению. В этом отношении особенно памятно ее матери 1-е июня 1881 года: Юлия Губарева без всякой причины начала нещадно бить собаку; взглянув на ее лицо, мать промолвила: «ты, Юлия, как будто выпила», — эта фраза привела Губареву в полное неистовство, приступ которого «в один

момент» кончился, едва лишь кто-то из посторонних случайно вошел в комнату. Губарева заговорила с вошедшим совершенно спокойно, как будто бы ничего перед тем не произошло.

IV

Переходя к тому, что Губарева рассказывала в больнице по отношению ко дню 29-го августа, я должен прежде всего сделать следующую ссылку. Отвечая (1-го мая 1882 г.) на вопросы, предложенные ей судом, Губарева начала рассказывать про одну барышню, будто бы бывшую невольной виновницей всего происшедшего с нею, Губаревой, в день 29-го августа: «если бы ее (т. е. барышни) не было, если бы она не захворала, то и ничего бы не было, и я бы не поехала (на Лахту)». В этом же самом смысле испытуемая объяснялась и в больнице, а именно: у нее, Губаревой, была приятельница, очень молодая девушка, «консерваторка»; матери у барышни уже не было в живых; отец же в день 29-го августа будто бы был в отлучке из дома. В субботу, 29-го августа, около 8 часов вечера, Юлия Губарева пришла к этой «консерваторке» и нашла ее больной, притом находящеюся «как будто бы в бреду». Горячо любя свою приятельницу, Губарева сильно расстроилась: у нея явилось опасение, что барышня умрет. Испуг и растерянность Губаревой усиливались тем обстоятельством, что ей представилось, будто она, Губарева, есть виновница болезни «консерваторки». Тогда она (по ее словам) кинулась за доктором, но не нашла его и вернулась назад еще более растерянною. «В страхе за жизнь барышни» она прибежала домой и, не зная, что делать, сразу выпила целый графинчик ананасного ликера (что составляло, по ее словам, около двух чайных чашек). После этого она вспомнила было о докторе Писареве, женатом на ее тетке, и хотела уже было его звать на помощь, но тотчас же отвергла эту мысль, так как она не желала, чтобы ее родные узнали о знакомстве ее с «консерваторкою». От волнения и от выпитого ею ликера мысли ее «окончательно стали путаться», так что с этого времени она, по ее словам, смутно и не вполне помнит то, что она чувствовала и что делала. Соответственно этому и сообщения ее с этого пункта становятся крайне отрывочны и сбивчивы. Было уже около 10 часов вечера. «Кажется, я потом, — говорит она, — еще чего-то выпила», затем «побежала в Свечной»[16], причем встретилась с Пахомом. Пахом еще днем отпрашивался на Лахту к кому-то в гости. У нее, Губаревой, знакомых там не имелось, сама она там никогда не бывала и даже не знала, где собственно находится Лахта. Пахом ее с собой не звал, но, встретив его, она вдруг решила отправиться с ним, единственно лишь в рассчете «забыться» и «напиться там окончательно»; к тому же в это время ей, по ее словам, было решительно «все равно» куда бы

---

[16] Губарева жила с матерью на Разъезжей улице, для своих же работников она нанимала квартиру поблизости, в Свечном переулке.

ни ехать, так как она положительно не знала, что с собою делать. Пахом же знал, что она любит «кататься», и потому ни мало не удивился ее намерению ехать с ним. Сперва они пошли пешком, потом Чудин нанял извозчика. Дорогою она с Чудиным, вплоть до Старой Деревни, ни о чем не разговаривала, вполне предоставив ему заботиться о способе их проезда на Лахту; не обращала ни малейшего внимания ни на встречавшееся по дороге, ни на своего спутника; лишь в Старой Деревне будто бы заметила, что Пахом пьян. Останавливались ли где дорогою и пили ли где Пахом и извозчик, Губарева наверное сказать не может; однако говорит: «кажется, где-то останавливались»; помнит хорошо лишь то, что она сама вплоть до места «приключения» не выходила из пролетки. Как произошло дело, хорошенько не помнит и наивно признается, что вспоминать ей об этом «неприятно». Впрочем, сообщает, что Пахом и извозчик стали ругаться между собой, что она сошла с пролетки и пошла по дороге обратно, между теми же, как ей кажется, произошла драка. Каким образом она снова очутилась в пролетке, хорошенько не знает. Пахом сказал ей, что он «отдул» извозчика и что лучше уехать. Как доехали домой, хорошенько не помнит; до наступления утра она не могла ни о чем рассуждать и находилась в таком состоянии, что ей было «все равно». Из слов испытуемой (если только она говорит правду) можно заключить, что когда они выезжали из города, то настроение ее духа было глубоко депрессивным, но дорогой, еще до Старой Деревни, стало изменяться и перешло в настроение, по ее обозначению, «торжественное». К утру, уже после того, как они вернулись, ей вдруг «стало очень весело» (экспансивное состояние). Всю эту ночь испытуемая, по ее словам, прожила совершенно «безотчетно».

Вскоре по возвращении Губарева, если верить ее словам, пошла навестить больную «консерваторку», нашла, что ей несколько лучше, и потом, около 7 часов утра пришла на Разъезжую, а часов в 11 снова отправилась в Свечной. Увидав угнанную ими лошадь, она, Губарева, по ее словам, долго хохотала, потому что ее «вдруг стал сильно разбирать смех». Пахом разъяснил ей, что лошадь нужно продать, и тогда, сообразив свое положение, она согласилась с ним, что дело непоправимо, и что остается одно — скрывать следы. В это утро она чувствовала себя чрезвычайно весело, это обстоятельство подтверждается словами барышника Александрова, который при дознании сказал, что, продавая лошадь, Губарева была веселой. Продав лошадь на Конной, Губарева, по ее словам, отправилась на крестный ход и возвратилась в еще более экспансивном состоянии. Желая удержаться в этом настроении, она будто бы выпила коньяку, после чего, вдруг вздумав устроить для себя и для своей приятельницы, Марии Пукиревой, «маленькую пирушку», поехала за шампанским и фруктами. Перед этим, а именно от 2–3 часов дня Губареву видела Мария Пукирева, причем Губарева, по показанию свидетельницы, «была краснее обыкновенного» и сама заявила:

«как я пьяна». Далее испытуемая рассказывает так: вернувшись с покупками, она была приглашена в участок и там, растерявшись, будто бы «наговорила лишнего» и «что-то наврала на Пахома», так как ей показалось, что тот «сдуру хочет свалить все на нее одну».

Как в воскресенье, 30-го августа, так и накануне матери Губаревой не было дома (она находилась у больной). Вернувшись домой в воскресенье около 12 часов ночи, мать с изумлением нашла на столе бутылку шампанского, фрукты и записку, написанную карандашом рукою Юлии, со словами: «бутылка шампанского, дюшес! ха, ха, ха, ха, ха, ха!.. » Через несколько времени мать получила от Юлии, задержанной в управлении участка, записку следующего содержания: «Мамаша, не беспокойтесь обо мне, я не приду, главное, не скучайте. Поминайте меня с Маником и простите ради Бога. В Свечной не ходите — случилось приключение. Знаю я, Вам будет очень тяжело знать его. Не беспокойтесь. Ю. Губарева. Завтра уведомлю. Я попала в неприятную историю Маник [17] может забыть обо мне». По словам матери, Юлия была приведена из участка полицией в три часа ночи; обвиняемая молча и безучастно присутствовала при обыске и «все время грызла семечки», однако была очень бледной.

V

Теперь пора перейти к *результатам исследования* обвиняемой в больнице св. Николая Чудотворца.

Юлия Губарева, 26 лет от роду, среднего роста, крепкого телосложения. Подкожно-жировой слой необилен; мышцы развиты хорошо. Цвет лица часто меняется от бледного до сильно розового. По цвету кожи на прочих местах тела, равно как и по доступным для исследования слизистыми оболочкам видна некоторая степень анемии. Мышечная сила испытуемой для женщины среднего роста значительна (по динамометру, сила сдавления в правой руке у Губаревой равна 55 килогр.). Склад лица угловатый, что выражается в значительно развитых скулах и в подбородке, резко загнутом вперед. Вследствие этого лицо получает отпечаток энергичности и вместе с тем приближается по типу к лицу мужскому. Лоб широкий, закругленный, выступающий вперед, вследствие чего лицевой угол значителен (лицевой угол Клокэ, определенный посредством гониометра Брока, равен у Губаревой 72°). Ширина в плечах у Губаревой, по отношению к росту, несколько больше, чем обыкновенно у женщин. При росте Губаревой в 154 сантиметра (и таковой же величине. большого размаха), расстояние между верхнеплечевыми отростками равно 37 сантиметрам, что составляет 24 на 100 сантиметров роста.

Голова Губаревой, как показывает нижеприводимая таблица, относительно очень велика; все размеры головы у Губаревой (графа А) превыша-

[17] Подруга Губаревой, Мария Пукирева.

ют средние размеры женской головы (графа B) и почти или вполне соответствуют средним размерам головы мужской. Череп брахицефалический, развит симметрично. При ощупывании черепа замечаются следующие неправильности. В теменной области, соответственно месту прежнего теменного родничка, находится неправильное вдавление на кости, величиною около медного пятака. Верхнезатылочная область представляется сильно выпуклою, вследствие чего на границе между этою областью и областью заднетеменною образуется широкая, весьма заметная впадина. Постановка зубов и форма твердого нёба правильны.

Размеры головы у Губаревой (графа A) в сантиметрах

		A	B
a)	circumferentia horizontalis	55	53
b)	curva longitudinalis	34,5	33
c)	curva auriculo-occipitalis	23	22
d)	curva auriculo-frontalis	28,5	28
e)	curva biauricularis	36	34
f)	кривая от porus acust. через подбород. на друг. стор.	29,5	28
g)	продольный диаметр черепа	18,2	17,5
h)	наибольший поперечный диаметр	15	14
i)	диаметр между pori acustici	12	11,5
k)	прямая между скуловыми отростками лобн. костей	11,5	11
l)	прямая между porus acust. и носов. остью	11,5	11
m)	головной указатель (h : g)	0,82	0,70
n)	сумочка a+b+c или так назыв. «вместимость»	125,5	120

Волосы на голове не густые. Испытуемая с первой юности не носит косы и стрижется очень коротко. Уши, нос, рот и глаза ничего особенного не представляют. Голос (контральто) при взволнованном состоянии испытуемой звучит резко и грубо и в таких случаях становится похожим по тембру на голос мужской. Речь обыкновенно весьма бойкая, при волнении же испытуемой крайне быстрая, аффективная и резкая. Губарева весьма неразборчива в своих выражениях, часто употребляет простонародные или чрезмерно энергические термины и обороты (например, «дать плюху», «съездить по морде», «заехать в рыло» и т. п.); в раздраженном же состоянии энергически бранится, пользуясь, между прочим, непристойными ругательными терминами. Движения Губаревой большею частью быстры. Мимика и жесты, в особенности при живом разговоре, энергичные, с отпечатком мужественности и даже ухарства. Вообще в испытуемой весьма заметен недостаток того, что называется женственностью.

Легкие и сердце ничего ненормального не представляют. Органы брюшной полости, по-видимому, тоже в порядке. Аппетит средний. Сон большею частью удовлетворителен.

Регулы часто с болями, постоянно неправильны, иногда в большем количестве против нормального, обыкновенно же в количестве значительно уменьшенном. Промежутки между регулами различной продолжительности, большею частью около 5 недель. Регулы, появившись, продолжаются обыкновенно 3 дня, но через 1–2 или более дней по прекращении на 1–2 дня показываются снова. В менструальное время испытуемая становится раздражительнее обыкновенного, иногда же приходит в состояние легкой маниакальной экзальтации, большею частью с эротическим оттенком. Впрочем, постоянного отношения между регулами и переменами душевного состояния Губаревой нельзя было заметить.

Гинекологическое исследование Губаревой, произведенное специалистом по гинекологии д-ром медицины Кубасовым, показало следующее. Груди небольшие, правильно развитые. Конфигурация таза ничего ненормального не представляет; размеры его показаны в графе А, тогда как графа В представляет средние размеры женского таза в см:

	А	**В**
Окружность под гребешками подвздошных костей	80	89
Diameter crist. ossis ilei	28	28
Diameter spin. ossis ilei	24	25
Conjugata externa	20	20
Conjugata diagonalis	12	13

Лобок (mons Veneris) скудно покрыт волосами. Наружные половые части (vulva) мало поднимаются над окружающею поверхностью. Большие половые губы (labia pudendorum majora) плоски, почти без жировой клетчатки и совсем покрывают малые губы. Labia pudendorum minora развиты мало. Клитор небольшой, лежит правильно; он весьма чувствителен. На месте бывшей девственной плевы (hymen) только небольшие миртовидные сосочки (carunculae myrtiformes), между которыми следы глубоких разрывов девственной плевы, в особенности в правом нижнем и в левом верхнем сегментах ее. Половая щель (rima pudendorum) зияет, и в ней показываются широкие складки передней и задней стенок рукава. Вход в рукав (introitus vaginae) широк, отчасти гиперемирован. Уздечка больших губ (frenulum labiorum) отсутствует. Складки слизистой оболочки рукава (columnae rugarum) сглажены. Отделение на поверхности слизистой оболочки рукава усилено. Матка (uterus) немного увеличена, подвижна, мало чувствительна, лежит на своем месте; изгиб ее вперед меньше нормального, дно ее несколько отклонено вправо. Влагалищная часть матки коротка, толста, бугриста; наружный зев матки открыт настолько, что пропускает верхушку пальца губы; наружные отверстия матки отворочены в стороны и представляют большие боковые надрывы. В придаточных органах матки ничего ненормального не оказывается; в правом своде следы (residua) про-

текшего здесь воспалительного процесса. На основании своего исследования д-р медицины Кубасов заключает, что Губарева, несомненно, рожала, что теперь она страдает хроническим катаром рукава (colpitis chronica) и шейного канала матки (endometritis cervicalis chronica).

Губарева жалуется лишь на приступы головной боли и на являющиеся по временам беспричинные слезы и таковой же смех; по ее словам, она иногда не в состоянии удержаться от смеха даже тогда, когда это наружное проявление не соответствует ее действительному настроению. Впрочем, испытуемая считает себя вполне здоровою, но говорит, что «несколько расстроилась нервами» вследствие долгого пребывания в городском приюте для душевнобольных, где ей, как она говорит, жилось гораздо труднее, чем в доме предварительного заключения. Губарева весьма смешлива, когда находится в своем обыкновенном состоянии, и очень часто без достаточного повода смеется беззаботным, детски-школьническим смехом. В состоянии же взволнованности иногда подолгу хохочет, причем этот хохот уже носит на себе отпечаток истерической судорожности.

Внимательное наблюдение показывает, что в психической жизни Губаревой следует различать: во-первых, *постоянное* или *обыкновенное состояние*, которое у испытуемой характеризуется, как будет указано ниже, массою элементарных аномалий во всех сферах душевной жизни, в чувствовании, мышлении и действовании и, во-вторых, так сказать, *припадочные*, *временные* или *транзиторные* состояния (с включением нервных истерических припадков). В нижеследующем будет сначала изображено «*постоянное*» состояние Губаревой, которое не всегда бывает спокойным, ибо и в пределах этого «постоянного» состояния испытуемой настроение последней оказывается крайне подвижным и ее чувствование, мышление и действование представляют значительные колебания.

Большею частью Губарева находится в покойном состоянии, причем имеет вид беззаботный, умеренно веселый. Держит себя всегда непринужденно, однако обыкновенно не выходит из границ приличия. Всего охотнее занимается физической работой, в особенности грубой, требующей не искусства, а силы и выносливости. К чтению и вообще к умственным занятиям пристрастия не имеет; даже к чтению романов обращается лишь изредка. В женских рукоделиях малоискусна, и если начинает какую-нибудь ручную женскую работу, то обыкновенно бросает ее, не докончив. Большую часть своего времени занимается разговорами с теми из лиц, ее окружающих, которые пользуются ее расположением. Испытуемая обнаруживает известного рода юмор, впрочем, весьма невысокого разбора. При всяком удобном случае она подсмеивается над окружающими и грубо передразнивает их, причем выказывает свою впечатлительность и маленький талант копирования голоса и манер других лиц. В своих шутках бесцеремонна и любит употреблять грубо-непристойные выражения, после которых с хо-

хотом иногда извиняется перед окружающими. Губарева разговорчива; она охотно и без жеманства сообщает врачу все обстоятельства своей прежней жизни, причем без малейшего стеснения рассказывает о таких эпизодах, в которых ее характер является в не совсем благоприятном свете. Несмотря на то, что она способна краснеть при самом легком раздражении, не краснеет и нимало не конфузится при некоторых весьма щекотливых вопросах врача и охотно сообщает ему о своих «ухаживаниях за женщинами». Рассказывая о своих, как она выражается, «куролесеньях», постепенно увлекается, принимает вид молодцеватости и даже прямо хвастается своими победами над сердцами женщин. В такие минуты теряет последний отпечаток женственности и поразительно напоминает речью, мимикою и жестами безбородого юношу, с видом ухарства рассказывающего снисходительному слушателю о своих любовных успехах. Находясь в больнице, испытуемая охотно вступает в разговоры с больными и с прислугою, при всяком удобном случае заводит речь о «любви», причем нимало не скрывает своего превратного полового инстинкта.

Сведения, собранные относительно прежней жизни Губаревой, показывают, что у испытуемой представляется врожденная превратность полового чувства в форме «sensus sexualis contrarius» (по Вестфалю conträre Sexual-Empfindung). Это подтверждается и непосредственным наблюдением над Губаревой. Оказывается, что она отличает между окружающими ее женщинами красивых и молодых, и держит себя по отношению к последним иначе, чем по отношению к другим женщинам. С женщинами, не принадлежащими к числу ей «нравящихся», а равно и с мужчинами испытуемая держит себя совершенно просто, без всякого жеманства и без малейшей застенчивости. Но в больнице Губарева отличила из числа окружающих ее одну даму, к которой стала выказывать особую благосклонность. При этой особе Губарева была более разборчива в своих выражениях, чем обыкновенно, относилась к ней с большей конфузливостью и приходила в крайнее смущение от одной мысли о том, чтобы (наравне с другими больными) идти в сопровождении этой дамы в баню. В обращении с этой особой Губарева, не подозревая, что за ней наблюдают, проделывала все то, что обыкновенно проделывается юношею, ухаживающим за нравящейся ему женщиной. Если бы в больнице не были своевременно приняты меры к удержанию чувств Губаревой в должных границах, то, несомненно, дело дошло бы как до сцен патологической ревности, так и до других, не менее активных требований патологического любовного чувства[18].

[18] Впоследствии, будучи переведена из больницы в дом предварительного заключения, она, Губарева, весьма часто награждала вышеупомянутую даму письмами, в которых изливала свои чувства в самых пламенных выражениях, подобных тем, которые иногда употребляются находящимися в горячке любовной страсти мужчинами в их излияниях к предметам своей страсти.

Кроме превратности (прирожденной) полового чувства, Губарева представляет в сфере чувствования много других аномалий. Сюда принадлежат, между прочим, разные мелкие «странности» и идиосинкразии из числа описанных выше и замеченных также во время пребывания Губаревой в больнице (болезненная брезгливость относительно тараканов; боязнь темноты, боязнь затемненной воды, например, ванны, наполненной водою, и т. п.). Далее, у испытуемой оказываются явления психической парестезии и таковой же гиперестезии. Первая из этих аномалий чувствования выражается в причудливости Губаревой по отношению к лицам и к объектам; так, лица, которые раньше пользовались полным благорасположением Губаревой, иногда вдруг, без видимой причины, начинают вызывать в ней чувство отвращения; занятия или способы времяпрепровождения, нравившиеся ей раньше, вдруг становятся для нее мучительными.

Психическая гиперестезия испытуемой обнаруживается в крайней впечатлительности Губаревой, причем смена внешних впечатлений обусловливает в Губаревой столь же пеструю и живую смену внутренних актов (ощущений, образов и чувствований). Кроме того, некоторые из внешних раздражений вызывают в испытуемой несоразмерно сильную реакцию. С этой точки зрения становятся понятными неустойчивость душевного равновесия у Губаревой, смешливость последней, быстрые и резкие перемены в настроении, легкость переходов от смеха к слезам и обратно. Не выходя из границ своего «обыкновенного» состояния, Губарева является то спокойною, то аффективною, то вялою и апатичною, то раздражительною, то мягкою и уступчивою, то упрямою и резкою, то веселою или до крайности смешливою, то настроенною грустно, причем с мечтательным видом сидит по целым часам у окна и распевает унылые песни. Особенностями в сфере чувствования и вообще аффективным строем душевной жизни Губаревой обусловливается и то ее качество, особенно резко проявляющееся в минуты ее возбужденности, которое родственники испытуемой называют «удальством» или «молодцеватостью».

Испытуемая имеет весьма живое воображение, причем деятельность фантазии у нее недостаточно регулируется ее относительно слабым рассудком. Процесс воспроизведения представлений совершается у Губаревой с большою легкостью, но воспроизведенные представления (как это весьма часто бывает у подобного рода субъектов) с недостаточною степенью точности повторяют содержание тех представлений, которые родились из непосредственного чувственного восприятия. Это видно из того, что Губарева в своих показаниях, сама этого не замечая, относительно различных мелких подробностей вспоминаемых ею событий уклоняется от истины, и притом в одном и том же пункте в различное время уклоняется в разные стороны, чего, разумеется, не было бы, если бы отступление от истины здесь было произвольным. Вследствие этой особенности, а также вследствие живости

фантазии и недостаточной регулированности воображения рассудком Губарева (в особенности, когда впадет в аффективность или, как говорится, «увлечется») под влиянием тех или других недостаточно сознанных побуждений и чувств нерезко различает пережитое ею в воображении от пережитого в действительности и в своих рассказах невольно примешивает иногда к истине небывальщину, выказывая тем замеченную за нею еще ее родными и знакомыми наклонность «наговаривать» на себя и, следовательно, также и на других.

Память у Губаревой может показаться удовлетворительною; но если принять в соображение сообщения матери и брата испытуемой относительно того, что Губарева в детстве и юности отличалась необыкновенною способностью запоминания, то придется допустить, что память у нее весьма значительно ослабела (наблюдения брата Губаревой прямо подтверждают этот вывод). Но частная слабость памяти констатируется у испытуемой и непосредственно; так, относительно чисел память Губаревой оказывается крайне неудовлетворительною. Независимо от этого, из вышесказанного относительно неточности воспроизведения представлений у Губаревой само собою явствует, что память Губаревой вообще не может отличаться точностью, что действительно и констатируется наблюдением.

Движение представлений у испытуемой (даже при обыкновенном ее состоянии) не всегда совершается с нормальною быстротою и часто бывает то замедленным, то ускоренным. Ход мыслей у Губаревой обыкновенно неправилен. На вопросы она почти всегда отвечает логично, но начав рассказ и будучи предоставлена в ведении его самой себе, часто отвлекается в сторону от главного предмета, иногда же неожиданно перескакивает мыслью с одного предмета на другой. Из всех способов ассоциирования представлений у Губаревой преобладает ассоциация по внешнему соотношению между представлениями. Из числа ассоциаций по координации у испытуемой ненормально часто имеет место ассоциация по контрасту. Ассоциация же по зависимости (т. е. по причинному отношению и по отношению цели) наблюдается у нее, по-видимому, весьма редко.

Отчасти в связи с особенностями ассоциирования идей у Губаревой находится то обстоятельство, что у нее нередко неожиданно возникают причудливые, странные или даже прямо нелепые идеи, которые, при аффективности и при болезненной восприимчивости испытуемой, легко приобретают на некоторое время характер так называемых «навязчивых», или «насильственных» представлений (Zwangsvorstellungen). Привожу один пример. Находясь в больнице, Губарева одно время, видимо, была внутренне чем-то обеспокоена; после долгого выпытывания с моей стороны она призналась, что боится беременности: в приюте для душевнобольных, где она раньше находилась, мужчины и женщины, по ее словам, употребляют одну и ту же ванну; предполагая, что при таком условии дана возможность

случайного оплодотворения, Губарева вообразила, что она «от ванны могла забеременеть». Потребовалось серьезное опровержение для того, чтобы устранить из головы Губаревой эту эксцентричную мысль.

Те ошибочные, странные или даже нелепые идеи, которые порою возникают у Губаревой при обыкновенном ее состоянии, бреда в настоящем смысле этого слова не составляют, ибо эти представления у Губаревой не образуют сколько-нибудь устойчивых комплексов и, главное, допускают возможность поправки их со стороны рассудка. Но должно заметить, что при тех элементарных психических уклонениях от нормы, какие оказались у Губаревой, бред легко может возникнуть при всяком значительном нарушении ее вообще крайне неустойчивого душевного равновесия. Для эпизодического появления идей бреда у Губаревой довольно уже того, чтобы вышеупомянутая поправка, производимая в ее ошибочных или странных представлениях со стороны всего ее «я», последовала недостаточно быстро. Таким образом, Губарева в высокой степени предрасположена к транзиторному бреду, который иногда, как будет показано ниже, действительно и появляется у нее.

При вышенайденных уклонениях от нормы в движении и воспроизведении представлений у Губаревой, разумеется, невозможно ожидать, чтобы собственно мыслительная ее деятельность и рассудок оказались нормальными. Наблюдение прямо показывает, что мыслительная деятельность у Губаревой характеризуется беглостью и поверхностностью. Суждения испытуемой, как и следовало ожидать по вышеописанным элементарным аномалиям в сфере представления, часто отличаются недостатком логики, но зато нередко носят на себе печать неожиданности, странности, иной раз — прямо парадоксальности. Этим обстоятельством объясняется, почему Губарева являлась для своих знакомых чрезвычайно остроумной: для известного рода поверхностного остроумия требуются лишь быстрая способность восприятия и быстрота в движении представлений, каковые качества действительно и констатируются у Губаревой. Что же касается до способности правильного составления суждений и логического из них умозаключения, то эта существеннейшая сторона интеллектуальной деятельности оказывается у испытуемой значительно ниже среднего уровня. К тому же способность апперцепции является у Губаревой весьма слабою: испытуемая, при быстроте смены ее представлений и чувствований, не может достаточное время сосредоточивать свое внимание на одном и том же предмете. Наконец, в интеллектуальной деятельности Губаревой оказывается очень резкая частная аномалия, а именно, неспособность к численному расчету. Так, если спросить Губареву, в котором году совершилось такое-то событие ее жизни, то испытуемая обыкновенно предлагает спрашивающему самому «рассчитать», сказав (по памяти), что в то время ей было столько-то лет от роду, сама же от подобного «рассчитывания» уклоняется;

если, однако, настоять, чтобы такого рода элементарная операция с числами была произведена самой испытуемой, то последняя затрачивает на это несоразмерно много времени, да и то часто приходить к неверному результату.

Родственники и близкие знакомые Губаревой, будучи обмануты ее поверхностным остроумием и ее одностороннею талантливостью в детстве и первой юности, отозвались об обвиняемой как о девушке умной, развитой и в высокой степени честной. Но выше было изложено, что у Губаревой оказываются недостаточными именно интеллектуальные (в тесном смысле) функции; кроме того, после будет выяснено, что роль рассудка в душевной жизни и в действовании Губаревой весьма ограничена. Правда, отдельные из умственных функций ослаблены у Губаревой в неодинаковой мере; вследствие этого по отношению к некоторым сторонам умственной деятельности можно назвать Губареву прямо *слабоумной*, тогда как относительно других функций ее ума можно лишь выразиться, что они ниже среднего уровня. Что касается до умственного и нравственного развития Губаревой, то для меня несомненно, что оно остановилось с выходом Губаревой из гимназии. С 16 лет испытуемая почти совсем не занималась серьезным чтением и постепенно забывала даже то, чему успела научиться в гимназии. Понятно, что исключительные занятия физическим трудом, а потом общество извозчиков не были условиями, благоприятствующими умственному развитию. В результате получилось то, что теперь Губарева в сфере высших умственных отправлений оказывается положительно несостоятельной. Как видно, она никогда не возвышалась до образования отвлеченных понятий, интеллектуальных, религиозных и нравственных. Испытуемая является грубо суеверной; она верит во все народные приметы и таинственные предзнаменования и ни мало не сомневается в существовании леших и домовых. К религиозным вопросам она совершенно равнодушна, видя в религии лишь одну внешнюю, процессуальную сторону. Известные элементарные нравственные правила привиты к Губаревой воспитанием, но они удерживаются ею чисто механически; о настоящем же понимании нравственного долга здесь не может быть и речи. Поэтому неудивительно, что понятие о противозаконности носит у Губаревой грубо утилитарный характер и является совершенно лишенным нравственной основы: по характеристичному рассуждению Губаревой, надо быть глупым человеком, чтобы в Петербурге с корыстной целью решиться на что-либо противозаконное (напр., на кражу лошади), так как при деятельной столичной полиции нет никакой надежды укрыться после преступления от кары закона. Кроме того, слабость нравственного чувства у Губаревой обнаруживается во многом другом, например, в ее высокомерном обращении с матерью, в ее тайных отлучках из дома, в ее знакомствах с женщинами далеко не безукоризненного поведения, в ее пристрастии к коньяку

и ликерам. Наконец, соответственно прирожденной аномалии ее полового чувства, в нравственной сфере испытуемой существует резкий частный дефект, обнаруживающийся в отсутствии стыдливости именно в таких обстоятельствах, в которых обыкновенно женщины бывают наиболее щекотливы. Прибавлю, что вышеописанная дефективность нравственной сферы у Губаревой есть явление органически обусловленное, зависящее от неправильного развития головного мозга испытуемой; такая моральная дефективность должна быть строго отличаема от безнравственности, происходящей от моральной испорченности.

Губареву ее родные и знакомые считали личностью весьма энергичною; и действительно, энергия деятельности чувственной сферы у испытуемой весьма значительна, так что действование Губаревой неудержимо определяется ее побуждениями и аффектами. Напротив, рассудок испытуемой влияет на ее действование сравнительно мало. В деятельности Губаревой не видно ясного сознания определенной цели, не говоря уже о неуклонном шествовании к последней. Вся деятельность испытуемой прямо вытекает из ее темперамента, ее вкусов и побуждений. Когда всякая наука опротивела Губаревой, последняя почти вполне покидает умственные занятия и, будучи одарена темпераментом живым и подвижным, по необходимости отдается физическому труду, а впоследствии уходу за своими лошадьми. Из дела не видно, чтобы промысел извоза был выгоден для Губаревой, и можно думать, что она горячо отдавалась этому занятию не столько в силу сознательного расчета, сколько вследствие того, что оно прямо удовлетворяло ее вкусам и наклонностям.

Наблюдение показывает, что во многих случаях мотивы действий Губаревой неясны для нее самой; в таких случаях контролирование действования рассудком прямо невозможно, ибо здесь представление выражается наружу в действии прежде того, чем успеет приобрести достаточную степень ясности в сознании. Многие из действий Губаревой должны быть отнесены к разряду действий *инстинктивных* или *импульсивных*; при том эти действия у Губаревой обусловливаются не только представлениями недостаточно сознанными, хотя бы по содержанию и нормальными, но также и органическими побуждениями, самостоятельно возникшими на почве аномальной душевной конституции (сюда принадлежат: «ухаживания» Губаревой за женщинами, ее нередкое прибегание к спиртным напиткам, переодевание в мужское платье, прятанье денег по сортирам и чердакам и т. п.).

Нарушения в правильном функционировании *вазомоторного* аппарата происходят у Губаревой с замечательной легкостью. Даже при обыкновенном состоянии испытуемой цвет лица ее весьма изменчив; при малейшем же раздражении Губаревой лицо ее сильно краснеет; во время же нижеописываемых приступов неистовства иногда становится мертвенно-бледным. В вазомоторной сфере должно искать причины крайней изменчивости

настроения Губаревой; вазомоторными же расстройствами вызываются приступы внезапного страха, являющиеся иногда у Губаревой по ночам, далее,— внезапные приступы беспричинной тоски, от которой Губарева старалась избавиться при помощи коньяка и ликеров, и вообще, все те состояния Губаревой, которые, в противоположность ее постоянному состоянию, названы мною припадочными или транзиторными.

Наконец, нельзя не упомянуть, что во все время своего пребывания в больнице Губарева не показала ни малейшей наклонности к симуляции и даже прямо настаивала на своем полнейшем здоровье. Для симуляции необходима обдуманность и систематичность; но от Губаревой, при ее аффективно-импульсивном характере, очевидно, трудно ожидать рассчитанно-систематического образа действий. Прибавлю, что Губарева вообще относилась к ходу своего дела с замечательным равнодушием и оказывалась неспособною представить себе возможные последствия своего противозаконного деяния.

На общем фоне вышеочерченного «постоянного» состояния Губаревой от времени до времени являются резкие перемены, которые могут быть обозначены именем *припадочных* или *транзиторных* состояний. Сюда относятся: a) истерические припадки; b) периодически усиливающаяся раздражительность; c) транзиторные состояния психического угнетения и транзиторные маниакальные состояния; d) патологические аффекты и припадки неистовства и, наконец, e) явления кратковременного бреда.

Во время пребывания Губаревой в городском приюте у нее, как видно из свидетельства врача, было четыре полных *истерических припадка*, с общими тоническими и клоническими судорогами и с потерею болевых рефлексов. Однако во время пребывания испытуемой в больнице св. Николая Чудотворца приступов общих судорог у нее ни разу не было и в кожной чувствительности ее уклонений от нормы не замечалось; это объясняется тем, что нервное раздражение Губаревой во время ее пребывания в больнице успокоилось, так что испытуемая возвратилась к тому своему состоянию, в котором была до заключения под стражу. На основании анамнестических данных и собственного наблюдения я должен сказать, что полные припадки истерии если и бывают у Губаревой, то очень редко; обыкновенно же дело ограничивается у нее тем, что во время нижеописываемых периодов раздражения или приступов неистовства ее рыдания и смех приобретают судорожный характер. Нимало не сомневаясь, что Губарева страдает между прочим и истериею, я не нахожу нужным долго останавливаться на этом обстоятельстве, потому что истерия здесь есть не что иное, как лишь частное явление в том прогрессивном дегенеративно-психопатическом состоянии, которое прослежено нами с первых дней жизни Губаревой и которое выражается в настоящее время вышеописанными аномалиями в сфере чувствования, мышления и действования Губаревой.

По временам (иногда перед появлением регул, иногда же безо всякой видимой причины) Губарева становится крайне *раздражительною* и *драчливою*; при этом держит себя злобно, в особенности же по отношению к некоторым из окружающих ее больных (несмотря на то, что к тем же больным в обыкновенное время относилась терпеливо и сострадательно), поминутно угрожает, что начнет их бить, если они будут приставать к ней с разговорами, и, действительно, бьет их при самом ничтожном поводе (напр. если они тронут скляночку с духами, постоянно стоящую у нее на столе), вследствие чего в больнице не раз возникала серьезная драка. В периоды раздражения Губарева бранится самыми грубыми и непристойными выражениями.

Иногда настроение Губаревой уклоняется от нормы несравненно значительнее, чем обыкновенно, и притом на более продолжительное время. При этом Губарева на 1–3 дня впадает в состояние *психического угнетения*, перестает беседовать с окружающими, почти не отвечает на вопросы врача, теряет аппетит, подолгу сидит неподвижно у окна, устремив глаза вдаль, много плачет, а по ночам страдает от бессонницы и от припадков беспричинного страха. Приступы тоски в настоящее время бывают у Губаревой или вслед за каким-нибудь ничтожным огорчением, или же после того, как ее посетят родственники. В других же случаях депрессивные состояния имеют у Губаревой реакционное значение, являясь последствием только что окончившихся периодов значительного возбуждения. Периоды *возбуждения* продолжаются у Губаревой по 2–4 дня. При полной степени развития эти состояния Губаревой ничем не отличаются от маниакальной экзальтации. При этом Губарева становится чрезмерно веселой, подвижной, многоречивой и поминутно без видимой причины смеется. Движение ее мыслей в это время бывает явственно ускоренным, речь же становится весьма непоследовательной, перескакивающей с одного предмета на другой. На лице Губаревой при этом является яркий румянец, глаза делаются весьма блестящими, зрачки иногда оказываются несколько расширенными. Наклонность к импульсивным двигательным актам в это время становится у Губаревой особенно заметной (бесцельное разрывание книжек, лазанье по мебели и т. п.). В такие маниакальные периоды половая сфера испытуемой тоже приходит в возбуждение, так что Губарева при этом представляет известную степень эротизма (всегда по отношению к женщинам, а не к мужчинам). Кроме того, во время этих периодов возбуждения Губарева иногда начинает *настоятельно требовать вина* и, так как ее желание не удовлетворяется, то приходит в аффект гнева.

Губарева вообще весьма легко впадает в *аффекты*, из числа которых всего чаще приходится наблюдать у нее аффекты отчаяния и гнева. Во многих случаях гнев ее настолько продолжителен и бурен и притом настолько не соответствует ничтожности вызвавшего его внешнего повода, что поло-

жительно носит характер аффекта патологического или даже прямо переходит в неистовство (excandentia furibunda): при этом Губарева кричит, бессвязно ругается, разрушает дорогие для нее предметы, рвет у себя волосы, колотится головою в стены или в пол. Но и независимо от аффекта гнева, вызванного внешним поводом, Губарева два раза во время своего пребывания в больнице самостоятельно и внезапно впадала в *кратковременное неистовство* (furor transitorius), причем судорожно хохотала, выкрикивала бессвязные угрозы, неизвестно к кому относившиеся, употребляла самые площадные слова, богохульствовала, грозила кулаками иконам и намеревалась выкинуть их за окно. Во время этих приступов лицо Губаревой становилось мертвенно-бледным, судорожно исказившимся; несомненно, что в это время самосознание Губаревой помрачалось и процесс чувственного восприятия из внешнего мира значительно нарушался. Приступы эти оставляли за собой или неполное, или смутное, лишь суммарное воспоминание.

Временами деятельность мысли Губаревой ненормально сильно и долго сосредоточивается на нескольких представлениях, которые таким образом почти вполне приобретают характер представлений насильственных (Zwangsvorstellungen). Например, вспомнив о лошади с отрезанным языком, Губарева снова надолго фиксирует в своем представлении это когда-то сильно огорчившее ее происшествие. Приняв в соображение вышесказанное относительно возможности возникновения у Губаревой отрывочных идей бреда, мы нимало не удивимся, что у испытуемой иногда являются на непродолжительное время *ложные идеи преследуемости*. Так, в больнице Губарева несколько раз, совершенно неожиданно и без малейшего основания, начинала жаловаться, что окружающие больные глумятся над нею, указывают на нее пальцами, называют «арестанткою» и «убийцею». Сюда же относится наблюдение д-ра Чижа, что «в коробке конфет, принесенной ей родными и обвязанной веревочкой, а не ленточкой, как обыкновенно, Губарева видела и пренебрежение к себе и как бы намек на то, что в ее положении лучше всего удавиться». Наконец, в городском приюте для душевнобольных у Губаревой, непосредственно после истерических припадков, два раза был наблюдаем *бессвязный транзиторный бред* (delirium hystericum transitorium).

VI

Таким образом, для меня выяснилось, что *временами Губарева впадает в чисто болезненные состояния, хотя краткосрочного, но зато полного душевного расстройства*. Эти скоротечные состояния, как то: подчинение эпизодически возникающим насильственным и ложным представлениям, неистовство, транзиторный бессвязный бред, преходящие депрессивные и экспансивные состояния,— не производятся у Губаревой лишь одними

случайными причинами, а, очевидно, имеют между собою некоторую внутреннюю связь. Однако правильной периодичности или какой-либо законосообразности в их последовательности не существует (разумеется, за исключением того, что в менструальные дни их можно ожидать скорее, чем во всякое другое время). Их появление, нередко связанное со случайными обстоятельствами, возможно только потому, что они суть не что иное, как временные обострения обыкновенного состояния Губаревой, которое, как из вышеизложенного видно, не представляет ни устойчивости нравственного равновесия, ни гармонии между отдельными психическими функциями, а, напротив, характеризуется таким количеством уклонений от нормы для всех сфер душевной деятельности, что тоже *должно быть названо состоянием психопатическим*. Это постоянное психопатическое состояние Губаревой становится понятным только тогда, если проследить его происхождение.

Главную роль в *происхождении психопатического состояния Губаревой* играют два момента: наследственность и рахитическое страдание головы, отразившееся в неправильном образовании черепа. Начиная с первых лет жизни Губаревой мы видим, что вследствие неправильной организации нервной системы вообще и головного мозга в частности мозговые функции Губаревой, со включением функций психических, частью приобретают болезненную силу, частью не развиваются достаточно, или же принимают в своем развитии ненормальное направление. Односторонняя талантливость, обнаруженная Губаревой в первые 10–12 лет жизни, очевидно, была не чем иным, как болезненно усиленным функционированием перцептивной стороны души. Что деятельность неправильно развившегося головного мозга Губаревой уже в течение первых 8 лет жизни последней с большою легкостью приходила в острое расстройство, видно из того, что Губарева в этом периоде жизни страдала приливами крови к голове с бредом и галлюцинациями зрения. Затем число уклонений от нормы в невропсихической жизни Губаревой возрастало по мере того, как подвигалось вперед физическое развитие Губаревой. С момента ненормально раннего пробуждения полового инстинкта в душевной жизни Губаревой берет перевес болезненно усиленная деятельность сенситивной стороны души и в то же время обнаруживается, как резкое функциональное уродство, sensus sexualis contrarius (conträre Sexualempfindung). Напротив, интеллективная сторона душевной жизни никогда у Губаревой не обещала получить надлежащего развития и с эпохи наступления половой зрелости стала уже прямо слабеть; в это время получили полное развитие те вышеописанные неправильности в сфере чувствования и те особенности характера, задатки которых были заметны еще в раннем детстве Губаревой. Вместе с тем мы видим, как половое чувство Губаревой, от природы превратное, становится ненормально напряженным и получает определяющую роль как во внешней, так

и во внутренней ее жизни; в связи с этим прогрессивно усиливаются явления раздражительной слабости или астении, как в нервной системе вообще (истерия), так и, в частности, в деятельности головного мозга (психическая гиперестезия, умственная нестойкость, импульсивность и проч.). В результате всего этого неправильного хода развития получается вышеизученная нами уродливо странная психическая личность Юлии Губаревой, представляющая значительный ряд ненормальных или даже прямо болезненных явлений, как в сфере чувствования, со включением области органического или инстинктивного побуждения, так и в сферах мышления и действования.

Для обозначения подобных состояний в науке существует множество названий, чаще других употребляются термины: manie raisonnante, folie hereditaire, psychische Entartung, impulsives Irresein. Каждое из этих названий выдвигает на первый план то одну, то другую сторону психопатии, поэтому в одном конкретном случае пригоднее одно из этих обозначений, в другом — другое. Случай Губаревой, по моему мнению, всего лучше определяется с медицинской стороны названием *psychopathia originaris*[19] *cum degeneratione mentis progressiva*. Это состояние относится к сумасшествию от случайных причин совершенно так же, как телесные уродства с пороками физического развития относятся к случайно приобретаемым физическим болезням.

Психопатическое состояние Губаревой во всей своей целостности не обнимается ни одною (в отдельности) из тех рубрик, которыми по закону исключается вменяемость; с другой стороны, из всего вышеизложенного очевидно, что свобода действования у Губаревой в различное время весьма неодинакова. Находясь в одном из таких состояний, как подчинение эпизодически возникающим насильственным и ложным представлениям, кратковременное неистовство, транзиторный бессвязный бред, скоротечные депрессивные и маниакальные состояния, Губарева абсолютно *лишается свободной воли*, ибо здесь ее действование с безусловною необходимостью определяется ее болезненно усиленными инстинктивными побуждениями, болезненными чувствами и идеями. Кроме того, не должно также оставлять без внимания возможности у подсудимой *опьянения*, которое, при неправильности мозговой организации Губаревой и при той легкости, с какою последняя впадает в транзиторные состояния маниакального возбуждения и неистовства, несомненно, может принимать у Губаревой резко патологический характер; в таких случаях картина обыкновенного опьянения, при чем человек еще представляет относительную разумность действования, под влиянием какого-нибудь случайного условия может измениться в кар-

[19] От слова «origo», начало; прилагательное «originaris» выражает, что психопатия здесь ведет свое начало с первого времени жизни больного субъекта.

тину острого психоза (напр., в приступ маниакального возбуждения с импульсивностью действования), где о свободе действования, разумеется, уже не может быть речи.

Далее, аномальный характер Губаревой, ее аффективность и импульсивность, ее психическая гиперестезия, равно и констатированные у нее неправильности в возникновении и движении представлений заставляют меня заключить, что *даже в пределах своего постоянного психопатического состояния Губарева не пользуется полной нравственной свободой* (здесь я имею в виду, разумеется, не столько libertatem judicii, сколько libertatem consilii[20]). По мере того, как настроение Губаревой перестает быть покойным, свобода действования испытуемой ограничивается все более и более и, наконец, в вышеописанных состояниях острого душевного расстройства прекращается совершенно.

Предварительное следствие не дает точки опоры для суждения о том, в каком именно состоянии была Губарева в ночь на 30-е августа 1881 года. Лично мною добыты некоторые, впрочем, довольно скудные и мало доказательные сведения, по моему мнению, отчасти помогающие решению этого вопроса, а именно:

a) То обстоятельство, что Губарева, приходя в больнице в состояние маниакального возбуждения, очевидно не симулированное и потому прямо исключающее рассчитанность действования, неоднократно требовала вина, будучи сопоставлено с относящимися к тому же пункту анамнестическими сведениями, дозволяет предположить, что Губарева действительно по временам злоупотребляла спиртными напитками, из чего следует, что в ночь на 30-е августа 1881 г. *она могла быть в состоянии опьянения*.

b) Хотя истинность рассказанного мне Губаревой относительно происшедшего в вечер 29-го августа и в последующую затем ночь ничем не доказана, однако нельзя не выставить на вид, что в этих сообщениях, с одной стороны, нет ничего прямо противоречащего данным предварительного следствия, и что, с другой стороны, в них имеются указания, которые, при отсутствии других путей к уяснению дела, могут иметь некоторое значение. Из объяснений Губаревой видно, что вечером 29-го августа *у нее была причина прийти в сильное беспокойство*; действие вина, будто бы выпитого затем Губаревой, конечно, было весьма достаточно, чтобы переменить ее настроение из депрессивного в экспансивное и после привести ее (прямо или через присоединение какого-нибудь случайного момента, как, например, вид драки) в чисто маниакальное состояние, каковое, не только по словам самой Губаревой, но и по некоторым намекам, заключающимся

[20] Т. е. возможность выбора разумных мотивов действования, предполагающую собою отсутствие формальных расстройств в сфере представления и нормальный ход процесса ассоциации идей.

в следственном деле (веселость Губаревой при продаже лошади, замеченная барышником Александровым; покупка шампанского; записка с «ха, ха, ха»), как будто бы продолжалось до вечера 30-го августа. Прибавлю, что объяснения Губаревой придают делу 29-го августа освещение, вполне гармонирующее с характером и с привычками обвиняемой, и что сбивчивость, отрывочность и неопределенность той части этих объяснений, которая относится лишь к резко ограниченному промежутку времени между 10 часами вечера 29-го августа (начало действия будто бы выпитого вина) и 4–5 час. утра следующего дня, наводят на мысль о частной амнезии за это время… Впрочем для решительных заключений в этом направлении нет твердой почвы.

Таким образом, на этих страницах я почти дословно привел представленный мною, от 12-го августа 1882 г., С.-Петербургскому окружному суду письменный медицинский отчет по моей экспертизе над девицей Губаревой [21]. Заканчивая этот отчет, я резюмировал заключение в следующих выражениях:

I. У Губаревой мною констатировано постоянное, органически обусловленное психопатическое состояние, начавшееся с первого времени ее жизни и в самом себе носящее условия своего прогрессивного усиления (psychopathia originaris cum degeneratione mentis progressiva [22]); в последние годы это хроническое страдание по временам обостряется у Губаревой в скоропреходящие состояния полного душевного расстройства.

II. Свобода действования у обвиняемой и при обыкновенном состоянии последней значительно ограничена и уменьшается по мере того, как психическое состояние Губаревой, вообще крайне изменчивое, приближается к вышеупомянутым временным состояниям полного душевного расстройства.

III. В ночь с 29-го на 30-е августа 1881 г. Губарева *могла находиться* в состоянии, вполне исключающем свободу действования; однако по данным предварительного следствия невозможно решить, находилась ли она в эту ночь в таком состоянии действительно.

VII

После представления моего медицинского мнения прокурору девица Губарева была подвергнута новому освидетельствованию в распорядительном заседании С.-Петербургского окружного суда. Мое письменное мнение относительно состояния умственных способностей обвиняемой, по причи-

[21] Кроме некоторых сокращений, приведенная здесь копия отличается от подлинного документа лишь тем, что последний, для удобства пользования им, подразделен на параграфы.

[22] Тот, кому это обозначение не понравится, может назвать данный случай просто наследственно-дегенеративным психозом.

не обширности своей, не могло быть целиком прочитано г-дам экспертам, вызванным судом (д-ра Майдель, Чечотт и Фрей), а было сообщено им лишь в извлечении. Не найдя возможным подтвердить мое заключение, г-да эксперты высказались в этот раз в том смысле, что, не отрицая общего психопатического состояния Губаревой, они не видят в ней никакой определенной формы психического расстройства; предварительное следствие не доставило никаких данных для положительного решения вопроса относительно психического состояния обвиняемой в ночь на 30-е августа 1881 г.; однако ничто не дает права предполагать, чтобы она находилась в эту ночь в состоянии умоисступления. Вследствие такового результата экспертизы в суде Губарева была переведена из больницы Св. Николая Чудотворца в Дом предварительного заключения и затем, вместе с Чудиным, предана суду с участием присяжных заседателей. В Доме предварительного заключения пришлось держать обвиняемую под строгим присмотром, ибо она *неоднократно покушалась на самоубийство*; так, она намеревалась разбиться, бросившись вниз головой с лестницы; однажды же, находясь в каморе одиночного заключения, она пыталась повеситься на полотенце, так что найдена была уже в совершенно бессознательном состоянии и только благодаря своевременности помощи могла быть возвращена к жизни. Кроме того, в тот же день она пыталась удавиться, затянув себе шею шнурком от шейного креста.

Итак, по вопросу о состоянии умственных способностей девицы Юлии Губаревой между врачами возникло некоторое разноречие. Оба врача, действительно исследовавшие Губареву и в течение продолжительного времени наблюдавшие ее (д-р Чиж и я), *признали психическое состояние обвиняемой болезненным*, эксперты же, призванные в распорядительное заседание суда, *определенной формы психического расстройства не нашли*. Впрочем, это разноречие по сущности своей далеко не так значительно, как кажется с первого взгляда. Во-первых, г-да эксперты Майдель, Чечотт и Фрей согласились, что девица Губарева имеет, как они выразились, психопатический внутренний склад; во-вторых, и я, настаивая на том, что постоянное душевное состояние Губаревой есть состояние психопатическое, не утверждал, что оно равнозначащее с полным сумасшествием в смысле закона, и ничуть не предрешал вопроса о вменении, но лишь показал, что в ночь на 30-е августа 1881 года обвиняемая *могла находиться* в состоянии острого транзиторного психического расстройства. Прямых данных, служащих к положительному решению вопроса о душевном состоянии обвиняемой в ночь на 30-е августа, предварительное следствие не могло представить.

Впрочем, разноречие между экспертами по поводу Губаревой совсем неудивительно; этот случай принадлежит к числу самых затруднительных случаев в судебно-медицинской практике, именно, не к простому сумасшествию, происходящему от случайных причин, а к так называемым наслед-

ственно-дегенеративным психозам. По отношению к этим случаям, больше чем по отношению к каким-либо иным, справедливы следующие слова Каспера: «Психическое расстройство не составляет нечто целое, ограниченное, предельное; напротив, пределы его тесно соприкасаются и сливаются с нормальным состоянием, и только личная опытность и качества психиатра дают ему возможность отличать уклонения там, где большинство неопытных психиатров не заметит ничего ненормального. Понятно, что там, где мы должны основываться на личных качествах, а не на объективности, легко возможны ошибки; этот вывод оправдывается действительной жизнью: несогласия и даже противоречия относительно нормальности и ненормальности умственных отправлений одного и того же субъекта встречались, встречаются и будут встречаться даже между лучшими психиатрами. Понятия о помешательстве не просты, они составляются из многих и различных элементов, а потому остается прибегать к множеству средств, при помощи которых стараются облегчить разрешение этой трудной задачи в возможно большем числе случаев»[23].

Вперед предвидя возможность разногласия между врачами в этом трудном судебно-медицинском случае, я в своем письменном мнении умышленно постарался выставить обнаруженные моим исследованием и наблюдением фактические данные отдельно от моих выводов и заключений. Строгое отделение фактов от вытекающих из них медицинских заключений было важно здесь вот в каком отношении: о фактах, раз они надлежащим порядком и достаточно твердо установлены, уже не спорят; на этой почве, если можно было ожидать разноречия в экспертизе, то разве только между мною и д-ром Чижом, ибо из всех врачей, игравших роль в этом процессе, только мы двое, д-р Чиж и я, могли бы сказать: «мы наблюдали Губареву, мы ее действительно исследовали». Но совсем другое дело выводы из фактов; различные мнения здесь, разумеется, возможны, ибо возможны (выражусь снова словами Каспера) разные степени физиолого-психологического и опытного понимания человека… Итак, я готов допустить, что из устанавливаемых мною медицинских фактов, могут быть сделаны заключения не такие, какие сделаны мною, но я не допускаю возможности никакого сомнения в правильности констатирования самых фактов. Впрочем, можно и прямо видеть, что моя фантазия не играла здесь никакой роли; в противном случае, факты, устанавливаемые моим исследованием, не находились бы в такой строгой гармонии, с одной стороны, с результатами исследования д-ра Чижа, с другой же стороны, с анамнестическими данными, заключающимися в тех сообщениях, которые даны при предварительном следствии (а впоследствии и перед судом) лицами, близко знающими прежнюю жизнь Губаревой.

---

[23] Каспер. Руководство к судебной медицине. Русск. перев. СПб., 1872. С. 399.

В душевной жизни девицы Губаревой я должен был различить ее постоянное или обыкновенное психопатическое состояние от тех состояний полного и, так сказать, острого душевного расстройства, в которые она впадает по временам. Уклонения от нормы, представляемые постоянным состоянием Губаревой, подробно описаны выше; итог же им будет таков: весь строй душевной жизни обвиняемой существенно характеризуется непостоянством, изменчивостью, неустойчивостью, отсутствием внутреннего равновесия, дисгармонией своих отдельных сторон; многие из умственных функций оказываются у Губаревой положительно ослабленными, действование ее нередко является носящим на себе печать импульсивности. Спрашивается теперь, *составляет ли это постоянное состояние Губаревой*, которое, несомненно, есть состояние психопатическое, *определенную форму душевной болезни или же нет*?

Спросим себя прежде, что такое значит «определенная форма психического расстройства»?.. Можно ответить: это такая форма, существование которой как отдельного и самостоятельного вида душевного расстройства всеми авторитетными психиатрами без исключения признано. Но существование определенных, в этом смысле, форм психического расстройства предполагает существование определенной и общепринятой, для всех психиатров равно обязательной *классификации* душевных болезней. Однако такой классификации у психиатров нет; притом в настоящее время, меньше чем когда-либо, можно говорить о какой-либо общепринятой классификации, ибо настоящее время, т. е. 70-е и 80-е года текущего века, есть в психиатрии время переходное, время замены прежних, односторонне симптоматологических воззрений, оказавшихся неудовлетворительными именно по несогласию их с действительностью и по происхождению от произвольно предвзятых психологических теорий, воззрениями клиническими, основанными на точном изучении, на терпеливом и всестороннем наблюдении душевного расстройства в его различных конкретных или *клинических* формах, т. е. в тех, так сказать, естественных формах, которые имеются в действительности, а не в искусственных, теоретически построенных на основании какого-либо одного произвольно избранного симптома.

Впрочем, наш закон вовсе не требует от экспертов объяснения, принадлежит ли или нет данный случай к какой-либо определенной форме психического расстройства, и ничуть не обязывает экспертов придерживаться той или другой, всегда условной психопатологической классификации. Наш закон лишь заставляет судей спрашивать у врачей, не учинено ли данное преступление или данный проступок безумным от рождения, или сумасшедшим, или, наконец, человеком просто больным, в припадке умоисступления или совершенного беспамятства. Под выражениями «*безумие*», «*сумасшествие*», «*умоисступление*» и «*беспамятство*» закон разумеет не какие-либо наукою определенные формы психического расстройства,

а лишь известные душевные *состояния*, коими исключается вменение в вину учиненного. Каждый конкретный случай, где болезнь, все равно душевная или физическая, приводит человека в такое состояние, в котором он в это время не может иметь понятия о противозаконности и самом свойстве своего деяния или лишается способности сознательно управлять своими поступками, должен подойти или под какое-нибудь одно из этих упоминаемых в законе состояний или даже одновременно под два из них; в самом деле, в умоисступление может впасть как человек, бывший до того времени психически совершенно нормальным, так и человек от природы слабоумный; с другой стороны, человек сумасшедший не лишен, по крайней мере, возможности приходить в беспамятство. Таким образом, в конкретных случаях могут встречаться разные комбинации из этих четырех указанных законом состояний.

После сказанного ясно, что я как эксперт не много объяснил бы, если бы сказал на суде: в данном случае определенной формы сумасшествия я не вижу. Ведь это значит только, что я в этом случае не встретился ни с одною из форм, являющихся для меня в настоящее время определенными; но ведь может же быть, что через два-три месяца я к числу форм, для меня определенных, прибавлю новую; может быть, наконец, что для моего коллеги уже теперь является весьма определенным то, что для меня еще не стало таковым. Можно идти дальше и выразиться так: если я, как эксперт, говорю перед судом, что в настоящем случае я не нахожу ни одной из определенных форм умственного расстройства, то это даже не будет значить, что в данном случае нет сумасшествия по настоящему разуму нашего закона. В самом деле, возможно следующее: после медицинского анализа состояния человека в момент совершения преступления с полнейшею несомненностью выясняется, что по состоянию своему в то время обвиняемый не мог иметь понятия ни о противозаконности, ни о самом свойстве своего деяния; в этом случае нет места вменению, ибо для наказуемости преступления требуется, чтобы последнее было совершено сознательно, в здравом состоянии. При таких обстоятельствах я, как эксперт, может быть, буду иметь возможность показать, что обвиняемый потому в то время не имел понятия о противозаконности и о самом свойстве совершенного им деяния, что он и вообще-то есть человек умственно ненормальный или психически больной. Но при всем этом — я могу быть поставлен в затруднение, если меня спросят: принадлежит ли данный случай к одной из определенных форм психического расстройства, и если принадлежит, то к какой именно? Данный случай душевного страдания может одной своей стороной подходить под одну из существующих условных рамок, другой же своей стороной под другую; но он может также и совсем не подходить ни под одну из них: может быть, что это — новая, до сих пор клинически еще неустановленная форма душевного расстройства, которая

для того, чтобы быть включенною в число форм определенных, ждет лишь, чтобы ее описал, например, Вестфаль или Легран-дю-Солль…

Предположим же пока, что психопатическое состояние Губаревой не подходит ни под одну из доселе определенных форм психических страданий. Из вышесказанного видно, что этим предположением мы не только не разрешим вопроса: «в каком состоянии находились умственные способности обвиняемой в ночь на 30-е августа 1881 года», но даже не дадим окончательного решения вопроса о состоянии умственных способностей Губаревой в настоящее время. Раз серьезное медицинское исследование открывает в случае девицы Губаревой целую группу болезненно этиологических и патологических моментов, существование которых до 29-го августа не подлежит никакому сомнению, раз уже после 29-го августа и во время испытания обвиняемой (а надо заметить, что Губарева подвергалась в сущности двукратному испытанию в специальных заведениях, которое оба раза дало результат приблизительно одинаковый) тщательным медицинским исследованием и наблюдением доказано, что эти патологические моменты не перестают оказывать вредное влияние на психическое состояние обвиняемой[24], то понятно, что вопрос о нормальности или ненормальности умственного состояния Губаревой во время учинения ею преступного деяния остается в прежней силе.

Что касается до меня, то я даже не могу согласиться, что психопатическое состояние г-жи Губаревой не подходит ни под одну из определенных наукою форм душевных страданий. Но, разумеется, для того, чтобы стать на настоящую точку зрения, я должен был отрешиться от мысли, что возможное число отдельных видов психического расстройства роковым образом ограничено девятью рубриками той, так сказать, официальной классификации душевных болезней, которая еще в 1863 г. предписана медицинским департаментом для отчетности по отделениям и домам для умалишенных. Относительно этой классификации достаточно сказать, что она совершенно не соответствует современному уровню развития психиатрии; мало того, что она далеко не исчерпывает всех главных психопатологических форм, установленных до сего времени наукою, она целиком основана на принципах, начавших свое господство в Германии еще в сороковых годах, но теперь совершенно утративших прежнее значение[25].

Так как такой классификации душевных болезней, которая, вполне соответствуя современному состоянию нашей науки, могла бы считаться класси-

[24] Ср. Каспер. Руков. к судебн. медицине. Русский перевод. СПб., 1872.

[25] Необходимость изменения существующей официальной классификации (и номенклатуры) душевных болезней была подробно доказываема в сообщении, сделанном мною в С.-Петербургском Обществе психиатров в заседании 20-го марта 1882 г. В том же заседании, по моему предложению, была избрана из членов Общества особая комиссия для специальной разработки вопроса о классификации; к сожалению, результаты трудов этой комиссии до сих пор еще не представлены Обществу.

фикациею, между психиатрами общепринятой, в настоящее время еще не существует, то каждому специальному психиатрическому учреждению, желающему держаться на уровне современного состояния науки, приходится теперь для своего ежедневного практического обихода вырабатывать свою собственную классификацию. Точно так и мы, врачи больницы св. Николая Чудотворца, движимые настоятельной необходимостью введения между нами единства в обозначении и в классифицировании душевных расстройств (без такового единства медицинская отчетность по больнице становится чрезвычайно затруднительною) старались, по инициативе нашего старшего доктора, О. А. Чечотта, составить свою классификацию и притом такую, которая, при условии удовлетворительности ее с точки зрения современных научных воззрений, была бы по возможности краткой. В той классификации, которой мы решили в настоящее время (с начала прошлого, 1882 года) придерживаться, уже не 9 форм, а 15; в нее вошли формы, вновь в науке установленные, как, например, ideophrenia или первично-бредовой психоз[26], а рядом с рубрикой psychoepilepsia есть рубрика psychohysteria.

Я готов согласиться, что на психопатическое состояние г-жи Губаревой без большой ошибки можно смотреть как на одну из форм истерического

[26] Термин «ideophrenia» мною предложен для латинского обозначения той ныне твердо установленной психопатологической формы, которая называется немцами «primäre Verrücktheit». Кальбаумовский термин «paranoia» не обнимает всего того, что принадлежит к «primäre Verrücktheit» и потому легко дает повод к недоразумениям. Выражение «alienatis primaria», употребляемое некоторыми из наших психиатров за недостатком лучшего термина, соответствует не понятию «primäre Verrücktheit», но понятию «primäres Irresein» т. е. обнимает собою не только идеофрению, но также и меланхолию с маниею. Так как и русское выражение «первичное помешательство» или «первичное сумасшествие» тоже соответствует понятию «primäres Irresein», то оно не годится для русского обозначения идеофрении, для чего наиболее пригоден впервые употребленный И. Пастернацким термин «первично-бредовой психоз». Слово «ideophrenia» заимствовано мною у Гислена, который называл этим именем известные бредовые формы. Этот термин удобен для нас в следующих отношениях: a) он не дает повода ни к каким недоразумениям, будучи вполне равнозначным немецкому выражению «primäre Verrücktheit», и кроме того, он сам по себе дает понять, что при этой психической болезни на первом плане стоит расстройство сферы представлений (ложные идеи); b) от слова «идеофрения» легко образуются производные слова «идеофреник», «идеофренический»; c) присоединяя к слову «ideophrenia» те или другие прилагательные, мы получим возможность обозначать отдельные виды «primäre Verrücktheit», например ideophrenia gallicinatoria acuta, ideophrenia chronica, ideophrenia Katatonia, etc. Что касается до той формы Verrücktheit, которая называется Verrücktheit aus Zwangsvorstellungen, то я предложил обозначать ее словом paraphrenia, причем, присоединяя те или другие прилагательные, мы точнее выразим самый характер болезни (напр., paraphrenia mysopholica). При этом нечего смущаться тем, что в 1863 г. термин paraphrenia был предложен Кальбаумом совершенно для других болезненных форм (именно для совместного обозначения гебефрении и старческого слабоумия), ибо, сколько мне известно, этот пример Кальбаума не нашел себе подражателей.

психического страдания. Так и взглянул на дело врач, заведующий городским приютом для душевнобольных, который, подобно мне, имел возможность наблюдать г-жу Губареву в течение нескольких месяцев и, кроме того, был достаточно ознакомлен с результатами предварительного следствия по ее делу…

Напомню, что у нас в официальных сферах еще в 30-х годах было известно, что истерия принадлежит к числу болезней, в которых бывают бред и умоисступление. В правилах, Высочайше утвержденных в день 18-го февраля 1835 года, относительно освидетельствования тех, кои в припадках сумасшествия учинили смертоубийство или посягнули на жизнь другого или собственную, в пункте 1-м сказано: «болезни, в коих случается бред и умоисступление и кои потому сходствуют с самим сумасшествием, суть: воспалительная, нервная, желчная, гнилая, родильная и белая горячки; воспаление мозга и его оболочек; рожа на лицо; *истерика* и ипохондрия; падучая болезнь…» и проч.

Что касается до истерики, то она бывает разная. В своей простой форме истерия, подобно эпилепсии, есть нервная болезнь, характеризующаяся известного рода судорожными припадками, причем резких расстройств в психической сфере не замечается. Но весьма часто встречается истерия, осложненная психическим расстройством, так называемая *psychohysteria*. Истерическое психическое расстройство, как прекрасно описано в известном учебнике Крафта-Эбинга, равно как и в специальном новейшем труде Легранадю-Солля, бывает различно, как по степени, так и по характеру. Вместе с названными авторами можно различать три степени или три рода психической истерии: a) Истерический невроз постепенно осложняется множеством расстройств в элементарных психических функциях; результатом этого получается общее изменение психической личности, болезненность характера, неустойчивость всего внутреннего равновесия, короче — если не все, то многие из тех уклонений от нормы, которые изучены нами на г-же Губаревой в ее постоянном состоянии. С легальной точки зрения это не есть полное сумасшествие или полное безумие, ибо нельзя сказать, чтобы в пределах такого постоянного состояния больная женщина была вполне лишена способности свободного волеопределения, но можно выразиться, что таковое состояние есть, с легальной точки зрения, полусумасшествие или полубезумие; именно так смотрят на дело большинство западных авторитетов по судебной медицине, и этот взгляд отразился и в некоторых из западных законодательств, особенно в новейшем австрийском, устанавливающем для подобных состояний целую систему смягчающих обстоятельств, которыми, по указанию экспертов, т.е. смотря по тому, куда ближе данный случай, к полному здоровью или к полному душевному расстройству, ответственность преступницы изменяется, так что ее вина, как говорит проф. Крафт-Эбинг, иногда сводится до minimum'a. b) Вторую форму психоистерии составляют

кратковременные острые приступы настоящего сумасшествия с характером преходящей мании или, еще чаще, преходящие приступы бреда. с) Наконец, третья форма психоистерии есть постоянное, хроническое истерическое сумасшествие. Если перед судом доказана вторая или третья из упомянутых форм психоистерии, то вменение, понятно, не имеет места; если же преступница страдает лишь первой формой психоистерии, то (но крайней мере в Австрии) ответственность преступницы является условною, т.е. она больше или меньше, может быть даже сведена до minimum'а, — все зависит здесь от особенностей данного конкретного случая, так как относительно вменяемости тут не может быть никакого общего правила.

Возвращаясь к г-же Губаревой, мы видим, что у нее существует: 1) постоянное психопатическое состояние, соответственно вышеуказанной первой форме психоистерии и 2) припадочные или транзиторные состояния, соответственные транзиторным приступам истерического помешательства. Однако в моем представленном суду письменном медицинском мнении я не назвал данный случай психоистерией, а только указал, что истерия здесь предполагается сама собой, как частное явление в том прогрессирующем дегенеративно-психопатическом состоянии, которое констатировано у Губаревой в его непрерывном развитии с первых лет ее жизни. Я потому не подвел постоянное психопатическое состояние Губаревой под первую форму психоистерии, что, во-первых, у обвиняемой оказалось частных аномалий в психической сфере *больше*, чем полагается при первой форме психоистерии, и, во-вторых, вся болезнь развивалась здесь под влиянием *других* этиологических моментов; так, истерия большею частью зависит от неправильностей в половой сфере женщины и начинается обыкновенно не раньше наступления периода полового развития; у Губаревой же многие уклонения от нормы замечаются уже с первого времени ее жизни, и именно это обстоятельство заставляет полагать, что этиологическими моментами здесь были или психопатическая наследственность, или болезненные влияния, действовавшие на головной мозг обвиняемой в первое время ее жизни и потому нарушившие правильный ход всего ее психического развития. Исследование показало, что в данном случае действовали оба эти этиологические момента.

По совокупности признаков, обнаруженных исследованием, я должен отнести психопатическое состояние г-жи Губаревой к той форме хронического душевного страдания, которое прекрасно изучено французскими психиатрами Морелем и Леграном-дю-Соллем еще в 60-х годах под названием «*душевная дегенерация*» или «*наследственное душевное страдание*»[27].

[27] Morel. Traité des dégenérescences de l'espéce humaine. 1857; Traité des maladies mentales. 1860; De l'hérédité morbide progressive. 1867; Legrand du Saulle, Die erbliche Geistesstörung, übers. von Stark. 1874.

Современные немецкие психиатры в своих новейших трудах называют подобные состояния общим названием «конституциональная психопатия», «конституциональное дегенеративно-психопатическое состояиие» (psychische Degeneration, psychische Entartung) и различают здесь несколько разновидностей. Учение о дегенеративных душевных страданиях и описание различных частных форм последних находится во всех новейших руководствах по психиатрии и по судебной психопатологии, и уже одно это обстоятельство показывает, что здесь мы имеем психопатологические формы, твердо установленные, с клинической точки зрения вполне *определенные*…[28]

Если бы я вздумал описывать те признаки, которыми характеризуются, по науке, наследственно-дегенеративные психопатические состояния, то мне пришлось бы снова перечислить все те уклонения от нормы, которые наблюдением обнаружены в психическом состоянии г-жи Губаревой. Не вдаваясь в клиническое описание душевного вырождения[29], я остановлюсь только на двух весьма важных признаках дегенерации, одном — анатомическом, другом функциональном, которые обнаружены мною в случае Губаревой; они имеют тем большее значение, что встречаются сравнительно в немногих случаях наследственно-дегенеративных психозов, именно только в тех, в которых психопатическое состояние бывает наиболее резко выраженным.

Представляемый обвиняемою анатомический признак дегенерации (anatomisches Degenerationszeichen) есть *неправильность размеров и конфигурации черепа*. Все черепные размеры у Губаревой заметно больше средней для женщины нормы, и это обстоятельство, особенно же в связи с анамнестическими сведениями, показывающими, что обвиняемая в детстве своем страдала мозговыми припадками, дает нам право заключить, что у Юлии Губаревой в первые годы ее жизни была головная водянка (hydrocephalus chronicus). Неправильная конфигурация черепа и неровности, прощупываемые на его поверхности (они замечены не мною одним, но также и д-ром Чижом), суть такого рода, что они могут быть не чем иным, как следствием английской болезни, перенесенной Губаревой в раннем детстве, т. е. следствием неправильного хода процесса окостенения в костях черепа в первое время жизни обвиняемой. Оба указанных момента, hydrocephalus chronicus и rhachitis cranii, разумеется, тесно связаны между собою, и оба

[28] Если бы дело шло о том, чтобы, с клинической стороны, точно определить ту частную форму дегенеративных психозов, которая представляется нам в случае Губаревой, то я бы сказал: это folie raisonnante в истерической ее форме; по номенклатуре Крафта-Эбинга это будет constitutionell-affectives Irresein.

[29] В этом отношении достаточно сослаться на учебники: Casper-Liman. Haitdb. der gerichtlichen Medicin. 7-te Aufl. 1881; Krafft-Ebing, Lebrb. der gerichtl. Psychopathologie. 1875; Schüle, Handb. Der Geisteskrank. 1878; Krafft-Ebing. Lehrb. der Psychiatrie. 1879; Maschka. Handb. der gerichtl. Medicin. IV B. (Die gerichtliche Psychopathologie). 1882.

они важны в том отношении, что они, препятствуя правильному росту головного мозга, не могли не отразиться пагубно на всем ходе психического развития Губаревой. Вместе с психопатической наследственностью эти моменты и суть главные виновники в том, что обвиняемая стала тем нравственно и умственно аномальным субъектом, каким она является в настоящее время.

Наряду с упомянутыми анатомическими неправильностями по своему значению (как важный fimctionnelles Degenerationszeichen) должно быть поставлено резкое функциональное уродство, именно констатированная наблюдением за г-жею Губаревой в больнице и, главное, сведениями о ее жизни *прирожденная аномалия полового инстинкта*, в той тесной строго определенной в науке форме, которая известна под названием «conträre Sexual-Empfindung» (Westphal). Это форма функционального уродства[30], весьма нечасто встречающаяся, бывает как у женщин, так и у мужчин и состоит в следующем: несмотря на нормально выраженный физический половой тип и на правильное развитие половых органов у этих странных субъектов вместо нормального полового влечения к другому полу оказывается по отношению к последнему иногда прямое отвращение, иногда же просто равнодушие, а, наоборот, к особам того же пола (т.е. у женщин — к женщинам, у мужчин — к мужчинам) существует прирожденное непреодолимое влечение[31]. То обстоятельство, что Губарева уже рожала, вовсе не составляет противоречия с превратностью ее полового инстинкта; женщина, как известно, играет при акте нормального полового совокупления сравнительно пассивную роль, и так как половые органы г-жи Губаревой (так обыкновенно и бывает в случаях этого рода) развиты правильно, то понятно, что обвиняемая, пересилившая свой sensus contrarius, могла не только забеременеть, но и благополучно родить. Было бы крайне ошибочно смешивать «conträre Sexual-Empfindung» с так называемой трипадиею или «amor lesbicus». Amor lesbicus есть акт противоестественного плотского сношения между двумя женщинами, равно как педерастия есть акт противоестественного полового сношения между двумя мужчинами. Как педерастия, так и трибадия чаще бывают не болезненным явлением, но просто пороком, выражением крайней развращенности. Напротив, в «conträre Sexual-Empfindung» вовсе не входит понятие о половом акте; как уже показывает самое название, здесь идет речь лишь об органически обуслов-

---

[30] Такого рода случаи описаны Каспером, Вестфалем, Шминке, Сервесом, Гаком, Шольцем, Штарком, Тамассиа, Крафт-Эбингом, Кирком.

[31] См. две новейшие специальные работы по этому вопросу: Krafft-Ebing, Ueber die conträre Sexual-Empfindung, Allg. Zeitschr. für. Psychiatrie, 1881, и Kirn, Ueber die Klinischforensische Bedeutung des perversen Sexualen Triebes, ibid. 1882. Крафт-Эбинг упоминает, что эта курьезная превратность полового инстинкта свойственна не одному человеку, она открыта в недавнее время также у одной из пород жуков (!).

ленной и почти всегда прирожденной аномалии *чувства* или *инстинкта*. Такое превратное половое влечение только в некоторых случаях носит на себе грубо-чувственный характер (и тогда может вести к трибадии или педерастии), но чаще оно остается чувством чисто платоническим, нередко выражающимся наружу даже в идеальной, возвышенной форме.

Если сопоставить с аномалией полового инстинкта некоторые особенности характера и моральной организации подсудимой, как то недостаток умственности, резкость в обращении, грубость в шутках, решительность, смелость, удальство, наклонность к кулачной расправе и т. п., то эти особенности получат для нас надлежащее освещение, и лишь тогда для нас станет понятным проявление многих из них уже в раннем детстве Губаревой. С этой же точки зрения объясняется и странный образ прежней жизни обвиняемой, ее занятия, любовь к лошадям, страсть к переодеванию в мужское платье и пр. Но особенно важно констатирование у Губаревой прирожденной превратности полового чувства в форме sensus Sexualis contrarius, потому что эта функциональная аномалия до сих пор встречалась лишь у субъектов умственно ненормальных, с большими или меньшими дефектами в интеллектуальной сфере и в большинстве случаев представлявших вместе с тем и другие явления психического вырождения. Проф. Вестфаль, первый введший в науку понятие «conträre Sexual-Empfindung», говорит, что это явление всегда есть симптом психически исключительного состояния (psychischer Ausnahme-Zustand), что все такого рода индивидуумы суть психопаты с неправильной душевной организацией, с большими природными дефектами в умственной сфере; в большинстве случаев они прямо слабоумны, хотя для констатирования такого слабоумия обыкновенно требуется продолжительное и искусно произведенное исследование. Сознание своей функциональной уродливости и искалеченная жизнь, продолжает Вестфаль, нередко приводит таких субъектов к настоящей меланхолии, и притом тем легче, что субъекты этого рода почти всегда принадлежат к числу лиц, отягченных психопатической наследственностью. Проф. Крафт-Эббинг в своей новейшей специальной работе по этому вопросу приходит к заключению, что прирожденно-контрарный половой инстинкт, встречаясь большею частью у субъектов с наследственным расположением к психическим страданиям, всегда есть лишь частное явление общего невропсихопатологического состояния и что эта аномалия должна считаться одним из функциональных признаков дегенеративных психозов. «Стремление к своему полу, — говорит этот специалист по судебной психопатологии, — здесь есть не безнравственность или порочная страсть, но естественный инстинкт и органическая необходимость; эта необходимость (Nöthigung) является следствием ненормальной организации, и потому-то она часто достигает степени неодолимого органического принуждения (organischer Zwang)». Точно также и Кирн, на основании собственных наблюдений,

подтверждает, что conträre Sexual-Empfindung есть симптом психопатического темперамента и что в большинстве случаев такого рода внимательная экспертиза констатирует и другие антропологические признаки вырождения. Наконец, еще проф. Вестфаль заметил, что у субъектов с прирожденно-контрарным половым инстинктом нередко наблюдается *периодичность* психопатологических явлений, смена между состояниями психического угнетения и психического возбуждения, причем иногда получается картина болезни, близкая к *folie circulaire*. Именно это самое мы и встретили, между прочим, в случае г-жи Губаревой.

Из всего сказанного видно, что я имел основание придать особое значение констатированию у г-жи Губаревой прирожденной превратности полового влечения, и видно, кроме того, что в понимании этого исключительного явления я не расхожусь с европейскими авторитетами по психиатрии и судебной психопатологии.

VIII

Итак, как бы мы ни назвали постоянное состояние г-жи Губаревой — folie raisonnante, folie héréditaire, folie impulsive, mania sine delirio, psychisclfe Entartung, constitutionelle-degenerativer psychopathischer Zustand, или как-нибудь иначе,— с точки зрения науки это будет состояние, несомненно, болезненное. Но в начале этой статьи я сам же указывал, что медицинское понятие о болезненном расстройстве душевной деятельности не вполне совпадает с понятием о душевной болезни в легальном смысле, как об обстоятельстве, исключающем вменение в вину учиненного. В самом деле, дать клинический разбор известного психопатологического случая и подобрать ему подходящее название из обильного учеными терминами психиатрического лексикона еще не всегда значит точно определить судебно-медицинское значение этого случая[32]; поэтому, оставляя почву общую, клиническую, я опять перейду на почву конкретности, почву судебно-медицинскую, т. е. снова буду указывать на необходимость различать в психической жизни обвиняемой ее обыкновенное состояние, в котором способность свободного самоопределения в действовании ее не абсолютно исключена, но лишь более или менее ограничена, от ее транзиторных состояний, в которых обвиняемая действует уже совершенно безотчетно и импульсивно, где, следовательно, о свободном действовании уже не может быть речи.

---

[32] Так, например, некоторые случаи психоистерии («hysterischen Charakter»), так называемый insanitas moralis, далее, легкие случаи manie raisonnante не исключают сами по себе постановки вопроса о вменении, этот вопрос здесь решается так или иначе, смотря по особенностям данного конкретного случая. Ср. Krafft-Ebing. Lehrbuch der gerichtl. Psychopathologie. 1875 и его же Lebrbuch der Psychiatrie. 1879.

Как бы ни были разнообразны, со строго научной точки зрения, транзиторные болезненные состояния обвиняемой, все они с точки зрения закона равнозначащи с временным полным умопомешательством или с *умоисступлением*. Здесь мне кажется нелишним несколько остановиться на определении слова «умоисступление», ввиду того, что неправильное применение этого термина неоднократно приводило в судебной практике к недоразумениям как между обвинительной властью и экспертизою, так и в среде самих экспертов. По прекрасному определению Каспера (в переводе д-ра Штейнберга): «умоисступление есть ненормальное острое душевное движение, в основании происхождения которого лежит органическое страдание нервной системы». Таким образом, для того, чтобы признать умоисступление, необходимо иметь наличность следующих двух условий: 1) ненормальность острого душевного движения самого по себе и 2) болезненность той почвы, на которой оно возникает. Поэтому сильный аффект здорового человека есть не умоисступление, но лишь крайняя степень запальчивости и раздражения. Напротив, все острые транзиторные состояния г-жи Губаревой, очевидно, вполне подходят под приведенное определение умоисступления: в самом деле, здесь болезненна самая почва, на которой возникают эти острые состояния, и в основании происхождения последних, несомненно, лежит органическое страдание головного мозга; но кроме того, эти острые состояния Губаревой болезненны сами но себе, ибо у здорового человека не бывает ни острых приступов маниакального возбуждения, ни неистовства с сопровождающими его резкими вазомоторными расстройствами, ни транзиторного бреда.

Таким образом, как бы мы ни смотрели на постоянное психопатическое состояние обвиняемой, хотя бы мы даже видели здесь болезнь лишь физическую, а не психическую, с легальной точки зрения *это есть болезнь, приводящая к умоисступлению*, ибо было уже показано, что припадки, равнозначащие с умоисступлением, бывали у Губаревой задолго до совершившегося в ночь на 30-е августа 1881 г., по крайней мере, за год до этого числа стали особенно частыми, затем наблюдались и *после* 30-го августа 1881 г., во время испытания обвиняемой как в городском приюте, так и в больнице св. Николая Чудотворца.

Однако, с точки зрения науки, обыкновенное душевное состояние Губаревой есть не просто болезнь, приводящая в умоисступление, но и *само по себе есть болезнь психическая*. Но так как в пределах этого состояния свобода действования у обвиняемой не вполне исключена, а лишь в более или менее значительной степени ограничена, то можно сказать, что в легальном смысле это состояние есть не полное сумасшествие, но лишь *полусумасшествие*. Хотя выражение «полусумасшествие» в законе не встречается (впрочем, слабоумие = полубезумию), однако смыслу закона оно ничуть не противно, раз уголовная наказуемость преступления имеет свои

ступени. Но разумеется, в пределах этого обыкновенного состояния обвиняемой свобода действования последней в разное время бывает ограничена в неодинаковой мере. По мере того как душевное состояние г-жи Губаревой удаляется от ее состояния полного спокойствия, способность свободного самоопределения в действовании обвиняемой более и более ограничивается и, наконец, при наступлении тех острых транзиторных состояний Губаревой, которые в сущности суть не что иное, как умоисступление, — совершенно уничтожается.

Остается лишь один вопрос: не находилась ли обвиняемая Губарева в ночь с 29-го по 30-е августа 1881 года в одном из тех припадков умоисступления, которые у нее, как теперь уже точно доказано, случаются? Однако ясно, что разрешение поставленного вопроса, по обстоятельствам этого недостаточно выясненного дела, должно представить совершенно одинаковые затруднения как для гг. экспертов, так и для гг. судей. Что касается до меня, то я не скажу: из следственного дела не видно, чтобы Губарева в ночь на 30-е августа была в припадке умоисступления; я, напротив, выражусь так: из дела не видно, чтобы обвиняемая не была в эту ночь в одном из тех припадков умоисступления, которые у нее, как уже точно доказано, бывают; и доказано это независимо от того обстоятельства, что она страдает весьма определенной болезнью, способною приводить к таковым припадкам. Разумеется, это условное заключение; но в этом деле эксперту и нельзя дать другого заключения, кроме условного, ибо поступить эксперту в этом случае иначе — значит, по моему мнению, выйти из сферы своей компетентности и самовольно присвоить себе роль судьи… Окончательное решение вопроса: не находилась ли Губарева в ночь на 30-е августа в состоянии умоисступления, принадлежит присяжным заседателям.

25-го января 1883 г. дело дочери титулярного советника Юлии Губаревой и крестьянина Пахома Чудина, обвиняемых в разбое, слушалось в С.-Петербургском окружном суде с участием присяжных заседателей. Я находился в числе свидетелей, вызванных защитою. Ход разбирательства известен публике по газетный отчетам, поэтому здесь достаточно сказать об этом несколько слов. Эксперты д-ра Майдель и Фрей остались при своем прежнем мнении, что г-жа Губарева, несомненно, обладая психопатическим темпераментом, тем не менее, не может считаться ни безумною, ни сумасшедшею; причем из дела не видно также, чтобы она находилась во время совершения преступного деяния в припадке умоисступления. Эксперт д-р Чечотт, ввиду обстоятельств, выясненных судебным следствием, несколько изменил свое прежнее мнение, сказав следующее: если из дела не видно, чтобы подсудимая во время совершения преступного деяния была в припадке умоисступления, то не видно также, чтобы она, будучи весьма склонною впадать в умоисступление, не была в то время в таком припадке. Эксперт д-р Смольский подтвердил взгляд предварительной

экспертизы на научный факт существования и значения прирожденно-превратного полового влечения. Эксперт д-р Чиж заявил, что теперь, после выясненного на судебном следствии, ему «более чем возможно утверждать, что г-жа Губарева была в ночь на 30-е августа в болезненном душевном состоянии». Эксперт проф. Мержеевский, признавая, что следствие не дало твердой точки опоры для суждения о психическом состоянии подсудимой в ночь совершения преступного деяния, признал г-жу Губареву постоянно находящеюся в болезненном состоянии, причем дал блестящий клинический очерк дегенеративных психозов. Защитник г. Спасович в своей художественной речи доказывал постоянное болезненное расстройство душевной деятельности у подсудимой и просил суд, чтобы вопрос относительно вменения был поставлен присяжным заседателям не по 96-й ст. Улож. о наказ., а по ст. 95-й; суд, однако, не нашел нужным удовлетворить эту просьбу защиты. Присяжные заседатели своим первоначальным вердиктом не нашли в преступном деянии подсудимых открытого нападения, однако признали их виновными в похищении; *девица Губарева признана была находившеюся в ночь на 30-е августа 1881 г. в припадке умоисступления*. Председательствовавший усмотрел в ответе присяжных заседателей «неточность», ибо отвергнув в деянии подсудимых существенные признаки грабежа и разбоя, ответ присяжных заседателей лишал суд возможности подвести учиненное подсудимыми похищение под одну из наказуемых законом категорий похищенья чужой собственности (разбой, грабеж, кража и мошенничество). Будучи вторично удалены в комнату совещания, присяжные заседатели вынесли другой вердикт, которым обвинение признавалось недоказанным, вследствие чего оба подсудимые были освобождены. Однако дело оказывается неконченным; вследствие ходатайства г. прокурора перед кассационным Сенатом оно снова обращено в окружной суд для вторичного разбирательства. Признав возможность судебного приговора по первому вердикту присяжных заседателей, 3-е отделение уголовного кассационного департамента не только отменило решение присяжных заседателей и приговор суда, но и сделало замечание С.-Петербургскому окружному суду «в составе присутствия по настоящему делу» — «за явно неправильное действие»…[33] С апреля месяца г-жа Губарева и Чудин снова находятся под стражею… Остается ждать результата вторичного судебного разбирательства, при другом составе присяжных заседателей и, вероятно, также при другом составе присутствия коронного суда.

1. Прим изд. — Вторичное судебное разбирательство дела девицы Юлии Губаревой и крестьянина Чудина происходило 28 ноября 1883 г. Заключения гг. экспертов ни в чем существенном не отличались от высказанного ими

[33] Судебная Газета. 1883. № 14.

25 января 1883 г. Свидетельские показания также ничего нового к освещению дела не прибавили; только показаниями Пахома Чудина возбуждалось некоторое сомнение в том, что с ним 29 августа 1881 г. на Лахту ездила действительно Юлия Губарева, а не какая-то другая, неизвестная женщина. Присяжные Юлию Губареву оправдали.

2. Прим. изд. — Д-р И. М. Сабашников в своем предисловии к русскому изданию «Клинических лекций по душевным болезням» Thomas'a S. Clouston'a (СПб., 1885) говорит: нет ничего легче, как разбить чью-либо классификацию, и ничего труднее, как составить свою собственную.

Принимая во внимание необходимость изменения нашей официальной классификации душевных болезней, нельзя не указать здесь на прекрасную классификацию д-ра Кандинского, предложенную им в 1882 г. и принятую в настоящее время в больнице св. Николая в С.-Петербурге.

Вот она:

I. **Hallucinationes** (hallucinationes ebriosae и друг. sine alienationae).

II. **Melancholia** (sine delirio — hypochondriaca — delirica simples — attonita s. katatonica — transitoria — alcoholica).

III. **Mania** (Simplex s. exaltativa — furibunda — transitoria — gravis alcoholica).

IV. **Ideophrenia** (hallurinatoria acuta — katatonica — chronica simplex — hallucinatoria chronica — cum delirio depressive — cum delirio mixto (сюда между прочим относится и Ideophrenia alcoholica) — cum delirio initialiter expansivo).

V. **Paraphrenia** (agoraphobia — mysophobia — délire du doute — Grübelsucht).

VI. **Dementia primaria acuta.**

VII. **Dementia primaria chronica** (senilis — alcoholica — e laesione cerebri organica (syphilitica, traumatica etc.)).

VIII. **Paralysis generalis progressiva.**

IX. **Psychoepilepsia** (paroxysmatica s. transitoria — continua specifica — dementia epileptica).

X. **Psychohysteria** (paroxysmatica — continua — melancholica — maniaca — ideophrenica).

XI. **Psychosis periodica et psychosis circularis** (melancholia periodica — mania periodica — ideophrenia periodica — psychosis circularis).

XII. **Delirium tremens potatorum.** — Delirium acutum.

XIII. **Dementia (et amentia)** secundaria (post melancholiam — post maniam — post ideophreniam).

XIV. **Imbecillitas.**

XV. **Idiotismus.**

XVI. **Psychoses constitutionales cum degeneratione** (ideophrenia argutans — insanitas moralis — ideophrenia impulsiva).

После того как дело девицы Губаревой было уже напечатано в «Архиве» проф. Ковалевского, а именно в заседании 5-го апреля 1886 г., комиссия, избранная из членов Общ. псих., представила выработанную ею классификацию, которая и была одобрена Обществом и затем, в 1887 г. предложена от имени Общества на первом съезде в Москве. Вот она:

I. **Melancholia** — мрачное помешательство.

II. **Mania** — мания.

III. **Paranoia:** a) acuta, b) chronica — первичное сумасшествие: а) острое, b) хроническое.

IV. **Dementia:** a) e melancholia, mania, paranoia, b) e laesione cerebri organica, c) senilis — слабоумие: а) вследствие психозов — мрачного помешательства, мании, первичного сумасшествия, b) вследствие органических поражений мозга, с) старческое.

V. **Paralysis generalis progressiva** — общий прогрессивный паралич.

VI. **Psychoses hystericae** — истерическое помешательство.

VII. **Psychoses epileptica**e — эпилептическое помешательство.

VIII. **Psychoses periodicae** — периодическое помешательство.

IX. **Delirium tremens** — острый бред пьяниц, или белая горячка.

X. **Deliriuni acutum** — острый бред.

XI. **Imbecicillitas** — прирожденное слабоумие.

XII. **Idiotismus et cretinismus** — врожденное безумие и кретинизм

XIII. **Особые случаи**.

Примечание. К отделу «особые случаи» относятся формы душевных расстройств, не принадлежащие к 12 предыдущим категориям.

II. МЕДИЦИНСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ О СОСТОЯНИИ УМСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ОТСТАВНОГО ПРАПОРЩИКА АЛЕКСАНДРА К., ОБВИНЯЕМОГО В ПРЕСТ., ПРЕДУСМОТР. 9 И 1455 СТ. УЛОЖ. НАКАЗ.

В силу постановления С.-Петербургского окружного суда по 3-му отделению от 20-го марта 1882 года, отставной прапорщик Александр Всев. К. доставлен 27-го мая 1882 года из Дома предварительного заключения в больницу св. Николая Чудотворца, где и был подвержен специальному испытанию в продолжение двух месяцев. Того же года 27-го мая к нижеподписавшемуся поступило дело окружного суда за № 191, переданное в контору больницы для возвращения г. прокурору июня 15-го дня.

При исследовании Александра Всев. К. в больнице св. Николая Чудотворца найдено следующее:

а) *Физическое состояние.* — Испытуемый имеет 58 лет от роду; рост средний; таковое же телосложение. Питание организма ослаблено, что видно по малому развитию подкожно-жирового слоя, по слабости и дряблости мышц, по вялости и уменьшенной упругости кожи. Лицо испытуе-

мого представляет отпечаток дряхлости; в противоположность этому, зубы являются весьма хорошо сохранившимися, крепко сидящими и, за исключением трех, совершенно неповрежденными. Постановка зубов правильна, но все коронки их меньше нормального. Два задних верхних коренных зуба (на правой стороне) выкрошились очень давно; корни их целы и теперь; на левой стороне задний верхний коренной зуб, по словам испытуемого, выдернут в Доме предварительного заключения. Иннервация языка и мышц лица на обеих сторонах одинакова. Зрачки равномерно сужены, реагируют на свет относительно вяло. Кожа щек и носа, вследствие расширенности капилляров и мелких вен, окрашена в синевато-красный цвет. Близ границы между височной и теменной костями на правой стороне головы находится незначительный рубец. Образование черепа вообще правильно, за исключением того, что костное нёбо по середине своей ненормально, вогнуто кверху и образует по краям этой ладьеобразной вогнутости два широких и довольно возвышенных валика. На коже спины, груди и живота следы или рубцы от прежде бывшей здесь сыпи, по-видимому, сифилитической. При поступлении испытуемого в больницу на груди и животе его была, кроме того, обильная свежая розеолезная сыпь, причем слизистая оболочка зева являлась пораженною острым катаром (angina), а лимфатические железы на задней стороне шеи представлялись увеличенными в объеме и затверделыми. Правое паховое кольцо расширено, и правая половина мошонки сильно растянута грыжею, довольно легко вправляющейся; крайняя плоть у основания своего оказывается отверделою и на ней близ венечной бороздки полового члена замечаются рубцы, по-видимому, от прежде бывших на этом месте шанкерных язв. Задний проход чист, без кондилом. Хотя исследование открывает у К. признаки сифилиса, сам испытуемый не признает себя страдающим этой болезнью, не хочет подвергаться антисифилитическому лечению, настаивая на том, что ему неоткуда было получить шанкр, так как половых сношений он, К., ни с кем, кроме Богдановой, не имел.

Температура тела нормальна. Пульс твердый и полный.

Испытуемый жалуется на приливы крови к голове, причем в глазах его будто бы темнеет и перед ними появляются искры. Кроме того, из сообщений К. видно, что у него по временам, в особенности при душевных волнениях, являются те болезненные симптомы, совокупность которых известна под названием «angina pectoris», то есть: приступы сердцебиения с тоскою, одышкою, головокружением и вместе с тем с болью в левой стороне груди.

При исследовании легких ничего ненормального не открыто.

Область перкуссионного тупого звука сердца увеличена по направлению кверху и влево; нижнюю границу этой области нельзя определить вследствие значительного увеличения левой доли печени. Толчок сердца не особенно

усилен, но захватывает большее пространство, чем обыкновенно; притом он несколько смещен вниз. Первый тон у верхушки сердца чист, явственно усилен; второй тон усилен еще более и притом ненормально резок и звонок. Первый тон над аортою глух, нечист; второй тон аорты необыкновенно громок, резок, металличен. Второй тон легочной артерии усилен сравнительно незначительно.

Плечевые артерии прощупываются в виде твердого шнурка, даже в то время, когда они не растянуты волною крови. Височные артерии извилисты, жестки наощупь, неровны с поверхности; их стенки сильно склерозированы.

Печень значительно увеличена, в особенности левою своею долею, притом плотнее обыкновенного и несколько чувствительна к давлению. Селезенка тоже увеличена, впрочем не в высокой степени. Признаков брюшной водянки нет.

Желудочно-кишечный канал в полной исправности.

Таким образом, физическое исследование открыло в испытуемом три независимых одна от другой хронических болезни, а именно: сифилис во вторичной его форме (syphilis secundaria), цирроз печени в первой его стадии (hepatitis interstitialis potatorum) и высокую степень атероматозного поражения артериальной системы (endarteriitis chronica deformans) с последовательным поражением сердца (hypertrophia ventriculi sinistri cordis).

b) *Психическое состояние.* — Относительно психического состояния К., как в настоящее время, так и в момент преступного деяния, для нижеподписавшегося, частью из сообщений самого испытуемого, частью из актов предварительного следствия, выяснилось следующее. К. с давнего времени постоянно пьянствовал и в последние годы не имел никаких определенных занятий. Состояв в течение нескольких лет в любовной связи с крестьянкою Варварой Богдановой, он в последнее время сильно ревновал ее, в особенности же с тех пор, как она (с 28 июля 1881 года) перестала жить на одной с ним квартире. В продолжение августа К. от ревности и горечи разлуки с Богдановой «пил мертвую чашу», причем ежедневно истребляя водку в количестве около 30 кабацких стаканчиков; скоро он дошел до того, что почти совершенно перестал как есть, так и спать. В вечер 6-го сентября 1881 года К., как видно из показаний свидетелей, не был сильно пьяным, но был лишь «немного выпивши». Увидев, что Богданова села на колени к маляру В. (к которому испытуемый, по-видимому, имел основание ревновать ее), он, К., вдруг почувствовал, как кровь ударила ему в голову, и в этот самый момент «ткнул» Богданову бывшим у него в кармане ножом, не разбирая, в какое место он колет. Лишь после самого происшествия от других лиц он узнал, что нанес Варваре три раны в руку. Сравнительно хорошо К. может припомнить свои ощущения лишь до того момента, как от первого нанесенного им удара из тела Богдановой показалась кровь.

С этого момента вплоть до вытрезвления в участке он плохо понимал происходившее (л. 5 об.) и соответственно сему его воспоминания за этот промежуток времени неполны, отрывочны и смутны. Будучи приведен в участок, К. продолжал находиться в возбужденном состоянии и «стучал рукою по столу»; в заключение он лег на диван и захрапел (л. 16 об.).

В течение всего времени заключения К. под стражею расстройство умственных способностей обнаружено не было; обвиняемый был рассудителен, относился к производимому над ним следствию вполне сознательно, неоднократно обращался к г. судебному следователю как со словесными, так и с письменными заявлениями относительно необходимости допросить тех или других лиц, показания которых, по его мнению, могли бы для него быть важными; вместе с сим он деятельно старался о направлении следствия в порядке, указанном 353 ст. У. У. С.

Во время пребывания испытуемого в больнице св. Николая Чудотворца настроение духа его значительных уклонений от нормы не представляло. Злобы против Богдановой у К. в настоящее время нет; но у него также нет и особенного сожаления о содеянном. Хотя испытуемый вел себя в больнице тихо и сдержанно, тем не менее, внимательное наблюдение показало, что устойчивого равновесия в душевном состоянии К. не существует. Так, К. сравнительно легко раздражается, в особенности же, когда ему покажется, что окружающие относятся к нему без достаточного уважения, подобающего ему, как «бывшему офицеру, получившему увечья от сражений и горных походов». Не подлежит никакому сомнению, что, являясь тихим и сдержанным в то время, когда его ничто живо не затрагивает, К. легко может потерять самообладание при каком-нибудь раздражающем обстоятельстве, из числа тех, которые часто встречаются в жизни вне больничных стен.

Нравственное чувство и энергия воли испытуемого заметно ослаблены. Это доказывается как отношением К. к совершенному им делу, так и той жизнью, которую вел в последние 3–4 года этот человек, получивший приличное воспитание и прежде имевший достаточные средства к существованию: он с утра до вечера скитался по портерным и беспрерывно пьянствовал, вел нищенскую жизнь, постоянно обращаясь к братьям за денежным вспомоществованием.

Память у испытуемого сохранилась удовлетворительно. Собственно интеллектуальная сторона психической деятельности его, напротив, представляет значительные уклонения от нормы, заметные, впрочем, лишь при ближайшем знакомстве с К. К числу этих уклонений должно отнести крайнюю недальновидность и недостаточную сообразительность К., равно как и его наивную хвастливость. Так, относительно обстоятельств своей прежней жизни испытуемый делает сообщения, частью прямо неверные, частью такие, верность которых подлежит большому сомнению. Прибыв в больницу,

К. сперва назвался «отставным подполковником», но, узнавши, что настоящий его чин ординатору известен, объяснил, что он, К., «в первый раз вышел в отставку» с чином подполковника (что опять неверно), затем снова вступил в службу, но в скором времени, после столкновения с князем N, был разжалован и в 1854 году вышел в отставку прапорщиком. Историю дальнейшей своей жизни К. дает в следующих чертах. После смерти матери он будто бы получил в наследство 1500 душ крестьян с соответственным количеством земли, но, живя разгульно, все свое имение быстро «прожил». В 1859 году женился на дочери ярославского купца П. («обещали дать 30 000, но надули») и переехал в Москву, где открыл «справочную контору» и стал заниматься «исполнением частных поручений». Дело его будто бы пошло настолько хорошо, что он стал получать чистого барыша до 25 000 рублей в год. В 1864 году разошелся с женою, после чего стал вести еще более разгульную жизнь, имея несколько дорогих содержанок. В 1875 году получил на Нижегородской ярмарке от одной из банкирских контор Англии заказ — заготовить в России 1 500 000 шпал. Имея в виду получить при этом за комиссию сразу 150 000 рублей, К. (по его словам) передал свою контору другому лицу и, заказав шпалы, переехал в январе 1876 года в Петербург, причем привез в кармане 6000–7000 рублей. В марте того же 1876 года познакомился с Богдановой, которая будто бы тогда же и поселилась в его квартире. Дело со шпалами не состоялось по случаю войны. В Петербурге К. тоже искал частных поручений, но выручка уменьшалась с каждым годом, а привезенные в Петербург деньги были быстро прожиты. Сначала он, вместе с Богдановой, помещался в приличных квартирах; когда же обстоятельства их сделались стеснительными, Богданова стала думать о месте и, наконец, поступила в услужение в портерную Орлова. В последний год К., вследствие пьянства, отстал от всяких занятий и жил лишь временным пособием со стороны братьев, квартируя по так называемым «углам».

Основываясь на том, что К. решается вступать в резкое противоречие со своим послужным списком, я полагаю, что в сообщениях испытуемого о прежнем его благосостоянии много преувеличенного или, может быть, даже прямо неверного.

Каких бы то ни было болезненных, ложных или упорных представлений, т. е. бреда в тесном смысле слова, у К. не имеется.

Прежде чем перейти к выводам из результатов исследования, необходимо остановиться на тех побочных медицинских вопросах, которые были возбуждены на предварительном следствии и при освидетельствовании К. в порядке, указанном 355 ст. У. У. С.

а) контузия в голову, полученная К. в 1843 году, для суждения о состоянии умственных способностей испытуемого не имеет никакого значения, так как она произвела лишь небольшую рану в мягких покровах головы, не повредив кости.

б) Если покойный отец К. страдал не мрачным помешательством, которым была одержима сестра К., а какою-нибудь иною формой умственного расстройства, то одно это обстоятельство еще не дает права сомневаться в существовании у К. наследственного предрасположения к психическому заболеванию. Только в редких случаях передается из одного поколения в последующие *одна и та же* психическая болезнь; обыкновенно же передается лишь «*предрасположение*» к заболеванию умственным расстройством. Таким образом, наследственною бывает не сама форма психической болезни, а лишь та невропатическая или психопатическая *конституция организма*, на почве которой, под влиянием различных случайных причин, с большою легкостью может развиться та или другая клиническая форма умственного расстройства. Это положение известно в науке под именем «закона полиморфизма или трансмутации наследственных психических страданий». Кроме того, по совместному действию случайных причин и закона «атавизма», едва ли может быть какой-нибудь определенный порядок при переходе умственного расстройства (хотя бы в различных формах) через несколько поколений.

Возможность существования у К. наследственной предрасположенности к психическому заболеванию не может быть отрицаема, в особенности ввиду того, что как в телесной, так и в душевной конституции испытуемого усматриваются некоторые неправильности, по всей вероятности, прирожденные (малый размер зубных коронок, неправильное образование твердого нёба; с первой молодости обнаружившаяся наклонность К. к пьянству и к «буйственным поступкам»). Известно также, что люди с наследственным психопатическим предрасположением особенно часто поражаются периодическими, равно как и транзиторными формами душевного расстройства. Посему признанная за К. Военно-медицинским ученым комитетом (в 1854 году) способность *временно* впадать в состояние умственного расстройства тоже заслуживает некоторого внимания. Впрочем, для правильного суждения о состоянии умственных способностей К. в момент совершения им преступного деяния медицинское исследование открыло настолько твердую точку опоры в настоящем случае в физическом состоянии испытуемого, что вышеприведенные соображения относительно возможности наследственного предрасположения у К. включены сюда лишь ради уяснения суду медицинской стороны данного случая во всех ее подробностях.

Выводы и заключение. У К., как выше сказано, открыты все признаки весьма далеко подвинувшегося и по всей артериальной системе распространенного атероматозного поражения кровеносных сосудов (endarteriitis chronica deformans). Это поражение, повлекшее за собою последовательное страдание сердца (hypertrophia ventriculi senistri cordis) констатируется непосредственно как в аорте, так и в периферических артериях, в особен-

ности же в art. temporales. Последнее обстоятельство заставляет заключить, что стенки артерий головного мозга тоже в значительной степени поражены атероматозным процессом, при чем, как само собою разумеется, циркуляция крови в головном мозге и питание последнего не могут быть правильными.

Известно, что artpriitis chronica deformans есть одна из болезней, свойственных старческому возрасту, и что в сравнительно раннем возрасте она встречается у людей, с издавна предающихся пьянству. Так как, несмотря на 58-летний возраст испытуемого, мы не находим у последнего многих явлений старчества (например, выпадения зубов, хронического поражения желудочно-кишечного канала), так как поражение артериальной системы достигает у испытуемого столь высокой степени, что даже прямо не соответствует его сравнительно не весьма преклонному возрасту, то это поражение должно считаться в данном случае не явлением старческой дряхлости, а одним из резко выраженных у К. явлений хронического алкоголизма.

Что касается до психического состояния К. в настоящее время, то на основании вышенайденных признаков (а именно: неустойчивость душевного равновесия и тем обусловленная предрасположенность к аффектам, слабость воли и нравственного чувства, известного рода недостаточность в сфере суждений) должно заключить, что К. принадлежит к числу лиц, в известной степени слабоумных. Нет ни малейшего повода считать слабоумие К. прирожденным, и напротив, имеются все основания видеть здесь слабоумие приобретенное, являющееся естественным результатом многолетней преданности пьянству, каковое в данном случае постепенно вызвало органическое поражение головного мозга (arteriitis chronica cerebralis).

Медленно усиливающееся органическое страдание головного мозга, произведя ослабление умственных способностей К., до настоящего времени еще не привело испытуемого к полному лишению рассудка. Это видно и помимо результатов медицинского исследования, именно из поведения К. во время производившегося над ним следствия, равно как и из того обстоятельства, что все свидетели, в числе которых были люди, близко знакомые с К., а также и сама потерпевшая, знавшая его в продолжение 5 лет, никаких болезненных признаков в К., кроме состояния опьянения, не замечали (лл. 24, 41 об., 42, 46 об., 53 об.). Свидетели Сочилов и Орлов даже отзывались об обвиняемом как о человеке тихом, хорошем, разумном (л. 24 об.) и рассудительном, с которым «приятно провести время» (л. 24).

Засим остается еще вопрос о психическом состоянии К. в вечер 6-го сентября 1881 г.

Имея в виду, что циркуляция крови в головном мозге К., равно как и само питание мозга не могут быть правильными, что у испытуемого констатированы вышеприведенные признаки ослабления умственных способностей, и принимая во внимание, что К. страдает гипертрофиею сердца,

вследствие чего у него могут являться приступы anginae pectoris вместе с приливами крови к голове (hyperaemia cerebri activa), мы должны признать, что К. в высокой степени предрасположен к болезненным аффектам, то есть умоисступлению. Что 6 сентября 1881 г. К., действительно, был приведен в состояние умоисступления, видно из следующего. В этот вечер случайное обстоятельство (Богданова села на колени к В., или, по крайней мере, так показалось К.) производит в испытуемом, который был на этот раз лишь «немного выпивши», аффект ревности. В этот момент вследствие отражения аффекта на гипертрофированном сердце, К. чувствует, как кровь ударила ему в голову, и затем теряет ясное сознание как своих ощущений, так и происходившего кругом него. С внешней стороны К. представлялся в это время сильно взволнованным (л. 17) и, будучи приведен в участок, продолжал находиться в возбужденном состоянии (грозил Богдановой, стучал рукой по столу), затем лег на диван и захрапел. Соответственно помрачению сознания с момента прилива крови к голове, К. о происходившем после этого момента частью вовсе не помнит, частью же вспоминает лишь крайне отрывочно и смутно. Все это, вместе взятое, представляет полную картину болезненной реакции органически пораженного головного мозга, т. е. полный комплекс признаков умоисступления.

Основываясь на всем вышеприведенном, окончательно формулирую свое заключение в следующих пунктах:

1. Умственные способности К., вследствие органического страдания его головного мозга, представляются в настоящее время ослабленными (dementia e laesione cerebri organica), впрочем, не в столь высокой степени, чтобы теперь же можно было отнести К. к числу лиц, совершенно потерявших умственные способности и рассудок.

2. В момент совершения преступного деяния (6-го сентября 1881 г.) К. находился в состоянии умоисступления (от болезней, а не от опьянения).

Составлено июля 24 дня 1882 г.

Прим. изд. — При первом освидетельствовании Александра К. в распорядительном заседании С.-Петербургского окружного суда 20-го марта 1882 г. гг. врачи-эксперты (д-ра Майдель, Чечотт и Фрей) на предложенные им судом вопросы о состоянии умственных способностей К. в настоящее время и 6-го сентября 1881 г. ответили, что «*умственные способности К. находятся в настоящее время и находились 6-го сентября 1881 г. в состоянии сумасшествия*». Судом было признано необходимым продолжить наблюдение над К., вследствие чего этот последний и был доставлен 27-го мая в больницу св. Николая Чудотворца.

После представления вышеприведенного медицинского заключения Александр К. вновь был освидетельствован 18-го сентября 1882 года, и гг. врачи-эксперты на предложенные им судом те же вопросы ответили:

«1) что в настоящее время замечаются признаки как физические, так и психические того болезненного состояния (alcoholismus chronicus), которое обусловливается долголетним злоупотреблением спиртных напитков; 2) что 6-го сентября 1881 г. К. находился в состоянии умоисступления (болезненного аффекта)». Это заключение было принято судом, и делопроизводство прекращено на основании 96 ст. Улож. о нак.

III. МЕДИЦИНСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ О СОСТОЯНИИ УМСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ОТСТАВНОГО РЯДОВОГО СТЕПАНА Ш., ОБВИНЯЕМОГО ПО 9 И 1523 СТ. УЛОЖ. О НАК.

В силу постановления СПб. окружного суда по 3 отд. от 3-го июля 1882 г. отставной рядовой Степан Ш. 30-го сентября 1882 г. из Дома предварительного заключения переведен для наблюдения за ним в больницу св. Николая Чудотворца, где находится и по сие время.

Из дела окружного суда за №295 видно, что показаниями свидетелей, а равно и показаниями потерпевшей Степан Ш. уличается в том, что утром 2-го июля 1881 г. он покушался на растление 6-летней девочки Ольги, дочери вдовы рядового, Авдотьи Т. Во время слушания этого дела в окружном суде с присяжными заседателями 9-го декабря 1881 г. показания свидетелей Петрова и Железова послужили поводом к направлению дела в порядке, указанном 353 и 354 ст. Уст. угол. судопр.

Четырехмесячное испытание обвиняемого в больнице св. Николая Чудотворца показало следующее:

Степан Авдеев Ш., отставной рядовой, из евреев Витебской губернии, православный, 47 лет от роду; роста 2 арш. 5 2/8 в.; телосложение слабое; значительно истощенный. На правой голени следы бывшего здесь поперечного перелома кости. Хроническая припухлость правого голеностопного сустава, болезненность и ограниченная подвижность в этом сочленении. Блуждающие ревматические боли по различным суставам. Вследствие упомянутого поражения правого голеностопного сочленения испытуемый ходит с затруднением. Мышцы вообще слабы, от мышечных усилий испытуемый скоро устает. Однако мышечного дрожания (tremor) нет и вообще паралитических или паретических симптомов нигде не замечается; координация движений совершается правильно. Зрачки одинаковы, нормальной величины, на свет реагируют правильно. Язык густо обложен желтоватым налетом; конец высунутого языка в сторону не уклоняется. Вообще иннервация мышц на обеих сторонах лица одинакова. Деятельность двигательного аппарата речи ни мало не расстроена. Отсутствие вкуса, плохой аппетит, постоянные запоры, метеоризм, вообще все признаки хронического катара желудочно-кишечного канала. Расширение вен заднего прохода

(varices haemorrhoidales), печень и селезенка нормальной величины. Легкие несколько эмфизематозны. Сосудистая система не представляет ничего особенного, за исключением того, что тоны клапанов аорты не совсем чисты. Зрение не ослаблено. Правым ухом испытуемый почти не слышит, левым слышит только в том случае, если внятно говорить вблизи самого уха. Правая барабанная перепонка разрушена, левая перфорирована. На сосцевидных отростках височных костей оказываются отверстия, вследствие произведенных здесь еще в 1856 г. проколов троакаром. В упомянутом году испытуемый имел тяжелое местное страдание обоих ушей (otitis media suppurativa), вследствие которого и оглох; по этой причине из линейного батальона был перечислен во внутреннюю стражу. Испытуемый жалуется на боли в спине, по временам усиливающиеся. Кроме того, нередко являются нервные боли в разных местах тела, именно в задней части головы (neuralgia cervico-occipitalis), в левом боку (neur. intercostalis) и в правой ноге, по направлению седалищного нерва (neur. ischiadica). Позвоночник на всем своем протяжении весьма чувствителен к давлению. Нечувствительных мест (анестезии) на коже нет; напротив, замечается значительная гиперестезия (т. е. возвышенная чувствительность) ко всякого рода кожным раздражениям (электрическим, механическим и тепловым). Кожные и сухожильные рефлексы, в особенности на туловище, усилены против нормы. Сон у испытуемого вообще удовлетворителен, но во время усиления ревматических и невралгических болей естественно портится. В течение 4 месяцев наблюдения у испытуемого было 9 полных (grand mal) припадков эпилепсии, причем все они были в первые 3 месяца наблюдения, тогда как последний месяц был от припадков свободен. Из них некоторые, по крайней мере, были положительно не симулированные (полная потеря сознания, общие тонические и клонические конвульсии, на обеих сторонах тела почти одинаково сильные; прекращение реакции зрачков, которые сначала были суженными, но потом сильно расширялись). За классическими эпилептическими судорогами наступал сопорозный период (бесчувственность), и весь припадок продолжался 15–20 мпнут, после чего иногда следовал, на ½–1 час, сон, иногда же испытуемый прямо приходил в себя, но в продолжение 1–2 часов оставался в состоянии отупения (stupiditas postepilptica). Кроме этих, так называемых «больших», эпилептических приступов у испытуемого несколько раз делались, по-видимому, «малые» припадки («petit mal» «vertigo epileptica»), головокружение, помрачение или потеря сознания на 1–3 минуты, с расслаблением мышц произвольного движения, без всяких судорожных явлений. Два таких припадка были, несомненно, не симулированные, ибо во время их лицо испытуемого становилось резко бледным. Но бывали и такие припадки эпилептического головокружения, которые не сопровождались никакими объектными признаками (бледнота лица, изменение реакции зрачков)

и возбуждали сомнение в их неподдельности тем, что случались с испытуемым во время исследования, и притом именно в такой момент, когда исследование становилось для Ш. щекотливым.

Относительно умственных способностей испытуемого оказалось следующее. По характеру Ш. скрытен и осторожен, несколько угрюм. Во время пребывания его в больнице настроение его духа ясно болезненных уклонений от нормы не представляло. Вел себя испытуемый тихо и прилично; не избегал общения с теми из больных, с которыми можно было вести разговор; порядочно играл в карты и шашки; к врачу относился с робостью; относительно окружающих его больных иногда держал себя раздражительно и сварливо; по отношению к прислуге нередко высказывал несоответственную со своим положением требовательность. Ложных идей не высказывал; особых странностей или несообразностей в своем поведении не представлял. На вопросы отвечал толково и довольно обстоятельно; но, будучи спрошен об обстоятельствах преступного покушения, приходил в замешательство, умолкал или выражался уклончиво, отрицая свою виновность и объясняя дело клеветою. Вообще, как выразился при следствии д-р мед. Бавин, обнаруживал «вполне правильное, ясное понимание доступных наблюдению его явлений» (произв. след. л. 56 об.). Несмотря на многолетнее страдание эпилепсиею (которою испытуемый, по его словам, болел с 1858 г.), значительного ослабления в его умственных способностях, именно в деятельности рассудка не заметно. Память его тоже довольно удовлетворительна: он хорошо помнит все более важные события своей прежней жизни и может точно обозначить время этих событий (в этом отношении его сообщения, будучи после проверены по фактам, отмеченным в указе об его отставке, оказались вполне точными). Многолетнее страдание эпилепсиею (которая в данном случае есть болезнь продолговатого мозга, а не больших мозговых полушарий), по-видимому, успела произвести в испытуемом лишь ослабление высших из интеллектуальных функций, к каковым, между прочим, принадлежат нравственная деятельность души и воля. Слабость нравственного чувства, во-первых, выразилась у испытуемого в самом факте покушения, во-вторых, видна в его наклонности к симулированию или, по крайней мере, к преувеличению своих страданий. Так, видя, что врач наблюдает за ним, испытуемый ходит по коридору со значительным трудом, придерживаясь за стену; напротив, не замечая наблюдающего врача, он держится на ногах несравненно крепче и ходит много свободнее. До прихода врача Ш. спокойно беседует с другими больными или играет с ними в шашки, но, увидев ординатора, быстро принимает крайне плаксивый вид и начинает усиленно жаловаться на свои страдания. На втором месяце своего пребывания в больнице испытуемый вдруг стал уверять, что вся его кожа, начиная с нижних конечностей и до уровня середины лопаток, потеряла чувствительность: «мясо болит,

кожа же ничего не слушает». При этом он утверждал, что не чувствует легких уколов булавкою; при уколах же более сильных отреагировали конечности (что, впрочем, могло быть и рефлекторным движением). Однако при поверочном испытании тепловыми раздражителями, а также электрическою моксою и фарэдическою кистью те места кожи, которые выдавались за нечувствительные, оказались чувствующими, а вскоре затем испытуемый заявил, что кожа у него «снова стала слушать» и механические раздражения. Предварительно обнаружив довольно хорошо сохранившуюся память, испытуемый уже на третьем месяце пребывания в больнице на все вопросы относительно его прежней жизни стал отзываться «запамятовал», «не помню»; впрочем, потом опять оставил эти отговорки и вновь оказался имеющим удовлетворительную память.

Таким образом, Ш. является не столько психически больным, сколько нервнобольным. Он страдает раздражением спинного мозга (irritatio spinalis sive neurasthenia spinalis hyperaesthetica) и падучею болезнью (epilepsia vera sive simplex) в ее классической, или обыкновенной судорожной форме, причем частота отдельных припадков у него, по-видимому, различна, именно от одного раза в неделю до одного раза в месяц и реже. Обе названные нервные болезни, как видно из слов самого испытуемого, ведут свое начало с 1858 года, т.е. именно с того времени, когда рядовой Ш., как отмечено в указе об его отставке, был наказан 200 лозанами. Такое обстоятельство есть причинный момент, которого вполне достаточно для объяснения происхождения оказавшихся у испытуемого нервных (по преимуществу спинномозговых) болезней.

Кроме некоторого изменения в характере (угрюмость, отчасти раздражительность и сварливость) и в известной степени (весьма умеренной) слабоумия, являющегося последствием долговременной эпилепсии, Ш. никаких признаков умственного расстройства в настоящее время не представляет.

Предположение д-ра Бавина (произв. следов. л. 57) относительно страдания Ш. общим прогрессивным параличом должно считаться положительно не подтвердившимся.

Результаты моего наблюдения вполне согласуются с данными, добытыми следствием. Зять обвиняемого, П.Ж., объяснил, что он считал Ш. лишь за физически больного (произв. след. л. 42 и об.), но ничего странного или особенного в его поведении, из чего можно было бы заключить о ненормальности его умственных способностей (произв. след. л. 21 об. и 22), не замечал. В таком же смысле высказались и другие свидетели.

Врач Чиж, наблюдавший Ш. в Кронштадском Морском госпитале в 1880 году, показал (произв. след. л. 59 об.), что обвиняемый страдал гиперемиею спинного мозга, расстройства же умственных способностей не представлял.

Остается обсудить, в каком состоянии мог быть обвиняемый 2 июля 1881 г. и в каком состоянии он действительно находился в этот день. Наблюдение показало, что обвиняемый страдает простою эпилепсиею (травматического происхождения), а не так называемою психоэпилепсиею. За все время испытания у Ш. не было никаких транзиторных расстройств (как эпилептических, так и иных) в психической сфере, разумеется, за исключением того, что во время вышеописанных неподдельных припадков падучей болезни он временно лишался сознания; помимо этих припадков эпилептического беспамятства, и свидетели не замечали у Ш. никаких временных расстройств в психической сфере. Наукою установлено, что все скоропреходящие психоэпилептические состояния (галлюцинаторный бред, stupor с автоматическими двигательными актами, сноподобные эпилептоидные состояния в т. п.) характеризуются тем, что как самосознание, так и сознание внешнего мира у больного на это время или совершенно прекращаются, или же, по меньшей мере, бывают в высокой степени помраченными или измененными (спутанными); соответственно этому больной, по возвращении к своему обыкновенному состоянию, или совсем не имеет никакого воспоминания как относительно субъективных, так и относительно объективных фактов, совершаемых во время психоэпилептического приступа, или же сохраняет воспоминание лишь крайне общее, в высшей степени смутное и сбивчивое.

По делу прямо видно, что 2-го июля 1881 г. Степан Ш. находился в своем обыкновенном состоянии, причем действовал не только целесообразно, но и вполне сознательно и мотивированно (выбрал удобный момент для покушения уговаривал девочку; естественно растерялся, когда в сам момент покушения вошла мать девочки и подняла тревогу; старался благовидным образом объяснить свое поведение и проч.). Во время предварительного следствия, равно как и во время слушания дела в суде Ш., отрицая свою виновность, повторял свои прежние объяснения (будто бы хотел зашить на девочке разорванные ею панталоны), ничуть не пытался ссылаться на беспамятство или на какое-либо иное временное болезненное состояние, а, напротив, всем поведением своим ясно показывал, что он хорошо помнит все произошедшее в утро 2-го июля 1881 года.

Не могу не прибавить, что раздражение спинного мозга (irritatio spinalis) есть болезнь почти всегда более или менее отражающаяся на половой функции; несмотря на то, что сила и продолжительность эрекции полового члена при этом обыкновенно бывают уменьшенными, половое побуждение здесь часто бывает усиленным. Обусловленное долговременной эпилепсией ослабление воли и морального чувства, несомненно, имело влияние на то, что обвиняемый не сдержал своего полового побуждения, которое, может быть, было у него в день покушения болезненно усиленным.

Основываясь на четырехмесячном личном наблюдении за обвиняемым и на данных, добытых следствием (в числе их в особенности на обстоятельствах данного дела), заключаю:

I. Степан Ш. есть человек нервнобольной; он страдает с 1858 г., вследствие вынесенного им телесного наказания, раздражением спинного мозга и падучею болезнью.

II. К числу лиц сумасшедших или безумных от рождения обвиняемый не принадлежит; у него констатируется лишь известная степень приобретенного слабоумия вследствие долгого страдания падучею болезнью.

III. Хотя Степан Ш. страдает болезнью, выражающеюся, между прочим, в припадках совершенного беспамятства, тем не менее по делу ясно видно, что во время покушения, а также непосредственно перед покушением и непосредственно после него обвиняемый не находился ни в припадке беспамятства, ни в одном из припадков, равнозначащих с умоисступлением, из чего следует, что в то время мог иметь понятие о противозаконности и о самом свойстве того деяния, на которое покушался.

IV. Страдание спинного мозга могло быть у обвиняемого причиною возникновения болезненно усиленного полового побуждения.

Составлено в С.-Петербурге 2-го февраля 1883 года.

Прим. изд. В судебном заседании С.-Петербургского окружного суда 19-го сентября 1883 г. гг. присяжные заседатели признали сам факт покушения доказанным, признали в то же время подсудимого Ш. действовавшим в состоянии умственного расстройства, и на вопрос о виновности Ш. ответили: «не виновен». Суд постановил считать подсудимого Ш. по суду оправданным.

IV. МЕДИЦИНСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ О СОСТОЯНИИ УМСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ Т.-Ф., ОБВИНЯЕМОГО ПО 354 И 359 СТ. УЛОЖ. О НАК.

1886 г. февраля 10-го дня С.-Петербургский окружный суд, на основании мнения экспертов, определил: подвергнуть бывшего кандидата на судебные должности Т.-Ф. испытанию в состоянии его умственных способностей, с тем, чтобы наблюдение за ним было поручено ординатору больницы св. Николая Чудотворца врачу Кандинскому, не наблюдавшему за ним при первоначальном испытании его в той больнице.

Вследствие этого определения Т.-Ф. находится в больнице св. Николая Чудотворца с 5-го марта сего года по настоящее время, причем он состоял под наблюдением у меня, нижеподписавшегося старшего ординатора Кандинского. Результаты моего наблюдения вместе с моим заключением изложены в нижеследующем.

Испытуемый, 28 лет от роду, имеет среднее телосложение при правильном, взаимно соответственном развитии всех частей тела. При росте в 161 см окружность груди равна 90 см. Череп по своей конфигурации ничего особенного не представляет; окружность его равняется 59 см, продольный размер 20 см, наибольший поперечный размер 16 см.

Отдельные части лица взаимно пропорциональны. Образование твердого нёба и постановка зубов правильные. Мышцы развиты удовлетворительно. Легкие и сердце здоровы. Пульс обыкновенно слегка ускорен (88–96 в минуту). Испытуемый часто страдает запорами, вообще легко подвергается расстройствам желудочно-кишечного канала; по словам испытуемого, ему для правильного действия желудка необходимо перед завтраком и перед обедом выпивать по рюмке водки. Исхудалости испытуемый не представляет, но вследствие общего малокровия лицо и доступные для осмотра слизистые оболочки являются у него бледными.

В сфере собственно нервной деятельности должно быть отмечено следующее: позвоночный столб испытуемого почти на всем своем протяжении оказывается весьма чувствительным даже к легкому прикосновению, а давление на верхней половине позвоночника обусловливает боль; на уровне остистого отростка 4-го спинного позвонка испытуемый ощущает, по его словам, постоянную тупую боль, по временам усиливающуюся. Чувствительность кожи к внешним раздражениям на спине, груди и животе повышена; в прочих местах тела изменений чувствительности нет. Мышечные рефлексы с кожи туловища повышены. Рефлекс на cremaster отсутствует. Сухожильные рефлексы без изменений. Электровозбудимость мышц нормальна. Анестезий и паретических явлений нет. Судорогами ни общими, ни местными испытуемый не страдает. Резких сосудодвигательных расстройств я не наблюдал у него. Помимо упомянутых болей в спинном хребте, сам испытуемый жалуется на не всегда удовлетворительный сон, на бывающие у него иногда нервные головные боли и на потерю способности к нормальному половому соитию (мужское бессилие), причем признался, что с 14-летнего возраста предан онанизму и что, в силу давней привычки, и в настоящее время совершает мастурбаторный акт несколько раз в неделю.

Обращаясь к сфере чисто психической, я должен отметить, что сам испытуемый замечает в себе уменьшенную способность к требующим усидчивости умственным занятиям, так что при них у него сравнительно скоро наступает утомление; кроме того, он находит, что память у него, сравнительно с тем, как он обладал ею в своем 16–18-летнем возрасте, ослаблена. Ничуть не желая отрицать этого относительного умственного ослабления (которое сам испытуемый признает за последствие вредной привычки к рукоблудию), в нем объективно убедиться, естественно, я не смог; абсолютной же слабости памяти я не нашел у испытуемого и со-

вершенно неспособным к умственным занятиям его не считаю. Болезненных ложных идей и обманов чувств у испытуемого не бывает. По-видимому, испытуемый не имел блестящих способностей и не отличается выдающимся умственным или нравственным развитием. Однако нет основания думать, что испытуемый успел заметно ослабеть в своих умственных силах сравнительно с тем временем, когда он (в 1883 и 1884 гг.) исправлял обязанности судебного следователя.

Испытуемый сообщал мне, что уже издавна (приблизительно с 18 лет) у него, через различные промежутки времени, бывают приступы подавленности духа, при чем он, Т.-Ф., на несколько дней теряет способность чем-либо заниматься и чувствует себя в те дни так, «как будто бы над головою его висит Дамоклов меч», т.е. как будто бы ему предчувствуется какое-то имеющее с ним приключится несчастие. О значении подобного рода приступов я (предположив, что они у испытуемого действительно бывают или бывали) упомяну впоследствии. Теперь же замечу только то, что во время моего наблюдения в больнице я, с объективной стороны, резких уклонений от нормы в настроении духа у испытуемого не находил. Действительно, можно было усмотреть, что обычная вялость испытуемого днями (в особенности в дурную погоду) как будто усиливается, так что испытуемый получает вид некоторой утомленности; бывало также, что иногда (наприм., после прогулки вне стен больницы, после посещения родственников) он являлся несколько более веселым и оживленным, чем обыкновенно; но подобным колебаниям в расположении духа, в зависимости от разнообразных внутренних (напр., нарушение отправлений желудочно-кишечного канала) и внешних влияний, подвержены и люди с сравнительно здоровою нервною системою. Приступов же болезненной тоски, равно как и приступов болезненной экспансивности или экзальтации за время моего наблюдения в больнице у испытуемого положительно не было; точно также, он ни разу не впадал в аффекты (отчаяние, страх, злоба, гнев). Вообще Т.-Ф. вел себя в больнице спокойно, ровно и учтиво; давал ответы охотно и рассудительно и в логическом отношении вполне правильно; вполне подчинялся требованиям больничной дисциплины; ни с кем не ссорился; принимал пищу в количестве достаточном; по ночам не бодрствовал (впрочем, сон его не всегда одинаково хорош); от общения с людьми отнюдь не уклонялся и охотно беседовал с теми из спокойных больных, которые подходили к нему по образованию и общественному положению; весьма часто разнообразил свое времяпрепровождение игрою в карты («в винт» играет не блистательно, но, по-видимому, и не плохо); иногда занимался чтением книг, приносимых им из дома, или разбором и писанием деловых бумаг (по должности секретаря С-го Приходского Братства и участкового попечителя о бедных); выходил в назначенные для того часы на прогулку; лечился, по моим указаниям, душами; довольно часто отправлялся (испросив у меня

разрешение) в дом отца или в гости к сестре и возвращался к условленному вперед сроку, в своем обыкновенном состоянии.

В частности сфера воли у испытуемого не представляет другого болезненного расстройства кроме того, что испытуемый не оставляет привычки к рукоблудию. По нраву своему испытуемый является субъектом робким, уступчивым, сговорчивым, не довольно решительным и вместе с тем весьма склонным подчиняться влиянию лиц, имеющих с ним общение. Резко определившегося нравственного облика испытуемый не имеет. Нравственного же чувства он не лишен.

Таким образом, на основании данных моего непосредственного знакомства с обвиняемым я могу лишь утверждать, что Т.-Ф. *есть человек нервнобольной*; он страдает раздражительною слабостью нервной системы вообще (neurasthenia cerebro-spinalis) и спинного мозга в особенности (irritatio spinalis). Болезнь, именуемая «*раздражительная нервная слабость*» (reizbare Nervenschwäche), выражается при полной степени своего развития и некоторыми симптомами со стороны психической сферы, а именно: плохим сном; легкими и быстрыми переменами настроения без достаточных внешних причин; возвышенною психическою чувствительностью больного; его скорою утомляемостью при умственной работе и уменьшенною умственною производительностью; его раздражительностью и подверженностью аффектам; а также уменьшенною устойчивостью головного мозга при различных действующих на него вредных влияниях, в частности — при влиянии спиртных напитков. Но эти психические симптомы общей нервной слабости, даже в том случае, когда они все, в надлежащей выраженности, имеются в наличности, *душевной или психической болезни в точном смысле этого термина не составляют*, ибо, по единственно возможному (психологическому) определению, «душевное расстройство (как это прекрасно выражено в руководстве Гейнр. Шюле[34] есть болезнь личности, исключающая собою способность волевого самоопределения». Так как Т.-Ф. в том состоянии, в каком он находится обыкновенно, не может не понимать значения и свойства деяний, им совершаемых, и не лишен возможности выбора между различными ему представляющимися мотивами действования, то я имею право заключить, что он *не есть субъект душевнобольной*, даже независимо от того, что в течение моего за ним наблюдения я не нашел у него ни одного из тех симптомокомплексов, которыми составляются клинически определенные формы психического расстройства, а нашел лишь нервную слабость, или нейрастению.

Из собранных при предварительном следствии сведений видно, каким путем развилось нервное расстройство обвиняемого. Несмотря на то, что в роду отца обвиняемого существует наследственное предрасположение

[34] H. Shuele. Klinische Psychiatrie. 3-te Aufl. Leipzig, 1886. P. 1.

к заболеванию душевными и нервными болезнями, Т.-Ф. никакими болезнями в детстве своем не страдал и до 16 лет, по объяснениям отца его (делопроизв. следователя, л. 25), «был один из благоразумнейших мальчиков, постоянно веселый, вполне откровенный и общительный». Из объяснений же свидетеля, доктора Чечотта, равно как из сообщений, сделанных мне самим обвиняемым, явствует, что обвиняемый с 14-летнего возраста предан онанизму, рано начал злоупотреблять спиртными напитками и половыми сношениями с женщинами, причем даже до настоящего времени не оставляет вредной привычки к рукоблудию. Поэтому неудивительно, что с 16-летнего возраста в нем стало замечаться изменение характера к худшему; известно, что онанисты, частию от упреков совести по поводу их безнравственной привычки, частию от стыда перед окружающими и боязни, что люди узнают об этом тайном пороке, становятся несообщительными, замкнутыми в самих себе и мрачными; к этому, вследствие постоянного полового истощения, присоединяются болезненные явления малокровия и общего расстройства нервной системы. В некоторых случаях дело не ограничивается нервным расстройством, а развивается даже настоящее сумасшествие (melancholia, paranoia masturbatorum, а также dementia), чего в случае Т.-Ф. мы, однако, не имеем. Половые эксцессы со включением рукоблудия и нередкие кутежи и проводимые без сна ночи составляют в совокупности *причинный* момент, более чем достаточный для произведения той «раздражительной слабости нервов», которая констатируется у обвиняемого.

Однако в данном случае необходимо обратить внимание и на *оценку влияния наследственности*. Из имеющихся сведений видно, что предрасположенность к душевным и нервным заболеваниям могла в силу наследственности передаться обвиняемому лишь со стороны отцовской, т. е. со стороны генерал-майора Н. Н. Т.-Ф.; что же касается до матери обвиняемого, то сведений о ней в деле нет, а по словам самого испытуемого я должен думать, что она пользуется удовлетворительным здоровьем и что в ее роду психопатической наследственности нет. Брат жены деда (деда по отцу) обвиняемого, N. N., страдал умственным расстройством, и г-жа К., внучка этого N. N., будучи душевнобольною, пользовалась в К-ском доме для умалишенных. Дед обвиняемого страдал тою же болезнью спинного мозга (ataxia progressiva), от которой уже 7 лет лечится отец обвиняемого; впрочем, ни отец, ни дед обвиняемого в сумасшествие не впадали. Родная сестра обвиняемого больна истериею, а один из его двоюродных братьев, И. П., пользовался от душевной болезни в доме умалишенных в г. К. и потом в городе Х. (л. 37 обор., 42 об.). Тем не менее, по одному тому обстоятельству, что в роду отца обвиняемого существует наследственное расположение к душевным и нервным заболеваниям, я не могу заключить, что обвиняемый «одержим наследственным сумасшествием», если самого сумасшествия не нахожу. Между лицами, предрасположенными к заболеванию,

в силу влияния наследственности, одни действительно впадают в умопомешательство, другие заболевают лишь теми или другими нервными болезнями; наконец, третьи не заболевают ни тем, ни другим. Прибавлю, что ни в телесной, ни в душевной организации обвиняемого особых прирожденных аномалий я не нашел: у него нет ни физических, ни функциональных (за исключением, впрочем, приверженности к онанизму) признаков так называемой «психической дегенеративности»; в его умственных отправлениях не оказывается совокупности болезненных явлений, составляющих то, что с клинической точки зрения, но независимо, однако, от отношения к практике судебно-медицинской, описывается в литературе под названием «folie impulsive», «Moral insanity». По всему этому я не вижу возможности признать обвиняемого страдающим *дегенеративно-наследственным* умопомешательством.

Вышеизложенное неизбежно приводит к необходимости подвергнуть специальному обсуждению вопрос о том, в каком состоянии находились умственные способности обвиняемого в мае 1884 г., т. е. в то время, когда он совершил деяния, законом предусмотренные.

В объяснениях свидетеля доктора Чечотта указывается, между прочим, (л. 36 и об.), что у обвиняемого через неправильные, иногда значительные промежутки времени бывали *приступы угнетения духа* с душевным беспокойством, вследствие чего Т.-Ф. бросал свои обычные занятия и старался заглушить тоску кутежом и усиленными половыми эксцессами. На подобные приступы, о которых мне говорил и сам обвиняемый, но которых я сам не наблюдал у него, можно смотреть различно. Во-первых, они могли иметь реактивное значение, т. е. быть не причиною, но естественным результатом кутежей, бессонных ночей, усиленных половых эксцессов и неизбежных, вследствие всего этого, укоров совести и сожалений об истраченных деньгах. Во-вторых, они могли быть и приступами тоски чисто болезненной, т. е. иметь значение временной меланхолии, но в таком случае тоска не остается единственным болезненным симптомом, но непременно сопутствуется и явлениями психической задержки (которые большею частию доступны и объективному наблюдению), происходит замедление всех психических актов — актов восприятия, мышления и воли. При болезненной тоске человек, совершенно потеряв способность к занятиям, ищет уединения и избегает всего, что может выводить его из состояния в самой себе замкнувшейся неподвижности. При высших степенях болезненной тоски последняя, пересилив явления психической задержки, захватывающие двигательную сферу, может довести человека до безотчетного блуждания (dysthymia errabunda), но при этом болезненное состояние уже бывает настолько ясно отразившимся в выражении лица и в поведении больного, что едва ли может остаться незамеченным окружающими. Нет сомнения, что у невропатических субъектов возможны и временные состояния экспансивности, но что каса-

ется болезненной экспансивности или временной маниакальной экзальтации, то при ней формальные расстройства в сфере представления тоже неизбежны. Впрочем, если приступы болезненной тоски (т. е. припадки преходящей меланхолии) или приступы болезненной экзальтации (припадки маниакальные) и случаются у обвиняемого, то все-таки остается вопросом, был ли у него таковой приступ в промежутке времени между 1 и 20 мая 1884 г., ибо из сведений, сообщенных доктором Чечоттом (л. 36), явствует, что обвиняемый иногда бывал свободным от приступов тяжелого настроения духа, равно как и от припадков маниакальной возбужденности, в течении многих месяцев; так, по словам этого свидетеля, с весны 1879 по осень 1881 (т. е. более двух лет) обыкновенное душевное состояние Т.-Ф. совсем не прерывалось. Ввиду этого весьма важно, замечали ли лица, видевшие обвиняемого ежедневно или, по крайней мере, очень часто, у него какие-либо временные явления психического расстройства вообще и в мае 1884 г. в особенности. Из объяснений отца обвиняемого, генерал-майора Т.-Ф., скорее должно заключить, что он в своем сыне признаков действительного умопомешательства, хотя бы и временного, не замечал ни в мае 1884 г., ни раньше; он мог лишь видеть, что с 16 лет характер сына стал изменяться к худшему, и потом, что из сына вышел человек легкомысленный и слабохарактерный. Сомнение в нормальности умственного состояния обвиняемого возникло у отца главным образом (л. 25) потому, что ему, отцу, иначе было непостижимо, каким образом его сын мог совершить растрату и подлоги и затем в течение всего лета скрывать от отца свое положение. Муж сестры обвиняемого до конца августа 1884 г., когда у обвиняемого, после обнаружения растраты, был период отчаяния, ничего особенного в умственном состоянии Т.-Ф., по-видимому, тоже не замечал.

Сведения о прошлой жизни обвиняемого не могут не иметь значения. До 16-летнего возраста Т.-Ф. был совершенно здоров. Получил образование в Императорском Училище правоведения, начав с приготовительного класса; был в заведении девять лет, так как в предпоследнем классе оставался два года, кончил курс в 1880 году, 22 лет от роду. Под влиянием товарищей познакомился с кутежными развлечениями еще во время пребывания в училище. К 1879 г. относится история, заключавшаяся в сообщениях его отца (л. 27): Т.-Ф., как только наступило для него время гражданского совершеннолетия, выдал, по наущению товарищей, вексель на довольно значительную сумму (2000 или 3000 р.); из денег, добытых под вексель, часть раздал взаймы товарищам, остальное собрался тратить сам. Впоследствии Т.-Ф. запойным пьяницею не сделался, но привык довольно часто посещать рестораны (с товарищами и, еще чаще, с камелиями), пил там водку (рюмок по 10–15 в вечер, как он сам мне сообщил), а после того обыкновенно пил шампанское. Скандалов в нетрезвом виде не учинял, до бесчувственности и беспамятства не напивался, возвращался домой на своих ногах. По окончании курса в учи-

лище Т.-Ф. в мае 1880-го определен на службу кандидатом на судебную должность при Санкт-Петербургском окружном суде. С января 1881 г. (как это видно из формулярного списка, л. следствия 10 и 11) по апрель 1883 г. исправлял должность помощника секретаря суда, но потом, пожелав заняться следственною частью, снова определился кандидатом на судебные должности. Получив право самостоятельного производства следствий, он в ноябре 1883 г. был командирован в Санкт-Петербургский уездный следственный участок, а в апреле 1884 г. был переведен в С.-Петербург.

Обстоятельства совершения деяний, Уложением о наказ. предусмотренных, таковы. В начале мая 1884 г. обвиняемый, приготовляясь к отъезду на лето в деревню, был занят заканчиванием имеющихся у него на руках следственных дел. По одному из порученных ему дел он должен был возвратить рядовому П. отобранные у последнего талон к ассигновке на 579 р. и две облигации С.-Петербургского Кредитного общества, в 100 р. каждая. Утром 11-го мая обвиняемый был, по обыкновению, на службе, а вечером того же дня, случайно имея эти принадлежавшие П. ценности вместе с собственными деньгами у себя в кармане, он отправился в Демидов сад, пригласил двух встреченных им там женщин и стал их угощать ужином и вином, причем и сам пил водку и шампанское. Привожу нижеследующие подробности, узнанные мною от самого обвиняемого при освидетельствовании его мною в больнице, в чем руководствуюсь 333 статьею Устава угол. судопроизводства. Когда своих денег у Т.-Ф. (около 60 р. их было у него) не хватило, он разменял, еще в Демидовом саду, одну из облигаций по цене, несколько низшей против курсовой. Все происходившее в Демидовом саду он помнит удовлетворительно, ибо тогда он еще не был очень пьян. Но естественно, *выпитое вино не могло не иметь влияния на его скорую решимость истратить чужие деньги*; вместе с тем, ему тогда представлялось, что для него не составит большой трудности на другой день добыть денег от отца или, заимообразно, от кого-либо из знакомых, на пополнение растраты. Из Демидова сада Т.-Ф. отправился с обеими женщинами (на двух пролетках) в ресторан Бореля; там кутеж продолжался, при чем обвиняемый снова пил водку и шампанское, так что охмелел еще значительнее. В ресторане Бореля была разменена другая облигация. Около четырех часов утра, от опьянения уже смутно понимая происходящее с ним, Т.-Ф. поехал с обеими женщинами на квартиру одной из них, оставался там с ними около двух часов и, уезжая, заплатил им, сам вынув деньги из своего бумажника; помнит, что одной из них дал одну двадцатипятирублевую бумажку, одну десятирублевую и «может быть» еще одну, две пятирублевки; другой женщине дал не меньше двадцати пяти рублей (помнит одну белую бумажку). Приехав домой, он не имел и двух часов времени, чтобы выспаться. Встав в обыкновенное время, начал собираться на службу и непосредственно перед выходом из дома видел мимоходом отца и дядю (последний времен-

но имел пребывание в их доме). Далее я привожу лишь сведения, имеющиеся в следственном деле. Придя в суд, Т.-Ф. занялся допросом свидетеля (л. 15) в ожидании прихода П., накануне вызванного на этот день для получения обратно своих ценностей. Пришедшему П. он возвратил талон и сказал, что облигации будут выданы после. В эту минуту (л. 15 об.) обвиняемому вдруг пришла мысль взять такую расписку с П. в получении талона, чтобы можно было потом сделать сверху приписку, что П. получил вместе с талоном и обе облигации. Такая расписка и была взята с П. обвиняемым в этот день, 12-го мая; *но в течение целой недели он не мог решиться сделать приписку*, причем, однако, не принимал мер к тому, чтобы достать денег на удовлетворение П. (иными словами, всю эту неделю обвиняемый колебался в выборе способа действования). Наконец, видя необходимость сдать дело прокурору, обвиняемый утром 19-го мая принес дело П. в суд и там (л. 16) своею рукою сделал на расписке П. подложную приписку. На другой день, т. е. 20-го мая, обвиняемый уехал в деревню, в К-скую губернию, оставался там до августа, т. е. до того времени, когда факт растраты и подлога обнаружился, *мучился там раскаянием, упреками совести и ожиданием имеющего разразиться над ним судебного преследования* (лл. 16 и об., 26 и об.), но ничего не предпринимал и отцу о своем затруднительном положении не говорил ни слова; впрочем, он не мог знать, что П. до августа не пойдет в суд за своими облигациями. В течении лета обвиняемый усиленно занимался сельским хозяйством (л. 86), и домашние ничего особенного в нем, по-видимому, не подозревали. В Петербург обвиняемый возвратился 19-го августа, уже по обнаружении его растраты и подлога, а 21-го августа П. была уплачена стоимость двух облигаций. Попав под следствие, Т.-Ф. был, по показанию его родных, в большом отчаянии и, во избежание позора быть судимым, собирался окончить жизнь самоубийством; впрочем, до попытки дело не дошло: обвиняемый уступил уговариванию со стороны отца и оставил свое намерение (л. 24). В таковом поведении обвиняемого, по моему мнению, нет ничего, указывающего, для беспристрастного взгляда, на расстройство умственных способностей Т.-Ф. Отец, однако, усомнился в нормальности умственного состояния сына и просил в сентябре 1884 г. д-ра Чечотта подвергнуть Т.-Ф. специальному освидетельствованию. Из показания свидетеля д-ра Чечотта видно, что последний находит умственное состояние обвиняемого вообще ненормальным, но не видно, чтобы при этом домашнем освидетельствовании (имевшем место, по-видимому, во второй половине сентября 1884) обвиняемый оказался действительно умопомешанным, в смысле определения, приведенного мною на обороте 2-го листка этого медицинского заключения.

Резюмирую мое заключение в следующих трех пунктах:

I. Т.-Ф. к числу лиц безумных либо сумасшедших не принадлежит; обыкновенное состояние его умственных способностей таково, что он может

понимать свойство и значение своих действий и не лишен возможности управлять своими поступками.

II. Нет повода предполагать, чтобы в мае 1884 г. Т.-Ф. находился в состоянии временного умопомешательства, в припадке умоисступления либо беспамятства, равно как нет основания думать, что он в то время вовсе не разумел свойства своих поступков или совсем был лишен возможности выбора между мотивами действования. Обстоятельства учинения подлога даже прямо заставляют заключить, что обвиняемый сознавал тогда преступность этого деяния и притом не был влеком к совершению этого дела каким-либо болезненным или просто неудержимым побуждением.

III. Непринужденность выбора между различными мотивами действования у Т.-Ф. при совершении им деяний, Уложением о наказаниях предусмотренных, *могла быть в некоторой степени ограниченною*, так как он есть человек легкомысленный и слабохарактерный, неспособный твердо противостоять искушениям и соблазнам и не умеющий принимать по собственной инициативе энергические меры к исправлению своих ошибок; кроме того, он страдает нервным расстройством, которое есть последствие в детстве приобретенной привычки к онанизму, а на эту привычку, может быть, следует смотреть как на изолированное обнаружение на Т.-Ф. существующего в роду отца его предрасположения к душевным или нервным расстройствам.

С.-Петербург, 20-го апреля 1886 года

Прим. изд. — Дело Т.-Ф., начавшееся в августе 1884 г., закончилось 16-го октября 1887 г. в публичном заседании С.-Петербургской Судебной палаты с участием присяжных заседателей. Может показаться странным, почему оно, не представляя по своей ясности и немногосложности никаких затруднений для следственной власти, тянулось с лишком три года. Это объясняется тем, что Т.-Ф. подвергался, собственно, троекратному наблюдению, с промежутками в несколько месяцев между каждым из них, в специальных лечебных заведениях. В первый раз в больнице св. Николая Чудотворца Т.-Ф. был наблюдаем с конца 1884 г. до весны 1885 г. старшим ординатором больницы К. В. Охочинским, который определил у испытуемого страдание позвоночного столба и, как результат наследственного предрасположения к психическому заболеванию, дегенеративное состояние умственных способностей, перешедшее в постоянное болезненное расстройство душевной деятельности. В распорядительном заседании окружного суда гг. врачи-эксперты согласились с мнением д-ра Охочинского, и прокурорский надзор предложил прекратить дело по 92 ст. Улож. о нак. Но Сенат, найдя, что в медицинском заключении К. В. Охочинского умственное расстройство Т.-Ф. недостаточно доказано, возвратил дело для дальнейшего наблюдения над состоянием умственных способностей Т.-Ф. Тогда последний, 5-го мар-

та 1886 г. вторично поступил пенсионером в больницу св. Николая Чудотворца, где и находился в течении двух с половиною месяцев под наблюдением В. Х. Кандинского. По представлении вышеприведенного медицинского заключения В. Х. Кандинского гг. эксперты в распорядительном заседании С.-Петербургского окружного суда просили, ввиду явного разногласия между мнениями обоих наблюдавших Т.-Ф. врачей, произвести в третий раз, уже в другом специальном заведении, испытание относительно состояния умственных способностей Т.-Ф., который для этой цели и отправился в больницу «Всех Скорбящих». Там д-р А. Е. Черемшанский после четырехмесячного наблюдения в конце 1886 г. нашел, что существуют очевидные признаки нервной слабости или нейрастении, по временам болезненное чувство страха и проч. В распорядительном заседании в начале 1887 г. гг. врачи-эксперты, кроме дегенеративного состояния умственных способностей Т.-Ф. признали, что в течение мая 1884 г. он страдал временным расстройством душевной деятельности (в смысле ослабления воли). После того как дело Т.-Ф. вторично восходило до Сената, оно наконец слушалось 16-го октября 1887 г. в публичном заседании С.-Петербургской Судебной палаты. В числе троих свидетелей по делу был вызван, со стороны защиты, г. главный доктор больницы св. Николая Чудотворц О. А. Чечотт. Экспертами были вызваны гг. проф. И. М. Балинский, И. П. Мержеевский и гг. врачи А. Е. Черемшанский, К. В. Охочинский и В. Х. Кандинский. Таким образом, во время судебного следствия весь интерес дела почти исключительно сосредоточился на экспертизе. Свидетель, д-р О. А. Чечотт, лично знавший Т.-Ф. с 1877 г. в качестве домашнего врача его отца, в своем показании подробно остановился на трех состояниях, замеченных им у испытуемого, а именно: 1) обыкновенное, спокойное состояние, так сказать, нормальное для Т.-Ф., 2) состояние угнетения, иногда с беспокойством, длившееся неопределенно, от нескольких дней до месяца и более, 3) состояние возбуждения с болтливостью, подвижностью. Затем д-р О. А. Чечотт перешел к изложению причин болезненного состояния Т.-Ф. и весьма обстоятельно описал наследственное предрасположение к психическим заболеваниям в семье Т.-Ф., упоминая о нервных и душевных страданиях у лиц, состоящих в третьих и четвертых и т. д. степенях не только родства, но даже и свойства с испытуемым. Гг. эксперты д-ра Охочинский, Кандинский и Черемшанский поддерживали свои заключения, данные при предварительной экспертизе, причем д-р А. Е. Черемшанский дал прекрасное описание нейрастении вообще, с различными встречающимися при ней болезненными ощущениями, упомянул боязнь пустых пространств, площадей, боязнь темноты и т. д., не доказывая, впрочем, наличности всех этих признаков в настоящем случае. Эксперт проф. И. М. Балинский, основываясь на показаниях д-ра О. А. Чечотта, признал постоянное или обыкновенное состояние Т.-Ф. болезненным, психопатическим, а состояние его в течение

мая месяца 1884 г. очевидно ненормальным, обострением, равнозначащим временному душевному расстройству. Хотя, отвечая на вопросы г. прокурора, проф. И. М. Балинский и не отрицал, что подлог, сделанный через неделю после растраты для сокрытия этой растраты, совершен безусловно с заранее обдуманным намерением, тем не менее, по его мнению, моментально, в припадке транзиторного умственного расстройства, причем даже высказался в том смысле, что в данном случае самый факт преступления служит доказательством ненормальности, что это, по его личному мнению, «не преступление, а семейное горе, где больной отец страдает из-за сына»… «такие люди не могут быть осуждены». Проф. И. П. Мержеевский с замечательным тактом и искусством старался сгладить слишком резкое разногласие во мнениях гг. экспертов, склоняясь, впрочем, к признанию транзиторного умственного расстройства Т.-Ф. в течение мая 1884 г.

Ответы гг. присяжных заседателей заключались в следующем: на 1) вопрос, доказано ли, что Т.-Ф. в мае 1884 г. совершил растрату и т. д., присяжные заседатели ответили: «*да, доказано, но заслуживает снисхождения*». На 2) вопрос, находился ли Т.-Ф. при этом в припадке временного умопомешательства, они отвечали: «*нет, не в болезненном состоянии*». На 3) вопрос, доказано ли, что Т.-Ф. для сокрытия растраты сделал подложно приписку на оставленном умышленно для сего месте, собственноручно, сверху расписки и т. д., присяжные ответили: «*да, доказано*». Наконец, на 4) вопрос, совершил ли Т.-Ф. это деяние, находясь в болезненном припадке временного умопомешательства, они отвечали: «*да, в болезненном припадке*».

(По письм. зам. В. Х. К.)

V. МЕДИЦИНСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ О СОСТОЯНИИ УМСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ МАРИИ Ф.-БР., ОБВИНЯЕМОЙ ПО 1475 СТ. УЛОЖ. О НАК.

§ 1. Вследствие определения С.-Петербургского окружного суда от 14-го августа сего 1887 года вдова барона Мария фон-Бр., урожденная фон-Г., обвиняемая по 1475 статья Улож. о наказ., принята 2-го сентября сего года на испытание в больницу св. Николая Чудотворца, где находится и по сие время.

§ 2. Баронесса Мария ф.-Бр., довольно высокого роста, правильного телосложения и среднего питания, имеет 26 лет от роду. Она несколько малокровна, страдает хроническим катаром желудка и имеет легкое сужение пищевода вследствие несколько лет тому назад учиненной ею попытки отравиться кусочком металла калия. Прочие внутренние органы у нее здоровы. Рефлексы кожные и сухожильные нормальные. Расстройств периферической чувствительности в форме местных анестезий и гипересте-

зий у нее нет, равно как и нет никаких паретических явлений. Судорожных припадков у нее никогда не бывало. Тем не менее, у нее существует общая нервозность: обвиняемая чувствуют себя разбитой и усталой, страдает головной болью (hemicrania) и болью в крестце (colica uterina), подвержена приступам нервного сердцебиения и ощущения замирания в сердце, мало спит по ночам.

§ 3. Что касается до *психического* состояния обвиняемой, то прежде всего должно сказать, что у нее преобладает грустно-мечтательное настроение. За все время наблюдения за ней она была тиха, рассудительна и приветлива. Бреда, галлюцинаций, приступов психического возбуждения или гневного раздражения, равно как и припадков болезненного страха или меланхолической тоски у нее не было. Правда, многократно замечалось, что она грустна сильнее обыкновенного и иногда даже плакала, но такое усиленно-унылое душевное состояние у нее всегда имело достаточную психологическую мотивировку, а именно зависело от случайных неприятностей или оскорблений, которым она подвергалась иногда от окружавших ее в больнице больных, или обусловливалось оживанием разных тяжелых воспоминаний из ее прошлого, а также боязнью за свою дальнейшую участь. По мере приближения наблюдения за ней к концу она все более и более стала тревожиться от ожидания будущего и наконец 2-го декабря, для всех неожиданно, совершила вполне сознательно *попытку отравиться* рвотным камнем, тайно пронесенным ею с собою в больницу и искусно ею с того времени скрытым. Мотивом этого покушения была боязнь, что ей предстоит или навеки остаться в доме для умалишенных, или идти в тюрьму. Вследствие скорого медицинского пособия, оказанного ей дежурным врачом, это самоотравление не оставило по себе вредных последствий для ее здоровья.

Движение представлений у обвиняемой совершается беспрепятственно. Память у нее вполне удовлетворительная. Суждения ее не лишены логики, и поведение ее крупных странностей или нелепостей не представляет. Ложных идей у нее нет, однако у нее существуют *навязчивые представления* в форме мыслей о необходимости для нее окончить жизнь самоубийством.

По нраву своему обвиняемая кротка, приветлива, довольно общительна (общению ее с другими лицами в больнице много вредило ее недостаточное знакомство с русским языком), простодушна и доверчива, в высшей степени деликатна и правдива, и вместе со всем этим до крайности сентиментальна. В нравственном отношении она безукоризненна, ибо имеет весьма развитое чувство долга. По-видимому, у нее нет недостатка в решительности, однако нельзя было не заметить, что она весьма склонна подчиняться нравственному влиянию лиц, ей симпатичных, и действовать без рассуждений под этим влиянием. «Она никогда не имела характера, но всегда была лишь подражанием; характер у нее заменен значительной дозой неразумного упрямства»,— так отзывается о ней мачеха ее мужа, баронесса

Э. ф.-Бр., в имеющемся у нас объяснительном письме на имя главного доктора больницы св. Николая Чудотворца.

Уровень умственного развития обвиняемой, при всей односторонности последнего, не может считаться низким. Она получила хорошее среднее образование и потом постоянно занималась чтением книг исторического и романического содержания. В особенности она начитана по части немецкой поэзии и сама довольно недурно сочиняет (на своем родном языке) стихи мрачно-трагического или трогательно-меланхолического содержания. Время своего пребывания в больнице она проводила исключительно за умственными занятиями: читала книги, писала заметки для себя или по предложению наблюдавшего ее врача, сочиняла стихи, изучала русский язык, переводила на немецкий язык соотвественными стихами некоторые из произведений наших лучших поэтов. Владеет стихом она порядочно. Ее письменный язык, как рифмованный, так и прозаический, красив, блещет образами и метафорами, но может быть слишком изыскан и напыщен, и во всяком случае обращает на себя внимание отборностью выражений, высокостью стиля и большою патетичностью.

§ 4. Не будучи безумной или сумасшедшей в смысле 95 статьи Улож. о наказ., баронесса Мария ф.-Бр., как обнаружилось для нас при ближайшем ознакомлении с ее характером и обстоятельствами ее жизни, *отличается во всех сферах душевной деятельности многими особенностями,* которые делают из нее субъекта исключительного и обязывают рассмотреть ее с медико-психической стороны повнимательнее.

a) Отдельные стороны ума и характера обвиняемой не гармонируют между собою, на что следует смотреть частью как на прирожденный недостаток, частью как на результат односторонности ее умственного и нравственного развития. Имея некоторый литературный талант и дар к стихотворству (двое из ее двоюрдных братьев обладали этим даром еще в большей степени, нежели она), она во всех прочих отношениях умственно ниже посредственности: малосообразительна, наивна, легковерна, лишена практичности, мало сведуща в сфере будничных житейских отношений, лишена понимания материальных интересов. Хозяйкой дома она никогда не была, да и не способна на эту роль. О деньгах заботится мало, и когда небольшие деньги (приданое) у нее были, она не знала им цены. Рукоделием заниматься не любит, на костюм свой не обращает достаточного внимания, предпочитая чтение стихов и рисование починке белья.

b) Понятия ее о людях фантастичны, ибо она весьма наклонна идеализировать людей и смотреть на них сквозь призму своего романтического воображения. В особенности она идеализирует людей ей симпатичных, к которым привязывается беззаветно. Малейшей доли проявленного к ней участия довольно, чтобы она начала смотреть на человека, как на идеал верного друга [так было в больнице по отношению к одному из врачей

(…ву)]. В больнице она сильно привязалась к больной О. Ф. К., с которой без страданий теперь не может быть разлучена. К мачехе мужа, несмотря на заметную холодность к ней последней, относится (что видно из писем, писанных ею вовсе не напоказ) горячо и любовно, как любящая дочь. Мужа, несмотря на его пренебрежительное к ней отношение и на его болезнь (dipsomania с приступами бешенства), все время любила страстно и всецело находилась под его влиянием. Мачеха мужа в своем вышеупомянутом письме говорит об обвиняемой, что «она всегда жила односторонней и печальной, полной смиренности и уничижений жизнью любви», «была слепым подражанием своему мужу» и «находилась в рабской подчиненности ему» («sclavische Unterwürfigkeit»). Мечтательность есть основное свойство ее ума; она вечно думает о симпатии сердец, об идеальной любви, сочиняет и обсуждает драматические коллизии («Sie sicht nach arnormen Verhältnissen», по выражению мачехи мужа), вновь переживает разные из испытанных ей «катастроф». Привожу для примера несколько отрывков из ее письменных заметок в переводе на русский язык:

«…Как могло это сердце вынести столько счастья, столько любви и столько бесконечной скорби, — и не умереть, не перестать биться?.. Измучено, слишком устало и измучено это сердце, чтобы еще раз отважиться в бурный водоворот жизни, в бущующее море страстей!.. Нет для меня иного спасения, кроме смерти, — вот единственный ответный отзвук, глухо слышащийся мне со всех сторон… Если бы снова зажегся во мне светоч жизни, — я хочу жить не во мраке, о, нет! я хочу жить под ярким светом солнца, чтобы оно могло быстро выпить из меня остающиеся во мне силы; постепенного умирания, медленного, капля по капле, иссякания сил я не хочу… Я жажду ринуться в поток, бурно свергающийся с пеной и заглушающий могучим шумом своим все другие звуки!.. Меня охватывает неодолимое томление, я жажду приникнуть к груди верного, любящего друга, чтобы хотя на время утолить жгучую скорбь моего сердца… Жить без любви, нет, нет, лучше могила!» etc.

c) Любовь Марии ф.-Бр. к мужу (об этом красноречиво свидетельствуют обстоятельства прежней жизни обвиняемой, упоминавшееся письмо баронессы ф.-Бр. и письменные признания самой Марии ф.-Бр.) носила чрезвычайно страстный и всепоглощающий характер. Муж до конца остался для нее тем же, чем был с самого начала, именно казался ей идеалом мужчины. Она была всецело предана мужу; готова была сносить от него всевозможные оскорбления, лишь бы жить с ним вместе. Много раз он гнал ее от себя, предлагал ей развод; но ей казалось легче умереть, чем оставить его (отсюда ведут отчасти начало ее постоянные мысли окончить жизнь самоубийством). Его склонность к водке она считала (и не без основания) болезнью и потому смотрела на своего мужа как на страдальца (порою он изливал свои муки в звучно-трагических стихах), как на жертву

жестокого рока, тяготеющего над родом Бр. (члены этого рода наследственно предрасположены к сумасшествию и самоубийству). Резкость обращения мужа Марии с женою, его холодность к ней, его давняя дружба со своей мачехой, — все это скорее способствовало поддержанию страстности любви Марии к мужу. Мачеха мужа отзывается (в упоминавшемся письме) о горячности этой любви как о чем-то «неестественном» и «анормальном». Сама обвиняемая пишет об этом так:

«Он был моим богом; в нем заключался весь мой мир, вся моя жизнь… Этот человек был моей судьбой; ему я обязана сладчайшими упоениями любви, но вместе с тем и жесточайшими муками ада, отчаянием, доводившим меня до умопомрачения. Ни на какие сокровища мира не согласилась бы я обменять последние 6 лет моей жизни… Без него, без моей бесконечной любви к нему, для чего было бы мне жить?..»

«О, дайте мне возможность успокоиться в могиле, приникнув к мертвой, холодной груди моего мужа, прижав мои губы к его бледным онемелым устам! Даже в объятиях смерти покоиться сладко!»…

Мачеху мужа она письменно просит похоронить ее по левую сторону мужа, так чтобы она (Мария), «украсив его труп своим миртовым венком, могла постоянно ощущать близ себя дорогое тело».

d) Обвиняемая отличается редко встречающимся нравственным ригоризмом. Так, ей почти невозможно дурно отозваться о ком-либо. Как бы ее не оскорбляли, она никогда не станет жаловаться третьему лицу. Будучи поставлена в необходимость говорить о способе действования людей, ей хорошо известных, она изменяет своей обычной правдивости, умалчивая о некоторых фактах или умышленно их переиначивая, из боязни вызвать у своего собеседника дурное мнение о подлежащем лице. Не сдержать данное ей слово — для нее почти невозможно, хотя бы это слово было дано под давлением чужой воли. Правда, она покушалась в больнице на самоубийство, хотя раньше дала мачехе мужа обещание не делать этого; однако еще задолго до покушения она во многих письмах к баронессе ф.-Бр. настойчиво и неотвязно умоляет эту особу освободить ее от обязательства, налагаемого взятым с нее словом.

e) Независимо от мечтательности и страсти ко всему романтичному у обвиняемой имеется *постоянная наклонность к самоубийству.* Эта ее особенность должна быть рассматриваема как наследственно-патологическая черта. По науке нам известно, что импульсивные побуждения к самоубийству бывают наследственными в некоторых семьях. Прежние авторы относили инстинктивные побуждения к самоубийству (suicidomania) в число мономаний. Теперь же или считают эту болезненную склонность одним из видов импульсивного умопомрачения (impulsives Irresein), или же ставят ее в зависимость от навязчивых идей, не представляющихся редкостью на наследственно-нейротической почве.

§ 5. Замкнутость небольшого круга курляндских баронов и постоянные браки между немногими семьями, причем часто повторялись браки между родственниками (двоюрдные братья и сестры), достаточно делают понятным тот *процесс вырождения, которому,* как сейчас будет видно, *подвергся род Бр.*

Мария ф.-Бр., урожденная ф.-Г., имела своей матерью Елизавету, урожденную ф.-Бр., родную сестру отца своего мужа; следовательно, муж обвиняемой, Александр ф.-Бр., был двоюрдным братом своей жены. *Александр* ф.-Бр. в течение последних шести лет перебывал во многих домах для умалишенных, как то: в Витебске, в Риге, в С.-Петербурге (в лечебнице д-ра Лоренца, в больнице св. Николая Чудотворца с 23-го октября 1886 по 13-е февраля 1887 г.), а потом в загородном приюте для душевнобольных и окончил жизнь самоубийством. С 8-го по 18-й год своей жизни он страдал Виттовой пляской, а с 17 лет начал пить запоем. В дни запоя он впадал в буйство, доходившее до бешенства, и в 1880 году в припадке болезни нечаянно причинил смертельную рану своему родному брату, почему и был судим по 1464 ст. Улож. о нак.; его отец и мачеха в 1886 году лично сообщали в больнице, что и их жизнь неоднократно находилась от него в опасности. В промежутках между приступами дипсомании он страдал нервным расстройством (частное явление хронического алкоголизма) и в последние годы обыкновенно был в меланхолическом состоянии, причем постоянно имел в виду окончить жизнь самоубийством.

Родная сестра матери обвиняемой, *Молли ф.-Г., урожденная ф.-Бр.,* была сумасшедшей, пользовалась у д-ра Капеллера в Шлоке (близ Риги) и окончила жизнь самоубийством: отравилась рвотным камнем. Из троих сыновей Молли ф.-Г. (они приходятся обвиняемой двоюрдными братьями) *Рейнгольд* много лет находится в качестве неизлечимо сумасшедшего в заведении Ротенбург близ Риги, остальные двое: *Лео* и *Бернгардт* — в короткое время один за другим застрелились. Родной дед обвиняемой, *Карл-Отто ф.-Бр.*, в старости впал в ипохондрию, а его родной брат, *Герман ф.-Бр.*, периодически был совершенно сумасшедшим. Родная бабка (по матери) обвиняемой, *Иоганна-Женни ф.-Бр., урожд. ф.-И.,* периодически страдала меланхолией, в одном из припадков которой покушалась на самоубийство. Все только что приведенные обстоятельства удостоверяются протоколом Митавского обер-гауптманнс-герихта от 5-го мая 1881 г., с какового акта у нас имеется официально засвидетельствованная копия. По полученным нами частным сведениям еще можно прибавить, что мать обвиняемой, *Елизавета ф.-Г., урожд. ф.-Бр.,* отличалась значительной нервозностью; двоюрдный брат обвиняемой *Юлий Г.* застрелился, как говорят, по неимению достаточных средств к жизни; отец застрелившихся Лео и Бернгардта, *Георгий ф.-Г.,* в старости (всего около года тому назад) тоже застрелился. Правда, последнее из только что названных лиц в кровном родстве с обвиняемой не состояло, но мы о нем упоминаем потому, что оно могло повлиять на Александра

и Марию своим примером; всем известна высокая степень заразительности примеров этого рода, много раз обусловливавшая возникновение настоящих эпидемий самоубийства.

§ 6. Переходим теперь к обстоятельствам прежней жизни обвиняемой и к выяснению отношений между ней и ее мужем. Заметим, что сведения, устные и письменно сообщенные нам обвиняемой, во всех существенных чертах подтверждаются много раз упоминавшимся письмом мачехи мужа. Мария ф.-Г. родилась в Гродненской губернии в имении, где отец ее был управляющим; семь лет жила в учебном заведении в гор. Митаве, потом снова находилась у отца, где вела тихую и уединенную жизнь, предаваясь девическим мечтам, чтению романов и стихов. С Александром ф.-Бр. она знакома с детства, влюбилась в него на 15-м году своей жизни, но характер всепоглощающей страсти эта любовь получила на 20-м году жизни Марии, с того времени, когда в 1881 году Александр в течение двух с половиной месяцев гостил у отца Марии. Постоянное пребывание в его обществе, прогулки при луне вдвоем, его видная наружность и некоторая талантливость, его прежняя слава Дон-Жуана, а также его красноречивые жалобы на судьбу и мольбы об участии имели результатом то, что Мария привязалась к Александру на всю жизнь. Но Александр, по-видимому, лишь играл с ней в любовь и сначала вовсе не думал о законном браке; между молодыми людьми последовалил бурные объяснения и затем кратковременный разрыв. 15-го мая 1882 г. Александр и Мария сошлись опять, и 18-го мая состоялась их помолвка. Однако при возобновившемся постоянном общении с Александром Марии показалось, что он относится к своему положению жениха совсем не серьезно, и романтическая девушка 21-го числа того же месяца пыталась отравиться кусочком металла калия (калий находился в доме потому, что годится для фейерверков: горит, будучи брошен в воду). После этой попытки Мария была долго больна, а с женихом у нее последовал разрыв, длившийся около года. В апреле 1883 г. между ними опять завязалась переписка; в ноябре Александр явился лично и, уступая любви и ожиданиям девушки, вторично сделал ей предложение. Отец Марии, равно отец и мачеха Александра были против этого брака, так как Александр по причине своей застарелой болезни (dipsomania) совсем не был в состоянии добывать себе средства к жизни. Мечтательная девушка была убеждена, что ее любовь поможет Александру вылечиться, и потому настаивала на браке, грозя, что в противном случае окончит жизнь самоубийством. Цель ее была достигнута, ибо 22-го января 1884 г. свадьба наконец состоялась. Первое время Александр и Мария жили одни, причем последняя отдала в бесконтрольное распоряжение мужа свое маленькое приданое (2000 руб.), которое в короткое время все было истрачено. Потом Александр стал жить у своего отца, получая от него на себя и на жену по 50 р. в месяц. По сообещению мачехи, Александр вскоре стал чувствовать отвращение

(«Adversion») к своей жене. Мы имеем основания думать, что он был очень неумерен в половых требованиях, так что телесно слабая Мария, больше понимавшая платонические, чем плотские отношения, не была в состоянии его удовлетворять. Как бы то ни было, но из сообщения мачехи Александра видно, что преданная мужу Мария должна была жестоко страдать, ибо муж был к ней холоден и пренебрежителен, многократно предлагал ей развод и, будучи пьян, гнал ее ночью на улицу. Формального развода Мария не хотела, но все-таки была принуждена временно оставлять мужа. Так, в 1884 г. она уезжала на три месяца за границу; в 1885 г. была в течение 10 месяцев на месте гувернантки в Курляндии (ее муж в это время находился в заведении для умалишенных, Ротенбург близ Риги); в 1886 г. семь месяцев была гувернанткой в Орловской губернии. Подолгу не видеть мужа было для нее, по ее словам, невыносимо. В декабре 1886 г. муж, находившийся тогда в больнице св. Николая Чудотворца, вытребовал ее в С.-Петербург и с этого времени, как она говорит, относился к ней тепло и дружественно, настаивая, чтобы она как можно чаще навещала его в заключении.

§ 7. С 1-го февраля 1887 г. мачеха Александра заняла место надзирательницы в одном загородном приюте для душевнобольных, а 13-го февраля был переведен в этот приют и Александр из больницы св. Николая Чудотворца. Врачи обоих этих заведений для умалишенных признавали Александра ф.-Бр. неизлечимым, а потому ему, в силу 95 ст. Улож. о наказ., предстояло оставаться в доме для умалишенных неопределенно долгое время. В приюте Александр почти ежедневно было отпускаем на квартиру мачехи для свидания с последней и тоже почти каждый день виделся с посещавшей его женой. Врачу приюта, д-ру Дм-ву, Мария ф.-Бр. казалась субъектом ненормальным, а другой врач, д-р С-лов, заметил, что Мария относится к мужу со слепым чувством подчинения и доверия и с привязанностью, которая мужем едва ли разделялась (лист предв. следствия 38 об.). После 2-го апреля, когда Александр, отпросившись к отцу, целые сутки пьянствовал, его перестали отпускать к мачехе, и с этого времени он стал убеждать жену доставить ему оружие. Жена не могла внутренне не согласиться с ним, что жизнь для него — непрерывное унижение и мучение, и понимала, что для него нет надежды на лучшее будущее. После тяжелой борьбы с собою она пришла к убеждению, что, любя мужа, она должна считать своим долгом помочь ему избавиться от муки; 10-го апреля, уступая продолжавшимся мольбам и убеждениям со стороны мужа и боясь, что он иначе будет стараться убить себя способом более неверным или мучительным (он говорил, удавиться или повеситься), она (как объяснила нам письменно) принесла Александру револьвер, находившийся у его отца. Об ответственности, ожидающей ее за содействие мужу в совершении акта самоубийства, она думала весьма мало, ибо вознамерилась лишить себя жизни тотчас же после самоубийства мужа. В этот самый

день, 10-го апреля, муж при расставании дал ей (по ее словесному объяснению) скрытую им при себе маленькую скляночку с белым порошком, сказав, что это яд, который может ей со временем пригодиться. На скляночке (она теперь в больнице св. Николая Чудотворца) имелся желтый ярлык с напечатанным на нем словом «наружное»; кроме того, на ярлыке была полустершаяся надпись чернилами: «Brechweinstein» (обвиняемая приняла внутрь этот порошок, которого было около одной драхмы, 2-го декабря, в больнице св. Николая Чудотворца; в скляночке остались лишь немногие частицы порошка, приставшие к стенкам). Мы не знаем наверное, почему Александр не попробовал отравиться этим веществом; но весьма возможно, что он побоялся сопряженных с отравлением рвотным камнем физических страданий. 12-го апреля между Александром и Марией был продолжительный разговор, между прочим и о домашних делах. Александр стал требовать от жены, чтобы она обратилась к своему отцу (с которым она по настоянию мужа прервала письменные сношения) и упросила его не взыскивать с баронессы Э. ф.-Бр. давнего долга (500 р.), а считать эти деньги отданными ей, Марии, как добавок к ее приданому. Мария дала мужу обещание постараться устроить это дело, но (под влиянием прилива чувства жалости к мужу) поставила условием, чтобы Александр отдал ей обратно принесенный ею 10-го апреля незаряженный револьвер. Александр на это согласился, так что в этот день, 12-го апреля, обвиняемая унесла револьвер с собой. Однако через несколько дней Александр стал просить оружие с еще большей настойчивостью, чем прежде, и при каждом свидании с женой по-прежнему старался укрепить ее в мысли, что помочь ему в деле самоубийства — ее долг. Мария еще раз уступила, и 23-го апреля вечером вторично доставила мужу незаряженный револьвер (один патрон от этого револьвера был захвачен Александром с собой в больницу). 12-го, 13-го, 14-го, 16-го, 17-го мая Мария, как видно из ее имеющегося у нас письменного признания, приносила Александру немного водки (¼ бутылки), уступая его требованиям, что небольшое количество водки спасает его от мучительной бессонницы лучше снотворных средств; кроме того, она два раза приносила ему немного хлорал-гидрата. 17-го мая между мужем и женой происходило длинное дружеское объяснение, причем для Марии обнаружилось, что причина всегдашней холодности к ней мужа заключалась в ее малой способности к половым наслаждениям. 18-го мая в 3 ½ часа утра Александр Бр. прекратил свою жизнь выстрелом в правый висок. По смерти мужа обвиняемая, как свидетельствуют врачи приюта, была в отчаянии, близком к умоисступлению, рыдала, рвалась, умоляла, чтобы ей отдали окровавленную наволочку с подушки ее мужа (лист 43). Сначала не знали, как и когда Александр добыл себе револьвер; но 29-го мая Мария ф.-Бр. по собственной инициативе предъявилась к приставу Лесного участка и сообщила, что именно она доставила револьвер

Александру ф.-Бр., и при том зная, что оружие послужит ему для самоубийства.

§ 8. Таким образом, в числе психологических мотивов действования обвиняемой не оказывается и тени своекорыстного расчета. Каждый день видя терзания мужа, Мария ф.-Бр. с 3-го по 23-е апреля почти ежедневно слышала горячие убеждения и страстные мольбы его помочь ему избавиться от жизни, сделавшейся для него пыткой и позором. Ее страстная любовь к мужу и порыв острого чувства жалости к нему подсказали ей, что содействовать мужу в выполнении его намерения есть для нее нравственный долг, перед которым должны умолкнуть всякие эгоистические побуждения, как то: предстоящее горе от разлуки с любимым человеком навеки, ответственность перед законом. Но кроме того, если не признать у Марии ф.-Бр. импульсивного побуждения к самоубийству, то придется согласиться, что ее действование носит на себе печать самоотверженности, ибо заключает в себе полнейшее игнорирование естественного побуждения к самосохранению (намерение лишить себя жизни вслед за мужем). Таким образом, мы имеем здесь один из тех немногих случаев, где совершение деяния, законом запрещаемого, есть результат субъективно-нравственных соображений, результат чувства долга (ошибочно понятого).

§ 9. Итак, мы находися в необходимости утверждать нижеследующее:

I. Баронесса Мария ф.-Бр. к числу лиц безумных или сумасшедших (в смысле 95 ст. Ул. о нак.) не принадлежит. Если и признать у нее импульсивное побуждение к самоубийству (suicidomania), то такая ее болезненная особенность не могла иметь неизбежным результатом пособничество другому лицу в совершении самоубийства.

II. Во время доставки мужу смертоносного оружия Мария ф.-Бр. в припадке умоисступления либо беспамятства не была.

III. Наклонность к самоубийству есть у Марии ф.-Бр. наследственная черта. В силу этой черты характера обвиняемая должна была относиться к мужниным проектам самоубийства иначе, чем относилась бы без нее.

IV. Обвиняемая совершила то деяние, которое ей ставится в вину, во-первых, под давлением чужой воли со стороны лица, которому она привыкла безусловно подчиняться; во-вторых, под влиянием острого порыва сострадания и самоотверженности на почве постоянной чрезмерно напряженной страсти (любовь к мужу); в-третьих, в зависимости от ошибочно понятого долга.

V. Из пунктов III–IV неизбежно вытекает заключение, что у Марии ф.-Бр. во время учинения ею законопротивного деяния психологическая свобода действования была в весьма высокой степени ограниченной.

С.-Петербург, 18-го декабря 1887 г.

Прим. изд. — 23-го января 1888 г. гг. врачи-эксперты (в том числе д-р О. А. Чечотт) нашли, что в настоящее время Мария ф.-Бр. «*явных признаков*

психического расстройства не представляет», в мае 1887 г. находилась *«в состоянии умоисступления, развивавшегося на почве сильно развитого наследственного расположения к душевным заболеваниям»*. Суд принял закл. эксп., и дело было прекр. производством.

VI. МЕДИЦИНСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ О СОСТОЯНИИ УМСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ КРЕСТЬЯНИНА ЕВГРАФА В., ОБВИНЯЕМОГО В УБИЙСТВЕ

§ 1. Вследствие определения отделения Санкт-Петербургского окружного суда от 10-го июня сего 1888 года, крестьянства Лугского уезда, деревни Старые Крувели, Евграф В. доставлен 22-го июня из Санкт-Петербургской пересыльной тюрьмы в городскую больницу св. Николая Чудотворца для судебно-медицинского освидетельствования состояния его умственных способностей. Исследование этого испытуемого и специальное за ним наблюдение было поручено главным доктором больницы мне, старшему ординатору Кандинскому, причем мне была доставлена возможность рассмотреть предварительное следствие по делу В. Результаты испытания, равно как и медицинское обсуждение обстоятельств преступления, изложены мною в нижеследующем.

§ 2. Евграф В. высок ростом и крепок телосложением, 50 лет от роду. Над левою теменной костью и параллельно стреловидному шву на голове его находится линейный рубец, длиною в ½ вершка, подвижный на кости (след раны, полученной в 1885 г.); подлежащая теменная кость представляет удлиненное углубление, по величине и форме соответственное упомянутому рубцу. На правой ноге испытуемого пальцы отсутствуют, над головками плюсневых костей находится прямой и толстый рубец (20 лет тому назад пальцы правой ноги Евграфа В. были отдавлены колесом локомотива, и искалеченная ступня была оперирована в больнице). На головке полового члена и на наружной поверхности краевой плоти у испытуемого несколько круглых рубцов от бывших здесь (в первый раз — лет 20 назад, а во второй раз в 1886–1887 гг.) шанкровых язв. Общего сифилиса у Евграфа В., по-видимому, не было, по крайней мере следов от проявлений этой болезни у испытуемого теперь не оказывается. Неправильностей в строении скелета у В. не имеется. Его лицо представляется асимметричным (скошенным в левую сторону) не от асимметрии костей, а от паретического состояния мышц правой стороны: правый угол рта в сравнении с левым опущен книзу и правая носогубная борозда сглажена. Конец высунутого языка уклоняется в левую сторону. Зрачки нормальной величины, на свет реагируют правильно. Механизм речи у испытуемого не расстроен. Помимо пареза правого лицевого нерва, других паретических расстройств у Евграфа В., при обыкновенном состоянии, не оказывается. Расстройств

кожной чувствительности не найдено. Рефлексы кожные и сухожильные нормальны. Деятельность органов чувств правильна. Пульс твердый и сильный, между 60 и 70 в минуту, несколько запаздывающий по сравнению с толчком верхушки сердца. Плечевые артерии прощупываются как уплотненные шнурки. Области тупого перкуссионного звука сердца уменьшены по причине эмфиземы края левого легкого. Область тупого звука печени не увеличена, но левая доля печени явственно прощупывается и несколько болезненна при давлении на нее. Толчок сердца не силен, но сотрясает грудную клетку более, чем следовало бы ожидать, судя по его силе. Первый тон верхушки сердца сравнительно громок, второй тон крайне слаб и глух. Первый тон аорты есть, второй тон почти отсутствует. Второй тон легочной артерии с акцентом.

§ 3. Во время пребывания в больнице Евграф В. жаловался на чувство дурноты в голове и на головную боль, причем боль почти всегда чувствовалась сильнее в правой половине передней части черепа. Испытуемый рассказывал также, что у него издавна, через неправильные промежутки времени (иногда от паренья в бане, иногда после усиленного пьянства), бывают припадки головокружения, умозатмения и полного беспамятства. Все этого рода заявления В. заслуживают внимания, ибо они подтверждены имеющимися у следствия в деле показаниями его братьев и однодеревенцев и кроме того наблюдением в больнице.

§ 4. 29-го июля испытуемый отправился в больничную баню, и там в 12 часов дня с ним сделался (как после оказалось — от паренья на полке) припадок кортикальной эпилепсии. Внезапно издавший крик В. упал на пол в беспамятстве, с пеной у рта и с судорогами, причем последние были резче выражены в правой половине тела. Я увидал его вскоре после этого, уже перенесенного из бани в арестантские палаты: судорог тогда уже не было, но испытуемый продолжал находиться в состоянии бесчувственности (Stupor), зрачки его были сужены и не реагировали на свет, а лицо его, вследствие паралича правых лицевых мышц, было весьма сильно перекошено в левую сторону. Вскоре он, на моих глазах, стал возвращаться к сознанию, причем первое время имел совершенно бессмысленное выражение лица и с трудом понимал даже самые простые из предлагавшихся ему вопросов; правая же рука его, очевидно парализованная, висела, как плеть. Через полчаса после этого он заснул и на другой день находился уже в своем обыкновенном психическом состоянии, жалуясь на чувство общей разбитости и на дурноту в голове, паралитические же явления, постепенно уменьшаясь, были замечены у него в течение двух дней. Другой припадок в больнице был у Евграфа В. 5-го августа и тоже случился в бане: на этот раз судороги были с полной потерей сознания и приступ состоял во внезапно появившемся параличе мышц произвольного движения преимущественно в правой стороне тела, в потере способности речи и во вдруг на-

ступившем состоянии отупелости. Способность речи возвратилась к испытуемому весьма скоро; отупелость исчезла через несколько часов; парез правой руки, постепенно уменьшаясь, оставался в течение двух дней, а резкий парез правой стороны лица (усиленное против обыкновенного искривление лица в левую сторону) был заметен в течение целой недели. После этого Евграфу В. было запрещено (из опасения апоплексии) ходить в баню, и припадки до сего времени не повторялись.

§ 5. В больнице испытуемый до сих пор держал себя тихо и ровно. Бессонницы, приступов раздражения, бреда, галлюцинаций у него не было. На вопросы врача отвечал охотно и довольно толково, подчинялся всем требованиям больничной дисциплины, ни с кем не ссорился. Наклонности в симуляции ни малейшей не обнаружил. Все его жалобы на нездоровье, в соответствии с результатами объективного наблюдения моего, оказались нимало не преувеличенными. Давая мне свои объяснения, испытуемый производил на меня впечатление человека, говорящего искренне и бесхитростно, без недомолвок, колебаний и предварительного обдумывания. В объяснениях со мною касательно обстоятельств преступления ему, как и прежде в показаниях у следователя, не приходилось вступать в противоречие с показаниями свидетелей по его делу. От общения с другими арестантами Евграф В. не уклонялся, но сам этого общения не искал и ни с кем не сближался. Нам показался человеком апатичным и мало думающим, по характеру — тихим и несколько угрюмым. Память у него резкого ослабления не представляет: однако он сам находит, что память у него за последние десять лет ослабла, и есть достаточное основание этому поверить. Слова и поведение испытуемого нелепостей или странностей не представляли. Евграф В. оказался не совсем безграмотен: он может читать печатное, но охоты к чтению, как и ко всяким другим занятиям (праздность его не тяготит) не проявляет; чтение дается ему с трудом; коверкая слова, не понимая многих фраз, он по прочтении страницы выносит смутное суммарное и притом не всегда даже приблизительно верное представление, о чем на этой странице шла речь. Знает главные молитвы, но к религии равнодушен и ходит в церковь неохотно. До известной степени умеет считать; 15 и 20 складывает в уме быстро, а 76 и 80 складывает уже с большим трудом. Мелкие деньги, монету за монетой, может счесть безошибочно. Верит в домовых и рассказывал мне, как однажды с него, полусонного, но совсем трезвого, домовые стащили валенок (по всей вероятности — кошмар и судорога). Ко всему довольно индифферентен. Не обнаруживает большого интереса к дальнейшему ходу своего дела и по-видимому не чувствует ни раскаяния, ни простого сожаления о содеянном. Убежден, что Господь ему простит, ибо так сказала ему Агафья, явясь ему во сне, причем она не только не выражала никаких к нему претензий, но сама слезно просила у него прощения.

§ 6. От природы Евграф В. здоров и не слабоумен. Наследственной предрасположенности к нервным и психическим заболеваниям у него нет. В детстве он две зимы учился у деревенского учителя грамоте — выучился читать букварь и молитвослов, начинал было писать, но после разучился. Счету его научила житейская практика. Лет 15 от роду испытуемый поступил на железную дорогу кочегаром и работал в этой должности более двадцати лет. Теперь он хвалится, что без посторонней помощи выучил устройство паровоза и может свободно справиться за машиниста. Водку пьет с 20-летнего возраста, не запоем, но часто и помногу. В последние десять лет пьянствовал усиленно и нередко бывал пьян по несколько дней и даже по неделе подряд (предв. следствие л. 45). Припадки беспамятства, то с судорогами, то без них, стали с ним делаться лет 20 тому назад. Невзирая на их непосредственную связь с пареньем в бане или с чрезмерным потреблением водки, Евграф В. относил их происхождение к действию хлороформа (при резекции отдавленных локомотивом пальцев ноги Евграф В. был в больнице хлороформирован). Оставив службу на железной дороге, он поселился в родной деревне и, отдав свой клочок земли соседу, занимался с тех пор поденною работою у окрестных землевладельцев, собиранием ягод и грибов, а также рыбною ловлею. Лет 16–17 тому назад Евграф В. вступил в связь с вдовою солдатскою Агафьею Ав. Живя много лет в избе Евграфа В., Агафья тоже добывала деньги поденною работою и вместе с тем в основном сильно пьянствовала. Как видно из показаний некоторых свидетелей (лл. 28 об. и 35 об.), она не уклонялась от мимолетных и новых сближений с другими мужчинами. Время от времени, поссорившись с Евграфом, Агафья уходила из Старых Крупелей в Лугу и неделю, две жила там, пребывая большею частью в трактирах и кабаках. Евграф В., который в силу давней привычки не мог обходиться без Агафьи и всегда страдал от разлуки с ней, шел ее отыскивать и возвращал ее к себе. Все интересы жизни для Евграфа, как видно, исчерпывались Агафьею и водкою. Помимо этой женщины, обвиняемый ни с кем особенной дружбы не имел; с братьями он виделся не часто; с однодеревенцами своими и другими мужиками вел компанию лишь тогда, когда он и Агафья пьянствовали не дома, а по трактирам и кабакам. Агафье (за путанье с другими или при простых ссорах) нередко приходилось терпеть побои от Евграфа В. В 1885 году в Луге он избил ее в кровь и до полусмерти (л. 28 об.), так что был под следствием за нанесение тяжкой раны (л. 19), но по выздоровлении Агафьи это дело было окончено примирением.

§ 7. Теперь мы можем уяснить себе состояние умственных способностей Евграфа В. в последние годы его жизни, respective — в настоящее время. Не будучи слабоумным от рождения, он путем многолетнего пьянства дошел до состояния психической слабости, причем последняя (как обыкновенно и бывает в первой степени приобретенного слабоумия) в сфере

нравственной выражена у него резче, чем в сфере собственно интеллектуальной (dementia moralis potatorum). Вследствие легкой раздражимости, свойственной всем алкоголикам (irritability morosa potatorum), а также вследствие отпадения сдерживающего влияния мотивов, противоположных первоначальному побуждению (libertas consilii incompleta dementicorum), аффекты ревности и гнева должны принимать у Евграфа В. характер неудержимости. Вследствие того же пьянства у обвиняемого делаются припадки умопомрачения и беспамятства, которые (как показало наблюдение в больнице) носят характер то апоплектоидный, то часто эпилептический (epilepsia potatorum). Во время приступов эпилептического головокружения Евграф В. вдруг терял понимание и «становился как дурак» (л. 45), или бессознательно шел куда попало (л. 41 об). Впав в бане в умопомрачение, он бормотал непонятные слова, выскакивал из бани и бежал нагим, куда придется, на изгороди и на ямы (л. 41). Припадочные состояния обвиняемого должны быть рассмотрены не как функциональные расстройства, но как результат органического страдания головного мозга. Физическое исследование открывает у Евграфа В. и несомненные признаки атеросклеротического поражения периферических артерий и устья аорты. Это страдание, собственно, свойственно возрасту, но у давних пьяниц оно бывает резко выраженным и уже между 40–50 годами жизни. Головномозговые припадки обвиняемого заставляют заключить, что перерождение артериальных стенок у него распространяется и на артерии головного мозга. При этом несомненно уясняется происхождение замечаемых у Евграфа В. расстройств головномозгового кровообращения, и становится понятным, почему вышеописанные припадки обвиняемого не всегда имеют характер чисто эпилептический и почему они на некоторое время оставляют после себя парез одной половины тела.

§ 8. Из слов некоторых свидетелей и самого обвиняемого видно, что Евграф В., по крайней мере в прошлом, имел основания бояться неверности со стороны Агафьи. Однако из-за этого не следует забывать того обстоятельства, что, страдая хроническим алкоголизмом, Евграф В. мог бояться измены своей сожительницы и без всякого повода со стороны последней. По науке и по практике психиатрам известно, что хронические алкоголики (вследствие страдания головного мозга, а частично и вследствие перерождения эпителия семенных путей) весьма ревнивы и подозрительны по отношению к своим женам или сожительницам, каковая особенность больных этого рода весьма часто принимает характер патогностического для алкоголизма «бреда супружеской неверности». Бред (т.е. ложные убеждения органического происхождения и потому исключающие возможность логической поправки), собственно, и делает человека сумасшедшим.

§ 9. Недели за полторы до Крещенья в этом году Агафья, против воли Евграфа В. (л. 25 об. и 30 об.), ушла из его избы в Крупелях и поступила

нянькою на соседнюю мызу Бермелеевой. На ту же мызу перед Крещеньем стал ходить для поденной работы (возка глины в поле для удобрения) и Евграф В., причем или оставался ночевать на мызе, в помещении для рабочих, или же уходил на ночь домой. Незадолго до 6 января на мызу поступил молодой (25 лет) работник Василий К., который (по объяснению Евграфа В. при дознании, л. 5) был замечен 6-го января обвиняемым в «секретном заговоре» с Агафьею. Впрочем, никто из живших на мызе не замечал у Евграфа проявлений ревности ни перед Крещеньем, ни в этот самый день, и видимых ссор между Евграфом В. и Агафьею в эти дни не было. Равным образом никто не замечал, чтобы Агафья в это время состояла в близких отношениях с кем-либо кроме Евграфа, или чтобы она подала какой-нибудь повод к ревности в эти дни. Но неудовольствие на Агафью за то, что она ушла жить на мызу, Евграф В. выражал и в день 6-го января и раньше (д. 30 об.). В ночь на Крещение обвиняемый ночевал на мызе, утром 6-го января спокойно там позавтракал с работниками и Агафьей (л. 14 и 30) и ушел домой. Во втором часу этого дня Евграфа В. видели в Крупелях: он сидел в своей избе у окна и пел песни (л. 29). Около 3 часов дня работник Алексей Иванов встретил Евграфа В. на дороге между Крупелями и мызою, причем Евграф В., с топором за спиной, сойдясь с Ивановым грудь с грудью (л. 14 об.), сердито посмотрел на него и спросил: «где Агафья?» — и, получив ответ, пошел дальше, «шатаясь», как после добавил свидетель (л. 30 об.). По показаниям другого свидетеля (л. 14) установлено, что Евграф В. был в мызе не более часа. По его уходе был найден труп Агафьи в помещении управляющего, которое отделено от помещения для рабочих коридором. Обезглавленный труп валялся на полу посредине комнаты, в лежачем положении на спине; одна нога была в валенке, другая босая, платье было приподнято до колен и ноги оголены (л. 9 об.). Отрубленная голова находилась на расстоянии аршина от шеи; подле трупа лежал топор. Правая рука, отрубленная в плечевом сочленении, держалась лишь на подмышечных мышцах; левая рука, отрубленная под головкой плечевой кости, имела связь с туловищем лишь через лоскут кожи. Кроме того, на трупе оказались следующие порезы: лоскутная рана на левом плече, вблизи ее продольная ссадина кожи в 1 вершок; продольная поверхностная рана в ¾ вершка на левом предплечии и рана в 1 вершок на ладони правой руки. Мебель, стены и потолок были забрызганы кровью. По удалении луж крови на полу на последнем найдены следы от ударов топором, числом 9 (л. 18). Свидетелей преступления не было: Агафья случайно оставалась на тот час одна.

§ 10. По личному расспросу обвиняемого и вообще по изучению обстоятельств преступления, деяние Евграфа В. представляется мне в следующем виде. Намерения убивать Агафью у него вовсе не было. Вскоре после полудня того дня он выпил одну чашку водки и посидел у окна, распевая

песни. Затем ему вздумалось, за неимением другого занятия, сходить на речку к вятерям, — и он пошел, захватив из избы топор, хотя для вятерей у него постоянно имелся другой топор. С собою он взял топор, как говорит, потому, что имел в виду по дороге на речку тайно срубить в барском лесу хвою, считая, что рубить деревце у самой речки на виду — неудобно: могут заметить. Дорогою ему пришла мысль — зайти взглянуть, что делает Агафья; по всей вероятности, тут оказала свое влияние полусознаваемая и, может быть, полубредовая (см. мой § 8) опасливость старого алкоголика по отношению к здоровому и молодому Василию К. Обвиняемый застал Агафью в коридоре (л. 43), и между ними началась брань и взаимное попрекание (л. 18).

В течение перебранки Агафья из коридора перешла в комнату управляющего (где незадолго перед тем Мария Л. оставила ее за деланьем папирос); Евграф В. последовал за нею. Здесь, в пылу ссоры, ему показалось, что мимо растворенной двери кухни прошел кто-то в белом фартуке, и мгновенно в голове обвиняемого родилось представление, что это Василий, который только что имел с Агафьею, в помещении рабочих, беседу наедине. Этот человек в белом фартуке не выдумка В. и не совсем обман его чувств. Садовник Михайло Н. (тоже человек молодой, хотя и старше К.) как раз в это время проходил в белом фартуке под окнами и притом так, что по направлению могло показаться, будто он выходил из людской (л. 30). Вид мужчины, ошибочно принятого за К., привел обвиняемого, уже без того сильно возбужденного, в совершенное исступление, и он не помнит, что дальше было. Полное затемнение сознания (характеризующее высшую точку умоисступления и соответствующее отсутствию воспоминаний за это время), по-видимому, было у Евграфа В. непродолжительно; но заставляет думать, что обвиняемый вполне пришел в сознание не в тот момент, когда он, по совершении убийства, бросил топор, а значительно позже. Так, он пошел прямо от трупа своей жертвы к своим вятерям не под влиянием сознательного представления (нормальный человек едва ли бы перешел прямо от дела кровавой и зверской расправы к мысли о рыболовстве), но чисто автоматически, и то только потому, что вышел из дому с намерением туда идти. По выходе из людской Евграф В. попался навстречу К. и на вопрос последнего: куда? — ответил: «туда… гулять». Этот ответ присутствия полного сознания еще не показывает: известно, что люди, говорящие во сне, на вопросы дают во сне соответственные ответы, полным сознанием далеко не обладая. Поэтому можно поверить Евграфу В., что этой встречи с К. он совсем не помнит. На речке, суммарно вспомнив содеянное, обвиняемый приготовился броситься в прорубь (л. 43 об.), но в этот момент ему показалось, что его сзади схватили за шею и сейчас будут вязать, отчего на него напал сильный страх (полагаю, что это как раз то состояние невменяемости, которое в австрийском уложении обозначено

словом «Sinnesverwirrung»). В ужасе Евграф В. перебежал через речку и побежал куда попало, а когда совсем опомнился, то сначала направился было домой в Крупели, но вскоре рассудил «идти с горя в кабак» и пошел в деревню Жельцы. В Жельцах он был задержан уже после того, как успел несколько выпить (по-видимому — не очень, как показывает лист 28). Во время препровождения из Жельцов в Крупели Евграф В. всю дорогу пел песни (л. 25 об.).

§ 11. Таким образом, на вопросы — в каком состоянии находятся умственные способности Евграфа В. в настоящее время и в каком состоянии они находились во время совершения Евграфом В. убийства — я отвечу так:

I. Евграф В. к числу лиц сумасшедших или безумных (совершенно лишенных способности определяться в действовании волею) в обыкновенном своем состоянии не принадлежит. Однако он страдает хроническим поражением головного мозга (endarteriitis cerebralis), каковая болезнь уже причинила у него известной степени слабоумие (тем ограничив его libertas consiliic, т.е. способность непринужденного выбора противодействования) и, кроме того, привела его к случающимся у него через неопределенные промежутки времени припадкам умопомрачения и совершенного беспамятства.

II. Недостаточность психологических мотивов и бессмысленное зверство преступного дела, вся последующая реакция преступника вместе с пробелами в его воспоминании — все это, в совокупности взятое (в связи с тем фактом, что припадки умопомрачения и беспамятства у обвиняемого бывали неоднократно), доказывает, что Евграф В. убил свою сожительницу Агафью А. в припадке действительного умоисступления.

Санкт-Петербург, 16-го октября 1888 г.

Прим. изд. — В распорядительном заседании С.-Петербургского окружного суда 12-го ноября 1888 г. на предложенные судом вопросы, в каком состоянии находятся умственные способности Евграфа В. в настоящее время и в каком состоянии находились его умственные способности 6-го января 1888 г. гг. врачи-эксперты ответили на первый: «*страдает падучей болезнью*», и на второй: «*находился в состоянии умоисступления, обусловленного злоупотреблением спиртных напитков и падучей болезнью*». Заключение экспертов было принято судом и дело прекращено согласно 95 ст. Ул. о нак.

VII. МЕДИЦИНСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ О СОСТОЯНИИ УМСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ КРЕСТЬЯНИНА НИКОЛАЯ К., ОБВИНЯЕМОГО В ПОКУШЕНИИ НА УБИЙСТВО

§ 1. Вследствие определения 8-го отделения С.-Петербургского окружного суда от 10-го июня сего 1888 г. крестьянин Новой Деревни С.-Петер-

бургского уезда Николай К. доставлен 22-го июня сего года из предварительного заключения в городскую больницу св. Николая Чудотворца для судебно-медицинского исследования состояния его умственных способностей. Испытание этого обвиняемого и специальное за ним наблюдение было поручено главным доктором больницы мне, старшему ординатору Кандинскому, причем мне была доставлена возможность просмотреть протоколы предварительного следствия по делу К. Результаты моего исследования, вместе с медицинским обсуждением обстоятельств дела, изложены в нижеследующем.

§ 2. Николай Андреевич К., 16 лет от роду, невысокого роста, среднего телосложения. При поступлении в больницу был заметно бледен (от малокровия), но в больнице, при соответственном лечении (препараты железа) и хорошей пище, состояние общего питания у него весьма улучшилось. Органы груди и живота у него в совершенном порядке. Симптомов каких-либо периферических или центральных расстройств нервной деятельности у него не оказывается. Рефлексы кожные и сухожильные нормальны. Деятельность органов чувств правильна, если не считать того, что правым ухом (вследствие закупоренного наружного слухового прохода ушным выделением) испытуемый слышит немного хуже нормы. Мочевой пузырь у него теперь здоров и недержанием мочи К. в настоящее время не страдает. Кости туловища и конечностей у него неправильностей не представляют. Но в черепе его существует некоторое уклонение от нормы, более заметное при взгляде на испытуемого в профиль. Так, у него переднетеменная часть свода черепа, не будучи сама по себе низкой (расстояние переднего конца стреловидного шва от середины линии, соединяющей оба наружных слуховых отверстия, равно 191 миллиметру), ниже затылочно-теменной части черепного свода, ненормально высокого (расстояние заднего конца стреловидного шва от линии ушных проходов — 123 миллиметра). Все другие размеры черепа сравнительно велики, однако ни абсолютно, ни относительно из границ, нормальных для славянской расы, не выходят: горизонтальная окружность черепа — 571 миллиметр; наибольший продольный размер — 187 мм; наибольший поперечный размер — 153 мм; тыловой показатель 81,8. Лицевой угол значительного уклонения от нормы не представляет. Собственно лоб как часть лица может показаться у испытуемого низким (чего на самом деле нет) потому, что волосистая часть головы у К. начинается низко, причем же исследуемый имеет привычку высоко поднимать свои брови и морщить лоб в поперечные складки; от поднятых бровей и сморщенного лба лицо испытуемого даже при спокойном состоянии взгляда получает выражение напряженного внимания, при опущенных же кроме того углах рта (огорчение) выражение его лица делается плаксивым. Твердое нёбо и постановка зубов неправильности не представляют. Зубы редки и ломки; коронки многих из них (в особенности трех верхних и всех

нижних резцов) более или менее обломаны. Уши, глаза и прочие части лица без особых уклонений от нормы.

§ 3. В больнице испытуемый ни на что не жаловался и вообще пользовался полным физическим здоровьем. Никаких нервных припадков у него не замечалось. Приступов болезненного раздражения, бреда, галлюцинаций у него не было; не было также уклонений от нормы в сфере душевного настроения и резких переходов от одного настроения к другому. Навязчивых представлений и болезненных импульсов (в числе последних и клептоманические наклонности) у него не замечено. По ночам испытуемый спал достаточно, но иногда, а именно в первое время пребывания в больнице (когда испытуемый был значительно малокровнее, чем теперь), случалось, что он выговаривал во сне отдельные слова. Поведение его ничего нелепого или странного собою не представляло. По характеру испытуемый тих и ровен, но не мрачен и не угрюм. От общения с другими арестантами не уклоняется, с некоторыми из товарищей сходился ближе, чем с другими. Будучи грамотным, испытуемый не обнаружил ни малейшей охоты к чтению. Леность составляет видную черту в характере Николая К. Всем занятиям он предпочитал в больнице праздную болтовню с товарищами и игру в карты. В карты — «в акулину», «в дурака», в «короли» и даже «в свои козыри» — играет удовлетворительно и проигрывает нечасто. В шашки же почти всегда проигрывает. Другие арестанты, даже значительно старше его возрастом, смотрят на него, как на равного себе, и дураком его вовсе не считают. Если игра в карты идет на интерес (на папиросы), то Николай К., увлекаясь игрою, не терпит ни помехи со стороны, ни недостаточно серьезного отношения к игре у партнеров; поэтому за картами у него иногда бывали легкие перебранки с товарищами, а однажды испытуемый, рассердившись на непрошенное вмешательство стороннего лица, нанес последнему (арестант П-ков, значительно старше Николая К.) удар по затылку. Впрочем, эта гневная вспышка, самая сильная из всех замечавшихся у испытуемого в больнице, вполне имела характер аффекта физиологического. Первое время пребывания в больнице, пока не было привычки к новой обстановке и новым лицам, Николай К. имел несколько плаксивый вид и непременно начинал плакать, когда с ним заводили речь о содеянном в день 25-го марта. Однако это были обыкновенные (если угодно, детские) слезы, а не какой-либо нервный припадок. Впоследствии испытуемый потерял свой прежний плаксивый вид; однако и теперь заплачет, если предложить ему вопрос вроде следующих: зачем он накинул петлю на шею Васильевой, или — какая, по его мнению, участь ожидает его дальше? К учению испытуемый не способен, частью по лености и отсутствию интереса к делу, частью по ограниченности своих умственных способностей. Впрочем, он умеет читать, писать и считать. Всех четырех арифметических действий он теперь не знает и вообще многое из того, чему раньше учился,

успел перезабыть. Может сложить в уме не только 15 и 25, но и 80 и 75. Мелкие деньги считает бойко. Таблицу умножения знает нетвердо. Из выученных прежде помнит удовлетворительно и говорит наизусть лишь молитвы короткие; «Верую» же может сказать из пятого в десятое. События своей жизни Николай К. помнит достаточно. Помнит также день Благовещенья и канун этого дня. В суждениях испытуемого, по сравнению с людьми его возраста и того же общественного положения, ничего особенного не видно. На предлагаемые вопросы отвечает достаточно быстро и ответы его обыкновенно толковы. Однако при ближайшем его изучении можно заметить у него недостаток сообразительности, и, собственно, это обстоятельство и не позволяет ему хорошо играть в шашки. О высших функциях ума и воли, при умственной неразвитости и природной ограниченности испытуемого, конечно, не может быть и речи; систематизированных религиозных представлений, отчетливых и твердых нравственных понятий здесь мы, разумеется, не найдем. Впрочем, из этого отнюдь не следует, чтобы он был лишен нравственного чувства. У него есть некоторый кодекс морали — смесь нравственных представлений, полученных им из разных источников — из семьи, из общества сверстников, из товарищества школьного и арестантского. Так, он выразил мне непритворное возмущение, когда я однажды высказал ему существовавшее против него прежде подозрение, что ему, в бытность в школе, случалось уворовывать у товарищей карандаши и т. п. мелочь. Он понимает непозволительность таких деяний, как грубое телесное насилие другому лицу, грабеж, кража, мошенничество, знает, что за деяния, законом воспрещенные, обыкновенно следует наказание, причем ему, по-видимому, не безызвестно, что к людям глупым закон и власти относятся снисходительнее. Поэтому он (как мне кажется, по крайней мере) при случае не прочь изобразить из себя дурака большего, чем есть на самом деле.

§ 4. Николай К., он же Аким., родился 2-го мая 1872 г. (церковная справка); остался без матери, будучи 6 лет от роду, и рос, как видно из показания отца, без достаточного надзора и руководительства (пр. след. л. 26). Наследственного предрасположения к нервным н психическим заболеваниям у него, по-видимому, не имеется (л. 35 и 36). Родные дяди его по отцу, Илья и Семен, сильно пьянствовали и впадали в белую горячку, причем Илья кончил жизнь самоповешеньем, но сам отец не пьяница. Обвиняемый три года (1881–1884) учился в земской школе, был в двух классах; во втором классе пробыл два года и все-таки не был годен к переводу в следующий класс, почему и должен был выйти из школы. В школе он был очевидно малоспособен, держал себя неряшливо и мало обращал внимания на делаемые ему замечания и выговоры (л. 31). Своему учителю (л. 81), старшему брату (л. 27 об.), дяде по отцу (л. 38) он казался придурковатым и неразумным. С другой стороны, отец о придурковатости Николая не упоминал,

а дядя по матери, Брусникин, этой придурковатости вовсе не замечал (л. 37). Прежде Николай К. страдал недержанием мочи, но из школы его заставила выйти (как я убедился со слов него самого) не эта болезненная особенность, а прямо неохота и неспособность к учению. По выходе из школы он пришел жить к отцу и помогал последнему на его работах, главным образом в рыболовстве. Водки не пил, но пиво по праздникам пивал; от одной бутылки пива (как он сам объяснил мне) не пьянеет, но после бутылки с половиною чувствует уже, что хмель вступает в голову; больше двух бутылок подряд ему не случалось пить. В последнее время Николай К. дружил со сверстниками своими, крестьянами Яковом Кар. и Петром Тих., которые ничего особенного в нем не замечали и дураком его не считали (л. 32 и об). Никогда и никем не замечалось за ним и временного умственного расстройства, равно и каких-либо ненормальных склонностей и побуждений.

§ 5. Из всего вышеизложенного явствует, что обвиняемый принадлежит к числу лиц с ограниченными от природы умственными способностями. Причиной связи между умственною недостаточностью Николая К. и неправильностью в образовании у него черепного свода я не вижу, так как неправильность у него имеется в затылочной, а не в лобной половине черепа. Тем не менее представляется вопрос, в какую категорию отнести обвиняемого, — к лицам безумным от рождения или к лицам, лишь в известной мере слабоумным. Безумные от рождения (идиоты) совершенно ни к чему непригодны, их безумие для всякого очевидно, они совсем не понимают значения и свойства своих действий. Что же касается до Николая К., то он мог кое-чему научиться, и трудно не видеть, что к обыкновенным функциям чернорабочего простолюдина он вполне пригоден. Неразумным дурачком он казался не всем лицам, находившимся с ним в общении, ближние его товарищи большой глупости в нем не видят. Несмотря на некоторый недостаток сообразительности и на малую способность к учению (в неуспешности ученья отчасти имела значение и природная леность обвиняемого), он не совсем лишен умственного развития, так что в этом отношении по сравнению его с малограмотными сверстниками из бедных семейств он очень резкой разницы в настоящее время не представит. Этим, разумеется, не исключается возможность оставаться ему навсегда на той точке умственного развития, на которой он находится теперь, ибо у лиц с атипичным черепом остановка умственного развития не всегда всецело приходится на годы раннего детства. Способности понимать свойство своих действий (помимо действий таких, как покушение на убийство) в нем отрицать трудно. Поэтому я не считаю обвиняемого безумным (от рождения), но нахожу в нем известную степень природного слабоумия. Слабоумие всегда предполагает собой невыработавшийся характер и слабую волю; оно отражается в действовании в том, что делает человека более податливым по отношению к своекорыстным, жизненным или нелепым суждениям.

§ 6. Николай К. жил в Новой Деревне вместе со своим отцом. Через три дома от избы отца К. находятся дома серебряного цеха мастера Александра Иванова Скворцова, из которых в одном жил сам хозяин с взрослою дочерью Клеопатрою и старухою служанкою Анною Васильевой. Отец и брат обвиняемого, случалось, работали на Скворцова, и потому последний их знал; Скворцову прежде, по-видимому, приходилось видеть и самого обвиняемого. Что же касается до Анны Васильевой, то она Николая К. не знала. Обвиняемый, как видно, был знаком (по крайней мере в общих чертах) с образом жизни Скворцова и знал состав его семейства. Вечером 24 марта сего года Анна Васильева оставалась в доме одна: Клеопатра Александровна уехала с утра в город и должна была там ночевать, а Александр Иванович в 7 час. вечера ушел в церковь. Через малое время по уходе хозяина в дом явился неизвестный для Анны Васильевой парень, который узнал от Васильевой, что хозяина нет дома, не хотел объяснять, для чего ему нужно Скворцова, несколько минут постоял в передней и все заглядывал (л. 23 об.) через дверь в зал, где горела лампада; а потом он вышел на лестницу и стал там (как показалось Васильевой) что-то возиться; когда Васильева вышла на кухню, он сбежал с лестницы и исчез. На другой день (это было Благовещенье, день особенно чтимый местными обывателями, как престольный церковный праздник) Скворцов оставил Васильеву опять одну, ушел около 10 ¼ ч. дня к обедне и не возвращался домой довольно долго, ибо служба в церкви в этот день очень длинная. Около 10 ½ ч. дня в дом Скворцова вторично пришел парень, являвшийся накануне, — т. е. Николай К. Получив на свой вопрос (в этот раз он спросил Васильеву — дома ли барыня) отрицательный ответ, остался молча стоять в прихожей близ входной двери, прислонившись к стене и держа правую руку под мышкой левой стороны (л. 3 об), причем ждал так около получаса. Возможно, что в это время старуха, хлопотавшая около плиты, ворчала на него, что он ходит искать хозяина как будто нарочно в то время, когда все добрые люди в церкви. Наконец, Васильева вышла в прихожую и обернулась спиною к Николаю К., намереваясь зачерпнуть ковшом воды из кадки. В этот момент Николай К. набросил ей на шею веревочную петлю и, затягивая петлю, начал бить старуху кулаком по голове. Васильева, крича, упала (она вовремя успела просунуть обе руки в петлю и так не позволила сильно стянуть свою шею), а Николай К. в этот момент был уже за порогом кухни и тянул туда веревку петли. На лай собачки в комнате отозвалась из сеней другая собака, и тогда Николай К., оставив петлю на шее Васильевой, перешагнул через лежавшую на полу старуху и убежал. Отец К. ни в этот день, ни накануне не замечал в Николае ничего особенного. Когда, возымев подозрение на Николая К., пристав Лесного участка прибыл в дом его отца, то обвиняемый был найден спрятавшимся под избою брата. При дознании Николай К. (показания пристава и Скворцова)

сознался в том, что пытался задушить Васильеву, но тут же, испугавшись, начал просить у потерпевшей прощения, причем разрыдался так, что не мог подписать протокола. Но судебному следователю обвиняемый показал, что он накинул петлю на шею Васильевой не для того, чтобы задушить старуху и обобрать квартиру, а лишь для того, чтобы попугать Васильеву (л. 11 об.). По его объяснению, желание попугать старуху и вместе с тем побить ее пришло ему в голову внезапно, но зла на Васильеву он никакого не имел. Веревка была снята Николаем К. с двери скворцовского ледника, и притом (если верить словам обвиняемого) не 24-го, а 26-го марта; к Скворцову же обвиняемый приходил будто бы в надежде выпросить у него себе работы. Примерно так же, как и у следователя (даже почти теми же самыми словами), обвиняемый объяснял свой поступок и мне, причем ответы на вопросы касательно своего деяния давал лаконично и весьма неохотно. Пробелов в воспоминаниях относительно хотя бы небольшой части из того, что делал обвиняемый за весь день 25-го марта, я не мог обнаружить.

§ 7. При обсуждении противозаконного деяния Николая К. я строго ограничиваюсь соображениями чисто медицинскими. Как видно из предварительного следствия, лица, видевшие Николая К. в самый день 25-го марта, равно и накануне, а также 26-го марта, ничего особенного (за исключением рыданий при допросе 26 числа) в нем не заметили. Навязчивых представлений и импульсивных болезненных побуждений (не говоря уже о приступах временного сумасшествия) наблюдение в больнице у него не открыло, и на временные психические расстройства (хотя бы и элементарные) нет и намека в показаниях родственников. Конечно, если в данном случае логически исключатся возможные непатологические мотивы действования, то останется принять, что Николай К. учинил свое деяние в зависимости от ничем не мотивированного (и тем самым ненормального) намерения попугать и побить старуху. Глупая мысль или зловредное намерение могут внезапно явиться и в голове здорового человека, в известной мере слабоумного. Но у нормального человека глупая мысль и зловредные намерения не непременно ведут к действованию, ибо вслед за ними в голове человека являются представления задерживающие. Слабоумные же люди вообще наклонны к действованию без рассуждения, по первому побуждению, хотя бы последнее само по себе и не было явлением прямо патологическим. Даже имея возможность понимать непозволительность известного деяния, слабоумный субъект совершит такое деяние скорее, чем субъект нормальный, по причине слабости своей воли, т. е. по причине меньшей возможности противопоставить влекущему к делу побуждению представления исправляющие и задерживающие.

§ 8. Таким образом, относительно состояния умственных способностей обвиняемого я могу выразиться лишь так:

I. Николай К. сумасшествием не одержим. Не будучи, строго говоря, безумным, он однако в известной мере слабоумен от природы.

II. В день 25-го марта сего года Николай К. находился в своем обыкновенном состоянии.

С.-Петербург, 10-го декабря 1888 года

Прим. изд. — При освидетельствовании Николая К. в распорядительном заседании С.-Петербургского окружного суда 10-го декабря 1888 г. на вопросы о состоянии умственных способностей его, Николая К., в настоящее время и 25-го марта 1888 г. (на время совершения преступления) гг. врачи-эксперты ответили: «*кроме некоторой, по-видимому, прирожденной слабости умственных способностей, ненормальностей Николай К. не представляет, и в таком состоянии находился, по всему вероятию, и 25-го марта 1888 г.*». Заключение это было принято судом, и при рассмотрении дела в судебном заседании гг. присяжные заседатели признали К. виновным в покушении на разбой, но действовавшим без полного разумения, почему он на основании 1629 ст. Улож. о нак. и др. присужден к заключению в монастырь на 3 года и 4 месяца.

VIII. МЕДИЦИНСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ О СОСТОЯНИИ УМСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ КРЕСТЬЯНИНА Ф. И., ОБВИНЯЕМОГО В УБИЙСТВЕ

§ 1. Вследствие определения 8-го отделения С.-Петербургского окружного суда от 10-го июня сего 1888 года крестьянин Л-ского уезда Г-ской волости деревни С-но Ф. И. доставлен 22-го июня из С.-Петербургской пересыльной тюрьмы в городскую больницу св. Николая Чудотворца для исследования состояния его умственных способностей. Судебно-медицинское испытание этого обвиняемого было поручено главным доктором больницы мне, старшему ординатору Кандинскому, причем мне была дана возможность ознакомиться с обстоятельствами дела Ф. И. по протоколам предварительного следствия. Результаты моего исследования вместе с медицинским обсуждением обстоятельств преступления изложены мною в нижеследующем; при этом нахожу нелишним вперед сказать, что некоторая объемистость сего отчета всецело обусловливается особенностями данного случая, в судебно-медицинском отношении довольно трудного, и, кроме того, настойчивой симуляцией испытуемого.

§ 2. Крестьянин Ф. И., 30 лет от роду, среднего роста, хорошего телосложения. Состояние общего питания у него вполне удовлетворительно и в последнее время он обнаружил решительную наклонность к полноте. Признаков, в которых выражается на индивидууме процесс фамильного вырождения, равно как вообще природных неправильностей в строении тела у испытуе-

мого не замечается. Внутренние органы у него все нормальны, за исключением печени, которая при перкуссии оказывается весьма заметно увеличенною в объеме. Паретических и судорожных явлений, равно как расстройств чувствительности у него нет. Рефлексы кожные и сухожильные нормальны. Следов сифилиса у испытуемого не имеется, и, по-видимому, он никогда не страдал этою болезнью. Соответственно 1-му спинному позвонку (наиболее выстоящее место спины) у Ф. И. на пространстве 3 квадр. сантиметров находится хроническая припухлость кожи и подкожной клетчатки, и поверхность кожи в этом месте является слегка покрасневшею. На затылке, в наиболее выдающемся месте задней поверхности головы, на пространстве 1 квадр. сантиметра волосы были вытерты и кожа в этом месте тоже была припухшею. Опухлость кожи и подкожной клетчатки в двух только что указанных местах была наиболее резко выражена при поступлении Ф. И. в больницу, и сразу трудно было понять ее происхождение, но впоследствии я убедился, чти это не что иное, как результат механического давления на эти места: Ф. И. со времени ареста усвоил себе привычку постоянно лежать на спине и в бытность свою в Л-ской тюрьме днем много лежал на голых досках нар, при чем в указанных, наиболее выстоящих точках задней поверхности тело Ф. И. давило на доски всего сильнее. Лицо у испытуемого румяное; это частью выражение полного физического здоровья Ф. И. (последний ближе к полнокровию, чем к малокровию), частью же обусловливается первою степенью кожного поражения, называемого acne rosacea, весьма обыкновенного у лиц, долгое время и постоянно употреблявших спиртные напитки. Так, поверхность кожи на носу и щеках Игнатьева заметно шелушится, и на общем розоватом фоне этой поверхности усматривается масса несколько выстоящих маленьких плоских пятен, тесно расположенных между собою, интенсивно красного цвета. Разбросанные такие же пятна, но в зачаточном виде, усмотрены мною также на лбу и на подбородке испытуемого. На выдающихся точках лица (конец носа и скулы) можно, кроме того, видеть инъецированные мелкие сосуды в сильно извитом виде. При резком переходе из одной температуры в другую, при душевных волнениях у испытуемого цвет лица становится, вследствие усиленного кровенаполнения этих пораженных участков кожи (хроническое воспаление поверхности кожи), краснее обыкновенного, и тогда Ф. И. (как он иногда сам говорил это) чувствует в этих местах кожи лица легкое жжение или покалывание. Эта накожная болезнь (acne rosacea) должна быть отмечена, во-первых, потому, что она наряду с увеличением печени дает повод подозревать давнюю приверженность испытуемого к спиртным напиткам, во-вторых же и потому, что лица, увидевшие Ф. И. первый раз или обозревшие его поверхностно, найдя его нос и щеки ненормально красными, ошибочно могут принять это за выражение вазомоторного расстройства и допустить на основании этого у ис-

пытуемого приливы крови к головному мозгу. Глаза испытуемого ничего особенного не представляют; соединительная оболочка глаз в общем не полнокровна, но на ней в некоторых местах видны зигзагообразно извитые сосуды в направлении от периферии к роговой оболочке. Это явление зависит от повторных местных застоев крови и тоже имеет прямую связь с пьянством.

§ 3. Первую неделю своего пребывания в больнице Ф. И. был совершенно спокоен, ни на что не жаловался, на все вопросы давал правильные ответы, рассказывал о своей прежней жизни разумно и обстоятельно. С прочими арестантами сходился мало; много лежал в постели. Ел с прекрасным аппетитом, спал превосходно.

Между 1-м и 15-м июля за испытуемым замечено следующее. Ежедневно жаловался врачу, что у него постоянно болит голова, или что у него в голове дурнота. С объективной стороны он был совершенно нормален, но иногда соединительная оболочка глаза у него являлась гиперемированною и лицо было краснее обыкновенного. Замечено, что перед визитацею он натирает себе глаза, нос и щеки руками, одеялом или рукавом халата, а также, что он перед приходом врача лежит некоторое время на кровати, так чтобы голова его была свешена вниз. Наблюдающему врачу (т. е. мне) он говорил, что в настоящее время, помимо головной боли, он, Ф. И., вполне здоров; однако настойчиво выставлял мне на вид, что временами на него «находит затмение» и он бывает «совсем как сумасшедший», кроме того, он старательно обращал мое внимание на то обстоятельство, что он, Ф. И., полнокровен и весьма подвержен приливам крови к голове. Объективно приливов крови к мозгу у него не наблюдалось. Ел он весьма исправно; спал ночью прекрасно, несмотря на обычный для него послеобеденный сон. На вопросы отвечал спокойно и рассудительно; хорошо помнил прошлое; никаких особых странностей не обнаруживал. В эти две недели он днем сравнительно мало лежал на кровати, ежедневно гулял в саду и по коридорам. Не принимая участия в развлечениях своих товарищей (игра в карты и в шашки), он не всех чуждался, напротив, вел беседы с помощниками надзирателя и особенно подолгу объяснялся с одним из этих помощников, причем являлся последнему субъектом вполне разумным. Из арестантов он охотно беседовал с двоими; из них один (человек, в моих глазах, безвредный) — крестьянин одного уезда с Ф. И., вместе с последним был в Л-ской тюрьме и одновременно с ним доставлен в больницу; что касается до другого из этих арестантов (бывший фельдшер, по моему мнению, если не вполне, то наполовину притворщик), то этому сотоварищу я не без основания приписываю влияние на дальнейшее поведение Ф. И.

Между 15-м июля и 20-м августа за испытуемым замечалось следующее. Ф. И., объективно ничего болезненного не представляя, начал жаловаться, что у него всякое место болит, что он по ночам спит очень мало, не больше

двух-трех часов. Назначив за ним особо бдительный надзор по ночам, я убедился, что его уверения относительно бессонницы находятся в полном несогласии с действительностью; о тех ночах, когда испытуемый, по своим словам, спал часа два или того меньше, дежурный надзиратель или его помощники докладывали мне, что Ф. И. спал 7–9 часов и, кроме того, в те же сутки он обыкновенно спал 1–2 часа днем. В течение этого месяца мне самому однажды случилось застать испытуемого на кровати со свешенною вниз головою (для произведения усиленной красноты в лице). В другой раз я нашел у него нос до того посиневшим и вместе с тем распухшим (щеки тоже были усиленно красны), что чрезмерное старание Ф. И. тереть или мять эту часть своего лица стало для меня очевидным. И действительно, мне тогда удалось добиться от сконфуженного моими словами испытуемого, что он иногда трет себе нос и щеки рукавом халата и даже трется лицом о стену, ибо ему «так легче» — уменьшается жжение, чувствуемое на коже лица (при кожной болезни, называемой acne rosacea, ощущение жжения в пораженных местах кожи действительно бывает). Далее, испытуемый начал затыкать себе уши пальцами, объясняя, что слышит шум в ушах. Путем переспроса мне удалось выяснить, что шум в ушах у него слышится только тогда, если он крепко затыкает себе уши пальцами (при этом условии и нормально можно услышать шум), иначе в ушах его никакого шума нет. Я посоветовал ему не совать пальцы в уши и через несколько дней он мне сказал, что он последовал моему совету и шума в ушах у него теперь нет. В день поступления в больницу Ф. И. между прочим объяснил принимавшему его врачу (будучи тогда на вид совершенно нормален), что иногда ему «видятся какие-то чудаки, пляшущие как дьяволы». И вот однажды (именно 17-го июля) на мой вопрос, не мерещится ли ему что-нибудь перед глазами, испытуемый отвечал: «да, мерещится... я и сейчас вижу разных чудаков». Тогда я вдруг пригласил его поскорее пересчитать, сколько чудаков он в настоящую минуту видит в комнате; Ф. И. вслух начал считать «один... два... три», переводя глаза с одного на другого из действительно находившихся в комнате лиц (кроме его и меня, в палате тогда были надзиратель и двое арестантов), затем, остановя взгляд на мне, сосчитал «четыре» и, заметив мою усмешку, сконфуженно прибавил: «пять, я сам пятый». Таким образом, то, что могло быть принято за галлюцинацию зрения, таковою вовсе не оказалось. Вообще подлинных галлюцинаций я у Ф. И. не мог констатировать. В этот период своего пребывания в больнице испытуемый мало вступал в разговоры с окружающими (однако в общении с вышеупомянутым арестантом, бывшим фельдшером, бывал замечен), имел вид серьезный, но спокойный, в сад ходил неохотно, больше пребывал на своей койке, причем (как уже сказано) довольно много спал. Симптомов прилива крови к мозгу и расстройств в сосудодвигательной системе я не мог усмотреть у него.

С вечера 20-го августа испытуемый вдруг начал (если употребить его собственное выражение) «бунтовать». Это бунтование состояло в говорении бессвязного набора фраз, в маршировании из угла в угол, в махании руками, в качании головою и всем корпусом, а также в поползновении рвать платье и белье. Бунтование не было непрерывным, но повторялось ежедневно или с неправильными промежутками в 1–3 дня, час-два утром и приблизительно столько же вечером, иногда только утром, иной раз только вечером; замечено, что оно возобновлялось именно тогда, когда испытуемый мог думать, что за ним наблюдают надзиратель или помощники последнего. В моем же присутствии Ф. И. и в этот период долгое время оказывался совершенно спокойным и вполне рассудительным. По ночам испытуемый не шумел, и за весьма редкими исключениями спал 6–8 часов и кроме того почти ежедневно спал еще утром или после обеда. Шумевшего Ф. И. приходилось изолировать в отделение для буйных больных и временами (когда он обнаруживал наклонность рвать платье и белье) его одевали в смирительный камзол. За все время «бунтования» объективно я не мог заметить в Ф. И. ничего особенного. Вазомоторных расстройств мне не приходилось констатировать; глаза, щеки и нос испытуемого в это время не были особенно красны, ибо при усиленном надзоре, а равно и при применении камзола Ф. И. было неудобно натирать себе лицо.

Находя испытуемого, кроме его «бунтования» обыкновенно вполне спокойным и могущим объясняться совершенно удовлетворительно, я на свой вопрос, что с ним было, получил в разное время следующие ответы: «я ничего не помню», «я был в затмении, ровно как сумасшедший, и ничего не понимал»; «мне снилось (во время «затмения», т. е. наяву) и снилось разное». При расспросах же относительно подробностей, а равно и при выставлении ему на вид противоречивости или прямой неправды (например, относительно бессоницы) в его объяснениях, испытуемый обыкновенно говорил: «не могу знать». Лишь один раз Ф. И. на мой вопрос, что именно снилось ему наяву, отвечал: «мне снилось все больше про Германию», а затем снова стал отделываться фразою: «не могу знать».

В этот период своего пребывания в больнице Ф. И. днем приходилось (пока я не нашел нужным рекомендовать относительно его более полную изоляцию) находиться посреди буйных больных, и по мере того, как он имел возможность наблюдать действительные проявления острого психического расстройства (именно маниакального неистовства), он становился смелее и стал пробовать, сначала робко, а потом решительнее, «бунтовать» и «чудить» и при мне. Так, объективно ничего другого не представляя, он в моем присутствии пробовал маршировать по комнате, делать, стоя на месте, качательные движения из стороны в сторону туловищем, вертеть головою направо и налево в лежачем положении на спине. Однако в это время со мною он говорил здраво и лишь был в своих ответах осторожен

и уклончив. На мои слова: отчего он, Ф. И., не говорит при мне, как без меня, нелепицы, испытуемый отвечал мне в таком роде: «теперь у меня никаких слов нету»; «я много говорил давеча — все кругом слышали». Иногда при этом он обнаруживал интерес к тому, доходит ли до моего сведения, как он вел себя в «сумасшествии», и вообще обращается ли достаточное внимание на проявления его болезни. Раз я ему объяснил, что мне желательно было бы самому слышать, как он заговаривается; тогда испытуемый, медленно выступая по комнате и мерно взмахивая руками кверху, начал выкрикивать: «мужики, бабы… мужики, бабы» и т. д. Других слов у Ф. И. тогда не нашлось при мне, да и не находилось еще довольно долгое время. Утром 10-го сентября я застал испытуемого одетым в камзол, ибо перед самым моим приходом он бунтовал особенно энергично. Приказав его развязать, я сел подле него с записною книжкой и пригласил Ф. И. «бунтовать» словами, чтобы я мог записать его бессмысленные речи. Тогда испытуемый (видимо подыскивая слова и временами останавливаясь от незнания, что говорить дальше) произнес, дословно, следующее: «Ну, пиши!.. Ну, вот я, связанный — развязанный теперича стал… За четырнадцать королей на два месяца, если понравится… мне, ежели понравится, то я готов так хоть на десять лет… Василий Федорович… Туркестанская область… Ну… Василий Федорович полугенерал, теперича составит — полный генерал… Это первой… Второй, — Василий Федорович, саженный на конвой Его Величества, двадцать четыре человека, старший один здесь… Третий — Василий Яковлев… Четвертый… — четвертый, младший, Василий Потапов… Ну… потом я сам, Ф. И., во имя Отца и Сына и св. Духа, а не х.я (это нецензурное выражение прибавлено тихим голосом с некоторою робостью)… Придите вся верные, еб..а мать… Аминь! Больше у меня не говорится». На мое замечание относительно странности примешивать к молитвенным словам недозволительные бранные выражения, испытуемый заключил: «это для меня теперь — все одно что матюк… Будет!.. устал, больше тебе теперича ничего не скажу». В приведенной речи Ф. И. последний обращается ко мне «на ты». Но такая фамильярность далась ему не сразу; в первый раз он попробовал (в ответ на мое приглашение побуйствовать в моем присутствии), с видом напускной фамильярности, отнестись ко мне «на ты» 25-го августа: «ну тебя… дай-ка лучше покурить», — но, встретив мой взгляд, он сильно сконфузился, потупил взор и видимо затруднился, как вести себя дальше. Когда же я во всеуслышание заметил бывшему со мной молодому врачу, что будь Ф. И. действительно сумасшедший, он в данную минуту не сконфузился бы, испытуемый окончательно растерялся, на глазах его навернулись слезы, он молча отошел в сторону и отвернулся лицом к стене. Наконец, привожу следующий характерный эпизод. Однажды в разговоре с испытуемым (это были 30-го августа) я вдруг сказал ему, что в его положении притворством можно себе скорее повредить, чем помочь;

Ф. И. при этом так смутился, что заплакал и тихим голосом робко спросил меня: «Как же мне оправить себя?»

После 10-го сентября Ф. И. уже не изображал из себя острого больного, почему и был из отделения буйных больных возвращен в арестантские палаты. С этого времени он вел себя тихо и прилично, отвечал на вопросы разумно, не натирал себе лица (краснота кожи на носу и щеках у него за это время уменьшилась), но все-таки сравнительно много валялся в постели, вследствие чего (при хорошем питании и отличном сне) обнаружил наклонность полнеть. Единственная особенность. замеченная за ним за это время, состояла в том, что иногда он (в присутствии надзирателя и помощников последнего, но не при мне) подходил к окну и молча делал (минуту, две) руками жесты по направлению к улице, при чем случалось, что он что-то шептал или изображал на лице своем улыбку; спрошенный, что сие означает, испытуемый отвечал: «так, ничего…» или «собак считаю». Во второй половине ноября эти выходки стали более редкими и к началу декабря совершенно прекратились. В настоящее время в поведении испытуемого ничего странного не наблюдается.

§ 4. Я считаю Ф. И. симулянтом на основании следующего:

a) Пока Ф. И. не успел свыкнуться с больничным режимом и присмотреться к окружающим его лицам (между которыми имеется достаточно сумасшедших), он не представлял собою ничего особенного. Равным образом все странности Ф. И. исчезли как раз с того дня, когда я ему объявил (умышленно раньше времени), что отчет о нем отослан в суд.

b) Объективно Ф. И. все время ничего болезненного не представлял, за исключением acne rosacea на лице и увеличенной печени. Даже в период его «бунтования» я не мог констатировать у него приливов крови к мозгу или вообще расстройств в сосудодвигательной сфере.

c) Все ночи, за исключением двух-трех, Ф. И. спал достаточно и даже много и почти каждый день спал кроме того днем. Его настойчивые уверения, что он постоянно не спит по ночам, решительно противоречат истине.

d) В период своего «бунтования» Ф. И. шумел и двигался не более двух часов подряд и видимо уставал («умаялся» — иногда заявлял он сам). Действительные же больные в течение месяцев могут буйствовать большую часть суток, не приходя от этого в видимое утомление.

e) Ф. И. старался буйствовать именно при надзирателе и его помощниках и непременно успокаивался в то время, когда мог думать, что за ним никто не наблюдает. В присутствии же врача он обыкновенно не начинал буйствовать. Кроме того, он обнаруживал живой и слишком видимый интерес к тому, как относится к его поведению врач. Действительно больные не заботятся о мнении окружающих и держат себя одинаково в присутствии наблюдателей и без оных.

f) Чтобы подделать прилив крови к голове, Ф. И. в то время, когда я являлся к нему в одни и те же часы дня, перед моим приходом нарочно держал голову низко для того, чтобы лицо у него покраснело. Кроме того, он намеренно натирал себе глаза, нос и щеки до красноты, а перестаравшись, однажды растер себе нос до опухоли.

g) Случалось, что Ф. И., неожиданно приведенный в смущение, весьма недвусмысленно обнаруживал мне свое решительное намерение «оправить себя». Стараниями, обдуманно направленными к оправке себя, поведение Ф. И. в больнице мотивируется совершенно достаточно.

h) Заставая иногда Ф. И. в самом буйстве, я прямо убедился, что состояние испытуемого с состоянием больных в острых случаях сумасшествия не имеет ничего общего. По науке и по практике я не вижу возможности насчитать больше шести различных состояний психического беспокойства:

1) Меланхолическое беспокойство (raptus melancholicus) есть не что иное, как рефлекторное обнаружение болезненной тоски; сюда подвести беспокойство Ф. И. едва ли кто рискует.

2) Беспокойство маниакальное; от него деланное беспокойство Ф. И. достаточно отличается отсутствием аффективности и отсутствием ускоренного течения представлений, видимым недостатком изобретательности у Ф. И., инертностью его фантазии. Кроме того, движения беспокоившегося Ф. И. не носили на себе того характера рефлекторности и автоматичности, который свойственен движениям маниака (подвижность маниака есть прямой результат органического раздражения психомоторной области головномозговой коры), но являлись движениями умышленными и направленными к определенной цели (т. е. сознательными или даже обдуманными действиями).

3) Беспокойство при острой форме первично-бредового психоза (paranoia acuta et subacuta) всегда соединено с расстройством процесса восприятия внешних впечатлений или, по крайней мере, с резким ослаблением внимания к окружающему. Напротив того, у Ф. И. способность внешнего восприятия всегда оставалась неизменною; он усиленно следил вниманием за всем, что его окружало, и старался не терять из виду ничего из того, что, по его мнению, могло иметь значение для него. Далее, все более острые состояния первично-бредового сумасшествия или паранойи характеризуются примарным возбуждением деятельности чувствительного представления и мысли, а также усиленной работой умозаключающего аппарата души; у Ф. И. не было же ничего подобного и нормальная для него подвижность его мысли и фантазии была даже прямо очевидною. Кроме того, при паранойе (не только галлюцинаторной, но и простой) бред весьма характерен и состоит из смеси (в разной пропорции) ложных идей преследования и величия. У Ф. И. настоящего же бреда вовсе не было, ибо бред есть прежде всего болезненное ложное *убеждение*, а те бессвязные речи, которые

Ф. И. старался выдать за бред (см. предыдущий §), суть не что иное, как умышленно бессвязный набор слов. Правда, ряд слов или фраз без тени общего смысла можно слышать у лиц, страдающих умственным расстройством много лет и потому пришедших к состоянию полного безумия (amentia secundaria, а по старому обозначению mania universalis), но такие лица совсем утратили способность устанавливать между своими представлениями апперцептивную связь. Напротив, у Ф. И. в ходе его ассоциаций взаимное отношение между ассоциативными и апперцептивными сочетаниями представлений такое же, как у нормального человека. Прибавлю еще, что в свежих случаях сумасшествия бред, не имея здравого смысла, не лишен смысла вообще и, кроме того, всегда представляет характер аффективности и имеет самое тесное отношение к новейшим внутренним интересам субъекта. Что касается до галлюцинаторного беспокойства, то оно есть подвид беспокойства параноического.

4) Состояния возбуждения эпилептического свойства характеризуются сильным помрачением сознания, резким расстройством процесса восприятия и отсутствием воспоминания за время приступа. У Ф. И. сознание же не помрачалось, процесс восприятия не расстраивался, внимание не только не терялось, но скорее обыкновенно было напряженным; пробелов в воспоминании у него тоже не имеется.

5) Беспокойство при вторичном безумии (dementia secundaria) есть скорее видимое, чем действительное, ибо оно происходит вследствие отпадения задерживающих моментов. У дементика всякое чувственное восприятие, всякое возникшее в мозгу (обыкновенно ассоциативным, а не апперцептивным путем) представление наклонно рефлектироваться наружу.

6) К последней категории я отношу все состояния возбуждения, не имеющие характера самостоятельности, но бывающие при разных органических поражениях головного мозга; здесь на первом плане будут стоять симптомы органического мозгового страдания (которых у Ф. И. нет), как то: расстройства чувствительности, дрожание, конвульсии, параличи, расстройство речи, изменения в зрачках.

Не желая быть неверно понятым, я должен выставить на вид следующее. Я не придаю большого значения тому обстоятельству, что протекшая в больнице фиктивная болезнь Ф. И. не подходит ни под одну из известных клинических форм душевного расстройства. При полиморфности психического расстройства (которую я, впрочем, не намерен преувеличивать) судебно-медицинская практика всегда может представить нам случай действительного сумасшествия, где болезнь и ее течение, т. е. комбинация и последовательность отдельных симптомов, не таковы, как в изученных до сего времени клинических формах умопомешательства. Тем не менее и новая, нигде еще не описанная форма душевного страдания может представить собою не что иное, как лишь новую комбинацию или новый поря-

док последовательности элементарных психопатологических состояний, возможное число которых весьма ограничено, и надо полагать, что они все известны уже теперь (тем более, чти в отдельности они в нашем опыте почти никогда не даются, а суть плод научной абстракции). Таким образом, в вышеизложенном я не проводил дифференциальной диагностики между состоянием Ф. И. и клиническими формами умопомешательства, но прямо указал, что беспокойство Ф. И. не похоже ни на один из возможных видов беспокойства при действительном умораcстройстве.

§ 5. Симуляция сама по себе не исключает душевного расстройства. В практике иногда встречаются комбинации симуляции с хроническим сумасшествием, равно как и со слабоумием природным или приобретенным. У Ф. И., по исключении явлений несомненно симулированных или по меньшей мере весьма сомнительных, на долю действительного сумасшествия, острого или хронического, ничего не остается. Слабоумия природного здесь нет: Ф. И. хорошо учился в школе, знает грамоту и отчасти арифметику и с молодых лет занимался, помимо домашнего хозяйства, торговлею в винной и мелочной лавке; все его знали за человека толкового, и другие крестьяне относились к нему уважительно. На вопрос же, не ослабли ли умственные способности Ф. И. от излишнего употребления спиртных напитков или от протекшей душевной болезни (если предположить, что таковая у обвиняемого действительно была), дают ответ результаты моего последнего подробного исследования Ф. И. в день 9-го ноября (здесь видно состояние обвиняемого после его болезни, по моему мнению, притворной).

Ф. И. был в течение этого исследования вежлив и приличен, разговаривал охотно и рассудительно: сообщил мне достаточно обстоятельные сведения о своей прежней жизни, оказался помнящим все, что происходило с ним прежде, а также и все то, чему его учили в школе. Он порядочно читает; может рассказать своими словами прочитанное, если взять коротенький рассказ или отрывок не из мудреной книги. Умеет писать. Знает все четыре правила арифметики, помнит все те молитвы, которые знал прежде. С деньгами обращается ловко и умело, пересчитывает мелкую монету быстро и верно. В разговоре обнаруживает достаточное понимание условий жизни и своей роли в ней. Таким образом, ослабления деятельности собственно интеллектуальной здесь признать нельзя. К резкому слабоумию приводит лишь многолетнее пьянство, обвиняемый же слишком молод для того, чтобы быть очень давним пьяницей. Впрочем, первую степень алкогольного слабоумия, выражающуюся в тупости нравственного чувства, можно принять в данном случае на том основании, что Ф. И., убив свою жену, не чувствует, по-видимому, ни малейшего угрызения совести, ни малейшего сожаления о своей жертве. Он всецело занят внутренне тем, чтобы «оправить» себя, и стараний в этом направлении еще не вполне оставил. Так, в день 9-го ноября, будучи объективно совсем

нормален и давая о себе ответы как следует, он временами (как бы вдруг спохватившись) пробовал представиться непомнящим некоторых фактов своего прошлого; равным образом, правильно сказав в разбивку почти всю таблицу умножения, он, после того, как уже говорил $7 \times 7 = 49$, $8 \times 9 = 72$ и $6 \times 7 = 42$, на повторный вопрос, чему равно 7×7, вдруг (и видимо нарочно) начал утверждать, что $7 \times 7 = 35$. При дальнейшем же ходе исследования оказалось, что он удовлетворительно помнит и те факты, относительно которых четверть часа тому назад отговаривался запамятованием. Будучи спрашиваем об обстоятельствах своего преступления, он пробелов в воспоминании хотя бы относительно короткой части дня 15-го января не обнаружил, но весьма сильно подчеркивал то обстоятельство, что был психически расстроен за год до преступления, причем (в противность данным предварительного следствия) настаивал, что и в 1888 году он не был здоровее, чем в 1887 году. Равным образом, он видимо преувеличивал свою приверженность к спиртным напиткам и говорил (несогласно с показаниями свидетелей), что и в день преступления и накануне он был сильно пьян («едва на ногах стоял»).

Симуляция Ф. И. слабоумия вовсе не показывает и скорее может служить доказательством предприимчивости обвиняемого и настойчивости в его характере. Притворяться сумасшедшим ловчее, чем это делал Ф. И., для малограмотного крестьянина, ни теоретически, ни практически с проявлениями умственного расстройства незнакомого, трудно. Если Ф. И. смущался при надлежащей постановке вопросов и, так сказать, выдавал себя, то это происходило не от глупости обвиняемого, а от того, что последнему, как человеку малоразвитому, невозможно было приготовиться ко всяким неожиданностям; с другой стороны, способность быть сконфуженным может лишь служить относительно Ф И. доказательством, что он еще новичок в искусстве обманывать.

§ 6. Наследственного предрасположения к душевным болезням у обвиняемого, сколько известно, не имеется, но мать его страдала в молодости какими-то нервными припадками (л. след. 25 об.). Дед и отец обвиняемого были здоровы, но оба привержены к спиртным напиткам, причем отец в молодости однажды допьянствовался до белой горячки (я имел случай в больнице лично объясняться с отцом обвиняемого и получил от него нужные для меня сведения). Сам обвиняемый всегда был здоров, толков, расторопен, общителен, в жизни отличался практичностью. Выучившись грамоте, он с 18 лет торговал в деревне С-но в винно-мелочной лавке, занимался, кроме того, домашним хозяйством и производил мелкие торговые операции, главным образом по поручению своего отца. Отец обвиняемого жил в деревне Н-ке и имел там также лавку. Ф. И. женился 20 лет от роду и, как говорят свидетели, долгое время жил с женою мирно. Сам обвиняемый утверждает, что давно уже подвержен постоянному злоупотреблению

спиртными напитками, в особенности водкою и ромом, и этому можно поверить ввиду того, что, несмотря на сравнительно молодой возраст, у обвиняемого имеются некоторые физические признаки хронического алкоголизма (acne rosacea, увеличенная печень). Показаниями родственников обвиняемого и других свидетелей установлено, что зиму 1886–87 года обвиняемый был не совсем в здравом уме. Он сделался крайне раздражителен, получил отвращение к своей жене, начал с нею ссориться, укорять ее никогда не существовавшими любовниками, и одно время не признавал своим рожденного ею ребенка. В припадках раздражения Ф. И. кидался бить жену, причем доставалось и посторонним лицам, если они пробовали за нее вступиться. Из слов отца видно, что Ф. И. и на него раз или два набрасывался с поднятыми кулаками. Сам Ф. И. зиму 1886–87 г. жаловался, что временами он бывает забывчив, чувствует головокружение, не понимает или не помнит того, что делает. Кроме того, он тогда сообщал однодеревенцам, что страдает головной болью, чувствует боль в области сердца и тоску. В ту же зиму один свидетель видел, как в Устве на постоялом дворе Ф. И., совершенно трезвый, проделывал над кошкою такие непозволительные штуки, какие человек в здравом уме ни за что делать не станет (л. 17 об.). Домашние, желая излечить Ф. И. от приступов боли и нервного раздражения и тоски, заказывали молебны, возили Ф. к знахарям, и в январе 1887 года свозили его в г. Кронштадт к священнику о. Иоанну. После поездки в г. Кронштадт Ф. быстро поправился и с тех пор никто из домашних однодеревенцев и сторонних лиц не замечал в Ф. И. ничего ненормального.

По тем признакам, которыми выражалась непродолжительная болезнь обвиняемого, должно признать, что зимою 1886–87 года у Ф. И. начиналось алкоголическое уморасстройство с предсердечной тоскою и ложными идеями о неверности жены (melancholia alcoholica) (шутки с кошкою очень хорошо характеризуют оттенок острого слабоумия, вообще присущий алкоголическим психозам). Но Ф. И. быстро излечился от этой болезни, вероятно, потому, что после поездки к о. Иоанну стал меньше пить. С масленицы 1887 года, как по всему видно, обвиняемый совершенно здоров.

§ 7. Непосредственно перед днем преступления Ф. И. ни малейших ненормальностей не обнаруживал. Накануне дня 16-го января 1888 года обвиняемый ездил в деревню Озерешно, купил там корову (при чем из 35 рублей выторговал 10 р.) и привел ее с собой, захватив и прежнего хозяина коровы крестьянина Ал. Гр.; последний ночевал у Ф. И., ничего ненормального в Ф. не видел и ничего неприязненного в отношениях между Ф. и его женой, Федосьей, не заметил. Утром 15-го января (пятница и не праздник) и Ф. и жена его казались веселыми. Ф. И. рассчитался с Гр., предложив ему завтрак, и выпил с ним «литки» («стаканчик, а может и другой», л. 8), но пьян не был. Около середины дня Ф. И. пригласил свою жену

в холодную половину избы (для супружеских отправлений), но скоро оттуда пришел к своей матери и попросил последнюю идти посмотреть, что он наделал. В холодной избе оказался труп задушенной Федосьи И., еще не успевший остыть. Свидетелей преступления не было. Сам обвиняемый объяснил (л. 11) следователю так: в холодной избе, повалив жену на кровать, он собирался приступить к половому акту, но Федосья его вдруг оттолкнула, вскочила с кровати и начала ругаться, упрекая его, что он связывается с распутными женщинами и имел на стороне любовницу; при этом вцепилась мужу в лицо, расцарапав последнее до крови. Придя в ярость, Ф. И. кинулся на жену и стал ее душить руками. Заметив, что лицо Федосьи потемнело, он оставил свою жертву и, испугавшись содеянного, выбежал на двор и короткое время «бегал там как шальной», потом пошел к матери и заявил ей о содеянном. По словам матери обвиняемого, Федосья была вздорного характера, всячески обманывала мужа и упрекала его всякой всячиной (л. 8). Сам обвиняемый пояснил мне, что жена ругала его главным образом из ревности, ибо он не избегал общества веселых женщин; кроме того, Федосья неосновательно подозревала его в любовной связи с одной из родственниц ее, Федосьи И., крестьянкою Марьею Николаевою. С Рождества 1886 года жена стала ему противною, и он указывал мне на это обстоятельство, приводя его в непосредственную связь со своим душевным расстройством в зиму 1886–87 г. По словам обвиняемого, за последний год ему не раз «случалось в душе молиться, чтобы Бог ее скорее прибрал». Это обстоятельство я привожу вовсе не для того, чтобы набросить на дело Ф. И. тень предумышления (обстановка преступления предумышленности не показывает), но лишь ввиду следующего психологического соображения: на ненавистного человека легче, чем на человека любимого, раздражиться до такой степени, чтобы начать душить его за горло.

§ 8. Остается обсудить самое главное: находился ли обвиняемый при совершении своего деяния в аффекте, не выходящем из границ физиологических (т. е. в запальчивости или гневном раздражении), или же был он тогда в аффекте патологическом (т. е. в умоисступлении).

С одной стороны, должно иметь в виду следующее. Долгое злоупотребление спиртными напитками, расстраивая нервную систему, делает человека весьма раздражительным и наклонным впадать как в физиологические аффекты запальчивости и гнева, так и в умоисступление. У обвиняемого имеются некоторые из физических признаков хронического алкоголизма. В зиму 1886–87 г. Ф. И. в течение 2–3 месяцев находился в состоянии либо тождественном, либо весьма близком к подострым умственным расстройствам пьяниц и в то время неоднократно впадал в приступы болезненной ярости, граничащей с умоисступлением. Отвращение обвиняемого к жене, если это обстоятельство будет установлено, может быть, имеет патологическое происхождение, ибо на появление чувства отвращения к женщине,

прежде любимой, можно взглянуть как на *психическое* обнаружение хронического алкоголизма.

С другой стороны, нельзя оставить без внимания нижеследующее. Около года Ф. И. никаких признаков душевного расстройства не проявлял и ничем не отличался от человека здорового (если не иметь в виду вышеупомянутого отвращения к жене, так как это — пункт спорный и допускающий различные объяснения). Приступов раздражения у него за это время не было. В течение полугодового наблюдения в больнице св. Николая Чудотворца он не только ни разу не раздражался, но и ничем не подал повод считать себя субъектом раздражительным. Не только психических, но и просто нервных симптомов хронического алкоголизма наблюдение в больнице у обвиняемого не открыло. Если, несмотря на все это, мы (на основании сведений из прошлого обвиняемого) примем, что в данном случае аффект, выразившийся в преступлении, имел место на *патологической* почве, то все-таки не получим умоисступления, ибо патологическая почва (нервозность, болезненная раздражительность) предрасполагает к аффектам вообще и не исключает возможности аффекта физиологического. Болезненный аффект (умоисступление) по науке представляет, по сравнению с физиологическим аффектом, известные особенности, а именно: a) на высшей точке патологического аффекта сознание расстраивается настолько, что соответственно этому времени получится пробел в воспоминаниях; b) реакция на преступление, содеянное в припадке умоисступления, отличается своеобразностью: человек относится к своему делу ненормально равнодушно, почти как к делу другого лица, и самый припадок умоисступления если не всегда, то весьма часто оканчивается глубоким сном (из которого человек пробуждается, ничего не помня о содеянном); c) акт преступления при состоянии явного умоисступления почти всегда отличается излишнею жестокостью, которая даже одна может навести на мысль, что преступление совершено в исключительном психическом состоянии; d) если допускать случаи умоисступления, вышеуказанных признаков не представляющие, то для того, чтобы распознать умоисступление, нужно, по меньшей мере, констатировать несоответствие повода к аффекту с получившимся результатом, или показать ненормально большую напряженность и длительность состояния запальчивости и раздражения. Что касается до Ф. И., то состояние его во время совершения преступления признаков a, b, c не представляет. <…>[35] не мог констатировать у него пробелов в воспоминании; сам он тотчас после преступления на беспамятство не ссылался, а следователю сообщил, даже с большою обстоятельностью, как происходило дело. Если он испугался, увидав, что Федосья «по-

[35] Печатается по оригиналу, вероятно, при публикации в 1890 году утрачена часть текста. — *Примеч. ред.*

чернела», и убежал во двор «как шальной», то это есть скорее нормальная реакция на неожиданно совершенное убийство. Ненормально большой длительности аффекта у Ф. И. не было, ибо когда он, задушив жену, пошел к матери, он был уже не в аффекте. Чрезвычайную выраженность аффекта здесь можно допустить не иначе, как вообще отвергнув возможность аффективного совершения убийства вне состояния умоисступления. Наконец, несоответствия повода с результатами здесь не вижу; на мой взгляд, повод здесь достаточно весок: неожиданное оскорбление не только словами, но и действием (оцарапывание лица), и притом внезапно полученное в такой момент (момент перед самым началом полового акта), когда не только оскорбление со стороны предмета ласк, но и простая помеха может привести страстного, но совершенно здорового человека в ярость.

§ 9. Результаты моего исследования умственного состояния крестьянина Ф. И. кратко могут быть выражены так.

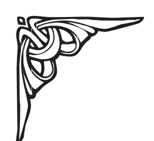
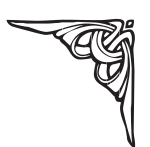
I. В настоящее время Ф. И. к числу сумасшедших либо безумных не принадлежит. Заметного ослабления деятельности собственно интеллектуальной (т. е. слабоумия) у него тоже не видно.

II. Приблизительно за год до преступления Ф. И., вследствие пьянства, был близок к сумасшествию, но скоро вполне выздоровел; в январе 1888 года он не был расстроен психически.

III. Психическое состояние Ф. И. при совершении последним убийства жены, насколько это состояние выяснено данными предварительного следствия, признаков явного умоисступления (и беспамятства) не представляет, несмотря на то, что болезнь, которою страдал два-три месяца Ф. И. в зиму 1886–87 года, была именно болезнью, весьма предрасполагавшею к припадкам умоисступления.

IV. Вполне признавая трудность сделать в пограничных случаях верное распознавание между аффектом физиологическим и аффектом патологическим, я более склонен видеть в данном случае не умоисступление, а аффект гневной запальчивости, причинивший смертоубийство в зависимости от некоторых случайных условий, как то: a) неожиданность получения оскорбления (словами и действием); b) момент перед самым началом полового акта, когда человек и в пределах физиологии усиленно предрасположен к аффектам.

С.-Петербург, 5-го января 1889 года

ПРИЛОЖЕНИЯ

Смѣсь.

В. Х. Кандинскій

3-го іюля сего года на дачѣ близъ Петербурга скончался, нашъ сотрудникъ, старшій ординаторъ больницы Св. Николая, *В. Х. Кандинскій*. Покойный былъ родомъ изъ Забайкальской Области, гдѣ родился въ 1849 г. Учился въ 3 Московской гимназіи, а затѣмъ въ Московскомъ Университетѣ по медицинскому факультету. По окончаніи курса онъ поступилъ на службу въ Московскую временную больницу, а за тѣмъ во флотъ, при чемъ принималъ участіе въ Турецкой войнѣ въ 1877—78 гг. и былъ въ дѣлѣ подъ Батумомъ. Вышедши въ отставку, онъ нѣкоторое время жилъ въ Москвѣ, занимаясь медицинскимъ литературнымъ трудомъ, при чемъ всю свою душу приложилъ къ изученію душевныхъ и нервныхъ болѣзней. Въ 1881 г. онъ занялъ мѣсто ординатора въ больницѣ Св. Николая Чудотворца въ Петербургѣ, въ каковой должности состоялъ до дня преждевременной кончины. Переживая въ своей жизни много много тяжкихъ и несчастныхъ дней и недѣль, онъ находилъ себѣ утѣшеніе въ медицинскомъ литературномъ трудѣ и этимъ минутамъ его жизни мы обязаны прекраснѣйшимъ переводомъ на русскій языкъ сочиненія Wundt'а „Основы физіологической психологіи“ и другихъ серьезныхъ работъ. Помимо переводныхъ и рефератныхъ работъ, В. Х. оставилъ послѣ себя незыблемый памятникъ въ видѣ оригинальныхъ работъ, изъ которыхъ мы укажемъ на болѣе серьезныя: „Общепонятные психологическіе этюды“, Klinische und kritische Betrachtungen im Gebiete der Sinnestäuschungen“, „Случай сомнительнаго душевнаго состоянія предъ судомъ присяжныхъ“, помѣщена въ Архивѣ психіатріи, нейрологіи и судебной психопатологіи“, 1883 г.,—„Очеркъ исторіи воззрѣній на душу человѣка и животныхъ“ и многія другія. Прекрасный семьянинъ, рѣдкій товарищъ, серьезный труженикъ науки, честнѣйшій гражданинъ, Викторъ Хрисанфовичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ русскихъ психіатровъ, которые всей душой любили свою родину, всецѣло отдавали ей душу и жизнь и были истинными русскими людьми. Миръ праху твоему, дорогой товарищъ, память же о тебѣ никогда не померкнетъ въ умахъ истинно русскихъ людей.

Проф. П. И. Ковалевскій.

Архив психиатрии, нейрологии и судебной психопатологии. — 1889. — Т. 1. — № 1–2. — С. 256

Чиж В. Ф.

ВИКТОР ХРИСАНФОВИЧ КАНДИНСКИЙ (НЕКРОЛОГ)

Печатается по изданию:
Чиж В. Ф. Виктор Хрисанфович Кандинский [некролог] //
Медицинское обозрение. — 1889. — Т. 32, № 14. —
С. 188–190

Виктор Хрисанфович Кандинский, старший ординатор больницы св. Николая в СПб., скончался 3 июля.

Покойный родился в Забайкальской области в 1849 г., учился в 3-й Московской гимназии; в 1872 году окончил медицинский факультет Московского университета и поступил на службу в Московскую временную больницу (ныне 2-я Городская больница), а в 1876 году перешел во флот, где и оставался до 1879 года. В кампанию 1877–78 гг. участвовал в деле против неприятеля, именно под Батумом. В 1881 году В. Х. получил место сверхштатного ординатора в больнице св. Николая Чудотворца, а в 1885 году по конкурсу занял место старшего ординатора этой же больницы.

Будучи на третьем курсе медицинского факультета, покойный был удостоен серебряной медали за сочинение «О желтухе». В первые два года издания «Медицинского обозрения» он был деятельным его сотрудником. Кроме перевода «Основ физиологической психологии» Вундта, он издал в своем переводе речь Мейнерта «Механика душевной деятельности». Его статьи «Очерк истории воззрений на душу человека и животных», «Нервно-психический контагий», «Современный монизм» получили широкое распространение. Следует упомянуть о его работе «Случай сомнительного душевного состояния перед судом присяжных». Его труд «Klinische und kritische Betrachtungen im Gebiete der Sinnestäuschungen» был награжден от Общества психиатров в С.-Петербурге премией врача Филиппова.

В. Х. состоял членом трех ученых обществ: Московского медицинского, Психологического в Москве, и Общества психиатров в С.-Петербурге.

7-го июля небольшой кружок товарищей хоронил покойного; пронесши почти версту гроб его на руках, мы проводили его до Спасо-Парголовской церкви, где на крутом берегу озера выбрано ему место для могилы. Особенно трогательно и отрадно было участие в проводах надзирателей и надзирательниц, служивших с покойным. Сообщу факт почти невероятный: аптечный служитель больницы, после 12-летней службы первый раз отпросившийся в двухнедельный отпуск на родину, получив от своих сослуживцев телеграмму о смерти В. Х., немедленно из-за нескольких сот верст приехал обратно в Петербург, чтобы проститься с покойным.

Мне выпала честь сказать последнее прости покойному:

Дорогой товарищ! Я не был твоим другом и только потому могу говорить здесь: друзья твои слишком поражены твоею преждевременною смертью, чтобы быть в силах сказать тебе последнее прости; я был твоим знакомым и почитателем, и то едва могу говорить от душевного волнения; но я глубоко чувствую потребность, как русский ученый и один из твоих товарищей, выразить, как много в тебе потеряла наша наука и товарищи. Наша наука потеряла много, потому что ты был оригинальный, самостоятельный ум; твой крупный талант выразился в том, что задолго раньше других ты оценил сочинение Вундта «Grundzüge der physiologischen Psychologie». Много труда было потрачено тобою на перевод этого сочинения, и Россия обязана тебе образцовым переводом, в котором удивительно побеждены все трудности. Чтобы понять все значение этого твоего труда, припомним, что во Франции, стране, богатой учеными силами, перевод книги Вундта был сделан много позже.

Во всех твоих работах ты проявлял оригинальность и самостоятельность; ты не был чьим-либо учеником, не принадлежал к какой-либо школе; ты сумел понимать нашего высшего учителя — природу, что и проявлялось во всякой твоей работе: каждый судебно-психиатрический случай был тобою изучен со всею пытливостью талантливого натуралиста. Работая без помощи и содействия, ты издал большую клиническую работу «Klinische und kritische Betrachtungen и пр.» — работу, которая составляет украшение нашей отечественной психиатрии, и до настоящего времени бесспорно лучшее, что было сделано в этой области. Только тут счастие улыбнулось тебе: работа эта оценена и у нас, и за границей; твой оригинальный ум был понят оригинальным умом Германии — Шюле; между вами, незнакомыми друг с другом, установилась искренняя дружба, потому что вы оба способны понимать и уважать оригинальность.

Как ни тяжело нам потерять такого работника на научном поприще, каким был ты, мы еще более оплакиваем в тебе преждевременно скончавшегося товарища; ты обладал научным талантом, но ты был и истинно нравственным человеком, а нравственное совершенство, как справедливо говорит Вундт, встречается реже, чем совершенство умственное. Ты не поклонялся тем кумирам, которым поклоняется большинство, ты даже не понимал, как золото и почести могут возбуждать поклонение; ты до смерти сохранил чисто юношескую непорочность души; всегда ты поклонялся идеалам: истине, справедливости и красоте. Ты верил и всегда помнил, что ты сотворен по образу и подобию Божию, и всею душою стремился быть достойным созданием Творца; поэтому для тебя не было ни богатых, ни бедных, ни чиновных, ни безчиновных; для тебя твои ближние были только хорошие или дурные люди, достойные или недостойные быть подобием Божиим. Но жить тебе было тяжело; мало кто понимал и ценил тебя; тебе много пришлось вытерпеть и больше всего, конечно, от тех, кто никогда и ничему, кроме золота и почестей, не поклонялись и для кого ты, человек

убеждения, человек идеалов — являлся живою укоризною; наконец, дорогой товарищ, ты не выдержал…

Да послужит же нам память о твоей светлой, чистой личности путеводной звездой в стремлении к тем идеалам, которые так дороги были тебе.

В. Ф. Чиж

Снежневский А. В.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК В.Х. КАНДИНСКОГО

Печатается по изданию:
Снежневский А. В. Биографический очерк В.Х. Кандинского // Кандинский В. Х. О псевдогаллюцинациях. — М.: Медгиз, 1952. — С. 147–167.

Жизнь и деятельность В. Х. Кандинского были непродолжительны. Он умер сорока лет в расцвете своих творческих сил.

Родился В. Х. Кандинский 6/IV 1849 г. в Нерчинском районе Забайкальской области. Гимназию он окончил в Москве в 1867 г.; медицинский факультет Московского университета — в 1872 г. С 1872 по 1875 г. работал в соматической больнице в Москве (теперь 2-я Градская). В 1876 г. он служил в Военно-морском флоте и принимал участие в русско-турецкой войне. Постоянная психиатрическая практическая деятельность В. Х. Кандинского началась с 1881 г. — со времени поступления его на должность ординатора петербургской больницы Николая Чудотворца, в которой он и работал старшим ординатором до самой смерти.

Умер В. Х. Кандинский 3/VIII 1889 г.[1]

Научными исследованиями В. Х. Кандинский, несмотря на перегруженность практической работой, занимался постоянно, с самого начала врачебной деятельности. Первые его исследования были в области соматической медицины, все последующие, начиная с 1879 г., посвящены проблемам психиатрии. За десять лет им было опубликовано шесть работ по психиатрии, из которых три были монографическими. Среди последних монография «О псевдогаллюцинациях» получила всемирную известность.

Наряду с медицинскими исследованиями, В. Х. Кандинский, обладая энциклопедическими знаниями, занимался философией. Еще в 1881–1882 гг. им были опубликованы две монографии: «Общепонятные психологические этюды» и «Современный монизм». В обеих этих работах популярно изложены история и состояние различных философских учений.

Свое философское мировоззрение В. Х. Кандинский определял как реалистический или материалистический монизм. По этому поводу он писал:

[1] *Иванов Н. В.* Виктор Хрисанфович Кандинский // Невропатология и психиатрия. 1949. № 2. С. 8.

«Понятия о внешнем мире никогда не могли бы возникнуть в нас, если бы не побуждал нас к тому объективный мир. Признание реальности внешнего мира характеризует реализм»[2].

«Мы можем назвать монистическими те философские системы, в которых мир вместе со всеми действующими силами является единством и объясняется из одного общего положения или из одного верховного принципа, в противоположность системам дуалистическим, которые сводят все сущее к двум совершенно различным началам, к двум субстанциям, одной материальной или телесной и другой — духовной… Представители монистического направления утверждают полное единство, полную неразделимость обеих форм бытия — бытия материального или телесного и бытия духовного… Тело и душа, материя и дух при всей видимости их противоположности сводятся к единству, потому что это — различные стороны одной и той же вещи… Первоначальное состояние мира не могло быть покоем, потому что из покоя без внешней причины никогда не родится движение… Мир в том виде, в каком он существует теперь, есть продукт развития, а развитие есть непрерывный переход от простого к сложному, от однородного к разнообразию, от низшей ступени сознания к высшей…»[3]

Монизм, по В. Х. Кандинскому, «обобщая результаты положительной науки, дает объяснения на все явления мира»[4]. Он, прежде всего, опирается на важнейшие открытия естествознания. К ним Кандинский относил открытия Ламарка, Лайеля и Дарвина. В частности, касаясь развития животного мира, В. Х. Кандинский писал: «Отделение мира человека от мира животных началось с того момента, когда четырехрукий примат стал употреблять орудие, сначала, конечно, самое первобытное, например, дубину, камень вместо молота и т. п. …Совместная деятельность первобытных людей… дала начало языку…»[5]

По поводу сущности психической деятельности В. Х. Кандинский писал: «Если мы не хотим становиться в разрез с положительной наукой, то мы не можем смотреть на психическую жизнь иначе, как на часть общей жизни, и, следовательно, должны признать психическую деятельность, свойственную в большей или меньшей степени всем живущим существам животного царства… Психическая деятельность, как показывают факты физиологические и психологические, связана с известными телесными органами и без них не может быть представлений… вся психическая деятельность может быть сведена на механизмы, т. е. объяснена в том же роде, как мы объясняем весь мир[6]… Мысль есть не что иное, как функция мозга»[7].

---

[2] *Кандинский В. Х.* Общепонятные психологические этюды. 1881. С. 121.

[3] *Кандинский В. Х.* Современный монизм. 1882. С. 3, 8, 9.

[4] Там же. С. 31.

[5] Там же. С. 30.

[6] *Кандинский В. Х.* Общепонятные психологические этюды. С. 121, 122.

[7] *Кандинский В. Х.* Современный монизм. С. 17.

Говоря о человеческом сознании, В. Х. Кандинский указывал: «Сущность сознания нам, конечно, неизвестна; но есть основание думать, что молекулярное движение, лежащее в основании бессознательного акта чувствования, и молекулярное движение, обусловливающее сознательное ощущение… различаются главным образом по степени… Теплота есть тоже род молекулярного движения. По мере нагревания свинца молекулярное движение в нем усиливается, но сначала мы, кроме увеличения теплоты, ничего особенного не замечаем. Наконец, наступает такой момент, когда твердое прежде тело вдруг становится жидким, т. е. расплавляется. Таким образом, усиление молекулярного движения причинило совершенно особое явление — изменение формы тела» [8].

В области гносеологии В. Х. Кандинский исходил из положения, что «в данных чувствования мы можем истолковать всю вселенную, потому что чувствование и есть источник всякого познания…» [9] Познание «отправляется не от непознаваемой сущности, а от реальных вещей, их свойств, включая в число вещей и нас самих с нашим внутренним свойством — сознанием» [10]. Соглашаясь с Льюисом, В. Х. Кандинский писал: «Если абсолютное есть сумма всех вещей, то нам, очевидно, познаваемо и оно как в конкретах, так и в отвлечениях от последних… Всех возможностей реальности мы, конечно, не исчерпаем, но от этого наше знание не менее достоверно и абсолютно. Истина не делается менее достоверной от того, что со временем будут найдены другие истины, заключающие ее в себе как частность» [11]. Поэтому существование объективного мира таким, как оно отражается чувствованием, для В. Х. Кандинского было бесспорным, ибо «какое мы имеем право предполагать, что реальность независимо от ощущения должна быть другой, чем в нашем ощущении, если ощущение признается частью этой реальности?» [12]

Наряду с установлением этих материалистических положений, В. Х. Кандинский исключительно проницательно для своего времени вскрыл идеалистическую сущность воззрений большинства ученых. Он писал: «Мы говорим о том идеализме… на принципах которого останавливаются многие, если не большинство, из современных светил физиологической и психологической науки». «Так, Рокитанский говорит, что именно атомистическая теория составляет опору идеализма. „Как материя вообще, так и составляющие ее атомы суть не что иное, как явление или представление, и как относительно материи, так и относительно атомов можно спросить — что они такое сами по себе, независимо от представления, что от вечности выражается ими…“ Мейнерт, больше, чем кто-либо другой, потрудивший-

---

[8] *Кандинский В. Х.* Общепонятные психологические этюды. С. 132.

[9] Там же. С. 149.

[10] *Кандинский В. Х.* Современный монизм. С. 31.

[11] *Кандинский В. Х.* Общепонятные психологические этюды. С. 150.

[12] Там же. С. 152.

ся над микроскопическим строением мозга и хода проводящих путей в нем, утверждает, что пространство и время не имеют никакой объективности. Время есть мысль, пространство есть также продукт ума… Мир доступен нам только через чувства, а чувства, как говорит Гельмгольц, не дают нам ни самих вещей, ни даже верных образов их, а только отношение этих вещей к нам… Спенсер говорит: „Мы можем мыслить о материи только в терминах духа, мы можем мыслить о духе только в терминах материи. В конце концов мы должны придти к непостижимому. Оба фактора сознания: объективный и субъективный, неизвестны по природе и познаваемы только в их феноменальных обнаружениях“» [13].

Современно звучит замечание В. Х. Кандинского о том, что Англия — «…страна смешения материалистических воззрений с религиозными верованиями… В Англии же и родственной ей Америке ученые легко становятся спиритуалистами» [14]. В Америке особенно сильны религиозные движения, «…подающие повод к возникновению многочисленных сект и учений, часто весьма странных. Движения возникают во время каких-нибудь общественных бедствий, например, во время голода или после финансового кризиса; при таких условиях… легко возрождается с небывалою силою идея обращения к богу… к этому движению примыкают люди, не знающие раньше другого бога, кроме денег» [15].

Так же остра и его критика вульгарного материализма. «Материализм (Бюхнер, Молешотт. — *А. С.*) прав только тогда, когда он борется с ходячим дуализмом, но он не умеет сладить с результатами критики познания. Этими результатами завладевает идеализм, но он или переходит в дуализм, или вступает в противоречие с философией действительности» [16].

Такова одна сторона воззрений В. Х. Кандинского, практического врача, не имевшего специального философского образования и вместе с тем самостоятельно обобщившего достижения философии, психологии и естествознания своего времени.

Однако монизм В. Х. Кандинского не был последовательным, цельным материалистическим мировоззрением, к которому он стремился в течение всей жизни. «В стройном миросозерцании нет места прорехам, и цепь умозаключений, имея точкою исхода конкретные факты опыта, должна, не прерываясь, восходить до высших обобщений нашей мысли» [17]. Пройдя мимо учения Маркса и Энгельса, не принимая активного участия в движении русских революционных демократов, В. Х. Кандинский предпринял тщетную попытку преодоления идеализма «на высшем уровне — уровне

---

[13] *Кандинский В. Х.* Общепонятные психологические этюды. С. 149, 150.

[14] Там же. С. 33.

[15] *Кандинский В. Х.* Нервно-психические контагии и душевные эпидемии. 1881. С. 2, 17.

[16] *Кандинский В. Х.* Общепонятные психологические этюды. С. 120.

[17] *Кандинский В. Х.* К вопросу о невменяемости. Предисловие. 1890.

„критического познания“». Это стремление привело лишь к созданию противоречивой системы, в которой причудливо переплетены материалистические, даже диалектические идеи и идеалистические положения.

Философская система В. Х. Кандинского — это трагические противоречия пытливого, бесспорно исключительно талантливого ума, связанного отсталостью уровня жизни своей страны и непреодоленной ограниченностью политического сознания мелкобуржуазного интеллигента. В этом отношении В. Х. Кандинский был противоположностью своего гениального современника Н. Г. Чернышевского, о котором В. И. Ленин писал: «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников. Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса» [18].

Определяя эклектизм как механическое соединение всех теорий и сам иронически отзываясь о тех, кто «впадает в эклектизм, предполагая, вероятно, что это лучший путь к истине», В. Х. Кандинский, в свою очередь, был ярким примером эклектизма в философии. Так, вслед за высказываемым убеждением в существовании независимого от сознания реального мира у В. Х. Кандинского постоянно возникали сомнения: «…хотя мы необходимо должны предположить объективное бытие, мы убеждаемся, что форма, в которой это бытие становится доступным нашему познанию, существенно обусловливается фактами сознания. Ощущение есть субъективная форма, в которой мы реагируем на внешние впечатления; пространство и время зависят от субъективных законов синтеза представлений; понятия причинности и субстанции, без которых мы не можем обойтись при объяснении себе мира, имеют психологическое начало. Но эти понятия никогда не могли бы возникнуть в нас, если бы не побуждал нас к тому объективный мир» [19].

Познание мира он ограничивал только чувственным источником и явно недооценивал значение абстрактного мышления. В этом отношении он полностью соглашался с Льюисом, который говорил, что «…для нас совершенно довольно познаваемости вещей в чувствовании» [20].

В области проблемы мышления и речи В. Х. Кандинский, находясь в плену у махистов и вульгаризаторов социальных проблем, отрицал единство мышления и речи. Он, соглашаясь с Гейгером [21] и Нуаре [22], считал, что речь возникла из междометных рефлекторных выкриков, сопровождавших трудовые процессы, и предшествовала развитию мышления. Подобный разрыв

[18] *Ленин В. И.* Сочинения. 4-е изд. Т. 14. С. 346.

[19] *Кандинский В. Х.* Общепонятные психологические этюды. С. 120, 121.

[20] Там же. С. 150.

[21] *Geiger L.* Ursprung und Entwickelung der menschlichen Sprache und Veroemft. 1862.

[22] *Noire L.* Der monistisohe Gedanke. 1870.

речи и мышления привел В.Х. Кандинского, как об этом упоминалось в предисловии, к некоторым ошибочным положениям и в области психопатологии.

Касаясь социальных условий жизни, В.Х. Кандинский, упрекая Гегеля в том, что тот мирился с политическим гнетом, постоянно высказывал веру в лучшее будущее. «Мир, в котором мы живем, не наилучший из всех возможных миров… не наихудший… не единственно возможный… но он дает широкое поле для индивидуальной самодеятельности… Великое утешение — знать, что жизнь мировая, индивидуальная и общественная, есть развитие; это значит, что будущее обещает быть лучше настоящего. Как мы знаем, борьба за существование есть важный фактор органического развития. Но из этого не следует, что всегда будет продолжаться такой порядок вещей, в котором homo homini lupus. Пока существует человечество… оно не сойдет с пути развития, а этот путь, все более и более отдаляя людей от животных, приведет, наконец, к иным, истинно человеческим порядкам» [23]. Правда, В.Х. Кандинский ждал только постепенного улучшения человеческого общества. «Природа и действительность резких скачков не знает» [24], — он был далек от мысли о революции, так же как его эклектичная философия была непохожа на цельное материалистическое воззрение Н.Г. Чернышевского. Если для последнего «цель истинной философии — служить жизни, живой деятельности борющегося народа» [25], то для В.Х. Кандинского философия «занимается высшим обобщением результатов, добытых наукой, и стремится дать ключ к пониманию всех явлений мира» [26], т.е. является наукой наук.

В приведенном сопоставлении воззрений Н.Г. Чернышевского и В.Х. Кандинского особенно рельефно выступает общественно-политическое лицо последнего, бывшего всегда только либералом.

Если философское воззрение В.Х. Кандинского характеризовалось эклектизмом, то его психопатологические и клинические исследования были стихийно материалистическими. В.Х. Кандинский был одним из основателей отечественной психиатрии, наиболее крупным представителем ее основного, физиологического направления.

Отечественная научная психиатрия создавалась не только в клиниках и научно-исследовательских институтах, — не менее ценные исследования, определившие развитие отечественной и мировой психиатрии, были созданы больничными врачами (З.И. Кибальчич, В.Ф. Саблер, П.П. Малиновский, Ф.И. Герцог, А.Н. Пушкарев, А.Д. Драницин, В.Х. Кандинский, О.А. Чечотт, Н.В. Краинский, В.Л. Коссаковский, А.С. Розенблюм, А.Д. Коцовский и др.) в обычных психиатрических больницах, где критерий прак-

---

[23] *Кандинский В.Х.* О современном монизме. С. 32.

[24] *Кандинский В.Х.* К вопросу о невменяемости. С. 29.

[25] *Розенталь М.* Философские взгляды Н.Г. Чернышевского. 1949. С. 44.

[26] *Кандинский В.Х.* Современный монизм. 1882. С. 18.

тики беспощаден в отношении всех теорий. Только в условиях больничной работы можно проверить ценность каждого теоретического воззрения, то, что не находит применения в больнице, ложно в самом своем основании. Этот неумолимый критерий практики и обусловил стихийность материалистических позиций исследований В. Х. Кандинского в области общей психопатологии, клинической и судебной психиатрии.

Исключительную роль в исследовательской и практической деятельности В. Х. Кандинского сыграли его современники, в содружестве с которыми он постоянно работал. И. М. Балинский, И. П. Мержеевский, А. Е. Черемшанский, О. А. Чечотт были теми деятелями науки и практики, благодаря творчеству которых завершалось в то время построение отечественной психиатрии. Бесспорное влияние оказал на В. Х. Кандинского своим клиническим реализмом и С. С. Корсаков, с которым он совместно принимал активное участие в создании и работе первого съезда отечественных психиатров[27].

Свои материалистические физиологические взгляды в области психиатрии В. Х. Кандинский наиболее четко выразил в определении психиатрии. «Нельзя определить психиатрию в терминах той же психиатрии. Сказать, что психиатрия есть наука о душевных болезнях, еще не значит дать определение для психиатрии… где граница между здоровьем и психической болезнью? Здесь возможно лишь физиологическое определение»[28].

Психическое расстройство В. Х. Кандинский понимал как целостное образование. Изолированные симптомы, элементарные расстройства (симптомокомплексы) он рассматривал как плод научной абстракции. Вместе с тем он указывал, что формы патологических реакций головного мозга ограничены. По этому поводу он писал: «При полиморфности психического расстройства (которую я, впрочем, не намерен преувеличивать)… практика всегда может представить нам случаи… сумасшествия, где болезнь и ее течение, т. е. комбинация и последовательность отдельных симптомов, не таковы, как в изученных до сего времени клинических формах умопомешательств. Тем не менее и новая, нигде не описанная форма душевного страдания может представить собою не что иное, как лишь новую комбинацию или новый порядок последовательности элементарных психопатологических состояний, возможное число которых весьма ограничено, и надо полагать, что они все известны уже теперь (тем более, что в отдельности они в нашем опыте почти никогда не даются, а суть плод научной абстракции)»[29].

Таким образом, говоря об ограниченном числе элементарных психопатологических состояний, В. Х. Кандинский дал более правильное понимание психопатологических синдромов, чем существующее, выросшее из концепции экзогенных реакций Бонгеффера.

---

[27] *Кандинский В. Х.* Современный монизм. С. 18.

[28] *Кандинский В. Х.* К вопросу о невменяемости. С. 36.

[29] Там же. С. 227, 228.

Вместе с тем он был энергичным поборником нозологического направления в психиатрии: «…Настоящее время, т.е. 70-е и 80-е годы текущего века, есть в психиатрии время замены прежних, односторонне симптоматологических воззрений, оказавшихся неудовлетворительными именно по несогласию их с действительностью и по происхождению от произвольно предвзятых психологических теорий, воззрениями 'клиническими, основанными на точном изучении, на терпеливом всестороннем наблюдении душевного расстройства в его различных конкретных или клинических формах, т.е. в тех, так сказать, естественных формах, которые имеются в действительности, а не в искусственных, теоретически построенных на основании какого-либо одного произвольно избранного симптома» [30].

Стремление В.Х. Кандинского построить нозологию психических заболеваний на основе клинических форм или, как он говорил, «…в естественных формах, которые имеются в действительности», является продолжением развития идей отечественной медицины, высказанных еще И.Е. Дядьковским: «Система симптоматическая есть самая древняя и самая употребительная. Недостатки этой системы состоят не в сущности ее, но в механическом замечании припадков данной болезни (т.е. проявлений данной болезни. — *А.С.*). В этом отношении система симптоматическая как следствие слепой и грубой эмпирии не заслуживает ни малейшего внимания, тем менее подражания. Но если принять, что всякая отдельная терапевтическая болезнь есть не что иное, как болезнь, составленная из болезней общепатологических, и если определить сходство и несходство болезней или, другими словами, различить болезнь одну от всех прочих иначе нельзя, как прежде разобрать части болезни, припадки, на которые должно смотреть не механически, как бы на явления отдельные от сущности болезни, но как на составные части ее, а потом в совокупности сносить их между собой, то при сем образе воззрения система симптоматическая есть самое верное средство к различению, уразумению и лечению болезней, ибо она, определяя значение припадков, определяет вместе сущность болезней, по коей они между собой сходствуют, а с другой разнствуют… Лучшая из предложенных систем есть симптоматическая, по которой мы и будем располагать болезни, и, таким образом, основываясь не просто на замечании совокупности припадков, но принимая оные как существенные части болезни, объясняя сущность их по законам симптоматологии, будем находить сходство и несходство между болезнями по их сущности, ибо лучшее деление болезней есть то, которое гораздо ближе показывает внутреннее, существенное их различие» [31].

---

[30] *Кандинский В.Х.* К вопросу о невменяемости. С. 102, 103.

[31] Практическая медицина. Лекции частнотерапевтические профессора Иустина Дядьковского, составленные и изданные доктором медицины Козьмою Лебедевым. М., 1845. С. 1–5.

В 1882 г. В. Х. Кандинским была выработана собственная классификация психических заболеваний, которой в течение ряда лет практически пользовались в больнице Николая Чудотворца. Эта классификация, правда, со значительными и, нужно сказать, неудачными изменениями, была принята по докладу В. Х. Кандинского первым съездом отечественных психиатров и невропатологов.

Чрезвычайно важно отметить, что в своей классификации психозов В. Х. Кандинский впервые в истории психиатрии выделил в качестве самостоятельной формы психического заболевания идеофрению, в объеме, почти идентичном современной шизофрении. В составе идеофрении В. Х. Кандинский различал простую форму, кататоническую, периодическую (современную ремиттирующую шизофрению — см. данную монографию, стр. 138), острую форму с начальным экспансивным или депрессивным бредом, хронически галлюцинаторную, вяло протекающую, далее возникающую на почве хронического алкоголизма и, наконец, состояние слабоумия после идеофрении[32].

Психопатологически В. Х. Кандинский считал, что при этом заболевании на первом плане стоит расстройство как сферы мышления, так и сферы чувственных представлений[33]. Первый период идеофрении характеризуется усиленной, хотя и беспорядочной интеллектуальной деятельностью — интеллектуальным бредом (общие идеи, быстрый и неправильный ход мышления, ложные и насильственные представления). Угнетенное состояние духа далеко не на первом плане, тоска зависит и от реальных причин — изменения условий жизни, прекращения привычной деятельности, сознания болезни. Галлюцинации возникают и достигают особой обильности и живости только тогда, когда развивается уже значительное истощение мозга, частью от анемии. Если первую стадию идеофрении можно назвать стадией интеллектуального бреда, то второй период характеризуется чувственным бредом[34].

Таким образом, и в области течения шизофрении, как и во всей психопатологии, В. Х. Кандинский исходил из нарушений образного и абстрактного мышления. Заболевание начинается с преимущественного поражения онтогенетически более позднего образования — абстрактного мышления.

С этой точки зрения становится более понятной патофизиология паранойяльных форм шизофрении, при которой патология исчерпывается только интеллектуальным бредом, галлюцинации отсутствуют, психический распад незначителен. Паранойяльные формы, как показывает наблюдение, существуют и при других болезнях, в частности, как один из подвидов

---

[32] *Кандинский В. Х.* К вопросу о невменяемости. С. 107–109, 125.

[33] Там же. С. 107.

[34] *Кандинский В. Х.* К вопросу о галлюцинациях // Медицинское обозрение. 1880. Т. XIII. С. 818–819.

бредовой формы эпилепсии. Установленная В. Х. Кандинским закономерность о начале шизофрении преимущественно с поражения сферы словесного мышления подтверждается и наблюдениями над последовательной закономерностью исчезновения шизофренических расстройств под влиянием инсулиновой терапии. Оказывается, что последними исчезают самые начальные симптомы шизофрении, относящиеся к расстройству деятельности второй сигнальной системы — насильственные представления, идеаторный автоматизм[35].

Представляет большой интерес описание В. Х. Кандинским приступов особого рода головокружений с изменением чувства почвы, ощущения невесомости своего тела и изменения его положения в пространстве, сопровождающихся остановкой мышления (так называемый шперрунг), характерных для начальной и острой шизофрении (идеофрении). В. Х. Кандинский не только описал это расстройство, но и сделал попытку объяснить его наступление вестибулярными расстройствами. Он по этому поводу писал: «Особенно замечательные галлюцинации относительно равновесия тела и положения его в пространстве, как то: кружение окружающих объектов около оси тела, так и около линии тела, их движение или только в одну или в разные, но всегда определенные стороны…»[36]

На этого рода шизофренические пароксизмы, наступающие в связи с явлениями «остановки» мышления, на зависимость их от вестибулярных расстройств обратили внимание только в самые последние годы (Бюргер-Принц, Клод, Варюк, Клоос и др.[37]). Ясперс с присущим ему шовинизмом уже готов назвать их в последнем издании своей «Общей психопатологии» (1946) припадками Клооса.

Среди хронических случаев шизофрении (идеофрении) им были описаны шизофазические состояния. Мышление таких больных, по В. Х. Кандинскому, характеризуется рядом «слов или фраз без тени общего смысла… такие лица совсем утратили способность устанавливать между своими представлениями связь»[38].

Также интересно его замечание, что бред при шизофрении (идеофрении) весьма характерен и состоит из смеси (в разной пропорции) ложных идей преследования и величия.

Что же касается изучения психопатологии всей шизофрении (идеофрении) в целом, чему посвящена почти вся монография «О псевдогаллюцинациях», то не только приоритет, но и непревзойденность исследований В. Х. Кандинского вплоть до настоящего времени не подлежит никакому

---

[35] *Морозов В. М.* Инсулинотерапия шизофрении (рукопись).

[36] *Кандинский В. Х.* К вопросу о галлюцинациях. С. 818.

[37] *Kloos G.* Gedankenabreissen mit Tonusstorangien Oder Schwindelamfallen bed Schizophrenie. Nervenarzt, 1935. Heft 6. S. 281. (Там же приведена подробная библиография по этому вопросу, конечно, за исключением работ В. Х. Кандинского.)

[38] *Кандинский В. Х.* К вопросу о невменяемости. С. 226.

сомнению. Если С. С. Корсаков впервые описал клинику и течение шизофрении (дизнойи)[39], то В. Х. Кандинский дал ее психопатологию. Исследования В. Х. Кандинского и С. С. Корсакова были важнейшими этапами в истории учения о шизофрении, в создании которого принимали участие многие передовые психиатры всех стран.

При этом следует упомянуть о возражении В. Х. Кандинского П. И. Ковалевскому по поводу неизлечимости шизофрении. В. Х. Кандинский писал: «Едва ли справедливо, что во всех случаях хронического первичного помешательства (идеофрении) существует дефект мозгового вещества». Доказывая, что в ряде случаев идеофрении дело идет о функциональном расстройстве, он вместе с тем отрицал и обязательную наследственную предопределенность этого заболевания[40].

В группе эпилепсии В. Х. Кандинский выделял простую эпилепсию (истинную, протекающую доброкачественно, ту, что значительно позднее Крепелин называл стационарной формой) и прогредиентную, или психическую форму, текущую злокачественно в виде или скоротечных психических расстройств, или длительных, быстро приводящую к слабоумию.

Простая форма эпилепсии характеризуется, по В. Х. Кандинскому, редкими большими или малыми припадками, очень умеренным слабоумием, изменениями в характере в виде угрюмости, раздражительности, сварливости, незначительным ослаблением воли и легким эмоциональным отупением[41].

В области симптоматологии пароксизмов эпилепсии он описывал состояние отупения (stupiditas postepileptica), которое наступает после эпилептического припадка и держится в течение нескольких часов, а иногда и суток[42]. Среди психических пароксизмов он выделял: сумеречное состояние, амбулаторный автоматизм, галлюцинаторный бред, сноподобное состояние (которое в дальнейшем стало называться особым состоянием, особым эпилептическим делирием)[43]. Крайне существенно указание В. Х. Кандинского на одно из отличий эпилептического сумеречного состояния от сноподобного. При последнем амнезия касается только объективных фактов и впечатлений, воспоминания о субъективных переживаниях (фантазии, псевдогаллюцинации) сохраняются, при сумеречных состояниях амнезия распространяется одинаково как на субъективные переживания, так и на объективные впечатления, события, факты[44].

---

[39] *Кербиков О. В.* Острая шизофрения. 1949. С. 9.

[40] *Кандинский В. Х.* Рецензия на книгу П. И. Ковалевского «Первичное помешательство». 1880. Т. XIV. С. 645.

[41] *Кандинский В. Х.* К вопросу о невменяемости. С. 145–147.

[42] Там же. С. 143.

[43] Лишь в самое последнее время этого рода состояние вновь стало правильно квалифицироваться как сновидное (*Линшиц Л. Л.* Об эпилептическом онероиде // Труды Республиканской психиатрической клинической больницы. 1950. Т. II. С. 151).

[44] *Кандинский В. Х.* К вопросу о невменяемости. С. 1–18.

Этому замечанию В. Х. Кандинского не придавалось значения, а оно имеет большую ценность для изучения психопатологии синдромов расстроенного сознания, и не только онероидного и сумеречного, но делириозного, аментивного и аффективного. Это наблюдение может быть использовано для суждения об экстенсивности и интенсивности фазовых состояний при синдромах расстроенного сознания.

Уже в то время, т. е. задолго до Коха, В. Х. Кандинским в качестве особого вида психических заболеваний выделялись психопатии.

С введением суда присяжных следственные органы и суд стали неизмеримо шире привлекать в качестве экспертов психиатров. Настоятельное требование практики послужило причиной интенсивного исследования области малой психиатрии. Как раз в эти годы И. М. Балинский и положил начало учению о психопатиях. В изучении последних опять-таки в связи с экспертными задачами принимает участие большинство петербургских психиатров (И. П. Мержеевский, А. Е. Черемшанский, О. А. Чечотт и др.). Среди них наиболее активно участвовал В. Х. Кандинский.

Свое понимание психопатий он сформулировал в монографии «К вопросу о невменяемости», являющейся руководством по судебной психиатрии. Психопатии он определял как психическое уродство: «Это состояние относится к сумасшествию от случайных причин совершенно так же, как телесные уродства с пороками физического развития относятся к случайно приобретаемым физическим болезням»[45]. Психопатии, по В. Х. Кандинскому, — постоянное, органически обусловленное состояние, начавшееся с первого времени жизни — psychopatia originaris (слово origo — начало, прилагательное originaris выражает, что психиатрия развивается с начала жизни больного[46]).

В происхождении психопатии В. Х. Кандинский видел две причины — органическое поражение головного мозга и неблагоприятную наследственность. При судебно-психиатрическом анализе одного случая он писал: «Этиологическими моментами здесь были или неблагоприятная наследственность, или болезненные влияния, действовавшие на головной мозг в первое время жизни и потому нарушившие правильный ход психического развития… обычно действуют оба эти этиологические момента». Последние приводят «…к неправильной организации нервной системы вообще и головного мозга, в частности… мозговые функции с включением функций психических приобретают болезненную силу, частью не развиваются достаточно или же принимают в своем развитии ненормальное направление»[47]. Последнее и является причиной того, что обыкновенное состояние подобных больных «…не представляет ни устойчивости рав-

[45] *Кандинский В. Х.* К вопросу о невменяемости. С. 94.

[46] Там же. С. 94.

[47] Там же. С. 93.

новесия, ни гармонии между психическими функциями, а, напротив, характеризуются таким количеством уклонений от нормы всех сфер душевной деятельности, что должно быть названо состоянием патологическим».

Психопаты — это уродливо странные личности, имеющие «…значительный ряд болезненных явлений как в сфере чувствований со включением области органического или инстинктивного побуждения, так и в сфере мышления и действования… весь строй душевной жизни психопатов… существенно характеризуется непостоянством, изменчивостью, отсутствием внутреннего равновесия, дисгармонией своих отдельных сторон; многие из умственных функций оказываются… положительно ослабленными, действование… нередко является носящим на себе печать импульсивности…» Психопатические состояния, по В. Х. Кандинскому, отнюдь не статичны, он в полном согласии с И. М. Балинским рассматривал их как динамические образования: «…психопатическое состояние, начавшееся с первого времени… жизни… в самом себе носит условия своего прогрессивного усиления… Наступление последнего нередко связано со случайными обстоятельствами… они суть не что иное, как временные обострения обыкновенного состояния»[48].

Вряд ли может быть сомнение в том, что приведенное определение психопатий В. Х. Кандинского как состояния, возникшего с первого времени жизни в результате уродливого и дисгармоничного развития всех психических функций на почве, обусловленной преимущественно внешними вредностями, порочной организации центральной нервной системы, является наиболее совершенным из всех существовавших до наших дней.

Психопатии В. Х. Кандинский считал вполне определенными клиническими формами. Правда, среди них им была описана лишь одна истерическая форма, которая, по В. Х. Кандинскому, характеризуется слабостью сферы абстрактного мышления и живостью чувственных представлений.

Для этого рода психопатов прежде всего характерна психическая гиперестезия, которая «…обнаруживается в крайней впечатлительности… причем смена внешних впечатлений обусловливает столь же пеструю и живую смену внутренних актов (ощущений, образов и чувствований)… некоторые из внешних раздражений вызывают несоразмерно сильную реакцию. С этой точки зрения становится понятным неустойчивость душевного равновесия… быстрые резкие перемены в настроении, легкость переходов от смеха к слезам и обратно». Страдающая истерической психопатией больная, «не выходя из границ своего „обыкновенного“ состояния… является то спокойною, то аффективною, то вялою и апатичною, то раздражительною, то мягкою и уступчивою, то упрямою и резкою, то веселою или до крайности смешливою, то настроенною грустно и мечтательно… Больная име-

---

[48] *Кандинский В. Х.* К вопросу о невменяемости. С. 102

ет весьма живое воображение, причем деятельность фантазии у нее недостаточно регулируется ее относительно слабым рассудком. Процесс воспроизведения представлений (как это весьма часто бывает у подобного рода субъектов) с недостаточной степенью точности повторяет содержание тех представлений, которые родились из непосредственного чувственного восприятия. …Вследствие этой особенности, а также вследствие живости фантазии и недостаточной регулированности воображения рассудком больная… нерезко различает пережитое ею в воображении от пережитого в действительности и в своих рассказах невольно примешивает иногда к истине небывальщину… Мышление характеризуется поверхностностью… суждения отличаются недостатком логики, но зато нередко носят на себе печать неожиданности… иной раз — прямо парадоксальности…»[49]

Исследование В.Х. Кандинского завершило первоначальный этап развития учения о психопатиях в отечественной психиатрии. Дальнейшее их исследование осуществлялось уже главным образом московской психиатрической школой и связано с именами С.С. Корсакова, С.А. Суханова и П.Б. Ганнушкина.

Необходимо отметить, что и в этот первый период исследование психопатий в отечественной психиатрии осуществлялось с материалистических позиций. Начиная с И.М. Балинского, психопатии понимались не как статическое, а как постоянное динамическое образование, чего не могли достигнуть в своих значительно более поздних исследованиях ни Кох, ни Крепелин. Далее, вопреки господствовавшему учению о наследственно-дегенеративных психических аномалиях Мореля и Легран дю Соля, петербургские психиатры рассматривали происхождение психопатий как результат воздействия преимущественно внешних вредностей. При этом ни И.М. Балинский и его ученики, ни В.Х. Кандинский никогда не придавали наследственности фатального значения. В.Х. Кандинский по этому поводу писал: «Между лицами, предрасположенными к заболеванию в силу влияния наследственности, одни действительно впадают в умопомешательство, другие заболевают лишь теми или другими нервными болезнями; наконец, третьи не заболевают ни тем, ни другим»[50].

Наряду с описанием психопатий, следует привести и характеристику В.Х. Кандинского астенического состояния: «Болезнь, именуемая „раздражительная нервная слабость“, выражается при полной степени своего развития и некоторыми симптомами со стороны психической сферы, а именно: плохим сном; легкими и быстрыми переменами настроения без достаточных внешних причин; возвышенною психическою чувствительностью больного; его скорою утомляемостью при умственной работе и уменьшенною производительностью; его раздражительностью и подверженностью аффектам;

[49] *Кандинский В.Х.* К вопросу о невменяемости. С. 80–84.
[50] Там же. С. 158.

а также уменьшенною устойчивостью головного мозга при различных действующих на него вредных влияниях, в частности, при влиянии спиртных напитков»[51].

Изложение клинических исследований В. Х. Кандинского следует заключить его определением понятия болезни. Возражая Б. Оксу, он писал: «Автор как будто думает, что все принадлежащие к болезненному состоянию должно быть и по существу чем-то другим, отличным от явлении нормальной жизни, как будто болезненное состояние не есть та же жизнь, текущая по тем же самым законам, как и жизнь нормальная, но только при измененных условиях»[52]. Ту же идею он неоднократно излагал другими словами: «…где граница между здоровьем и психической болезнью? Здесь возможно лишь физиологическое определение»[53].

Стихийный материалист В. Х. Кандинский в 80-х годах прошлого столетия видел разрешение основных проблем теории психиатрии в физиологии. Идеалист Ясперс, ставивший эти же вопросы в 1913, 1923, 1946 и 1948 гг., считал их вообще неразрешимыми. Этого, по Ясперсу, постигнуть нельзя, как не может настигнуть шагающий путник свою движущуюся впереди его тень.

В области общей психопатологии, кроме псевдогаллюцинации, В. Х. Кандинским были изучены также состояния возбуждения, экстаза и одной формы парамнезии.

Отмечая, что возбуждение в течение психических заболеваний может продолжаться много месяцев, причем больные «…могут буйствовать большую часть суток, не приходя от этого в видимое утомление», В. Х. Кандинский, так же как и всюду, пытаясь найти физиологическое обоснование (исходя из нарушений взаимоотношения между абстрактным мышлением, сферой чувственных представлений и двигательной сферой), выделял шесть типов возбуждения[54].

«По науке и по практике я не вижу возможности насчитать больше шести различных состояний психического беспокойства…

1. Меланхолическое беспокойство (raptus melancholicus) есть не что иное, как рефлекторное обнаружение болезненной тоски.

2. Беспокойство маниакальное характеризуется соответствующим аффектом, ускорением течения представлений, изобретательностью и фантазией. Двигательное возбуждение маньяка характеризуется рефлекторностью и автоматичностью (подвижность маньяка есть прямой результат органического раздражения психомоторной области мозговой коры).

3. Беспокойство при острой форме первично-бредового психоза всегда соединено с расстройством процесса восприятия внешних впечатлений или,

---

[51] *Кандинский В. Х.* К вопросу о невменяемости. С. 155–156.

[52] *Кандинский В. Х.* Рецензия на книгу Б. Окса «Сон и сновидения» // Медицинское обозрение. 1800. Т. XIV. С. 646.

[53] *Кандинский В. Х.* К вопросу о невменяемости. С. 36.

[54] Там же. С. 224–227.

по крайней мере, с резким ослаблением внимания к окружающему. Острые состояния первично-бредового сумасшествия характеризуются примарным возбуждением деятельности чувственного представления и мысли, а также усиленною работою умозаключающего аппарата души.

4. Состояние возбуждения эпилептического свойства характеризуется сильным помрачением сознания, резким расстройством процесса восприятия и отсутствием воспоминания за время приступа.

5. Беспокойство при вторичном безумии (dementia secundaria) есть скорее видимое, чем действительное, ибо оно происходит вследствие отпадения задерживающих моментов. У дементика всякое чувственное восприятие, возникшее в мозгу представление наклонно рефлектироваться наружу.

6. К последней категории я отношу все состояния возбуждения, не имеющие характера самостоятельности, но бывающие при разных органических поражениях головного мозга, здесь на первом плане будут стоять симптомы органического мозгового страдания, как то: расстройства чувствительности, дрожание, конвульсии, параличи, расстройство речи, изменения в зрачках».

Классическим образцом является определение и описание В.Х. Кандинским состояния патологического экстаза[55]. *Экстаз* есть «болезненная деятельность высших мозговых центров, при которой вся душевная жизнь так всецело сосредоточивается на одной идее, на одном ярком чувстве, что в это время окружающий реальный мир перестает существовать для больного. При этом внешние впечатления или вовсе не доходят до сознания, или доходят только урывками, произвольные движения прекращаются и органическая деятельность сводится до минимума… Лицо больного, смотря по экстазирующей идее, выражает или крайний ужас или беспричинный восторг… Известная степень экстаза всегда сопровождается галлюцинациями…»

В приведенном описании экстаза дано все самое существенное, оно настолько ярко, что вполне готово для патофизиологического анализа.

Наконец, следует упомянуть, что В.Х. Кандинским под названием «двойственное восприятие» или «двойственное представление» было описано то расстройство памяти, которое потом стало называться редуплицирующей парамнезией, а открытие ее приписываться Пику. Между тем В.Х. Кандинский, независимо от Янсена, в порядке диференциации с псевдогаллюцинациями описал это расстройство и указал на его органическую природу (см. стр. 41).

Прогрессивными вплоть до нашего времени остаются и судебно-психиатрические воззрения В.Х. Кандинского. Они сложились у него на основе многолетней экспертной практики, неоднократных выступлений на судебных заседаниях. Свои взгляды в этой области он изложил в период дискуссии, которая имела место в начале 1883 г. на ряде заседаний Петербургского общества психиатров, а затем Общества юристов. Поводом к дискуссии послужило обсуждение статьи 36 проекта нового Уложения

---

[55] *Кандинский В.Х.* Нервно-психические контагии и душевные эпидемии. С. 170.

о наказаниях Российской империи, содержащей определение невменяемости. В противоположность большинству психиатров, В. Х. Кандинский полностью присоединился к продолженной редакции указанной статьи. Он считал, что она содержит то общее определение невменяемости, которое необходимо для взаимопонимания психиатров и юристов, и критерий, совмещающий «…в себе как в фокусе всевозможные конкретные случаи этого рода»[56]. В. Х. Кандинский говорил, что статья 36 тем и хороша, что содержит во всей полноте этот общий критерий: «…не вменяется в вину содеянное, когда действовавшее лицо по душевному состоянию своему в то время не могло понимать свойства и значения своих деяний… или не могло руководствоваться своим пониманием (имея его) в действовании своем».

Защищая общий для психиатров и юристов критерий, В. Х. Кандинский категорически отвергал внесенный и принятый большинством психиатров исключительно психиатрический критерий невменяемости. Так, А. М. Черемшанский предлагал следующую редакцию статьи 36: «Не вменяется в вину деяние, учиненное лицом, которое страдает с малолетства недостаточностью умственных способностей или во время учинения деяния страдало душевной болезнью или кратковременным бессознательным состоянием». М. Н. Нижегородцев предложил почти аналогичную редакцию статьи 36: «Не вменяется в вину деяние, учиненное лицом, которое во время учинения деяния находилось в состоянии или болезненного недоразвития душевной деятельности, или душевной болезни, или бессознательности». В. Х. Кандинский возражал против введения психиатрического критерия невменяемости на следующих основаниях:

«1) Нельзя оставить статью закона, трактующую о невменяемости, без определения состояния невменяемости… психиатрического же критерия неспособности ко вменению дать нельзя, потому что 2) дать клинический разбор известного психопатологического случая и подобрать ему подходящее название из обильного учеными терминами психиатрического лексикона еще не всегда значит точно определить судебно-медицинское значение этого случая. Существует много психических болезней, которые, однако, не исключают вменяемости. Терпимая в обществе низшая степень слабоумия (простая дураковатость), случаи психопатии, легкие случаи резонирующей мании, истерии и, наконец, неврастении (при которой душевная деятельность не бывает вполне нормальной) не исключают сами по себе постановки вопроса о вменении, этот вопрос… решается… смотря по особенностям данного конкретного случая[57]. 3) Подмена общего критерия невменяемости психиатрическим неизбежно приведет в конечном счете к созданию вместо закона инструкции». В связи с этим В. Х. Кандинский замечал: «…странно

[56] *Кандинский В. Х.* К вопросу о невменяемости. С. 117.
[57] Там же. С. 118.

было бы смешивать обсуждение формулировки статьи закона, определяющей условия невменения, с формулировкой медицинской инструкции медицинского начальства врачам-подчиненным; такая инструкция имеет целью подсказать недовольно опытным врачам, как им держать себя на практике… как держать себя в том случае, когда их приглашают говорить в заседании уголовного отделения окружного суда или судебной палаты. Сущность такой инструкции может быть выражена в немногих словах — не мешаться не в свое дело»[58].

В своей защите общего критерия невменяемости В. Х. Кандинский был безусловно прав. Его мнение полностью совпадает с положениями советского законодательства и позициями советской судебной психиатрии. Статья 11 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов союзных республик СССР содержат следующий общий критерий невменяемости: «Меры социальной защиты судебно-исправительного характера не могут быть применяемы в отношении лиц, совершивших преступление в состоянии хронической душевной болезни, или временного расстройства душевной деятельности, или ином болезненном состоянии, если *эти лица не могли отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими*» (подчеркнуто мною. — *А. С.*).

В. Х. Кандинский также категорически отрицал и так называемую уменьшенную вменяемость, отвергнутую советским уголовным правом. По этому поводу он писал: «Из того, что существуют разные степени психического расстройства, вовсе не следует, что в законе должны быть установлены разные степени невменяемости… можно признать только одно из двух: или наличность, или отсутствие способности ко вменению… Вопрос этот должен быть решен в ту или другую сторону, в положительном или отрицательном смысле, но никакое среднее решение здесь невозможно. Поэтому я… не принадлежу к сторонникам защищаемого некоторыми юристами и многими врачами учения о неполной или уменьшенной вменяемости. Уменьшенная вменяемость, будучи недопустимою теоретически, не принесла бы никакой пользы и на практике: в нее, как в золотую середину, стали бы сваливаться без дальнейшего разбора все сколько-нибудь затруднительные случаи сомнительного душевного состояния… Если человек совершил противозаконное деяние в состоянии, которое… должно быть названо болезненным, то одинаково несправедливо заставлять его нести за это как полную кару, так и кару половинную»[59].

В теоретическом обосновании общего критерия невменяемости и отказа от уменьшенной вменяемости В. Х. Кандинский исходил из отрицания принципа свободной воли. Учение о воле, по В. Х. Кандинскому, должно строиться «…на принципе ее определяемости внешними факторами,

---

[58] *Кандинский В. Х.* К вопросу о невменяемости. С. 7–39.
[59] Там же. С. 47–48.

на принципе *детерминистическом*, совершенно противоположном индетерминистическому учению спиритуалистов» [60].

Прогрессивными были взгляды В. Х. Кандинского и на определение роли психиатра-эксперта в суде. Он был противником сведения экспертизы до роли свидетеля, что имеет место сейчас в ряде зарубежных стран. В связи с этим он писал: «Свидетель сообщает лишь факты, *свидетель-врач*, значит, может ограничиваться медицинскими фактами. *Эксперт* же умозаключает, и цель его умозаключения должна привести судью к правильному применению закона в данном случае» [61].

Подобное понимание роли экспертизы, конечно, не в полной мере соответствует ее определению советским уголовным правом. По А. Я. Вышинскому [62], экспертиза является особым, самостоятельным видом доказательства, наряду со всеми другими видами судебно-следственного доказательства. Вместе с тем В. Х. Кандинский не возвышал экспертов-психиатров до помощников судей, не предлагал заменить судей экспертами и, напротив, не низводил экспертизу до степени свидетельских показаний.

Опубликованные экспертно-психиатрические исследования В. Х. Кандинского посвящены анализу наиболее трудных разделов судебной психиатрии. Они содержат описание психиатрической экспертизы психопатий, эпилепсии, олигофрении, исключительных состояний, симуляции. В частности, в отношении последней он отмечал: «Для симуляции необходима обдуманность и систематичность… при аффективно-импульсивном характере, очевидно, трудно ожидать рассчитанно-систематического образа действий» [63].

Характерными признаками исключительных состояний (умоисступления), по В. Х. Кандинскому, являются: «а) на высшей точке… сознание расстраивается настолько, что соответственно этому времени получается пробел в воспоминании; б) реакция на преступление, содеянное в припадке умоисступления, отличается своеобразностью: человек относится к своему делу ненормально равнодушно, почти как к делу другого лица, и самый припадок умоисступления если не всегда, то весьма часто оканчивается глубоким сном (из которого человек пробуждается, ничего не помня о содеянном); в) акт преступления при состоянии явного умоисступления почти всегда отличается излишнею жестокостью, которая даже одна может навести на мысль, что преступление совершено в исключительном психическом состоянии» [64].

Следует также указать, что все опубликованные В. Х. Кандинским судебно-психиатрические анализы являются классическим образцом психи-

---

[60] *Кандинский В. Х.* К вопросу о невменяемости. С. 12.

[61] Там же. С. 94.

[62] *Вышинский А. Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. 1946. С. 221.

[63] *Кандинский В. Х.* К вопросу о невменяемости. С. 87.

[64] Там же. С. 236.

атрического клинического исследования. На основе своих судебно-психиатрических анализов В. Х. Кандинский доказал, в противовес зарубежным психиатрам, отрицавшим необходимость точной диагностики болезни для психиатрической экспертизы, что судебно-психиатрическое заключение возможно только на основе тщательного психопатологического и клинического исследования.

Все судебно-психиатрические положения В. Х. Кандинского в дальнейшем были полностью приняты и творчески развиты В. П. Сербским.

Таков широкий круг проблем общей психопатологии и клинической психиатрии, исследованных В. Х. Кандинским, одним из самых талантливых отечественных психиатров.

Снежневский А. В.

ПРЕДИСЛОВИЕ К МОНОГРАФИИ В.Х. КАНДИНСКОГО «О ПСЕВДОГАЛЛЮЦИНАЦИЯХ» 1952 ГОДА ИЗДАНИЯ

Печатается по изданию:
Снежневский А. В. Предисловие // Кандинский В. Х. О псевдогаллюцинациях. — М.: Медгиз, 1952. — С. 3–20.

Содержание классической монографии Виктора Хрисанфовича Кандинского «О псевдогаллюцинациях» значительно шире ее названия. Монография представляет собой очерк общей психопатологии, отнюдь не утративший своего значения и в настоящее время. В ней изложено не только учение о псевдогаллюцинациях, истинных галлюцинациях, психическом автоматизме, онероидных состояниях, особых расстройствах памяти, учение о патологии мышления, но и дан метод психопатологического исследования, которым продолжают пользоваться и до настоящего времени.

Исследования В. Х. Кандинского положили начало многочисленным работам в области психопатологии, как в отечественной психиатрии, так и во Франции (Жане, Клерамбо, Клод и др.), Германии (Ясперс, Груле и др.) и в других странах. Его учение о псевдогаллюцинациях заложило основу современной общей психопатологии.

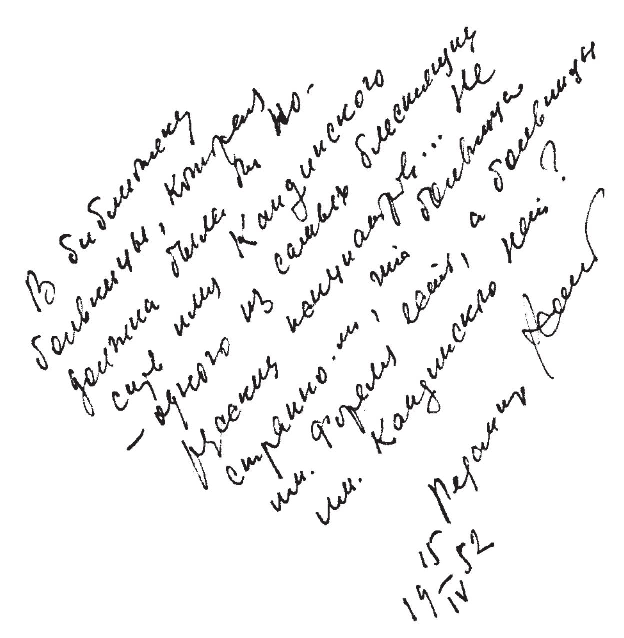
Изучение физиологии помогло В. Х. Кандинскому преодолеть не только рационалистическую теорию галлюцинаций Эскироля, но и психоморфологическое направление Мейнерта[1] и впервые в истории психиатрии заложить начало подлинно-научного учения о галлюцинациях и псевдогал-

[1] Критика и оценка этого направления даны А. Г. Ивановым-Смоленским (см. Стенографический отчет объединенной научной сессии Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, посвященной проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова, 1950, стр. 50).

люцинациях. На это значение исследования В. Х. Кандинского в свое время и указал В. П. Сербский, который писал, что в противовес Мейнерту В. Х. Кандинский создал теорию галлюцинаций, основанную на физиологическом понимании их сущности[2].

В наше время физиологические позиции В. Х. Кандинского наиболее полно были вскрыты Н. В. Ивановым, который писал: «…обращенность к физиологии, ярко отразившая материалистическую направленность всей работы Кандинского, позволила ему классически сформулировать наиболее актуальные проблемы галлюцинаций и псевдогаллюцинаций, притом именно те, которые оживленно обсуждаются и в наши дни… Первые работы по этой актуальной проблеме (вопрос о доминировании возбудительного или тормозного процесса) принадлежат Кандинскому…»[3].

Однако, несмотря на исключительно высокую оценку всех психопатологических исследований В. Х. Кандинского его современниками — С. С. Корсаковым[4] и В. П. Сербским[5], — значение его работ в полной мере еще далеко не оценено.

Автограф А. В. Снежневского на подаренной им в библиотеку больницы св. Николая Чудотворца книге В. Х. Кандинского «О псевдогаллюцинациях» 1952 года издания

---

[2] *Сербский В.* Руководство к изучению душевных болезней. 1906. С. 21.

[3] *Иванов Н. В.* Виктор Хрисанфович Кандинский // Невропатология и психиатрия. 1949. № 2. С. 8–9.

[4] *Корсаков С. С.* Курс психиатрии. 2-е изд. 1901. Т. 1. С. 157, 166, 168.

[5] *Сербский В.* Руководство к изучению душевных болезней. 1906. С. 20.

Последнее и не могло быть иным, все значение исследований Кандинского, глубина его предвосхищений и догадок в полной мере могут быть поняты только сейчас, когда советская психиатрия, преодолев эклектические и психоморфологические влияния, становится павловской, полностью встает на путь своего прогрессивного развития, впервые открытый И. М. Сеченовым.

Истинные галлюцинации, по В. Х. Кандинскому, могут возникать двояко — или в результате болезненно повышенного возбуждения коры головного мозга, или, наоборот, в результате патологического истощения коры (корковые галлюцинации при помрачении сознания, например, в течение лихорадочного делирия)[6]. Это высказанное 65 лет назад на основе клинических наблюдений предположение В. Х. Кандинского нашло естественнонаучное подтверждение в исследованиях И. П. Павлова, А. Г. Иванова-Смоленского, М. К. Петровой. Так, И. П. Павлов считал, что в основе галлюцинаций лежит состояние патологической инертности раздражительного процесса клеток коры головного мозга[7]. А. Г. Иванов-Смоленский выделяет два типа патофизиологических процессов, лежащих в основе истинных галлюцинаций: а) «…если инертное возбуждение распространяется и на корковую проекцию зрительной или слуховой аккомодации соответственного органа чувств, то галлюцинации проицируются наружу и приобретают характер истинных галлюцинаций»[8]; б) возникновение галлюцинаций возможно не только в результате инертного возбуждения, но и в результате торможения «…фазовые явления, сосредоточенные в зрительной (и реже слуховой) области мозговой коры, лежат в основе онероидных, сноподобных галлюцинаций»[9]. Дальнейшими исследованиями сотрудников А. Г. Иванова-Смоленского, И. Б. Стрельчука[10] и М. И. Серединой, установлено, что при алкогольном делирии тормозной процесс в коре мозга преобладает над раздражительным. «Особенно глубоко это торможение наблюдается во второй сигнальной системе, что, естественно, нарушает правильное взаимоотношение между первой и второй сигнальными системами»[11].

В патофизиологических исследованиях И. П. Павлова и его учеников нашло естественнонаучное подтверждение и основанное на клинических наблюдениях предположение В. Х. Кандинского о природе псевдогаллюцинаций. Он считал, что в основе псевдогаллюцинаций лежит более ограни-

---

[6] Ссылки на монографию «О псевдогаллюцинациях» даются по нижеследующему тексту с указанием в скобках соответствующих страниц.

[7] *Павлов И. П.* Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. 6-е изд. 1938. С. 645.

[8] *Иванов-Смоленский А. Г.* Очерки патофизиологии высшей нервной деятельности. 1949. С. 239.

[9] Там же. С. 238.

[10] *Стрельчук И. В.* Хронические алкогольные галлюцинозы. 1947.

[11] *Середина М. И.* О нарушениях взаимодействия первой и второй сигнальных систем при алкогольных галлюцинациях (рукопись).

ченное по сравнению с истинными галлюцинациями патологическое возбуждение коры головного мозга. А. Г. Иванов-Смоленский на основании своих исследований пришел к следующему определению патофизиологической сущности псевдогаллюцинаций: «…если локальные явления патологической инертности раздражительного процесса, обусловливающие стереотипно повторяющиеся галлюцинации, сосредоточены главным образам в зрительной или слуховой области коры, то они обычно носят характер псевдогаллюцинаций (переживаются „внутри головы“)…» [12]

В. Х. Кандинский отрицал центрифугальную теорию галлюцинаций. Любую попытку объяснения на основе этой теории объективизации образов представления путем проецирования их на периферию к органам чувств посредством специальных центрифугальных путей он считал механистической. В. Х. Кандинский говорил, что разрешение путаного вопроса о характере объективности галлюцинаций «…должно искать в физиологической стороне процесса восприятия». Объективизация галлюцинаторных образов, по В. Х. Кандинскому, зависит от распространения болезненного возбуждения на субкортикальные области головного мозга. Однако то «объективирующее» значение для возникновения галлюцинаций, которое В. Х. Кандинский придавал субкортикальной области, в свою очередь было неправильным. Как уже указывалось, наступление галлюцинаций А. Г. Иванов-Смоленский объясняет распространением патологической инертности раздражительного процесса на *корковую* (подчеркнуто мною. — *А. С.*) проекцию зрительной или слуховой аккомодации соответствующих органов чувств[13].

Исследуя истинные галлюцинации и псевдогаллюцинации, В. Х. Кандинский подверг уничтожающей критике все существовавшие до него описания, определения и теории галлюцинаций. Так, он последовательно, на основании своих исследований, показал несостоятельность определения галлюцинаций Эскироля, Балля, Зандера и др. Доказал неправильность описания псевдогаллюцинаций и насильственных явлений и их понимания Байарже, Кальбаумом, Гагеном. Он вскрыл беспомощность существовавших до него теорий галлюцинаций (усиления образа представления, центрифугальной) Эскироля, Гризингера, Крафт-Эбинга, Шюле, Тамбурини, Вундта и др. В этом отношении монография В. Х. Кандинского является остро полемической, одним из ярких примеров преодоления с материалистических позиций зарубежных теорий, образцом, какими богата наша отечественная психиатрия (П. П. Малиновский, И. П. Мержеевский, С. С. Корсаков, В. П. Сербский, И. Г. Оршанский и многие другие).

При описании псевдогаллюцинаций, установлении специфических, только им свойственных признаков, изучении сущности псевдогаллюци-

---

[12] *Иванов-Смоленский А. Г.* Очерки патофизиологии высшей нервной деятельности. С. 238–239.

[13] Там же. С. 239.

наций В. Х. Кандинский выделил и исследовал все родственные им расстройства, возникающие, как правило, одновременно с псевдогаллюцинациями в форме так называемого синдрома психического автоматизма. Так, наряду с описанными им впервые псевдогаллюцинациями, которые он относил к патологии сферы образных чувственных представлений, он выделил и описал насильственные представления — «деланные мысли», «внушенные мысли», «вкладывание мыслей», «эхо мыслей», являющиеся патологией интеллектуальной сферы (абстрактное мышление, мышление символами-словами).

Наряду с этим, В. Х. Кандинским за 6 лет до Сегласа были исследованы и речедвигательные галлюцинации и все их разновидности — от простых кинестетических до речевых. Вместе с указанием на их происхождение в результате болезненного возбуждения соответствующих центров коры головного мозга В. Х. Кандинским была установлена насильственная природа подобного рода галлюцинаций, включающая их в синдром психического автоматизма.

Наконец, наряду с исследованием псевдогаллюцинаций, В. Х. Кандинским впервые были описаны и явления воздействия, и чувство овладения, и чувство внутренней раскрытости, которые взаимообусловленно возникают, наряду с псевдогаллюцинациями, насильственным мышлением и кинестетическими галлюцинациями, в структуре того особого синдрома, который имеет все основания именоваться синдромом Кандинского, а не Клерамбо, Клода, Жане, как это имеет место до настоящего времени.

Приоритет В. Х. Кандинского в области исследования синдрома психического автоматизма заключается не только в том, что он первым описал этот синдром. Он первым пытался объяснить его патофизиологическую сущность.

Полное развитие синдрома Кандинского завершается развитием деперсонализации, состояния раздвоенности, нарушения отношений «я» и «не я», «мое» и «не мое». Патофизиологической основой этого состояния, по И. П. Павлову, является развитие ультрапарадоксальной фазы при одновременном существовании очагов инертного возбуждения [14].

Изучение зрительных псевдогаллюцинаций позволило В. Х. Кандинскому установить их чувственную природу, их отношение к сфере образного, а не абстрактного мышления. Последнее в свою очередь создало ему возможность не только впервые описать, но и дать теоретическое объяснение тому психопатологическому состоянию, которое носит название онероидного синдрома. На эту сторону исследования В. Х. Кандинского недавно указал О. В. Кербиков: «Работа Кандинского о псевдогаллюцинациях может, нам кажется, внести большую ясность в вопрос об онероидах, если послед-

[14] *Павлов И. П.* Двадцатилетний опыт объективного изучения нервной деятельности (поведения) животных. С. 699.

ний рассмотреть в свете положений этой работы»[15]. В.Х. Кандинский так характеризовал указанное состояние: «В одних случаях возбудимость кортикальных областей чувств повышается до такой степени, что почти всякое представление, всякая мысль, возникая в мозге больного, принимает конкретную, резко чувственную форму, так что все мышление больного, уже вышедшее из пределов нормальной логики, совершается в пластической, образной форме. Тогда получается ряд, так сказать, псевдогаллюцинаторных фантазий… все мышление больного совершается в пластической образной форме… пластическая чувственность бреда сумасшедших соткана из ложных представлений… образов фантазии и псевдогаллюцинаций… В острых формах или периодах сумасшествия больной уходит в мир фантазии… и оставляет совсем без внимания реальную обстановку…» (95, 96). Описывая одного из больных, В.Х. Кандинский в совершенстве показывает всю фантастичность и драматичность сновидных (онероидных) событий, участником которых является сам больной, в противоположность сценическим видениям при делирии, которыми больной может быть захвачен, но не является действующим лицом и относится к ним как зритель.

Из тщательно выполненных наблюдений В.Х. Кандинского, далее, следует, что этого рода сновидные переживания могут сопровождаться при некотором ослаблении пластической образности мышления больного насильственными явлениями. Современные наблюдения над обратным развитием онероидных состояний под влиянием инсулинотерапии шизофрении показали, что в течении этого синдрома отмечаются постоянные колебания в интенсивности то пластических образных фантастических переживаний, то насильственного мышления, причем усиление явлений последнего при стойком побледнении образного мышления относится к категории плохих прогностических признаков (вступление шизофрении в хроническую «холодную» стадию течения).

Далее нужно сказать, что исследования В.Х. Кандинского о сновидных состояниях касаются не только шизофренического онероида. Последний может возникать и в течении острых психических расстройств при лихорадочных и других соматических заболеваниях. Более того, онероидные состояния при указанных заболеваниях, по-видимому, наступают гораздо чаще, чем делириозные, особенно в начале заболевания, когда психическое расстройство выражается в наплыве «образности», чрезмерном фантазировании. «Всякая мысль, — писал В.Х. Кандинский, — являющаяся в мозгу сильно лихорадящего человека, выливается в живочувственную форму, так что так называемый лихорадочный бред лишь малой своей частью есть бред интеллектуальный» (75). В дальнейшем возникает наплыв псевдогаллюцинаций, которые В.Х. Кандинский считает для лихорадочных психозов более характерными, чем истинные галлюцинации. Истинные галлюцина-

[15] *Кербиков О.В.* Острая шизофрения. 1945. С. 125.

ции (корковые) при этой форме психозов наступают в период крайнего истощения нервной системы, при помрачении сознания «…до такой степени, что восприятие впечатлений из реального внешнего мира становится невозможным». На высоте подобного состояния, наряду с истинными галлюцинациями в области одного чувства, возникает наплыв псевдогаллюцинаций в других и обилие разнообразных фантазий. Все вместе взятое приводит к образному бреду типа delirium metamorphosi.

А. Г. Иванов-Смоленский, основываясь на исследованиях И. П. Павлова и своих собственных исследованиях, указывал, что в основе сумеречных, онероидных состояний лежат фазовые (гипнотические) состояния. Наличие индуцированного торможения (сильнейшей отрицательной индукции), окружающего динамическую структуру — носительницу интенсивного застойного, инертного возбуждения, установлено А. Г. Ивановым-Смоленским при рецепторной форме кататонического ступора[16].

К такого рода выводам был близок В. Х. Кандинский, который неоднократно в своей книге указывал, что сфера чувственного, образного мышления постоянно тормозится высшими интеллектуальными процессами, «задерживающим действием высших кортикальных центров» (138), и, напротив, при болезненно повышенной возбудимости кортикальной области чувств всякое представление, всякая мысль, возникая в мозгу больного, принимает образную, резко чувственную форму.

Таким образом, то, что в настоящее время носит название онероидного состояния, впервые было тщательно исследовано с попыткой патофизиологического объяснения В. Х. Кандинским. Им же была указана возможность наступления в течении этого сновидного состояния насильственного мышления, т. е. то, что становится ясным лишь сейчас, в результате применения новых методов лечения психозов. Все это и дает основание рассматривать онероидные состояния в качестве сновидного варианта синдрома Кандинского.

Болезненным возбуждением чувственных областей коры — сферы чувственных пластичных образных представлений, при одновременном выключении впечатлений окружающего мира, его сознательного восприятия, В. Х. Кандинский объяснял и обычные сновидения (которые он относил к корковым галлюцинациям). Вместе с тем он отмечал наличие, вследствие расстройства функции сна, почти постоянного обилия и яркости сновидений у психически больных, иногда приводящего к смешению сновидных и реальных восприятий. Последнее находит свое патофизиологическое обоснование в учении И. П. Павлова, в свете нарушения процессов торможения и раздражения, взаимодействия между первой и второй сигнальными системами при психических заболеваниях.

---

[16] *Иванов-Смоленский А. Г.* Очерки патофизиологии высшей нервной деятельности. С. 238.

Постоянно возвращаясь к нарушению взаимоотношений между абстрактным мышлением и сферой чувственных представлений, В.Х. Кандинский указывал, что при обильном псевдогаллюцинировании умственная деятельность (абстрактная) подавляется. В результате содержание зрительных псевдогаллюцинаций и галлюцинаций меньше чем наполовину соответствует содержанию мышления. В.Х. Кандинский постоянно указывал: «Содержание псевдогаллюцинации образов не имеет логической связи с абстрактным мышлением» (как можно понять теперь, в связи с торможением второй сигнальной системы). Напротив: «В периоды пробуждения умственной деятельности и при начале логической работы мысли по какому-нибудь вопросу галлюцинации (зрительные. — *А.С.*) бледнели, или даже прекращались на время… Самое благоприятное для галлюцинаций (зрительных. — *А.С.*) — исключение всякой активности» [17].

Галлюцинации и псевдогаллюцинации В.Х. Кандинский изучал не изолированно от других расстройств, он исследовал все патологическое состояние в целом, в структуре которого возникали галлюцинации или псевдогаллюцинации. Последнее позволило ему остановиться и на проблеме бреда, наиболее трудной области общей психопатологии. Касаясь сущности и происхождения бреда, В.Х. Кандинский дал ряд чрезвычайно сжатых, но крайне важных положений. Определяя бред как болезненное, ложное убеждение, он указывал, что мнимые истины (бред) суть результат умозаключения, посылки которого создаются болезненно расстроенной деятельностью головного мозга (74). В связи с этим В.Х. Кандинский отмечал, что при бреде поражается вся сфера познания (т.е. и чувственное, и абстрактное познание): «…из массы однозначащих фактов, из которых каждый представлял собой чувственную очевидность, логически неизбежно должен следовать вывод, и процесс этого умозаключения столь же мало зависит от воли больного… абстрактно оно ровно настолько, насколько абстрактно всякое умозаключение из множества конкретных фактов».

В.Х. Кандинский писал, что подобное бредовое умозаключение может быть и не облечено в словесную форму, а остается в пределах образных пластических представлений мышления — чувственный бред, или, напротив, бред может быть преимущественно интеллектуальным. Таким образом, форму бреда Кандинский рассматривал динамически, в качестве чрезвычайно подвижного образования, которое в зависимости от распространенности процесса на ту или иную сферу мозга приобретает то более чувственное выражение, то более логическое, абстрактное. Так, при наплыве псевдогаллюцинаций, патологических усиленных фантазий бред выражается в чувственной пластической форме («чувственный бред», по В.Х. Кандинскому), при преобладании насильственных явлений («насильное мыш-

---

[17] *Кандинский В.Х.* К вопросу о галлюцинациях // Медицинское обозрение. 1880. № 6. С. 818.

ление») бред характеризуется преимущественно абстрактными умозаключениями («интеллектуальный бред», по В.Х. Кандинскому).

Подобное клиническое наблюдение В.Х. Кандинского лишь только теперь, на основе исследований И.П. Павлова и его учеников, приобретает свое значение. И.П. Павлов выделял несколько форм бреда[18]. Судя по данным «Павловских сред», он допускал возможность наступления сновидного бреда, возникающего в результате смешения сонных видений с действительностью[19]. А.Г. Иванов-Смоленский по этому поводу прямо указывает: «…шизофренический бред в одних случаях носит ярко образный характер, нередко при этом сочетаясь со зрительными галлюцинациями и, таким образом, относясь преимущественно к первой сигнальной системе; в других случаях он главным образом вербален, т. е. представляет собой болезненное расстройство словесного мышления, иногда сочетанное со слуховыми галлюцинациями и, следовательно, является нарушением второй сигнальной системы»[20]. Из этого следует, что содержание бреда зависит не только от эпохи, в которую живет больной, но, вопреки утверждению Ясперса, и от формы бреда. Оно всегда будет различным при бреде чувственном и бреде интеллектуальном (словесном).

Патофизиологической основой бреда, по И.П. Павлову, является патологическая инертность раздражительного процесса и ультрапарадоксальная фаза, «то существующие врозь, то выступающие рядом, то сменяющие одно другое»[21]. Это и создает то разнообразие бредовых состояний, которое в свое время клинически отмечал В.Х. Кандинский.

Для В.Х. Кандинского происхождение бреда было детерминировано поражением всех сфер познания и в первую очередь его чувственной сферы. Бред для него являлся продуктом умозаключения, посылки которого обусловлены болезненно измененной деятельностью головного мозга. В этом отношении В.Х. Кандинский не был последователем теории первичного бреда Гризингера.

Из высказываний В.Х. Кандинского, а также приводимых им историй болезни следует, что в возникновении бреда он придавал большое значение расстройству чувственного познания. Расстройством восприятия (чувственного, эмоционального познания, живого созерцания) он объяснял и так называемое бредовое настроение. Та начальная стадия бреда, которая характеризуется чувством надвигающейся неотвратимой, неизведанной

---

[18] *Павлов И.П.* Двадцатилетний опыт объективного изучения нервной деятельности (поведения) животных.

[19] Павловские среды. 1949. Т. 3. С. 322.

[20] *Иванов-Смоленский А.Г.* Очерки патофизиологии высшей нервной деятельности. С. 238.

[21] *Павлов И.П.* Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. С. 699.

опасности, еще завуалированным, но уже новым восприятием вещей, еще неясным, но уже иным пониманием значения явлений.

Значение расстройства чувственной сферы особенно ярко выступает в этот период в виде так называемых псевдогаллюцинаций памяти, играющих большую роль в развитии бреда. Подобное явление впервые было изучено В. Х. Кандинским, значение его продолжает недооцениваться и просматриваться при исследовании больных вплоть до настоящего времени.

Под псевдогаллюцинациями памяти Кандинский понимал такое расстройство, при котором «…какое-нибудь представление, созданное фантазией больного, мгновенно становится псевдогаллюцинацией зрительной или слуховой, и эта псевдогаллюцинация ошибочно принимается сознанием больного за живое воспоминание действительного факта, совершившегося в прошлом». Содержание подобных псевдогаллюцинаций, по Кандинскому, всегда бывает тенденциозным или аффектирующим. Они возникают в период бредового настроения, во время особенно выраженной безотчетной тревоги, переживания нарастающей, «чувствуемой в воздухе» опасности и впервые возникающих явлений воздействия. Псевдогаллюцинации памяти наступают в качестве внезапной разгадки причины невыносимого и непонятного состояния, но это разрешение всегда совершается в пластической форме, в виде образного воспоминания, и из этой чувственной очевидности неизбежно следует логический вывод — бредовое умозаключение.

Таким образом, следуя В. Х. Кандинскому, путь бредового умозаключения протекает, как и в норме, — от чувственного или эмоционального познания к рациональному, при бреде поражаются не только высшие уровни познания, но и чувственные, не только вторая сигнальная система, но и первая; так называемое бредовое настроение есть не проявление расстройства «витальных» эмоций, а расстройство эмоционального познания, за которым в виде скачка следует образование тоже патологического, абстрактного понятия.

Расстройству ощущений, сферы чувственного познания в происхождении бреда в наше время особенно большое значение придает О. В. Кербиков. Он писал: «Вытекающая отсюда оценка роли нарушения ощущений должна сводиться к тому, что они могут явиться причиной или исходным пунктом нарушения высших форм познавательной деятельности, а проявлением этого последнего и является бред». Помимо этого, О. В. Кербиков указывал: «Необходимо иметь в виду то своеобразное самоощущение, которое предшествует возникновению бреда и которое при шизофрении получило название „основного настроения“» [22].

Таким образом, Кандинский, наряду с исследованием природы псевдогаллюцинаций, условий их возникновения, описал и исследовал не только сновидное состояние (онероидный вариант синдрома Кандинского),

[22] *Кербиков О. В.* Острая шизофрения. С. 52–53.

но и бредовое (бредовый вариант синдрома Кандинского, так называемый «синдром воздействия» Клода). Более того, Кандинский одновременно вскрыл всю несостоятельность, искусственность расчленения патологических состояний на статические схематические синдромы. В. Х. Кандинский показал, что описанное им состояние постоянно подвижно, в зависимости от распространения болезненного возбуждения клеток коры, иррадиации или концентрации этого возбуждения, оно становится то более сновидным с преобладанием ярко чувственных-пластических фантазий, псевдогаллюцинаций и истинных галлюцинаций, с бредом чувственного характера, то более интеллектуальным, с преобладанием насильственных явлений, абстрактного логического бреда. Здесь постоянны всевозможные переходы. В этом отношении исследования В. Х. Кандинского являются примером преодоления метафизического разделения патологических явлений на патологический процесс (nosos) и патологическое состояние (patha)[23]. Описанные псевдогаллюцинаторные состояния (pathos), как показал это В. Х. Кандинский, являются примером исключительно динамического образования. На возможность перехода одних болезненных состояний в другие указывал и И. П. Павлов. Напротив, образцом втискивания разнообразных, постоянно меняющихся галлюцинаторно-бредовых состояний в окоченевшую схему четырех синдромов служит классификация немецкого психиатра Шредера.

Исследованные В. Х. Кандинским состояния являются психопатологической основой клиники шизофрении, парафрений (шизофренической, инволюционной старческой[24], органических) и некоторых симптоматических психозов[25].

К сожалению, синдром Кандинского во всех его вариантах и при различных заболеваниях еще далеко не изучен. При исследовании больных он нередко просматривается, распознавание состояния ограничивается лишь поверхностной констатацией «галлюцинаторно-параноидного синдрома», что исключает в таких случаях возможность вскрытия патофизиологической сущности психического расстройства соответствующего больного. На самом деле, синдром Кандинского в той или иной форме (онероидной, бредовой или в виде насильственного мышления) встречается гораздо чаще и при большем числе болезней, чем это предполагается. Так, например, А. Н. Бунеев описал синдром Кандинского при психогенных психозах[26]. Следует также напомнить указание В. Х. Кандинского на существование псевдогаллюци-

---

[23] *Сахаров Г. П.* Методология патологии. 1935.

[24] Все особенности старческой парафрении образно описаны В. Х. Кандинским в истории болезни больного Максимова.

[25] В частности, В. Х. Кандинский впервые указал на особенности клинической картины делириозных состояний, наступающих в старческом возрасте, — однообразие и бедность зрительных галлюцинаций.

[26] Судебная психиатрия. 1950. С. 332.

наций общего чувства. Только на основе исследования последних и возможно патофизиологическое изучение катестезического бреда, сенестопатий, бреда физического воздействия.

Говоря о различных формах проявления болезненного возбуждения чувственной сферы, Кандинский указал и на особенности расстройства мышления при прогрессивном параличе. По этому поводу он писал: «…больные, страдающие общим прогрессивным параличом, нередко высказывают свои представления о различных занимающих их событиях с такой образностью и живостью, как будто эти события действительно ими пережиты» (33). Это замечание В. Х. Кандинского приобретает особое значение при сопоставлении его с патофизиологическим анализом И. П. Павлова больного, страдающего прогрессивным параличом. При этом И. П. Павлов указывал: «…положение этого слабоумного… аналогично положению человека, когда он видит сны, у него ослабла вторая сигнальная система; общие понятия, отвечающие закону жизненных отношений, не действуют, и он никаких возражений не имеет, как бы они ни связались… Такой больной допускает самые фантастические связи явлений, возникающие у него в первой сигнальной системе…» [27]

Психопатологические наблюдения В. Х. Кандинского теперь, на основе учения И. П. Павлова, могут внести новое в учение о психопатологии паралитического слабоумия, и не только паралитического, но и псевдопаралитических состояний, наступающих иногда при алкогольной и других интоксикациях и некоторых случаях шизофрении (фантазиофрении, фантастической парафрении), которые протекают со сновидными переживаниями.

В своем сопоставлении чувственно-образного и абстрактного мышления — основе учения о галлюцинациях и псевдогаллюцинациях — В. Х. Кандинский остановился и на анализе «художественных» и «поэтических» натур. Он писал: «Существует громадное различие между бесплодным и бесцельным фантазированием, действительно свойственным тем из „художественных натур“, у которых кортикальные чувственные сферы находятся в постоянном раздражении, и поэтическим творчеством, где требуется большая масса сложных, чисто интеллектуальных функций…» (135). Это предвидение павловского описания художественного и мыслительного типа, догадка о существовании их были не случайными, они определялись, как и все исследования В. Х. Кандинского, его мировоззрением, анализом клинических явлений с физиологических позиций.

В. Х. Кандинский обратил далее внимание на большое значение для патологии утраты способности к чувственно-образным представлениям (визуализация). Разбирая описанного Пьером Жане больного, И. П. Павлов указал, что в подобных случаях развивается патологическое состояние, при котором или совсем исчезают следы прежних раздражений и больной жи-

[27] *Павлов И. П.* Среды. 1949. Т. III. С. 321–322.

вет только наличными при низком тонусе коры, или при получении определенного раздражения торможение распространяется на весь зрительный анализатор, все остальное исчезает из сознания [28].

Утрата способности к визуализации возникает не только как стойкое расстройство при грубых органических процессах, но, как показало изучение осложнений при электросудорожной терапии, в виде временного, обратимого нарушения [29, 30].

Таким образом, основное, что обнаружил В.Х. Кандинский и рассматривал как постоянное явление при всех исследованных им психопатологических состояниях, заключается в чрезвычайно разнообразном нарушении взаимодействия между сферой абстрактного мышления (сферой слов) и сферой чувственных представлений. Последним и объясняется, что исследования В.Х. Кандинского не утратили своего актуального значения вплоть до настоящего времени: то, что он предугадывал, открыто и научно доказано И.П. Павловым. Ограниченный пределами своего времени, достичь естественно-научного обоснования своих положений В.Х. Кандинский не мог. Естественно-научной теорией психиатрии стала патофизиология высшей нервной деятельности, созданная И.П. Павловым. Она была плодом многолетних исследований физиологии высшей нервной деятельности — величайшим завоеванием науки о мозге, достигнутым И.П. Павловым впервые в истории человечества. Вместе с тем и предположения В.Х. Кандинского не были только удачной гипотезой. Фактический материал, полученный им в результате тщательного клинического исследования, позволил ему выйти на тот прогрессивный путь, который вел к величайшим открытиям в психиатрии, осуществленным И.П. Павловым. В этом-то и заключается главная ценность всех психопатологических исследований В.Х. Кандинского. Он предвосхищал направление дальнейшего развития психопатологии — физиологический путь. Однако все это оставалось лишь в пределах смутного предвидения, для осуществления которого необходима была не физиологическая психология, как думал, не преодолев до конца Вундта, В.Х. Кандинский, а новая наука — физиология высшей нервной деятельности, созданная гением Павлова.

Нужно отметить, что, исходя из эволюционного принципа развития, В.Х. Кандинский все же сделал попытку, конечно, исключительно умозрительную, вскрытия физиологических закономерностей взаимоотношений сферы чувственных представлений и абстрактного мышления. Над чувственным центром, писал В.Х. Кандинский, в порядке дифференциации функций мозга развивался центр абстрактного мышления, оперирующего понятиями, абстракциями, символами (словами) (93, 136). При этом он

---

[28] *Павлов И.П.* Среды. С. 97.

[29] *Ротштейн Г.А.* Электросудорожная терапия шизофрении. Автореф. дисс. 1951.

[30] *Зыкова З.И.* Инволюционная меланхолия. Клиника и электросудорожная терапия. Автореф. дисс. 1950.

утверждал, что в обычных условиях мы значительно чаще пользуемся высшей функцией познания — абстракциями, чем образами (132).

В. Х. Кандинский был близок и к пониманию единства чувственного и абстрактного познания (первой и второй сигнальной системы). Он говорил, что «…чувственные сферы никак не могут быть исключены из участия в произведении того, что называется интеллектом… деятельность абстрактного мышления всегда с большей или меньшей степенью сопряжена с образным» (132).

Тем не менее воззрения В. Х. Кандинского были далеко не последовательны. Сфера чувственных образных представлений и абстрактного мышления В. Х. Кандинского отнюдь не соответствует первой и второй сигнальной системе И. П. Павлова. Мышление в понятиях, в словах В. Х. Кандинский относил то к сфере абстрактного мышления, то к сфере чувственного, образного мышления. Так, слуховые галлюцинации и псевдогаллюцинации он трактовал как чувственные образы и относил к продукту болезненного возбуждения чувственной сферы коры головного мозга. Этим самым абстрактное мышление у него оказалось оголенным, мышление и речь оторванными[31]. На основании же работ И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» известно, что: «Какие бы мысли ни возникли в голове человека и когда бы они ни возникли, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз… Реальность мысли проявляется в языке»[32]. Этому положению И. В. Сталина соответствует и учение И. П. Павлова о второй сигнальной системе, системе словесных сигналов, мышления в понятиях, которое качественно отличается от мышления в образах — функции первой сигнальной системы. Качественное различие мышления (в том числе и по содержанию) В. Х. Кандинским не было понято. Он допускал, что при возбуждении чувственной сферы (и, следовательно, при торможении сферы абстрактного мышления) всякая мысль принимает образную форму, не отдавая себе отчета в том, что сфере чувственного мышления доступны лишь те мысли, которые «…возникают и могут существовать лишь на базе тех образов, восприятий и представлений, которые складываются… в быту о предметах внешнего мира и их отношениях между собой благодаря чувствам зрения, осязания, обоняния»[33], а не качественно иные абстрактные мысли, облеченные в словесные понятия. Считая, что в основе мышления лежит ассоциативная деятельность, В. Х. Кандинский тем не менее противопоставлял ее преаперцепции, которая, по его мнению, является высшей функцией абстрактного мышления. Последнее привело к тому, что отражение в сознании причин-

---

[31] Подобную же ошибку в наше время допустил и В. А. Гиляровский. В своей монографии «Учение о галлюцинациях», изданной в 1949 г., он утверждал, что при всех видах галлюцинаций поражается только первая сигнальная система (С. 194).

[32] *Сталин И.* Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950. С. 39.

[33] Там же. С. 47.

ностей реального мира — высшие формы ассоциаций по Павлову — у него превращалось в особую деятельность интеллекта, создающего представления времени и пространства. А это было уже идеализмом.

В. Х. Кандинский создал классический, непревзойденный метод описания психопатологических расстройств. О своем методе он писал: «…это покажет те приемы, которыми я пользовался при собирании относящегося сюда клинического материала, и вместе с тем даст ручательство за подлинность и точность наблюдений» (48). Каждое психопатологическое расстройство им изучалось с предельной тщательностью, с исключительной тонкостью отграничивалось от других сходных явлений, образно и точно описывалось. В его описании фактов отсутствовала какая-либо предвзятость — «…печать… теоретических представлений» (226).

Все это следует подчеркнуть именно сейчас и сопоставить с описаниями психопатологических расстройств последователями психо-морфологического направления, у которых тщательное клиническое описание наблюдаемых фактов подменяется заранее предвзятым их толкованием, клинический реализм — конструктивизмом.

При психопатологическом исследовании клинических фактов В. Х. Кандинский пользовался как наблюдением, так и расспросом больных и ретроспективным самоописанием. Последний метод, которому В. Х. Кандинский придавал большое значение и применял по определенной, выработанной им системе, приобретает в наши дни особое значение. А. Г. Иванов-Смоленский по этому поводу писал: «Очень интересными в этом отношении оказались данные словесного отчета испытуемых о проведенном эксперименте, опрашиваемых экспериментатором по определенной опросной схеме непосредственно после опыта… Впервые к такому опросу мы стали прибегать по совету И. П. Павлова еще при его жизни»[34].

Вместе с тем В. Х. Кандинский пользовался и неврологическим исследованием, и экспериментом[35]. Так, он установил, что опий, экстракт индийской конопли усиливают псевдогаллюцинации, а хинин ослабляет. Острое опьянение ослабляет псевдогаллюцинации, а состояние похмелья их усиливает. Последнее наблюдение в наше время было подтверждено С. Г. Жислиным[36].

Все психопатологические наблюдения, как указывалось, были для В. Х. Кандинского неотделимы от патофизиологического анализа и интерпретации. Последняя, в свою очередь, вооружала его для дальнейшего более тщательного психопатологического исследования каждого психического расстройства. Естественно, что В. Х. Кандинский не мог пользоваться методом фи-

---

[34] *Иванов-Смоленский А. Г.* О взаимодействии первой и второй сигнальных систем при некоторых физиологических и патологических условиях // Физиологический журнал СССР. 1949. № 5. С. 571.

[35] В противоположность последующим психопатологам (Ясперсу, Груде), сведшим психопатологическое исследование только к описанию.

[36] *Жислин С. Г.* Об алкогольных расстройствах. 1935. С. 12.

зиологического исследования психических расстройств, впервые в истории человечества созданным И. П. Павловым.

Психопатологический метод исследования В. Х. Кандинского создал исключительные возможности для открытия точнейших клинических фактов, для создания того «воздуха фактов» (И. П. Павлов), без которого невозможно научное исследование. Это значение работы В. Х. Кандинского особенно важно отметить именно сейчас, когда патофизиологические исследования в области психиатрии предъявляют, как никогда, особенно повышенные требования к точности психопатологических исследований, к особенно тщательному клиническому описанию проявлений психических расстройств. На это указал в своем докладе, касаясь основных задач и перспектив развития павловского учения, А. Г. Иванов-Смоленский: «...главнейшим здесь является следующее... всестороннее развитие 'клинических и там, где это допустимо, экспериментально-клинических исследований высшей нервной деятельности при различных нервно-психических, нервных и соматических заболеваниях...»[37]

Прошедшие 66 лет со дня написания книги «О псевдогаллюцинациях» не уменьшили ее ценности. Вся глубина, все значение исследований В. Х. Кандинского до конца могут быть поняты только сейчас в свете учения И. П. Павлова. Следует также указать, что отечественные психиатры, начиная с П. П. Малиновского и кончая С. С. Корсаковым и В. П. Сербским, всегда стремились к патофизиологическому пониманию психических расстройств. Это обусловливалось влиянием идей И. М. Сеченова. В наше время на основе учения И. П. Павлова психиатрия становится подлинно новой, советской психиатрией. Пройденный ею путь развития от времени И. М. Сеченова до И. П. Павлова — это путь великих научных завоеваний, среди которых исследования В. Х. Кандинского принадлежат к ценнейшим.

Насколько бесплодным в сопоставлении с физиологическим выглядит психо-морфологическое направление в психиатрии, которое было всегда чуждо отечественной психиатрии. В противоположность физиологическому, психо-морфологическое направление за последние сто лет своего существования ничем не обогатило клиническую психиатрию, не принесло ей в конечном счете ничего нового. Так, в 1847 г. П. П. Малиновский по поводу психо-морфологического направления в психиатрии писал: «Странно, что нашлись ученые, которые увлеклись учением Галля и, не собравши достаточное число фактов, начали для каждого вида помешательства назначать в головном мозгу определенное место»[38]. В 1950 г. А. Г. Иванов-Смоленский говорил: «Один из немецких основоположников так на-

[37] *Иванов-Смоленский А. Г.* Стенографический отчет Научной сессии, посвященной проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова. 1950. С. 80–81.

[38] *Малиновский П. П.* Помешательство, описанное так, как оно является врачу в практике. 1847.

зываемой „мозговой патологии“ Клейст делит все психические расстройства на корковые и подкорковые. Проф. Гуревич, идя еще дальше, пытается локализовать психозы в определенных участках коры»[39].

В. Х. Кандинский отрицательно относился к учению Галля. В связи с этим он писал: «Галлевская органология не имеет никакого опытного основания, и история головных повреждений скорее говорит против существования особых областей в мозгу для различных умственных деятельностей»[40]. Таким образом, В. Х. Кандинский, как и все отечественные психиатры, никогда не принимал статический локализационизм.

Вместе с тем он считал, что попытка локализации психических расстройств является прогрессивной[41]. Однако локализацию психических расстройств В. Х. Кандинский понимал в плане преимущественно поражения области чувственных представлений или, напротив, сферы абстрактного мышления, имеющих широкое представительство в коре головного мозга.

Прогрессивность В. Х. Кандинского заключалась в преодолении с физиологических позиций психо-морфологического направления Мейнерта, идеализм которого В. Х. Кандинский впервые вскрыл.

Он отвергал утверждение Мейнерта, что образное мышление, а, следовательно, и зрительные галлюцинации являются продуктом деятельности субкортикальных областей головного мозга. В. Х. Кандинский постоянно указывал, что нервное раздражение становится психическим только в коре головного мозга.

Царское правительство и его чиновники не содействовали развитию отечественной науки. За недостатком средств монография В. Х. Кандинского «О псевдогаллюцинациях», законченная в 1885 г. и получившая премию имени врача Филиппова, не была напечатана при его жизни. Ее издала в 1890 г., спустя год после смерти В. Х. Кандинского, его жена Е. К. Кандинская, вложившая и свою долю труда в дело отечественной психиатрии. Ею же была издана и вторая чрезвычайно важная работа В. Х. Кандинского «К вопросу о невменяемости».

В настоящем издании монографии «О псевдогаллюцинациях», по сравнению с первым, опущены утратившие какое-либо значение ссылки на работы различных авторов, схемы, изображающие происхождение галлюцинаций и псевдогаллюцинаций, и изложение гипотезы об объективирующем «Х». Каждое изменение текста оговорено в конце книги в соответствующем примечании.

---

[39] *Иванов-Смоленский А. Г.* Стенографический отчет Научной сессии, посвященной проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова. С. 80–81.

[40] *Кандинский В. Х.* Общепонятные психологические этюды. 1881. С. 64.

[41] *Кандинский В. Х.* Рецензия на книгу П. И. Ковалевского «Судебно-психиатрические анализы» // Медицинское обозрение. 1880. № 2. С. 42.

Рохлин Л.Л.

ПОЯСНЕНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ ВСТУПИТЕЛЬНОЙ ГЛАВЫ К КНИГЕ «КРИТИЧЕСКИЕ И КЛИНИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ ИЗ ОБЛАСТИ ОБМАНОВ ЧУВСТВ» В.Х. КАНДИНСКОГО

Печатается по изданию:
Вступительная глава к книге «Критические и клинические соображения из области обманов чувств». В.Х. Кандинский // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. — 1971. — Том LXXI, вып. 11. — С. 1713–1718

Предлагаемая читателю работа В.Х. Кандинского на русском языке публикуется впервые. Она представляет собой вступительную главу его монографии, напечатанной в 1885 г. на немецком языке под названием «Критические и клинические соображения в области обманов чувств» [1] [1]. Как известно, основы положения этой монографии В.Х. Кандинского получили отражение в его посмертно изданной книге «О псевдогаллюцинациях» [2]. Сличение немецкого и русского текстов этих книг В.Х. Кандинского показало их неполную идентичность. Так, в русском издании опущена вступительная глава, напечатанная в немецком оригинале, и в то же время ему предпослано предисловие Кандинского с указанием места и даты его написания (С.-Петербург, апрель 1885 г.). «По моему первоначальному плану,— пишет В.Х. Кандинский в этом предисловии,— очерк о псевдогаллюцинациях предполагался в качестве члена целого ряда очерков, совокупность которых должна была бы обнять собою все учение об обманах чувств» [2].

Такому проекту написания серии очерков соответствует в подзаголовке немецкого издания книги В.Х. Кандинского: «Первый и второй этюд». Первый этюд — «Предварительные замечания» — мы и печатаем ныне. Второй этюд получил название «Псевдогаллюцинации». Он почти полностью идентичен тексту книги «О псевдогаллюцинациях». Мы пишем «почти» потому, что в русском издании, кроме отмеченного выше предисловия, добавлена еще одна глава (одиннадцатая). Эту главу В.Х. Кандинский начинает следующими словами: «Привожу резюме, представляющее точный смысл этого этюда и главнейшие из тех результатов, к которым я пришел» [2].

Изложенное на 5 страницах, это резюме содержит поразительно четко и ясно (в 20 тезисах) концепции В.Х. Кандинского о псевдогаллюцинациях.

Еще до выпуска на немецком языке его книги В.Х. Кандинский напечатал это резюме в виде статьи в журнале «Медицинское обозрение» [3] с названием, идентичным названию немецкого издания его книги. Касаясь

[1] Перевод статьи с немецкого языка сделан Г.М. Файбусовичем.

первоначальной публикации основного труда В. Х. Кандинского на немецком языке, Н. В. Иванов [4] справедливо указывает, что это был вынужденный шаг, обусловленный исключительными трудностями, с которыми встречалось издание научных монографий в России в то время. «Хорошо известно, — пишет он, — упорное стремление В. Х. Кандинского увидеть свой труд опубликованным на русском языке». Сам В. Х. Кандинский в своей статье, помещенной в журнале «Медицинское обозрение», писал: «Предположив сделать на основании собственных клинических наблюдений и критического пересмотра имеющегося в литературе материала по вопросу об обманах чувств, я недавно закончил первый очерк, трактующий о псевдогаллюцинациях, и надеюсь, что он в непродолжительном времени появится в немецкой печати. Следуя указанию друзей, я хочу вперед представить здесь точный смысл этого моего этюда и изложить главнейшие из тех результатов, к которым я пришел» [3]. Здесь уместно кратко изложить те трудности, с которыми столкнулись при издании книги В. Х. Кандинского на русском языке, книги, которую ему самому так и не пришлось при жизни увидеть.

В протоколе С.-Петербургского общества психиатров от 26/X 1885 г. мы читаем: «Секретарь сообщил, что В. Х. Кандинский представил научное исследование о псевдогаллюцинациях на соискание премии врача А. А. Филиппова[2]. Составлена комиссия для разбора его труда: И. П. Мержеевский, М. Н. Попов, А. Е. Черемшанский, О. А. Чечот и А. Ф. Эрлицкий» [5]. В протоколе заседания общества от 25/I 1886 г. указано, что «профессор И. П. Мержеевский от имени комиссии, которая была избрана для оценки сочинения, представленного на соискание премии врача Филиппова, доложил, что комиссия признала сочинение В. Х. Кандинского „О псевдогаллюцинациях“ достойным присуждения означенной премии. Передав далее в главных чертах содержание этого сочинения, профессор Мержеевский подробно изложил мотивы, которыми руководствовалась комиссия, принимая свое решение. Затем путем баллотировки общество единогласно постановило присудить премию врача Филиппова В. Х. Кандинскому и напечатать его труд, как приложение к протоколам общества. Для выполнения этого решения была назначена комиссия, в состав которой вошли П. А. Дюков, П. Я. Розенбах и А. Я. Фрей» [6]. Однако общество не смогло изыскать средств на издание монографии В. Х. Кандинского в течение ряда лет и возвращается вновь к вопросу о ее печатании уже после смерти автора. Очень красноречивы в этом смысле 2 протокола общества. В протоколе заседания

[2] Эта премия была учреждена Петербургским обществом по просьбе вдовы А. А. Филиппова О. Ф. Филипповой, передавшей для этой цели Обществу 2500 рублей. В условиях конкурса на эту премию указывалось, что она «присуждается только за отличные труды, написанные на различные научные темы лицами, посвятившими свою общественную и научную деятельность России».

от 23/IX 1889 г. читаем: «Председатель сообщил о кончине В.Х. Кандинского. Память его почтили вставанием. Д-р Черемшанский указал на то, что постановление общества психиатров, принятое в январе 1886 г., о том, что сочинение В.Х. Кандинского „О псевдогаллюцинациях", удостоенное премии врача Филиппова, должно быть напечатано за счет общества, до сих пор не приведено в исполнение. Постановлено поручить комиссии в составе Нижегородцева, Розенбаха, Фрея и Черемшанского представить соображения о том, каким образом произвести печатание означенного труда» [7]. Но протокол заседания общества от 28/X 1889 г. сообщает: «Прочитано письмо вдовы В.Х. Кандинского, в котором она предлагает напечатать книгу за свой счет, просит отдать ей рукопись. Она сохраняет права издателя. Удовлетворено ее желание, так как у общества нет средств» [7].

Такова грустная страница из жизни Петербургского общества психиатров, которое не смогло издать, за неимением средств, замечательную книгу выдающегося психиатра.

Переходим теперь непосредственно к краткому анализу предлагаемой публикации. Мы думаем, что эта публикация представляет для советского читателя большой интерес. Основное содержание ее раскрывается самим В.Х. Кандинским в подробном оглавлении его книги. Как видно из текста самой публикации, отдавая дань глубокого уважения основоположникам учения о галлюцинациях, таким «талантливым и эрудированным исследователям», как Байярже, Кальбаум и Гаген, В.Х. Кандинский в то же время солидаризируется с теми психиатрами, которые считают, что это учение «не завершено» и даже «само понятие галлюцинации, столь частого феномена, в психиатрии не всегда уточнено, а чаще остается зыбким и неопределенным». Дальнейшее изложение посвящено критическому анализу основной психиатрической литературы того времени об обманах чувств. Здесь уместно отметить ряд черт В.Х. Кандинского — выдающегося исследователя, психопатолога. Как исследователь В.Х. Кандинский поражает прежде всего своей взыскательностью и требовательностью в установлении фактов и особенно тонкостью дифференцированного подхода, если это касается определения психопатологических понятий. Обращают на себя внимание его принципиальность и непримиримость, когда дело касалось выяснения научной истины, пусть ему приходилось сталкиваться даже и с очень большими авторитетами в области науки.

Об этом говорят, например, критические замечания В.Х. Кандинского, касающиеся неразборчивого использования современными ему авторами казуистики и отдельных высказываний Эскироля, Гризингера. Только будучи убежденным, глубоким ученым, для которого «истина превыше всего», только являясь подлинным и тонким знатоком предмета своего исследования, В.Х. Кандинский мог «осмелиться» утверждать, что научный интерес из казуистики галлюцинаций «покамест представляют лишь 3 случая, опи-

санных Зандером, случай Пика, да еще 20–30 наблюдений, включая как прежние, так и более новые, обычно приводимые в учебниках психиатрии» [1]. В число авторов таких учебников В. Х. Кандинский включает, в частности, немецкого психиатра Шюле.

На отношениях между В. Х. Кандинским и Шюле следует кратко остановиться. В 1880 г. В. Х. Кандинский опубликовал свою статью «Учение о галлюцинациях» одновременно в журнале «Медицинское обозрение» и в немецком журнале «Архив психиатрии и нервных болезней» [8, 9]. В этой статье, опираясь на самоописание приступа у него душевной болезни, он дал критический анализ немецкой литературы о галлюцинациях, высказался в защиту «подкорковой» теории галлюцинаций Мейнерта и сформулировал положение о двух видах бреда (интеллектуальном и чувственном) и их последовательной смене. Эта статья нашла отклик во французской и немецкой литературе. В частности, Шюле в данном им обзоре психиатрической литературы за вторую половину 1880 г. обратил внимание на указанную работу В. Х. Кандинского и поставил перед автором ее вопрос: «Чем объясняется появление так называемых псевдогаллюцинаций и что обусловливает их „объективность“» [10].

Об этом и пишет В. Х. Кандинский в разбираемой нами публикации, называя Шюле «одним из своих немецких учителей». Он указывает также, что интерес Шюле к псевдогаллюцинациям послужил для него, В. Х. Кандинского, толчком к написанию о них монографии. Об этом же он еще раз упоминает в 1886 г. в своем предисловии к русскому изданию этой монографии.

Об установившейся «искренней дружбе» между Шюле и В. Х. Кандинским пишет также В. Ф. Чиж [11]. Дружеские отношения В. Х. Кандинского и Шюле, хотя они лично не были знакомы, определялись их большой духовной близостью. Вообще Шюле, находившийся под влиянием материалистических концепций и физиологических взглядов Гризингера, благодаря своему широкому философскому кругозору, высокому уровню клиницизма, своим чрезвычайно гуманным социально-психиатрическим взглядам весьма импонировал русским психиатрам конца XIX столетия [12]. Заслуживает внимания тот факт, что на заседании Петербургского общества психиатров 29/XI 1886 г. Шюле был избран в почетные члены общества[3] [6]. Харьковские психиатры в 1880 и 1881 гг. дважды издали учебник психиатрии Шюле, о котором Ю. В. Каннабих писал, что он представляет собой «не только научный, но по своему блестящему стилю и крупный литературный памятник» [12]. Этот учебник был долго настольной книгой русских психиатров.

---

[3] По-видимому, это было сделано по предложению В. Х. Кандинского. В протоколах Петербургского общества психиатров указывается, что в связи с избранием его в почетные члены общества Шюле прислал в адрес общества свою фотографию. Последняя была нами обнаружена в Ленинградской психиатрической больнице № 2 (бывшая психиатрическая больница св. Николая), где работал В. Х. Кандинский.

Подвергая острой критике высказывания многих своих современников о галлюцинациях, В. Х. Кандинский, однако, хорошо понимал, как трудно больным бывает их точно описать. Он дает всесторонний и тонкий психопатологический анализ этих трудностей. Объяснение В. Х. Кандинским того, почему больные представляют врачу неточный субъективный отчет о своих галлюцинаторных переживаниях, скрывают их или описывают весьма аморфно и иносказательно, оставило в психиатрической литературе заметный след, и впоследствии многие психиатры уделяли этому вопросу большое внимание. Так, например видный французский психиатр Сегла (который очень ценил В. Х. Кандинского и называл его произведения классическими) писал, касаясь критериев отграничения психических галлюцинаций Байярже от псевдогаллюцинаций Кандинского, о слове «слышу» в речи больных, рассказывающих о своих болезненных переживаниях: «Что касается слова „слышу“, то в бытовом языке наших больных оно имеет многозначный смысл. Слышать, как кто-то говорит, значит прежде всего испытывать звуковое впечатление чьего-то голоса, но это также означает воспринимать мысль, формулируемую вашим собеседником, иначе говоря, принадлежащую не вам. Тут есть разница, которую многие люди игнорируют, употребляя слово „слышать“ безразлично и в том и в другом значении» [13].

Л. Л. Рохлин (Москва)

Литература

1. *Kandinsky*. Kritische und klinische Betrachtungen in Gebiete der Sinnestaiingen. Erste und zweite Studie. Berlin, 1885.

2 *Кандинский В. Х.* О псевдогаллюцинациях. Критико-клинический этюд. С-Петербург, 1890.

3. *Его же*. Медицинское обозрение. 1885. Т. 23, 3. С. 231.

4. *Иванов Н. В.* Ж. невропатол. психиатр. 1954. Т. 54, в. 9. С. 691.

5. Протоколы заседаний о-ва психиатров за 1885 г. СПб., 1886.

6. Протоколы заседаний о-ва психиатров за 1886 г. СПб., 1887.

7. Протоколы заседаний о-ва психиатров за 1889 г. СПб., 1890.

8. *Кандинский В. Х.* Медицинское обозрение. 1880. Т. 13. Июнь. С. 815.

9. *Kandinsky V*. Archiv fur Psychiatrie und Nervenkrankheiten. 1881. Bd 11. H. 2. S. 453.

10. *Schule H*. Allg. Zeitschr. fur Psychiatrie. 1880. Bd XXXVII. S. 49.

11. *Чиж В. Ф.* Медицинское обозрение. 1889. Т. 32. № 14. С. 188.

12. *Каннабих Ю. В.* История психиатрии. М., 1929. С. 341.

13. Segla. Journal de psychologie. 1914. P. 305.

Озерецковский Д.С.

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.Х. КАНДИНСКОГО

(Кафедра психиатрии 1 ЛМИ им. акад. И.П. Павлова — зав. проф. Д.С. Озерецковский и 2-я психиатрическая больница Ленгорздравотдела — гл. врач Б.Е. Миронов)

Печатается по изданию:
Озерецковский Д.С. Научная деятельность В.Х. Кандинского // Вопросы клиники и лечения психических заболеваний. Материалы к юбилейной научной конференции, посвященной 100-летию больницы (22–23 декабря 1965 г.) / Ред. коллегия С.И. Коган, Б.Е. Миронов, Т.Я. Хвиливицкий. — Л., 1965. — С. 100–105

В дни празднования юбилея 2-й психиатрической больницы гор. Ленинграда, когда подводятся итоги ее вековой деятельности, с большой благодарностью вспоминается имя Виктора Хрисанфовича Кандинского, вся психиатрическая деятельность которого прошла в ее стенах.

Мы не имеем возможности в настоящей короткой статье остановиться на биографии этого выдающегося русского психиатра, тем более, что в 1949 г., к столетию со дня его рождения, основные биографические данные были опубликованы Н.В. Ивановым, а в 1952 г. появился уже обстоятельный биографический очерк, составленный А.В. Снежневским.

Отечественная медицина знает много примеров, когда первоклассные научные труды создавались практическими врачами. К их числу принадлежит и В.Х. Кандинский.

По приезде в 1881 г. в Петербург он поступает в больницу Николая Чудотворца, ныне 2-ю психиатрическую больницу, сверхштатным ординатором. В 1885 г. он избирается старшим ординатором и остается в этой должности до момента своей ранней смерти, последовавшей в 1889 г.

Питомец московского университета, врач-терапевт, до прихода в психиатрию уже зарекомендовавший себя несколькими печатными работами по внутренним болезням, он, прежде всего, в силу своего служебного положения стоял в стороне от академической группы петербургских психиатров, группировавшихся вокруг И.П. Мержеевского, к тому же иногда основательно расходясь с ними во мнениях.

Так, например, когда в начале 1883 г. в Петербургском обществе психиатров на трех очередных заседаниях рассматривался проект 36-й статьи нового Уложения о наказаниях, в которой давалось определение понятия невменяемости, В.Х. Кандинский почти один против подавляющего большинства отстаивал необходимость сохранения в ней общего, как он его называл, или юридического критерия невменяемости.

Если в настоящее время необходимость юридического критерия в формулировке понятия невменяемости является совершенно очевидной, то тогда В. Х. Кандинскому пришлось приложить много труда для того, чтобы доказать обоснованность своего предложения.

Отметим, что на совместном с психиатрами заседании юридического общества спор был решен в пользу В. Х. Кандинского.

Какой удивительной проницательностью отмечено следующее положение, выдвинутое В. Х. Кандинским в защиту юридического критерия: «Нельзя оставить статью закона, трактующую о невменении, без определения состояния невменяемости; иначе не только терпимая в обществе низшая степень слабоумия (простая дурковатость), но и такое болезненное расстройство, как, например, неврастения (тут душевная деятельность также не бывает вполне нормальною) — будут исключать собой вменение и давать право на безнаказанное совершение преступлений, что, мне кажется, вовсе нежелательно».

Всякий раз, когда обдумываешь творческий путь В. Х. Кандинского, невольно задаешь себе один и тот же вопрос, как мог практический врач, к тому же не обладавший хорошим здоровьем, создать в такой короткий срок ряд научных трудов, без преувеличения, огромного значения?

Правда, он общался с И. М. Балинским и И. П. Мержеевским и, конечно, пользовался их указаниями. Многое он мог получить от такого образованного и опытного врача, каким был О. А. Чечотт, работавший в те годы главным доктором больницы. А. В. Снежневский говорит также о большом влиянии, какое оказывали на В. Х. Кандинского идеи С. С. Корсакова. И, действительно, оправившись в 1879 г. после длительной болезни, В. Х. Кандинский живет до 1881 г. в Москве, занимаясь литературной деятельностью. Именно в эти годы он и мог сблизиться с С. С. Корсаковым. Ведь как раз к этому периоду относятся его первые исследования на психиатрические темы.

Но все основные труды В. Х. Кандинского выполнены им в годы работы в больнице. В первую очередь, это две большие монографии «О псевдогаллюцинациях» и «К вопросу о невменяемости», изданные в следующем после его смерти 1890 году его вдовой Е. К. Кандинской. Но следует отметить, что этюд «О псевдогаллюцинациях», как называл свою монографию сам В. Х. Кандинский, получил еще при жизни автора высокую оценку. Представленный в рукописи в Петербургское общество психиатров на соискание премии имени доктора Л. А. Филиппова, он был удостоен в январе 1886 г. этой премии, причем Общество вынесло решение о его напечатании.

Две другие монографические работы «Общепонятные психологические этюды» и «Современный монизм» были посвящены психологическим и философским вопросам.

Наконец, в большой статье «Случай сомнительного душевного состояния перед судом присяжных (дело девицы Юлии Губаревой)», напечатанной сначала в «Архиве психиатрии, неврологии и судебной психопатологии» в 1883 г., а позже включенной в монографию «К вопросу о невменяемости», впервые в русской литературе рассматривались вопросы психопатии истерического круга.

В 1882 г., после избрания в действительные члены Петербургского общества психиатров, В. Х. Кандинский представил на рассмотрение общества созданную им классификацию психических заболеваний, которая была встречена с интересом. В дальнейшем ею пользовались врачи больницы. Эта классификация была доложена В. Х. Кандинским на 1-м съезде отечественных психиатров в январе 1887 г. Хочется отметить активное участие, которое принимал В. Х. Кандинский в работе съезда. Он был избран в секретариат съезда и выступил в прениях по ряду докладов.

Нет никакой нужды повторять факты, с достаточной полнотой освещенные в упомянутых выше статьях Н. В. Иванова и А. В. Снежневского. Здесь мы остановимся только на самом значительном, что было создано В. Х. Кандинским в период его работы в больнице.

Широко известна монография «О псевдогаллюцинациях», так кстати переизданная в 1952 г. В ней прежде всего обращает на себя внимание умелый синтез клинического, данного в прекрасных описаниях, и физиологического.

Пусть в попытках объяснить психопатологические явления с точки зрения физиологии головного мозга содержится кое-что спорное и даже неверное. Дело совсем не в этом. Важно то, что в монографии правильно и четко указано то направление, в каком должно идти развитие материалистической психиатрии.

В связи со сказанным, вспоминаются следующие слова В. Х. Кандинского: «Нельзя определить психиатрию в терминах, взятых из этой же психиатрии… Здесь возможно лишь физиологическое определение».

Попутно хочется отметить одно обстоятельство. Советские психиатры с полным правом называют синдром психического автоматизма синдромом Кандинского—Клерамбо, в то время как во французской психиатрии за этим синдромом с 1927 г. было закреплено имя одного только Клерамбо.

Сравнивая монографию В. Х. Кандинского с исследованиями Г. Клерамбо, опубликованными почти через 40 лет после её выхода в свет, нетрудно убедиться в том, что В. Х. Кандинский описал в ней все многообразие проявлений психического автоматизма. Заслуга же Клерамбо, в основном, заключается в удачной систематизации этих проявлений. К тому же, монография В. Х. Кандинского была в 1885 г. издана в Берлине на немецком языке и, конечно, не могла остаться неизвестной французским психиатрам.

И, действительно, А. А. Перельман нашел у Клерамбо произнесенное «мимоходом» имя В. Х. Кандинского.

В классификации психических заболеваний, составленной В.Х. Кандинским, четвертое место занимает идеофрения или первично-бредовой психоз. В.Х. Кандинский говорил о ней, как о вновь установленном в науке заболевании. Он считал, что именно такое название «дает понять, что при этой психической болезни на первом плане стоит расстройство сферы представлений (ложные идеи)».

В рамках идеофрении оп рассматривал следующие формы — острую галлюцинаторную, кататоническую, простую хроническую, с бредом депрессивным, смешанным, начальным, экспансивным. Дополнительно к этим формам он выделял еще периодическую идеофрению и слабоумие после идеофрении.

Никто не будет в наше время ставить полного знака равенства между шизофренией и идеофренией, но бесспорным является то, что учение В.Х. Кандинского об идеофрении создавалось на основе клинических наблюдений, относящихся, главным образом, к шизофрении, и что оно, таким образом, как бы предвосхищало выделение шизофрении в ее современном понимании.

Выдвижение В.Х. Кандинским концепции идеофрении было совершенно закономерно, так как он хорошо понимал назревшую необходимость замены синдромологического направления в психиатрии нозологическим. Он говорил, что переживаемое им время «есть в психиатрии время замены прежних, односторонне симптоматологических воззрений… воззрениями клиническими».

Большая роль принадлежит В.Х. Кандинскому в создании учения о психопатиях. Об этом говорилось неоднократно.

Советские психиатры проделали за последние 15 лет большую работу по изучению трудно обнаруживаемых литературных источников, как русских, так и зарубежных, с целью подготовить достоверные материалы для составления истории учения о психопатиях.

Установлено достаточно твердо, что ведущая роль в создании учения о психопатиях принадлежит нашим выдающимся отечественным психиатрам — И.М. Балинскому, В.Х. Кандинскому и С.С. Корсакову, которые в начале 80-х годов прошлого века вложили своими трудами в понятие психопатии (а такой терминологией пользовались и до них) принципиально новое содержание. Как раз с их работ и стали намечаться очертания психопатии как особой нозологической формы.

Первой по времени (1883 г.) опубликования в печати является статья В.Х. Кандинского — «Случай сомнительного душевного состояния перед судом присяжных (дело девицы Юлии Губаревой)».

В.Х. Кандинский рассматривал психопатию как психическое уродство, характеризующееся дисгармоничной структурой личности психопата. Это — «уродливо странная психическая личность».

Можно было бы еще и еще говорить о замечательной научной деятельности В. Х. Кандинского. Но вряд ли в этом имеется необходимость. Ведь его имя уже навсегда вошло в историю отечественной психиатрии как одного из самых выдающихся и талантливых ее представителей.

Лунц Д. Р.

СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В. Х. КАНДИНСКОГО

Печатается по изданию:
Лунц Д. Р. Судебно-психиатрические взгляды В. Х. Кандинского // Проблемы судебной психиатрии. Сборник VII / Под ред. А. Н. Бунеева, Я. М. Калашника и Д. Р. Лунца. — М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1957. — С. 17–29

В литературе за последние годы появился ряд работ, освещающих с точки зрения современных научных взглядов значение клинических и психопатологических исследований В. Х. Кандинского (А. В. Снежневский, Н. В. Иванов и др.). Переиздание его монографии «О псевдогаллюцинациях» ознакомило широкие круги психиатров с одной из наиболее выдающихся работ мировой литературы по психопатологии.

В то же время работы В. Х. Кандинского в области судебной психиатрии, одним из основоположников которой он является, не получили за последние десятилетия освещения в печати, что, несомненно, является пробелом в разработке истории психиатрии.

Все судебно-психиатрические работы В. Х. Кандинского собраны и изданы посмертно его женой Е. К. Кандинской в 1890 году под общим названием «К вопросу о невменяемости». Они складываются из материалов выступлений на дискуссии по вопросам невменяемости в 1883 году и из восьми развернутых судебно-психиатрических анализов экспертных наблюдений.

Здесь с самого начала надо сказать, что как выступления В. Х. Кандинского по вопросам невменяемости, так и его судебно-психиатрические анализы далеко выходят за пределы судебно-психиатрической казуистики и высказываний по отдельным частным проблемам. Не говоря уже об их значении для современников, эти работы содержат ряд ценных и актуальных в наше время принципиальных суждений по проблеме невменяемости, особенностям судебно-психиатрической клиники, по клинической психиатрии в целом.

В. Х. Кандинский выступил со своими судебно-психиатрическими исследованиями в 80-х годах, ко времени зарождения нозологического направления в психиатрии, в период активной деятельности земской психиатрии, развития судебно-психиатрической экспертизы в связи с судебной реформой 60-х годов.

Лучшие традиции русской психиатрии — стремление к материалистическому пониманию психических расстройств в сочетании с клиническим реализмом и гуманным отношением к душевнобольным — нашли свое отражение в судебно-психиатрических взглядах В. Х. Кандинского.

В своих судебно-психиатрических работах В. Х. Кандинский стремился увязать теоретические положения с клиническими фактами, привести в соответствие философские основы учения о психической деятельности с юридическими положениями о вменяемости и на этой основе дать клиническое обоснование условиям невменяемости.

Существенно важным является и его предвидение значения нозологического принципа в психиатрии для решения проблемы невменяемости.

Во введении к своей оставшейся незаконченной работе о свободе воли он ставил задачу исследовать философско-психологическую сторону проблемы свободы воли для последующего применения разработанных им принципов к «Учению о вменении и состояниях невменяемости». «Я придаю особенное значение, — писал он, — рассмотрению всех этих вопросов в непосредственной связи одного с другим» [1].

В. Х. Кандинский дал впервые клинико-психопатологическое обоснование условий невменяемости, возможное для состояния психиатрических знаний того времени. Он выставил положение о том, что содержание юридических норм вменяемости и невменяемости принципиально согласуемо с клиническими данными, характеризующими психическое состояние подэкспертных. Для такого согласования необходимы лишь физиологическая трактовка психической деятельности и соответствие законодательной формулы невменяемости современным научным данным психиатрии [2].

В противоположность этому большинство современных западноевропейских и американских психиатров говорят о невозможности такого согласования, о непримиримом конфликте по этому вопросу между уголовным правом и психиатрией (Крепелин, Ланьель-Лавастин, Ист, Зильбург, Слейтер и др.). Как известно, именно это противоречие, неразрешимое в условиях буржуазной науки и буржуазной судебной практики, служит основным доводом против того, чтобы психиатры выносили экспертное заключение о вменяемости или невменяемости.

Не менее существенным является и то обстоятельство, что, по мнению В. Х. Кандинского, физиологическое направление исследований раскроет сущность психических заболеваний и, что особенно важно для проблемы невменяемости, внесет ясность в разграничение психического здоровья и психической болезни. «Где граница между здоровьем и болезнью? Здесь возможно лишь физиологическое определение» [3].

---

[1] *Кандинский В. Х.* К вопросу о невменяемости. СПб., 1890. Предисловие издательницы Е. К. Кандинской. С. 11.

[2] Там же. С. 10.

[3] Там же. С. 26.

Правда, по мнению В. Х. Кандинского, основу рациональной психиатрии составляет физиологическая психология. Как справедливо указывает А. В. Снежневский, в этом сказалась исторически обусловленная ограниченность воззрений, не преодоленное влияние Вундта[4]. Однако, безусловно, прогрессивным является стремление В. Х. Кандинского к физиологическому истолкованию психопатологических явлений и приложение этого истолкования к проблеме невменяемости.

Рассмотрение проблемы невменяемости В. Х. Кандинский считал возможным только с позиций детерминизма, отрицая идеалистическое толкование свободы воли. В соответствии с этим он трактует и данные Крафт-Эбингом условия вменяемости libertas judicii et' libertas consilii. Первое означает, по Кандинскому, знание свойства, значения и последствий деяния, а второе — возможность руководиться в момент совершения деяния ранее узнанным или понятным. «Вот два необходимых условия свободного акта воли, вот обе необходимые части психологического критерия вменяемости»[5].

Как он указывает, психически здоровый человек способен сделать выбор между совершением преступления и несовершением его. Этот выбор осуществляется под влиянием рассудочной, мыслительной деятельности. При психических заболеваниях больные теряют способность руководствоваться рассудком в своих поступках; поэтому их называют «*людьми помешанными и людьми неответственными*»[6] (подчеркнуто В. Х. Кандинским. — *Д. Л.*).

В соответствии с этим практическое разрешение проблемы невменяемости В. Х. Кандинский видел, прежде всего, в построении рациональной законодательной формулы невменяемости, которая соответствовала бы научным представлениям о психических заболеваниях и позволяла бы осуществлять судебно-психиатрическую оценку психических расстройств в каждом конкретном случае судебно-психиатрической экспертизы.

Эти взгляды он высказал на совместной дискуссии психиатров и юристов в 1883 году при обсуждении проекта законодательной формулы невменяемости. Дискуссия 1883 года является определенной исторической вехой в развитии русской судебной психиатрии, что в значительной мере связано с выступлениями В. Х. Кандинского, в которых он подытожил свои взгляды на проблему невменяемости.

Важнейшим положением, необходимым для экспертного заключения, В. Х. Кандинский считал наличие в законе «общего», как он его называл, или юридического критерия невменяемости, которым руководствуется эксперт в своей судебно-психиатрической оценке.

---

[4] *Снежневский А. В.* Предисловие к книге В. Х. Кандинского «О псевдогаллюцинациях». М., 1951. С. 15.

[5] *Кандинский В. Х.* К вопросу о невменяемости. С. 25.

[6] Там же. С. 26.

В законе, говорил В. Х. Кандинский, должна быть указана «степень, с которой действие каждой данной причины (болезни) должно считаться обстоятельством, уничтожающим способность ко вменению». Эта степень умственного расстройства определяется по выставляемому в законе общему (т. е. юридическому. — *Д. Л.*) критерию невменяемости.

Юридический критерий представляет собой обобщающую характеристику, общее определение, которое, по словам В. Х. Кандинского, должно совместить в себе, как в фокусе, все возможные конкретные случаи такого рода.

Одно из назначений юридического критерия и заключается в том, что он служит взаимопониманию юристов и психиатров-экспертов. Это та общая почва, на которой сходятся врачи и юристы при оценке того, как повлияло психическое заболевание на душевную деятельность[7].

В связи с этим он настаивал на включении в формулу невменяемости этого «общего» юридического критерия невменяемости наряду с ее медицинским критерием, представляющим, как известно, лишь обобщающий перечень заболеваний.

На дискуссии 1883 года В. Х. Кандинский остался в меньшинстве, его точку зрения разделяли только О. А. Чечот и Л. Ф. Рагозин. Возражения против введения юридического критерия были вызваны различными причинами, коренившимися не только в области психиатрических знаний, но и связанными с тенденциями социально-общественного характера, что заслуживает специального освещения. Однако одной из существенных причин являлся уровень психиатрических знаний того времени, господство в умах большинства психиатров симптоматических воззрений с вытекавшим из них неизбежным психологизмом, что препятствовало пониманию значения юридического критерия и принципов его применения. Это было время, когда только закладывались основы нозологической системы в психиатрии, закономерности и перспективы которой применительно к экспертизе видели лишь такие выдающиеся психиатры, как В. Х. Кандинский, С. С. Корсаков, а в дальнейшем В. П. Сербский. Симптоматическое направление давало мало опорных пунктов для четкой экспертной оценки глубины и характера психических нарушений. Это отчетливо сознавал В. Х. Кандинский, указывая, что «симптоматические» воззрения являются неудовлетворительными «по несогласию их с действительностью и по происхождению от произвольно предвзятых психологических теорий»[8].

Причина возражений большинства психиатров — участников дискуссии 1883 года против введения юридического критерия заключалась также в том, что противники этого критерия видели лишь его ограничительную сторону.

---

[7] *Кандинский В. Х.* К вопросу о невменяемости. С. 8.

[8] Там же. С. 102–103.

Прогрессивно-гуманистические взгляды большинства русских психиатров, их оппозиционные настроения и законное недоверие к судебно-следственным властям царской России вызывали стремление к максимальному освобождению от репрессий с помощью психиатрической экспертизы тех обвиняемых, которые обнаруживали те или иные психические отклонения. Всякие действительные или только кажущиеся ограничения (как это было с юридическим критерием) вызывали к себе отрицательное отношение.

Можно сказать, что возражения против современного построения формулы невменяемости с ее двумя критериями, которые отстаивал тогда В.Х. Кандинский, были преходящими, но исторически обусловленными. Они вызывались несовершенством психиатрических знаний при наличии несомненно прогрессивных оппозиционных настроений психиатрической общественности, справедливо не доверявшей царскому правосудию.

В.Х. Кандинский настаивал также на включении в этот общий (юридический) критерий двух признаков — интеллектуального и волевого, как это имеет место в ныне действующем законодательстве. В соответствии с этим он предложил собственную редакцию статьи закона о невменяемости, назвав ее «условиями невменения».

«Не вменяется в вину деяние, учиненное лицом, которое по постоянному своему состоянию или по состоянию своему во время учинения деяния не могло понимать свойство и *значение совершаемого* (интеллектуальный критерий. — *Д.Л.*) или же *не могло руководиться в то время здравым пониманием в действовании своем* (волевой признак. — *Д.Л.*)» [9] (Подчеркнуто В.Х. Кандинским. — *Д.Л.*).

Под постоянными состояниями и состояниями во время совершения деяния он понимал определенные болезненные расстройства психической деятельности (то есть медицинский критерий невменяемости), степень которых должна определяться «по выставляемому в законе общему критерию невменяемости» [10]. Тем самым В.Х. Кандинский указал на неразрывную связь медицинского и юридического критериев невменяемости. Хотя разделение юридического критерия на интеллектуальный и волевой признаки и является весьма условным с современной точки зрения, а аргументация В.Х. Кандинского по поводу самостоятельности волевого признака носит на себе печать функциональной психологии, борьба за его включение в формулу невменяемости в то время носила несомненно прогрессивный характер.

Мы указывали в другой своей работе [11], что стремление В.Х. Кандинского и В.П. Сербского включить в юридический критерий волевой признак было

---

[9] *Кандинский В.Х.* К вопросу о невменяемости. С. 32.

[10] Там же.

[11] См.: Судебная психиатрия: Учебник для юридических институтов. Госюриздат, 1954. С. 24.

вызвано желанием включить в число невменяемых тех психически больных, у которых их болезнь наиболее ярко проявлялась в нарушении регуляции поведения, в то время как интеллектуальные расстройства могли быть нерезко выраженными, трудно распознаваемыми. В условиях царского правосудия, при реакционном законодательстве и бесправном положении эксперта такие больные особенно легко могли быть признаны вменяемыми.

Проект формулы невменяемости, предложенный В. Х. Кандинским, показывает, что он четко разделял судебно-психиатрическую оценку состояния больного в период совершения преступления и ко времени производства экспертизы. При этом само понятие вменяемости-невменяемости он считал возможным применять лишь к психическому состоянию лица во время совершения им преступления, а не к психическому состоянию подэкспертного в любой период его жизни. Как известно, этот вопрос до последнего времени служит еще предметом дискуссии среди психиатров, часть которых, по-видимому, не совсем ясно представляет юридическое содержание понятия вменяемости, являющейся предпосылкой вины.

Другое дело, что В. Х. Кандинский учитывал при этом объективные клинические закономерности, состоящие в том, что стойкие болезненные расстройства психики могут ко времени экспертизы оставаться такими же, как и в момент преступления. Поэтому он и говорил о постоянном психическом состоянии подэкспертного. Однако юридический критерий он относил только к психическому состоянию во время совершения преступления, как это имеет место в ныне действующем законодательстве в ст. 11 УК РСФСР.

В. Х. Кандинский справедливо считал, что установление психического заболевания и даже его детальное психопатологическое описание вне оценки тяжести психических нарушений не может считаться полноценным экспертным судебно-психиатрическим заключением. «Дать клинический разбор известного психопатологического случая и подобрать ему подходящее название из обильного учеными терминами психиатрического лексикона еще не всегда значит точно определить судебно-медицинское значение этого случая» [12].

Он подчеркивал вместе с тем особое значение углубленного клинико-психопатологического анализа в трудных и так называемых сомнительных случаях, замечательные образцы которого представлены в его опубликованных судебно-психиатрических наблюдениях. «Между нормальным умственным состоянием и полным сумасшествием существует длинный ряд промежуточных состояний… и в подобных случаях только внимательное изучение данного случая in concreto, т. е. со всеми, так сказать, индивидуальными особенностями, позволяет решить вопрос о вменении» [13].

[12] *Кандинский В. Х.* К вопросу о невменяемости. С. 118.
[13] Там же. С. 46.

В. Х. Кандинский ясно отдавал себе отчет в значении нозологического принципа для судебно-психиатрической экспертизы вопреки многим западноевропейским психиатрам, утверждавшим в течение ряда лет, что точная диагностика не имеет существенного значения для решения экспертных вопросов. Он считал, что для судебно-психиатрической оценки важно знать, представляют ли те или иные психические нарушения в своей сумме «определенную форму душевной болезни или нет?» Таким образом, еще в период зарождения нозологического направления он впервые поднял вопрос о роли нозологического принципа в судебно-психиатрических оценках психических расстройств. И это нашло свое отражение в его клиническом обосновании судебно-психиатрической оценки отдельных заболеваний. На основе психопатологического анализа В. Х. Кандинский выделяет варианты одного и того же синдрома, различные как по их нозологической принадлежности, так и по тяжести болезненных изменений, чем и определяется их судебно-психиатрическая оценка. Существует громадная разница, говорит он, между тяжелой формой настоящей меланхолии в полном ее развитии и тем угнетенным состоянием духа, с заметной замедленностью движения представлений, в которое временно впадает пьяница после усиленных эксцессов in Baccho[14].

Столь же существенным представляется нам, с точки зрения развития принципов судебно-психиатрической оценки, и психопатологическое обоснование невменяемости при меланхолии.

В противоположность попыткам некоторых участников дискуссии 1883 года устанавливать нормально психологические закономерности и связи в поступках больных меланхолией и даже прогрессивным параличом (Томашевский, Литвинов), аргументация В. Х. Кандинского, будучи облечена в яркую, образную форму, заключается в приведении данных клинической психопатологии.

Меланхолик не может «представить самого необходимого условия для вменения» вследствие характера психических нарушений, сказывающихся в явлениях «психической задержки», в эмоциональных нарушениях и расстройствах мышления. «Сущность душевной болезни именно и сводится к явлениям психической задержки и подавленности, к крайне медленному и тяжелому движению представлений…» «При меланхолии болезненное представление, раз застрявши в сознании, так там укрепляется, так глубоко пускает свои корни, что его оттуда не только другим, да еще нормального характера представлением не выживешь, его, я полагаю, колом из сознания не выпрешь»[15].

Можно легко проследить связь судебно-психиатрических взглядов В. Х. Кандинского с его общими клиническими и психопатологическими

[14] *Кандинский В. Х.* К вопросу о невменяемости. С. 48.

[15] Там же. С. 18.

исследованиями. Свои судебно-психиатрические заключения он обосновывает мастерски развернутыми клиническими анализами, в которых содержится целый ряд новых для того времени клинических данных и выводов. Таковы, прежде всего, его описания и классификации острых приступов расстроенного сознания при эпилепсии и синдромов возбуждения, его трактовка психопатий, истерических проявлений и, наконец, выделенная им в качестве «самостоятельной психопатологической формы» идеофрения. Значение этих положений В. Х. Кандинского для психиатрии было уже показано А. В. Снежневским в биографическом очерке, приложенном ко 2-му изданию монографии «О псевдогаллюцинациях» [16], почему мы не считаем нужным останавливаться на этом.

Медицинские заключения, собранные в книге В. Х. Кандинского «К вопросу о невменяемости», охватывают наиболее актуальные вопросы судебно-психиатрической клиники. Как показывает приведенный ниже их перечень, эти вопросы не потеряли своего значения до настоящего времени и часто вызывают трудности и теперь при судебно-психиатрической оценке.

Восемь опубликованных в книге медицинских заключений касаются следующих клинических разделов. Первый, наиболее пространный анализ, посвящен экспертизе психопатий (случай Юлии Губаревой, опубликованный впервые еще при жизни автора). Во втором заключении (медицинское заключение о состоянии умственных способностей отставного прапорщика Александра К.) В. Х. Кандинский рассматривает вопрос о судебно-психиатрической оценке возрастных органических изменений сосудистого характера. Третий судебно-психиатрический анализ (случай отставного рядового Степана Ш.) посвящен вопросу о вменяемости при эпилепсии, не сопровождающейся явлениями выраженного слабоумия.

Четвертый и пятый анализы (случаи Т. Ф. и Марии ф. Бр.) представляют весьма интересную казуистику для отграничения психических уклонений не болезненного характера от болезненных расстройств психики.

В шестом анализе (случай Евграфа В.) В. Х. Кандинский рассматривает временное расстройство душевной деятельности у органика.

Наблюдение седьмое представляет случай дебильности, не исключающей вменяемости.

Последний анализ посвящен вопросу о патологическом аффекте и симуляции.

Психопатии и острые временные расстройства психической деятельности, оценка степени (тяжести) психических изменений при различных клинических формах, отграничение не болезненных аномалий от патологических нарушений психики и симуляция — таковы вопросы, занимавшие В. Х. Кандинского и продолжающие занимать внимание современных судебных психиатров.

---

[16] См.: *Кандинский В. Х.* О псевдогаллюцинациях. 2-е изд. М.: Медгиз, 1951.

Вполне естественно, что, будучи даже большим клиницистом и выдающимся, передовым в своих психиатрических взглядах исследователем, В.Х. Кандинский не мог полностью оторваться от состояния психиатрии своего времени. Поэтому и в его судебно-психиатрических заключениях мы встречаемся с неправильными, а подчас и наивными представлениями, преодоленными дальнейшим развитием психиатрии. Однако рассмотрение клинических судебно-психиатрических воззрений выдающихся представителей психиатрической науки не должно носить одностороннего характера, а нуждается в объективом освещении всех сторон их трудов, ибо само соотношение отброшенных ходом науки представлений с ценными наблюдениями и выводами помогает раскрыть характер судебно-психиатрических трудностей и пути их преодоления.

В истории учения о психопатиях анализ случая Юлии Губаревой останется как одно из первых капитальных исследований этой проблемы в мировой литературе. В монографически разработанном сообщении В.Х. Кандинский не только ставит вопрос о динамике психопатий, но и дает ряд ее клинических вариантов, обращая внимание на судебно-психиатрическое значение этих состояний. Он выделяет по существу психопатические декомпенсации и острые психотические состояния, указывая на наличие внутренней связи этих явно болезненных эпизодов с психопатическими особенностями, которые в первую очередь характеризуются дисгармонией всего психического облика больного и сложной структурой.

На примере Юлии Губаревой он показывает возможность включения истерических компонентов в структуру психопатических характеров иного круга, склонность отдельных психопатов к фантазированию, недостаточно регулируемую относительно слабым рассудком, изменчивость их эмоциональных проявлений. При этом в формировании психопатий подчеркивается значение не только наследственных факторов, но и значение ранних мозговых поражений, в связи с чем он говорит о постоянном, органически обусловленном психопатическом состоянии.

Ценность этих данных для разработки проблемы психопатий и их судебно-психиатрического значения ни в коей мере не снижается от таких, например, давно оставленных представлений, как зависимость истерических проявлений от нарушений в половой сфере и значение физических стигм дегенерации.

С другой стороны, нужно указать, что понятие психической дегенерации и чрезмерная переоценка патологической почвы для возникновения всех возможных острых психотических состояний у психопатов оставлены советской психиатрией, но имеют место в западноевропейской литературе.

Судебно-психиатрическая оценка психопатий вытекает из их клинической трактовки и во многом обусловлена особенностями их динамики.

Психопатическое состояние Губаревой во всей своей целостности, пишет В.Х. Кандинский, не обнимается ни одною из тех рубрик, которыми по за-

кону исключается вменяемость. Однако он тут же указывает, что «свобода действования» как показатель способности ко вменению у больной не одинакова в различные периоды времени. «Находясь в одном из таких состояний, как подчинение эпизодически возникающим насильственным и ложным представлениям, кратковременное неистовство, транзиторный бессвязный бред, скоротечные депрессивные и маниакальные состояния, Губарева абсолютно лишается свободы воли» [17].

В этой же работе освещена и судебно-психиатрическая оценка собственно истерических психических расстройств. Не имея еще, естественно, возможности дать последовательно научную концепцию истерии, что, как известно, было сделано лишь И. П. Павловым, В. Х. Кандинский классифицирует ее по клиническим проявлениям, определяющим и экспертное решение.

«Что касается до истерики, то она бывает разная» (стр. 109). Он выделяет истерические припадки, не сопровождающиеся резкими психическими расстройствами, и собственно психопатологические истерические расстройства, объединяемые старинным понятием психоистерии.

Различные клинические картины этих последних характеризуются и различной тяжестью психических нарушений, почему В. Х. Кандинский говорит о трех родах или степенях психоистерии. Если истерический невроз, под именем которого он описывает истерические характеры, не исключает вменяемости, то кратковременные острые приступы психоза и «истерическое хроническое сумасшествие» требуют для больных только психиатрического попечения.

Ряд судебно-психиатрических анализов посвящен, как мы указывали, такому важному вопросу, как определение степени (тяжести) болезненных нарушений психики.

О степени стойкого снижения психики предлагается судить исходя из клинического установления расстройств, характерных для данного заболевания, а также из сведений о поведении подэкспертного до привлечения его к ответственности и в период следствия. Однако если эти стойкие («хронические») изменения психики по своей тяжести не исключают вменяемости, то необходимо специально рассмотреть состояние подэкспертного во время совершения преступления, так как наличие психических изменений может способствовать возникновению «скоротечных» болезненных состояний под влиянием добавочных вредоносных факторов.

Таково наблюдение над больным К. (третий анализ), где артериосклеротическое снижение само по себе не достигло степени выраженного слабоумия. Однако ко времени совершения преступления (нанесение телесных повреждений) у этого больного под влиянием психогенных воздействий при наличии сосудистой неполноценности возникло состояние возбужде-

[17] *Кандинский В. Х.* К вопросу о невменяемости. С. 94.

ния, сопровождавшееся изменением сознания, внезапно перешедшее в сон, после чего отмечалась амнезия этого периода времени. Указанные особенности этого состояния позволили автору придти к заключению о том, что во время совершения преступления К. находился в остром кратковременном психотическом состоянии, исключавшем вменяемость.

Признание вменяемости в случае эпилепсии аргументируется отсутствием у больного острых эпилептических синдромов во время преступления и выраженных стойких психических изменений в его обычном состоянии. Автор, правда, говорит о некотором ослаблении воли и нравственного чувства в результате длительного страдания травматической эпилепсией, что якобы сказалось в антисоциальном поведении подэкспертного. Однако неправомерность этой психологической и биологизирующей трактовки не оказала влияния на судебно-психиатрическое заключение о вменяемости, указывающее, что судебно-психиатрическая оценка строилась на клиническом анализе.

Несмотря на то, что В. Х. Кандинский восставал против допущения произвольных психологических теорий в трактовке психических заболеваний и говорил о необходимости ограничиваться чисто медицинскими соображениями [18], элементы психологизма неизбежно должны были найти место при рассмотрении им поведения некоторых из описанных подэкспертных. Это определялось общим уровнем развития психиатрии в то время. Правда, психологизм допускался им только там, где он констатировал отсутствие душевного заболевания, а устанавливал лишь невротические явления или психопатические черты характера. В этих случаях речь шла и об анализе мотивов преступления и о чисто психологической характеристике облика подэкспертных, что явно выходит за пределы компетенции психиатра-эксперта. Вместе с тем нужно отдать должное мастерству психологической характеристики и четкости отграничения круга психологических переживаний от психопатологических расстройств. Примером может служить описание случая баронессы Марии ф. Бр. и рассмотрения взаимоотношений этой склонной к романтизму, мечтательности и восторженности астенической личности с ее мужем — тяжелым психопатом и алкоголиком.

Большое внимание в книге «К вопросу о невменяемости» уделено скоропреходящим временным расстройствам психической деятельности, которые по уголовному закону царской России подпадали под неудачно сформулированное понятие «умоисступления».

В. Х. Кандинский разграничивает физиологический и патологический аффекты, считая обязательным признаком последнего помрачение сознания. Правда, в число критериев патологического аффекта включаются и такие признаки, как жестокость преступления и последующее равнодушие к со-

[18] См.: *Кандинский В. Х.* К вопросу о невменяемости. С. 210.

деянному[19], которые не являются клиническими показателями этого исключительного состояния. Однако следует помнить, что до последнего времени некоторые психиатры придерживались этой ошибочной точки зрения, аргументируя таким образом свои заключения о невменяемости при исключительных состояниях. Важно также и то, что при рассмотрении состояний «умоисступления» правильно намечается значение так называемой патологической почвы, на которой они возникают. Указывается, что «патологическая почва предрасполагает к аффектам вообще и не исключает аффекта физиологического», в том числе и аффекта гневной запальчивости.

О патологической почве В. Х. Кандинский говорит не только применительно к временным расстройствам психической деятельности, но и при рассмотрении симуляции психических заболеваний. Это совершенно справедливое положение подтверждается значительными трудностями судебно-психиатрической экспертизы такого рода случаев. Оно получило свое развитие в исследованиях Говсеева, Клода и Эснара, а в дальнейшем в работах советских судебных психиатров. В них были показаны особенности клинических проявлений этих психопатологически сложных состояний и даны опорные пункты их распознавания (Я. М. Калашник, А. Л. Лещинский, Н. И. Фелинская).

Широкий круг вопросов, затронутых В. Х. Кандинским, многие из которых были освещены им впервые, тесная увязка передовых теоретических взглядов в области судебной психиатрии с его клиническими и психопатологическими исследованиями делают его по праву одним из основоположников не только общей психопатологии, но и судебной психиатрии.

Дальнейшее развитие советской судебной психиатрии показывает преемственность в ее клинических воззрениях с идеями В. Х. Кандинского и еще ярче подчеркивает роль и значение его трудов для общей и судебной психиатрии.

Рохлин Л. Л.

ФИЛОСОФСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ В. Х. КАНДИНСКОГО

Печатается по изданию:
Рохлин Л. Л. Философские и психологические воззрения В. Х. Кандинского // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. — 1969. — Т. 69. — Вып. 5. — С. 755–761

6 апреля 1969 г. исполнилось 120 лет со дня рождения В. Х. Кандинского — выдающегося русского психиатра, сыгравшего огромную роль в раз-

[19] *Кандинский В. Х.* К вопросу о невменяемости. С. 236.

витии отечественной психиатрии, оставившего неоценимое научное наследие во многих важнейших разделах клинической и социальной психиатрии.

Перу его принадлежат непревзойденные по глубине и тонкости психопатологические описания выделенных им вариантов обманов чувств (псевдогаллюцинаций) и связанных с ними явлений, вошедших в психиатрическую литературу под названием психического автоматизма.

Физиологические и психологические концепции Кандинского, его превосходные переводы и рефераты фундаментальных трудов прогрессивных зарубежных ученых в области физиологии, психологии и психиатрии оказали большое влияние на формирование общей психопатологии.

В. Х. Кандинский принимал активное участие в наиболее важных начинаниях психиатрической общественности своего времени.

К 100-летию со дня его рождения в 1949 г. в статье, посвященной этой дате, Н. В. Иванов писал: «…историки психиатрии в долгу перед памятью этого большого ученого, так как до сих пор Кандинский остался забытым в смысле освещения его личности, в оценке его общего значения в истории психиатрии» [1, стр. 8].

Годы, прошедшие со дня написания этих строк, изменили положение. Как упомянутая, так и последующая большая статья того же автора [2], переиздание в 1952 г. (впервые в советский период) замечательной монографии В. Х. Кандинского «О псевдогаллюцинациях» с предисловием, биографическим очерком и примечаниями А. В. Снежневского [3] имели большое значение в оживлении интереса к жизни и творчеству нашего выдающегося ученого. В периодической печати и сборниках появился ряд статей о философских, психологических и психиатрических воззрениях В. Х. Кандинского [4–7]. Всестороннему изучению подверглись психопатологическая структура и клинические особенности впервые описанных им псевдогаллюцинаций и психического автоматизма при различных психических заболеваниях [8–10]. Всероссийским и Астраханским научными обществами невропатологов и психиатров в 1966 г. была организована специальная научная конференция, посвященная вопросу об относительной нозологической специфичности синдрома психического автоматизма и псевдогаллюцинаций, описанных В. Х. Кандинским [11].

Но было бы большой ошибкой признать, что жизнь и творчество В. Х. Кандинского в достаточной мере изучены. Ряд особых обстоятельств в личной судьбе ученого затрудняет составление полной его научной биографии. Об этом писал и Н. В. Иванов: «Собрать подробные биографические материалы о Кандинском теперь крайне трудно. Местонахождение его личного архива неизвестно, воспоминания современников не опубликовывались, служебного личного дела также не удалось найти» [1, стр. 8]. К таким обстоятельствам жизни В. Х. Кандинского относится прежде всего

перенесенная им душевная болезнь, закончившаяся трагическим уходом из жизни еще в сравнительно молодом возрасте [1].

Особенности творческого стиля ученого позволяют думать, что опубликованные им труды составляют лишь небольшую часть научных материалов, которые были подготовлены им к печати. Об этом свидетельствуют высказывания как самого В. Х. Кандинского, так и его жены.

В предисловии к своей монографии о псевдогаллюцинациях, помеченном «С. Петербург, апрель 1886 г.», он пишет: «По первоначальному моему плану очерк „О псевдогаллюцинациях" предполагался в качестве члена целого ряда очерков, совокупность которых должна была бы обнять все учения об обманах чувств» [13, стр. 1].

В предисловии же к книге «К вопросу о невменяемости», изданной женой В. Х. Кандинского через год после его смерти, она указывает, что эта его работа является частью подготовлявшегося им в 1887–1888 гг. к публикации большого медико-философского исследования «О свободе воли» [14, стр. 1].

К сказанному следует добавить, что за сравнительно короткий период своей творческой деятельности, прерываемой приступами душевной болезни, ученый опубликовал еще две монографии философского содержания: «Общепонятные психологические этюды» [15], «Современный монизм» [16] и перевел с немецкого языка с обширными дополнениями и примечаниями капитальный труд В. Вундта «Основания физиологической психологии» [17]. Все это отчетливо характеризует стремление Кандинского к созданию монументальных научных произведений и подтверждает мысль, что печатные его работы отражают лишь незначительную часть его творческого наследия. Вот почему так важно обнаружение личного архива ученого [2].

Несмотря на указанные трудности в составлении полной биографии В. Х. Кандинского, основные этапы его жизнедеятельности все же удалось установить.

Родился он 6 апреля 1849 г. в селе Бянкино Забайкальской губернии (ныне Нерчинского района Читинской области). Первые годы жизни провел в многолюдной семье отца Хрисанфа Петровича Кандинского, известного в Сибири купца и промышленника, владельца нерчинских заводов. В 14 лет поступил в 4-й класс 3-й Московской гимназии; по ее окончании был зачислен на медицинский факультет Московского университета, который успешно окончил в 1872 г. Получив звание «лекаря», В. Х. Кандинский

[1] О том, что В. Х. Кандинский во время одного из повторных приступов психического заболевания покончил жизнь самоубийством, имеются прямые указания в учебном пособии «Повторительный курс психиатрии», составленном В. В. Воробьевым (Киев, 1891, стр. 16). Косвенные же сведения содержатся в некрологе, напечатанном в газете «Восточное обозрение» [12].

[2] Соответствующие меры к отысканию этого архива нами в настоящее время предпринимаются.

работает врачом-ординатором во 2-й Московской «временной больнице» (ныне 2-я Градская больница). В 1876 г. призывается на военную службу во флот, во время прохождения которой принимает участие в Русско-турецкой войне и получает ранение в сражении под Батумом. В 1877–1878 гг. В. Х. Кандинский переносит с небольшим перерывом два приступа психического заболевания; лечится он в Париже, в госпитале св. Анны. По выздоровлении возвращается в Москву, где в течение некоторого времени занимается литературным трудом; в 1881 г. переезжает в Петербург, где работает сверхштатным ординатором в психиатрической больнице св. Николая (ныне 2-я Ленинградская психиатрическая больница). В 1883 г. переносит третий короткий приступ психического заболевания, после которого продолжает работать в той же больнице. В 1885 г. там же избирается на должность старшего ординатора, которую занимает до своей смерти 6 июля 1889 г. Умер В. Х. Кандинский в возрасте 40 лет.

Такова краткая биография ученого. Как ни скупы приведенные в ней данные, отдельные факты не могут не обратить на себя внимание. Прежде всего возникает вопрос — как объяснить, что в богатой купеческой семье с чертами гангстеризма и хищничества, столь характерными для ранней стадии развития капитализма в России, мог сформироваться такой утонченный ученый и гуманный врач, каким был Кандинский. Как мы увидим дальше, этот вопрос закономерен еще и потому, что В. Х. Кандинский придерживался материалистических взглядов, его научные концепции носили прогрессивный характер, он отличался высокой общественной активностью и демократичностью.

Здесь, мы полагаем, следует учитывать ряд моментов. Одним из них является положительное влияние, которое могли оказать на В. Х. Кандинского в период его формирования в детском возрасте политические ссыльные. «Даже в „гиблых местах“ Забайкалья, — пишет известный исследователь истории культуры этого края Е. Д. Петряев, — особенно там, где были сосредоточены политические ссыльные, — всюду смелая и честная мысль пробивала себе дорогу к народу, несмотря на полицейские рогатки и административный произвол» [18, стр. 5].

По любезно сообщенным нам Петряевым сведениям, в доме Кандинских бывали многие гости из Забайкалья: писатели, ученые, инженеры. Тут был литературно-музыкальный салон. В нем бывал и штабс-лекарь М. А. Дохтуров — приятель Байрона. По мнению Петряева, на детей Кандинских особенно положительное влияние оказали бывшие в то время в этих краях в ссылке польские революционеры. Сравнительно рано, еще в детском возрасте, В. Х. Кандинский стал жить в Москве и, по существу, уже был оторван от семьи. В Москве же, в старших классах гимназии и, особенно, в период учебы на медицинском факультете Московского университета, он оказался в среде молодежи, которая характеризовалась революционными

настроениями. Властителями дум молодой интеллигенции того времени были Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев, Н. А. Добролюбов. В своих произведениях они призывали молодежь к разработке вопросов научного естествознания — могучей опоры в борьбе против мракобесия и идеализма.

В студенческие годы, как указывает в некрологе Роте [19], В. Х. Кандинскому в связи с внезапным разорением отца пришлось жить в трудных материальных условиях. В последующие же годы своей врачебной деятельности он, по словам Н. В. Иванова, оказался в «кругу демократически настроенных московских врачей» [2, стр. 693].

Огромное значение для формирования мировоззрения ученого имело и то, что в его время на арену научной и общественной деятельности в России выдвинулась блестящая плеяда материалистически мыслящих ученых в области естественных наук и медицины. Это был период замечательных успехов русского естествознания, славные достижения которого приумножали своими трудами А. М. Бутлеров и Д. И. Менделеев, И. М. Сеченов и К. А. Тимирязев, А. О. и В. О. Ковалевские и И. И. Мечников. В медицине тогда громко звучали имена знаменитого хирурга Н. И. Пирогова и выдающегося терапевта С. П. Боткина. Бурное развитие характеризовало и психиатрию, которую под влиянием И. М. Сеченова развивали на материалистических основах И. П. Мержеевский, С. С. Корсаков, П. И. Ковалевский, В. М. Бехтерев.

Мировоззрение В. Х. Кандинского получило отражение не только в его высказываниях по философским вопросам в научных трудах по общей психопатологии и клинической психиатрии, но и в монографиях, посвященных изложению его философского «кредо».

Первая из них — «Общедоступные психологические этюды» [15], по его определению, представляет собой «очерк истории воззрений на душу животных и человека», вторую — «Современный монизм» [16] он характеризовал как «популярный философский этюд».

О мировоззрении ученого можно судить и по отношению его к тем или иным видным представителям философии и естествознания. Ярким примером является высказывание его о видном представителе французских философов-материалистов XVIII столетия Пьере Жане Кабанисе. «Великая заслуга Кабаниса, — писал Кандинский, — состоит в том, что у него первого психология является отраслью науки о жизни вообще, связывает проявления разума и воли с общими жизненными явлениями и показывает, что тело и душа соотносительны. С этих пор душа, как одна из сторон жизни, должна быть изучена не спекулятивно, но посредством метода естественных наук» [15, стр. 61–62]. Изложение взглядов Кабаниса В. Х. Кандинский заключает следующими словами последнего: «Головной мозг есть специальный орган мысли».

На Кандинского, по-видимому, большое впечатление произвела книга другого французского философа, его современника Людвига Нуаре.

Эпиграфом к своей монографии «Современный монизм» он взял слова Нуаре: «Над природой нет для нас ничего, природа — все».

Приведя высказывание Нуаре, что основной истиной является утверждение «Я есть я», Кандинский далее пишет, что отсюда вытекает другая основная истина: «мое я не есть все; в этом заключается… источник убежденности в реальности внешнего мира. Итак, — обобщает он, — существуют вещи вне нашего я, существует внешний мир. Как мы назовем самую суть мира — субстанцией, субстратом, телом, материей — все равно; будем, пожалуй, называть ее материей» [16, стр. 5]. Определяя свое философское мировоззрение в терминах, принятых в его время как монистический реализм, в другой своей философской книге В. Х. Кандинский писал: «Понятия никогда не могли бы возникнуть у нас, если бы не побуждал нас к тому объективный мир» [15, стр. 121]. Эти высказывания можно дополнить и рядом других, которые свидетельствуют о признании ученым первичным, основным материальным мир и производным, вторичным по отношению к нему — духовное, психическое. Материализм Кандинского отчетливо выразился в его утверждениях, что «…вся психическая деятельность может быть сведена на механизм, т. е. объяснена в том же роде, как мы объясняем весь мир…» [15, стр. 151], «мысль есть не что иное, как функция мозга» [16, стр. 17].

Интересны высказывания Кандинского в области гносеологии. «В данных чувствованиях, — писал он, — мы можем истолковать всю вселенную, потому что чувствование и есть источник всякого познания» [15, стр. 149]. «Какое мы имеем право предполагать, — спрашивает он, — что реальность независимо от ощущения должна быть другой, чем в нашем ощущении, если ощущение признается частью этой реальности» [15, стр. 151–152].

В. Х. Кандинский критикует концепцию Канта об априорности пространства и времени, рассмотрение их как субъективные категории и агностицизм Канта, признание им непознаваемости «вещи в себе». «Пространство и время, — пишет Кандинский, — по монистическому мировоззрению не что иное, как форма, в которой проявляются вещи… Монизм утверждает полное тождество между вещами в форме явлений и „вещами в самих себе…“ Узнав природу вещи, мы можем сказать, что проникли в самую „сущность“ вещи» [16, стр. 7]. «Шопенгауер хотел объяснить мир, — пишет он, — отправляясь от человеческого самосознания. Монисты, напротив, хотят изучить дух из природы, путем постепенного развития духа в ряде существ. Сущность познания должна быть исследуема не a priori, но из природы познаваемого» [16, стр. 16].

Характеризуя философские взгляды В. Х. Кандинского, следует остановиться на его отношении к успехам естественных наук во второй половине XIX столетия и к видным их представителям. Опираясь на концепции эволюции Лайеля, Ламарка, Дарвина, Геккеля, В. Х. Кандинский активно

пропагандирует в своих философских произведениях материалистически понимаемую идею развития. Он указывает, что теория развития послужила прочным основанием монистической материалистической философии. «Мир в том виде, как он существует теперь,— пишет он,— есть продукт развития, а развитие есть непрерывный переход от простого к сложному, от однородности к разнообразию, от низшей степени сознания к высшей» [16, стр. 9]. В том периоде, к которому относятся цитируемые высказывания ученого, центральной фигурой в ожесточенной борьбе между материализмом и идеализмом был Геккель, подвергавшийся яростным нападкам реакционных философов-идеалистов и мракобесов. Представляет большой интерес отношение Кандинского к этому пламенному пропагандисту идей Дарвина, о котором Ленин писал, что он «изложил победное шествие естественно-исторического материализма» [3]. «Геккель своими смелыми теориями,— подчеркивает В. Х. Кандинский,— существенно способствовал распространению идей развития и в значительной степени осветил до тех пор темную область биогенетических фактов. Заслуга Геккеля главным образом в том, что он последовательно провел дарвинскую теорию до самых границ животного царства и показал, что между мирами неорганическим и органическим непроходимой бездны нет» [16, стр. 30].

В идее развития ученый видел универсальный принцип природы, а не только живого мира. «Современные монисты,— писал он,— идут далее науки и утверждают, что развитие есть закон всеобщий, действующий не только в органическом мире, но и во всей природе» [16, стр. 19]. Он отмечал качественное отличие человека от животных, понимая, что явилось основой выделения человека из животного мира. «Отделение мира человека,— писал он,— началось с того момента, когда четырерукий примат стал употреблять *орудие*, сначала, конечно, самое первобытное… Употребление орудия развило способность держаться в вертикальном положении, так как при работе орудием необходимо держаться на ногах, имея руки свободными. Совместная деятельность первобытных людей… дала начало языку. Развитие же человеческого разума совершалось в зависимости от развития языка, потому что понятия, способность к образованию которых составляет характеристическую способность человека, создаются голосовой речью. Длинный путь развития,— заключает Кандинский,— отдалил человека от мира животных настолько, что теперь человек по своей умственной организации справедливо может быть поставлен в особое царство — *царство человека*» [16, стр. 31].

Как видно из этого высказывания, в нем подчеркнуты физические и психические особенности человека, его способность к речи и понятийному мышлению, его умение пользоваться орудиями. Но материализм Кандинского

[3] *Ленин В. И.* Сочинения. 4-е изд. М., 1947. Т. 14. С. 391.

не перешагнул здесь границы домарксового материализма, характеризующегося абстрактным, неисторическим подходом к человеку, без понимания того, что действительная сущность человека, как утверждал К. Маркс, «есть совокупность производственных отношений»[4].

Философские воззрения Кандинского неразрывно связаны с его взглядами на психологию, природу, механизмы и генез психической деятельности. Материалистическая направленность ученого получила особенно яркое выражение в его понимании психологии как объективной науки, развивающейся на физиологической основе.

В. Х. Кандинскому принадлежит заслуга перевода на русский язык фундаментального труда В. Вундта «Основания физиологической психологии», который, по словам самого Кандинского, «первый сделал попытку полного систематического изложения психологии, основанной на специальных научных исследованиях строения и отправлений нервной системы…» [17, стр. 1][5].

Несмотря на то, что Вундт по своим философским воззрениям был идеалист, объективно его психологические исследования способствовали подрыву идеалистических представлений в психологии и превращению последней в объективную науку, развивающуюся на физиологических основах. Решающую же роль в этом отношении сыграл И. М. Сеченов. В ранее опубликованной работе [20] мы останавливались на том, какое огромное влияние оказал И. М. Сеченов на развитие отечественной психиатрии, и подчеркивали, что ведущие русские психиатры того времени не только разделяли основные его концепции, но и опирались на них в своей клинической практике. Можно утверждать, что в исследованиях В. Х. Кандинского в области психологии и общей психопатологии, а также по различным клиническим проблемам психиатрии получило отражение влияние сеченовских концепций; это проявилось в углубленном физиологическом толковании основ возникновения и развития психопатологических явлений и различных клинических форм психических расстройств[6].

[4] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 3.

[5] Книга В. Вундта вышла в свет на немецком языке в 1874 г. Русское ее издание в переводе и с добавлениями В. Х. Кандинского было напечатано в 1881 г. Важнейшие дополнения, сделанные Кандинским, касались учения в корковых центрах и учения о галлюцинациях. В остальных добавлениях содержались сведения о новейших исследованиях в области анатомии и физиологии нервной системы. Издание книги на русском языке имело большое значение для применения в психиатрической клинике экспериментально-психологических методов исследования психически больных и стимулировало создание при психиатрических клиниках лабораторий экспериментальной психологии. Первая такая лаборатория в России была создана в 1885 г. в Казани В. М. Бехтеревым.

[6] Физиологические концепции В. Х. Кандинского в психиатрии подробно проанализированы в предисловии А. В. Снежневского к изданию книги Кандинского «О псевдогаллюцинациях» (1952).

Как известно, И. М. Сеченову пришлось отстаивать свои материалистические концепции в области психологии в напряженной и страстной борьбе с представителями различных направлений реакционно-идеалистической философии и психологии России того времени. Воинствующий материалист И. М. Сеченов в этой борьбе был в едином строю с революционными демократами 60–70-х годов, в первую очередь Н. Г. Чернышевским, с которым его связывала глубокая личная дружба. Возникает вопрос, принял ли участие В. Х. Кандинский в той острой и напряженной полемике, которая возникла в связи с выступлениями И. М. Сеченова по вопросам психологии, или она прошла мимо него. Важно также установить, каково было отношение В. Х. Кандинского к основным теоретическим положениям И. М. Сеченова в области психологии, в частности к его рефлекторной концепции психики. Вопросы эти не получили освещения в нашей литературе.

Представляют большой интерес высказывания В. Х. Кандинского в одной из рецензий, напечатанной в журнале «Медицинское обозрение» в 1874 г. и посвященной анализу работы известного немецкого психиатра П. Замта «Естественно-научный метод в психиатрии» [21]. Эта рецензия не оставляет сомнения в том, что В. Х. Кандинский не только следил за борьбой И. М. Сеченова за утверждение материалистического принципа в отечественной психологии, но и сам вложил свою лепту в эту борьбу, будучи еще совсем молодым врачом с двухлетним стажем практической работы.

«Оставляя в стороне философов ex professione, — писал он в этой рецензии, — можно указать на психологов-естествоиспытателей, по-видимому, отправляющихся от данных положительной науки, но приходящих к воззрениям, не имеющим ничего общего с последней… Из российских писателей по психологии напомню о Кавелине[7] (трактат которого был помещен в Вестнике Европы) с его вовсе не научным представлением о душе

---

[7] В 1871 г. появилась книга реакционного историка-публициста К. Д. Кавелина «Задачи психологии», направленная против взглядов И. М. Сеченова на психологию, изложенных в работе «Рефлексы головного мозга». И. М. Сеченов ответил на выступление Кавелина статьей «Замечания на книгу Кавелина „Задачи психологии“», напечатанной в журнале «Вестник Европы» (1872, № 11, стр. 386–420), а затем опубликовал в этом же журнале свою нашумевшую статью «Кому и как разрабатывать психологию» (1873, № 4). В том же году вышла книга И. М. Сеченова «Психологические этюды», в которую вошли три его работы: «Рефлексы головного мозга», «Кому и как разрабатывать психологию» и «Замечания на книгу Кавелина».

В ответ Кавелин в течение 1874 г. опубликовал в журнале «Вестник Европы» четыре статьи под названием «Письма Кавелина», в которых вновь подвергал критике концепцию И. М. Сеченова в области психологии. Ученый откликнулся на эти «Письма» статьей «Несколько слов в ответ на письма г. Кавелина», в конце которой указал, что считает дальнейшую полемику бесполезной, так как не видит в высказываниях Кавелина чего-либо нового.

как об организме, хотя и тесно связанном с организмом телесным, и в то же время и самостоятельном» [21, стр. 328].

Далее В. Х. Кандинский переходит к изложению взглядов ученых, стоящих на позициях, противоположных позиции Кавелина, и признающих развитие психологии на естественнонаучных основах. «В современной научной психологии, — пишет он, — никто уже не говорит о душе как абстрактной сущности, как о чем-то цельном, нераздельном и нематериальном, только внешним образом связанным с телом, но совершенно отличным от последнего. Под именем душа психолог понимает всю совокупность явлений психической жизни, обнимающей способности, ощущения, представления, воли, — явлений, которые в конце концов сводятся на молекулярные движения вещества в мозгу и нервах. Поэтому для нас душа не есть постоянное метафизическое целое, но количественно и качественно измененная функция… Наука установила уже как незыблемое положение: без мозга, или, верней, без нервной системы нет душевной деятельности, нет психической жизни» [там же, стр. 329]. Далее В. Х. Кандинский, указывая на наличие в психической жизни, кроме сферы сознания, еще бессознательной деятельности и на неразрывную связь между этими видами психической деятельности — произвольной и автоматической, переход от одной к другой, формулирует в духе И. М. Сеченова рефлекторную концепцию психической деятельности. «Если, таким образом, невозможно, — пишет он, — провести резкую границу между сознательным психическим актом и бессознательным сложным движением, с другой стороны — между этим последним и простым спинномозговым рефлексом, то весьма естественно возникновение стремления объяснить и сложные психические отправления по принципу рефлекса…, что головной мозг есть механизм, в устройстве которого дана возможность самых сложных отправлений по принципу рефлекса» [там же, стр. 330]. В этих высказываниях можно уловить не только влияние И. М. Сеченова на мировоззрение В. Х. Кандинского, но и прямо сеченовские доказательства провозглашенной им рефлекторной теории психической деятельности.

Из изложенного можно сделать вывод, что уже на первых порах своей научной деятельности В. Х. Кандинский шел в трактовке психической деятельности по пути, намеченному И. М. Сеченовым, и поднялся до понимания ее как деятельности мозга во взаимодействии с внешним миром, отвечающей на его воздействия, т. е. он понимал, как правильно указывает С. Л. Рубинштейн, что «психическая деятельность является функцией мозга и отражением внешнего мира, потому что сама деятельность мозга есть деятельность рефлекторная» [22, стр. 5].

Итак, имеются все основания считать философские взгляды В. Х. Кандинского материалистическими. К какому же варианту материализма их можно отнести? Мы полагаем, к той его разновидности, которую В. И. Ленин

определял как естественнонаучный материализм. Расшифровка этого понятия дана Лениным в полемике с махистами.

По Ленину, естественноисторический материализм «*абсолютно* не мирится ни с какими оттенками господствующего философского идеализма». Владимир Ильич подчеркивает «*неискоренимость* естественно-исторического материализма, *непримиримость* его со всей казенной профессорской философией и теологией»[8]. В то же время он отмечает стихийность и непоследовательность идей многих представителей естественнонаучного материализма и в ряде случаев при объективно неразрывной связи с философским материализмом отрицание принадлежности к таковому. В. Х. Кандинский тоже не всегда был последователен в своих философских высказываниях. В ряде случаев эти высказывания противоречивы. Можно отметить его несостоятельную попытку примирения идеализма и материализма и признание существования, кроме материалистического и идеалистического монизма, еще одной его разновидности, «равно далекой как от спиритуализма, так и от материализма, занимающей, так сказать, среднее место между этими двумя крайностями…» [16, стр. 4]. В. Х. Кандинский указывает, что исходным для этого третьего варианта монизма было учение Спинозы, а продвигалось оно вперед «на фундаменте естественных наук». Как и другим вариантам немарксовского материализма, материализму В. Х. Кандинского не хватало диалектики и он не распространялся на общественные явления.

В нашей литературе В. Х. Кандинского критиковали за приверженность концепции «всеобщей одушевленности материи», гилоизму [2]. В известной мере эта критика должна быть признана справедливой. Однако если следовать не букве, а духу высказываний ученого, то становится ясным, что ему в определенной мере было доступно понимание метафизической ограниченности концепций гилоизма.

«Если мы не хотим становиться вразрез с положительной наукой, — пишет В. Х. Кандинский, — то мы не можем смотреть на психическую жизнь иначе, как на часть общей жизни, и, следовательно, должны признать психическую деятельность свойственной в большей или меньшей степени всем живущим существам животного царства» [15, стр. 122]. Указывая, что душа есть продукт неизмеримо длительного духовного развития всех наших человеческих и животных предков, В. Х. Кандинский вступает в полемику с Геккелем, который наделял душой атомы. «Мы не скажем, по примеру Геккеля, — пишет он, — „атомы имеют душу“, потому что этот способ выражения может вызвать у читателя недоумение… навертывается вопрос — неужели атомы мыслят и чувствуют? Нет, конечно, атом не мыслит…» И далее: «атом… не душа, но во всяком случае то, из чего есть возможность

[8] *Ленин В. И.* Сочинения. 4-е изд. М., 1947. Т. 14. С. 335.

получиться душе на высших ступенях развития, т.е. в животном мире» [15, стр. 122]. Ученый возражает также против представления о наличии сознания и даже чувствительности у растений. «Что касается до растительных организмов, — указывает он, — то мы не находим достаточных оснований согласиться с теми естествоиспытателями (Фехнер, Геккель, Люис, Виньоли) и философами (Шопенгауер, Гартман), которые приписывают „душу“ растениям» [15, стр. 123].

Как другой пример якобы непоследовательности и эклектизма В.Х. Кандинского, если следовать опять-таки букве, а не духу написанного, можно было бы привести его высказывания о Лейбнице и развиваемом им учении о монадах. Последние, как известно, Лейбниц считал основой всего сущего, наделенными стремлением и представлением и построенными по образу «рефлектирующей души». Однако можно согласиться с М.Г. Ярошевским, что видеть в учении Лейбница всего лишь возврат к анимизму было бы крайним упрощением. «Естествоиспытатель, — справедливо указывает этот автор, — уживался в Лейбнице с теологически настроенным метафизиком, детерминист — с телеологом. Так, где верх брал первый, в сокровищницу психологического знания попадали изумительные находки» [22, стр. 150].

Мы полагаем, имеются все основания считать, что В.Х. Кандинскому были близки именно эти «изумительные находки» Лейбница, высказываемые им в мистифицированной форме диалектические идеи. К таковым, в частности, относится дифференциация монад по уровню одушевленности, что соответствует настойчиво проводимой В.Х. Кандинским мысли о приложении принципа развития к психической деятельности.

К сказанному следует добавить отмеченные А.В. Снежневским качества В.Х. Кандинского как полемиста, его острую критику вульгарных материалистов и идеалистов, что позволяет трактовать его материализм не просто как естественнонаучный, а как воинствующий.

Однако было бы ошибкой не видеть и ряд противоречий в мировоззрении ученого. О нем можно сказать то же, что говорил Ленин о Геккеле, ссылаясь на Меринга: он был «материалист и монист, но не *исторический*, а естественноисторический»[9]. Вот почему В.Х. Кандинский не смог понять законы общественного развития. Но глубина мысли выдающегося ученого-психиатра позволила ему интуитивно предугадать будущий новый, подлинно гуманистический прогрессивный общественный строй. «Великое утешение знать, — писал он, — что жизнь мировая, индивидуальная и общественная — есть развитие, это значит, что будущее обещает быть лучше настоящего… не всегда будет продолжаться такой порядок вещей, в котором homo hominis lupus est. Пока существует человечество… оно не сойдет с пути развития, а этот путь, все более и более отдаляя людей от животных, приведет, наконец, к иным, истинно человеческим порядкам» [16, стр. 32].

[9] *Ленин В.И.* Сочинения. 4-е изд. М., 1947. Т. 14. С. 340.

Цитированная литература

1. *Иванов Н.В.* Невропатол. и психиатр. 1949. В. 2. С. 8.
2. *Его же.* Ж. невропатол. и психиатр. 1954. В. 9. С. 691.
3. *Кандинский В.Х.* О псевдогаллюцинациях. М., 1952.
4. *Лебединский М.С.* В кн.: Вопросы психиатрии. М., 1956. С. 444.
5. *Озерецковский Д.С.* В кн.: Вопросы клиники и лечения психических заболеваний. Л., 1965. С. 100.
6. *Лунц Д.Р.* Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. М., 1966. С. 18, 49–50, 60.
7. *Рохлин Л.Л.* Очерки психиатрии. М., 1967. С. 43.
8. *Гулямов М.Г.* Синдром психического автоматизма Кандинского—Клерамбо в рамках различных форм психических заболеваний. Автореф. дисс. … докт. М., 1965.
9. *Климушева Т.А.* Клинические особенности синдрома Кандинского—Клерамбо (психического автоматизма) у больных параноидной формой шизофрении. Дисс. … канд. М., 1965.
10. *Хохлов Л.К.* Синдром Кандинского—Клерамбо (психопатология, клиника, нозология). Дисс. … докт. Ярославль, 1965.
11. Памяти Кандинского В.Х. (к изучению синдрома автоматизма). Астрахань, 1966.
12. Восточное обозрение. 1895. № 10.
13. *Кандинский В.Х.* О псевдогаллюцинациях. Критико-клинический этюд. СПб., 1890.
14. Его же. К вопросу о невменяемости. М., 1890.
15. Его же. Общепонятные психологические этюды. М., 1881.
16. Его же. Современный монизм. Харьков, 1882.
17. *Вундт В.* Основания физиологической психологии. М., 1880.
18. *Петряев Е.Д.* «Нерчинск». Чита, 1959.
19. *Rothe A.* Allg. Z. Psychiat. 1890. Bd 46. S. 550.
20. *Рохлин Л.Л.* Ж. невропатол. и психиатр. 1959. В. 8. С. 1014.
21. *Кандинский В.Х.* Мед. обозрение. 1874. Май. С. 328.
22. *Ярошевский М.Г.* История психологии. М., 1966.

Рохлин Л.Л.

В.Х. КАНДИНСКИЙ КАК ПСИХОЛОГ

Печатается по изданию:
Рохлин Л.Л. В.Х. Кандинский как психолог // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. — 1972. — Т. LXXII. — Вып. 4. — С. 584–594

В посвященном В.Х. Кандинскому некрологе, который был напечатан в журнале «Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии», есть такие строки: «Покойный был одарен выдающимися способностями и по организации ума преимущественно склонен к занятию психологическими вопросами; в разработке последних он, при громадной начи-

танности и обширном общем образовании, проявлял значительную тонкость анализа» [1].

Мы хотели бы эту оценку В. Х. Кандинского дополнить.

В историю психиатрии В. Х. Кандинский вошел как выдающийся психопатолог, сыгравший огромную роль в творческой разработке психопатологического метода и давший филигранное описание ряда новых, открытых им психопатологических феноменов.

Интерес В. Х. Кандинского к психологии определялся его представлением о связи психологической науки и психиатрии. Данное им общее определение отношения этих наук заслуживает того, чтобы его привести полностью. «*Отношение психиатрии к психологии*. Психология есть наука о душе вообще; психиатрия наука о душевном расстройстве. Выводы психиатрии к здоровой душе неприложимы; общие выводы научной психологии для психиатрии *обязательны*, ибо душа, расстроившись, не перестает быть душой. Рациональная психиатрия неизбежно имеет в своей основе психологию» [2].

К участию в разработке проблем психологии В. Х. Кандинского побуждала конкретная ситуация, сложившаяся в этой науке во второй половине прошлого века. Выдающиеся успехи естествознания, развитие которого отвечало потребностям все растущего производства и техники развивающегося капитализма, создавали предпосылки для распространения естественнонаучных методов и на область психологии, которая до того не существовала как самостоятельная наука, а пребывала в лоне философии, преимущественно умозрительной. Наступающий же новый фазис в истории психологии характеризуется В. Х. Кандинским «как естественнонаучный, как полнейшая противоположность прежнему фазису метафизическому» [3].

Важно подчеркнуть, что указанные тенденции развития психологии на основе естественнонаучных методов проходили в условиях напряженной борьбы двух основных философских мировоззрений: материалистического и идеалистического. Особенно остро эта борьба протекала в России, где вопросы психологии, неразрывно связанные с выяснением происхождения и сущности психического, отношения его к материальному субстрату и внешнему миру, играли большую роль в идеологической борьбе того времени.

И еще одну важную особенность можно отметить. В формировании психологии в России на материалистических началах большую роль сыграли не только выдающиеся представители самой психологии, но и прогрессивные ученые всей передовой русской науки того времени, характеризовавшейся материалистической направленностью, в том числе и психиатры [4, 5]. Много сделал в этом отношении В. Х. Кандинский, психологические воззрения которого и значение для развития русской психологии не получили, однако, должного освещения.

Интерес В.Х. Кандинского к проблемам психологии нередко ошибочно датируют началом 80-х годов, когда была напечатана его монография «Общепонятные психологические этюды» [6] и почти одновременно вышли в свет переведенные им с немецкого «Основания физиологической психологии» В. Вундта [7]. Об этом, например, пишет А. Роте в своем задушевно-трогательном некрологе о В.Х. Кандинском [8].

Между тем еще по окончании в 1872 г. медицинского факультета, работая врачом-терапевтом, В.Х. Кандинский часть своих многочисленных рефератов, печатавшихся в журнале «Медицинское обозрение», посвятил вопросам психологии и психиатрии.

Знаменателен и тот факт, что еще в 1876 г. в журнале «Природа» В.Х. Кандинским была опубликована социально-психологическая статья «Нервно-психологический контагий и психические эпидемии» [9], представляющая собой переработанную для печати его публичную лекцию[1].

Таким образом, можно со всей определенностью утверждать, что В.Х. Кандинский почти с самого начала своей врачебной деятельности проявил глубокий интерес к вопросам психологии, был в курсе ведущихся в ней в этот период острых идеологических и проблемных дискуссий и занимал в них, как мы на этом ниже подробно остановимся, самостоятельную прогрессивную материалистическую позицию. Однако участие в русско-турецкой войне и последующая болезнь заставили В.Х. Кандинского временно прекратить свою научную работу в области психологии с тем, чтобы вернуться к ней позднее, к началу 80-х годов. Эти годы характеризуются особенным вниманием В.Х. Кандинского к вопросам психологии и его большой научной продуктивностью в этой области.

Мы начнем наш анализ психологических концепций В.Х. Кандинского с разбора первого раздела его монографии «Общепонятные психологические этюды». Обосновывая цели и задачи своей книги, В.Х. Кандинский в самом ее начале указывает на мотивы его исторического подхода к тем или иным положениям психологии[2]. «При историческом порядке, — пишет он, — мы будем видеть взаимную связь психологических теорий различных мыслителей, и для нас ясно обрисуется постепенный прогресс мысли в понятиях о душе и ее деятельности; рассмотрение современных воззрений даст нам

---

[1] Эта статья позже была включена Кандинским в его книгу «Общепонятные психологические этюды» как ее второй раздел [6].

[2] Приверженность В.Х. Кандинского к историческому методу в проведении научных исследований получила свое выражение не только в этой монографии, но и во многих других его произведениях. В.Х. Кандинский вообще проявлял большой интерес к исторической науке. В отделе рукописных материалов Государственной публичной библиотеки им. В.И. Ленина мы обнаружили письмо В.Х. Кандинского от 6/III 1889 г., в котором он просит подписать его на издание лекций известного русского историка В.О. Ключевского.

возможность представить очерк научной психологии настоящего времени и сообщить важнейшие открытия последних лет в *физиологии мозга*, составляющей теперь основание *научной психологии*» [6].

Анализируемый нами раздел книги В.Х. Кандинского можно разделить на три основных части: первая посвящена психологическим воззрениям, как они вырисовываются в учении о душе и теле и их месте в различных религиях и идеологиях; во второй речь идет о психологических концепциях различных выдающихся представителей метафизической, или, как ее определил В.Х. Кандинский, предшествовавшей «априорной» философии; наконец, в третьей ученый рассматривает основные принципы и содержание современной ему научной психологии и трактовку психической деятельности в плане материализма и идеализма.

Мы не будем останавливаться на подробном изложении В.Х. Кандинским взглядов и трактовок, касающихся души и ее отношений с телом в различных верованиях первобытных народов и в распространенных религиях. Отметим только, что в этой части своей книги В.Х. Кандинский обнаруживает огромную эрудицию и склонность к обобщению. Однако в определении отношений между верой и знанием, наукой и религией он допускает в отдельных местах непоследовательность, и ряд высказываний В.Х. Кандинского явно вступает в противоречие с системой его взглядов, которые можно в целом охарактеризовать как монистически-материалистические.

В то же время В.Х. Кандинский выступает с острой разоблачающей критикой занесенного в Россию из Соединенных Штатов Америки и Англии спиритизма, остро вскрывает научную несостоятельность работ ряда зарубежных авторов (Перти, Корнелиуса, Гера и др.), в которых они пытались научно обосновать спиритизм.

Особый интерес представляет всесторонняя критика взглядов известного английского естествоиспытателя Альферда Рассела Уоллеса, одновременно с Дарвином выдвинувшего теорию об изменении видов путем естественного отбора, за его книгу «О чудесах и современном спиритуализме» [10] [3]. В этой книге Уоллес тщетно пытался доказать научную оправданность спиритизма, доказать, что «сверхчувственный мир не есть мир сверхъестественный».

Что касается изложения В.Х. Кандинским психологических воззрений выдающихся философов прошлого в анализируемой нами книге, то здесь нельзя не учесть некоторых ее особенностей. Чтобы охватить подлежащий

---

[3] Нельзя не указать здесь на тот факт, что в 1878 г. Уоллеса за эту его книгу подверг острой критике Ф. Энгельс в статье «Естествознание в мире духов» (*Маркс К., Энгельс Ф.* 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 373). В.Х. Кандинский этой статьи Ф. Энгельса знать не мог, так как, написанная в 1878 г., она впервые была напечатана в 1898 г., т.е. через много лет после смерти В.Х. Кандинского.

освещению огромный и сложный материал, В. Х. Кандинскому пришлось прибегнуть к конспективному его изложению. Он вынужден был также отказаться от развернутого определения своего отношения к философским и психологическим концепциям того или иного философа. Об отношении ученого к различным философам приходится поэтому судить по коротким его замечаниям, репликам и даже тону изложения. Философски-психологические взгляды В. Х. Кандинского, кроме того, раскрываются в обобщающем заключении данного раздела его книги, где он излагает свое общее психологическое credo.

Анализ того, как В. Х. Кандинский рассматривает в историческом аспекте развитие различных философских и психологических учений, позволяет сделать вывод, что поставленную им перед собой задачу показать «взаимную связь психологических теорий различных мыслителей», чтобы установить перспективные направления в развитии психологии и «прогресс мысли в понятиях о душе и ее деятельности», он выполнил с блеском.

Исторический обзор В. Х. Кандинского со всей отчетливостью выявил материалистическую направленность его мировоззрения, его симпатий. Выявляется положительное отношение нашего знаменитого психиатра к выдающимся философам-материалистам прошлого и психологам, стоящим на материалистических позициях в трактовке психической деятельности как функции мозга и в то же время как отражения внешнего мира и рассматривавшим в этом плане различные стороны и механизмы такой деятельности.

В то же время отчетливо выступает отрицательное и критическое отношение В. Х. Кандинского к пониманию выдающимися философами-идеалистами теоретических основ психологии. Речь идет как об их открытом признании первичности психики, так и о скрытом, «стыдливом» идеализме, прячущемся в концепциях психофизиологического параллелизма.

При анализе психологических воззрений философов-идеалистов В. Х. Кандинский выявлял те психологические теории и концепции, которые, находясь в противоречии с идеалистическим мировоззрением их авторов, могут быть признаны содействующими прогрессу развития психологической науки на материалистических основах.

Как и другие представители естественнонаучного материализма, В. Х. Кандинский в своих оценках проявлял в ряде случаев непоследовательность. Элементы эклектизма обнаруживались в некритическом использовании им позитивистской терминологии, в итоговых общих оценках тех или иных философских концепций.

Не следует, однако, забывать, что В. Х. Кандинский не только стоял на позициях монистического материализма, но и активно отстаивал эти позиции и боролся за развитие на материалистических основах психологии как самостоятельной науки. Главное значение в этом отношении он придавал

становлению психологии как экспериментальной естественнонаучной дисциплины, широко использующей достижения и методы нейрофизиологии.

Остановимся на некоторых из оценок, которые он дает различным философским и психологическим учениям.

Рассматривая взгляды Канта, он в своей монографии «Современный монизм» подвергает критике априоризм и агностицизм немецкого философа. В то же время в «Общепонятных психологических этюдах», как нам кажется, В.Х. Кандинский высказывает сожаление о том, что «влияние Канта на философию, а также на психологию чрезвычайно велико», что «это влияние видно почти во всяком труде по физиологической психологии».

Касаясь же непосредственного вклада Канта в психологию, В.Х. Кандинский подчеркивает, что Кант в своей «Критике чистого разума» только «исследует априористические принципы знания, не занимаясь ощущениями», а «в понятиях *о душевных способностях* не далеко уходит от старой психологии. Классификация способностей у него довольно сбивчива» [6].

Анализируя философские воззрения Гегеля и разбирая значение трудов последнего для психологии, В.Х. Кандинский обнаруживает резко отрицательное отношение не только к идеалистической системе философа, но и совершенно напрасно к его диалектическому методу. «Даже почитатели его (Гегеля),— пишет В.Х. Кандинский,— соглашаются, что в нем нет ничего нового, кроме метода… Гегель измыслил лишь *принцип противоположностей*, по которому противоположности… отождествляются в высшем единстве… В общем — это целый ряд „эволюций“ и их „универсальный закон“, по которому, разумеется, можно примирить что угодно… Гегелевское учение есть идеализм» [6]. Заканчивает рассмотрение гегелевских концепций В.Х. Кандинский чрезвычайно резкими словами: «У Гегеля было множество последователей, но никто из них не одарил мир психологией, потому что характеристическая черта их творений, говоря словами Экснера,— сплошная игра пустыми понятиями, порой переходящая в чепуху» [6].

Еще более сурово критикует В.Х. Кандинский немецкого философа-идеалиста Гартмана, с которым он познакомился по его труду «Философия бессознательного». Сам В.Х. Кандинский в ряде своих работ, которых мы коснемся ниже, признавал наличие элементов бессознательного в психике человека. Но для него в книге Гартмана была неприемлема ее направленность против естественнонаучного материализма и прогрессивных социальных идей, пронизанность духом мистики, иррационализма, насыщенность нигилистическими пессимистическими идеями о гибели мира. О книге Гартмана, пишет В.Х. Кандинский, «можно сказать, что она написана дилетантом и для дилетантов. По выражению Оскара Шмидта, это — опиат для слабых голов,— вот вся тайна ее успеха».

Нам хотелось бы здесь подчеркнуть, что в отрицательном отношении В.Х. Кандинского к Гартману проявлялся не только его естественнонаучный

материалистический подход, но и либеральные социально-этические чувства. Их выражение мы находим и в ряде других мест его книги. Например, когда он характеризует философски-психологические воззрения Фихте, то подчеркивает преобладание в его учении «нравственной стороны». «Социальные взгляды Фихте,— писал В.Х. Кандинский,— отличались вообще прогрессивностью, в этом отношении он противоположность Гегелю, мирившемуся с политическим гнетом» [6].

Что касается философов-материалистов и их психологических воззрений, то в монографии В.Х. Кандинского большое внимание уделено французским материалистам XVIII столетия.

Концепции же английского врача и философа-материалиста Дэвида Гартли, одного из основателей ассоциативной психологии и автора так называемой вибрационной теории, дающей с позиций механического материализма объяснение происхождения психических явлений, получили в книге В.Х. Кандинского недостаточное освещение. Всего несколько фраз уделяет он представителям немецкого «вульгарного материализма» Бюхнеру и Молешоту. «Материализм прав только тогда,— пишет о них В.Х. Кандинский,— когда он борется с ходячим дуализмом, но он не умеет сладить с результатами критики познания. Этими результатами завладевает идеализм, но он или переходит в дуализм, или вступает в противоречие с философией действительности» [6]. Естественная неудовлетворенность В.Х. Кандинского концепциями указанных представителей немецкого метафизического, механического материализма ведет его здесь к неоправдывающей себя позитивистской попытке подняться над двумя основными видами философских мировоззрений. Задавая вопрос: «Какой характер имеет теперь научная психология?», В.Х. Кандинский отвечает на него: «Она реалистична в противоположность метафизичности идеализма и материализма». Затем следуют рассуждения, в которых выступает непреодоленное еще влияние идеалистических взглядов Вундта, в частности концепций о «психологическом начале» основных понятий причинности, субстанции и т.п. Но перечисленные им субъективные формы и понятия оказываются, все же не первичными, а вторичными. «Эти понятия никогда не могли бы возникнуть в нас, если бы не побуждал нас к тому объективный мир. Признанием реальности внешнего мира характеризуется реализм» [4] [6].

---

[4] Здесь отчетливо вырисовывается то обстоятельство, что слово «реализм» у В.Х. Кандинского по существу означает «материализм». Следует учитывать, что к термину «реализм», подменяя им понятие «материализм», в то время прибегали многие представители естественнонаучного материализма, в том числе и С.С. Корсаков. Касаясь этого, В.И. Ленин, хотя и указывал, что нередко термин «реализм» употребляется в смысле противоположности идеализму, относился к такому словоупотреблению критически. «Я вслед за Энгельсом,— писал он,— употребляю в этом смысле только слово: материализм, и считаю эту терминологию единственно правиль-

Что приведенные нами высказывания В. Х. Кандинского, в которых можно было усмотреть уступку идеализму, находятся в противоречии с его основной, выраженной материалистической направленностью, можно убедиться по тому разделу его книги, который посвящен психологическим воззрениям французских материалистов XVIII века, которых В. И. Ленин характеризовал как «великих материалистов». Если судить по эмоциональности тона и по тому, насколько велика по объему та часть работы, которая посвящена взглядам Кабаниса, то можно предположить, что к этому мыслителю В. Х. Кандинский относился с особой симпатией. Он считает, что «*научный или физиологический метод* в настоящем смысле этого слова мы находим только у врача Кабаниса» [6]. Важно, по мнению В. Х. Кандинского, не только то, что у него «первого психология является отраслью науки о жизни вообще» и что «головной мозг есть специальный орган мысли», но и то, что Кабанисом была указана внешне детерминированная материальная обусловленность психики, ее отражательная сущность.

Так же положительно относится В. Х. Кандинский и к другому выдающемуся представителю французского материализма XVIII столетия — Ламетри. Важно то, как определяет В. Х. Кандинский эволюцию его философского мировоззрения: «Начав с эмпиризма, Ламетри потом вполне становится материалистом». В. Х. Кандинскому импонирует то, какой большой фактический материал приводит в своих книгах «Естественная история души» и «Человек машина» Ламетри. Эти факты, по мысли В. Х. Кандинского, ярко иллюстрируют положение о том, что «все психические явления имеют физиологическую почву» и что разработка психологической науки «должна принадлежать одним врачам, потому что только они одни имеют возможность наблюдать душу во всем ее величии и в глубочайшем упадке» [6]. Он подчеркивает то место в рассуждениях Ламетри, где последний утверждает, что «материи присуща также способность ощущать», а «место ощущения не на периферии…, а в мозге» и что «может быть, материя способна к ощущению только в форме организма, но и в этом случае ощущение, все равно как движение, должно быть присущим, по крайней мере потенциально, всей материи» [6]. «Ламетри, — пишет далее В. Х. Кандинский, — даже предупреждает до известной степени Чарльза Дарвина и эволюционистов, потому что он считает весь разум человека продуктом развития и воспитания» [6].

Большое место уделяется в книге В. Х. Кандинского английской психологической школе. Он начинает соответствующую главу с указания на то, что «со времени Локка англичане с большой любовью занимались эмпири-

---

ной, особенно ввиду того, что слово „реализм“ захватано позитивистами и прочими путанниками, колеблющимися между материализмом и идеализмом» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. V. С. 56).

ческой психологией, освобожденной от всякой метафизики, и сделали в этом направлении для психологии больше, чем какая-нибудь другая нация» [6]. Далее им подробно излагаются психологические концепции виднейших английских ученых Джеймса Милля и его сына Джона Стюарта Милля, Герберта Спенсера, Бэна, Джорджа Генри Льюиса.

Наибольшее внимание В. Х. Кандинский уделил психологическим воззрениям Спенсера и Льюиса. Их влияние мы можем обнаружить в его общих психологических концепциях.

При анализе отношений В. Х. Кандинского к Спенсеру необходимо учитывать то, как был воспринят Спенсер широкими естественнонаучными кругами в России в конце 60-х годов, когда были переведены на русский язык его основные научные труды. Идеалистические философские концепции Спенсера и его реакционные политические взгляды оставались тогда в тени. Импонировали же публике широкое использование Спенсером научных достижений естествознания того времени, созвучность выводам естествознания ряда высказываемых Спенсером идей, общедоступность изложения. Даже И. М. Сеченов не сумел заметить чуждости общих концепций Спенсера материалистическому мировоззрению и уделил Спенсеру большое внимание.

К чести В. Х. Кандинского, он не обходит вопроса о философских концепциях Спенсера, но оценка, которую он дает им, противоречива и непоследовательна. С одной стороны, он пишет, что «Спенсер далек от материализма», отмечает его агностицизм, указывает, что для Спенсера «сущность души так же мало постижима, как сущность движения». В. Х. Кандинский характеризует двойственность Спенсера в плане психофизического параллелизма его собственными словами: «Мы можем мыслить о материи только в терминах духа; мы можем мыслить о духе только в терминах материи» [6]. С другой стороны, В. Х. Кандинский как бы солидаризуется со Спенсером, определяющим свои философские концепции как «трансформированный реализм», и делает при этом весьма неясную поправку, заявляя, что реализм Спенсера «мы можем назвать *философским*» [6]. Этим В. Х. Кандинский наглядно иллюстрирует то, насколько прав был В. И. Ленин, высказываясь против термина «реализм» как эквивалента понятия «материализм».

Из наиболее важных научных идей Спенсера, имеющих принципиальное значение и несомненно близких Кандинскому, мы остановимся на двух.

О первой из них В. Х. Кандинский писал следующим образом: «Основная идея психологии Спенсера — *принцип прогресса*, или *развития*». Задача научной психологии по Спенсеру, в представлении нашего ученого, состоит в том, чтобы проследить нить непрерывного развития от ничтожнейшей инфузории до цивилизованного человека. «Хотя мы обыкновенно различаем жизнь душевную от жизни телесной, но стоит только подняться выше

обыкновенной точки зрения, чтобы убедиться, что жизнь тела и жизнь души суть только виды одной общей жизни и что всякая граница между ними совершенно произвольна». Как мы покажем ниже, эта мысль Спенсера о психике как проявлении жизни и о включении эволюции психической в эволюцию биологическую была подхвачена В. Х. Кандинским и отразилась в дальнейшем в его общих психологических воззрениях. Что касается мысли Спенсера о якобы обязательной непрерывности и постепенности эволюции, то, хотя в данной работе В. Х. Кандинского она и не встретила возражений, в дальнейшем была им подвергнута сомнению.

О второй принципиально важной для него идее Спенсера В. Х. Кандинский писал: «Другое основание доктрины Спенсера — необходимое соответствие между живым существом и его средой. Жизнь есть соответствие или непрерывное приспособление внутренних отношений к внешним. Когда к физической жизни присоединяется жизнь психическая, приспособление становится только более сложным». Принцип этот — единства и соответствия — распространяется от простейших «до Шекспира и Ньютона, носивших в уме всю конкретную и абстрактную реальность мира, он различен лишь в степени» [6]. Здесь важно отметить, что значение этой идеи Спенсера было правильно понято и оценено.

С чувством глубокой симпатии подходил В. Х. Кандинский к взглядам английского психолога Джорджа Льюиса. Особенно В. Х. Кандинский с сочувствием оценивал мысль Льюиса о единстве физиологического и психологического (то, что с физиологической точки зрения — нервный процесс, с психологической точки зрения — психологический процесс чувствования). На него произвели впечатление установленные Льюисом градации — от простого неосознаваемого чувствования (неосознанные ощущения) до высшего дифференцированного сознания. Наконец, он разделял положение Льюиса, что в основе своей широко понимаемое чувствование представляет собой особого вида молекулярное движение в нервной ткани — нервные колебания различной степени сложности, психологически определяемые нами как разные психические явления. Рассматривая философскую позицию Льюиса, В. Х. Кандинский опять-таки пользуется понятием реализма. Он соглашается с тем, как определяет ее сам Льюис, писавший о своем рациональном реализме. Интересно отметить, что далее В. Х. Кандинский пишет: «…в этом отношении он резко отличается от Гельмгольца и Вундта, принадлежащих к категории идеалистического реализма» [6].

Вопрос о роли В. Х. Кандинского в развитии психологии требует учета ряда сложных моментов, и его нельзя разрешить, не определив отношения В. Х. Кандинского к концепциям и деятельности немецкого физиолога, психолога и философа Вильгельма Вундта. В своей монографии «Общепонятные психологические этюды» В. Х. Кандинский уделил Вундту всего несколько страниц. Но необходимо считаться с тем, что В. Х. Кандинский

взял на себя столь огромный труд, как перевод капитального исследования Вундта «Основания физиологической психологии», что сам он придавал большое значение этому переводу. Вот как В. Х. Кандинский определял мотивы, по которым он взялся за перевод труда Вундта: «Проф. Вундт первый сделал попытку полного и систематического изложения психологии, основанной на специальных исследованиях строения и отправлений нервной системы… книга проф. Вундта характеризуется направлением преимущественно физиологически экспериментальным. Перевод такой книги мы сочли положительно нужным…» [7]. Указывая далее, что переведенная им книга вышла 6 лет тому назад и что с тех пор появилось немало новых исследований по физиологии мозга и нервов, Кандинский оправдывает этим сделанные им к книге дополнения и примечания.

Рассмотрение этих дополнений и примечаний позволяет с несомненностью установить, что они составляют собой рефераты работ, которые имеют преимущественное отношение к экспериментально-физиологическим исследованиям, представляющим интерес для психологии. Наиболее важные из них содержат новейшие данные о кортикальных центрах и вообще мозговой локализации психических функций, а также о патофизиологических основах галлюцинаций.

Перевод В. Х. Кандинского вызвал большой отклик в литературе того времени и был отмечен рядом положительных рецензий.

Следует указать, что В. Х. Кандинский не прилагает к своему переводу анализа общих теоретических и философских концепций Вундта и не делает критических замечаний по поводу каких-либо его высказываний. Этот анализ он проводит в «Общепонятных психологических этюдах», опять-таки не проявив четко своего к ним отношения. По отдельным репликам при изложении взглядов Вундта и с помощью сопоставления этих взглядов с собственными концепциями, изложенными им в книге, видно, что В. Х. Кандинский не разделяет философских воззрений Вундта.

Почему же все-таки он в данном случае изменяет своей обычной манере открыто и определенно выражать собственную точку зрения по принципиальным и мировоззренческим вопросам, отстаивать и бороться за свои монистически-материалистические взгляды?

Известно, что в своих философских и психологических воззрениях Вундт вступал в глубокие противоречия с основным прогрессивным сеченовским направлением развития психологии в то время. Напомним и то, что характеристика философских взглядов Вундта была дана со всей определенностью В. И. Лениным в его работе «Материализм и эмпириокритицизм». В ней В. И. Ленин указывал, что «Вундт сам идеалист… он вовсе не враг всякой метафизики (т. е. всякого фидеизма)» [5]. Такую же

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 58, 73.

оценку философских позиций Вундта дают ряд видных советских психологов [11, 12].

Однако, вопреки своим позитивистски оформленным идеалистическим концепциям, объективно труды и деятельность Вундта сыграли известную положительную роль в отрыве психологии от идеалистической философии, в развитии ее на экспериментально-физиологических основах, в формировании ее в самостоятельную научную дисциплину.

Во-первых, Вундт дал исчерпывающую систематизированную сводку всех разрозненных физиологических и экспериментальных исследований, имеющих большое значение для психологии, и сделал он это именно в своем труде «Основания физиологической психологии», переведенном и дополненным В. Х. Кандинским.

Во-вторых, ему принадлежит заслуга организации в 1879 г. в Лейпцигском университете первой психологической лаборатории, которая в дальнейшем превратилась в институт. Огромная организаторская, научная и педагогическая деятельность Вундта привела к тому, что впоследствии были созданы такие же экспериментально-психологические лаборатории во многих странах, в том числе и в России, где их на первых порах организовывали психиатры [4, 5].

Мы думаем, что В. Х. Кандинский дальновидно учитывал позитивную научно-организаторскую деятельность Вундта для психологии и потому занял по отношению к нему позицию «лояльного нейтралитета». В то же время можно согласиться с А. В. Снежневским, писавшим, что В. Х. Кандинский все же «не преодолел Вундта… пройдя мимо учения Маркса и Энгельса, не принимая участия в движении революционных демократов…» [13].

Правильная оценка В. Х. Кандинского как психолога не может быть дана, если не рассмотреть вопрос об отношении В. Х. Кандинского к И. М. Сеченову. Это тем более необходимо потому, что, хотя Вундт, как мы отмечали, объективно своей организаторской работой и развитием экспериментально-физиологических исследований содействовал прогрессивному развитию психологии, его позитивистские, дуалистические концепции в то же время сбивали психологию с правильного пути. Этому как раз и противостояла воинствующая материалистическая позиция И. М. Сеченова. «В этот переломный в истории психологии период,— справедливо указывает Е. А. Будилова,— определяются два ее пути дальнейшего развития: идеалистически-вундтовский и материалистический сеченовский» [11].

В работах В. Х. Кандинского мы не смогли найти прямых ссылок на И. М. Сеченова. В сделанном В. Х. Кандинским переводе на русский язык «Оснований физиологической психологии» Вундта имеются указания на работы И. М. Сеченова о задерживающих влияниях головного мозга на протекание рефлексов и говорится о дискуссии с ним швейцарского физиоло-

га Шиффа и работавшего у него на кафедре А. А. Герцена (сына революционного демократа А. И. Герцена) [7].

Но Вундт не раскрывает теоретического значения установленного И. М. Сеченовым столь важного факта центрального торможения. Не делает этого и В. Х. Кандинский в своих примечаниях к переводу книги Вундта.

Однако было бы ошибкой из приведенных нами данных сделать вывод, что В. Х. Кандинский никак не реагировал на ту напряженную и страстную борьбу, которую вел И. М. Сеченов, борьбу за развитие психологии на материалистических началах, что он не разделял сеченовских концепций физиологической психологии.

В. Х. Кандинский решительно выступил против К. Д. Кавелина, опубликовавшего в 1871 г. книгу «Задачи психологии» [12] [6], которая своим острием была направлена против И. М. Сеченова. «Можно указать, — писал В. Х. Кандинский, — психологов-естествоиспытателей, по-видимому, отправляющихся от данных положительной науки, но приходящих к воззрениям, не имеющим ничего общего с последнею… Из российских писателей по психологии напомню К. Кавелина (трактат которого был помещен в „Вестнике Европы“), с его вовсе не научным представлением о душе, — как об *организме*, хотя и тесно связанным с организмом телесным, но в то же время и самостоятельным» [7] [3].

В этом же реферате В. Х. Кандинский далее высказывается полностью в духе Сеченова по психофизической проблеме, активно отстаивая материалистическую концепцию психофизического монизма. «В современной научной психологии никто уже не говорит о душе, — пишет он, — как об абстрактной сущности, как о чем-то целом, нераздельном и не материальном, только внешним образом связанном с телом, но совершенно отличном от последнего. Под именем „душа“ психолог понимает всю совокупность явлений психической жизни, обнимающей способность ощущения, представления, воли, — явлений, которые в конце концов сводятся на молекулярное движение вещества в мозгу и нервах. Поэтому для нас душа не есть постоянное, метафизическое целое, но количественно и качественно измененная функция… Наука установила как незыблемое положение: „без мозга, или, верней, без нервной системы, нет душевной деятельности, нет психической жизни“» [3].

Это высказывание В. Х. Кандинского заслуживает особого внимания. В нем решительно отбрасываются метафизические рассуждения о душе, которые были подвергнуты справедливой критике В. И. Лениным [8]. В. Х. Кан-

---

[6] Труд К. Д. Кавелина печатался одновременно в виде ряда статей в журнале «Вестник Европы» (январь — апрель 1872 г.).

[7] Представляет интерес, что в этих статьях К. Д. Кавелина, несмотря на то, что они были направлены против И. М. Сеченова, имя последнего не упоминается.

[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 142

динский отмечает недостаточность для материалистических концепций указаний только на внешним образом обусловленную связь души с телом и подчеркивает необходимость признания вторичного, функционально-производного характера психики по отношению к мозгу и нервной системе в целом.

В этой же работе В.Х. Кандинского имеется еще ряд соображений, созвучных концепциям И.М. Сеченова. Так, В.Х. Кандинский пишет, что «психическая жизнь не ограничивается сферой сознания… бессознательные душевные процессы составляют как бы основу, из которых возникает сознательная душевная деятельность… весьма сложные действия, сначала будучи вполне сознательными и произвольными, с течением времени могут сделаться совершенно автоматичными, т.е. совершаться без участия сознания…» [3].

Дает В.Х. Кандинский в своем реферате также и развернутую критику эмпирической психологии, которая имела единственным источником самонаблюдение. Он указывает, что самое изощренное пользование одним методом самонаблюдения «не в состоянии дать нам ни малейшего понятия не только о сущности явлений внутренней жизни, но и о возникновении отдельных психических моментов» и неизбежно ведет к воззрению, характеризующемуся дуализмом психического и телесного. «Таким воззрением,— утверждает В.Х. Кандинский,— собственно говоря, отрицается самая возможность психологии как науки» [3].

Близость взглядов В.Х. Кандинского по ряду основных вопросов психологии концепциям И.М. Сеченова подтверждается общностью их мнений о молекулярной основе единства физиологических и психических процессов. Указывая, что «физиология представляет ряд данных, которыми устанавливается родство психических явлений с так называемыми нервными процессами», И.М. Сеченов отмечает, что под последними надо разуметь «недоступный нашим чувствам частичный (молекулярный) процесс в сфере нервов и нервных центров» [15]. В.Х. Кандинский же подчеркивает, что явления психической жизни «в конце концов сводятся на молекулярные движения вещества в мозгу и нервах» [3].

«Можно смело сказать,— пишет С.Л. Рубинштейн,— что И.М. Сеченов сделал два особо важных открытия: 1) в области физиологии — открытие центрального торможения и 2) в области психологии — открытие рефлекторной природы психического. Последнее принадлежит к числу тех особенно значительных открытий, которые выходят за пределы одной науки, приобретая общее, мировоззренческое значение» [12].

Вот почему весьма важно выяснить отношение В.Х. Кандинского к возможности распространения рефлекторного принципа на деятельность головного мозга и к правомерности в связи с этим признания сеченовского понятия о том, что все психические акты совершаются по типу рефлексов. На оба эти вопроса В.Х. Кандинский отвечает утвердительно. Он указы-

вает, что «новейшие анатомические исследования мозга действительно позволяют заключить, что головной мозг есть механизм, в устройстве которого дана возможность самых сложных отправлений, совершающихся, вообще говоря, по принципу рефлекса» [3]. Исходя из отсутствия резкой разницы между сознательными и бессознательными психическими явлениями, поскольку последние протекают рефлекторным порядком, он также считает, что «весьма естественно возникновение стремления объяснить и сложные психические отправления по принципу рефлекса». В.Х. Кандинский даже видит в этом «главнейшую задачу психологии» [3].

Выясняя близость взглядов В.Х. Кандинского к концепциям И.М. Сеченова, мы главным образом ссылались на те его взгляды, которые он высказал в своей ранней работе. В более поздних работах выдающегося психиатра можно отметить еще ряд высказываний, свидетельствующих об общности позиций В.Х. Кандинского и И.М. Сеченова в учении о психике и в понимании задач и построении психологии. Это прежде всего относится к упомянутой нами идее развития в органическом мире, базирующейся на учении Дарвина о неразрывно связанной с ней эволюцией психического в животном мире. Хотя на общих представлениях В.Х. Кандинского об эволюции сказалось влияние Спенсера, все же В.Х. Кандинский по сравнению с другими естествоиспытателями, например Геккелем, имеет определенное преимущество. Он в конце концов преодолевает концепцию «всеобщей одушевленности» и видит в психическом свойство высокоорганизованной материи, появившейся на определенной ступени ее развития в животном мире у видов, наделенных нервной системой. Исторический подход к психологии, столь ценный у И.М. Сеченова, получил также отражение и в трудах В.Х. Кандинского.

Все сказанное позволяет нам прийти к выводу, что как психолог В.Х. Кандинский стоял на сеченовских позициях.

Надо только еще раз отметить, что он не заявил прямо и открыто о своей поддержке И.М. Сеченова в его трудной борьбе за утверждение материалистической, развивающейся на физиологических основах отечественной психологии. Но на это, надо думать, имелся ряд причин, связанных с индивидуальными особенностями и условиями жизни В.Х. Кандинского. Ясно одно: он проводил в психологии прогрессивную линию и стоял на позициях материалистического монизма, хотя и не всегда был последователен в своих философских и общетеоретических высказываниях.

Для характеристики В.Х. Кандинского как психолога важно проанализировать его работы, выходящие по своей тематике за пределы физиологической психологии. К ним относится уже упоминавшаяся нами работа «Нервно-психический контагий и душевные эпидемии», а также посмертно изданная книга «О невменяемости» [2, 6].

Первая из указанных работ по существу касается вопросов социальной психологии и пограничной с ней социальной психопатологии. Написанная

прекрасным языком, она содержит интересный по своей эксквизитности материал о различных «душевных эпидемиях». В ней обращает на себя внимание глубина анализа, преимущественно физиологического и психопатологического, явлений «психической заразительности». Отчетливо выступает стремление автора вскрыть полную несостоятельность идеалистического и мистического толкования явлений массовой психической контагиозности, снять с нее ореол чудесности, дать ей строго научное объяснение. В этом плане автором были также рассмотрены явления спиритизма и гипноза.

Душевные эпидемии трактуются В. Х. Кандинским как пограничные состояния между нормой и патологией, рассматриваются как не имеющий строгих границ текучий переход (перелив) социально-психологических явлений в нерезко выраженные психопатологические.

Психолог и психиатр найдут в работе В. Х. Кандинского много для себя интересного и поучительного. Она несомненно должна содействовать лучшему пониманию явлений конформизма и психического индуцирования, роли гиперэмотивности в нормальном поведении, в клинике психопатий, особенно истерической. Дано в ней и тонкое психопатологическое описание экстатических состояний.

Хотя основное внимание В. Х. Кандинский уделил физиологическому анализу механизмов подражательности, внушаемости и конформизма, явлений сомнабулизма и гипнотизма, он учитывал также и значение для надлежащего понимания описываемых им явлений социологических, социально-психологических, общепсихологических и психопатологических факторов.

Естественно, что В. Х. Кандинский, незнакомый с трудами классиков марксизма, не мог оказаться способным к анализу социологических явлений с позиций исторического материализма. Но для нас важно, что он не поддался столь распространенному в его время в кругах интеллигенции влиянию субъективно-социологических толкований истории, проповедуемых П. Л. Лавровым и Н. К. Михайловским. Идеалистическая, субъективно-социологическая трактовка ряда исторических событий иногда получала отражение в работе В. Х. Кандинского. Это проявлялось главным образом в трактовке роли личности в истории. Но она не образует у него систему взглядов, а имеет характер наносного, некритического использования литературы. Так, например, он цитирует американского социолога Дрепера, писавшего, что «видения Магомета изменили обыденную жизнь половины народов Азии и Африки… Догмат пророка привел в трепет души людей от Гвинейского залива до Китайского моря» [6]. В этом же плане В. Х. Кандинский цитирует Спенсера с его объяснением крестовых походов как следствия проповедей экзальтированного монаха Петра Пустынника, а наполеоновских войн как последствия «ненасытного честолюбия одного корсиканца». И в то же время проводимый В. Х. Кандинским в социально-

психологическом аспекте анализ явлений, хотя и не занимал в его работе большого места, весьма интересен. В.Х. Кандинский касается таких социально-психологических феноменов, как мода, настроения отдельных социальных групп, отношения коллектива и его руководителей, социально-психологические факторы в возникновении паники, массовый энтузиазм и пр. Весьма важно также, что свой психологический, социально-психологический и исторический подход к изучаемым явлениям психической контагиозности и конформности В.Х. Кандинский никогда не подменяет их биологизацией. Придавая столь большое значение анализу у отдельного человека физиологических механизмов подражания идеям, чувствам, поступкам других людей и уподобления им своего поведения в целом, Кандинский нигде не пытается с позиций такого анализа исчерпывающе объяснить причины психических эпидемий как массовых социальных форм подражательности и конформизма. «Конечно,— пишет он,— в происхождении душевных эпидемий играют роль различные причины и условия, случайные и частные, общественные и исторические…» [6]. Представляет большой интерес то, что видный представитель субъективно-психологической школы Н.К. Михайловский стремился использовать эту работу В.Х. Кандинского в своем нашумевшем произведении «Герой и толпа» [16]. В этом публицистическом произведении идея Михайловского о том, что историю творят великие личности, а послушным в их руках орудием является безличная, стихийно действующая, покорная их воле толпа, получила наиболее развернутое изложение. Н.К. Михайловский приводит выдержку из работы В.Х. Кандинского, в которой подчеркивается, что к сходной с животными подражательности больше склонны люди с незрелой или дефектной психикой.

Приводя эту выдержку из статьи В.Х. Кандинского, Н.К. Михайловский хотел её использовать для подтверждения своей субъективной социологической концепции, согласно которой историю творят «критически мыслящие личности», а не народ, представляющий собой толпу, способную только к стихийной подражательности и слепому конформизму. Но ведь В.Х. Кандинский в то же время утверждает, что при определенных условиях «и при высокой степени умственного и нравственного развития человек никогда *вполне* не избежит действия нервно-психического контагия». Он даже указывает (и это особенно раздражает Н.К. Михайловского), что «главнейшие источники душевных эпидемий — религиозное чувство, мистические стремления, страсть к таинственному…» И Н.К. Михайловский выговаривает их Кандинскому: «Книжка г. Кандинского представляет любопытный пример того, как часто люди науки сами себя обворовывают…» Это самообворовывание он видит в том, что в книге В.Х. Кандинского обойден ряд вопросов, особенно неудовлетворительно освещены явления гипнотизма. Теоретик либерального народничества негодует, что В.Х. Кандинский «стремится, главным образом, опровергнуть чудесность спири-

тизма при помощи разъяснения гипнотических опытов… что в трактате, специально посвященном подражательности, едва-едва упоминается о той громадной роли, которую подражание играет в самом составе гипнотических сеансов. Между тем здесь-то, может быть, и лежит ключ к уразумению всей тайны „героев и толпы“» [16]. Последняя фраза, собственно говоря, и является «ключом к уразумению» того, чем не «угодил» В. Х. Кандинский Н. К. Михайловскому.

В физиологическом анализе механизмов подражательности и конформизма В. Х. Кандинским было уделено большое внимание соотношению в жизни и деятельности человека разумного, целенаправленного, волевого поведения и поведения автоматического, осуществляемого ниже порога сознания. С этим был неразрывно связан и вопрос о «свободе воли», бывший предметом острых и бурных споров среди философов, психологов и психиатров, поскольку он имел важное мировоззренческое значение[9].

Большой интерес к этому вопросу проявил и В. Х. Кандинский. В предисловии к посмертно изданной его женой книге «О невменяемости» Е. К. Кандинская сообщила о том, что «в течение двух лет В. Х. Кандинский готовился к большой работе о свободе воли». Этот труд не был им завершен, но остались общий его план и черновые к нему материалы, которые только «он сам мог бы обработать и привести в стройное целое» [2]. О содержании этого произведения дает представление сохранившееся к нему введение. «Мой труд, — говорит В. Х. Кандинский в этом введении, — имея своим заглавием: О свободе воле (медико-философское исследование), распадается на три части. Первая часть „Учение о свободе действования“ по свойству предмета носит характер исследования философско-психологического; вторая часть „Учение об ответственности“ трактует о вопросах, относящихся к области индивидуальной и общественной этики; третья часть „Учение о вменении и о состояниях невменяемости“ применяет принципы, добытые предыдущими исследованиями, к практике судебной, имеет главным содержанием своим чисто практические вопросы судебной психопатологии» [2]. Далее В. Х. Кандинский указывает, что он придает особенное значение рассмотрению всех этих вопросов в непосредственной связи одного с другим. К сожалению, по степени готовности оказалось возможным издать только третью часть работы В. Х. Кандинского, относящуюся к вопросам судебной психопатологии, а столь интересные его философско-психологические рассуждения о свободе воли остались для нас неизвестными. Но и в таком неполном виде книга В. Х. Кандинского «О невменяемости» содержит много ценного по интересующему нас вопросу

---

[9] Напомним о развернутых высказываниях и статьях Л. Фейербаха, Н. Г. Чернышевского, И. М. Сеченова по вопросу о «свободе воли», о дважды (в 1887 и 1889 гг.) проводившейся в Московском психологическом обществе дискуссии, в которой активно участвовал С. С. Корсаков.

о его психологических воззрениях. Учитывая ее судебно-психиатрический уклон, мы позволим себе кратко остановиться только на некоторых вопросах психологического характера, получивших в ней освещение.

Прежде всего следует указать, что В. Х. Кандинский уделил большое внимание вопросу о свободе воли, так как полностью понимал его важное мировоззренческое значение. В этом вопросе он занимал весьма четко материалистическую позицию. Он, например, писал «о спиритуалистическом принципе абсолютно свободной воли» как о «принципе, нарушающем всеобщность закона причинности» [2]. Возражая против концепции абсолютной свободы воли, в качестве аргумента В. Х. Кандинский опирается на судебно-исправительную практику, базирующуюся на «принципе определяемости воли внешними факторами, на принципе *детерминистическом*, совершенно противоположном индетерминистическому учению спиритуалистов». «Тот, кто хочет путем наказания исправить злую волю, — пишет он, — уже этим самым отрицает абсолютную свободу воли и, напротив, утверждает, что внешние факторы (как напр. наказание) могут отражаться на воле определяющим, изменяющим образом…» [2].

Но не только четкие и определенные материалистические позиции по вопросу о свободе воли характеризуют В. Х. Кандинского в его книге «О невменяемости». В этом своем произведении, отражающем его более поздние взгляды, ученый, в какой-то степени преодолев представления о физиологическом детерминизме поведения человека, приблизился к представлениям о социальной его детерминированности. Большой интерес представляет и то, что в сложном психологическом анализе проблемы вменяемости и ответственности лиц, совершивших криминальное деяние, В. Х. Кандинский обнаруживает глубокое и диалектическое понимание сложной психологической структуры волевого акта. Он надлежащим образом учитывал неразрывную связь побудительных мотивов, взвешивания их, выбора решения и его осуществления с целеполагающим сознанием, анализом и синтезом мышления и социально-этическими чувствами. Опираясь на эти психологические концепции, В. Х. Кандинский всесторонне обосновывает свою точку зрения на критерий вменяемости. В основу последнего он кладет вначале психиатрами отвергнутую, а затем всеми принятую и вошедшую в законодательство двойную формулу: «Не вменяется в вину деяние, учиненное лицом, которое, по постоянному своему состоянию или по состоянию своему во время учинения деяния, не могло понимать свойства и *значения* совершаемого или же не могло *руководиться в то время здравым пониманием в действовании своем*» [2] [10].

[10] В советском законодательстве эта формула вменяемости по существу сохранилась в полной мере. В нее внесены незначительные, имеющие сугубо редакторский характер изменения.

В начале нашей статьи мы указывали, что интерес нашего выдающегося психиатра к психологии носил не отвлеченный характер, а был обусловлен пониманием того большого значения, которое имеет психология для общей психопатологии и психиатрии. На примере необходимости использования психологического критерия вменяемости в судебной психиатрии мы сейчас убедились, что психология связывает психиатрию с таким важным разделом жизни общества, как его правовые и морально-этические отношения. Ранее, касаясь социально психиатрических проблем, относящихся к области нервно-психического контагия и психических эпидемий, мы установили, что В.Х. Кандинский хорошо понимал важность социально-психологической компетенции для анализа наблюдающихся при психических эпидемиях пограничных состояний, трудности отграничения психической нормы и патологии.

Подведем итоги. Нам представляется, что можно определить основные качества В.Х. Кандинского как психолога в следующих, кратко сформулированных положениях.

Философские взгляды В.Х. Кандинского в области психологии можно охарактеризовать как материалистический психофизический монизм. Он активно защищал свои материалистические взгляды, но в отдельных случаях был не до конца последователен и поддавался позитивистским влияниям.

Занимаясь историческими исследованиями в области психологии, В.Х. Кандинский проявил себя не «историком-летописцем», а «историком-мыслителем», раскрывающим направленность и закономерности в историческом развитии психологии. Соответственно своему материалистическому мировоззрению Кандинский положительно относился к материалистическим концепциям философов-материалистов в психологии. Он критически подходил к психологическим концепциям философов-идеалистов и вскрывал их несостоятельность. В отдельных случаях он не доводил эту критику до конца, в частности, давая общую оценку взглядам некоторых философов идеалистического толка.

Можно считать установленным, что В.Х. Кандинский поддерживал прогрессивное сеченовское направление в психологии, его материалистические психофизиологические концепции и рефлекторную теорию психической деятельности. Что же касается Вундта, объективно способствовавшего развитию экспериментальной физиологической психологии, то В.Х. Кандинский считал необходимым использовать все то ценное и полезное, что сделал Вундт, но не был достаточно критичен к идеалистическим философско-психологическим концепциям последнего.

В.Х. Кандинскому принадлежит заслуга разработки некоторых вопросов социальной психологии и пропаганды естественнонаучных взглядов на такие нередко мистически-религиозно толкуемые явления, как психические эпидемии, сомнабулизм, гипноз. В этой своей деятельности В.Х. Кандинский

проявил себя как воинствующий материалист. В вопросах социологии, примыкающих к проблемам социальной психологии, В. Х. Кандинский хотя и не преодолел полностью столь распространенных в его время субъективно-социологических ошибочных представлений, но в ряде случаев стихийно становился на позиции исторического материализма.

В. Х. Кандинский высказал ряд ценных и оригинальных мыслей об общих отношениях между психологией и клинической психиатрией. Ему принадлежит заслуга правильного формирования психологического критерия определения вменяемости, столь значимого для практики судебной психиатрии.

Литература

1. Вестн. клин. и судебной психиатр. и невропатол. 1889. В. 1. С. 363.
2. *Кандинский В. Х.* К вопросу о невменяемости. М., 1890.
3. Он же. Мед. обозрение. 1874. Т. 13. Май. С. 328.
4. *Ананьев Б. Г.* Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков. М., 1947.
5. *Рохлин Л. Л.* В кн.: Вопросы экспериментальной патопсихологии. М., 1965, С. 310.
6. *Кандинский В. Х.* Общепонятные психологические этюды. М., 1885.
7. *Вундт В.* Основания физиологической психологии. М., 1880–1881. В. 1–2.
8. *Rothe A.* Allg. Z. Psychiat. 1890. Bd 46. S. 550.
9. *Кандинский В. Х.* Природа. 1876. Кн. 2. С. 138.
10. *Wallace A. R.* On Miracles and Modern Spiritualisms. London, 1875.
11. *Будилова Е. А.* Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке. М., 1960.
12. *Рубинштейн С. Л.* В кн.: И. М. Сеченов и материалистическая психология. М., 1957. С. 11.
13. *Снежневский А. В.* В кн.: *Кандинский В. Х.* О псевдогаллюцинациях. М., 1952. С. 151.
14. *Кавелин К. Д.* Задачи психологии. М., 1871.
15. *Сеченов И. М.* Избранные произведения. М., 1952.
16. *Михайловский Н. К.* Сочинения. СПб., 1896. Т. 2. С. 152.

Рохлин Л. Л.

ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ В.Х. КАНДИНСКОГО

Печатается по изданию:
Рохлин Л. Л. Психопатологические воззрения В. Х. Кандинского // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. — 1971. — Т. 71. — Вып. 7. — С. 1084–1089

Конец XIX столетия в России ознаменовался большими успехами в развитии естествознания и медицины, в частности психиатрии, находившейся в это время под большим влиянием идей И. М. Сеченова в области физиологии и психологии.

В мировой психиатрической науке почетное место заняли такие выдающиеся русские психиатры, как И. М. Балинский, И. П. Мержеевский, С. С. Корсаков и др. Весьма важное место в этом ряду занимал петербургский врач-психиатр В. Х. Кандинский, 120-летие со дня рождения которого отмечалось в 1969 г.

Научное наследие В. Х. Кандинского богато и разнообразно. Он еще до Крепелина разработал принципы клинико-нозологического подхода в психиатрии, дав психопатологическое описание (под названием идеофрения) того заболевания, которое ныне толкуется как шизофрения.

Большое внимание уделил этот выдающийся ученый разработке физиологических основ психиатрии. В 1881 г. он перевел с немецкого на русский язык фундаментальный труд В. Вундта «Основание физиологической психологии», сопроводив его ценными дополнениями и примечаниями [1]. Свои нейрофизиологические концепции применительно к психиатрии В. Х. Кандинский развивал под влиянием материалистических взглядов отца русской физиологии И. М. Сеченова.

Большой интерес проявил он также к социальным проблемам психиатрии. Его перу принадлежат ценные работы, посвященные номенклатуре и классификации психозов, судебно-психиатрической экспертизе и вопросам вменяемости, а также нервно-психическим контагиям и эпидемиям. Являясь автором двух монографий по философии и истории психологии [2, 3], написанных в духе естественно-исторического материализма, В. Х. Кандинский и здесь показал свою глубокую эрудицию. Но особенное внимание он уделил вопросам общей психопатологии, в частности учению о галлюцинациях.

Творческое наследие В. Х. Кандинского так велико и относится к столь разнообразным областям психиатрии, что проанализировать его в полном объеме в рамках журнальной статьи попросту невозможно. Поэтому мы позволим себе ограничиться анализом концепций В. Х. Кандинского, относящихся к учению о галлюцинациях. Мы остановимся на выделенном им в рамках обманов восприятий феномене «псевдогаллюцинации», а также частично на тех психопатологических явлениях, которые впоследствии весьма полно были описаны французским психиатром Клерамбо под названием «психический автоматизм».

Свое учение о галлюцинациях В. Х. Кандинский развил в двух статьях (первая — «К вопросу о галлюцинациях» [4], вторая — «Клинические и практические изыскания в области обманов чувств» [5]) и в монографии «О псевдогаллюцинациях» [6] [1]. Кроме того, в упомянутых выше дополне-

[1] Эта монография вначале появилась на немецком языке и была издана в Берлине (Kritische und klinische Betrachtungen in Gebiete den Sinnestauschungen. Erste u. zweite Studie. Berlin, 1885). На русском языке она была опубликована уже после смерти ученого в 1890 г. его женой Е. К. Кандинской (В. Х. Кандинский. «О псевдогаллюцинаци-

ниях и примечаниях в книге Вундта имеются развернутые высказывания о физиологических основах галлюцинаций.

Его монография «О псевдогаллюцинациях», как об этом пишет сам В. Х. Кандинский, была намечена им как первый очерк из серии, посвященной вопросу об обманах восприятий. Но преждевременная трагическая смерть в сравнительно молодом возрасте (40 лет) не позволила ему осуществить это свое намерение.

В период, предшествовавший выходу в свет монографии В. Х. Кандинского, вопрос об определении сущности галлюцинаций, их классификации, отношения к другим психопатологическим явлениям, в частности бреду, являлся предметом широкого обсуждения в психиатрической литературе, особенно французской и немецкой. Напомним об оживленной дискуссии в Парижском медико-биологическом обществе в 1855 г., посвященной вопросу об отношениях между галлюцинациями, восприятиями и представлениями. В Германии в этот же период были опубликованы имевшие большое значение для развития учения о галлюцинациях работы Хагена (1868), Кальбаума (1866), Майера (1865).

Впервые выделяя новый психопатологический феномен, названный им «псевдогаллюцинацией», В. Х. Кандинский, естественно, не мог обойти молчанием всю предшествующую богатую литературу о галлюцинациях. Напротив, он уделил в своей монографии большое внимание всесторонней и острой полемической критике взглядов на галлюцинации, господствовавших в психиатрии того времени.

Имеются все основания считать родоначальником всех теорий галлюцинаций Эскироля, который впервые дал развернутое определение этого психопатологического явления. Он писал: «В состоянии галлюцинации находится тот, кто имеет внутреннее убеждение в том, что он воспринимает в данную минуту ощущение, тогда как в пределах досягаемости его органов чувств нет никакого внешнего предмета, способного возбудить это ощущение» [7].

В. Х. Кандинский не случайно начинает свою монографию с критического анализа данного Эскиролем определения галлюцинаций: «…быть убежденным в том, что имеешь ощущение, — указывает он, — и действительно иметь ощущение — не всегда одно и то же» (стр. 26). Кроме того, подчеркивал В. Х. Кандинский, «…галлюцинации суть не просто субъективные ощущения, но субъективные *восприятия*», и делает важное примечание; «*Ощущение* есть элементарная и первичная душевная деятельность, резуль-

---

ях. Критико-клинический этюд». Издание Е.К. Кандинской. СПб., 1890. 164 с.). В 1952 г. монография «О псевдогаллюцинациях» была переиздана с предисловием А. В. Снежневского, биографическим очерком и списком работ В. Х. Кандинского. Все приводимые в настоящей статье цитаты из этой монографии даются по изданию 1952 г. с указанием соответствующих страниц в скобках.

тат возбуждения нервов чувствования. *Чувственное восприятие* есть душевная деятельность высшего порядка, которая, беря своим материалом ощущения, строит из них нам познание предметов» (стр. 27). Тут же Кандинский дает свое развернутое определение галлюцинаций, которое мы считаем целесообразным привести полностью: «под именем *галлюцинация* я разумею *непосредственно от внешних впечатлений независящее возбуждение центральных чувствующих областей, причем результатом такого возбуждения является чувственный образ, представляющийся в восприемлющем сознании с таким же самым характером объективности и действительности, который при обыкновенных условиях принадлежит лишь чувственным образам, получающимся при непосредственном восприятии реальных впечатлений*» (стр. 27).

В. Х. Кандинский поясняет это свое определение галлюцинаций. Во-первых, он раскрывает содержание упоминаемого в этом определении понятия объективности, которую рассматривает как возможность постигать при помощи извне обусловленных восприятий существо предметов внешнего мира, которые, таким образом, являются объектами нашего познания. Во-вторых, он указывает, что галлюцинаторные образы возникают вместе и одновременно с действительными чувственными восприятиями и могут заменять собой реальный внешний мир. Но и в том, и в другом случае галлюцинаторные восприятия «должны иметь для восприемлющего сознания *такое же значение*, каким при нормальных условиях обладают лишь действительные, объективно обусловленные чувственные восприятия» (стр. 27).

Приведенное выше определение галлюцинаций служит В. Х. Кандинскому основой для выявления особенностей тех выделенных разновидностей обманов восприятий, которым он дал название псевдогаллюцинаций. По поводу названия «псевдогаллюцинации» В. Х. Кандинский пишет, что оно может вызвать возражения, как и другие термины с приставкой «псевдо». Он не будет спорить, если описываемые им субъективные явления в сфере восприятий будут называться иначе, например, «„hallucinoides“, „illuminationes“, „illustrationes“ или как-нибудь иначе» (стр. 44).

Но раньше чем перейти к раскрытию содержания этого понятия, В. Х. Кандинский посвящает специальную главу монографии анализу работы Гагена, который также пользовался термином «псевдогаллюцинация». Кандинский считает, что гагеновские «псевдогаллюцинации» принадлежат к психопатологическим явлениям, «к сфере *чувственного восприятия* вовсе не относящимся», а являющимся сборной группой симптомов, нередко ошибочно определяемых как галлюцинации (стр. 43). В порядке уточнения следует указать, что среди описываемых Гагеном «псевдогаллюцинаций» В. Х. Кандинский все же в отдельных случаях обнаружил и такие психопатологические явления, которые подходят под его определение слуховых псевдогал-

люцинаций. Но это не мешает даваемой им общей оценке псевдогаллюцинаций Гагена.

В гагеновскую сборную группу, по В. Х. Кандинскому, входят образный, чувственный бред, насильственно-навязчивые представления, ошибки воспоминаний, «ложные идеи вторичного происхождения, возникшие в непосредственной зависимости от *содержания слуховых* галлюцинаций» (стр. 43).

В советской и зарубежной литературе в настоящее время высказываются многочисленные ошибочные суждения насчет псевдогаллюцинаций, выделенных и описанных В. Х. Кандинским. Их нередко отождествляют с живыми образными представлениями и фантазиями, видят их отличие от истинных галлюцинаций в отсутствии проекции во вне и отмечают возникновение их внутри организма («внутренние голоса»), приравнивают этот феномен к психическим галлюцинациям Байярже, подчеркивая их якобы бестелесный, нечувственный характер. В целях устранения таких ошибочных суждений лучше всего привести высказывания самого В. Х. Кандинского. Мы воспользуемся для этой цели кратко сформулированным определением псевдогаллюцинаций, приведенным им в выводах, которыми заканчивается его монография. Вот это определение: «То, что я называю псевдогаллюцинациями, есть весьма живые и чувственные субъективные восприятия, характеризующиеся всеми чертами, свойственными галлюцинациям, за исключением существенного для последних характера объективной действительности; только в силу отсутствия этого характера они не суть галлюцинации» (стр. 145). Отграничивая псевдогаллюцинации от различного характера представлений, В. Х. Кандинский называет еще ряд важных дополнительных признаков: «Мои псевдогаллюцинации не суть простые, хотя бы необычайно живые, образы воспоминания и фантазии; оставляя в стороне их несравненно большую интенсивность (как признак несущественный), я нахожу, что они отличаются от обыкновенных воспроизведенных чувственных представлений некоторыми весьма характерными чертами (как то: рецептивное отношение к ним сознания; их независимость от воли; их навязчивость; высокая чувственная определенность и законченность псевдогаллюцинаторных образов; неизменный или непрерывный характер чувственного образа при этого рода субъективных явлениях)» (стр. 145).

В этом определении мы бы хотели привлечь внимание к следующим двум признакам. Первый из них — «высокая чувственная определенность и законченность псевдогаллюцинаторных образов». Как мы увидим дальше, отмеченный признак имеет существенное значение для разграничения псевдогаллюцинаций В. Х. Кандинского с психическими галлюцинациями Байярже. Ярким примером высокой чувственной определенности и законченности псевдогаллюцинаторного образа является приведенная В. Х. Кан-

динским в его монографии клиническая иллюстрация из истории болезни больного Долинина. «Образ гусара в красной фуражке, синем мундире и малиновых штанах… видится *внутренно*; *спонтанно* является не перед телесными очами… но перед очами духовными, именно перед внутренно зрящим субъектом… восприемлется сознанием… *сразу со всеми мельчайшими своими частностями*: Долинин с большой отчетливостью видит не только ярко-красную фуражку, но и кокарду на ней, все черты лица и выражение последнего, черные бакенбарды и закрученные в кольца усы, все шнурки голубого мундира на груди. В этом живом и до мельчайших подробностей отчетливом чувственном образе ничто не может быть изменено произвольными усилиями воображения» (стр. 59).

Второй признак — это навязчивый характер псевдогаллюцинаторных образов, то, что они, по словам А. В. Снежневского [8], «являются результатом воздействия, насильственности, проявляемой извне, что они им „сделаны“». Указанный признак весьма важен потому, что, с одной стороны, позволяет с помощью критерия объективности (по В. Х. Кандинскому) определить существенное отличие псевдогаллюцинаций от истинных галлюцинаций, с другой стороны, потому, что сопровождающее псевдогаллюцинации чувство воздействия, «сделанности», вводит их в круг явлений психического автоматизма, описанию которых В. Х. Кандинский уделил большое внимание, на чем мы еще остановимся.

Вопросу об отношениях псевдогаллюцинаций к психическим галлюцинациям, описанным Байярже, В. Х. Кандинский уделил большое внимание. Мы полагаем, этот вопрос представляет интерес для читателя, тем более, что в советской и зарубежной литературе нередко отмечается неправильное отождествление названных психопатологических феноменов.

В своей монографии В. Х. Кандинский часто обращается к высказываниям Байярже о психических галлюцинациях, характеризует отношение к ним его французских коллег, сопоставляет их с псевдогаллюцинациями и дает сравнительную оценку тех и других.

Так, он уже в начале книги цитирует слова Байярже [9] о «чисто интеллектуальных восприятиях, которые больными часто бывают ошибочно смешиваемы с чувственными восприятиями», о том, что в отличие от обычных, «полных» по определению Байярже, галлюцинаций психические галлюцинации «происходят единственно от непроизвольной деятельности памяти и воображения и являются совершенно независимыми от органов чувств». Далее В. Х. Кандинский касается высказывания Байярже [9] о том, «что психические галлюцинации, по-видимому, относятся исключительно к области слуха», но в сущности «они не имеют никакого отношения к сенсориальным аппаратам». По словам Байярже, «больные здесь не испытывают ничего похожего на слуховые ощущения», но «уверяют, — дополняет В. Х. Кандинский, — что слышат беззвучно (иногда с очень больших рас-

стояний), посредством индукции, мысль других лиц, что они могут вести со своими невидимыми собеседниками интеллектуальные разговоры, вступать своей душой в общение с душами этих лиц, слышать идеальные, таинственные или внутренние голоса» (стр. 31). В. Х. Кандинский подробно цитирует Байярже и во многих других местах своей монографии, приводя его высказывание о том, что «психические галлюцинации не имеют никакого отношения к органам чувств», что «они слышат мысль без посредства звука, слышат тайный внутренний голос, не имеющий ничего общего с голосами, воспринимаемыми при посредстве уха… ведут со своими неведомыми собеседниками интимные разговоры, в которых чувство слуха положительно не играет никакой роли» (стр. 87–90; 145). Тут же В. Х. Кандинский указывает, что Байярже сам говорит, что выражение «внутренние, интеллектуальные голоса» здесь, собственно, непригодно: «нельзя говорить о голосах, если явление совершенно чуждо чувству слуха, а совершается в глубинах души», «больные пользуются подобного рода неверными выражениями за неимением лучших» (стр. 88). Не ограничиваясь высказываниями Байярже, В. Х. Кандинский приводит мнение французских психиатров Мише, Мореля, Марсе о том, что психические галлюцинации Байярже не разновидность обманов восприятия, а «скорее род интеллектуального бреда» и что относятся они к расстройствам мышления.

Сам В. Х. Кандинский, допуская, что в отдельных случаях описанные Байярже психопатологические феномены и определяемые им как психические галлюцинации являются разновидностью слуховых псевдогаллюцинаций, решительно возражал против отождествления этих двух психопатологических понятий. «Внимательно читая о психических галлюцинациях Байярже, — пишет Кандинский, — не трудно убедиться, что он скорее дает описание простого (т. е. нечувственного) насильственного мышления, чем тех живочувственных субъективных восприятий, которые я называю псевдогаллюцинациями слуха» (стр. 87). В другом месте он указывает: «Описание Байярже приложимо только к тому, что некоторые из моих больных называют „мысленные внушения“, „мысленная индукция“ и что они отличают от „внутреннего слушания“, от „внутреннего слухового внушения“ или от „внутренней слуховой индукции“; первое из этих явлений имеет характер действительно чисто интеллектуальный, и органы чувств, в частности орган слуха, здесь нимало не замешаны. Напротив, во втором случае мы имеем дело с явлением резко чувственным, с особого рода весьма живыми и именно слуховыми субъективными восприятиями, местом происхождения которых могут быть только специально слуховые области головномозговой коры» (стр. 88). К этому четкому определению В. Х. Кандинского различий между психическими галлюцинациями Байярже и псевдогаллюцинациями по признаку сензорности следует добавить, что при псевдогаллюцинациях в отличие от истинных галлюцинаций больные отмечают особенный способ

восприятий. Они слышат «внутренним ухом» и видят «внутренним зрением». Преобладает у этих больных внутренняя проекция псевдогаллюцинаторных восприятий. Они слышат «голоса» и им «делается словесное внушение» внутри головы или из разных частей тела. Им таким же образом «навязываются видения» и «насильно демонстрируют картины».

Выше мы уже отмечали связь псевдогаллюцинаций с идеями внешнего воздействия, их «насильственность», «сделанность». При этом следует подчеркнуть, что речь идет не только об интерпретирующем, объяснительном бреде воздействия, бреде влияния, но и о непосредственно присущем больным чувстве чуждости, непринадлежности своему «я» таких психопатологических феноменов, как псевдогаллюцинации. Отсюда ясно, что псевдогаллюцинации в какой-то мере относятся к тому психопатологическому синдрому, который в современной литературе определяется как синдром психического автоматизма, их можно понимать как сензорный вариант этого сложного синдрома. Как известно, заслуга наиболее полного и всестороннего клинического описания синдрома психического автоматизма принадлежит французскому ученому Клерамбо.

Представляет большой интерес тот факт, что в анализируемой нами монографии В. Х. Кандинского весьма подробно и красочно представлены разнообразные психопатологические явления, входящие в структуру названного синдрома. Это послужило основанием для советских психиатров назвать данный синдром синдромом Кандинского—Клерамбо[2]. В рамках нашей статьи мы не можем входить в подробное обсуждение того, как характеризовал и как толковал Кандинский психопатологические явления, которые надлежит относить к синдрому психического автоматизма. Ограничимся только кратким обзором этих явлений, превосходно описанных в историях болезни, приведенных в его монографии.

Сензорного варианта психического автоматизма мы уже касались при анализе выделенных В. Х. Кандинским псевдогаллюцинаций. Отметим только, что он различал псевдогаллюцинации слуха, зрения, общего чувства, вкуса и обоняния, всегда подчеркивая их чуждый, навязанный больному характер. «Слуховые псевдогаллюцинации душевно-больных, подобно зрительным, почти всегда характеризуются навязчивостью, — читаем мы в его монографии. — Больные внутренне слышат не потому, что хотят этого, но потому, что *принуждены слышать*; при всех своих стараниях они не в состоянии отрешиться от этих внутренних речей, содержание которых весьма часто бывает для них крайне неприятно и оскорбительно» (стр. 84).

То же относится и к другим видам псевдогаллюцинаций. Представляет интерес, что разнообразные феномены идейно-словесного автоматизма также получили весьма полное освещение в работе В. Х. Кандинского.

---

[2] Впервые это было предложено А. Л. Эпштейном [10].

Так, он выделил различные симптомы «открытости мыслей». К ним он отнес чувство «внутренней раскрытости», бредовую уверенность больного в известности его мыслей, разнообразные явления «эха мысли» (повторяющего, предвосхищающего, уведомляющего). «Внутреннюю раскрытость» В. Х. Кандинский иллюстрирует ярким сравнением: «О положении больного, у которого вдруг мысли стали открытыми для окружающих, — пишет он, — может дать некоторое понятие сравнение с положением стыдливой девицы, с которой в многолюдном собрании, например на балу, сразу, по необъяснимому для нее волшебству, спадают все одежды, и она остается в ярком свете люстр под устремленными на нее взорами сотни глаз блестяще разодетых гостей абсолютной нагой» (стр. 113).

Четко описывается им также «эхо мысли» в разнообразных его проявлениях: «Когда эти больные думают про себя, они слышат своими внешними ушами вполне объективно (на то это и галлюцинация), что чьи-то голоса где-нибудь произносят эти мысли *вслух*; когда они читают про себя, то голоса со стороны слово за словом, фразу за фразой читают *вслух* вслед за ними… Это бы еще ничего, если бы тут дело ограничивалось одним регулярным повторением вслух сознательных мыслей больного, им самим внутренне формулируемых в словах, то больные сравнительно легко свыклись бы с таким эхом. Из некоторых, точно прослеженных мною клинических случаев я убедился, что обыкновенно „голоса“ выговаривают мысли больного прежде, чем последний успеет внутренне облечь их в слова» (стр. 112).

К оригинальным идейно-словесным автоматизмам относится также выделение В. Х. Кандинским особых расстройств памяти, названных им «псевдогаллюцинаторными псевдовоспоминаниями». Вот как он их описывает: «*Какой-нибудь измышленный факт, то есть какое-нибудь представление, созданное фантазией больного* (в момент перехода за порог сознания), *становится псевдогаллюцинацией, зрительной или слуховой, и эта псевдогаллюцинация ошибочно принимается сознанием больного за живое воспоминание действительного факта, совершившегося в далеком или недавнем прошлом*» (стр. 116). Важно, что эти псевдогаллюцинаторно оформленные псевдовоспоминания, по утверждению В. Х. Кандинского, также возникают неожиданно, непроизвольно, а содержание их аффективно имеет отношение к бредовым идеям больного.

Из разнообразных двигательных компонентов психического автоматизма, описанных В. Х. Кандинским, мы позволим себе остановиться только на рече-двигательных галлюцинациях, поскольку последние вскоре после выхода на немецком языке книги о псевдогаллюцинациях были описаны также известным французским психиатром Сегла. В. Х. Кандинский выделял рече-двигательный вариант психического автоматизма в двух формах автоматического говорения: внутреннего и двигательного (действительного). Последнее он, в свою очередь, подразделял на непроизвольное и на-

сильственное говорение. Под внутренним говорением В. Х. Кандинский подразумевал такое состояние, когда больному кажется, что он говорит, между тем как подлинных речевых высказываний в это время не происходит. При «действительном говорении» речевые высказывания больного имеют место, но при этом больной непроизвольно говорит то, что говорить в ответ на заданный вопрос не имел намерения, либо его речевое высказывание носит непонятно насильственный характер, либо совершается под каким-то чужим влиянием; язык получает как бы автономию. Как известно, Сегла, кроме этих двух разновидностей рече-двигательных механизмов, описанных В. Х. Кандинским, описал еще и третий — «немое говорение», когда больные испытывают обманчивые ощущения автономных от их воли движений губ и языка так, как будто они говорят, когда в действительности звуковой речи не наблюдается. В то же время Сегла, выделяя в одну общую группу словесные галлюцинации, допустил смешение моторных и сенсорных проявлений психического автоматизма, В. Х. Кандинский же строго различал «словесное говорение» и «словесное слушание» у наблюдавшихся им больных.

Приведенных нами выборочных данных об описанных В. Х. Кандинским явлениях психического автоматизма (в монографии их значительно больше), мы полагаем, вполне достаточно, чтобы говорить о роли В. Х. Кандинского (наряду с Клерамбо) в выделении такого важного и распространенного в психиатрической клинике психопатологического синдрома.

Большой интерес представляют взгляды В. Х. Кандинского об особенностях сна у душевнобольных, об отношениях между сновидениями и галлюцинациями, об онейроидных (онирических) расстройствах сознания [3].

В. Х. Кандинский считал, что «сон у душевнобольных часто весьма отличается от сна здоровых, представляя нечто среднее между нормальным сном и полным бодрствованием, причем в одних случаях он ближе к одному из этих состояний, в других — к другому» (стр. 40).

Он ссылается на следующее высказывание по этому вопросу ученика Эскироля Кальмейля: «Многие из душевнобольных спят не иначе как сном неполным; другие же спят изредка. Иногда бред продолжается даже в то время, когда больной отдается сну; галлюцинации, мучительные идеи, ложные ощущения угнетающего свойства тогда преследуют больного под формой сновидения» [11].

В. Х. Кандинский подчеркивал также общность состояния сознания при галлюцинации и при сновидном изменении сознания. Состояния сна и бдения у галлюцинирующего больного, считал он, резкого различия между

[3] Следует отметить, что понятия «онирическое», употребляемое французскими авторами, и «онейроидное», которым пользуются немецкие психиатры, не вполне идентичны. Концепции В. Х. Кандинского в некоторых отношениях перекликаются с высказываниями французских психиатров того времени.

собой не представляют: с одной стороны, грезы настолько живы, что больной, так сказать, бодрствует во сне, с другой стороны, галлюцинации бодрствующего больного так причудливы и разнообразны, что, можно сказать, он грезит наяву. «Сновидение, — полагал В. Х. Кандинский, — в сущности, не что иное, как кортикальная галлюцинация» (стр. 39).

Исключительный интерес представляет то, что, изучая зрительные псевдогаллюцинации, в частности когда наблюдается их наплыв, «псевдогаллюцинирование сплошным потоком», Кандинский описал онейроидный (онирический) вид расстройства сознания, отметив все основные черты последнего: сказочность и драматичность разыгрывающихся в сознании больного сноподобных событий с обязательным его деятельным и активным в них участием.

Особенностью психопатологических воззрений В. Х. Кандинского является то, что, описывая с исключительной тонкостью различные психопатологические феномены, он всегда стремился установить их патофизиологическую основу. Ему принадлежит далеко опередившая его время гипотеза о происхождении галлюцинаций, которая впоследствии получила подтверждение в исследованиях И. П. Павлова и в новейших работах по нейрофизиологии. Вопреки мнению большинства своих современников, В. Х. Кандинский связывает галлюцинации не только с возбуждением определенных мозговых центров, но полагает, что они возникают при наличии истощения коры передней части полушарий головного мозга.

В своих дополнениях к переводу уже упомянутой книги Вундта [1] он писал: «Наши собственные наблюдения решительно показывают, что галлюцинации самым тесным образом связаны не с возбуждением, но с *ослаблением* собственно умственной деятельности. Самые благоприятные условия для происхождения галлюцинаций — истощение мозга и отсутствие всякой активности, умственной и телесной…» и далее: «От картин воспоминания и воображения, как бы живы они ни были, галлюцинации отличаются присущим им характером *объективности*. В происхождении галлюцинаций, особенно сложных, кроме чувственных *внекортикальных* центров, играют роль, по нашему мнению, *чувственные корковые центры*… При ослаблении регулирования деятельности коркового чувственного центра передним мозгом приходящие к первому из соответствующего центра автоматические возбуждения обусловливают галлюцинации». Эти положения В. Х. Кандинского, высказанные им 90 лет тому назад, соответствуют взглядам известного советского психиатра Е. А. Попова [12], много занимавшегося исследованием галлюцинаций и подчеркивающего значение тормозного состояния коры (гипнотических в ней фаз) для процесса галлюцинирования.

Заканчивая наш краткий очерк, характеризующий психопатологические воззрения В. Х. Кандинского, мы хотели бы выразить наше согласие

с А.В. Снежневским, писавшим в своем предисловии к монографии «О псевдогаллюцинациях»: «В ней изложено не только учение о псевдогаллюцинациях, истинных галлюцинациях, психическом автоматизме, онейроидных состояниях, особых расстройствах памяти, учение о патологии мышления, но и дан метод психопатологического исследования, которым продолжают пользоваться и до настоящего времени» (стр. 3).

Литература

1. *Вундт В.* Основание физиологической психологии. М., 1880–1881.
2. *Кандинский В.* Х. Современный монизм (популярный философский этюд). Харьков, 1881.
3. Он же. Общепонятные психологические этюды. М., 1881.
4. Он же. Мед. обозр. 1880. Т. 13. № 6. С. 815.
5. Он же. Там же. 1885. Т. 23. № 3. С. 231.
6. Он же. О псевдогаллюцинациях. М., 1952.
7. *Esquirol E.* Des maladies mentalrs, considerees sous les rapports medical, hygienique, et medico-legale. Paris, 1838. P. 80.
8. *Снежневский А.В.* В кн.: Кербиков О.В., Коркина М.В., Наджаров Р.А. Психиатрия. М., 1968. С. 36.
9. *Baillarger J.* Memo. l'Acad. Med. (Paris). 1846. V. 12. P. 273.
10. *Эпштейн А.Л.* Обозр. психиатр. 1929. № 4–5. С. 315.
11. *Calmeil L.F.* De la folie. Paris, 1845. V. 1. P. 65.
12. *Попов Е.А.* Материалы к клинике и патогенезу галлюцинаций. Харьков, 1941.

Рохлин Л.Л.

КЛИНИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ В.Х. КАНДИНСКОГО

Печатается по изданию:
Рохлин Л.Л. Клинические воззрения В.Х. Кандинского // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. — 1974. — Т. 74. — Вып. 4. — С. 608–616

Если психопатологические исследования В.Х. Кандинского получили широкую известность и всеобщее признание в отечественной и зарубежной литературе, то этого нельзя сказать о его клинических концепциях. Специальных работ о В.Х. Кандинском как клиницисте вообще нет. Имеются лишь некоторые сведения о его взглядах на общие и частные проблемы клинической психиатрии, приводимые в послесловии А.В. Снежневского к книге В.Х. Кандинского «О псевдогаллюцинациях» [1].

Объяснение тому факту, что клинические воззрения крупнейшего психиатра не привлекли должного внимания советских и зарубежных ученых,

не следует искать в том, что В. Х. Кандинский якобы не имеет больших заслуг как клиницист, что его клинические концепции не представляют будто бы значительного интереса. Дело заключается в другом. Если по вопросам психопатологии В. Х. Кандинский опубликовал ряд статей и монографию, то свои клинические воззрения он не успел обобщить в специальном труде[1]. Взгляды В. Х. Кандинского как клинициста получили свое выражение лишь в виде разрозненных высказываний в разных его работах, многочисленных рефератах, рецензиях и частично в монографиях [2, 3]. Судить о В. Х. Кандинском-клиницисте можно и по помещенным им в этих публикациях превосходным историям болезни и по глубоким клиническим разборам.

В предлагаемой статье мы хотим на основе анализа и обобщения отдельных клинических высказываний В. Х. Кандинского-клинициста охарактеризовать его клиническое кредо.

Для того чтобы правильно понять и надлежащим образом оценить психиатрические клинические воззрения В. Х. Кандинского, необходимо предварительно проанализировать два важных момента. Это, во-первых, состояние клинической психиатрии и основные тенденции ее развития в 70–80-х годах предыдущего столетия, когда В. Х. Кандинский формировался как клиницист-психиатр; и, во-вторых, индивидуальный путь В. Х. Кандинского в клинической психиатрии, особенности его деятельности как клинициста-психиатра.

В 70–80-е годы прошлого столетия наблюдался крутой перелом в воззрениях психиатров в отношении понимания причин душевных расстройств и принципов их классификации. Господствующее положение здесь стала занимать естественнонаучная концепция.

Уже в недрах симптоматического направления в психиатрии конца XVIII и начала XIX столетия, в частности в трудах Пинеля и Эскироля, возникали, как это хорошо показал в своей монографии В. М. Морозов [4], концепции, подрывающие симптоматический подход к пониманию психических расстройств.

Новые взгляды характеризовало стремление выделить по примеру общей медицины отдельные клинические формы и установить анатомо-физиологические основы тех или иных психических расстройств. Этот подход нашел отражение в клиническом описании Бейлем и Кальмейлем (учениками Эскироля) прогрессивного паралича и Фальре — циркулярного помешательства. Сюда же следует отнести и работу Маньяна о хроническом эволютивном бреде, в которой подчеркивалась закономерность и поэтапность

---

[1] Кандинский работал в качестве клинициста-психиатра всего 8 лет (с 1881 по 1889 г.), в течение которых он был практическим врачом в Петербургской психиатрической больнице св. Николая Чудотворца.

развития бредовых психозов. Даже в концепции «единого психоза», предложенной Целлером и в дальнейшем развитой Гризингером, как это не парадоксально, содержались предпосылки для подразделения психических заболеваний на отдельные клинико-нозологические единицы, ибо эта концепция базировалась на закономерностях течения различных психических расстройств.

Но в наиболее полном виде новый принцип клинико-нозологического подразделения, или, как тогда выражались, группировки психических расстройств по клиническим формам получил свое выражение в предложенной немецким психиатром Кальбаумом классификации и в его работе, посвященной кататонии, в которой он видел самостоятельную болезнь.

Естественнонаучные взгляды на психические расстройства как проявления патологии мозга, намечавшиеся в трудах Гризингера, получили в 70–80-х годах прошлого столетия развитие в исследованиях Мейнерта и его ученика Вернике. Весьма интересно, однако, что на том первоначальном этапе развития клинико-нозологических концепций анатомическое (церебральное) направление Мейнерта и Вернике при всей его прогрессивной роли находилось в известном противоречии с клинико-нозологическим направлением психиатров того времени. Ведь для того, чтобы исследование анатомо-физиологических основ психозов не превратилось в «мозговую мифологию», ему должно предшествовать клиническое изучение этих психозов. И это хорошо понимал Кальбаум. Он писал: «Работы патологоанатомов дали весьма содержательный и ценный материал. Но они не могли продвинуть наше понимание патогенеза психозов и их структур, так как последние наблюдаются intra vitam. Все более укрепляется наша уверенность в том, что только принципиально-клиническая точка зрения, подобная той, на которой стоят специалисты по соматопатологической клинике, может и должна объяснить и разграничить душевные заболевания. Таким образом, клиническое объяснение подготовляет почву для дальнейшего анатомического проникновения» [5].

Как мы увидим дальше, отмеченные сдвиги в теории психиатрии нашли глубокое понимание у В. Х. Кандинского с его материалистическим мировоззрением, специальным интересом к физиологии мозга и хорошей общей клинической подготовкой, полученной им еще в Московском университете у Г. И. Захарьина (по терапии [2]) и А. Я. Кожевникова (по невропатологии и психиатрии).

Переходя теперь к анализу становления В. Х. Кандинского как клинициста-психиатра и условий его клинической психиатрической деятельности,

[2] На 3-м курсе медицинского факультета университета В. Х. Кандинский проявил большой интерес к терапии и был удостоен серебряной медали за конкурсное сочинение о желтухе.

следует прежде всего остановиться на том важном факте, что он пришел в психиатрию после работы в течение ряде лет терапевтом[3].

Переехав в 1881 г. в Петербург для работы врачом в петербургской психиатрической больнице им. св. Николая, В. Х. Кандинский сразу же вошел в круг петербургских психиатров, работавших под руководством выдающегося ученого того времени — заведующего кафедрой психиатрии Медико-хирургической академии академика И. П. Мержеевского. Последний тогда возглавлял Петербургское общество психиатров, в деятельности которого активно участвовали такие видные и образованные психиатры, как Ф. И. Герцог, А. Я. Фрей, В. Н. Томашевский, А. Е. Черемшанский, О. А. Чечотт и др.

Почти все они были практическими врачами и вместе с тем, как и В. Х. Кандинский, вели исследовательскую работу, которую, как правило, консультировал И. П. Мержеевский. По составу профессуры в области естественных наук и медицины Петербургский университет представлял собой в то время одно из лучших учебных заведений в Европе. Уже тогда сложилась Петербургская школа в области медицины и, в частности, в психиатрии. Все это не могло не сыграть огромной роли в формировании В. Х. Кандинского как клинициста.

Как в научной, так и в практической деятельности В. Х. Кандинский всегда был к себе чрезвычайно требователен. Необходимым условием работы для него всегда являлось осмысление тех теоретических проблем, которые относились к области исследований, привлекшей его внимание.

Для него обязательной была выработка тех исходных принципиальных позиций, опираясь на которые, можно было бы обеспечить строгую последовательность в решении тех или иных конкретных научных и практических вопросов. «В стройном миросозерцании, — писал В. Х. Кандинский, — нет места прорехам, и цепь умозаключений, имея точкой исхода конкретные факты опыта, должна, не прерываясь, восходить до высших обобщений нашей мысли» [2]. Именно это характеризовало его деятельность в области клинической психиатрии.

В этом отношении заслуживает внимания то, как вообще понимал В. Х. Кандинский границы между нормой и патологией в психиатрии и то содержание, которое он вкладывал в понятие «психическая болезнь».

В своем раннем, написанном еще в 1876 г. труде «Нервно-психический контагий и психические эпидемии» [6] он трактует эти явления как пограничные состояния между нормой и патологией и указывает на отсутствие

---

[3] Окончив в 1872 г. медицинский факультет Московского университета, В. Х. Кандинский был направлен врачом во 2-ю Московскую временную больницу (позднее 2-я градская). Там он проработал до 1876 г. В 1870 г. он принимал участие в русско-турецкой войне в качестве младшего судового врача парохода «Великий князь Константин», входившего в состав 2-го Черноморского флота.

строгих границ, неуловимость перехода социально-психологических явлений в психопатологические. «Подобного рода факты,— пишет он,— только тогда причисляются к области душевной патологии, когда душевное расстройство является в слишком резкой форме, когда двигающая идея или чувство слишком нелепы, слишком далеки от нормы или когда психическое расстройство сопровождается резкими телесными симптомами. Но степени душевного расстройства бесчисленны и строго разграничить явления патологические и физиологические — невозможно».

Позже, в 1880 г., в своей рецензии на книгу Окса «Физиология сна и сновидений» В. Х. Кандинский писал: «Одного мы только не понимаем, почему автора так шокирует сравнение душевной жизни во время сна с умопомешательством, сравнение сновидений с галлюцинациями…» И далее: «Автор как будто думает, что принадлежащее к болезненному состоянию должно быть и по *существу* чем-то другим, отличным от явлений нормальной жизни,— как будто болезненное состояние не есть та же жизнь, текущая по тем же самым законам, как и жизнь нормальная, но только при измененных условиях» [7]. В этом определении болезни, в том, что В. Х. Кандинский выделил слово «по существу» и в концовке фразы («только при измененных условиях») отчетливо выступает диалектичность его клинического мышления в понимании отношений нормы и болезни, их единства и различий. Нельзя не обратить внимания и на то, как перекликается позиция В. Х. Кандинского в этом вопросе с современными воззрениями общих патологов, как близко его определение понятия «болезнь» к определению, данному И. П. Павловым.

Выше, касаясь состояния и тенденций развития психиатрии в тот период, к которому относится деятельность В. Х. Кандинского, мы указывали, что для этого периода наиболее характерным и важным было стихийное стремление прогрессивных психиатров к материалистическому естественнонаучному толкованию психических заболеваний. Что же касается становления В. Х. Кандинского как клинициста-психиатра, то мы отметили, что оно прошло через предварительную фазу работы в качестве терапевта и что сам ученый непосредственно шел от соматической медицины к психиатрии. Мы полагаем, что оба отмеченные нами момента сыграли важную роль в формировании клинико-нозологических психиатрических концепций, клинико-нозологического подхода к систематике и классификации психических расстройств, характерных для В. Х. Кандинского.

Эти новые клинико-нозологические установки в психиатрии того времени определялись, в частности, и успехами естествознания во второй половине XIX века. Немалую роль здесь сыграло учение Дарвина о происхождении видов. В области психиатрии речь шла о выделении в психической патологии различных ее биологически обусловленных типов. С другой стороны, принцип клинико-нозологического подразделения психических

расстройств пришел в психиатрию от общей медицины, в которой выделение отдельных клинических форм с закономерным им течением вошло в клинический обиход значительно раньше, чем в психиатрии. Мы считаем, что В.Х. Кандинский стал убежденным и активным пропагандистом внедрения в психиатрическую клинику клинико-нозологического принципа в связи с тем, что этот принцип полностью соответствовал его мировоззрению, которое характеризовалось естественнонаучным материалистическим монизмом. Мы полагаем также, что формирование клинико-нозологического подхода несомненно определялось и опытом работы В.Х. Кандинского в области соматической патологии.

Имеется несколько высказываний В.Х. Кандинского по поводу клинико-нозологического принципа систематики и классификации психических расстройств. Большой интерес представляет их сравнение, так как они относятся к разным этапам его научной деятельности.

К ранним его высказываниям по вопросам клинической нозологии относятся сделанные им замечания к работам Замта и Кальбаума [8, 9].

В реферате работы Замта В.Х. Кандинский солидаризуется с ним в критике концепции единого психоза, поддерживаемой тогда Гризингером. «До сих пор обыкновенно делили душевные болезни, — пишет он, — на первичные и вторичные. В этом делении выражается издавна уже установившееся воззрение на отдельные формы душевных болезней как на различные фазисы одного и того же болезненного психического процесса, начинающегося меланхолией и кончающегося слабоумием. Замт объявляет себя решительным противником этого воззрения. По мнению его, душевные болезни являются в совершенно отдельных и самостоятельных клинических формах, из которых некоторые столь типичны по течению, как, например, пневмония или тиф» [8]. Далее В.Х. Кандинский приводит три из этих типичных форм, выделяемых Замтом: манию в тесном смысле слова, галлюцинаторное помешательство депрессивного и галлюцинаторное помешательство экзальтированного характера. Мы не будем касаться того, в какой мере оправдывают себя в клиническом отношении выделенные Замтом новые формы и каким болезням в современном понимании они соответствуют. Здесь важно другое. Еще в 1874 г. В.Х. Кандинский одним из первых в отечественной психиатрии решительно поддержал клинико-нозологический принцип подразделения психических заболеваний, аналогичный тому, на котором основано подразделение болезней в соматической медицине. Очень интересны в связи с этим его заключительные слова в данном реферате. Указав, что Замтом прослежены только три клинические формы, он подчеркивает: «Полная нозологическая система душевных страданий — задача будущего» [8].

В том же 1874 г. В.Х. Кандинский в реферате монографии Кальбаума «Клинические работы по душевным болезням» [9] уже более обстоятельно

обосновывает применение клинико-нозологического принципа в психиатрии. Это не удивительно, ибо, как мы уже указывали, именно работы Кальбаума, в которых он закономерности течения в единстве со своеобразием их проявлений положил в основу выделения отдельных клинических форм психозов, были весьма важным этапом в развитии клинико-нозологических концепций. В. Х. Кандинский в вводной части своего реферата не столько занимается изложением описываемой Кальбаумом кататонии, сколько рассуждает по вопросу о новом принципе подразделения психических расстройств. В этом реферате подвергается критике уже не концепция единого психоза Целлера, а симптоматическая классификация психозов, предложенная еще Эскиролем. Эта классификация, по В. Х. Кандинскому, «не имеет большого значения»; при ее применении «неизбежно сводятся под одну общую рубрику случаи, существенно отличные друг от друга, и, наоборот, разделяются по разным рубрикам случаи однородные». Решающим, по его мнению, является клинический метод («путь клинического наблюдения и анализа отдельных случаев психического страдания во всех их подробностях»). В. Х. Кандинский считает, что «необходимо обращать внимание не только на одни психические симптомы, но и на явления соматические, а не считать последние … только случайными осложнениями психического страдания» [9]. Эталоном клинико-нозологической формы был выбран прогрессивный паралич. С ним и сравнивали кататонию, которую Кальбаум и вслед за ним В. Х. Кандинский ошибочно принимали за самостоятельную форму.

Еще раз к вопросу о клинико-нозологическом принципе классификации психических расстройств В. Х. Кандинский возвращается уже значительно позже в книге, которая была издана посмертно, «К вопросу о невменяемости» [2]. Здесь его высказывания носят обобщающий характер. Основаны они на собственном клиническом опыте ученого. Он пишет: «Настоящее время, т. е. 70-е и 80-е годы текущего века, есть в психиатрии время замены односторонне симптомологических воззрений, оказавшихся неудовлетворительными именно по несогласию их с действительностью и по происхождению от произвольно взятых психологических теорий, воззрениями клиническими, основанными на точном изучении, на терпеливом всестороннем наблюдении душевного расстройства в его конкретных или клинических формах, т. е. в тех, так сказать, естественных формах, которые имеются в действительности, а не в искусственных, теоретически построенных на основании какого-либо одного произвольно избранного симптома» [2]. Вместе с тем В. Х. Кандинский проявлял осмотрительность и предостерегал против поспешного выделения новых клинических форм, так как «новая, нигде не описанная форма душевного страдания может представить собой не что иное, как лишь новую комбинацию или новый порядок последовательности элементарных психопатологических состояний…» [2].

Как видно из изложенного выше, В.Х. Кандинский был убежденным сторонником клинико-нозологического направления в психиатрии. Такая позиция закономерно вытекала из его мировоззрения и клинического опыта. Ведь клинико-нозологическое направление базируется на материалистическом понимании обусловленности психических расстройств, их биологической типологии и процессуальных закономерностях течения.

В соответствии с характерным для В.Х. Кандинского стремлением к внедрению своих теоретических концепций в практику и проверке их в практическом опыте он и пытается проводить соответствующий анализ и диагностировать у больных ту или иную клиническую форму психоза. В качестве примера можно привести случай известной судебно-психиатрической экспертизы испытуемой Губаревой [10]. В.Х. Кандинский установил впервые у нее диагноз психопатии (на этом мы подробнее остановимся ниже).

Но для того, чтобы применить указанный принцип диагностики у больных с определенными клиническими формами душевных заболеваний, нужно иметь, пишет В.Х. Кандинский, для всех психиатрическую «обязательную» классификацию.

Не удовлетворяясь действующей в то время, введенной в 1863 г. официальной классификацией душевных расстройств, поскольку она не соответствует «современному уровню психиатрии, целиком основана на принципах… совершенно утративших прежнее значение» [2], В.Х. Кандинский берет на себя ответственную и трудную задачу выработки собственной клинической классификации[4].

Приводим классификацию В.Х. Кандинского в ее полном виде.

I. Hallucinationes (hallucinationes ebriosae u sine alienationae)

II. Melancholia (sine delirio — hypochondriaca — delirica simplex — attonita s. katatonica — transitoria — alcoholica).

III. Mania (simplex s. exaltativa — furibunda — transitoria — gravis alcoholica).

IV. Ideophrenia (hallucinatoria acuta — katatonica — chronica simplex — hallucinatoria chronica — cum delirio depression — cum delirio mixte).

Ideophrenia alcoholica — cum delirio initialiter expansivo.

V. Paraphrenia (agoraphobia — mysophobia — delire du doute — Grubelsucht).

VI. Dementia primaria acuta.

---

[4] Судьба этой классификации представляет большой интерес. В начале 1882 г. она была введена в петербургской психиатрической больнице им. св. Николая Чудотворца, где в то время работал В.Х. Кандинский, и В.Х. Кандинский доложил о ней 22 марта 1882 г. на заседании Петербургского общества психиатров. От имени Петербургского общества эта же классификация была представлена в 1886 г. на I съезде отечественных психиатров, который принял ее с рядом поправок. Можно согласиться с А.В. Снежневским [1], что внесенные в нее изменения отнюдь не улучшили классификацию.

VII. Dementia primaria chronica (senilis — alcoholica — e laesione cerebri organica (syphilitica, traumatica etc.).

VIII. Paralysis generalis progressiva.

IX. Psychoepilepsia (paroxysmatica s. transitoria — continue specifica — dementia epileptica).

X. Psychohysteria (paroxysmatica — continue — melancholica — maniaca — ideophrenica).

XI. Psychosis periodica et psychosis circularis (melancholia periodica — mania periodica — ideophrenia periodica — psychosis circularis).

XII. Delirium tremens potatorum. — Delirium acutum.

XIII. Dementia (et amentia) secundaria (post melancholiam — post maniam — post ideophreniam).

XIV. Imbecillitas.

XV. Idiotismus.

XVI. Psychoses constitutionales cum degeneratione (ideophrenia argutans — insanitas moralis — ideophrenia impulsiva).

Было бы неправильным при анализе классификации В. Х. Кандинского подходить к ней с меркой современного состояния психиатрии и ныне действующих классификаций психических заболеваний. Надо учитывать, что, когда В. Х. Кандинский предложил ее, клинико-нозологический принцип классификации психических заболеваний только нарождался, а практика выделения отдельных клинико-нозологических форм была еще крайне противоречивой и непоследовательной. Не случайно сам В. Х. Кандинский, как мы уже указывали, предостерегал против поспешного выделения новых клинических форм.

По официальной классификации 1863 г. выделялись 9 групп психических расстройств. В классификации же В. Х. Кандинского было уже 16 рубрик, каждая из которых состояла из подрубрик (отдельных клинических форм психических заболеваний).

В приведенной классификации В. Х. Кандинского клинико-нозологический принцип подразделения психических расстройств выдержан лишь частично. В нее входят также психические расстройства, выделение которых отражало чисто симптоматические принципы классификации. Такими были, например, рубрики I. Hallucinationes; II. Melancholia; III. Mania; V. Paraphrenia. Отчетливо видно и влияние еще не изжитых концепций «единого психоза» (рубрика XIII. Dementia et amentia secundaria). Нарушается последовательность клинико-нозологического принципа и в рубрике XI. Psychosis periodica et psychosis circularis, в которую, исходя из типа течения психозов, автор, кроме маниакально-депрессивного психоза, включил и другие клинические формы со сходным течением.

В то же время несомненным достижением является то, что, кроме прогрессивного паралича (рубрика VIII), в классификации В. Х. Кандинского

представлен еще ряд клинико-нозологических форм: белая горячка, эпилептические психозы, истерические психозы, олигофрении. Особенный интерес представляет последняя рубрика — XVI, в которой, несмотря на неудачную формулировку («конституциональные психозы»), подразумевается выделение психопатий в отдельную клиническую группу.

Принципиально новым шагом В.Х. Кандинского является включение в классификацию рубрики IV, где в качестве отдельной клинической формы выделена «идеофрения» (с детальным подразделением на различные варианты). Клинические описания больных с диагнозом «идеофрения», приведенные В.Х. Кандинским в его монографии «О псевдогаллюцинациях», позволили ряду отечественных авторов [1, 11] прийти к заключению, что «идеофрения» в значительной мере тождественна позже описанным раннему слабоумию Крепелина и шизофрении Е. Блейлера. «Чрезвычайно важно отметить,— пишет А.В. Снежневский,— что в своей классификации психозов В.Х. Кандинский впервые в истории психиатрии выделил в качестве самостоятельной формы психического заболевания идеофрению в объеме, почти идентичном современной шизофрении. В составе идеофрении В.Х. Кандинский различал простую форму, кататоническую, периодическую (острую форму с начальным экспансивным или депрессивным бредом), хронически галлюцинаторную, вяло протекающую, далее возникающую на почве хронического алкоголизма и, наконец, состояние слабоумия после идеофрении» [1].

Сам В.Х. Кандинский указывал, что слово «идеофрения» заимствовано им у бельгийского психиатра Гислена, который называл этим именем известные бредовые формы.

В.Х. Кандинский считал, что термин «идеофрения» соответствует обозначению «той, ныне твердо установленной, психопатологической формы, которая немцами называется Primare Verrucktheit». Для русского обозначения идеофрении В.Х. Кандинский считал подходящим термин, впервые употребленный И. Пастернацким,— «первичный бредовой психоз». Кандинский не считал удачным замену предлагаемого им термина «идеофрения» термином Кальбаума «паранойя», так как последний, по его мнению, «не обнимает всего того, что принадлежит к Primare Verrucktheit» [2] [5].

Заслуживает внимания тот факт, что В.Х. Кандинский отчетливо понимал значение выделяемой им идеофрении в психиатрической клинике. В своей рецензии на книгу П.И. Ковалевского «Судебно-психиатрические анализы» он упрекает автора, что тот не уделил внимание первичному помешательству. «Изучение *помешательства*,— пишет он,— в тесном

[5] Следует указать, что, несмотря на это свое высказывание, В.Х. Кандинский не очень противился использованию термина «паранойя» и сам его нередко употреблял в смысле, равнозначном идеофрении. Не возражал он также, когда на I съезде отечественных психиатров рубрика «идеофрения» была заменена на рубрику «паранойя».

смысле (Verrucktheit, Wahnsinn) стоит на первом плане в современной психиатрии … оказывается, это самый частый из всех видов душевного расстройства» [12].

По нашему мнению, только скромность В.Х. Кандинского заставила его сказать, что выделяемая им идеофрения полностью соответствует «первичному бредовому психозу» (Primare Verriicktheit) немецких авторов[6]. В действительности же, как видно из приведенной выше классификации В.Х. Кандинского с ее разделением идеофрении на отдельные клинические подформы, он предвосхитил не только бредовую шизофрению, но и другие ее формы, почти идентичные современным формам шизофрении. Это подтверждается, в частности, теми клиническими наблюдениями, которые В.Х. Кандинский приводит в монографии «О псевдогаллюцинациях». Такова, например, история болезни студента-филолога Козловского, которому В.Х. Кандинский поставил диагноз ideophrenia catatonia и у которого он отмечал галлюцинации слухом и осязанием в состоянии, переходном «от атоничности к кататонической экзальтации» [3]. В другой своей монографии «К вопросу о невменяемости» [2] он описывает исходные состояния больных идеофренией в форме шизофазии. Он пишет, что у таких больных наблюдается наличие «слов и фраз без тени общего смысла… такие лица совсем утратили способность устанавливать между своими представлениями связь».

Однако, как можно судить по историям болезни, приведенным в монографии «О псевдогаллюцинациях», В.Х. Кандинский наиболее полно описал именно бредовую форму шизофрении, установил закономерности ее течения и дал непревзойденные образцы ее психопатологической характеристики. Считая, что при параноидной шизофрении ведущее место занимают расстройства в области мышления и чувственных представлений, В.Х. Кандинский выделял два варианта этой формы шизофрении (в соответствии с преобладанием тех или иных психопатологических феноменов и их ведущего значения) — бредовой и галлюцинаторный.

Уже в своей первой работе «К вопросу о галлюцинациях» [14] В.Х. Кандинский устанавливает закономерное двухступенчатое развитие бреда в дебюте идеофрении — от бреда «интеллектуального» к бреду «чувственному». Более подробно развитие бреда и сложные отношения между бредом и галлюцинациями характеризуются В.Х. Кандинским в монографии

---

[6] Речь идет о классификации Primare Verriicktheit (первичное помешательство) немецких авторов, где эта клиническая форма подразделяется по видам бреда в его симптоматических проявлениях на первичное сумасшествие с бредом преследования, сутяжное сумасшествие, религиозное сумасшествие, эротическое сумасшествие. К этому немецкие авторы присоединяют еще первичное сумасшествие в виде навязчивых идей (Abortive Verriicktheit по Вестфалю), что вызвало критику со стороны А.Е. Черемшанского [13].

«О псевдогаллюцинациях» в истории болезни больного Лашкова. Указав, что по истории болезни он убедился в том, что данный случай относится не к меланхолии, а к первичному бредовому психозу в подострой форме, В. Х. Кандинский так описывает динамику психического состояния у этого больного: «Первичное расстройство в сфере представления, в начале — лишь одни навязчивые представления и отдельные, малоустойчивые ложные идеи самостоятельного (первичного) происхождения, уже через 1–2 недели от начала болезни присоединились галлюцинации слуха, сперва интеркуррентные, потом сделавшиеся постоянными; далее — вторичное развитие ложных идей и выработка сложного, постепенно систематизируемого бреда, в тесной зависимости от галлюцинаций слухом; наконец, непрерывное галлюцинирование слухом, осязанием и общим чувством» [3]. Далее В. Х. Кандинский приводит данные обратного развития болезни под влиянием лечения. Из этого описания видно, что последними исчезают самые начальные симптомы. Из истории болезни также явствует, что больной выздоровел, «блистательно доказав свою способность к умственной работе и вполне объективное отношение к перенесенной болезни». Представляет интерес, что данное указание о выздоровлении больного идеофренией не является случайным, так как В. Х. Кандинский твердо стоял на позиции признания излечимости последней. В своей рецензии на книгу П. И. Ковалевского «Первичное помешательство» он писал: «…страдающие хроническим первичным помешательством (идеофренией) могут излечиваться. Едва ли справедливо, что во всех случаях хронического первичного помешательства существуют „дефекты мозгового вещества“» [15]. В то же время В. Х. Кандинскому были известны, как мы уже отмечали, исходные (конечные) состояния при идеофрении.

Клинические воззрения на эпилепсию складывались у В. Х. Кандинского очень рано, еще в то время, когда он работал терапевтом и активно сотрудничал в журнале «Медицинское обозрение». В 1876 г. В. Х. Кандинский публикует подробные рефераты из немецкой литературы с приведением описанных авторами историй болезни. В этих рефератах получают освещение вопросы так называемой психической эпилепсии. Они, кроме того, что содействовали распространению среди отечественных врачей-психиатров сведений о несудорожных, психических проявлениях эпилепсии и имели известное значение для судебно-психиатрической практики, представляют также интерес в связи с содержащимися в них высказываниями и соображениями В. Х. Кандинского в отношении эпилепсии. Он подчеркивал полиморфность клинических проявлений при этом заболевании, замещаемость, эквивалентность различных эпилептических состояний (в том числе психических пароксизмов), а также то, что «эпилептическое помешательство» может быть диагностировано независимо от наличия или отсутствия «собственно судорожных эпилептических припадков».

В реферате работы Вейса «Эпилептическое помешательство» он приводит случай травматической эпилепсии с периодическим эпилептическим психозом, когда «после короткого этапа ступорозной меланхолии и переходящего бреда с характером боязливости больной впадает в маниакальное состояние с галлюцинациями — принимает воинственные позы, видит сражения, считает себя одаренным необычною физической силой или главнокомандующим, а также австрийским императором» [16]. В. Х. Кандинский пишет: «Главная отличительная черта новой клинической формы — полная одинаковость отдельных приступов периодического душевного расстройства. Кроме того, для эпилептического помешательства характеристична внезапность начала и окончания приступа и нормальность психического состояния больных в промежутках между припадками» [16]. В. Х. Кандинский подчеркивает оправданность включения таких случаев в специальную форму «эпилептическое помешательство» вместо того, чтобы определять их по-прежнему как mania periodica, mania transitoria, потому что выгодно «не разделять болезненные формы, когда они принадлежат к одной естественной группе». Это целесообразно еще и потому, что при «эпилептическом помешательстве естественно ожидать пользы от тех эмпирических средств, которые дают наилучший результат при лечении эпилепсии» [16].

Не меньший интерес представляет реферат В. Х. Кандинского [17] на работу Крафта-Эбинга «Об эпилептоидных состояниях, подобных грезам и сновидениям». В работе описываются случаи экспансивного бреда; перед больным развертывался постоянно один и тот же ряд последовательных сцен, в которых он сам был героем. По описанию В. Х. Кандинского, эти случаи Крафта-Эбинга правильней всего трактовать как эпилептический онейроид. При этих сноподобных психических расстройствах последующая амнезия носит частичный характер. Она относится только к объективным событиям, впечатлениям в период психического расстройства, но не распространяется на фантастические, сноподобные переживания. Иное дело при сумеречных состояниях с различными формами сложного автоматического поведения, продолжающегося недолго (типа амбулаторного автоматизма) или даже затяжного. Такие состояния, как правило, сопровождаются полной амнезией всех переживаний, относящихся к периоду приступа. В. Х. Кандинский пишет: «Эти состояния, характеризующиеся бессознательными или полусознательными импульсивными действиями и экспансивными ложными представлениями, весьма близки к состояниям сомнабулизма и экстаза. И тут и там способность сознания глубоко расстроена, тем не менее, однако, возможны действия и речи, на первый взгляд ничем не отличающиеся от действий и речей сознательных» [17].

Значительно позже он описал еще одну разновидность эпилептических психических состояний, но уже непродуктивных. Это наступающие после

судорожных припадков и длящиеся разное время явления «отупения» (Stupiditas postepileptica) [2].

Мы привели ранние высказывания В. Х. Кандинского по эпилепсии, иллюстрирующие полиморфизм психотических проявлений при ней. В книге его «К вопросу о невменяемости» он вновь (и неоднократно) возвращается к клинической характеристике эпилепсии в своих судебно-психиатрических экспертных заключениях. Им проводится дифференциация органической эпилепсии по этиологическим факторам и дается описание различных ее форм (травматической, алкогольной, сифилитической) [2]. Кроме того, он выделяет простую эпилепсию с доброкачественным течением (epilepsia vera simlex), которая характеризуется редкими большими и малыми припадками, изменениями характера в виде угрюмости, раздражительности, сварливости и «умеренным слабоумием», выражающимся в «слабости нравственного чувства» и воли, и эпилепсию прогредиентную, злокачественно текущую, с полиморфными пароксизмами, с быстро наступающим слабоумием [2].

Все сказанное выше свидетельствует о том, что тонкая клиническая наблюдательность и высокая эрудированность В. Х. Кандинского позволили ему приблизиться к современным представлениям об эпилепсии.

Огромный интерес представляют клинические взгляды В. Х. Кандинского на психопатии. Эта проблема особенно интересовала русских психиатров после судебной реформы, проведенной в России в 1864 г., когда был утвержден суд присяжных, и психиатры стали чаще привлекаться к судебно-психиатрической экспертизе.

Особенную трудность для такой экспертизы представляли лица, у которых были пограничные состояния, а из них в первую очередь психопаты, наиболее часто совершающие те или иные правонарушения. Необходимо считаться с тем, что в ряде случаев психопатия по своей тяжести и глубине может быть приравнена к психической болезни. Чаще же лицо, совершившее преступление, являясь психопатом, должно быть признано способным отдавать отчет в своих поступках и руководить ими и потому подлежащим наказанию, а не лечению. Вот почему в 80-х годах прошлого столетия у многих выдающихся русских психиатров в актах судебно-психиатрической экспертизы впервые начинает фигурировать понятие психопатии. Приведем, например, судебно-психиатрическое заключение С. С. Корсакова по нашумевшему делу Прасковьи Качки, убившей своего возлюбленного — студента Гортынского. Знаменательна также экспертиза И. М. Балинского, который применил термин «психопатия», характеризуя психическое состояние подэкспертной Семеновой, и отметил при этом отличие психопатий от психических заболеваний и психопатизации. В. Х. Кандинский также описал психопатию и подробно высказался по по-

воду ее клинической сущности в уже упоминавшемся нами судебно-психиатрическом заключении по делу Юлии Губаревой (Островлевой) [10][7].

В понимании психопатий В. Х. Кандинский, как и его выдающиеся современники И. М. Балинский, И. П. Мержеевский и С. С. Корсаков, исходили из признания этих состояний прирожденными аномалиями психики.

Он ясно видел отличие психопатий от психических заболеваний и считал, что если в психической болезни есть начало, развитие и тот или иной конец, то при психопатии, как говорил Корсаков, «вся жизнь болезнь». В. Х. Кандинский пользуется для иллюстрации толкования психопатии аналогией из общей медицины с пороками развития. «Это состояние,— пишет он о психопатии,— относится к сумасшествию от случайных причин совершенно так же, как телесные уродства с пороками физического развития относятся к случайно приобретенным физическим болезням» [2].

В. Х. Кандинский также с предельной четкостью понимал отличие психопатий как прирожденных аномалий личности от врожденных недоразвитий мозга с различными степенями умственной недостаточности. Он хорошо учитывал то, что при психопатии речь идет о постоянной дисгармонии всего душевного строя человека, и тонко описывал основные черты этой дисгармонии. В своей судебно-психиатрической экспертизе по делу Губаревой он пишет: «Обыкновенное психопатическое состояние» определяется тем, что «весь строй душевной жизни… характеризуется непостоянством, изменчивостью, неустойчивостью, отсутствием внутреннего равновесия, дисгармонией своих отдельных сторон…» [2].

Исключительный интерес представляет то, что В. Х. Кандинский, опережая свое время, смог понять ограниченность статического толкования психопатий. Он указывал на их динамичность, проявлявшуюся в разных ракурсах. Здесь могла идти речь и о предрасположенности к разнообразным патологическим реакциям и преходящим психотическим состояниям, и о лабильности больных и склонности к декомпенсации при воздействии различных вредоносных внешних факторов, и, наконец, о возможности дальнейшего патологического развития личности.

В экспертизе Губаревой В. Х. Кандинский констатирует и подробно описывает на фоне постоянной психопатичности различные «транзиторные болезненные состояния… равнозначащие с временным полным умопомешательством или с умоисступлением» [2]. Там же он утверждает, что «психопатическое состояние, начавшееся с первого времени… жизни и в самом себе

[7] В советской психиатрической литературе несколько лет тому назад имела место дискуссия, кому из русских психиатров принадлежит первое употребление понятия психопатии. В нашей совместной статье с О. В. Кербиковым, в которой по архивным материалам печаталась экспертиза С. С. Корсакова по делу П. Качки, мы отмечали, что не следует искать здесь четкого ответа. «На вопрос — кто и когда …приходится отвечать: многие и на протяжении длительного времени» [18].

носящее условия своего прогрессивного усиления… по временам обостряется… в скоропреходящие состояния полного душевного расстройства» [2].

Описывая психопатии, В. Х. Кандинский отмечает их разнообразие, выделяет их различные клинические разновидности. В подразделении психопатий на отдельные клинические формы он опирается главным образом на господствующие в его время во французской и немецкой литературе представления, обнаруживая огромную клиническую эрудицию.

Представляет интерес, что, хотя В. Х. Кандинский формально определяет подэкспертную Губареву как психопатку истерического круга, он в то же время описывает у нее сложную амальгамного типа психопатию. Он глубоко анализирует у Губаревой проявления половой психопатичности с «прирожденным контрарным половым инстинктом» (влечением к одноименному полу). Он отмечает также у нее черты циклоидной психопатичности, выражающиеся в периодичности психопатологических явлений, смене состояний угнетенности состояниями психического возбуждения и наоборот. В. Х. Кандинский указывал, что в литературе это часто связывалось с явлениями сексуальной психопатичности.

В описаниях психопатий как врожденных особого рода аномалий личности психопатологическое трудно отделимо от психологического. Необходим при этом не только психопатологический, но и психологический анализ. Изумительно тонкий и совершенный анализ такого рода был дан В. Х. Кандинским в его экспертизе баронессы М. ф. Бр., являющейся психопатической личностью из круга истеричных, аффективно лабильных. Приведем лишь один-два отрывка из описания, сделанного В. Х. Кандинским. Указав, что испытуемая «отличается во всех сферах душевной деятельности многими особенностями, которые делают из нее субъекта исключительного…», В. Х. Кандинский далее пишет: «Отдельные стороны ума и характера обвиняемой не гармонируют между собой, на что следует смотреть частично как на прирожденный недостаток, частично как на результат односторонности ее умственного и нравственного развития. Имея некоторый литературный талант и дар к стихотворству… она во всех прочих отношениях умственно ниже посредственности: мало сообразительна, наивна, легковерна, лишена практичности, мало сведуща в сфере будничных житейских отношений, лишена понимания материальных интересов… Понятия ее о людях фантастичны, ибо она наклонна идеализировать людей и смотреть на них сквозь призму своего романтического воображения. В особенности она идеализирует людей ей симпатичных, к которым привязывается беззаветно… Любовь Марии ф. Бр. носила чрезвычайно страстный и всепоглощающий характер. Муж до конца остался для нее тем же, чем был с самого начала, именно казался ей идеалом мужчины…» В. Х. Кандинский цитирует в истории болезни письмо испытуемой, из которого мы приведем только маленький отрывок, где она выражает свое желание быть

похороненной рядом с мужем, который покончил с собой и которому она сама перед этим принесла по его просьбе револьвер, за что и была привлечена к ответственности. «О дайте мне возможность успокоиться в могиле,— пишет испытуемая,— приникнув к мертвой холодной груди моего мужа, прижав губы к его бледным онемелым устам! Даже в объятиях смерти покоиться сладко!..» «Независимо от мечтательности и страсти ко всему романтичному,— отмечает далее В.Х. Кандинский,— у обвиняемой имеется постоянная наклонность к самоубийству» [2]. После такой подробной характеристики испытуемой в истории болезни приводятся полные данные объективного анамнеза, обстоятельств дела и, наконец, аргументированное судебно-психиатрическое заключение, в котором представляет интерес следующий пункт: «Обвиняемая совершила то деяние, которое ей ставится в вину, во-первых, под давлением чужой воли со стороны лица, которому она привыкла безусловно подчиняться; во-вторых, под влиянием острого порыва сострадания и самоотверженности на почве чрезмерно-напряженной страсти (любовь к мужу); в-третьих, в зависимости от ошибочно понятого долга» [2].

Мы привели выше данные, характеризующие клинические воззрения В.Х. Кандинского на ряд важнейших психических заболеваний. Но В.Х. Кандинского как клинициста характеризуют также некоторые высказывания по отдельным психопатологическим состояниям. Например, им очень ярко описаны состояния экстаза, астенические состояния и др. Рамки журнальной статьи не позволяют на всем этом остановиться. Упомянем только о сделанном им описании различных вариантов психомоторного возбуждения, которое так часто наблюдается в психиатрической клинике. Оно интересно в плане того, как понимал В.Х. Кандинский отношения между синдромами и клинико-нозологическими формами. Наблюдая одного испытуемого, который симулировал психоз в форме психомоторного возбуждения, В.Х. Кандинский в своем экспертном акте противопоставил этому симулятивному возбуждению описание «шести различных состояний психического беспокойства», действительно наблюдающихся в психиатрической клинике. В.Х. Кандинский исходил в основном из признания относительной клинико-нозологической специфичности синдромов, той концепции, которая разделяется в настоящее время большинством ведущих советских психиатров. Каждому выделяемому им виду «беспокойства» он дает клинико-нозологическую характеристику. В.Х. Кандинский различал в рамках циркулярного психоза: «беспокойство меланхолическое» и «беспокойство маниакальное»; во время других заболеваний — «беспокойство при острой форме первично-бредового психоза», «состояния возбуждения эпилептического свойства», «беспокойство при вторичном безумии (dementia secundaria)», «состояния возбуждения при разных органических поражениях головного мозга».

Как видно из приведенных вариантов синдромов возбуждения у психически больных, каждый из них (исключение составляют беспокойства при вторичном безумии) выделен с учетом того, как нозология «накладывает свою печать» на него.

Вопросы терапии психозов не получили специального освещения в трудах В. Х. Кандинского, да и арсенал терапевтических средств был в то время ограничен. Но во многих историях болезни, приводимых В. Х. Кандинским в его работах, он всегда уделял большое внимание терапии. Короткой, но эмоциональной рецензией он откликнулся также на книжку П. И. Ковалевского «Руководство к правильному уходу за душевнобольными». Свою рецензию В. Х. Кандинский кончает словами: «Книга проникнута искренностью и гуманным отношением к страждущему человечеству» [19]. Эти слова мы по праву можем отнести и к самому В. Х. Кандинскому, вся клиническая психиатрическая деятельность которого была также проникнута высоким гуманизмом.

Подведем коротко итоги всему изложенному.

В. Х. Кандинский, несомненно, являлся одним из основоположников клинико-нозологического направления в психиатрии. Он был автором первой отечественной классификации психических расстройств, в которой клинико-нозологический принцип получил определенное отражение.

В. Х. Кандинский впервые в истории психиатрии выделил под названием идеофрении самостоятельное психическое заболевание, почти идентичное современной шизофрении, и дал непревзойденное описание психопатологии его бредовой формы.

Являясь клиницистом широкого профиля, В. Х. Кандинский в своих клинических концепциях ряда важнейших психических заболеваний (идеофрении, эпилепсии, психопатии и др.) во многом опережал свое время. Как психиатра его характеризовали клинический реализм и способность сочетать глубокие и тонкие психопатологические описания с физиологическим анализом.

Литература

1. *Снежневский А. В.* В кн.: *Кандинский В. Х.* О псевдогаллюцинациях. М., 1952. С. 154.
2. *Кандинский В. Х.* К вопросу о невменяемости. М., 1890.
3. Он же. О псевдогаллюцинациях. М., 1952.
4. *Морозов В. М.* О современных направлениях в зарубежной психиатрии и их идейных истоках. М., 1961.
5. *Kahlbaum* K. Die Gruppierung der psychische Krankheiten. Danzig, 1863.
6. *Кандинский В. Х.* Природа. 1876. № 2. С. 138.
7. Он же. Мед. обозрение. 1880. Т. 14. Ноябрь. С. 646.
8. Он же. Там же. 1874. Т. 1. Май. С. 328.
9. Он же. Там же. 1874. Т. 2. Август—сентябрь. С. 63.

10. Он же. Арх. психиатр. нейрол. и судебн. психопатол. 1883. Т. 2. № 2. С. 1.
11. *Рохлин Л.Л.* В кн.: Очерки психиатрии. М., 1967. С. 181.
12. *Кандинский В.Х.* Мед. обозрение. 1880. Т. 13. Январь. С. 199.
13. *Черемшанский А.Е.* В кн.: *Крафт-Эбинг Р.* Учебник психиатрии. СПб., 1881. Т. 2. С. 120.
14. *Кандинский В.Х.* Мед. обозрение. 1880. Т. 13. Июнь. С. 815.
15. Он же. Там же. 1880. Т. 14. Ноябрь. С. 645.
16. Он же. Там же. 1876. Т. 5. Июнь. С. 455.
17. Он же. Там же. 1876. Т. 6. Август. С. 107.
18. *Кербиков О.В., Рохлин Л.Л.* Ж. невропатол. и психиатр. 1961. В. 10. С. 1560.
19. *Кандинский В.Х.* Мед. обозрение. 1880. Т. 14. С. 496.

ОТЧЕТ О НАУЧНЫХ ЗАСЕДАНИЯХ ВРАЧЕЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ ЛЕНИНГРАДСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА ПРИ БОЛЬНИЦЕ ИМЕНИ ПРОФЕССОРА И.М. БАЛИНСКОГО ЗА ПЕРИОД ВРЕМЕНИ С 1925/26 ПО 1928/29 Г.

(Заведующий кафедрой профессор П.А. Останков. Главный врач М.А. Немировский)

Фрагмент.
1927/28 год

Печатается по изданию:
Отчет о научных заседаниях врачей психиатрической клиники Ленинградского медицинского института при больнице имени профессора И.М. Балинского за период времени с 1925/26 по 1928/29 г. // Обозрение психиатрии, неврологии и рефлексологии им. В.М. Бехтерева. — 1929. — № 4–5. — С. 309–317

Эпштейн А.Л.
Синдром Clerambault

Докладчик знакомит собрание с учением Clerambault и указывает, что в этом учении следует различать по крайней мере три стороны, неравноценные по своему клиническому значению, а именно — клиническое выделение самого синдрома и его описание, патогенез синдрома и его клиническое и психопатическое значение. Бесспорную ценность для клинической психиатрии имеет только первый момент. Два остальных, хотя и содержат целый ряд оригинальных и интересных воззрений, все же содержат в себе также и много гипотетического. Для русской психиатрии интерес синдрома Crerambault заключается еще в том обстоятельстве, что этот синдром в существенных чертах был описан в 1880 г. покойным психиатром Кандинским в его книге о псевдогаллюцинациях. В сущности, Кандинский[1]

[1] Настоящий синдром правильнее называть синдромом Кандинского, Wernicke и Clerambault. (Прим. проф. Останкова).

в своей книге дал яркое описание не столько псевдогаллюцинаций, сколько псевдогаллюцинаторного синдрома, причем указал, как на существенные признаки псевдогаллюцинаций, на их малую зависимость от сознания и воли (спонтанность), на отсутствие при них внутренней активности, на их характер навязчивости, на их свойства величайшей убедительности для больного, их чувственную законченность, их тесную связь с психическими галлюцинациями Baillarger'a. Он подробно описал явления внутреннего слушания, внутреннего говорения, феномен «похищения мысли», галлюцинаторное «эхо мысли», «чувство внутренней раскрытости», «псевдогаллюцинаторное воспоминание» и т. д. Далее, Кандинский, как и Clerambault, настаивает на роли этого синдрома при острой и хронической идеофрении (галлюцинаторного бреда), при инфекции, алкогольных психозах, delirium tremens и т. д. В заключение докладчик предлагает присвоить синдрому Clerambault название синдрома Кандинского—Clerambault.

Секретарь. И. Ф. Случевский

Морозов П. В.

СИНДРОМ КАНДИНСКОГО—КЛЕРАМБО: ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Кафедра психиатрии ФУВ РНИМУ им. Н. И. Пирогова, Москва

Печатается по изданию:
Морозов П. В. Синдром Кандинского—Клерамбо: история вопроса // Психиатрия и психофармакотерапия. — 2012. — Т. 14. — № 2. — С. 4–8

В отечественной психиатрической литературе термин «синдром Кандинского—Клерамбо» принят и используется вот уже более 80 лет. Согласно известному учебнику психиатрии («Психиатрия» О. В. Кербиков, М. В. Коркина, Р. А. Наджаров, А. В. Снежневский, 1967), определение данного синдрома звучит так: «Совокупность взаимосвязанных симптомов-псевдогаллюцинаций, бреда преследования и воздействия, чувства овладения и открытости. Для него типичны отчуждение, утрата принадлежности себе собственных психических актов; чувство постоянного влияния посторонней, действующей извне силы». Существуют следующие его проявления:

- ассоциативный автоматизм (ментизм, открытость, разматывание воспоминаний, эхо мысли; все виды псевдогаллюцинаций);
- сенестопатический автоматизм;
- кинестетический автоматизм.

И хотя определение это лапидарно, но тем не менее достаточно точно, споры о правомерности выделения подобного синдрома не утихают до сих пор. Если мы обратимся к современным классификациям, таким как DSM-IV

или МКБ-10, существование «синдрома К—К» с их позиций далеко не очевидно. Так, один из авторов DSM-III Spitzer (1987 г.) после изучения истории и самого феномена «псевдогаллюцинации» предложил «убрать это понятие из клинической практики» и заменить его лишь описанием клинического явления. Более поздние заокеанские публикации почти не содержат термин «псевдогаллюцинации». Так, в DSM-IV это понятие упоминается лишь один раз — в качестве возможного клинического проявления конверсионного расстройства. Утверждается, что данный симптом является разновидностью галлюцинаций, которая, возможно, характеризуется адекватной самооценкой, вовлечением более чем одной сенсорной модальности, наивным, фантастическим содержанием и психологической значимостью. Не лучше обстоят дела и с понятием «психического автоматизма Клерамбо». Так, в руководстве Kaplan—Saddock (9, с. 283) написано: «Erotomania: delusional belief, more common in women, that in men, that someone is deeply in love with them (also known as Clerambault—Kandinsky complex)». Слышали звон… Без комментариев.

Между тем имена двух великих психиатров были однажды соединены вместе, и это совсем не искусственное образование. Для французской и русской психиатрических школ это достаточно очевидно.

Для начала вспомним о самих авторах — В.Х. Кандинском (1849–1889) и Gaetan Gatian de Clerambault (1872–1934) (рис. 1).

В.Х. Кандинский (1849–1889)

Г.Г. де Клерамбо (1872–1934)

Рис. 1

Появлением этого двойного термина мы обязаны ленинградскому психиатру А.Л. Эпштейну, который на заседании местного общества психиатров в 1927 г. (еще при жизни Клерамбо) сделал доклад на данную тему. Сам доклад напечатан не был, однако его краткое изложение в отчете о заседании врачей психиатрической клиники Ленинградского медицинского института при больнице им. проф. И.М. Балинского было опубликовано в журнале им. В.М. Бехтерева в 1929 г.

Интересно, что председательствующий — профессор П.А. Останков предложил добавить в название синдрома и третью фамилию — Wernicke,

однако это название у нас не прижилось. Суть доклада д-ра А. Л. Эпштейна, названного им «Синдром Clerambault», была следующей:

I. Важность синдрома:

- клиническое выделение;
- патогенетическое, клиническое и психопатологическое значение.

II. Сродни псевдогаллюцинаторному синдрому Кандинского:

- спонтанность, независимость от сознания и воли;
- сделанность для больного, убедительность и чувственная законченность;
- внутреннее слушание, говорение, «эхо мыслей», похищенные мысли, чувство внутренней раскрытости.

III. Встречается при различных психических заболеваниях.

Так начал свою жизнь синдром Кандинского–Клерамбо. Рассмотрим его путь в исторической перспективе. Что объединяет взгляды авторов, в чем имеются некоторые различия? Для этого обратимся к первоисточникам и постараемся воссоздать динамику возникновения данного психопатологического понятия. Сначала взглянем на работы В.Х. Кандинского — они почти неизвестны психиатрической аудитории, причем оговоримся сразу, что будем ссылаться на прижизненные и посмертную работы (1890 г.) автора, так как советское издание 1952 г. было выполнено недостаточно корректно, с сокращениями и искажениями.

Вот как сам автор определяет понятие «псевдогаллюцинации», причем он не претендует именно на это название, допуская иные варианты — hallucinoides, illuminationes, illustrationes.

«Мои псевдогаллюцинации не суть простые, хотя бы необычайно живые, образы воспоминания и фантазий; оставляя в стороне их несравненно бóльшую интенсивность (как признак несущественный), я нахожу, что они отличаются от обыкновенных, воспроизведенных чувственных представлений некоторыми весьма характерными чертами, как то: рецептивное отношение к ним сознания; их независимость от воли; их навязчивость; высокая чувственная определенность и законченность псевдогаллюцинаторных образов, неизменный и непрерывный характер чувственного образа при этого рода субъективных явлениях».

«То, что я называю настоящими псевдогаллюцинациями, есть весьма живые и чувственно до крайности определенные субъективные восприятия, характеризующиеся всеми чертами, свойственными галлюцинациям, за исключением существенного для последних характера объективной действительности; только в силу отсутствия этого характера они не суть галлюцинации».

Важно, на наш взгляд, выделить два отличия: «высокая чувственная определенность и законченность псевдогаллюцинаторных образов» и «навязчивый (навязанный. — *П. М.*) характер псевдогаллюцинаций».

Кандинский подробно останавливается на том, чем его описание отличается от сходных феноменов, изложенных в работах других авторов.

Попытаемся приблизительно представить это в виде следующей таблицы 1.

Таблица 1
Отличия псевдогаллюцинаций Кандинского от сходных феноменов (по оценке автора)

F. W. Hagen (1868 г.) «Псевдогаллюцинации» [входят лишь частью слуховых псевдогаллюцинаций в синдром (по В. Кандинскому)]	Не относятся к сфере чувственного восприятия, являются сборной группой, куда входят: • образный бред • насильственно-навязчивые представления • ошибки воспоминаний (псевдореминисценции) • «ложные идеи вторичного происхождения, возникшие в зависимости от содержания слуховых галлюцинаций»
J. Baillarger (1844 г.) «Психические галлюцинации» (по Кандинскому, в основном слуховые различия с псевдогаллюцинациями по признаку сенсорности: «внутренние, интеллектуальные голоса»)	Не разновидность обмана восприятия, «скорее род интеллектуального бреда, который относится к расстройствам мышления» (Marce, 1862)
	«Простое (нечувственное) насильственное мышление, без чувственных субъективных восприятий» — «внутреннее ухо, внутреннее зрение*, навязанность» у Кандинского
K. Kahlbaum (1866 г.) «Апперцептивные галлюцинации», или фанто(фанторемии)	По Кандинскому, ближе к воспоминаниям (hallucinirte Errinnerungen), однако есть «сделанность» или внутренняя открытость, при этом носят лишь слуховой (фанторемии) характер (phema — слово)
	Скорее «псевдогаллюцинаторные» псевдовоспоминания

* Одним из основных отличий псевдогаллюцинаций от галлюцинаций истинных является то, что больной видит их «внутренним взором», внутри головы. На вопрос Горацио, где он видит отца, Гамлет отвечает: «В очах души моей, Гораций» («In my mind's eye, Horatio»).

Таблица 2
Псевдогаллюцинаторный синдром Кандинского

Псевдогаллюцинации слуха, зрения, общего чувства, вкуса и обоняния
Навязанность, сделанность, принужденность явлений
Симптом «открытости мысли» («наподобие стыдливой девицы, оказавшейся нагой на балу»)
Симптом «эхо мысли» (повторяющей, уведомляющей, предвосхищающей)
«Псевдогаллюцинаторные псевдовоспоминания» (внезапное возникновение, аффективно окрашенное, возникший псевдогаллюцинаторный образ, принимается за факт, имевший место в прошлом больного)
Речедвигательные псевдогаллюцинации (позже описанные Seglas)
• «внутреннее говорение» (больному кажется, что он говорит, чего не происходит на самом деле)
• «действительное говорение» (речевые высказывания происходят, но помимо воли больного, носят насильственный характер, выбалтывается то, что должно быть скрыто). Воля больных оказывается «бессильной задержать внезапно получивший автономию язык»
• «псевдогаллюцинирование сплошным потоком», наплыв, носящий онейроидный (онирический) характер, сказочность и драматичность сюжета с активным участием больного

Именно на основании навязанности, сделанности псевдогаллюцинаций А. Л. Эпштейн заговорил об общих чертах с синдромом психического автоматизма. Видимо, псевдогаллюцинации следует отнести к сенсорному варианту этого сложного синдрома. Если кратко обозначить психопатологические явления, входящие в структуру названного синдрома, то мы получим приблизительно следующую картину (табл. 2).

Кстати, Seglas выделил и 3-й тип речедвигательных механизмов — «немое говорение» — ощущение разговора с движением губ, притом что звуковой речи нет. Seglas, на наш взгляд, допускал смешение моторных и сенсорных механизмов, Кандинский же различал «словесное говорение» и «словесное слушание».

Я полагаю, что взгляды Кандинского будут изложены недостаточно полно, если мы не отметим его предположение о связи появления галлюцинаций с возбуждением определенных мозговых центров, истощением коры передней части полушарий. Данные взгляды неожиданно получили подтверждение в работе современных французских ученых. Попытки представить появление галлюцинаций в виде простых схем были с интересом встречены K. Jaspers (1911, 1948), воспроизводились в других работах (G. Berrios, T. Dening, 1996), но были безжалостно выброшены из советского издания 1952 г. Проиллюстрируем точку зрения Кандинского, приведя более подробно 2 из 8 его иллюстраций (рис. 2, 3).

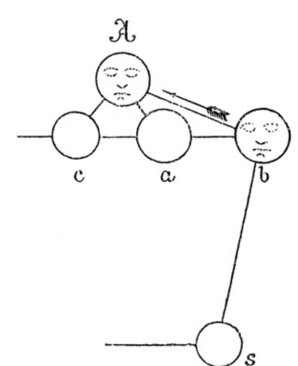

Рис. 2. Псевдогаллюцинации в собственном смысле слова. Первый способ по В. Х. Кандинскому

Примечание. А — сознание; С — двигательный центр речи; а — центр, ответственный за формирование абстрактных несознательных образов; b — центр апперцепции; S — подкорковый чувствительный центр, или центр восприятия

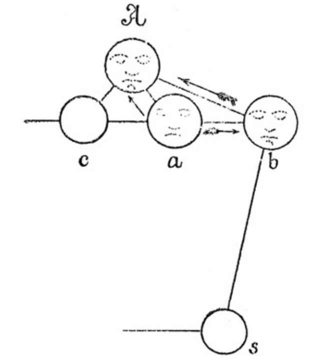

Рис. 3. Псевдогаллюцинации в собственном смысле слова. Второй способ по В. Х. Кандинскому (на него ссылается K. Jaspers)

Примечание. А — сознание; С — двигательный центр речи; а — центр, ответственный за формирование абстрактных несознательных образов; b — центр апперцепции; S — подкорковый чувствительный центр, или центр восприятия. Пояснения В. Х. Кандинского к рис. 3 (фиг. 7, «второй способ» возникновения псевдогаллюцинаций)

Работа В. Х. Кандинского вышла в свет лишь после его трагического самоубийства, была напечатана на деньги вдовы в 1890 г., которая после выполнения этой важной миссии сама добровольно ушла из жизни.

Г. Г. Клерамбо опубликовал свои статьи за период с 1909 по 1930 г., где он и ввел понятие и дал определение термину «психический автоматизм». По сути дела, псевдогаллюцинаторные феномены, описанные В. Х. Кандинским, возникают в определенной последовательности, вначале затрагивая только идеаторную сферу (стадия «малых автоматизмов»), а затем вовлекая сенсорную и психомоторную сферы в формирование окончательной картины «большого психического автоматизма». На этой основе формируется бред и «иное я».

Приведу более подробную схему возникновения психического (по G. Clerambault) автоматизма в серии следующих таблиц 3, 4.

Таблица 3
Минимальные психические феномены
(начальные признаки психоза) по G. G. Clerambault

Синдром малого автоматизма — синдром инертности (безучастия)
• освобождение абстракций — мысль недифференцирована
• насильственное разматывание воспоминаний («мне показывают...»)
• ментизм — вереница мыслей
• вкладывание мыслей
• обрывы мыслей
• апрозекция (невозможность сосредоточиться, «не могу определить свою мысль среди подсказанных»)
• перетекание мыслей, их беглость («не успеваю уследить»)
• парамнезии, чужеродность людей, вещей («меня принуждают узнавать людей»)
• вербальные феномены (игры) — несуразные выражения

Таблица 4
Идеовербальные феномены по G. G. Clerambault
(часть «большого психического автоматизма»)

1. Захват мысли – идеаторные автоматизмы
• вкладывание чужих мыслей
• фиксированные мысли («помещают в голову и заставляют думать»)
• опережающие, забегающие вперед мысли («они знают, что я буду делать»)
• случайные мысли («заставляют читать между строк глупости»)
2. Эхо мысли (обычно возникают на нейтральном или эйфорическом фоне)
• эхо обращения, констатации («соседи все видят и все повторяют»)
• эхо с комментариями («они говорили, что он идет»)
• эхо возникающей мысли (намерения)
• эхо преждевременное («они повторяют мои мысли до меня»)

Эхо мысли возникают на аффективно нейтральном фоне, вначале без идей преследования.

Автор описывает и аффективный автоматизм, который состоит из феноменов отчуждения собственных эмоций («внезапно приходят и так же исчезают»), «вложенных» радости, печали, гнева («мною гневаются, но гнев не мой»). Наблюдается и переход различных аффективных состояний без понимания причины происходящего. Иногда наблюдается борьба двух сознаний, причем одно признается чуждым.

Наблюдается вербализация психических феноменов, недифференцированная мысль становится вербальной или идеомоторной. Формируются голоса 4 типов:

- словесные (вербальные);
- предметные;
- индивидуализированные;
- тематические.

Слова приходят извне и обращены только к больному («вопрос Гертруды»[2]).

Сенсорные галлюцинации (зрительные, сенестетические, обонятельные) и некоторые двигательные феномены возникают вторично, сходны с идеаторными автоматизмами.

Термин «тройной автоматизм» обозначает клинический синдром, включающий автоматизмы трех видов — двигательный, сенсорный, идеовербальный.

Именно в этот момент происходит переход от малого автоматизма к большому.

В своих трудах Клерамбо обосновывает гиперструктуру возникновения всех психозов, где первичное действие, являющееся психическим автоматизмом, и вторичные построения, т. е. бредовые. Он настаивал на определении психического автоматизма как основного механизма развития психозов: «суть психозов в автоматизме, процесс мышления вторичен».

Происходит формирование новой личности (расщепление «я» по G. Clerambault). Возникновение бреда обусловлено реакцией интеллекта и аффективности на феномены психического автоматизма. Бред является вторичной конструкцией и формирует новую («вторую») личность, отвергающую первое «я». Содержание бреда может изменяться в соответствии с преморбидной личностью. Тематика бреда может определяться как положительным, так и отрицательным восприятием галлюцинаторных переживаний. Главным образом психический автоматизм вызывает враждебную оценку больного (оскорбительность, бестактность, противоположность в оценках, звучащих в чуждых мыслях или голосах).

---

[2] «Вопрос Гертруды» — рискну внести этот термин в дидактических целях. Королева спрашивает Гамлета: «Нет, что с тобой? Ты смотришь в пустоту. Толкуешь громко с воздухом бесплотным... Чем полон взор твой?» Гертруда не видит Призрака.

Подведем некоторые итоги. Каковы, на наш взгляд, общее и различия в подходах к изучаемой здесь проблеме у русского и французского исследователей, каково сходство во взглядах на синдром его авторов — В. Кандинского и Г. Клерамбо? О различиях поговорим чуть позже. Итак, это прежде всего практическая идентичность описанных авторами психопатологических феноменов (насильственность, вкладывание мысли, открытость, эхо мысли, наплывы и т. д.). Безусловно, «псевдогаллюцинации» Кандинского (сенсорные, двигательные, вербальные) очень близки по сути «автоматизмам» Клерамбо.

Синдром возникает при различной психической патологии (идеофрении — по Кандинскому, хронических галлюцинаторных психозах — по Клерамбо).

Рассмотрим теперь, каковы же различия во взглядах на синдром его авторов — В. Кандинского и Г. Клерамбо.

Итак, у Кандинского:

- акцент на детальном описании феномена и возможных механизмов возникновения псевдогаллюцинаций;
- описание пациентов дано преимущественно в статике, имеется самоописание;
- контингент пациентов — в основном стационарные больные, страдающие давно;
- язык не всегда легок для восприятия.

У Клерамбо:

- акцент на формировании концепции динамики автоматизмов (при подробном описании), их роли в возникновении психоза (бред формируется вслед за психическими галлюцинациями и как реакция на автоматизмы);
- клинические случаи даны в динамике, можно наблюдать развитие синдрома, автор целенаправленно отслеживал судьбы больных;
- при этом большинство больных — первичные, острые, осмотрены в судебной амбулатории;
- взгляд на синдром шире: от простых навязчивостей до хронического галлюцинаторного психоза;
- язык ярок, образен, легко доступен для понимания.

В заключение два замечания общего характера.

Изучая историю вопроса, я обратил внимание на то, что многие неточности и недопонимания возникают из-за нежелания углубиться в суть вопроса и даже, возможно, незнания языков. Так, сам Кандинский, подробно цитируя Baillarger, называет его «Бэлларже», Клерамбо, судя по всему, ничего не знал о работах Кандинского, К. Ясперс, излагая работы немецких авторов и восторгаясь Кандинским, совершенно игнорирует французские публикации. С. В. Курашов (1953 г.) именует французского психиатра «Кларамбо», а C. Koupernik (1996 г.), прекрасно знавший русский язык, уверенно заявлял, что работа В. Х. Кандинского 1885 г. написана по-французски, чего не было. Не говоря уже об американцах, которые, к примеру, в руко-

водстве Saddock и Kaplan (2000 г.) «Comprehensive Textbook of Psychiatry 7 edt (11, p. 1252) называют Клерамбо неврологом, «который в 1942 году описал…», притом что Клерамбо умер в 1934 г.

По-видимому, надо чаще встречаться, интенсивнее обмениваться информацией, больше знать о различии во взглядах и о нашем сходстве.

Меня поразило мистическое сходство в трагических судьбах и деталях кончин обоих великих психиатров — русского и французского. Оба они покончили с собой, оба, как истинные ученые, старались сохранить, запечатлеть бесстрастно сам процесс расставания с жизнью, и обоим не хватало света в эти моменты. В. Х. Кандинский принял смертельную дозу опия, подробно записывал свои ощущения. Последними его словами были: «Я ничего не вижу! Больше света! Света!..» G. G. Clerambault, плохо видевший и впавший в депрессию после неудачной операции по поводу катаракты, также нуждался в свете. Прекрасный фотограф, автор более 30 тыс. сохранившихся в музеях снимков, талантливый художник (его полотна висят во многих картинных галереях Франции), известный модельер, блестяще образованный аристократ (прямой потомок философа Рене Декарта), свободно владевший пятью языками, однажды утром сел перед зеркалом, настроил свой фотоаппарат, взял в руки свой старый «Люггер» (напомним, что он работал экспертом в полицейском управлении Парижа) и одновременно нажал на оба спуска…

Псевдогаллюцинации и психический автоматизм. Этой проблеме более ста лет, а споры все не умолкают. Мы попытались в кратком концентрированном виде по возможности дать объективную картину истории вопроса. Есть ли свет в конце тоннеля? В 2009 г. в газете «Le Monde» со ссылкой на электронную версию статьи в журнале «Schizophrenia bulletin» была напечатана заметка «Откуда приходят слуховые галлюцинации?». Ее авторы — французский коллектив под руководством д-ра Arnaud Cachia, в 2011 г. появилась и печатная версия статьи. В работах дана попытка с помощью морфометрического исследования мозга больных шизофренией отдифференцировать галлюцинации внешние от галлюцинаций внутренних, или псевдогаллюцинаций.

Были обнаружены отклонения в объеме белого вещества и локализации борозд в височно-теменной области правого полушария.

Надо ли говорить, что эти французские работы были отреферированы в том же 2009 г. в нашем российском журнале «Психиатрия и психофармакотерапия».

Синдром психического автоматизма Кандинского–Клерамбо как клиническая реальность существует уже много десятилетий. Он был выделен и подробно описан двумя неутомимыми исследователями — русским и французом. Синдром не укладывается в рамки современных статистических классификаций. По-видимому, их авторы еще не доросли до его осознания.

Список использованной литературы

1. *Кандинский В.Х.* О псевдогаллюцинациях. М.: Медгиз, 1952.
2. *Кандинский В.Х.* О псевдогаллюцинациях. Изд. Е.К. Кандинской. С.-Петербург, 1890.
3. *Курашов С.В.* По поводу письма А.Л. Эпштейна // Журн. неврол. и психиатр. им. С.С. Корсакова. 1954. № 1. С. 75–77.
4. *Курашов С.В.* Рецензия // Журн. неврол. и психиатр. им. С.С. Корсакова. 1953. № 4. С. 313–318.
5. Откуда приходят слуховые галлюцинации (реферат) // Психиатр. и психофармакотер. 2009. № 5. С. 3–4.
6. Отчет о научных заседаниях врачей // Обозрение психиатрии им. В.М. Бехтерева. 1929. № 4–5. С. 315–316.
7. *Рохлин Л.Л.* Жизнь и творчество выдающегося русского психиатра В.Х. Кандинского. М., 2004.
8. *Эпштейн А.Л.* Письмо в редакцию // Журн. неврол. и психиатр. им. С.С. Корсакова. 1994. № 1. С. 73–74.
9. *Berrios G. E., Dening T. R.* Pseudohallucinations: a conceptual history // Psychological med. 1996. № 26. P. 756–63.
10. *Clerambault G. G.* Œuvre psychiatriques. Paris: PUF, 1942.
11. De Kandinsky a Clerambault. Vanite des eponymes C. Koupermik // Ann. Med. Psychol. (PARIS). 1996. № 154 (2). P. 123–125. Discus. 126.
12. *Lerner V., Witztum E.* Gaetan Gatian de Clerambault, 1872–1934 // British J. Psychiat. 2010. № 147. P. 371.
13. *Jaspers K.* Allgemeine Psychopathologie. Springer, 1963.
14. *Lerner V., Kaptsan A., Witzhum E.* The misidentification of Clerambault's and Kandinsky—Clerambault's syndromes // Can. J. Psychiat. 2001. № 46. P. 441–443.
15. *Lerner V., Witztum E.* Victor Kandinsky MD: psychiatrist, researcher and patient // History of Psychiat. № 14.1. P. 103–112.

Vladimir Lerner, MD, PhD[1], Alexander Kaptsan, MD[2], Eliezer Witztum, MD[3]

ПУТАНИЦА В ПОНЯТИЯХ СИНДРОМОВ КЛЕРАМБО И КАНДИНСКОГО—КЛЕРАМБО

Печатается по изданию:
Lerner V., Kaptsan A. and Witztum E. The misidentification of Clerambault's and Kandinsky—Clerambault's syndromes // Canadian Journal of Psychiatry. 2001. № 46. P. 441–443

Эпонимические термины или эпонимы — обозначение явления, отображающее имена авторов, впервые его описавших. Использование одного

[1] Associated Professor, Ward Director, Mental Health Center, Faculty of Health Sciences, Ben-Gurion University of the Negev, Be'er-Sheva, Israel.
[2] Psychiatrist, Mental Health Center, Faculty of Health Sciences, Ben-Gurion University of the Negev, Be'er-Sheva, Israel.
[3] Professor, Mental Health Center, Faculty of Health Sciences, Ben-Gurion University of the Negev, Be'er-Sheva, Israel.

и того же термина для обозначения разных феноменов приводит к их смешению. В статье мы описываем синдромы Клерамбо и Кандинского—Клерамбо, а также различия между этими разными синдромами.

Ключевые слова: *эпонимы, синдром Клерамбо, синдром Кандинского—Клерамбо, психический автоматизм, эротомания.*

Эпонимические термины или эпонимы — происходят от греческого «eponymos», что в прямом переводе означает — «дающий имя» — понятие по имени человека, впервые обнаружившего или описавшего его.

Эпонимы появлялись в разные периоды истории психиатрии и отображают различные этапы ее развития. К сожалению, судьбы многих исследователей и врачей забыты, однако их имена в названиях симптомов, синдромов или болезней применяются до сих пор. Иногда некоторые авторы используют одно и то же название относительно различных симптомов или явлений, в результате чего диагноз может быть неточным или неправильно истолкованным. Более того, использование одного и того же термина для описания абсолютно разных форм патологии может приводить к серьезной неразберихе. Мы хотели бы обсудить путаницу, существующую в американской и европейской психиатрических школах в понятиях терминов «синдром Клерамбо» и «синдром Кандинского—Клерамбо».

Это два не связанных между собой клинических синдрома. Первый, описанный Гаэтаном Гатианом де Клерамбо, рассматривает эротоманию и хорошо известен в мировой психиатрии. Второй, описанный независимо друг от друга двумя психиатрами — Виктором Кандинским и Гаэтаном де Клерамбо,— используется в основном французскими и российскими психиатрами.

Виктор Хрисанфович Кандинский (1849–1889), дядя известного художника Василия Кандинского, родился в Сибири в семье купца и промышленника. В 1877 г. он участвовал в русско-турецкой войне в качестве судового военного врача. В это время у него впервые возник острый аффективно-бредовой приступ [1]. Впоследствии, на основании собственных переживаний, он подробно описал свое психотическое состояние [2]. Его коллеги диагностировали его состояние как *меланхолию*, однако его собственный диагноз был *Primare Verrucktheit*, который известный психиатр, специалист в области истории психиатрии Берриос анахронично перевел как «первичное помешательство» [2]. Классическая книга Кандинского по псевдогаллюцинациям впервые была издана на немецком языке в 1885 году. За свою недолгую жизнь Кандинский опубликовал 20 научных статей на русском языке, три статьи на немецком и одну на французском, что сделало его работы относительно недоступными для англоязычных специалистов. В течение последних лет своей жизни он работал ординатором в больнице Николая Чудотворца в Санкт-Петербурге. В 1889 году, в возрасте 40 лет Кандинский покончил жизнь самоубийством, приняв смертельную дозу

морфия [2]. В монографии «О псевдогаллюцинациях», опубликованной его вдовой в 1890 г., им был описан синдром психического автоматизма. Это описание включало бредовые идеи преследования, психического и физического воздействия, течение мыслей помимо воли больного, отчуждение мыслей и поступков. Большая часть монографии была основана на самонаблюдениях [3].

Гаэтан Гатиан де Клерамбо (1872–1934) родился в городе Бурже недалеко от Парижа. После окончания школы в 1888 году он учился в Школе декоративного искусства. Затем, согласно семейной традиции, он изучал право, и только после окочания курса начал изучать медицину. С 1898 года работал терапевтом. Докторская диссертация де Клерамбо была посвящена изучению здоровья летчиков после авиакатастроф [4]. С 1905 года до самой смерти в 1934 году де Клерамбо работал в разных областях медицины. Это был энциклопедически образованный человек, который добился успеха не только в медицине, но и в искусстве. Его картины и разработанные им модели одежды находятся в различных музеях. Гаэтан де Клерамбо владел пятью языками, в том числе арабским. В возрасте 62 лет после неудачной операции удаления катаракты он застрелился в состоянии депрессии [4]. В 1942 году Жан Фрит опубликовал 2 тома трудов Клерамбо под названием «Oeuvre psychiatrique» (Работы по психиатрии) [5].

Первые научные труды де Клерамбо в области психиатрии (1909) были посвящены галлюцинациям. В них он выделил «психические автоматизмы» и предположил, что их механизм должен зависеть от «переживания галлюцинаций». Де Клерамбо разделил психический автоматизм на три вида: 1) ассоциативный (идеаторно-мнестический или идео-вербальный); 2) сенестопатический; и 3) моторный (кинестетический).

Ассоциативный автоматизм, по его мнению, включает в себя расстройства процесса мышления, такие как потеря ассоциаций, бессвязность, блокирование и скачка мыслей. А кроме этого — расстройства содержания мышления, например, бред воздействия на процесс мышления (передача мыслей).

Сенестопатический автоматизм проявляется в неприятных ощущениях во внутренних органах, якобы причиняемых кем-то, — бред физического воздействия.

Моторный автоматизм включает в себя бредовое убеждение пациента, что кто-то управляет его движениями и действиями.

Согласно его мнению, идеаторно-мнестический автоматизм проявляется только после возникновения сенестопатического и/или моторного. Иногда встречаются все три вида автоматизма, и тогда это описывается под названием «тройной автоматизм» [5].

Кандинский описал слуховые галлюцинации, «вызванные кем-то», и назвал их «псевдогаллюцинации» [3]. Позднее он решил, что название «псевдогаллюцинации» вызовет путаницу, и предпочел использовать термины «галлюциноподобный», «галлюциноид», «представление», «иллюстрация»

и «иллюминация» [2]. Он определил рассматриваемые явления как «субъективные восприятия, по яркости и характеру подобные настоящим галлюцинациям, кроме того, что они не содержат объективной реальности <…> мои галлюцинации не просто образы, генерируемые воображением, а полностью осязаемые и непроизвольные», и, кроме четкости и непроизвольности, они «находятся» в характере [2].

В России эти психические нарушения называли синдромом Кандинского, а во Франции — синдромом Клерамбо. В 1927 году российский психиатр Эпштейн соединил эти два термина в один, и название превратилось в синдром Кандинского—Клерамбо [6, 7].

В англоязычной (в частности, в американской) литературе синдром Клерамбо известен как «эротоманический бред», или «эротомания». Де Клерамбо в 1927 году описал это состояние, как «психоз страсти» [5]. Это форма параноидного бреда эротического содержания. Клерамбо утверждал, что пациентом обычно являлась женщина, у которой развивалась бредовое убеждение, что мужчина, с которой у нее если и был контакт, то незначительный, влюблен в нее. Выбранный объект был, как правило, с более высоким социальным статусом и был, видимо, недоступен как объект любви, неважно, был он уже женат или одинок. «Жертвой вполне мог быть известный политик, звезда сцены, кино- или телеэкрана, а также часто — врач или священник» [8, стр. 15].

В отличие от синдрома Клерамбо, синдром Кандинского—Клерамбо в основном неизвестен в англоязычных странах. К сожалению, в хорошо известном и широко распространенном учебнике по психиатрии под редакцией Каплана и Сэдока синдром Клерамбо описан как «Эротомания: бредовое убеждение, более присущее женщинам, чем мужчинам, в том, что кто-то сильно в него влюблен (также известен как комплекс Клерамбо—Кандинского)» [9, стр. 283]. Эта информация может привести к путанице среди студентов и психиатров. Кроме того, в 2-томном руководстве по психиатрии [11, стр. 1252] под той же редакцией авторы написали: «Французский невролог Гаэтан де Клерамбо в 1942 году предположил, что...». К сожалению, известный французский врач, который был больше психиатром, чем неврологом, покончил с собой на восемь лет ранее.

В заключение мы хотели бы отметить, что некоторые авторы [12] озабочены сегодняшним значением эпонимов и чаще предлагают феноменологический, а не симптоматический подход.

Литература

1. *Рохлин Л.Л.* Жизнь и творчество выдающегося русского психиатра В.Х. Кандинского (1849–1889). М.: Медицина, 1975.
2. *Berrios G.E.* The history of mental symptoms. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

3. *Кандинский В.Х.* О псевдогаллюцинациях (критико-клинический этюд). СПб.: Издание Е.К. Кандинской, 1890.
4. *Nica-Udangiu S.* Gaetan Gatian de Clerambault // Rev. Med. Interna Neurol. Psichiatr. Neurochir. Dermatovenerol. 1985. №30. P. 235–40.
5. *Clerambault C.G. de* Les psychoses passionelles. Oeuvre psychiatrique. Paris: Presses Universitaires, 1942. P. 311.
6. *Эпштейн Л.А.* Синдром Клерамбо // Обозрение психиатрии, неврологии и рефлексологии. 1927. №4–5. С. 315–316.
7. *Морозов Г.В.* Основные синдромы психических расстройств // Руководство по психиатрии / Под ред. Г.В. Морозова. М.: Медицина, 1988. Т.1. С. 153–157.
8. *Enoch M.D., Trethowan W.H.* Un common psychiatric syndromes. 2nd ed. Bristol: John Wright and Sons Ltd, 1979. P. 15.
9. *Kaplan H.I., Sadock B.J.* Kaplan and Sadock Synopsis of Psychiatry: Behavioral Sciences, Clinical Psychiatry. 8th ed. Baltimore (MD): William & Wilkins, 1998. P. 283.
10. *Kaplan H.I., Sadock B.J.* Comprehensive Textbook of Psychiatry. 6th ed. Baltimore (MD): Willams and Willkins, 1998. P. 541.
11. *Kaplan H.I., Sadock B.J.* Comprehensive textbook of psychiatry. 7th ed. Baltimore (MD): Willams and Willkins, 2000. P. 1252.
12. *Koupernik C.* De Kandinsky à Clerambault. Vanité des eponyms // Ann. Med. Psychol. (Paris). 1996. №154. P.123–125.

Рохлин Л.Л.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.Х. КАНДИНСКОГО

Печатается по изданию:
Рохлин Л.Л. Основные даты жизни и деятельности В.Х. Кандинского // Рохлин Л.Л. Жизнь и творчество выдающегося русского психиатра В.Х. Кандинского. — М.: Медицина, 1975. — С. 258–266

Март 24	**1849** В селе Бянкино, Перчинского уезда, Забайкальской губернии родился Виктор Хрисанфович Кандинский. Отец его Хрисанф Иосафович Кандинский — Почетный гражданин и купец 1-й гильдии. Мать — Августа Апполоновна Кандинская.
Сентябрь	**1863** В.Х. Кандинский поступает в 4-й класс 3-й гимназии в г. Москве.
Июнь 10	**1867** В.Х. Кандинский оканчивает 3-ю Московскую гимназию и получает аттестат с отличными и хорошими отметками с правом поступления без экзаменов в Университет.
Июль 17	В.Х. Кандинский подает прошение о приеме его на медицинский факультет Московского университета.
Август	В.Х. Кандинский принимается в число студентов Московского университета на Медицинский факультет.
Декабрь 18	**1870** В.Х. Кандинский, будучи студентом 4-го курса, Советом Московского университета награждается серебряной медалью за сочинение о желтухе.

Май 31	**1872** В. Х. Кандинский оканчивает медицинский факультет Московского университета.
Июнь 8	В. Х. Кандинский утвержден Советом Московского университета в звании уездного врача (свидетельство № 1211).
Июль 8	В. Х. Кандинский утвержден Советом Московского университета в степени лекаря (аттестат № 1217).
Октябрь 1	В. Х. Кандинский поступает на службу ординатором во Временную городскую больницу в г. Москве.
Январь	**1874** Редактором организуемого нового журнала «Медицинское обозрение» В. Ф. Спримоном В. Х. Кандинский привлекается к активному участию в работе журнала и печатает в нем свои первые научные работы.
Май	В журнале «Медицинское обозрение» В. Х. Кандинский публикует рецензию на лекцию известного венского психиатра Пауля Замта: «Естественно-научные методы в психиатрии». В этой рецензии В. Х. Кандинский выступает как приверженец нозологического направления в психиатрии и защищает материалистические позиции И. М. Сеченова в психологии.
Август	В журнале «Медицинское обозрение» публикуется подробный реферат В. Х. Кандинского книги К. Кальбаума: «Клинические работы по душевным болезням», в которой обосновывается нозологический подход в психиатрии. В. Х. Кандинский в этом реферате выявляет себя как активный поборник клинико-нозологического направления в психиатрии.
Октябрь	**1875** Будучи одним из учредителей Московского медицинского общества, В. Х. Кандинский избирается его секретарем.
Ноябрь 29	В. Х. Кандинский на заседании Московского медицинского общества изъявляет желание прочесть публичную лекцию в помещении Политехнического музея на тему: «О душевных эпидемиях вообще и о спиритизме».
Январь 10	**1876** В. Х. Кандинский делает отчет о деятельности Московского медицинского общества за 1875 год на годичном его собрании
Февраль 21	На заседании Московского медицинского общества рассматривается план лекции В. Х. Кандинского «О душевных эпидемиях вообще и о спиритизме». Предложено В. Х. Кандинскому представить лекцию в более подробном виде в Управление Московского учебного округа для разрешения на ее прочтение.
Месяц не установлен	В журнале «Природа» (1876, кн. 2, с. 138–191) напечатана публичная лекция В. Х. Кандинского: «Нервно-психический контагий и душевные эпидемии», прочитанная им в Политехническом музее.
Сентябрь 23	Высочайшим приказом по Морскому ведомству о чинах гражданских В. Х. Кандинский определяется на службу младшим судовым врачом во 2-й Черноморский флот его Королевского высочества Герцога Эдинбургского экипажа.

Сентябрь 29	В. Х. Кандинский освобождается от обязанностей секретаря Московского медицинского общества по его просьбе ввиду поступления на военную службу и отъезда из г. Москвы.
Октябрь 10	В связи с поступлением на военную службу В. Х. Кандинский увольняется с работы во Временной городской больнице г. Москве.
Октябрь 16	В. Х. Кандинский назначен ординатором в Морской госпиталь в г. Николаеве.
Январь 6	**1877** В. Х. Кандинский назначен младшим судовым врачом на пароход «Великий князь Константин», для участия в русско-турецкой войне 1877–1878.
Апрель 30	В. Х. Кандинский участвует в сражении на Батумском рейде парохода «Великий князь Константин», находившемся под командованием ст. лейтенанта С. О. Макарова, и во время сражения у него возникает приступ душевного заболевания. Этот приступ психического заболевания у В. Х. Кандинского продолжался по апрель 1878 г. с ремиссией 4 месяца по сентябрь месяц, когда возник второй приступ, продолжавшийся по май 1879 года.
Май 13	В. Х. Кандинский по болезни списывается в г. Севастополе с парохода «Великий князь Константин».
Июнь 8	В. Х. Кандинский поступает на лечение в Николаевский морской госпиталь.
Август 12	В. Х. Кандинский переводится на лечение в отделение для душевнобольных С. Петербургского Николаевского Военно-сухопутного госпиталя.
Апрель 10	**1878** Высочайшим приказом по Морскому ведомству за № 1117 В. Х. Кандинский увольняется в отпуск по болезни за границу на шесть месяцев для лечения.
Апрель 17	В. Х. Кандинский награждается Светло-бронзовой медалью на Георгиевской ленте за участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.
Сентябрь 1	В. Х. Кандинский оформляет брак с Елизаветой Карловной Фреймут.
Октябрь 20	В. Х. Кандинский по возвращении из отпуска после лечения за границей в связи с новым приступом заболевания поступает для лечения в больницу для психически больных доктора А. Я. Фрея в г. Петербурге.
Апрель 30	**1879** Высочайшим приказом по Морскому ведомству за № 1163 В. Х. Кандинский увольняется по болезни с военной службы.
Месяц не установлен	В. Х. Кандинский возвращается по выздоровлении в г. Москву и занимается литературным трудом, главным образом в области философии, истории психологии и переводами.
Месяц не указан	**1880** Летом В. Х. Кандинский с М. Н. Сабашниковой и М. В. Сабашниковым отдыхает на даче под Москвой в с. Волынском.

Июнь	В журнале «Медицинское обозрение» публикуется статья В. Х. Кандинского «К учению о галлюцинациях» (т. 13, июнь, 815–824), где дается им описание собственной болезни.
Месяц не установлен	Выходит в свет в переводе В. Х. Кандинского книга Т. Мейнерта «Механика душевной деятельности» (М., 1880).
Месяц не установлен	Выходит в свет в переводе и с дополнениями В. Х. Кандинского книга В. Вундта «Основания физиологической психологии» (вып. 1–2. М., 1880–1881).
Месяц не установлен	**1881** В. Х. Кандинский переезжает в г. Петербург, где поступает на работу ординатором в психиатрическую больницу Николая Чудотворца.
Месяц не установлен	Выходит в свет монография В. Х. Кандинского «Общепонятные психологические этюды» (М., 1881).
Месяц не установлен	Выходит в свет в переводе В. Х. Кандинского книга Л. Ландуа «Руководство по физиологии человека с включением гистологии и микроскопической анатомии, обработанное с точки зрения практической медицины» (Изд. 2-е. 1881).
Ноябрь	Печатается в журнале «Мир» (Харьков) популярный философский этюд «Современный монизм» (1881, т. 1, ноябрь, с. 239–268).
Ноябрь	В немецком журнале Archiv fur Psychiatrie und Nervenkrankheiten (Bd. II, II. 2, S. 453–164) публикуется статья В. Х. Кандинского «Zur Lehre von der Hallutionen» (немецкий перевод статьи «К учению о галлюцинациях», напечатанной в 1880 году в ж. «Медицинское обозрение» на русском языке). Эта статья, где дано самоописание В. Х. Кандинского его галлюцинаций во время перенесенного им приступа душевной болезни, получило отклик за рубежом и, в частности, видного немецкого психиатра Г. Шюле.
Январь 23	**1882** В. Х. Кандинский по рекомендации И. П. Мержеевского, А. Е. Черемшанского и Л. Ф. Рагозина принимается в действительные члены Петербургского общества психиатров.
Март 20	В. Х. Кандинский делает доклад на заседании Петербургского общества психиатров «О необходимости изменения нашей официальной классификации душевных болезней», предлагая в качестве проекта разработанную им классификацию, принятую в психиатрической больнице Николая Чудотворца.
Месяц не установлен	Выходит в свет, в виде монографии, работа В. Х. Кандинского, ранее напечатанная в журнале «Мир», «Современный монизм» (популярный философский этюд). Харьков, 1882.
Февраль 12	**1883** В. Х. Кандинский выступает в Петербургском обществе психиатров при обсуждении статьи 36 проекта нового Уложения о наказаниях, отстаивая внесение в эту статью психологического критерия вменяемости
Февраль 18	В. Х. Кандинский зачитывает на заседании Петербургского общества свое «Особое мнение», в котором в развернутом виде обосновывает необходимость включения в ст. 36 психологического критерия вменяемости.

Март 2	В. Х. Кандинский выступает на заседании Петербургскою общества психиатров с заключительным словом по прениям, возникшим по поводу его «Особого мнения», в котором обосновывает важнейшие принципы судебной психиатрии.
Март 5	В. Х. Кандинский выступает на Петербургском юридическом обществе в защиту своих взглядов по вопросу внесения психологического критерия вменяемости в ст. 36 Положения об уголовных наказаниях и получает поддержку большинства общества.
Март 16	В. Х. Кандинский поступает на лечение в Дом призрения для душевнобольных, учрежденный Александром III, в связи с повторным острым приступом душевного заболевания.
Апрель 20	В. Х. Кандинский выписывается из Дома призрения для душевнобольных, учрежденном Александром III, в связи с улучшением состояния, которое вскоре достигает глубокой ремиссии, степени практического выздоровления.
Месяц не установлен	В журнале «Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии» (1883, т. 2, в. 2, с. 1–170) публикуется статья В. Х. Кандинского «Случай сомнительного душевного состояния перед судом присяжных (Дело девицы Юлии Губаревой)», в которой сформулированы его взгляды на психопатию.
Ноябрь 4	**1884** В. Х. Кандинский выступает на заседании Петербургского общества психиатров в прениях по докладу С. Н. Данило «Исследование артериальных борозд во внутренней поверхности черепа у идиотов и микроцефалов».
Ноябрь	В немецком журнале «Zentralblatt für Nervenheilkünde, Psychiatrie und Gerichtliche Psychopathologie» публикуется статья В. Х. Кандинского, в которой в кратком виде в форме предварительного сообщения излагаются выводы из готовящегося к печати его труда «Критические и клинические изыскания в области галлюцинаций» (1881, № 21, с. 481–485).
Месяц не установлен	**1885** Выходит в свет монография В. Х. Кандинского о галлюцинациях на немецком языке «Kritische und klinische Betrachtungen im Gebiete der Sinnestäuschungen. Erste und zweite Studie» (Berlin. 1885, 170 S.).
Март	В журнале «Медицинское обозрение» публикуется статья В. Х. Кандинского «Клинические и критические изыскания в области чувств» (1885, Т. 23, № 3, с. 231–235), которая содержит выводы из его монографии о галлюцинациях на немецком языке.
Апрель 27	В. Х. Кандинский участвует в обсуждении доклада С. Н. Данило «Случай большой истерии у мужчины с повышенной нервно-мышечной раздражительностью во время летаргии».
Апрель 27	В. Х. Кандинский выступает в прениях на заседании Петербургского общества психиатров по сообщению Б. В. Томашевского» «Случай афазии».
Июль 8	В. Х. Кандинский избирается на экстренном заседании Петербургского общества психиатров кандидатом в делегаты на 1 съезд отечественных психиатров.
Сентябрь 21	В. Х. Кандинский выступает в прениях по докладу на Петербургском обществе психиатров В. Ф. Чижа «Об изменении времени элементарных психических процессов у душевнобольных».

Октябрь 26	В. Х. Кандинский представляет председателю Петербургского общества психиатров И. П. Мержеевскому свое научное исследование «О псевдогаллюцинациях» на соискание премии врача А. А. Филиппова «за отличные труды на русском языке, написанные лицами, посвятившими свою научную и общественную деятельность России». Избирается комиссия в составе: И. П. Мержеевский, М. Н. Попов, А. Е. Черемшанский и А. Ф. Эрлицкий для разбора труда В. Х. Кандинского.
Ноябрь 9	В. Х. Кандинский активно участвует в заседании Петербургского общества психиатров, посвященного выработке программы 1-го съезда отечественных психиатров. Он избирается в комиссию по разработке форм статистики душевных заболеваний. И. П. Мержеевский предлагает использовать для этих целей классификацию психических болезней, предложенную В. Х. Кандинским.
Январь 25	**1886** И. П. Мержеевский от имени комиссии, избранной для оценки сочинения В. Х. Кандинского «О псевдогаллюцинациях», представленного им на соискание премии врача А. А. Филиппова, доложил, что комиссия признала достойным труд В. Х. Кандинского указанной премии, и предложил напечатать его за счет общества в качестве приложения к протоколам общества. Общество единогласно приняло предложение комиссии. На этом же заседании В. Х. Кандинский выступает в прениях в связи с сообщением П. Я. Розенбаха «Демонстрация некоторых истерических явлений».
Март 8	В. Х. Кандинский выступает на заседании Петербургского общества психиатров в прениях по докладу С. Н. Данило: «Результаты исследования нервной системы некоторых так называемых угадывателей мыслей».
Ноябрь 29	По предложению В. Х. Кандинского видный немецкий психиатр П. Шюле избирается почетным членом Петербургского общества психиатров. Петербургское общество избирает В. Х. Кандинского делегатом на 1 съезд отечественных психиатров.
Январь 5	**1887** В. Х. Кандинский избирается секретарем 1 съезда отечественных психиатров.
Январь 5–11	В. Х. Кандинский принимает активное участие в 1 съезде отечественных психиатров, выступает с докладом о классификации психических заболеваний, а также в прениях по докладам М. Я. Дрознеса «Главные принципы реорганизации старых домов умалишенных» и Я. И. Боткина «Оценка законоположений о душевнобольных в России».
Август 23	В. Х. Кандинского, гостившего в Крыму (Мисхор) в имении кяхтинского чаеторговца И. Ф. Токмакова, посещает С. С. Корсаков.
Октябрь 17	В. Х. Кандинский выступает на заседании Петербургского общества психиатров в прениях по сообщению И. П. Мержеевского «К вопросу о расстройствах речи».

Ноябрь 5	**1888** В.Х. Кандинский выступает на заседании Петербургского общества психиатров в прениях по докладу Б.В. Томашевского «К вопросу об изменениях в мозговой коре в одном случае приобретенной в раннем детстве глухонемоты и слепоты». Кандинский высказался против положения Б.В. Томашевского, что локализация галлюцинаций в корковых центрах доказана.
Январь 21	**1889** В.Х. Кандинский выступает на заседании Петербургского общества психиатров в прениях по докладу О.А. Чечотта «Историческая справка о развитии призрения помешанных в Петербурге».
Сентябрь 23	На заседании Петербургского общества психиатров И.П. Мержеевский сообщил о кончине В.Х. Кандинского. Память его почтили вставанием. По предложению А.Е. Черемшанского выделена комиссия в составе Нижегородцева, Розенбаха, Фрея, Черемшанского для изыскания путей и средств на печатание книги В.Х. Кандинского «О псевдогаллюцинациях». Доводится до сведений членов общества, что Е.К. Кандинская пожертвовала обществу библиотеку В.Х. Кандинского.
Октябрь 28	На заседании Петербургского общества психиатров зачитано письмо Е.К. Кандинской, в котором выражается желание издать книгу В.Х. Кандинского «О псевдогаллюцинациях» за ее счет. Общество удовлетворило ее желание, так как у него не оказалось средств для такого издания.

Вильшанская М.Л.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ РАБОТ ВИКТОРА ХРИСАНФОВИЧА КАНДИНСКОГО И ЛИТЕРАТУРЫ О НЕМ

Печатается по изданию: Вильшанская М.Л. Библиографический указатель работ Виктора Хрисанфовича Кандинского и литературы о нем // Жизнь и творчество выдающегося русского психиатра В.Х. Кандинского / Л.Л. Рохлин. — М.: Медицина, 1975. — С. 267–278

ОРИГИНАЛЬНЫЕ РАБОТЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1874

Медицинские съезды на западе в 1873 г. — «Медицинское обозрение», 1874, т. 1, январь—февраль, с. 116–123.

Русская земская медицина в 1873 году. — «Медицинское обозрение», 1874, т. 1, январь—февраль, с. 102–112.

Съезд немецких естествоиспытателей и врачей в Бреславле. — «Медицинское обозрение», 1874, т. 2, октябрь, с. 247–254; ноябрь, с. 309–312.

IV съезд русских естествоиспытателей и врачей. — «Медицинское обозрение», 1874, т. I, январь—февраль, с. 112–115.

1875

Заметки относительно санитарного дела в России. — «Медицинское обозрение», 1875, т. 3, апрель, с. 345–352.

О сжигании умерших. — «Медицинское обозрение», 1875, т. 3, май, с. 422–433.

Обзор работ по болезням органов дыхания в 1874 году. — «Медицинское обозрение», 1875, т. 3, февраль, с. 97–127.

Обзор работ по болезням сердца в 1874 г. — «Медицинское обозрение», 1875, т. 3, март, с. 199–203.

Третий съезд земских врачей Самарской губернии в 1874 г. — «Медицинское обозрение», 1875, т. 3, январь, с. 80–84.

1876

Нервно-психический контагий и душевные эпидемии. — «Природа», 1876, кн. 2, с. 138–191. Библиогр. Также отдельный оттиск: Б. м., 1876. 52 с.

1880

К учению о галлюцинациях. — «Медицинское обозрение», 1880, т. 13, июнь, с. 815–824.

1881

Общепонятные психологические этюды. I. Очерк прежних и современных воззрений на психическую жизнь человека и животных. II. Нервно-психический контагий и душевные эпидемии. М.: Изд. А. Ланга, 1881. 235, III с. — Рец.: «Вестник Европы», 1881, т. 2, кн. 4, с. 883–886; «Отечественные записки», 1881, т. 255, № 4, «Новые книги», с. 231–231.

Современный монизм (Популярно-философский этюд). — «Мир» (Харьков), 1881, т. 1, ноябрь, с. 239–268. Также отдельный оттиск: Харьков, 1882, 32 с.

1883

Случай сомнительного душевного состояния перед судом присяжных. [Дело девицы Юлии Губаревой]. — «Архив психиатрии, нейрологии и судебной психопатологии», 1883, т. 2, № 2, с. 1–70.

1885

Клинические и критические изыскания в области чувств. — «Медицинское обозрение», 1885, т. 23, № 3, с. 231–235.

1890

К вопросу о невменяемости. Предисловие и издание Е. К. Кандинской. М.: 1890. 239 с. — Рец.: «Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии», 1890, вып. 1, с. 394–396; «Русская мысль», 1890, кн. 9, с. 428–429; «Северный вестник», 1891, № 5, отдел 2, «Новые книги», с. 108–109.

О псевдогаллюцинациях. Критико-клинический этюд. Изд. Е. К. Кандинской. СПб., 1890. VI, 164 с. — Рец.: Платонов И. Я. «Архив психиатрии, нейрологии и судебной психопатологии», 1890, т. 15. № 3, с. 125–126; «Русская мысль», 1891, кн. 4, Библиографический отдел, с. 194–194; «Северный вестник», 1890, № 11, отдел 2, «Новые книги», с. 97–98; Челпанов Е. П. «Вопросы философии и психологии», 1891, кн. 10, «Критика и библиография», с. 66–67.

О предоставлении В. Х. Кандинским председателю Общества психиатров научного исследования «О псевдогаллюцинациях» на соискание премии врача Филиппова. — Протоколы заседаний Общества психиатров в С.-Петербурге за 1885 год. СПб., 1886, с. 41–41.

Мержеевский И. П. О присуждении д-ру В. Х. Кандинскому за сочинение «О псевдогаллюцинациях» премии врача Филиппова. — Протоколы заседаний Общества психиатров в С.-Петербурге за 1886 год. СПб., 1887, с. 3–4.

Черемшанский А. Е. Сообщение о том, что сочинение д-ра Кандинского «О псевдогаллюцинациях», удостоенное премии врача Филиппова, до сих пор не напечатано за счет Общества, хотя постановление Общества о напечатании принято в январском заседании 1886 г. — Протоколы заседаний Общества психиатров в С.-Петербурге за 1889 год. СПб., 1890, с. 25–25.

Черемшанский А. Е. О предложении вдовы В. Х. Кандинского о выдаче ей рукописи сочинения В. Х. Кандинского «О псевдогаллюцинациях» для издания ее за свой счет. — Протоколы заседаний Общества психиатров в С.-Петербурге за 1889 год. СПб., 1890, с. 33–33.

1952

О псевдогаллюцинациях. [Предисловие с. 3–20, подготовка текста, биографический очерк с. 147–167, список научных работ В. Х. Кандинского с. 168 и примечания с. 169–173 — А. В. Снежневского]. М.: Медгиз, 1952. 176 с. Рец.: Курашов С. В. — «Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», 1953, т. 53, вып. 4, с. 313–318. Библиогр.

Оригинальные работы на иностранных языках

1881

Zur Lehre von den Hallucinationen. — «Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten», 1881, Bd. 11, H. 2, S. 453–464. — Ref.: «Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie und psychisch-

gerichtliche Medicin», 1881, Bd. 37, Supplement-Heft, S. 49–49. Референт Schule; «Archives de Neurologie», 1881, v. 2, N 6, p. 274–276.

1884–1885

Kritische und klinische Betrachtungen im Gebiete der Sinnestäuschungen. — «Centralblatt für Nervenheilkunde, Psychiatrie und gerichtliche Psychopathologie, 1884, N 21, S. 481–485.

Kritische und klinische Betrachtungen im Gebiete der Sinnestäuschungen. Erste und zweite studie. Berlin, Fricdländer und söhn, 1885. 170 S.

1956

O pseudohalucynacjach. [Z jezyka ros. tlum. dr. Lidia Uszkiewicz]. Warszawa, panstw. zak. wyd. lek., 1956. 163 s.

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА I СЪЕЗДЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПСИХИАТРОВ

Выступление в прениях по докладам Б.С. Грейденберга «О необходимости реформы земских заведений для душевнобольных» и М.Я. Дрознеса «Главные принципы внутренней реорганизации старых домов умалишенных». — Труды I съезда отечественных психиатров, происходившего в Москве с 5 по 11 января 1887 г. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1887, с. 321, 332–333.

Выступление в прениях по докладу Я.А. Боткина «Оценка законоположений о душевнобольных в России». — Труды I съезда отечественных психиатров, происходившего в Москве с 5 по 11 января 1887 г. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1887, с. 453–456: с. 456 — высказывание Я.А. Боткина по выступлению в прениях В.Х. Кандинского; с. 459–460 — высказывания О.А. Чечотта по выступлению В.Х. Кандинского.

Классификация душевных болезней, принятая Обществом психиатров в С.-Петербурге в заседании 5-го апреля 1886 г. — Труды I съезда отечественных психиатров, происходившего в Москве с 5 по 11 января 1887 г. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1887, с. 894–894, с. 895–896 — прения по докладу.

ВЫСТУПЛЕНИЯ В ОБЩЕСТВАХ

Московское медицинское общество

Замечания по 5 и 6 параграфам проекта устава Лечебницы для приходящих больных, учрежденной Московским медицинским обществом. Протокол экстраординарного заседания 25 октября 1875 г. № 3. — Протоколы Московского медицинского общества. 1875. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1875, с. 35–36.

Отчет о деятельности Московского медицинского общества по 1-е января 1876 г. Протокол годичного заседания 10 января 1876 г. № 9. — Протоколы Московского медицинского общества, 1876. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1877, с. 1–7.

Общество психиатров в С.-Петербурге

Заметка «О необходимости изменения нашей официальной классификации душевных болезней» и предложение своего проекта новой классификации. — Протоколы заседаний Общества психиатров в С.-Петербурге за 1882 год. СПб., 1883, с. 8–9.

Выступление в прениях по поводу сообщения С. Н. Данилло «Исследование артериальных борозд на внутренней поверхности черепа у идиотов и микроцефалов». — Протоколы заседаний Общества психиатров в С.-Петербурге за 1883 год. СПб., 1885, с. 40–40.

Особое мнение: доказательства необходимости психологического критерия невменяемости и текст формулировки редакции 36-й статьи, помещенной в IV главе об условиях вменения и преступности проекта общей части нового Уложения о наказаниях Редакционного комитета уголовного отделения Юридического общества при С.-Петербургском университете. — Протоколы заседаний Общества психиатров в С.-Петербурге за 1883 год. СПб., 1885, с. 16–18, 22, 23; с. 21–22 критические замечания Б. В. Томашевского; Черемшанский А. Е. Неспособность ко вменению пред судом психиатров и юристов в С.-Петербурге. Составлено на основании протоколов психиатрического и юридического обществ. — «Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии», 1883, вып. 1, с. 161–189, с. 164, 170, 181–183 критические замечания В. Х. Кандинского.

Выступление в прениях по поводу демонстрации Б. В. Томашевским «Случая афазии». — Протоколы заседаний Общества психиатров с С.-Петербурге за 1885 год. СПб., 1886, с. 19, 20.

Выступление в прениях по поводу сообщения В. Ф. Чижа «Об измерении времени элементарных психических процессов у душевнобольных». — Протоколы заседаний Общества психиатров в С.-Петербурге за 1885 год. СПб., 1886, с. 34, 37.

Замечание по поводу письма от Бельгийского психиатрического общества к профессору И. П. Мержеевскому, в котором последний приглашается доставить упомянутому Обществу сведения, относящиеся к статистике душевных болезней в России. — Протоколы заседаний Общества психиатров в С.-Петербурге за 1885 год. СПб., 1886, с. 73–73.

Замечание по «программе занятий имеющего быть в Москве с 1-го по 10-е сентября 1886 г. съезда отечественных психиатров, составленная членами распорядительного бюро съезда». — Протоколы заседаний Общества психиатров в С.-Петербурге за 1885 год. СПб., 1886, с. 72–72.

Выступление в прениях по поводу сообщения С. Н. Данилло «Результаты исследования нервной системы некоторых так называемых угадывателей мыслей». — Протоколы заседаний Общества психиатров в С.-Петербурге за 1886 год. СПб., 1887, с. 24–24.

Выступление в прениях по поводу сообщения П. Я. Розенбаха «Демонстрация некоторых истерических явлений». — Протоколы заседаний Общества психиатров в С.-Петербурге за 1886 год. СПб., 1887. с. 9–9.

Выступление в прениях по поводу сообщения И. П. Мержеевского «К вопросу о расстройствах речи». — Протоколы заседаний Общества психиатров в С.-Петербурге за 1887 год. СПб., 1888, с. 50–50.

Выступление в прениях по поводу сообщения Б. В. Томашевского «К вопросу об изменениях в мозговой коре в одном случае приобретенной в раннем детстве глухонемоты и слепоты». — Протоколы заседаний Общества психиатров в С.-Петербурге за 1888 год. СПб., 1889, с. 26–26.

Выступление в прениях по поводу сообщения О. А. Чечотта «Историческая справка о развитии призрения помешанных в Петербурге». — Протоколы заседаний Общества психиатров в С.-Петербурге за 1889 год. СПб., 1890, с. 4–4.

ПЕРЕВОДЫ

Мейнерт Т. Механика душевной деятельности. Речь, произнесенная в собрании естествоиспытателей в Висбадене и в Венском Антропологическом обществе. Перевод Виктора Кандинского, М.: Тип. М. П. Лаврова и К°, 1880. 31 с.

Вундт В. Основания физиологической психологии. Перевел и дополнил по новейшим исследованиям Виктор Кандинский. Вып. 1–2. М.: Тип. М. П. Лаврова и К°, 1880–1881. Вып. 1А, 512 с.; Вып. 2. Переведенный с нового немецкого издания (1880 года), с. 513–1038. — Рец.: «Медицинское обозрение», 1880, т. 14, сентябрь, с. 368–368. Подпись: С.; «Мысль», 1881, № 10–11, с. 227–227; Попов Л. К. — «Русская речь», 1881, июль, с. 308–324; «Русский курьер» (Москва), 1881, № 44, 14 февраля, с. 4–4.

Ландуа Л. Руководство к физиологии человека, со включением гистологии и микроскопической анатомии, обработанное с точки зрения практической медицины. Перевел с только что вышедшего (2-го) немецкого издания (по соглашению с автором) д-р В. Х. Кандинский. М.: Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1881. 224 с.

РЕЦЕНЗИИ

Левенталь А. Отчет о поездке в С.-Петербург и за границу, по поручению Московской Городской Думы. М.: Тип. В. В. Исленьева и К°, 1874. 81 с. — «Медицинское обозрение», 1874, т. 1, апрель, с. 268–276.

Новацкий И. Несколько слов о гигиенических условиях современного госпиталя. Речь, произнесенная на торжественном собрании Московского университета 12 января 1874 года. М.: Университетская тип., 1874. 37 с. — «Медицинское обозрение», 1874, т. I, январь — февраль, с. 82–86.

Проект устройства санитарной части городского общественного управления в г. Киеве. Издан санитарной комиссией, состоящей при Киевской Городской Думе. Киев, 1873, 37 с. — «Медицинское обозрение», 1874, т. 1, январь — февраль, с. 91–94.

Ковалевский П. И. Первичное помешательство. Составил для медиков и юристов П. И. Ковалевский. Харьков, тип. М. Зильберберга, 1881. 227 с. Библиогр. — «Медицинское обозрение», 1880, т. 14, ноябрь, с. 645–646.

Ковалевский П. И. Руководство к правильному уходу за душевными больными. Харьков, тип. М. Зильберберга, 1880. 112 с. — «Медицинское обозрение», 1880, т. 14, октябрь, с. 496–496.

Ковалевский П. И. Судебно-психиатрические анализы. Харьков, тип. М. Зильберберга, 1880. 260 с. — «Медицинское обозрение», 1880, т. 13, январь, с. 199–201.

Окс Б. Физиология сна и сновидений. Одесса: Тип. П. Францова, 1880. 119 с. Библиогр. — «Медицинское обозрение», 1880, т. 14, ноябрь, с. 646–646.

Kahlbaum K. Klinische Abhandlungen über psychische Krankheiten. Heft I. Die Katatonie, Berlin, A. Hirschwald, 1874. XIII, 104 S. — «Медицинское обозрение», 1874, т. 2, август—сентябрь, с. 63–72.

Otto A. Ueber Bromkalium als Mitteigegen Epilepsie. — «Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten», 1874, Bd. 5, H. I, S. 24–59. — «Медицинское обозрение», 1874, т. 2, октябрь, с. 192–196.

Samt P. Die naturwissenschaftliche Methode in der Psychiatrie. Berlin, A. Hirschwald, 1874. 60 S. — «Медицинское обозрение», 1874, т. 1, май, с. 328–334.

РЕФЕРАТЫ

Bäumler C. Syphilis. — Ziemssen H. Handbuch der speciellen Pathologie und Therapie. 1-te Abt. Leipzig, Vogel, 1874, Bd. 3, S. 3–290. — «Медицинское обозрение», 1874, т. 2, октябрь, с. 197–202.

Brügelmann W. Ein Fall von Phthisis pulmonum, durch Inhalationen und eine Lammbluttransfusion geheilt. — «Berliner klinische Wochenschrift», 1874, N 32, S. 395–397; N 34, S. 423–425, — «Медицинское обозрение», 1874, т. 2, август — сентябрь, с. 81–85.

Erb W. Zur Lehre von der Tetanie nebst Bemerkungen über die Prüfung der electrischen Erregbarkeit motorischer Nerven. — «Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten», 1873, Bd. 4, S. 271–316. — «Медицинское обозрение», 1874, т. 1, март, с. 129–132.

Heubach H. Einwirkungen des Chinins auf das Nervensystem. — «Centraiblatt für die medicinischen Wissenschaften», 1874, N 43, S. 673–676. — «Медицинское обозрение», 1874, т. 2, август — сентябрь, с. 162–163.

Hoffmann S. Beiträge zur Therapie der genuinen parenchymatösen Nephritis. — «Deutsches Archiv für klinische Medicin», 1874, Bd. 14, H. 3–4, S. 291–336. —«Медицинское обозрение», 1874, т. 2, ноябрь, с. 255–263.

Immermann H. Ueber progressive pernieiöse Anämie. — «Deutsches Archiv für klinische Medicin», 1874, Bd. 13, H. 3, S. 209–244. — «Медицинское обозрение», 1874, т. 1, май, с. 286–289.

Kaposi M. Die Beziehung des breiten Kondyloms zur syphilitischen Allgemeinerkrankung. — «Wiener medizinische Presse», 1874, N 2. S. 34–36. —«Медицинское обозрение», 1874, т. 1, март, с. 152–153.

Klingelhoeffer. Zur Behandlung des Milzbrandes mit Carbolsäure. — «Berliner klinische Wochenschrift», 1874, N 44, S. 554–555. — «Медицинское обозрение», 1874, т. 2, ноябрь, с. 268–269.

Lande P. — L. Epilepsie consecutive ä une lesion traumatique du nerf median; resection de ce nerf; guerison. — «Gazette des Hopitaux», 1874, N 63, p. 500–500. — «Медицинское обозрение», 1874, т. I, май, с. 284–285.

Laptschinsky M. Zur Pathologie des Blutes. — «Centralblatt für die medicinischen Wissenschaften:», 1874, N 42, S. 657–661. — «Медицинское обозрение», 1874, т. 2, август—сентябрь, с. 170–172.

Liebermeister C. Typhus abdominalis. — Ziemssen H. Handbuch der speciellen Pathologie und Therapie. 1 Theil. 1 Abt. Leipzig, Vogel, 1874, Bd. 2. S. 36–239. —«Медицинское обозрение», 1874, т. 2, декабрь, с. 319–326.

Linstow. Ueber Geisteskrankheit mit Lähmung in Folge von Syphilis in ihrem Verhältnisse zur Dementia paralytica. — «Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten», 1873, Bd. 4, H. 2, S. 465–473. — «Медицинское обозрение», 1874, т. 1, март, с. 135–136.

Malassez L. Nouvelle methode de numeration des globulcs rouges et des globules blancs du sang. — «Archives de Physiologie normale et pathologique», 1874, N 1, p. 32–52. — «Медицинское обозрение», 1874. т. 1, май, с. 314–319.

Nussbaum. Die Drainierung der Bauchhöhle und die intraperitoneale Injection. — «Aerztliches Intelligenz-Blatt», 1874, Bd. 21, N 3, S. 21–25. — «Медицинское обозрение», 1874, т. 1, май, с. 290–292.

Obersteiner H. Ueber eine neue einfache Methode zur Bestimmung der psychischen Leistungsfähigkeit des Gehirnes Geisteskranker. — «Archiv für pathologische Anatomie und Physiologie und für klinische Medicin». 1874, Bd. 59. H. 3–4, S. 427–458. — «Медицинское обозрение». 1874, т. 1, апрель, с. 205–211.

Riegel F. Aus dem städtischen Hospital zu Cöln. Leber die therapeutische Anwendung der Cundurangorinde. — «Berliner klinische Wochenschrift», 1874, N 35, S. 429–432; N 36. S. 444–446. — «Медицинское обозрение», 1874, т. 2, август—сентябрь, с. 88–92.

Runge. Ueber die Bedeutung der Wasserkuren in chronischen Krankheiten. — «Deutsches Archiv für klinische Medicin». 1874, Bd. 12. II. 3–4, S. 207–232. — «Медицинское обозрение», 1874, т. 1, апрель, с. 246–252.

Schultze F. Ueber die locale Einwirkung des Eises auf den thierischen Organismus. — «Deutsches Archiv für klinische Medicin», 1874, Bd. 13, H. 4–5, S. 500–511. — «Медицинское обозрение», 1874, т. 2, август — сентябрь, с. 160–162.

Schultze F. Ueber einige Fälle von Tetanie. — «Berliner klinische Wochenschrift», 1874, N 8, S. 85–87. — «Медицинское обозрение», 1874, т. 1, март, с. 132–134.

Sommerbrodt J. Beiträge zur Würdigung des Waldenburgschen pneumatischen Apparates. — «Berliner klinische Wochenschrift», 1874, N 31. S. 375–377. — «Медицинское обозрение», 1874, т. 2, август—сентябрь, с. 79–81.

Weil A. Ueber das Vorkommen des Milztumor bei frischer Syphilis. — «Centralblatt für die medicinischen Wissenschaften», 1874. N 12. S. 177–179. — «Медицинское обозрение», 1874, т. 1, март, с. 151–162.

Domanski S. Zur localen Therapie der Krankheiten der Atlmiung-sorgane. — «Berliner klinische Wochenschrift», 1875, N 1, S. 7–9. — «Медицинское обозрение», 1875, т. 3, январь, с. 22–23.

Haenisch F. Zur Wirksamkeit der pneumatischen Behandlungsmethode. — «Deutsches Archiv für klinische Medicin», 1874, Bd. 14, H. 5–6, S. 445–454. — «Медицинское обозрение», 1875, т. 3, январь, с. 17–20.

Landois L. Ueber die Erscheinungen im Thicrkörper nach Transfusion heterogenen Blutes und ihre physiologische Erklärung. Würdigung der Thierbluttransfusion beim Menschen. — «Centralblatt für die me-dicinischen Wissenschaften», 1875, N 1, S. 1–5. — «Медицинское обозрение», 1875, т. 3, январь, с. 44–47.

Laptschinsky M. Blutkörperchenzählungen bei einem Recurrens-kranken. — «Centralblatt für die medicinischen Wissenschaften», 1875, N 3, S. 36–39. — «Медицинское обозрение», 1875, т. 3, январь, с. 28–30.

Laptschinsky M. Nachtrag zu der Mittheitung: Ueber Blutkörperchenzählungen bei Febris recurrens. — «Centralblatt für die medicinischen Wissenschaften», 1875, N 6, S. 84–84. — «Медицинское обозрение», 1875, т. 3, январь, с. 28–30.

Seegen J. Der Diabetes mellitus auf Grundlage zahlreicher Beobachtungen dargestellt. 2-te Aufl. Berlin, A. Hirschwaid, 1875. XI, 335 S. — «Медицинское обозрение», 1875, т. 3, июнь, с. 453–460.

Setschenow J. Ueber die Absorption der Kohlensäure durch Lösungen von neutralem phosphorsaurem Natron. — «Centralblatt für die medicinischen Wissenschaften», 1875, N 1, S. 35–40. — «Медицинское обозрение», 1875, т. 3, май, с. 420–421.

Winternitz W. Ueber Wesen und Behandlung des Fiebers. — «Wiener Klinik», 1875, N 3, S. 101–126. — «Медицинское обозрение», 1875, т. 3, апрель, с. 338–344.

Winternitz W. Ueber Wesen und Behandlung des Fiebers. 2-er Vortrag. —«Wiener Klinik», 1875, N 9, S. 255–296. — «Медицинское обозрение», 1875, т. 4, сентябрь, с. 182–191.

Benedikt M. Ueber das Wesen und die Behandlung der Epilepsie. — «Wiener medizinische Presse», 1876, N 15, S. 493–496; N 16, S. 525–527; N 17, S. 568–571. — «Медицинское обозрение», 1876, т. 5. май, с. 373–380.

Krafft-Ebing R. Ueber epileptoide Dämmer- und Traumzustande. — «Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie und psychisch-gerichtliche Medicin», 1877, Bd. 33, H. 2, S. 111–125. — «Медицинское обозрение», 1876, т. 6, август, с. 107–111.

Rosenthal M. Ueber die neuesten und sichersten Ermittelungen des Scheintodes nach eigenen und fremden Untersuchungen. — «Wiener medizinische Presse», 1876, N 14, S. 461–464. — «Медицинское обозрение», 1876, т. 5, июнь, с. 528–530.

Weiss J. Die «epileptische Geistesstörung». — «Wiener medizinische Wochenschrift», 1876, N 17, S. 402–405; N 18, S. 423–426. — «Медицинское обозрение», 1876, т. 5, июнь, с. 455–460.

Charcot. Des pneumonokonioses. Lecons professees ä la faculte de mediane de Paris. — «Revue mensuelle de mediane et de Chirurgie», 1878, N 5, p. 369–386. — «Медицинское обозрение», 1878, т. 9, июнь, с. 751–756.

Cornillon J. Rapports des dyspepsies avec les maladies constitu-tionelles. — «1-e Progres Medical», 1878, N 21, p. 393–395; N 22, p. 416–418. — «Медицинское обозрение», 1878, т. 9, май, с. 596–598.

Landouzy L. De l'adipose tu tissu conjunetiz. Sous-cutane des membres atteints d'artrophie musculaire deuteropathixue, de son impor-tance clinique et physiologique. —«Revue mensuellc de medicine et de Chirurgie», 1878, N 1, p. 69–72. — «Медицинское обозрение», 1878, т. 10, июль, с. 69–72.

Magnan M. Localisations cerebrales dans la paralisie generale; lesions accidentelles (congestion et hemorrhagie corticales) surajoutees ä rencephalite chronique interstitielle diffuse. — «Revue mensuellc de medicine et de Chirurgie», 1878, N 1, p. 31–35. — «Медицинское обозрение», 1878, т. 9, июнь, с. 718–720.

Mierzejewski J. Considcrations anatomiques sur les cerveaux d'idi-ots. — Comptes rendus 5 Congres periodique international des sciences medicales. 1877. Gerleve, 1878, p. 642–651. — «Медицинское обозрение», 1878, т. 9, июнь, с. 713–718.

Oulmont P. De l'athetose. — «Revue mensuelle de medicine et de Chirurgie», 1878, N 2, p. 81–94. «Медицинское обозрение», 1878, т. 9, июнь, с. 720–725.

Raynaud M. Syphilide hypcrtrophique diffuse de la face. — «L'union medicale», 1878, N 64, p. 853–860. — «Медицинское обозрение», 1878, т. 9, июнь, с. 785–787.

ЛИТЕРАТУРА О ВИКТОРЕ ХРИСАНФОВИЧЕ КАНДИНСКОМ (БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ, ВОСПОМИНАНИЯ, НЕКРОЛОГИ)

Банщиков В. М. Роль и значение С. С. Корсакова в развитии отечественной психиатрии // Избранные произведения / С. С. Корсаков. М.: Медгиз, 1954. С. 621–688.

Виктор Хрисанфович Кандинский. Некролог // Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии. 1889. Вып. 1. С. 363–363. Библиогр.: Список научных работ В. Х. Кандинского — 6 назв.

Воробьев В. В. Повторительный курс по психиатрии. Составлен по лучшим руководствам, применительно к программам испытаний в комиссии. Киев: Тип. К. Н. Милевского, 1891, 113, II с.

Гиляровский В. А. Учение о галлюцинациях. М., изд. АМН СССР. 1949. 198 с. Библиогр.

Иванов Н. Кандинский Виктор Хрисанфович (1849–1889). — Большая медицинская энциклопедия. Изд. 2-е. М., 1959, т. 12, стб. 131–132. Библиогр. портр.

Иванов Н. В. Виктор Хрисанфович Кандинский (К столетию со дня рождения). 1849–1949. «Невропатология и психиатрия». 1949, т. 18, № 2. с. 8–13.

Иванов Н. В. Материалы к общей оценке научного творчества В. Х. Кандинского. (К 65-летию со дня смерти). — «Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», 1954, т. 54, вып. 9. с. 691–703. Библиогр. портр.

Кандинский. [Заметка биографического характера в разделе «Сибирская хроника». — «Восточное обозрение» (Иркутск), 1895, № 10. 22 января, с. 2–2.

Кандинский. Некролог. — «День» (СПб.), 1889, № 404, 21 июля (2 августа), с. 4–4.

Кандинский. (Некролог). — «Исторический вестник», 1889, т. 38, № 10, с. 240–240.

Кандинский. Некролог. — «Новое время», 1889, № 4808, 19 (31) июля, с. 2–2.

Кандинский Виктор Хрисанфович. Некролог. — «Всемирная иллюстрация», 1889, т. 42, № 4 (1070), с. 64–64.

Кандинский Виктор Хрисанфович (1849–1889). — Большая медицинская энциклопедия. М., 1930, т. 12, стб. 197–198. Портр.

Кандинский Виктор Хрисанфович (1849–1889). — Большая советская энциклопедия. Изд. 2-е. М., 1953, т. 20, с. 4–4.

Кандинский Виктор Хрисанфович. — Энциклопедический словарь Гранат, 7-е изд. Б. м. и г., т. 23, стб. 296–296.

Кандинский Виктор Хрисанфович (6 апр. 1849 — 3 июля 1889). — Биографический словарь деятелей естествознания и техники. М., «Большая советская энциклопедия», 1958, т. 1, стб. 392–392. Библиогр.

Кандинский Виктор Хрисанфович (1849 — 3 июля 1889). — В кн.: Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. СПб., тип. Академии наук, 1910, т. 2, с. 569–569. Библиогр.: Список работ о В. Х. Кандинском 9 назв. и отзывы па его работы.

Кандинский Виктор Хрисанфович. — В кн.: Змеев Л. Ф. Русские врачи-писатели. С 1863 г. СПб., 1888, тетрадь 4, с. 141–141.

Кандинский Виктор Хрисанфович. — В кн.: Языков Д. Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. М.: Университетская тип., 1905, вып. 9, с. 32–33. Библиогр.: Список работ В. Х. Кандинского и литературы о нем — 9 назв.

Каннабих Ю. История психиатрии. Предисл. П. Б. Ганнушкина. М.-Л.: Медгиз, 1929. 520 с. Библиогр.

Кербиков О. В. Острая шизофрения. М.: Медгиз, 1949. 179 с. Библиогр.

Ковалевский П. И. В. Х. Кандинский. [Некролог]. — «Архив психиатрии, нейрологии и судебной психопатологии», 1889, т. 14, № 1–2, с. 256–256.

Корсаков С. С. Письмо к М. Ф. Беккер от 23 августа 1887 года. — «Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», 1912, кн. 5–6, с. 810–811 [с. 810 о встрече с Кандинским в Мисхоре].

Кракиновская Е. М. Знаменательные даты по истории медицины и здравоохранения. [Виктор Хрисанфович Кандинский]. — В кн.: Календарь врача на 1969 год. М.: Медицина, 1968, с. 14–15. Портр.

Курашов С. В. По поводу письма А. Л. Эпштейна. — «Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», 1954, т. 54, № 1, с. 75–77.

Лебединский М. С. Теоретические взгляды В. Х. Кандинского. — В кн.: Вопросы психиатрии. Авторефераты научных работ Института психиатрии Министерства здравоохранения СССР (1945–1953 гг.). М., 1956, с. 444–445.

Луни Д. Р. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. М.: Медицина, 1966. 235 с. Библиогр.

Лунц Д. Р. Судебно-психиатрические взгляды В. Х. Кандинского. — В кн.: Проблемы судебной психиатрии. М.: Госюриздат, 1957, сб. 7, с. 17–29.

Мержеевский И. П. Сообщение о кончине действительного члена Общества В. Х. Кандинского. — Протоколы заседаний Общества психиатров в С.-Петербурге за 1889 год. — СПб., 1890, с. 25–25.

Морозов В. М. О современных направлениях в зарубежной психиатрии и их идейных истоках. Под ред. члена-корреспондента АМН СССР проф. А. В. Снежневского. М.: Медгиз, 1961. 268 с. Библиогр. [с. 48, 52–53 посвящены В. Х. Кандинскому].

Нечаев В. Памяти Селенгинского 1-й гильдии купца Николая Хрисанфовича Кандинского, скончавшегося в Москве 30 января 1863 года. — «Душеполезное чтение», 1863, часть 1, февраль, «Известия и заметки», с. 52–59.

О пожертвовании Обществу психиатров Елизаветой Карловной Кандинской библиотеки Виктора Хрисанфовича Кандинского. — Протоколы заседаний Общества психиатров в С.-Петербурге за 1889 год. СПб., 1890, с. 26–26.

Озерецковский Д. С. Научная деятельность В. Х. Кандинского. — В кн.: Вопросы клиники и лечения психических заболеваний. Л., 1965, с. 100–104.

Памяти В. Х. Кандинского (К изучению синдрома психического автоматизма). — Тезисы докладов на объединенной конференции Всероссийского научного медицинского общества невропатологов и психиатров и Астраханского общества невропатологов и психиатров. Астрахань, 1966. 67 с.

Панина А. Л., Рохлин Л. Л. Пояснения к воспоминаниям М. В. Сабашникова о В. Х. Кандинском». — «Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», 1975, т. 75, вып. 3, с. 439–443. Библиогр.

Петряев Е. Нерчинск. Очерки культуры прошлого. Чита: Кн. изд-во, 1959. 123 с.

Розенбах П. Кандинский Виктор Хрисанфович (1849–1889). — Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1895, т. 14, с. 284–284.

Рохлин Л. Л. В. Х. Кандинский как психолог. — «Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», 1972, т. 72, вып. 4, с. 584–594. Библиогр.

Рохлин Л. Л. Виктор Хрисанфович Кандинский (1849–1889). — «Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», 1974, т. 74, вып. 5, с. 764–768. Портр.

Рохлин Л. Л. Вступительная глава к книге «Критические и клинические соображения из области обманов чувств». В. Х. Кандинский. — «Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», 1971, т. 71, вып. 11, с. 1713–1718. Библиогр.

Рохлин Л. Л. Кандинский В. Х. (1849–1889). — В кн.: С. С. Корсаков. Избранные произведения. М.: Медгиз, 1954, с. 715–715.

Рохлин Л. Л. Клинические воззрения В. Х. Кандинского. — «Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», 1974, т. 74, вып. 4, с. 608–616. Библиогр.

Рохлин Л. Л. Некоторые новые данные о В. Х. Кандинском. (Материалы к составлению его научной биографии). — В кн.: Синдром психического автоматизма. М., 1969, с. 6–18.

Рохлин Л. Л. Очерки психиатрии. Под ред. проф. Д. Д. Федотова. М., 1967. 390 с. (Труды Московского научно-исследовательского института психиатрии Министерства здравоохранения РСФСР, том 48).

Рохлин Л. Л. Психопатологические воззрения В. Х. Кандинского. — «Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», 1971, т. 71, вып. 7, с. 1084–1089. Библиогр.

Рохлин Л. Л. Ранний период врачебной и научной деятельности В. Х. Кандинского. — «Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», 1972, т. 72, вып. 11, с. 1712–1715. Библиогр.

Рохлин Л. Л. Философские и психологические воззрения В. Х. Кандинского. — «Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», 1969, т. 69, вып. 5, с. 755–761. Библиогр. Портр.

Сабашников М. В. Воспоминания о В. Х. Кандинском. [Фрагмент]. — «Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», 1975, т. 75, вып. 3, с. 439–439.

Сербский В. Руководство к изучению душевных болезней. М.: Студенч. мед. издат. комиссия, 1906. 573 с.

Снежневский А. В. В. Х. Кандинский. Биографический очерк. Список научных работ В. Х. Кандинского. — В кн.: Кандинский В. Х. О псевдогаллюцинациях. М.: Медгиз, 1952, с. 147–168.

Судебная психиатрия. Руководство для врачей. Отв. ред. Ц. М. Фейнберг. М.: Медгиз, 1950. 516 с.

Судебная психиатрия. Под ред. Г. В. Морозова. М.: Медицина, 1965. 423 с.

Федотов Д. Д. Предисловие. — В кн.: Синдром психического автоматизма. М., 1969, с. 3–5.

Чиж В. Ф. Виктор Хрисанфович Кандинский [Некролог]. — «Медицинское обозрение», 1889, т. 32, № 14, с. 188–190.

Эрлицкий А. Ф. Клинические лекции по душевным болезням. СПб.: Изд. Н. Н. Петрова, 1896. 421, IV с. [с. 172–473 — проект классификации душевных болезней В. Х. Кандинского].

Юдин Т. И. Очерки истории отечественной психиатрии. Под ред. Б. Д. Петрова. М.: Медгиз, 1951. 480 с. Библиогр.

Rothe A. Dr. med. W. Ch. Kandynski. Necrolog. —«Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie und psychisch-gerichtliche Medicin», 1890, Bd. 46, H. 4, S. 550–551.

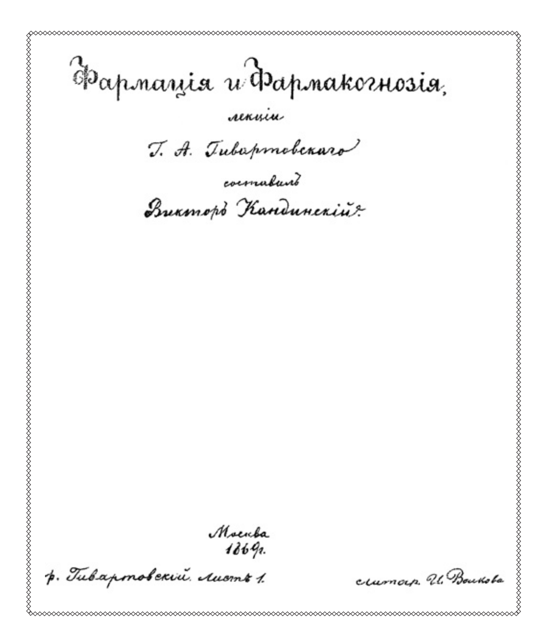
ДОПОЛНЕНИЯ К БИБЛИОГРАФИЧЕСКОМУ УКАЗАТЕЛЮ РАБОТ ВИКТОРА ХРИСАНФОВИЧА КАНДИНСКОГО И ЛИТЕРАТУРЫ О НЕМ [1]

Труды В. Х. Кандинского:

Гивартовский Г. А. Фармация и фармакогнозия: Лекции Г. А. Гивартовского / Сост. Виктор Кандинский. — М.: Лит. И. Волкова, 1869. — 191 с. (Написано от руки. Литогр.) [2]

[1] Составлены ред.

[2] Находится в фондах Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург.

Фармація и Фармакогнозія,
лекціи
Г. А. Гивартовскаго
составилъ
Викторъ Кандинскій.
Москва
1869г.
ф. Гивартовскій. Листъ 1.
литогр. И. Волкова

Переиздания трудов В. Х. Кандинского:

Кандинский В. Х. О псевдогаллюцинациях (последняя глава монографии с приложением, опущенным А. В. Снежневский в ее переиздании 1952 г.) // Независимый психиатрический журнал. — 2005. — № 1. — С. 7–10.

Кандинский В. Х. О псевдогаллюцинациях. (Раритеты медицинской литературы). — СПб.: Фонд «Содружество», 2001. — 222 с.[3]

Кандинский В. Х. О псевдогаллюцинациях (Библиотека медицинской классики. Психиатрия). — М.: Мед. кн.; Н. Новгород: НГМА, 2001. — 155 с.[4]

Кандинский В. Х. О псевдогаллюцинациях (Библиотека медицинской классики. Психиатрия). — М.: Мед. кн., 2007. — 155 с.[5]

Литература о В. Х. Кандинском

Гулямов М.Г. Синдром психического автоматизма (в рамках различных форм психических заболеваний). Клинико-психопатологическое исследование. [под ред. Н.И. Фелинской].— Душанбе: Изд. АН Таджик. ССР, 1965. — 206 с.

Гулямов М.Г. Диагностическое и прогностическое значение синдрома Кандинского. [труды Таджикского государственного медицинского института им. Абуали ибни Сино, том 96] — Душанбе: «ИРФОН», 1968. — 272 с.

Гулямов М.Г. Диагностическое и прогностическое значение синдрома Кандинского. — Душанбе: ИРФОН, 1972. — 215 с.

Рохлин Л.Л. Жизнь и творчество выдающегося русского психиатра В.Х. Кандинского. — М.: Медицина, 1975. 296 с.

---

[3] Переиздание монографии, отредактированной А. В. Снежневским в 1952 году.

[4] Переиздание монографии с оригинальной публикации 1890 года.

[5] Переиздание монографии с оригинальной публикации 1890 года.

Рохлин Л.Л. Выдающиеся отечественные психиатры второй половины XIX столетия в борьбе за материализм // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. — 1977. — Т. 77, вып. 3. — С. 440–447.

Ануфриев А.К. Психический автоматизм и синдром Кандинского—Клерамбо (спорные вопросы феноменологии и психопатологии) // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. — 1979. — Т. 79, вып. 9. — С. 1397–1405.

Кандинский, Виктор Хрисанфович // Блейхер В.М. Эпонимический словарь псхиатрических терминов. — Киев: Вища школа, 1980. — С. 193–194[6].

Рыбальский М.И. Иллюзии и галлюцинации: систематика, семиотика, нозологическая принадлежность. — Баку: Маариф, 1983. — 304 с.

Рыбальский М.И. Иллюзии, галлюцинации, псевдогаллюцинации: систематика, семиотика, нозологическая принадлежность. — М.: Медицина, 1989. — 366 с.

Бараев В.В. Древо: декабристы и семейство Кандинских. — М.: Политиздат, 1991. — 270 с.

Первомайский В.Б. К 100-летию книги В.Х. Кандинского «К вопросу о невменяемости» // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. — 1991. — Т. 91, вып. 9. — С. 71–74.

Кандинского—Клерамбо синдром // Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов7 / Под ред. С.Н. Бокова. — Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1995. — С. 234.

Кандинского симптом // Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов / Под ред. С.Н. Бокова. — Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1995. — С. 234.

Koupernik C. From Kandinsky to Clerambault. Value of eponyms // Ann. Med. Psychol. (Paris). 1996 May; 154(2): 123-5; discussion 126.

Первомайский В.Б. Невменяемость. — Киев, 2000. — 320 с.

Первомайский В.Б. К 100-летию книги В. Х. Кандинского «К вопросу о невменяемости» // Первомайский В.Б. Судебно-психиатрическая экспертиза: статьи (1989—1999). — Киев: Сфера, 2001. — С. 33–43.

Lerner V., Kaptsan A., Witztum E. The misidentification of Clerambault's and Kandinsky—Clerambault's syndromes. // Canadian Journal of Psychiatry. — 2001 Jun; 46(5): p. 441–443.

Илейко В.Р., Первомайский В.Б. «Дееспособность», «недееспособность» — теоретический анализ понятий // Архів психіатрії. — 2001. — № 1–2. — С. 33–36.

Lerner V., Kaptsan A., Witztum E. Kandinsky—Clerambault's Syndrome: Concept of use for Western psychiatry // The Israel Journal of Psychiatry and Related Sciences. — January, 2003. — Vol. 40, №1: p. 40–46.

Lerner V., Witztum E., Dening T. Victor Kandinsky, MD: Psychiatrist, Researcher and Patient // History of Psychiatry. — March 2003; vol. 14, 1: p. 103–111.

---

[6] Там же: Кандинского идеофрения (с. 79), Кандинского псевдогаллюцинации (с. 79–80) и Кандинского—Клерабмо синдром (с. 80).

[7] Переиздано: Блейхер В. М., Крук И. В. Толковый словарь психиатрических терминов: Ок. 3000 терминов: [В 2 т.] / Под ред. С. Н. Бокова. — Доп. и перераб. — Ростов н/Д: Феникс, 1996. — Т. 1 (А–М). — 476 с.

Рохлин Л. Л. Жизнь и творчество выдающегося русского психиатра В.Х. Кандинского. — М., 2004. — 288 с.[8]

Шойфет М.С. Сто великих врачей. — М.: Вече, 2004. — 525 с.[9]

Савенко Ю.С. 120 лет классической книге отечественной психиатрии // Независимый психиатрический журнал. — 2005. — № 1. — С. 5–6.

Илейко В.Р., Первомайский В.Б. «Дееспособность», «недееспособность» — теоретический анализ понятий // Первомайский В.Б., Илейко В.Р. Судебно-психиатрическая экспертиза: от теории к практике. — Киев: КИТ, 2006. — С. 235–241.

Tadeusz Nasierowski: Historia schizofrenii — casus Kandinskiego. W: Schizofrenia. Różne konteksty, różne terapie. T. 4. Jacek Bomba, Maria Rostworowska, Łukasz Müldner-Nieckowski. Biblioteka Psychiatrii Polskiej, Kraków, 2006. — S. 25–39.

Lerner V., Witztum E. Victor Kandinsky, M.D., 1849—1889 // The American Journal of Psychiatry. — 2006. — Vol. 163, № 2. — P. 209–209.

Пантелеева Г.П. Виктор Хрисанфович Кандинский // Психиатрия. — 2010. — № 1. — С. 86–88.

Лернер В., Витцтум Э. Гений и безумие. Очерки по исследованию взаимосвязей между психопатологией и творчеством на примере отдельных творческих личностей России XIX века. — М.: Медиа Медика, 2012. — 236 с.

Кандинский Виктор Хрисанфович // Русские и российские психиатры, невропатологи и психотерапевты / Сост. А. Е. Архангельский. — СПб.: Алетейя, 2011. — С. 92–93.

Lerner V., Margolin J., Witztum E. Victor Kandinsky (1849–89): a pioneer of modern Russian forensic psychiatry // History of Psychiatry. — June 2012; vol. 23, 2. — P. 216–228.

[8] Стереотипное переиздание монографии 1975 года с добавлением биографического очерка о Л. Л. Рохлине.

[9] Стереотипные переиздания в 2005, 2008, 2011 годах.

Содержание